ТРУДЫ

ЭТНОГРАФИЧЕСКО-СТАТИСТИЧЕСКОЙ ЭКСПЕДИЦІИ

ВЪ

ЗАПАДНО-РУССКІЙ КРАЙ

СНАРЯЖЕННОЙ

ИМПЕРАТОРСКИМЪ РУССКИМЪ ГЕОГРАФИЧЕСКИМЪ ОБЩЕСТВОМЪ

ЮГО-ЗАПАДНЫЙ ОТДѢЛЪ

МАТЕРІАЛЫ И ИЗСЛѢДОВАНІЯ

СОБРАННЫЯ

д. чл. П. П. ЧУБИНСКИМЪ

ТОМЪ СЕДЬМОЙ

съ тремя картами

ИЗДАННЫЙ ПОДЪ НАБЛЮДЕНІЕМЪ

Ч.Л.-СОТР. П. А. ГИЛЬТЕБРАНДТА

С.-ПЕТЕРБУРГЪ

1872

Напечатано по распоряженію Императорскаго Русскаго Географическаго Общества.

Типографія К. В. Трубникова. Литейная, д. № 42.

ТОМЪ СЕДЬМОЙ

ЕВРЕИ. — ПОЛЯКИ. — ПЛЕМЕНА НЕМАЛОРУССКАГО ПРОИСХОЖДЕНІЯ.

МАЛОРУССЫ (СТАТИСТИКА, СЕЛЬСКІЙ БЫТЪ, ЯЗЫКЪ).

При изслѣдованіи Юго-Западнаго края, я поставилъ себѣ цѣлью собрать возможно больше этнографическихъ и статистическихъ матеріаловъ о евреяхъ. Что касается этнографіи евреевъ, то она у насъ крайне бѣдна: кромѣ этнографическаго очерка Берлина, напечатаннаго Географическимъ Обществомъ, и кромѣ замѣчательнаго труда Брафмана „Книга кагала", почти ничего нѣтъ по этнографіи евреевъ. Но статья г. Берлина, во-первыхъ, преимущественно касается евреевъ Сѣверо-Западнаго края, а во-вторыхъ, весьма неполна, что вполнѣ естественно, такъ какъ это былъ первый систематическій трудъ по этнографіи евреевъ. Что касается до труда г. Брафмана, то это трудъ, главнѣйшимъ образомъ, историческій, хотя въ немъ много и этнографическихъ данныхъ; но мы позволимъ себѣ замѣтить, что г. Брафманъ не рельефно провелъ черту между прошедшимъ и настоящимъ, въ особенности, говоря о кагалахъ и о еврейскомъ судѣ. Въ настоящее время кагалы далеко не имѣютъ того значенія, какое они пріобрѣли во время владычества Польши въ Сѣверо-Западномъ краѣ. Въ Юго-Западномъ краѣ кагалы не получили такого развитія, какъ въ Сѣверо-Западномъ. Здѣсь, во время владычества Польши, евреи встрѣтили могущественнаго врага въ козачествѣ. Во время козацкихъ войнъ и гайдамачины, они подвергались сильнымъ гоненіямъ и массы ихъ были истреблены. Вѣроятно вслѣдствіе непрочности своего положенія, они не успѣли упрочить своего внутренняго самоуправленія. Затѣмъ въ Юго-Западномъ краѣ появились цадики, вліяніе которыхъ все болѣе и болѣе разросталось, и они явились могущественными повелителями еврейскихъ массъ. Имѣя въ виду составленіе болѣе подробнаго этнографическаго очерка, я обратился къ М. Е. Полинковскому, какъ къ человѣку развитому и чуждому фанатизма, свойственнаго невѣжественнымъ евреямъ. Г. Полинковскій сдѣлалъ дополненія и замѣчанія къ сочиненіямъ Берлина и Брафмана и подробно описалъ сватьбу, похороны, родины, а равно сдѣлалъ подробную

характеристику евреевъ, занимающихся разными профессіями. Такимъ образомъ, явилась возможность сдѣлать довольно полный этнографическій очеркъ евреевъ. Независимо отъ этого г. Полинковскій составилъ, по программѣ, изданной Императорскимъ Русскимъ Географическимъ Обществомъ, очеркъ юридическихъ обычаевъ, существующихъ у евреевъ. Что касается до статистики евреевъ, то, кромѣ наблюденій, сдѣланныхъ нами во время поѣздокъ по краю и постоянныхъ сношеній съ евреями, мы имѣли еще слѣдующія данныя:

1) Доставленныя полиціями свѣдѣнія о числѣ евреевъ по каждому населенному мѣсту отдѣльно, о числѣ лавокъ, фабрикъ, заводовъ, имѣній, находящихся у евреевъ, о числѣ ремесленниковъ, шинкарей и проч.

2) Извлеченія изъ актовыхъ книгъ, маклеровъ, уѣздныхъ судовъ и палатъ объ имѣніяхъ, отданныхъ въ аренду евреямъ.

3) Свѣдѣнія акцизныхъ управленій о винокуреніи и питейной торговлѣ.

4) Свѣдѣнія таможень Юго-Западнаго края о вывозной торговлѣ.

5) Статистическія таблицы о населеніи и списки населенныхъ мѣстъ — отъ губернскихъ статистическихъ комитетовъ.

6) Изслѣдованія г. Янсона о хлѣбной торговлѣ и Аксакова—объ украинскихъ ярмаркахъ.

7) Статистика одного мѣстечка по даннымъ, собраннымъ М. Е. Полинковскимъ.

При нашемъ изслѣдованіи прилагается карта европейскаго населенія Юго-Западнаго края.

Далѣе—слѣдуетъ этнографическо-статистическій очеркъ Поляковъ (съ картою) и другихъ племенъ немалорусскаго происхожденія.

Второй выпускъ седьмого тома посвященъ малоруссамъ (статистика, сельскій бытъ, языкъ); къ очерку малорусскаго нарѣчія съ его разновидностями приложена карта.

П. Чубинскій.

Городищенскій сахарный заводъ
23 марта 1871 года.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ЕВРЕИ ЮГО-ЗАПАДНАГО КРАЯ

ВВЕДЕНІЕ.

Въ числѣ вопросовъ, имѣющихъ государственное значеніе, врядъ-ли есть вопросъ болѣе серьезный и требующій настоятельнаго разрѣшенія, какъ вопросъ еврейскій.

Евреи представляютъ собою status in statu, евреи — это отдѣльное племя, отдѣльный языкъ, отдѣльная религія, отдѣльный экономическій элементъ, отдѣльная община какъ въ административномъ, такъ и въ гражданскомъ отношеніи.

Большей солидарности и большей замкнутости какъ у евреевъ — трудно встрѣтить.

Ни какая каста древности, ни какой цехъ или корпорація среднихъ вѣковъ не представляютъ собою такой замкнутости. Касты и цехи выдѣлились изъ того же племени, изъ того же народа. Стѣна между ними и остальнымъ обществомъ хотя была и крѣпка, но — не такъ, какъ та, которая разобщаетъ евреевъ отъ прочаго населенія.

Наше правительство уже около столѣтія стремится къ сліянію евреевъ съ остальною массою народонаселенія — къ сліянію въ сферѣ гражданственности — но, къ сожалѣнію, всѣ его попытки не привели къ желаннымъ послѣдствіямъ и, до послѣдняго царствованія, приводили къ противоположнымъ результатамъ.

Для евреевъ былъ закрытъ путь въ великорусскія губерніи, и они, при свойственной имъ плодовитости, переполнили губерніи ихъ постояннаго жительства, что не могло не отразиться какъ на интересахъ остальнаго населенія, такъ и на экономическомъ и нравственномъ бытѣ евреевъ.

Отстраненіе евреевъ отъ землевладѣнія—привело ихъ къ исключительно коммерческимъ занятіямъ, а многочисленность дала неблаговидное направленіе ихъ дѣятельности. Попытка — составить въ средѣ евреевъ классъ хлѣбопашцевъ —не удалась, правительство желало ихъ привлечь къ хлѣбопашеству путемъ льготъ, изъ которыхъ льгота отъ рекрутской повинности въ особенности была пріятна евреямъ,—они вступали въ составъ хлѣбопашцевъ—не для хлѣбопашества, а для льготъ.

Преслѣдованіе пейсовъ и ермолокъ—считалось евреями посягательствомъ на ихъ религіозные обычаи и привычки.

Перемежавшіяся запрещенія жить въ селахъ, частыя изгнанія ихъ оттуда и окупъ, который они платили изгонявшимъ чиновникамъ за отступленіе отъ запрещенія, напоминали имъ времена гоненій. Этимъ пользовались фанатики для того, чтобы поселить въ евреяхъ непріязненныя чувства къ правительству.

Уклоненіе евреевъ отъ рекрутской повинности вызвало крайне суровыя распоряженія и усиленные съ евреевъ наборы рекрутъ, а также забираніе дѣтей въ кантонисты. Эти мѣры, въ особенности послѣдняя, крайне раздражали евреевъ. Отнятіе дѣтей отъ матерей, мужей отъ семейства—дѣйствительно поражало евреевъ чувствительно.

Трусливые по природѣ, имѣющіе отвращеніе къ крови а слѣдовательно къ войнѣ—съ одной стороны, движимые стремленіемъ къ увеличенію племени Израиля—съ другой, они не могли сочувствовать рекрутской повинности, а большая суровость ея по отношенію къ евреямъ вызвала въ нихъ враждебныя чувства, которыя еще болѣе разжигались пламенными фанатиками, со скрежетомъ зубовъ говорившими о гоненіяхъ и проклинавшими гонителей.

Стремленіе правительства повліять на евреевъ посредствомъ образованныхъ раввиновъ и еврейскія училища — тоже не привели къ цѣли. То и другое, какъ созданія правительства, какъ казенныя учрежденія—остались для евреевъ чуждыми.

Однимъ словомъ: положительно всѣ мѣры приводили къ противоположнымъ результатамъ и, надо сознаться, противорѣчили началамъ вѣротерпимости и гражданской равноправности.

Нынѣшнее царствованіе по отношенію къ евреямъ отличается тѣмъ гуманнымъ направленіемъ, которымъ проникнуты всѣ великія реформы, его ознаменовавшія. Прекратились изгнанія евреевъ изъ селъ, прекратились пре-

слѣдованія пейсовъ и ермолокъ; относительно рекрутской повинности евреи-мѣщане не только сравнены съ прочими податными сословіями, но, благодаря законамъ о замѣстителяхъ, своей солидарности и денежнымъ средствамъ, — съумѣли отдѣлываться квитанціями и наемщиками изъ христіанъ.

Затѣмъ—разрѣшеніе дѣятельности въ великорусскихъ губерніяхъ, хотя и ограниченное, расширеніе сферы дѣятельности, возникшее вслѣдствіе крестьянской реформы,—все это, вмѣстѣ взятое, благотворно повліяло на евреевъ.

Закоренѣлые люди изъ состоятельнаго класса стали учить дѣтей русскому языку. Замѣчается болѣе сближенія съ прочимъ населеніемъ. Уже многіе носятъ костюмъ обще-европейскій. Но тѣмъ не менѣе еврейская масса въ западныхъ губерніяхъ представляетъ собою—чуждый обще-гражданской жизни элементъ. Она—невѣжественна, фанатична и деморализована: всему, конечно, виновата исторія.

Гоненія и презрѣніе сдѣлали изъ евреевъ фанатиковъ, породили солидарность и замкнутость.

Ограниченіе правъ въ проявленіи экономической дѣятельности и ограниченность территоріи ихъ жительства — породили обманъ, льстивость и проч.

Оторванность отъ земли, бродячая жизнь отъучили отъ тяжелаго, но честнаго труда и развили стремленіе къ легкой наживѣ.

Торговля,—какъ дающая деньги, единственное оружіе и сила для еврея,—сдѣлалась не только необходимымъ, но и любимымъ занятіемъ, что̀, въ то же время, легко объясняется воспріимчивостью и живостью характера евреевъ.

Нелюбовь къ труду и склонность къ обману, это—два наиболѣе сильныхъ, порожденныхъ исторіей, недуга евреевъ.

Болѣе благомыслящіе евреи видятъ эти недуги и скорбятъ объ нихъ.

Но какъ уврачевать эти недуги, отъ которыхъ страдаютъ евреи, а еще болѣе страдаетъ эксплуатируемое ими населеніе?

Какъ достигнуть того, чтобы евреи сдѣлались вполнѣ русскими гражданами, сохраняя свою религію?

Думаютъ, что немедленное дарованіе евреямъ полной равноправности во всѣхъ сферахъ дѣятельности—достигнетъ вышеуказанной цѣли. Мы полагаемъ, что конечно цѣль достиглась бы,—но достиженіе ея ознаменовалось бы печальными послѣдствіями.

Сильные солидарностью и денежными средствами, они окончательно подавили бы въ западномъ краѣ туземное населеніе. Масса поземельной собствен-

ности тотчасъ перейдетъ въ ихъ руки. Они прочно осядутъ въ краѣ, съ которымъ свыклись, и то вредное явленіе, которое представляетъ собою еврейство—какъ масса посредниковъ—узаконится навсегда.

Не подлежитъ сомнѣнію, что чѣмъ меньше масса евреевъ на извѣстной территоріи, тѣмъ они легче могутъ слиться съ остальнымъ населеніемъ въ сферѣ обще-гражданской жизни. Потому, по отношенію къ евреямъ, необходима извѣстная постепенность въ мѣропріятіяхъ, о чемъ подробнѣе мы поговоримъ въ нашемъ заключеніи.

Еврейскій вопросъ рѣдко обсуждается безъ раздраженія. Какъ въ русской, такъ и въ еврейской литературѣ, передовые евреи, возмущаясь тѣмъ, что многіе публицисты указываютъ на дурныя стороны быта и дѣятельности евреевъ и вызываютъ недовѣріе къ евреямъ,—впадаютъ въ раздраженіе, игнорируютъ или стушовываютъ эти дурныя явленія и заявляютъ, что эти дурныя явленія исчезнутъ вмѣстѣ съ признаніемъ совершенной равноправности евреевъ.

Передовые евреи-публицисты, помня гоненія противъ евреевъ, приписываютъ всѣ дурныя послѣдствія этимъ гоненіямъ. Это, конечно, справедливо,—но не надо забывать, что презрѣніе, преслѣдованія и ограниченіе правъ—были причиною деморализаціи еврейской массы, а деморализація врядъ-ли исчезнетъ съ провозглашеніемъ равноправности. Здѣсь нужно перевоспитаніе, которое возможно только при разрѣженіи массы, когда евреи будутъ такъ скучены, когда фанатизмъ и невѣжество массъ не будутъ такъ сильно тяготѣть надъ личностью евреевъ.

Нѣкоторые русскіе публицисты, ссылаясь на то, что въ другихъ государствахъ евреи, подъ вліяніемъ равноправности, сдѣлались вполнѣ гражданами, потерявъ свою замкнутость и исключительность,—указываютъ на необходимость полной равноправности евреевъ и у насъ.

Мы видѣли евреевъ въ Галиціи, гдѣ они пользуются равноправностію и не находимъ, чтобы они слишкомъ отличались отъ нашихъ. Въ Галиціи евреи такъ же скучены, какъ и у насъ, и потому нужно слишкомъ много времени, чтобы они утратили свою исключительность.

Еще разъ повторяемъ, что слѣдуетъ стремиться къ полной равноправности евреевъ,—но въ этомъ должна быть извѣстная постепенность.

Нельзя пренебрегать интересами христіанскаго рабочаго населенія, эксплуатируемаго евреями. Получивъ въ данное время всѣ права, евреи подавятъ крестьянина, и онъ, освобожденный отъ юридическаго рабства, попадетъ въ рабство экономическое.

Не надо забывать тѣхъ враждебныхъ чувствъ, съ которыми населеніе относится къ евреямъ.

Не надо забывать тѣхъ печальныхъ явленій народной мести, которыя ознаменовали собою вторую половину прошлаго столѣтія.

Не надо забывать, что гонимый еврей дѣйствовалъ вмѣстѣ съ паномъ по отношенію къ крестьянину.

Не надо забывать, что крестьянинъ еще первое десятилѣтіе пользуется свободой,—а цѣлые вѣка испытывалъ гораздо большія бѣдствія, чѣмъ евреи.

Мы думаемъ, что въ интересахъ будущности какъ самихъ евреевъ, такъ и остальнаго населенія—необходимо спокойное обсужденіе еврейскаго вопроса.

Сознавая его важность, мы считали долгомъ, при изслѣдованіи юго-западнаго края собрать возможно болѣе матеріаловъ, какъ этнографическихъ такъ и статистическихъ; и въ заключеніи позволили себѣ высказать свои соображенія о тѣхъ мѣропріятіяхъ, какія могли бы привести къ полезнымъ результатамъ.

Разъясненіе быта, дѣятельности и значенія евреевъ въ краѣ даетъ возможность придти къ болѣе правильному заключенію о тѣхъ мѣрахъ, которыя вызываются еврейскимъ вопросомъ.

Здѣсь не лишнимъ будетъ привести нѣсколько словъ изъ сочиненій гг. Леонтовича и Антоновича о прошедшемъ евреевъ въ этомъ краѣ.

Г. Антоновичъ въ сочиненіи своемъ—„Изслѣдованіе о городахъ въ юго-западной Россіи по актамъ 1432—1798“, говоритъ: „Замѣчательно то явленіе, что евреи не только не пользовались покровительствомъ со стороны правительства и владѣльцевъ городовъ, но, напротивъ того, всегда исключались изъ пользованія льготами, предоставляемыми мѣщанамъ-христіанамъ, а иногда даже подвергались особеннымъ стѣснительнымъ мѣрамъ со стороны властей. Такъ, королевскою грамотою 1619 года, запрещено имъ было пріобрѣтать осѣдлость, или заниматься торговлею въ Кіевѣ, подъ опасеніемъ конфискаціи какъ домовъ, ими купленныхъ, такъ и привезеннаго для продажи товара; далѣе, тою же грамотою, имъ воспрещалось останавливаться въ городѣ болѣе одного дня и внѣ особеннаго указаннаго для нихъ подворія. Въ Каменцѣ и его окрестности, на разстояніи 3 миль, евреямъ также воспрещено было селиться или вести какую бы то ни было торговлю, и запрещеніе это возобновлялось королями и сеймами 6 разъ разновременно, сопровождаясь конфискаціею домовъ и имущества, насильнымъ изгнаніемъ изъ города въ 24 часа и разрушеніемъ синагоги. Въ Кременцѣ евреи лишены были права заниматься производствомъ вина, пива, меду и т. д., равно какъ и торговать этими напитками. Въ Ковнѣ они имѣли право селиться только

на одной, отведенной для нихъ, улицѣ, и за то обязаны были, наравнѣ съ Дубномъ и большею частью другихъ Волынскихъ городовъ, уплачивать $^2/_3$ денежныхъ налоговъ, взимаемыхъ со всего города, и притомъ нести наравнѣ съ христіанами всѣ замковыя натуральныя повинности. Помимо этихъ мѣстныхъ стѣсненій, отъ времени до времени, сеймовыя постановленія старались провести общія мѣры, стѣснительныя для евреевъ: сеймы постановляли то взимать съ нихъ подать въ двойномъ количествѣ противъ той, которую платили христіанскія податныя сословія, то облагали ихъ единовременными подушными налогами, то, подъ угрозою смертной казни, воспрещали евреямъ торговать лошадьми, то требовали, чтобы они сдавали въ монетный дворъ по низкой цѣнѣ принадлежавшее имъ серебро, то заставляли ихъ испрашивать или покупать у католическихъ епископовъ право на постройку синагогъ, то запрещали, подъ опасеніемъ штрафа, держать прислугу изъ христіанъ, продавать съѣстные припасы, ходить вмѣстѣ съ христіанами въ баню и т. п.

„Не смотря однако на всѣ исчисленныя постановленія, евреи оказались въ гораздо болѣе выгодномъ экономическомъ положеніи, чѣмъ покровительствуемые правительствомъ городскіе обыватели христіане; они успѣли завладѣть всѣми почти промыслами и торговыми предпріятіями, оттѣснили на задній планъ и заставили ихъ по большей части обратиться къ земледѣльческимъ занятіямъ, оставивъ всякую попытку соперничать съ еврейскимъ народонаселеніемъ въ торговой и промышленной дѣятельности. Всѣ города южно-русскіе безпрестанно жалуются, наперерывъ одинъ передъ другимъ, на то, что евреи, не взирая на постановленія, стѣснявшія и ограничившія ихъ, захватываютъ всю торговлю и промыслы въ свои руки и вытѣсняютъ совершенно христіанъ изъ рынковъ. Такъ, въ 1647 году, Львовскіе мѣщане жаловались на сеймѣ, черезъ посредство епископа, что евреи захватили всю городскую торговлю, и поставили мѣщанъ въ невозможность не только обеспечивать собственное благосостояніе, но и уплачивать государственныя и городскія повинности. О томъ же безпрестанно приносятъ жалобы жители Каменца, Кіева, Ковля, Винницы, Кременца, Хмѣльника, Дубна и т. д.

„Это экономическое преобладаніе евреевъ, не смотря на исключеніе ихъ изъ пользованія льготами, пожалованными правительствомъ христіанскимъ обывателямъ городовъ, и на стѣсненіе ихъ особыми сеймовыми постановленіями, объясняется слѣдующими причинами: 1) евреи въ польскихъ и южно-русскихъ городахъ обладаютъ гораздо болѣе значительною степенью экономическаго развитія, чѣмъ туземные мѣщане, они прочно сознаютъ пользу солидарности въ дѣйствіяхъ и пользу ассоціаціи въ промышленныхъ предпріятіяхъ; они знаютъ все неопредолимое значеніе капитала и успѣваютъ всегда

составить его путемъ ассоціаціи и кредита. 2) Евреи имѣютъ полную свободу и возможность удержать и организировать отдѣльное свое самоуправленіе и сплотить еще болѣе на его основаніи ту солидарность, которая и безъ того сильно была у нихъ развита вслѣдствіе единства происхожденія и вѣры. 3) Наконецъ, евреи сознаютъ себя постоянно племенемъ пришлымъ, чуждымъ мѣстному народонаселенію и его интересамъ; они не считаютъ себя обязанными къ соблюденію въ отношеніи къ туземцамъ тѣхъ нравственныхъ правилъ, которыя они соблюдаютъ въ сношеніяхъ между собою; они считаютъ себя въ непріятельской землѣ, но, какъ слабѣйшіе, избѣгаютъ открытой борьбы, и, пользуясь единственнымъ оружіемъ, въ которомъ они сознаютъ свое превосходство—экономическимъ своимъ развитіемъ,—они изучаютъ всѣ слабыя стороны развитія и общественнаго строя туземцевъ, эксплуатируютъ ихъ въ свою пользу и, такимъ образомъ, подавляютъ на его собственной территоріи гораздо болѣе многочисленное и болѣе полноправное туземное населеніе.

„Пересматривая историческіе акты, мы замѣчаемъ въ дѣйствіяхъ евреевъ всѣ вышеуказанныя черты: исключенные повсемѣстно изъ участія въ городскомъ самоуправленіи по Магдебурскому праву, они находятся непосредственно подъ властью воеводы, но воевода обыкновенно бывалъ въ отсутствіи, и потому власть его перешла къ особому чиновнику его намѣстнику (подвоеводію). Послѣдній смотрѣлъ на свою должность какъ на обильный источникъ доходовъ и ограничивался судомъ надъ евреями въ дѣлахъ уголовныхъ и надзоромъ надъ употребляемыми ими въ торговлѣ мѣрами и вѣсами, внутреннее же устройство еврейскихъ общинъ, раскладка и сборъ податей, судъ по гражданскимъ дѣламъ—были предоставлены имъ самимъ. Такимъ образомъ евреи успѣли организовать самостоятельное свое управленіе, избѣгнуть тѣхъ поборовъ, стѣсненій и разрозненности, которые были слѣдствіемъ неравномѣрно распредѣленнаго и сильно ограниченнаго устройства городовъ по Магдебургскому праву; напротивъ того, они сплотились, составили вполнѣ солидарную, признанную закономъ корпорацію, съ которою не была въ состояніи бороться ни одна, взятая порознь, городская община. Устройство, выработанное евреями состояло въ слѣдующемъ: каждый разъ городъ, заключавшій въ себѣ болѣе значительное еврейское народонаселеніе, составлялъ отдѣльный *кагалъ*; онъ подлежалъ суду и управленію коллегіи, состоявшей изъ выборныхъ лицъ, называемыхъ „старшіе жидовскіе, кагальные, судіи, школьники“, подъ предсѣдательствомъ рабина; послѣдняго утверждалъ въ должности замковый урядъ или владѣлецъ города, получая конечно за утвержденіе извѣстную сумму денегъ; всѣ евреи, населявшіе болѣе мелкіе города, составляли *при-кагалки*, зависѣвшіе отъ главнаго кагала; наконецъ евреи, разсѣянные по селамъ, были также приписаны въ число членовъ

ближайшихъ кагаловъ. Кагальные судьи судили и управляли по талмуду и по обычаямъ и преданіямъ еврейскимъ, и потому пользовались неограниченнымъ довѣріемъ со стороны еврейскаго народонаселенія; въ актахъ мы не встрѣчаемъ случая, чтобы евреи аппелировали отъ кагальнаго суда къ суду подвоеводы. Для принятія общихъ мѣръ, для раскладки податей и т. п. депутаты отъ кагаловъ съѣзжались ежегодно въ каждомъ воеводствѣ, поочередно въ кагальные города, составляли такъ называемые „жидовскіе сеймики", издавали на нихъ постановленія, обязательныя для всѣхъ евреевъ воеводства, и избирали особенное должностное лице — генеральнаго жидовскаго писаря воеводства, который завѣдывалъ сборомъ податей и сносился съ коронным подскарбіемъ. Короли и сеймы, находя эти учрежденія выгодными въ финансовомъ отношеніи, подтверждали грамотами и постановленіями кагальное устройство и даже старались о поддержаніи и возстановленіи ихъ въ случаѣ, если устройство это временно было нарушено внѣшними событіями: войнами, бѣгствомъ евреевъ во время козацкихъ возстаній и т. п. Обезпечивъ себѣ, такимъ образомъ, внутреннее самоуправленіе и судъ по собственнымъ обычаямъ, находя въ такомъ устройствѣ полную гарантію солидарности и кредита, опираясь на превосходство экономическаго развитія и капитала,—евреи смѣло выдерживали борьбу съ городскими общинами, подавили окончательно послѣднія; они пользовались безурядицею и неопредѣленностію положенія городовъ, упадкомъ ихъ благосостоянія, преобладаніемъ шляхетскаго сословія и старостинской власти и всѣ эти обстоятельства обращали въ свою пользу. Входя въ денежныя сдѣлки со старостами, они селились въ городахъ, изъ которыхъ были исключены сеймовыми конституціями, торговали товарами, недозволенными имъ по закону, брали на откупъ отъ старостъ и даже отъ магистратовъ сборъ городскихъ доходовъ и, подъ его видомъ, облагали поборами промыслы горожанъ; въ качествѣ откупщиковъ королевскаго мыта, захватили въ свои руки надзоръ за внутреннею и заграничною торговлею всего края; селились въ городахъ на земляхъ, принадлежащихъ замку или духовенству, и, не неся городскихъ повинностей, подавляли своимъ соперничествомъ промыслы мѣщанъ, обложенные замковыми поборами; въ случаѣ юридическихъ исковъ со стороны мѣщанъ, затягивали дѣло на цѣлые десятки лѣтъ, или входили въ сношенія съ мѣстными властями, которыя отказывались приводить въ исполненіе декреты королевскаго суда; повсемѣстно употребляли въ торговлѣ фальшивыя мѣры и вѣсы и т. п.

„...Евреи наполнили собою тотъ огромный промежутокъ, который отдѣлялъ въ Речи Посполитой полновластную шляхту отъ безправныхъ хлоповъ и, такимъ образомъ, исчезла всякая возможность расчитывать въ будущемъ на образованіе средняго сословія, которое было бы въ состояніи положить съ

одной стороны—преграду шляхетскому господству, съ другой—оказать помощь крестьянамъ для выхода ихъ изъ тяжелаго положенія" (стран. 85— 92).

Г. Леонтовичъ, въ заключеніи замѣчательнаго своего сочиненія „Историческое изслѣдованіе о правахъ литовско-русскихъ евреевъ"—говоритъ: „Въ Польшѣ и Литвѣ евреи очень рано стали пользоваться въ значительной степени гарантированнымъ положеніемъ. Главною опорою ихъ было покровительство государей. Государи, въ собственныхъ (денежныхъ) интересахъ, давали евреямъ значительныя льготы, въ особенности обеспечивали ихъ отъ притѣсненій со стороны христіанъ. Такъ было въ періодъ льготныхъ грамотъ; со времени возвышенія шляхты и ослабленія власти королей усиливаются преслѣдованія евреевъ и во многомъ обрѣзываются льготы, признанныя за ними въ прежнее время.

„Польское и литовское законодательства ограничивали права евреевъ въ промышленныхъ и фискальныхъ видахъ, также въ видахъ привилегированныхъ сословій (собственно шляхты). Но, стѣсняя евреевъ изъ-за сословныхъ и административныхъ цѣлей, законодательство не было также чуждо воззрѣніямъ религіозно-національнымъ.

„Польское правительство начинаетъ стремиться къ улучшенію быта евреевъ только подъ конецъ періода польско-литовскаго права. Впрочемъ, такое стремленіе не успѣло оказать почти никакого вліянія на общее положеніе евреевъ.

„Въ періодъ русскаго права, юридическое положеніе литовско-русскихъ евреевъ стало опредѣляться независимо отъ воззрѣній религіозныхъ и національныхъ,—слѣдствіе общаго положенія, принятаго русскимъ законодательствомъ со времени екатерининскихъ реформъ, о пользованіи правами „безъ различія закона и народа.

„На первыхъ порахъ, въ періодъ екатерининскаго законодательства и перваго положенія о евреяхъ (1804 года), законодательство преслѣдовало главную свою цѣль—улучшеніе быта евреевъ, главнымъ образомъ, посредствомъ мѣръ поощрительныхъ. Позже, начиная съ законодательства 20-хъ годовъ и особенно со втораго положенія (1835 года), въ отношеніи къ евреямъ усиливается система запрещеній и ограниченій, вмѣстѣ съ полнымъ развитіемъ правительственной регламентаціи и контроля надъ еврейскими общинами.

„Улучшеніе быта евреевъ было, по русскому законодательству, предметомъ непосредственной дѣятельности правительства. Свой контроль и регламентарныя мѣры оно направляло въ особенности на развитіе между евреями общаго образованія, „полезнаго, производительнаго труда" и вообще формъ жизни, терпимыхъ въ обществѣ. Главная причина безуспѣшности правительственныхъ мѣръ, предпринимавшихся у насъ съ цѣлію улучшенія быта

евреевъ, кроется въ самихъ же мѣрахъ, сдѣлавшихся строгимъ пріемомъ опекунства, безъ вниманія къ мѣстнымъ обстоятельствамъ и безъ участія къ индивидуальной свободѣ.

„Правительственная регламентація и контроль характеризуютъ также современное законодательство о евреяхъ, хотя они и потеряли прежнюю свою энергію. Направленіе реформъ послѣдняго десятилѣтія выразилось смягченіемъ въ законодательствѣ административныхъ вліяній и расширеніемъ круга правоспособности, по крайней мѣрѣ, для лучшей части еврейскаго населенія".

ОТДѢЛЪ ПЕРВЫЙ.

ЭТНОГРАФИЧЕСКІЙ ОЧЕРКЪ.

О волѣзняхъ евреевъ. — Большая часть евреевъ отличается слабымъ здоровьемъ вслѣдствіе различныхъ причинъ: ранняя женитьба, бѣдность, раннее обученіе дѣтей, малопитательная пища и проч. Такъ, по закону, еврей женится очень рано и беретъ молодую дѣвушку, организмъ и силы которой еще не успѣли окрѣпнуть, а между тѣмъ, она готовится стать скоро матерью и принять на себя всю тяжесть домашней работы, вслѣдствіе чего мы и видимъ такъ скоро увядшую молодость и слабость силъ. Малопитательная пища также не даетъ вполнѣ укрѣпиться организму. Умственныя силы ребенка начинаютъ развиваться очень рано и на пятомъ году его уже отдаютъ въ школу. Хотя, съ другой стороны, раннее замужество и умѣренность въ пищѣ имѣютъ и свою пользу, избавляя евреевъ отъ различныхъ болѣзней, наприм. сифилиса и проч.

Относительно пищи надо замѣтить, что евреи, занимаясь болѣе умственнымъ трудомъ, чѣмъ физическимъ, и соблюдая нѣкоторыя религіозныя предписанія, употребляютъ сравнительно съ другими народами меньшее количество пищи. Евреи большею частію не взыскательны въ выборѣ пищи въ отношеніи гастрономическомъ, но нельзя сказать, чтобы они всегда отличались умѣренностью и воздержаніемъ отъ излишняго обремененія желудка. Это можно только сказать о набожныхъ евреяхъ, но не о массѣ вообще.

Мы сказали, что евреи не отличаются крѣпостью тѣлосложенія вообще; теперь считаемъ не лишнимъ указать на нѣкоторыя болѣзни, вытекающія изъ условій быта евреевъ, хотя, впрочемъ, эти болѣзни существуютъ и у другихъ національностей, но не въ такой степени. Болѣзни, особенно сильно развитыя въ еврейскомъ населеніи: геморой, золотуха, глазныя болѣзни и

чахотка. Какъ уже сказано выше, евреи отдаютъ своихъ дѣтей очень рано въ школу, гдѣ нерѣдко слабому здоровьемъ ребенку приходится просиживать по цѣлымъ часамъ за книгой, тогда какъ организмъ его требуетъ движенія, свободы.

Если мальчикъ съ хорошими способностями, то его предназначаютъ преимущественно для конторскихъ занятій, и тогда время утомительнаго сидѣнія увеличивается еще болѣе. Вслѣдствіе дурной системы преподаванія, требующей отъ ребенка усидчивыхъ занятій въ теченіи цѣлаго дня, еврейскіе дѣти съ раннихъ лѣтъ подвержены геморою, который, съ возрастомъ, сильно развивается.

Та же сидячая жизнь, чтеніе слишкомъ мелкаго шрифта и нерѣдко плохое освѣщеніе надѣляютъ ихъ глазными болѣзнями. Золотуха особенно сильно развита между всѣми классами евреевъ, появляясь въ видѣ сыпи, парши, нарывовъ, прыщей и пр. Развитіе этой болѣзни зависитъ отъ нечистоты, въ которой живутъ и съ которой какъ бы свыклись евреи. Хотя духовное законодательство предписываетъ имъ частое омовеніе лица и рукъ и запрещаетъ имѣть пятна на одеждѣ, но это относится только къ извѣстному классу евреевъ.

Такъ „Агода“ (аллегорическая, эпическая часть талмуда) предписываетъ только „талмидъ-хахаму“ (ученому) не имѣть пятенъ на одеждѣ; а „Галаха“ (законодательная часть талмуда) говоритъ только объ омываніи рукъ и лица утромъ, вставая отъ сна, передъ трапезою и по окончаніи оной, и объ омовеніи всего тѣла въ ключевомъ колодезѣ („миквѣ“) при разныхъ случаяхъ. Но такъ какъ основаніемъ всѣхъ этихъ предписаній объ омовеніяхъ талмудъ выставляетъ религіозныя цѣли, а не соблюденіе чистоты, то не удивительно, что евреи исполняютъ эти омовенія какъ религіозный только формализмъ, не заботясь вмѣстѣ съ тѣмъ о чистотѣ, отъ соблюденія которой евреи (какъ мущина такъ и женщина,—послѣднія, быть можетъ, еще болѣе чѣмъ первые) отвыкли въ средніе вѣка, когда ихъ запирали цѣлыми сотнями семействъ въ тѣсные и грязные „ гетто“. Чахотка также сильно развита между евреями. Главная причина этой болѣзни заключается въ отсутствіи физическаго упражненія, ранней женитьбы и вообще неблагопріятныхъ гигіеническихъ условій. Въ мѣстностяхъ, гдѣ особенно развитъ хасидизмъ весьма не рѣдки ранніе браки, если не въ 13, то въ 15 и 16 лѣтъ.

Наконецъ, причиною болѣзней бываетъ неразвитость матерей и, вслѣдствіе этого, безтолковое воспитаніе ребенка. Такъ, нѣжная мать съ раннихъ лѣтъ закармливаетъ ребенка сластями и всякой всячиной; изъ боязни простудить, лишаетъ его возможности дышать свѣжимъ воздухомъ и, такимъ образомъ, способствуетъ не развитію, а истощенію силъ и склонности къ чахоткѣ.

Вообще можно сказать, что классъ евреевъ, занимающійся болѣе физическимъ трудомъ и ведущій болѣе дѣятельную жизнь, пользуется гораздо лучшимъ здоровьемъ и меньше хвораетъ. Дѣти ихъ не истощены ученіемъ и, поступая къ хозяину для изученія какого нибудь ремесла, не терпятъ побоевъ и притѣсненій, такъ какъ живутъ всегда въ томъ же городѣ, гдѣ и родители ихъ, находясь подъ надзоромъ послѣднихъ; а потому если и бываютъ случаи жестокаго обращенія мастеровъ-хозяевъ съ учениками, то на это надо смотрѣть, какъ на исключеніе.

Языкъ. — Неточность произношенія русскаго языка заключается у евреевъ живущихъ въ Малороссіи, Украинѣ, Подоліи, Волыни и Бессарабіи въ употребленіи мягкаго *ы* вмѣсто *и* и правильнаго *ы*, въ частой замѣнѣ *ш* буквою *с*, *ж* буквою *з*, *ъ* буквою *э* и *е*, мягкого знака *ь* твердымъ *ъ*, и наоборотъ.

Литовскіе евреи болѣе употребляютъ *ъ* даже вмѣсто *э*; *с* и *з* они произносятъ болѣе шипяще, ближе къ *ш* и *ж*.

Вообще евреямъ, не получившимъ теоретическаго знанія какого-нибудь изъ европейскихъ языковъ, трудно усвоить грамматическія правила русскаго языка, такъ какъ ихъ родное нарѣчіе не имѣетъ грамматики, а грамматику древне-еврейскаго языка евреи (особенно въ юго-западномъ краѣ, гдѣ развитъ хасидизмъ) даже тѣ, которые знаютъ языки,—не изучаютъ.

Отъ мѣстности, въ которой живутъ евреи, зависитъ и ихъ знаніе, и ихъ русское произношеніе. Такъ, кіевскіе евреи говорятъ довольно хорошо по русски, а подольскіе и волынскіе, гдѣ польскій и малороссійскій въ наибольшемъ употребленіи, они по-русски говорятъ плохо и наиболѣе извращаютъ произношеніе. По-малорусски евреи говорятъ хорошо, хотя въ произношеніи дѣлаютъ тѣ же ошибки, какъ и въ русскомъ языкѣ, въ особенности замѣняютъ *ж*, *ч*, *ш*, *щ*, — въ *з*, *и*, *с*, *сц*. Постоянныя сношенія евреевъ съ Малороссами и частію Великороссами отразилось и на языкѣ ихъ.

Вотъ списокъ русскихъ и малорусскихъ словъ, вошедшихъ въ разговорную рѣчь евреевъ:

Арбузъ—русская тыква.
Бабе [1])—баба.
Балакенъ [2])—балакать.
Барке.
Блоте.
Березе [3]).
Бракъ и бракевенъ.
Брытве—бритва.

---

[1]) Большая часть словъ, имѣющихъ въ концѣ гласную букву, какъ собственно еврейскихъ такъ и заимствованныхъ изъ другихъ языковъ произносятся Евреями такъ, какъ бы эта буква была *е* или какъ посредственное между *е* и *и*. Имѣя въ виду настоящую замѣтку, не трудно уже понять слово и безъ перевода.

[2]) Подобные глаголы, съ русскимъ корнемъ и нѣмецкимъ окончаніемъ въ наклоненіи неокончательномъ, спрягаются въ изъявительномъ наклоненіи тоже по нѣмецки; напр. er balaket, di balakest и т. д.

[3]) Всѣ почти, названія не-фруктовыхъ деревьевъ—малорусскія.

Брысъ; мн. ч. брысысъ—брусъ, брусья.
Борщъ.
Бузыны—бузина.
Бузывы цвітъ.
Будке.
Былке—булка.
Быдке.
Быкъ.
Бугай.
Брыкевенъ (о лошадяхъ).
Быльме—бѣльмо.
Бубенчикъ.

Важны—важно.
Валке (у чумаковъ).
Варренникисъ (множ. ч.)
Весне—весна.
Веретене.
Войенъ — воить (о вѣтрѣ и собакахъ).
Воденъ—затягивать дѣло.
Ворченъ.
Вечере—ужинъ.
Вижкысъ [4])—вижки, т. е. возжи.
Вюшке.
Вышнякъ [5])—вишнёвка.

Гавкенъ (о собакахъ).
Гармидеръ.
Годывенъ и годувать.
Годывля.
Годи.
Горевенъ—въ смыслѣ трудиться. Горывани—трудъ.
Грабевенъ и грабежъ,
Грабли.
Гыртъ—гуртъ.
Гышке—губка.
Гойдалке.

Деренъ и
Дернякъ.
Дейжке—дижка.
Долоте.
Добрыдень (только играемый на сватьбѣ).
Делыбенъ—долбить.
Дёгеть.
Докыченъ.
Дрымленъ—дремать.
Дыхенъ—дышать.
Дыхъ.
Дрыкъ—дручокъ.
Дыни.

Жалевенъ—жаловать, отъ скупости беречь что-нибудь.
Же (союзъ).
Жыже (на свѣчу маленькимъ дѣтямъ).
Журченъ (о текущей водѣ).

Зясь!
Заресъ.
Застепъ—заступъ.

Икре—икра.
Индыкъ—индюкъ.
Индычка.

Капенъ—копать.
Каше (блюдо).
Кваше (блюдо).
Карпъ (рыба).
Курсъ—карась.
Койменъ—коминъ.
Кремень.
Крысалы.
Кафтенъ—кафтанъ.
Кропывы—крапива.
Картофли.
Кулишъ.
Кущъ.
Купе—купа.
Кучераве.
Крывды

---

[4]) Почти всѣ, до ѣзды относящіяся принадлежности, имѣютъ русскія и малорусскія названія.

[5]) Замѣчательно, что фрукты—вишни, сливы и груши—называются по-нѣмецки, но настойки изъ нихъ на водкѣ—только по-малороссійски.

Крывдне.
Крывденъ (глаголъ).
Коромысло.
Кренеце—колодезь.
Кышке—кишка.
Корень (о деревѣ и травѣ).
Крычме—корчма.
Квочке.
Клыня.
Калике.
Каличенъ.
Коснякъ.
Косе—коса.
Качке.
Корыте.
Кылыкъ—кулакъ.
Качалке.
Колодачъ.
Кочере—кочерга.
Кроквесъ (множ. ч.)—стропилы.
Кыртке—куртка (одежда у женщинъ).

Лыгъ—лугъ.
Лысыне.
Лыбъ—лубъ.
Ласкенѣ—ласкать
Ласке.
Лопете.
Лозе—лоза.
Ладъ.
Лайдекъ.

Миркевенъ (большею частью съ немѣцкимъ aus—ойс-миркевенъ)—обдумать, согласить.
Мыловенъ.
Мелецценъ—молотить.
Могорычь.
Мороченъ.

Нехме—неряха.
Нора.
Ныженъ (глаголъ)—пищать.
Насыни.
Охоте.

Обиденъ—обидѣть.
Обиде.
Обманывенъ
Обманъ.
Оберемокъ.
Оже.
Очеретъ.
Окрепъ—кипятокъ.

Паскидне.
Полѣвенъ—палить, топить чрезъ мѣру.
Прыщъ.
Петли.
Пенёкъ.
Просо.
Паренъ—парить.
Паре—паръ.
Помейныцы.
Поміесъ (множ. ч.)
Пруть, прутисъ (мн. ч.)
Паесенъ—пасти.
Плыгъ—плугъ.
Полынъ.
Пархъ.
Пыпекъ—пупъ.
Полъ.
Пыстъ—пусто.
Покрышке.
Пенинъ—пенять.
Пени—пеня.
Плащъ.
Пливе—плева.
Плытъ—плутъ и плотъ.
Планъ.
Племенекъ.
Прыгивысъ (множ. ч.) } о сапогахъ.
Пидешвысъ (множ. ч.) }
Пидковысъ.
Пяте—пята.
Пирежкысъ—пирожки.
Перебендивенъ (глаг.).

Раленъ—ралить.
Рожекъ.

Ратевенъ—ратовать.
Ричке.
Ривъ.
Рабъ—рябой.
Рогачь.
Рѣшете.
Ревенъ (о скотѣ).

Скотыне.
Скотъ.
Сметене.
Слывкисъ.
Скобель.
Сыкъ—сукъ.
Слупъ.
Сымя (особенно—конопляное).
Сыхеръ—сухарь.
Сыноке.
Смаленъ— осмолить.
Смолы.
Ситке.
Сирке.
Скарбъ.

Тыква.
Трубенъ—трубить.
Трубе.
Тыче—туча.
Тесенъ—тесать.
Тыкенъ—тыкать въ глаза.
Толкевенъ—толковать.
Толкъ.
Тошне—тошно.
Тавровенъ, Тавре. } о скотѣ.
Таке.
Торбе.
Тыленъ—тулупъ.
Тате—отецъ.
Телычке.
Телыце.

Храбры.
Храненъ.
Хрейнъ—хрѣнъ.
Хлыпенъ.
Хропенъ—храпѣть.

Царене.

Чубъ.
Чи—(союзъ).
Чудные.
Чадъ—угаръ.
Чахотке.
Чепенъ, зачепенъ—зацѣплять.
Чепчикъ—чепецъ.

Шаже.
Шаневенъ.
Шаль.

Въ какой бы мѣстности ни былъ еврей, въ своей семьѣ онъ обыкновенно говоритъ на своемъ родномъ языкѣ, жаргонѣ, представляющемъ исковерканный нѣмецкій языкъ, съ примѣсью словъ изъ другихъ языковъ. Но вслѣдствіе неизбѣжнаго столкновенія съ людьми различныхъ націй, многіе изъ евреевъ знаютъ два, три языка и нѣсколько шрифтовъ.

Вотъ—языки и шрифты, знакомые почти каждому еврею.

Древне-еврейскій языкъ.—Знаніе древне-еврейскаго языка, на которомъ написаны священныя книги евреевъ (въ настоящемъ смыслѣ слова „языкознаніе“), свойственно только образованнымъ евреямъ, заучившимъ грамматику и поэтическія формы этого языка. Вообще же евреи, особенно хасиды, даже тѣ, которые долгое время занимались изученіемъ Пятикнижія

и талмуда, знаютъ древне-еврейскій языкъ только практически, но не имѣютъ почти понятія ни о его грамматикѣ, ни о поэтической его красотѣ. Этотъ классъ Евреевъ, составляющій на Литвѣ и Бѣлоруссіи 20 — 25%, на Юго-западѣ Россіи около 15 — 20%, а на Югѣ (за исключеніемъ образованныхъ) около 5—8% всего еврейскаго населенія,—употребляетъ въ частной между собою перепискѣ такъ называемый раввинскій языкъ, главный элементъ котораго составляетъ древне-еврейскій, но съ значительною примѣсью словъ и оборотовъ халдейскаго языка, и безъ всякаго соблюденія орѳографіи и грамматическихъ формъ. Другой классъ евреевъ, составляющій въ Литовскихъ и Юго-западныхъ губерніяхъ 35 — 40%, въ Южныхъ 20—25% еврейскаго населенія—очень мало знаетъ древне-еврейскій языкъ, хотя смыслъ молитвъ и Пятикнижія ему нѣсколько извѣстенъ. Этотъ классъ состоитъ изъ такихъ людей, которые оставили школу до женитьбы или чрезъ годъ послѣ оной, и съ того времени мало, или совсѣмъ не занимались чтеніемъ и изученіемъ книгъ религіознаго содержанія, писанныхъ на еврейскомъ или раввинскомъ языкѣ. Въ частной между собою перепискѣ они употребляютъ разговорное ломанное нѣмецкое нарѣчіе. Остальной классъ, состоящій преимущественно изъ ремесленниковъ, мало зажиточныхъ торговцевъ и чернорабочихъ, оставившихъ школу на 12-мъ, 13-мъ году жизни, а иногда и на 8-мъ,—совершенно не знаетъ древне-еврейскаго языка и не понимаетъ даже смысла читаемыхъ молитвъ и Пятикнижія. Акты и договоры у всѣхъ классовъ пишутся на смѣшанномъ еврейско-раввинскомъ языкѣ. Незнающіе этого языка приглашаютъ грамотнаго. Съ-дѣтства же почти всѣ евреи изучаютъ древне-еврейскій языкъ, проходя библію съ объясненіемъ. Знаніе халдейскаго языка гораздо слабѣе и поверхностнѣе даже у перваго класса изъ упомянутыхъ выше; второй же классъ, какъ и третій, совершенно его не понимаютъ. Языкъ, на которомъ пишутъ „кесуба“ и „гетъ“, болѣе похожъ на еврейскій, чѣмъ на халдейскій.

Еврейско-раввинскій языкъ произошелъ отъ смѣшенія еврейско-библейскаго съ халдейскимъ; всѣ законоучительныя книги писаны на немъ.

Шрифты этого языка слѣдующіе:

1) Квадратный, которымъ напечатана библія, молитвенники и написаны свертки Пятикнижія.

2) Раввинскій („раши“), которымъ напечатаны всѣ комментаріи Св. Писанія и многія законоучительныя книги.

3) Курсивный—для частной переписки.

Разговорный языкъ.—Евреи говорятъ обыкновенно въ Россіи на древненѣмецкомъ языкѣ, сильно измѣнившемся, вслѣдствіе переселенія евреевъ изъ

одной мѣстности въ другую; въ него вошли коренныя слова разныхъ средневѣковыхъ нарѣчій и многіе обороты.

Отступленія отъ нѣмецкаго языка въ произношеніи заключаются въ слѣдующемъ:

a) Въ еврейскомъ жаргонѣ нѣтъ нѣмецкихъ дву-согласныхъ, напримѣръ, *bb*, *ff* и прочихъ; нѣтъ также *pf*, а употребляется просто *f* или *p*, напр. Ferd вмѣсто Pferd, Fefer вмѣсто Pfefer, Кор вмѣсто Kopf, Kuper вмѣсто Kupfer.

b) Изъ гласныхъ буквъ замѣняются у Литовскихъ евреевъ: *a* буквою *o*, *o* буквою *u* напр.: Sumer вмѣсто Sommer, Besunder вмѣсто Besonder; у евреевъ прочихъ мѣстностей литовское *o*, *u* переходитъ въ *ü;* они произносятъ Sümer, Besünder. Нѣмецкое *u* сохранено больше Литовскими евреями; прочіе же евреи замѣняютъ *u* часто буквами *i* и *ü*, напр.: „gut“, „Wunder“; евреи Южныхъ и Югозападныхъ губерній произносятъ: git, Winder.

Произношеніе двугласныхъ *ai* и *ei* тоже сохранено больше Литовскими евреями, чѣмъ евреями другихъ мѣстностей, у которыхъ они переходятъ въ протяжное *a* напр.: dein въ daan, mein въ maan, при чемъ конечная согласная произносится нѣсколько мягче.

c) Нѣмецкое *au*, составляющее особенность этого діалекта, замѣнено въ жаргонѣ чрезъ *o* или *oi* и *ei*; напр.: gleiben и у нѣкоторыхъ gloiben вмѣсто glauben, roben или roiben вмѣсто rauben и т. п.

Отсутствіе грамматичности особенно замѣчательно въ слѣдующемъ:

a) Въ склоненіи члена, имени существительнаго и прилагательнаго различаются только два падежа: именительный и прочіе три (род. дат. и вин.) имѣющіе одно и тоже окончаніе.

b) Въ спряженіи глаголовъ различаются только 3 времени и одно наклоненіе, изъявительное. Условное же имѣетъ только прошедшее время и выражается съ помощію слова wolt, имѣющаго значеніе русскаго *бы*. Вмѣсто нѣмецкаго вспомогательнаго глагола werden, употребляется особый какой-то глаголъ (Infinitum), котораго трудно опредѣлить. Эта неточность особенно замѣчается у евреевъ Южныхъ и Югозападныхъ губерній, которые въ 1-мъ лицѣ един. и множ. числа одинаково выговариваютъ: ich wel sain „я буду“ и ich wel sein „я хочу быть“; различіе понятій означается только удареніемъ, которое въ первомъ случаѣ упадаетъ на слово sein а во второмъ на слово wel (отъ глагола wellen, нѣмецкаго wollen). Отсутствіе грамматическаго знанія какъ въ разговорномъ, такъ и въ книжномъ древне-еврейскомъ языкѣ должно было породить замѣчаемое въ разговорѣ необразованныхъ евреевъ отсутствіе послѣдовательности и систематичности. Замѣчательно, что хасиды особенно не любятъ грамматическаго знанія

даже древне-еврейскаго языка, чуя въ грамматикѣ, какъ систематическомъ знаніи, враждебный ихъ безалабернымъ ученіямъ и понятіямъ элементъ. Сочиненія на еврейскомъ жаргонѣ изданныя и издаваемыя образованными евреями имѣютъ цѣлью не столько эстетическое образованіе народа и выработку ихъ разговорнаго жаргона, сколько распространеніе между евреями современныхъ цивилизующихъ воззрѣній.

Поэтому содержаніе этихъ сочиненій главнымъ образомъ заключается въ сатирической и серьезной критикѣ, направленной противъ старосвѣтскаго образа жизни, воспитанія дѣтей, отчужденія отъ всего новаго и иновѣрнаго.

На поприщѣ этой литературной дѣятельности, подвигающей впередъ дѣло образованія евреевъ, особенно отличается г. Цедербаумъ (редактировавшій „Вѣстникъ Русскихъ Евреевъ“ въ Петербургѣ), около 8-ми лѣтъ издававшій въ Одессѣ газету „Колъ-Мевасеръ“ на еврейскомъ жаргонѣ.

Разницу между произношеніемъ литовскихъ и волынскихъ евреевъ г. Берлинъ передаетъ неточно: *Камецъ* (ָ) произносится волынцами только какъ *у*; *Цере* (ֵ) первыми и послѣдними одинаково какъ *ей*, только евреи царства польскаго произносится его *ай*; *Хирикъ* (ִ) волынскими и польскими какъ *і*, отчасти только какъ *и* нѣмецкое или *е*; *Холемъ* (ֹ) волынскими какъ *оu*, а литовцами болѣе какъ *еи*, эта разница главнымъ образомъ замѣчается въ произношеніи древне-еврейскаго языка.

Древне-нѣмецкій языкъ, употребляемый евреями, имѣетъ особенный шрифтъ, называемый женско-нѣмецкій (weiberdeutsch); на немъ напечатано много переводовъ молитвенныхъ и законоучительныхъ книгъ, доступныхъ для всѣхъ простолюдиновъ и для женщинъ. Но въ настоящее время этотъ weiberschrift встрѣчается очень рѣдко, и то въ старыхъ изданіяхъ; новѣйшія, печатаемыя на разговорномъ языкѣ, употребляютъ только квадратный ассирійскій.

Примѣчаніе. Выставленные въ скобкахъ надъ или рядомъ съ знаками пунктуаціи черточки слѣдуетъ принять за буквы, которымъ служитъ изображенный знакъ.

Чужіе языки. — Всякій, хотя немного развитый еврей, кромѣ своего языка, читаетъ и пишетъ на одномъ изъ языковъ той мѣстности, гдѣ онъ живетъ и гдѣ ему приходится имѣть дѣло съ лицами, не понимающими его языка, такъ: на малорусскомъ — въ Малороссіи, Юго-западномъ и Новороссійскомъ краѣ; жмудскомъ — въ Литвѣ, и нѣмецкомъ — въ Курляндіи и Бердичевѣ, гдѣ одна треть евреевъ, говоритъ на этомъ языкѣ. Въ Одессѣ евреи говорятъ на трехъ, четырехъ языкахъ, и большая часть — на столькихъ же

пишетъ. Русскій языкъ знаютъ болѣе образованные евреи—впрочемъ, многіе средней руки евреи объясняются по русски, хотя сильно коверкаютъ русскую рѣчь.

Домашній бытъ.

Жилища евреевъ.—Большая часть евреевъ живетъ очень бѣдно и тѣсно, въ постоянныхъ нуждахъ и заботахъ о насущномъ хлѣбѣ. Вступая рано въ бракъ, они, еще въ молодыхъ годахъ, обременены большимъ семействомъ, которое нужно содержать и воспитать, а средствъ нѣтъ, и вотъ—крайняя бѣдность низшаго сословія поражаетъ васъ на каждомъ шагу. Не рѣдко, въ 3—4 комнатахъ помѣщается 8—10 семействъ; наружность этихъ домовъ самая ужасная, грязь и вонь—возмутительныя. Въ Бердичевѣ, такъ называемой еврейской столицѣ, есть до 5,000 семействъ, живущихъ безъ всякаго опредѣленнаго занятія и питающихся чѣмъ придется. Помѣщенія ихъ до того тѣсны, что ночью не остается почти свободнаго мѣста между спящими семействами, изъ которыхъ нѣсколько помѣщается въ одной комнатѣ, не смотря на то, что у евреевъ, въ видахъ сохраненія чистоты нравовъ, запрещено постороннему лицу спать въ той комнатѣ, гдѣ почиваетъ чета.

Изъ сочиненія г. Жураковскаго мы видимъ, что въ сороковыхъ годахъ у христіанъ на 100 домовъ приходилось 410 и 500 жителей, а у евреевъ на 100 домовъ—1,299 жителей; а положеніе ихъ съ тѣхъ поръ еще значительно ухудшилось.

Жилища евреевъ нѣсколько отличаются внѣшнею и внутреннею архитектурою отъ жилищъ христіанъ, и эти отличія обусловливаются особенностью занятій и быта.

У средняго и даже низшаго класса евреевъ, главный выходъ бываетъ большею частью непосредственно на улицу. Окна и двери отличаются большимъ размѣромъ. Въ мѣстечкахъ большая часть домовъ имѣетъ ворота въ срединѣ фасада. Въ эти ворота въѣзжаютъ во внутренній дворъ, находящійся подъ одной крышей съ домомъ. Такіе дома принадлежатъ часто тремъ, четыремъ и даже болѣе семействамъ. У хасидовъ наблюдаютъ, чтобы въ одной комнатѣ не было чѣтнаго числа балокъ. Заборы и сараи можно видѣть только около домовъ состоятельныхъ евреевъ. Что касается домашней мебели, то замѣтно, что у евреевъ обращается большое вниманіе на внѣшнюю отдѣлку, тогда какъ у крестьянъ вниманіе больше обращено на прочность. У бѣдныхъ евреевъ рѣдко встрѣчаются крестьянскія лавки, состоящія изъ четырехъ кольевъ и положенной на нихъ сверху дубовой доски.

Въ еврейскихъ домахъ — почти нигдѣ не встрѣчаются крестьянскія вѣшалки, состоящія изъ шеста, положеннаго горизонтально на веревкахъ; евреи же вѣшаютъ свою одежду на вбитые въ стѣны гвозди. Не рѣдко у малосостоятельныхъ можно найти гардеробные шкафы. Вообще въ домашней утвари евреевъ заключается нѣкоторая, неизвѣстная соотвѣтственному классу великороссовъ и малороссовъ, комфортабельность.

Посуды у еврсевъ бываетъ гораздо болѣе, чѣмъ у прочихъ жителей, потому что ихъ законъ велитъ имъ имѣть двоякую кухонную и столовую посуду и двоякіе приборы, такъ какъ молоко и мясо не могутъ быть полагаемы въ одну и ту же посуду, а непремѣнно въ особую. Впрочемъ, стеклянная посуда составляетъ исключеніе: можетъ употребляться и для говядины, и для молочнаго, кромѣ праздника Пасхи, когда и стеклянная — должна быть непремѣнно новая. У богатыхъ же евреевъ имѣется всегда особая посуда для Пасхи, такъ какъ по закону нельзя употреблять посуду, въ которой готовили кислыя приправы; бѣдные же возобновляютъ старую, прикупая часть.

Значительную разницу представляютъ повозки еврейскія: для клади онѣ устроены по формѣ нѣмецкихъ фрактовъ и называются „бухты“, а для пассажировъ, довольно вмѣстительныя и удобныя брички, такъ называемыя „буды“ или „фуры“.

Образа по закону Моисея запрещены. По толкованію же раввиновъ, это запрещеніе относится только къ выпуклымъ изображеніямъ и бюстамъ, а писанныя картины, изображающія сцены изъ библейской исторіи, списанныя и украшенныя бордюрами молитвы и портреты раввиновъ — имѣть можно. Впрочемъ, въ Южныхъ и Югозападныхъ губерніяхъ положительно нѣтъ нигдѣ портретовъ раввиновъ, да и въ другихъ краяхъ попадаются какъ рѣдкость. Вообще, старосвѣтскіе евреи въ упомянутыхъ краяхъ считаютъ снятіе портрета — профанаціей. Ни одинъ хасидскій цадикъ ни за какія деньги не позволилъ бы чтобы съ него сняли портретъ. На восточной стѣнѣ своего жилища евреи не рѣдко вѣшаютъ раскрашенный листъ бумаги, подъ стекломъ, въ рамкѣ, исписанный текстами изъ св. писанія, съ эмблемами щита Давида (двухъ перекрещивающихся треугольниковъ), съ изображеніемъ львовъ, столбовъ и коронъ, для указанія, что во время молитвы надо стоять лицомъ къ стѣнѣ. Изъ картинъ, у евреевъ встрѣчаются вышитые или нарисованные цвѣты или птицы.

Нѣкоторые благочестивые евреи, въ память разрушенія Іерусалима и храма, оставляютъ въ своемъ домѣ при выбѣлкѣ и покраскѣ квадратное поле въ аршинъ, небѣленное и некрашенное. На дверяхъ же, форткахъ и воротахъ бываютъ прибиты пергаментные листы („мезуза“) съ главами изъ св. писанія о единствѣ Божіемъ.

Въ сентябрѣ мѣсяцѣ евреи празднуютъ скинопигію, въ память странствованія вышедшихъ изъ Египта евреевъ въ пустынѣ и ихъ тогдашней скитальческой жизни. Въ этотъ праздникъ, они строютъ на дворахъ своихъ будки изъ досокъ, покрытыхъ ельникомъ и другою растительностью („сукка“). У богатыхъ же есть особая комната для кущей и на время праздника снимаютъ крышу и потолокъ, замѣняя ихъ ельникомъ.

Платье.—Въ прежнее время евреи носили старопольскій костюмъ: длинный чорный шелковый сюртукъ, чорный поясъ, весьма некрасивыя мѣховыя шапки, чулки и башмаки. Полудеревенскій костюмъ женщинъ отличался отъ мѣстныхъ жительницъ особаго рода головнымъ уборомъ, похожимъ на турецкую головную повязку, обезображивающимъ молодыхъ евреекъ. Обувь женщинъ состояла изъ чулокъ и туфель. Теперь большая часть молодежи перемѣнила свой костюмъ на европейскій, оставивъ свои долгополые сюртуки, но старикамъ не нравится эта перемѣна, и шолковые длинные чорные сюртуки до сихъ поръ еще въ ходу у нихъ. И между низшимъ классомъ большая часть молодежи имѣетъ въ своемъ гардеробѣ длинный шолковый, чорнаго цвѣта сюртукъ, который носитъ преимущественно въ субботніе и праздничные дни, когда даже малосостоятельные одѣваются, по религіозному закону, съ особеннымъ комфортомъ. Цадики, старики носятъ въ праздники, а иногда и въ будни, бѣлаго цвѣта шолковые кафтаны, обложенные на воротникахъ серебрянными позументами.

Законъ Моисея запрещаетъ евреямъ носить одежду, въ которой шерстяныя и льняныя нитки перемѣшаны, а раввины запретили даже носить шерстяныя платья, если они сшиты льняными нитками, и самые набожные евреи совсѣмъ не носятъ шерстяной одежды. Происхожденіе этого обычая объясняется различно: Маймонидъ полагаетъ, что египетскіе жрецы носили одежду изъ такой ткани, а потому Моисей запретилъ народу своему подражать имъ. Думаютъ также, что жертва первыхъ сыновей Адама состояла: одного изъ льняныхъ стеблей, а другого изъ овцы, и что будто отъ этого произошло первое самоубійство, а потому, во избѣжаніе этого грѣха, не слѣдуетъ сближать оба предмета вмѣстѣ. Вторая причина упомянута только въ „Мидрамѣ“ (особое собраніе агадическихъ легендъ и толкованій). Вообще народъ не знаетъ этихъ объясненій и считаетъ это запрещеніе необъяснимымъ, но строго соблюдаетъ, какъ волю Божью, высказанную въ Библіи. Прежде, во время чтенія молитвъ, св. книгъ и вообще при призываніи имени Божьяго, евреи одѣвали на голову ермолку, родъ маленькаго чорнаго колпачка (скуфейка), не потому именно, что нельзя упомянуть имя Бога съ непокрытою головою, но—потому, что обнаженіе головы, само по себѣ, считается запрещеннымъ, какъ

будто противное скромности. Въ настоящее время, только старики и хасиды сохранили эти шапочки *). Въ прошедшее царствованіе, былъ установленъ особый налогъ за ношеніе ермолокъ; это способствовало отчасти тому, что онѣ теперь не въ такомъ ходу. По старинному обычаю, евреи носятъ бороды и длинные волоса на вискахъ, пейсы; послѣдніе впрочемъ теперь уже рѣдкость, а молодое поколѣніе образованныхъ евреевъ брѣетъ и бороду. Ношеніе пейсовъ и бороды—не только обычай, но и библейское постановленіе. Относительно бороды постановленіе это соблюдается больше чѣмъ относительно пейсовъ. Пейсы также преслѣдовались. Особенно длинные пейсы носятъ евреи Царства Польскаго. Относительно обнаженія волосъ замужними женщинами въ Талмудѣ сказано: „волоса (открытые) у женщины — безстыдство". Хотя изъ нѣкоторыхъ мѣстъ въ Талмудѣ видно, что законъ прямо не запрещаетъ обнажать свои волосы въ комнатѣ, но еврейскія женщины считаютъ важнымъ — такъ сказать — наглымъ преступленіемъ — обнажать свои волосы. Замужнія еврейки (хасидки) **) носятъ парики, большею частью рыжеватые и даже красноватые. У евреевъ есть еще одежда „арбе-канфесъ", въ родѣ длинной четырехъ-угольной накладки, съ вырѣзкою для шеи, къ каждому изъ четырехъ концовъ которой привязаны шерстяныя нитки („цицесъ") съ особою повязкою, въ воспоминаніе заповѣдей Божіихъ. Хассиды и благочестивые носятъ эту одежду непремѣнно изъ бѣлой шерсти съ синими полосами по краямъ; болѣе же свѣтскіе носятъ ее изъ разныхъ матерій и въ меньшемъ объемѣ. Женатые евреи надѣваютъ во время утренней молитвы бѣлое шерстяное покрывало съ синими по краямъ полосами („талисъ") и съ шерстяными нитями—повязками по концамъ („цицесъ"), а также повязываютъ себѣ на голову и лѣвую руку „тефилинъ", состоящій изъ маленькихъ четырехъ-угольныхъ пергаментныхъ ковчеговъ, съ уложенными въ нихъ полосками пергамента, на которыхъ написана глава св. писанія объ исходѣ изъ Египта и проч. Эти ковчеги привязываются къ головѣ и рукѣ ремнями изъ телячьей кожи („рецусъ"). Смертная рубашка, въ которой хоронятъ мертвыхъ, состоитъ изъ бѣлаго полотна и называется „китель". Обыкновенно, невѣста при вѣнчаніи дарить такую рубашку жениху своему. При приведеніи кого либо къ присягѣ принято одѣвать его въ „китель", для назиданія и устрашенія. Благочестивые надѣваютъ китель во время молитвы, въ дни новаго года и „Іомъ-Кипуръ".

---

*) Оставаться съ непокрытою головою—считается у евреевъ вообще грѣхомъ.

**) Парики носятъ всѣ молодыя еврейки щеголихи; хасидки же или совсѣмъ покрываютъ головы платкомъ, или носятъ шолковые парики.

Пища.—Предписываемыя св. Писаніемъ ограниченія относительно пищи имѣютъ болѣе моральное и эстетическое значеніе, чѣмъ гигіеническое. Запрещая употреблять мясо павшей или хищнымъ звѣремъ растерзанной скотины, св. Писаніе (Исход. гл. 22, ст. 31) говоритъ: „И будете у меня людьми святыми, и мяса растерзаннаго звѣремъ въ полѣ не ѣшьте, псамъ бросайте его“. Запрещенныя животныя и птицы принадлежатъ большею частью къ разряду хищныхъ, и Маймонидъ, въ своемъ „Путеводителѣ“, объясняетъ эти запрещенія тѣмъ, что мясо запрещенныхъ животныхъ, а также мясо вареное вмѣстѣ съ молокомъ—дѣйствуютъ на кровь и мозгъ, слѣдовательно, на темпераментъ и наклонности человѣка и дѣлаютъ его грубымъ и жестокимъ. На еврея, употребляющаго „трефъ“, особенно свинину, смотрятъ не только какъ на нарушителя закона, но еще какъ на человѣка грубаго и безнравственнаго. Быть можетъ, что ограниченія въ употребленіи пищи имѣютъ большое вліяніе—отчасти полезное а отчасти и вредное—въ гигіеническомъ отношеніи, но у насъ главная цѣль—указать на взглядъ народа и его духовенства на эти запрещенія.

Изъ четвероногихъ животныхъ—евреи могутъ употреблять въ пищу только жвачныхъ съ раздвоенными копытами, какъ напр. коровъ, козъ, воловъ и другихъ; имѣющихъ же только одно изъ этихъ свойствъ, наприм. свиней, употреблять запрещается.

Изъ птицъ—дозволяется ѣсть домашнюю и (строго воспрещаются всѣ роды) только нѣкоторыхъ изъ дикихъ, куропатокъ и дроздовъ; главное же отличіе дозволяемыхъ состоитъ въ томъ, что у нихъ на ногахъ среднія пальцы удлинены и что, кромѣ зоба, у ней желудокъ покрытъ легкосдираемою мускульною оболочкою. Рыбы дозволяются только чешуйчатыя и имѣющія плавники; всѣ же остальныя запрещены.

За исключеніемъ нѣкоторыхъ родовъ саранчи, всѣ земноводныя, пресмыкающіяся и насѣкомыя запрещаются. Поэтому евреи, даже при употребленіи фруктовъ и овощей, тщательно перебираютъ каждый листокъ, чтобъ не остался между ними червякъ или другое какое насѣкомое.

Относительно зарѣзыванія скотины г. Брафманъ говоритъ слѣдующее: „Извѣстно, что евреи не употребляютъ въ пищу говядины отъ скотины, зарѣзанной не „шохетомъ“ (т. е. особымъ еврейскимъ рѣзникомъ, изучившимъ спеціально талмудическія постановленія объ убіеніи скота и птицъ), равнымъ образомъ—и отъ скотины, оказавшейся запрещенной по другимъ талмудическимъ правиламъ о „кошерѣ„ и „трефѣ“.

По еврейскому закону, ножъ для рѣзанія скота и птицъ долженъ быть свободенъ отъ малѣйшей щербины; въ противномъ случаѣ, зарѣзанная имъ

скотина признается „трефомъ“, т. е. негодною въ пищу евреямъ. Такимъ образомъ, къ рѣзанію „шохетъ“ приступаетъ тогда, когда ножъ, послѣ тщательной шлифовки, оказался вполнѣ гладкимъ — совершенно свободнымъ даже отъ едва чувствительныхъ зазубринъ. Но, чтобы зарѣзанная такимъ ножемъ скотина была „кошеръ“, еще нужно, чтобы ножъ, по провѣркѣ его „шохетомъ“ послѣ рѣзанія, вышелъ изъ этой операціи неповрежденнымъ, какимъ былъ прежде. Параграфъ 2 главы 6-ой гласитъ: „можно зарѣзать скотину зубомъ, оставшимся въ челюсти, отдѣлившейся отъ скотины, равно ногтемъ руки, оторванной отъ туловища, лишь бы они были свободны отъ зазубринъ“. Какъ ни забавны эти два послѣдніе пункта, но гораздо забавнѣе слѣдующее, почти невѣроятное постановленіе, которое передаемъ здѣсь въ буквальномъ переводѣ: „если ножъ, остріе котораго гладко, но не остро, свободенъ отъ зазубринъ, то имъ можно рѣзать, и рѣзаніе таковымъ ножемъ считается удовлетворительнымъ, продолжайся оно (по тупости ножа) хоть цѣлый день“. Но мы не можемъ не замѣтить, что, не смотря на законъ, на практикѣ рѣзаніе скота совершается свободнымъ отъ зазубринъ ножемъ и съ необыкновенною быстротою; что же касается приготовленія къ рѣзу, то дѣйствительно представляется картина возмутительная. Скотина подвергается мукамъ до тѣхъ поръ, пока не приводится въ такую неподвижную позу, при которой „шохетъ“ (ученый скотобой), выдернувъ волоса изъ того мѣста на шеѣ, по которому онъ долженъ провести ножъ, совершаетъ зарѣзаніе такъ, чтобы скотина движеніемъ не причинила острію малѣйшаго поврежденія, отъ чего она могла бы сдѣлаться „трефомъ“.

Далѣе г. Брафманъ разсматриваетъ „кошеръ“, какъ вредъ для христіанъ. Онъ говоритъ, что послѣ зарѣзыванія, „шохетъ“ осматриваетъ внутренности скотины, и если скотина оказалась нездоровою, то мясо обращается въ „трефъ“ и продается христіанамъ. Болѣзни, по которымъ скотина негодна въ пищу евреямъ раздѣляется на восемь родовъ:

1) „Деруса“, если скотина ранена хищнымъ звѣремъ.

2) „Некуба“, если шохетъ открываетъ отверстіе въ мозговой оболочкѣ, въ пищепроводномъ или дыхательномъ каналѣ, въ легкихъ или въ желчныхъ пузыряхъ, въ сердцѣ или селезенкѣ и проч.

3) „Хасера“—скотина съ природнымъ недостаткомъ въ легкихъ.

4) „Нетула“—скотина, лишившаяся или одной изъ челюстей, или печени и проч.

5) „Керуа“—распоръ въ брюхѣ вплоть до внутренностей.

6) „Нефула“—скотина, сотрясенная отъ паденія.

7) „Песука“—съ переломаннымъ позвоночнымъ столбомъ.

8) „Шебура“ — у которой большая часть позвонковъ переломана. Эти восемь пунктовъ составляютъ основу науки о трефѣ.

„Вотъ краткій очеркъ чрезвычайно обременительнаго и во всѣхъ отношеніяхъ вреднаго для жизни евреевъ и христіанъ, посреди которыхъ они живутъ, кашера. Но надо замѣтить, что существованіемъ своимъ въ той полной силѣ, въ которой кошеръ живетъ между евреями въ Россіи, онъ, главнымъ образомъ, обязанъ не фанатизму, а бдительному надзору самой строгой стражи кагальныхъ агентовъ и разнымъ хитросозданнымъ учрежденіямъ, посредствомъ которыхъ кагалъ подчиняетъ своему контролю каждый фунтъ мяса, употребляемаго мѣстными еврейскими жителями, и тѣмъ строгимъ преслѣдованіямъ, которыя кагалъ всегда употребляетъ противъ нарушителей кошера... Кромѣ того, коробочный сборъ съ кошера образуетъ еще въ рукахъ кагала капиталъ, необходимый не только для содержанія служителей по части кошера, но и для другихъ кагальныхъ оборотовъ, какъ напр. на подарки чиновникамъ, подкупъ и проч., то и не трудно видѣть, до какой степени кошеръ и коробочный сборъ отъ кошернаго мяса вреденъ для самихъ евреевъ, для христіанъ, посреди которыхъ они живутъ, а въ особенности для цѣлей правительства“.

Теперь приводимъ опроверженіе г. Поленковскаго по поводу вышеприведенныхъ словъ г. Брафмана:

„Приведенныя г. Брафманомъ постановленія о рѣзѣ принадлежатъ къ той фантастической области талмудической казуистики, которой посвящены были длинные диспуты, какъ выражается Талмудъ, для навостренія учениковъ или для расширенія ученія; на самомъ же дѣлѣ, какъ свидѣтельствуетъ самъ авторъ, зарѣзаніе совершается съ необыкновенною быстротою и острымъ ножемъ. Что касается приготовленія къ рѣзу, то оно тоже далеко не такъ страшно, какъ рисуетъ авторъ. Талмудъ весьма высоко цѣнитъ чувство состраданія къ животнымъ („цааръ-баале-хаимъ“), и это чувство не чуждо еврейскому племени. Весь трактатъ г. Брафмана о „кошерѣ и трефѣ“, о вредности послѣдняго для христіанъ и полезности для евреевъ, сбивчивъ и не вполнѣ вѣренъ дѣйствительности и еврейскимъ источникамъ, и я нахожу нужнымъ изложить въ настоящей замѣткѣ подробное по этому предмету описаніе.

„Уже изъ самаго, приведеннаго авторомъ, перечня болѣзней, по которымъ скотина объявляется трефомъ, ясно, что изъ тысячи убиваемыхъ въ еврейскихъ рѣзницахъ скотинъ — едва ли одна одержима этими болѣзнями. Ужъ *деруссы*, *нешулы*, *керуэ*, *песуке* и *шебуры* еврейскій рѣзникъ, по самому разуму вещей, и въ руки не возьметъ. *Хасера* и *Некуба* тоже не такъ часто случается. Но главная причина, почему еврейскія рѣзницы такъ изо-

билуютъ трефною говядиною, заключается въ слѣдующихъ религіозныхъ постановленіяхъ:

1) Евреи, еще библейской эпохи, не употребляли въ пищу одной, развѣтвленной въ задней части скотины, жилы, въ которую патріархъ Іаковъ раненъ былъ ангеломъ. Талмудисты, по своему методу обставлять библейскія запрещенія разными *оградами*, запретили и жиръ, облагающій эту жилу (называемую „гидъ-ганаше"). Хотя и бывали въ прежнее время ученые „менакеры" (вырѣзатели), которые занимались освобожденіемъ заднихъ частей отъ этой жилки и жира, но и тогда они были только въ большихъ еврейскихъ городахъ, гдѣ ихъ ремесло имѣло значительное практическое примѣненіе; въ настоящее же время, даже въ большихъ городахъ рѣдко найдется такой „менакеръ". И такъ, задняя часть тѣла всякой убиваемой въ еврейскихъ рѣзницахъ скотины поступаетъ въ „трефъ".

2) Выходя отъ установленнаго древними учителями начала, что скотина одержимая смертоносною болѣзнью или раною, подходитъ подъ запрещеніе Моисея: не употреблять мяса скотины, растерзанной звѣремъ,—талмудъ, на основаніи тогдашней физіологіи животныхъ и ветеринаріи, запрещаетъ мясо тѣхъ животныхъ, у которыхъ оказалось проколотіе или сквозное разрушеніе („Некуба") въ нѣкоторыхъ пищеварительныхъ сосудахъ, въ мозговыхъ оболочкахъ, въ легочной плевѣ и т. д.

„На этомъ основаніи позднѣйшіе раввины, ссылаясь на то, что большая часть крупнаго и мелкаго скота, бываетъ одержима зачатками туберкулезнаго разрушенія легочной плевы, постановили: лёгкія каждой зарѣзанной скотины подвергать тщательному осмотру „шохета" и если, при надуваніи ихъ, окажется чуть-замѣтное прохожденіе воздуха, или же малѣйшій наростъ, подъ которымъ разрушена плева („сырха"), мясо этой скотины объявляется трефомъ. И этотъ-то трефъ, составляющій 70 или 80% всего продающагося изъ еврейскихъ рѣзницъ количества говядины, поступаетъ въ продажу христіанамъ. Что касается практической стороны предмета, то считаю нужнымъ замѣтить, что еврейскій рѣзникъ, покупая скотъ для убоя, большею частью имѣетъ въ виду, такъ сказать, кошерный доходъ (кошерная говядина, по причинѣ превосходства спроса надъ предложеніемъ, всегда дороже трефной, и большая часть внутренностей, особенно жира, продается сравнительно дороже); слѣдовательно, трефъ (не говоря уже о заднихъ частяхъ, но даже переднія—того самаго, а очень часто еще лучшаго качества) лучше кошера и, по своему изобилію, всегда гораздо дешевле кошера, кромѣ коробочнаго сбора, его обременяющаго. Разсужденія г. Брафмана объ установленіи коробочнаго сбора, о его главной цѣли и направленіи къ поддержанію кошера, о поддержаніи этого направленія русскими законами,—тоже

не вполнѣ правильны. Примѣняя аргументы и силлогизмы г. Брафмана, можно заключить, что русское правительство, установивъ значительный акцизъ съ питей, руководствовалось не тѣмъ соображеніемъ, что потребленіе питей довольно распространено въ народѣ и обложеніе этого предмета налогомъ съ одной стороны—доставитъ вѣрный и надежный источникъ государственнаго дохода, а съ другой стороны—заставитъ народъ отвыкнуть отъ лишняго употребленія питей и пьянства,—напротивъ, выходитъ, что правительство нарочно обложило употребленіе напитковъ значительнымъ сборомъ, чтобы это употребленіе распространилось и поддерживалось еще больше.

„Приводя текстъ русскихъ законовъ, касающихся огражденія содержателя коробочнаго сбора отъ утайки таковаго со стороны евреевъ, авторъ выводитъ изъ этого заключеніе, что „вотъ кошеръ теперь имѣетъ обязательную силу для евреевъ въ Россіи не только по талмуду, но и по государственнымъ законамъ“!

„Вѣдь не одно-же употребленіе говядины ограничено еврейскимъ религіозно-обрядовымъ закономъ!

„Онъ касается гораздо больше еврейской кухни, чѣмъ рѣзницы. Между тѣмъ, хотя въ первую никогда не достигаетъ *бдительный глазъ кагала и его агентовъ*, касающіяся кухни не менѣе обременительныя и мелочныя предписанія исполняются во всей точности.

„Основаніе всего этого, какъ и соблюденія кошера, составляетъ безпримѣрная привязанность и преданность евреевъ, особенно старосвѣтскихъ, къ религіи своихъ отцовъ и ихъ готовность жертвовать всѣмъ для того, чтобы остаться вѣрными всѣмъ требованіямъ этой религіи. И эта-то готовность служила поводомъ къ тому, что большая часть—учрежденныхъ самими-ли евреями, правительствомъ-ли—сборовъ съ евреевъ имѣла предметомъ обложенія какой нибудь религіозный обрядъ, потому что со стороны религіи уже представлялась гарантія въ вѣрномъ и постоянномъ поступленіи сбора. Но что эти сборы принесли пользу религіи, это—не имѣетъ никакого основанія. Что касается актовъ, то ни одинъ изъ нихъ не содержитъ въ себѣ ни малѣйшаго доказательства того, что при учрежденіи сбора (происходившемъ въ Минскѣ въ 1795 г. см. актъ № 9), имѣлось въ виду охраненіе кошера“.

Передъ приготовленіемъ въ пищу, мясо у евреевъ обыкновенно тщательно вымывается и высаливается, чтобы его очистить такимъ образомъ отъ крови, употребленіе которой строго запрещено Моисеемъ.

Рыбы не подвергаются такому строгому осмотру, и кровь ихъ очень многими употребляется.

Молоко, яйца и икра запрещенныхъ животныхъ также воспрещается.

Относительно вина можно сказать, что евреи вообще употребляютъ мало спиртныхъ и опьяняющихъ напитковъ.

Религіозный законъ запрещаетъ употреблять виноградное вино не только приготовленное язычникомъ, но и такое, къ которому язычникъ прикоснулся или носилъ его. Св. писаніе выставляетъ основаніемъ этого запрещенія то, что вино служило предметомъ языческаго богослуженія, но раввины указываютъ больше на то, что, распивая вмѣстѣ съ язычникомъ вино, еврей вступаетъ съ нимъ въ близкія сношенія, и питіе вина можетъ повести къ употребленію его хлѣба („питомъ“), т. е. совмѣстнаго участія въ трапезѣ, а это послѣднее можетъ повести къ женитьбѣ на его дочери („бенотегемъ“), что поведетъ уже къ поклоненію идоламъ („доворъ ахеръ“). Эта теорія послѣдовательности запрещеній (выражается талмудистами въ словахъ: „газруалъ ейномъ мишумъ питомъ; алъ питомъ ишумъ бнотегемъ, веалъ бнотегемъ мишумъ доворъ ахеръ“) послужила съ одной стороны—къ запрещенію позднѣйшими раввинами питія вина не только съ христіанами, но даже съ евреями, отступившими отъ религіи какъ напр. караимами и т. п., а съ другой стороны—послужила къ тому, что современные евреи, вступающіе въ практической жизни въ близкія и даже интимныя сношенія съ христіанами, находятъ запрещеніе относительно вина и хлѣба потерявшимъ всякое значеніе, а болѣе образованные и свѣтскіе, не видя въ христіанствѣ ничего общаго съ язычествомъ, вступаютъ даже съ христіанками въ бракъ, конечно — гражданскій. Послѣднее относится къ европейскимъ евреямъ. Въ продолженіи всей недѣли праздника Пасхи евреи не употребляютъ никакого хлѣба и приварковъ, которые подверглись окисленію посредствомъ броженія, пекутъ опрѣсноки („маца“) изъ одной муки съ водою, безъ соли и дрожжей, съ самой жатвы*) тщательно предохраняя муку отъ замочки.

Поварствомъ у евреевъ занимаются обыкновенно женщины (исключенія рѣдки), которыя превосходно пекутъ хлѣбъ, такъ какъ каждая употребляетъ свой, а не покупной хлѣбъ, и печетъ наканунѣ всякаго праздника бѣлый хлѣбъ („халы“), причемъ совершается особенный обрядъ и читается благословеніе.

Обрядъ этотъ состоитъ въ слѣдующемъ:

Библейскій законъ велѣлъ отдѣлять въ пользу жрецовъ кусокъ изъ всякаго мѣсимаго тѣста. Это соблюдалось только въ Палестинѣ. Въ другихъ же странахъ, по изгнаніи евреевъ изъ Палестины, когда никакой жрецъ не могъ доказать достовѣрность своего жреческаго происхожденія, онъ не могъ

*) Съ самой жатвы охраняютъ только набожные ригористы.

вкушать священную „халу“; евреи однакожъ не считали себя свободными отъ выполненія этого обряда; поэтому раввины и постановили „халу“ хотя и отдѣлять, но сожигать ее. Этотъ-то обрядъ соблюдается и по-нынѣ не только при печеніи праздничнаго, но и будничнаго хлѣба.

Что касается формы булокъ, то она бываетъ различна, смотря по празднику, и не вездѣ строго соблюдается.

Вообще принято, что субботнія и праздничныя булки имѣютъ отличную отъ будничныхъ форму.

Въ субботу евреямъ не дозволено варить, а потому субботній обѣдъ („шолентъ“ или „чулентъ“) ставится не въ одномъ горшкѣ, а въ нѣсколькихъ, смотря по числу блюдъ. „Шолентъ“ состоитъ обыкновенно изъ лучшихъ, сравнительно съ будничными, припасовъ.

Вообще, кромѣ холодныхъ форшмаковъ, субботній („чулентный“) обѣдъ (состоитъ изъ соуса, приготовленнаго изъ мозга и хряща; изъ супа, приготовленнаго изъ лучшей купленной для шабаса говядины; изъ кугеля и говядины изъ супа. Между низшими классами, рѣдко употребляющими въ будни мясную и жирную пищу, очень часто случаются гастрическіе, хотя и скоро проходящіе недуги отъ субботнихъ блюдъ, отличающихся жирностью и которыми часто объѣдаются. Въ Украинѣ и Подоліи существуетъ такого рода разсказъ: когда-то запретили евреямъ употреблять въ субботу говядину; они ухитрились и выдумали „кугель“, внутри котораго хранилась жаренная говядина.

Еврейки очень искусно пекутъ пряники изъ ржаной муки („лекохъ“), а также разныя лакомства („тейглехъ“)—изъ тѣста съ медомъ; „айнжгемахцъ“ тоже что варенье—изъ рѣпы и инбиря съ медомъ; разные сахарники съ миндалемъ и проч. варенья изъ разныхъ ягодъ и т. д.

Въ праздникъ Пятидесятницы евреи готовятъ молочный обѣдъ, а въ праздникъ Маккавеевъ („ханука“) пекутъ блины и аладьи изъ гречневой муки.

Мясная пища запрещается отъ 1-го числа мѣсяца „абъ“ до 9-го—день разрушенія храма. Но въ субботу, такъ равно и на пирѣ, устраиваемомъ при исполненіи религіознаго обряда обрѣзанія („пидьонъ габенъ“—„с'удасъ мицва“), дозволяется употреблять и мясную пищу.

Предъ наступленіемъ этихъ 9-ти дней (die neun Täg) наканунѣ 1-го Аба до захода солнца принято плотно пообѣдать мясною пищею—родъ русскихъ заговѣнъ.

У евреевъ это называется „essen for der Schil“, такъ какъ эта трапеза кончается до наступленія времени совершенія въ школѣ пред-вечерней молитвы.

Относительно пищи считаемъ нужнымъ замѣтить, что Литовскіе и Бѣлорусскіе евреи рознятся во вкусѣ отъ евреевъ Южныхъ и Югозападныхъ губерній. Такъ, первые употребляютъ больше ржаной хлѣбъ, а послѣдніе — болѣе пшеничный. Борщъ готовятъ у Литовцевъ болѣе кислый, чѣмъ у Волынскихъ и другихъ евреевъ.

Литовскіе евреи употребляютъ также болѣе пряностей, чѣмъ другіе евреи. Такъ, на Литвѣ встрѣчаются варенья изъ хрѣна, инбиря и т. п., что рѣдко найдется у Волынскихъ, Подольскихъ и Украинскихъ евреевъ.

Обычаи и обряды.

Различныя вѣрованія и предразсудки распространены у евреевъ не менѣе, чѣмъ у другихъ народовъ; по исполненію же различныхъ обрядовъ, лишонныхъ часто всякаго смысла, они превзошли другихъ народовъ.

Эти вѣрованія особенно поддерживаются ученіемъ „кабаллы“ и хасидизмомъ. Но и талмудъ, нѣкоторымъ образомъ, стоитъ за эти вѣрованія, хотя вообще онъ ставитъ волю Божію—высшею и единственною рѣшительницею судьбы человѣка.

Особенно интересны народные обычаи, совершаемые при сватьбѣ.

Сватьба. — Въ губерніяхъ южныхъ и юго-западныхъ, обычаи, совершаемые въ предшествующую сватебной недѣлѣ субботу, состоятъ въ слѣдующемъ: наканунѣ субботы, двѣ, обыкновенно молодыя, женщины, родственницы молодаго, а большею частью сама мать жениха—ходятъ по домамъ знакомыхъ, близкихъ и дальнихъ, и приглашаютъ женщинъ пожаловать на другой день утромъ въ домъ „мехутеныcты“ *) (матери жениха) провожать ее въ синагогу (in schill herein führen). Въ субботу утромъ собираются хотя не всѣ приглашенныя, но большая часть ихъ, и „мехутеныста“ отправляется въ сопровожденіи ихъ въ синагогу или школу. Жениха также провожаютъ въ синагогу приглашаемые „шамешомъ“ близкознакомые сосѣди. Въ синагогѣ женихъ занимаетъ почетное мѣсто у восточной стѣны (мѣста у восточной стѣны синагоги считаются самыми почетнѣйшими и цѣнятся сравнительно дорого), хотя бы онъ былъ изъ бѣдныхъ и не имѣлъ своего мѣста въ синагогѣ. По возвращеніи изъ синагоги, подчуютъ посѣтителей водкою и пряниками.

---

*) Участвующіе въ сватебномъ весельѣ родственники называются: мущины—„мехутенами“, а женщины—„мехутенystами“, сватьба называется «хасьма» (хасына), древне-еврейская «хатуна».

Относительно пищи считаемъ нужнымъ замѣтить, что Литовскіе и Бѣлорусскіе евреи рознятся во вкусѣ отъ евреевъ Южныхъ и Югозападныхъ губерній. Такъ, первые употребляютъ больше ржаной хлѣбъ, а послѣдніе — болѣе пшеничный. Борщъ готовятъ у Литовцевъ болѣе кислый, чѣмъ у Волынскихъ и другихъ евреевъ.

Литовскіе евреи употребляютъ также болѣе пряностей, чѣмъ другіе евреи. Такъ, на Литвѣ встрѣчаются варенья изъ хрѣна, инбиря и т. п., что рѣдко найдется у Волынскихъ, Подольскихъ и Украинскихъ евреевъ.

Обычаи и обряды.

Различныя вѣрованія и предразсудки распространены у евреевъ не менѣе, чѣмъ у другихъ народовъ; по исполненію же различныхъ обрядовъ, лишонныхъ часто всякаго смысла, они превзошли другихъ народовъ.

Эти вѣрованія особенно поддерживаются ученіемъ „кабаллы“ и хасидизмомъ. Но и талмудъ, нѣкоторымъ образомъ, стоитъ за эти вѣрованія, хотя вообще онъ ставитъ волю Божію—высшею и единственною рѣшительницею судьбы человѣка.

Особенно интересны народные обычаи, совершаемые при сватьбѣ.

Сватьба. — Въ губерніяхъ южныхъ и юго-западныхъ, обычаи, совершаемые въ предшествующую сватебной недѣлѣ субботу, состоятъ въ слѣдующемъ: наканунѣ субботы, двѣ, обыкновенно молодыя, женщины, родственницы молодаго, а большею частью сама мать жениха—ходятъ по домамъ знакомыхъ, близкихъ и дальнихъ, и приглашаютъ женщинъ пожаловать на другой день утромъ въ домъ „мехутеныcты“ *) (матери жениха) провожать ее въ синагогу (in schill herein führen). Въ субботу утромъ собираются хотя не всѣ приглашенныя, но большая часть ихъ, и „мехутеныста“ отправляется въ сопровожденіи ихъ въ синагогу или школу. Жениха также провожаютъ въ синагогу приглашаемые „шамешомъ“ близкознакомые сосѣди. Въ синагогѣ женихъ занимаетъ почетное мѣсто у восточной стѣны (мѣста у восточной стѣны синагоги считаются самыми почетнѣйшими и цѣнятся сравнительно дорого), хотя бы онъ былъ изъ бѣдныхъ и не имѣлъ своего мѣста въ синагогѣ. По возвращеніи изъ синагоги, подчуютъ посѣтителей водкою и пряниками.

---

*) Участвующіе въ сватебномъ весельѣ родственники называются: мущины—„мехутенами“, а женщины—„мехутенystами“, сватьба называется «хасьма» (хасына), древне-еврейская «хатуна».

Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ жениха провожаютъ изъ синагоги его сверстники — юноши, съ которыми онъ закусываетъ въ особой комнатѣ. Эти дружки посѣщаютъ жениха также днемъ, послѣ обѣда; ставятъ на свой всчетъ по бутылкѣ вина и закуски, за которыми проводятъ время до вечера. Родителей жениха посѣщаютъ днемъ послѣ обѣда нѣкоторые изъ болѣе близкихъ знакомыхъ и родственники; пьютъ вино, медъ, пиво; закусываютъ и проводятъ время въ веселыхъ разговорахъ и пѣніи. Гдѣ есть канторъ съ пѣвчими, тамъ онъ приглашается и получаетъ за пѣніе вознагражденіе.

Въ домѣ же невѣсты въ эту субботу устраивается „форшпилъ“, составляющій праздникъ собственно невѣсты. „Форшпилъ“ состоитъ въ томъ, что приглашаются близкія и дальнія знакомыя женщины и дѣвушки, которыя съ двухъ часовъ по полудни до вечера проводятъ время въ танцахъ и закускахъ. Въ каждой еврейской общинѣ существуетъ кагаломъ утвержденный мѣстный персоналъ, состоящій изъ скрипача, цимбалиста, баса и бубенщика. Съ этимъ оркестромъ является почти всегда и „бадханъ“ — еврейскій шутникъ и фокусникъ, распѣвающій подъ музыку стихи собственнаго произведенія и потѣшающій публику остротами.

Но такъ какъ евреи въ субботу днемъ играть не могутъ, то приглашаются музыканты-христіане, а гдѣ и таковыхъ не окажется, такъ женщины старухи пляшутъ и безъ музыки, а дѣвушки ожидаютъ вечера, когда приглашаются еврейскіе музыканты и танцы продолжаются до полуночи. Если же приходится танцовать при музыкѣ только вечеромъ, тогда остаются однѣ близко знакомыя дѣвушки, и эти танцы устраиваются большею частію у богатыхъ, особенно если нѣтъ на мѣстѣ музыкантовъ, и ихъ приходится выписать изъ ближайшаго города или мѣстечка, что̀ сопряжено съ значительными расходами.

Побывать въ субботу днемъ на „форшпилѣ“ считается отчасти богоугоднымъ; особенно если невѣста бѣдная, тогда всѣ богатыя, набожныя женщины считаютъ своимъ долгомъ посѣтить ея „форшпилъ“.

Вечеромъ, наканунѣ сватьбы, хорошо знакомыя женщины провожаютъ невѣсту въ баню, гдѣ она должна исполнить обрядъ омовенія въ теплой „миквѣ“.

По словамъ г. Брафмана, „миква“ имѣетъ въ объемѣ двѣ трети кубическихъ сажени. Вода въ ней должна быть теплая, вслѣдствіе чего она нагрѣвается искусственною трубою въ родѣ самовара, или прямо вливаніемъ кипятка. Въ такомъ водоемѣ, устроенномъ въ подземельѣ, омовеніе совершается слѣдующимъ образомъ: передъ погруженіемъ въ воду, каждая еврейка ста-

рается привести себя въ порядокъ, расчесываетъ свои волоса, стрижетъ ногти, снимаетъ даже струпья съ заживших ранъ, чтобы не препятствовать доступу воды ни къ одной точкѣ тѣла. Затѣмъ она опускается по ступенямъ въ „микву“ и, помутивъ, по закону, воду, читаетъ молитву, стараясь погрузиться такъ, чтобы кончики волосъ не оставались на поверхности воды. Въ такомъ положеніи еврейка остается до тѣхъ, поръ пока не услышитъ завѣтнаго „кошеръ“, произнесеннаго надзирательницею („тукерке“) стоящею надъ „миквою“. Погруженіе это совершается до трехъ разъ, затѣмъ купающаяся полощетъ этою-же водой ротъ и уступаетъ свое мѣсто другой, поступающей точно также.

Г. Брафманъ говоритъ, что, впродолженіе одного вечера, въ такой „миквѣ“ погружаются сотни женщинъ, и что вода въ „миквѣ“ мѣняется не больше раза въ мѣсяцъ; и такъ какъ эта „миква“ служилъ обрядомъ омовенія женщинъ послѣ родовъ и менструаціи, то можно судить—какова должна быть сила кагала, чтобы заставить бѣдныхъ женщинъ опускаться, безъ чувства отвращенія, въ эту перегнившую и міазмами наполненную воду. Кромѣ того, она способствуетъ къ распространенію разныхъ накожныхъ и другихъ болѣзней между еврейками. Эти водоемы составляютъ собственность кагала и отдаются на откупъ баньщику, посредствомъ котораго кагалъ можетъ касаться самыхъ интимныхъ супружескихъ отношеній.

Обрученіе. Какъ ни кажется странною ранняя женитьба у евреевъ, но еще болѣе странно—слишкомъ заблаговременное обрученіе.

Хотя послѣднее естественно вытекаетъ изъ перваго, но бываютъ такія раннія обрученія, которыя ничѣмъ необъяснимы.

Раннія обрученія можно развѣ объяснить тѣмъ, что евреи, въ прежнее время жалкаго положенія ихъ въ гражданскомъ и политическомъ отношеніяхъ, сосредоточивали всѣ свои стремленія къ земному счастію на семейныхъ радостяхъ, и потому главною цѣлью житейскихъ заботъ у нихъ было потомство, устройство и выведеніе въ люди своихъ дѣтей.

Обычай ранняго обрученія, какъ и ранней женитьбы, выводясь болѣе и болѣе изъ употребленія у евреевъ образованныхъ и свѣтскихъ, все-таки удерживается между менѣе развитыми, и особенно у хасидовъ. Обрученіе 10-ти и 12-ти лѣтнихъ дѣтей—не рѣдкость. Но бываютъ случаи обрученія 5-ти и 6-ти лѣтнихъ малютокъ.

Смѣшно сказать, что иногда, особенно бездѣтныя или, лучше сказать, безсыновнія женщины, посѣщая вмѣстѣ „микву“, гдѣ омываются послѣ менструаціи, сватаютъ дѣтей будущихъ отъ супружескихъ соединеній послѣ совершае-

маго омовенія *). Такіе договоры сдерживаются, хотя-бы впослѣдствіи обѣ стороны стояли далеко другъ отъ друга по положенію и состоянію. Хотя подобные случаи рѣдки, но самая ихъ возможность довольно характеристична. При такомъ раннемъ обрученіи, нечего и говорить, что не можетъ быть рѣчи о любви между молодою четою до женитьбы. Раннія обрученія и ранняя женитьба имѣютъ часто послѣдствіемъ семейныя неурядицы, а иногда и разводъ, при существованіи 3-хъ, 4-хъ дѣтей.

Что касается обряда и обычаевъ обрученія, то они состоятъ въ слѣдующемъ:

Когда „шодханъ“ (мужчина-сватъ) уже успѣлъ согласить обѣ стороны на счетъ суммъ приданнаго и времени содержанія четы послѣ сватьбы („гахзака“), родители обручаемыхъ сходятся или съѣзжаются вмѣстѣ; приглашаютъ нѣсколько знакомыхъ и родственниковъ и устраиваютъ „кнасъ-мулъ“.

„Хазанъ“ (канторъ) или общественный писарь того мѣста пишетъ „тноимъ“ (актъ обрученія), начинающійся стереотипными фразами и стихами (см. „Наслѣдственный Подсвѣчникъ“ О. Рабиновича) и заключающій въ себѣ главныя условія обрученія на счетъ „недана“ (приданаго) и „гахзака“. Этотъ актъ прочитывается и подписывается двумя свидѣтелями.

По окончаніи чтенія, родители жениха и невѣсты ломаютъ какую нибудь глиняную посуду, держа ее вмѣстѣ и опуская въ одно время. Потомъ уже ломаютъ близкіе друзья и знакомые. Если на „кнасъ-мулъ“ присутствуютъ молодые, то родители должны имъ дать какой нибудь подарокъ при прощаніи. Вообще какъ у посредственно состоятельныхъ, такъ и у богатыхъ, родители жениха невѣстѣ, а родители послѣдней жениху должны дать какіе нибудь подарки, состоящіе—первые изъ дамскихъ украшеній: сергей, перстней и жемчуга, а послѣдніе—изъ часовъ, золотой цѣпочки, а если женихъ—ученый, то ему даютъ и книги. Чаще всего, сумма этихъ подарковъ обусловливается актомъ обрученія. Обыкновенно, при равенствѣ знатности сватающихся сторонъ, родители невѣсты даютъ больше приданаго и содержанія, а родители жениха даютъ подарковъ невѣстѣ на большую сумму. Если-же одна сторона болѣе знатна по происхожденію отъ знаменитой фамиліи, то другая, даже сторона жениха, даетъ больше и приданаго, и подарковъ.

Въ теченіи времени отъ обрученія до сватьбы, обнимающаго нерѣдко періодъ въ 3, 4 года, на праздникъ Пасхи или Кущей приглашаютъ жениха-отрока въ домъ невѣсты, а иногда и невѣсту въ домъ жениха, и родители любуются будущимъ своимъ зятемъ или невѣсткою. При прощаніи нужно

---

*) Вѣруютъ, что такой договоръ можетъ имѣть вліяніе на судьбу бездѣтной или безсыновней женщины.

дать молодому или молодой какой нибудь подарокъ, который, впрочемъ, не входитъ въ счетъ обусловленныхъ (сумма всѣхъ подарковъ составляетъ третью, а иногда и большую часть всей суммы приданаго). Гостя въ домѣ своей невѣсты до женитьбы, ни женихъ, ни невѣста не осмѣливаются заговорить другъ съ другомъ, развѣ только украдкой бросятъ взглядъ. Однако, если обрученные уже въ лѣтахъ, то, во время такихъ гощеній, нерѣдко между ними завязывается безмолвная симпатія, и чувство любви западаетъ въ молодыя сердца.

Обручивъ сына или дочь, болѣе зажиточные и богатые устраиваютъ въ первую наступающую субботу закуску („лейкихъ“ и „бронфинъ“) *).

Наканунѣ дня вѣнчанія, устраивается особый праздникъ „хусенъ-мулъ“ (по нѣмецки Хусенъ-Mahl пиршество жениха).

Такъ какъ у евреевъ женихъ бываетъ большею частью изъ другого города или мѣстечка, то, наканунѣ дня вѣнчанія, онъ, въ сопровожденіи родителей и родныхъ, пріѣзжаетъ въ мѣстожительство невѣсты. На родителяхъ послѣдней лежитъ обязанность позаботиться о приготовленіи квартиръ для жениха и сопровождающихъ его родныхъ. Не доѣзжая до города, поѣздъ жениха останавливается у ближайшей корчмы, посылая въ городъ извѣстить о своемъ приближеніи.

Родители, родные и близкіе знакомые невѣсты выѣзжаютъ на встрѣчу жениху и, вмѣстѣ съ нимъ, въ сопровожденіи приглашеннаго на сватьбу оркестра, въѣзжаютъ въ городъ, при стеченіи любопытной толпы парней, дѣвушекъ и женщинъ низшихъ слоевъ.

Въ нѣкоторыхъ мѣстечкахъ еще удержанъ старинный обычай, состоящій въ томъ, чтобы весь кортежъ, при звукахъ музыки, объѣхалъ разъ или два лавки, или вообще болѣе людное мѣсто, и потомъ уже—въ приготовленныя квартиры.

Прибывъ на квартиру, женихъ одѣвается въ новую праздничную одежду, и знакомые невѣсты приходятъ привѣтствовать его пріѣздъ („кабаласъ-понимъ“). Посѣтителей подчуютъ, жениха—водкою и пряниками. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ жениха окружаютъ отроки—дружки.

Въ домѣ невѣсты въ этотъ вечеръ устраиваются танцы, въ которыхъ участвуютъ преимущественно дѣвушки, подруги невѣсты. Повеселить невѣсту, особенно бѣдную сироту, въ вечеръ „хусенъ-мула“ тоже считается богоугоднымъ дѣломъ.

---

*) Остерегаются посватать съ тестемъ одного имени, но еще болѣе наблюдаютъ, чтобы невѣстка не имѣла одного имени съ свекровью, для того, чтобы не вышло кровосмѣсительнаго соединенія между свекромъ и невѣсткою, если онъ ночью назоветъ ее по имени своей жены. Евреи, однако, еще считаютъ такія сватанья опасными для новобрачныхъ.

По окончаніи танцевъ, около 10-ти или 11-ти часовъ, приглашаютъ жениха и его родителей на приготовленный въ домѣ невѣсты ужинъ, куда они отправляются въ сопровожденіи играющихъ музыкантовъ. Поужинавъ, гости возвращаются въ свою квартиру вмѣстѣ съ женихомъ.

Въ день вѣнчанія происходятъ слѣдующія церемоніи: a) Basetzen die Kale, b) Basetzen dem Chusen и c) Badekers.

Basetzen die Kale—посаженіе невѣсты. Въ домѣ невѣсты собираются близкія и дальнія знакомыя женщины, такъ что домъ или, устраиваемый въ лѣтнее время, шалашъ биткомъ набитъ посѣтительницами. Невѣсту сажаютъ посреди комнаты на стулѣ (въ нѣкоторыхъ мѣстахъ на покрытой квашнѣ) и, при заунывной игрѣ музыки, расплетаютъ ей волосы, которыя были заплетены въ тотъ же день въ мелкія кòсы *). „Бадханъ“ стоитъ на возвышенномъ мѣстѣ и, въ импровизированныхъ стихахъ, лишенныхъ размѣра и логики, говоритъ большею частію о скоротечности земной жизни и ея радостей, о важности дня, въ который невѣста должна исповѣдываться передъ Богомъ и раскаяваться въ своихъ грѣхахъ; если она сирота, „бадханъ“ описываетъ, какъ ея покойные родители, или родитель стоитъ предъ престоломъ Всевышняго и ходатайствуетъ о ея счастливой будущности и отпущеніи ея грѣховъ. Стихи онъ декламируетъ отдѣльными куплетами, и послѣ каждаго—музыка повторяетъ одни и тѣ-же трогательные мотивы. Нѣкоторыя присутствующія женщины плачутъ на-взрыдъ, и вообще большая часть бываютъ тронуты до слезъ.

По окончаніи расплетанія косъ и бадханскихъ стиховъ, женихъ является у дверей дома въ сопровожденіи родныхъ и мѣстныхъ знакомыхъ, а также родныхъ невѣсты; всѣ сопровождающіе его остаются у дверей, а онъ, при двухъ свидѣтеляхъ, входитъ въ комнату къ мѣсту сидѣнія невѣсты и совершаетъ *„das badeken die Kale“ — накрытіе невѣсты.* Онъ накрываетъ ей голову и лицо приготовленнымъ платкомъ, а у болѣе набожныхъ завѣсомъ, которымъ въ синагогѣ завѣшивается кивотъ, гдѣ хранятся свитки Библіи. Это покрывало невѣста носитъ весь наступающій вечеръ до отхода ко сну. Послѣ накрытія, жениха осыпаютъ хмѣлемъ или овсомъ. Въ дружки жениху и невѣстѣ назначаются двѣ четы, которыя должны быть непремѣнно первобрачныя; изъ нихъ мужья бываютъ шаферами, а жены ихъ подругами. Къ присутствію при посаженіи и накрытіи невѣсты, женщины приглашаются двумя молодыми женщинами изъ родственныхъ невѣстѣ, ходящими изъ дома въ домъ.

---

*) Женщины, расплетающія косы, даютъ при этомъ въ пользу бѣдныхъ по нѣсколько копѣекъ.

Послѣ накрытія, обыкновенно бываетъ угощеніе, а на квартирѣ жениха начинается *das basetzen dem Chussen* — посаженіе жениха. Бадханъ, въ сопровожденіи играющихъ музыкантовъ, приноситъ молодому сватебные подарки, которые состоятъ изъ: а) шерстянаго покрывала съ синими полосами („талисъ"), который евреи надѣваютъ на себя во время утренней молитвы, и б) смертной рубашки („китель"), которую надѣваютъ только въ день отпущенія грѣховъ и Пасхи и въ которой хоронятъ умершихъ. При передачѣ этихъ даровъ, бадханъ старается, въ импровизированныхъ стихахъ, объяснить ихъ высокое значеніе, а въ особенности значеніе дня, въ который они получаются, но присутствующіе мужчины не такъ скоро трогаются до слезъ, какъ женщины.

Сопровожденіе невѣсты въ „микву" для совершенія омовенія дѣлается только тогда, когда къ этому наступило установленное закономъ время, т. е. когда минутъ семь дней по прекращеніи послѣдней менструаціи. Въ старину, а въ нѣкоторыхъ мѣстечкахъ и теперь ведутъ невѣсту въ баню съ музыкою.

День вѣнчанія считается днемъ покаянія и отпущенія грѣховъ для новобрачныхъ, поэтому они оба постятся цѣлый день до возвращенія съ вѣнчанія. При совершеніи пред-вечерней молитвы („минха"), женихъ читаетъ установленную для великаго поста „Іомъ-Кипуръ" грѣхоисповѣдную формулу.

Очень часто у среднихъ и низшихъ классовъ въ день вѣнчанія случаются разные споры между родителями новобрачныхъ по поводу невыполненія нѣкоторыхъ условій относительно приданаго, устройства гардероба и т. д., но, по большей части, они улаживаются участвующими въ сватебномъ весельѣ родственниками, знакомыми и раввиномъ. Но въ старину эти споры были, должно быть, еще чаще чѣмъ въ настоящее время. Въ талмудѣ встрѣчаемъ поговорку: „эйнъ хупа белой тигра" (т. е. нѣтъ вѣнчанія безъ спора).

Послѣ всѣхъ вышеизложенныхъ церемоній, продолжающихся иногда до 9-ти часовъ вечера, шаферы приступаютъ къ одѣванію жениха въ „китель" и собираются къ „хупѣ" —вѣнчанію.

По словамъ г. Берлина, дружки жениха зажигаютъ въ это время два факела; бадханъ выкликаетъ по очереди родителей и старшихъ родственниковъ обѣихъ сторонъ для подачи благословенія; каждый приглашенный возлагаетъ руки на голову жениха и невѣсты, благословляетъ ихъ по установленной формулѣ и затѣмъ всѣ отправляются къ мѣсту вѣнчанія. Въ нѣкоторыхъ же мѣстностяхъ, т. е. въ Малороссіи, существуетъ обычай развязывать въ одеждѣ идущаго къ вѣнцу жениха всѣ узлы, какъ то: въ галстухѣ, въ поясѣ и распустить всѣ даже застежки, кромѣ необходимыхъ. На Литвѣ кладутъ жениху, согласно съ предписаніемъ Талмуда, немного пепла на голову, въ

память разрушенія храма Іерусалимскаго. Но въ здѣшнихъ мѣстностяхъ это не соблюдается; не существуетъ также обычая благословлять жениха посредствомъ рукоположенія. Здѣсь „шамешъ“ восклицаетъ, чтобы женщины старухи благословляли жениха, и онѣ или благословляютъ его, или отвѣчаютъ „да благословитъ его Богъ“. Факеловъ зажигаютъ здѣсь не два, а множество, и ихъ носятъ шаферы, родители новобрачныхъ и родные.

Самый актъ вѣнчанія состоитъ въ слѣдующемъ:

Въ сопровожденіи музыки и шаферовъ, женихъ направляется къ „хупѣ“ (балдахинъ), устроенной близъ синагоги подъ открытымъ небомъ; вслѣдъ за нимъ ведутъ туда невѣсту, которая обходитъ вмѣстѣ съ родителями и шаферами 7 разъ вокругъ жениха и становится по правой рукѣ его. Во время этого обхода, канторъ поетъ старинные гимны; потомъ раввинъ произноситъ молитву надъ чашей, изъ которой должны отвѣдать женихъ и невѣста.

Послѣ этого „шамешъ“ громко прочитываетъ составленную на халдейскомъ языкѣ брачную запись, затѣмъ женихъ надѣваетъ невѣстѣ на указательный палецъ кольцо, говоря: „горей атъ мекудешетъ ли бетабаотъ зу кедатъ Моше веизраелъ“ (этимъ кольцомъ ты обручена мнѣ по закону Моисея и Израиля).

При этомъ онъ долженъ раздавить ногою нарочно приготовленную для этого недорогую рюмку, чтобы не забыть о паденіи Іерусалима. Женихъ и невѣста пьютъ изъ второй чаши, надъ которой произносятъ краткую молитву и затѣмъ ихъ ведутъ домой съ музыкой *).

Чтеніе молитвъ передъ вѣнчаніемъ и записи можетъ совершить и не раввинъ: нужно только присутствіе 10-ти взрослыхъ евреевъ.

Возвратясь послѣ вѣнца, женихъ и невѣста, постивши весь день, спѣшатъ подкрѣпить себя легкимъ бульономъ, подъ названіемъ „золотой супъ“. Для гостей приготовляется пиръ, по окончаніи котораго каждый подноситъ новобрачнымъ какой нибудь подарокъ, который возглашается бадханомъ съ примѣсью разныхъ прибаутокъ и остротъ. Подарки бываютъ иногда довольно цѣнные. Взаключеніе невѣсту усаживаютъ посреди комнаты, каждый изъ гостей подходитъ къ ней и, взявшись за платокъ, находящійся въ ея рукѣ, дѣлаетъ съ нею одинъ кругъ подъ музыку. Послѣднимъ послѣ всѣхъ мущинъ подходитъ женихъ къ невѣстѣ. Потомъ подруги невѣсты отводятъ ее

---

*) При вѣнчаніи вдовца съ вдовою, или разведенною, соблюдается только то, что она стоитъ подъ вѣнчальнымъ балдахиномъ съ покрытымъ лицомъ. Но накрывается сама, а не женихомъ; женихъ одѣвается шаферами въ китель; по произнесеніи раввиномъ, или другимъ лицомъ благословенія, онъ также разбиваетъ стеклянную рюмку. Вѣнчаніе совершается въ комнатѣ, при малочисленныхъ друзьяхъ, а не на улицѣ.

въ брачную комнату, а женихъ остается съ гостями, пока подруги не возвратятся отъ невѣсты, послѣ чего шаферы жениха провожаютъ и его, такимъ же образомъ, къ невѣстѣ. Въ здѣшнихъ губерніяхъ, по окончаніи ужина играютъ въ честь родителей новобрачныхъ такъ называемые „виваты“. Прежде отецъ невѣсты, а потомъ жениха—садится среди комнаты у небольшаго столика, на которомъ поставлено нѣсколько бутылокъ вина или наливки; съ боку стоитъ „бадханъ“ и выкликаетъ по имени: „такой-то нанялъ въ честь мехутена (свата) виватъ!“ Нѣсколько (2—4) музыкантовъ тотчасъ наскоро заиграютъ нѣсколько шумныхъ фантастическихъ варіацій, одного и того же мотива, сопровождаемыхъ звуками барабана; нанимающій „виватъ“ между тѣмъ выпиваетъ вмѣстѣ съ мехутеномъ, цѣлуется съ нимъ, желаетъ всего добраго ему, его семейству и молодой четѣ уплачиваетъ впередъ бадхану въ пользу музыкальной труппы нѣсколько копѣекъ (15—20), а богатые, особенно желающіе тѣмъ почтить мехутена даютъ и по рублю и даже по три. „Виваты“ нанимаютъ всѣ родные и особенно близко-знакомые. Остальные посѣтители, поужинавъ и отдавъ „дроше гешанкъ“, удаляются.

По окончаніи виватовъ каждаго мехутена, онъ танцуетъ съ невѣстою, большею частью, особенно отецъ жениха, не держа ея за руки, а за платокъ, находящійся въ ея рукахъ.

Покрытая невѣста скромно шагаетъ за танцующимъ отцомъ или свекромъ. „Кошеръ-танцъ“ здѣсь не существуетъ. По окончаніи виватовъ, молодыхъ отводятъ въ спальню.

Приглашеніе на сватебный ужинъ („хупа вечере“) производится посредствомъ пригласительныхъ билетовъ, разносимыхъ въ предшествующій день „шамешомъ“ по домамъ приглашаемыхъ.

Каждый, получившій билетъ, долженъ посѣтить „хупа вечере“ или, по крайней мѣрѣ, послать „дроше—гешанкъ“ (подарокъ новобрачнымъ).

Однако болѣе близко знакомые приглашаются чрезъ „шамеша“ въ самый вечеръ послѣ вѣнчанія. Во время ужина, при подачѣ каждаго блюда приглашенный оркестръ разыгрываетъ лучшія знакомыя ему пьесы и речитативы. На каждый сватебный ужинъ долженъ быть приглашенъ мѣстный раввинъ и канторъ. Послѣдній, по окончаніи ужина, произноситъ каждому посѣтителю многолѣтіе“ („мишебейрахъ“) и получаетъ за это отъ каждаго вознагражденіе (отъ 10 до 50 коп.). „Шамосимъ“ (прислужники синагоги и молитвенныхъ школъ, прислуживающіе на каждомъ сватебномъ пирѣ) „сарверы“ (особо приглашаемые повара и поварихи) ставятъ на столъ тарелки, въ которыя посѣтители бросаютъ по нѣскольку копѣекъ, хотя канторъ (какъ и раввинъ) а также „шамосимъ“ и „сарвера“ получаютъ особое вознагражденіе отъ устроителя сватьбы.

Нищіе, безъ которыхъ не обходится ни одно еврейское семейное или религіозное пиршество, тоже ставятъ свои тарелки для собиранія съ посѣтителей по нѣскольку копѣекъ. Въ большей части еврейскихъ поселеній на сватебныхъ ужинахъ ставятся тарелки въ пользу разныхъ благотворительныхъ братствъ особенно „бикуръ-холимъ“ (лѣченіе больныхъ бѣдныхъ) и „талмудъ-тора“ (обученіе бѣдныхъ дѣтей грамотѣ).

„Дроше гешанкъ“ (сватебные подарки молодой четѣ) выводятся уже въ большихъ городахъ южныхъ и югозападныхъ губерній, но въ маленькихъ городкахъ и мѣстечкахъ этотъ обычай держится еще крѣпко. Подарки родителей и родныхъ новобрачныхъ состоятъ иногда изъ золотыхъ, серебряныхъ и другихъ вещей. Прочіе же посѣтители даютъ только деньги: кто рубль, кто и 3 руб., менѣе 50 коп., рѣдко кто, развѣ у бѣдныхъ.

Изъ суммы „дроше гешанкъ“ отдѣляютъ извѣстные проценты сарверамъ, музыкантамъ и на бѣдныхъ.

На другой день сватьбы, убравъ голову невѣсты въ женскій нарядъ, привезенный женихомъ, или вѣрнѣе его родителями, молодыя подруги и родныя ведутъ ее, въ сопровожденіи музыки, въ квартиру свекра и свекрови, которые подчуютъ гостей закусками, а невѣстѣ даютъ какой нибудь подарокъ („гуляшину“).

Въ большей части мѣстностей, изъ дома свекра и свекрови молодая, съ окружающими ее родными женщинами и съ музыкою, посѣщаетъ нѣсколько домовъ изъ самыхъ близкихъ знакомыхъ (это пазывается „рымпленъ митъ деръ кале).

Музыканты играютъ на улицѣ; сопровождающія невѣсту танцуютъ; но прійдя въ домъ, перестаютъ танцовать. Музыканты, по возглашеніи бадхана, играютъ хозяину дома „добридень“, за что получаютъ извѣстное вознагражденіе, а невѣста получаетъ отъ хозяйки дома „гуляшину“ — какую нибудь принадлежность головнаго убора или недорогой перстень.

Для приглашенія женщинъ провожать невѣсту въ первую субботу въ синагогу, отправляются, наканунѣ этой субботы, двѣ молодыя женщины изъ родственницъ новобрачныхъ, а иногда сама мать невѣсты, и обходятъ почти всѣ дома.

Въ субботу утромъ, хотя не всѣ, но большая часть приглашенныхъ является въ домъ невѣсты и провожаютъ ее въ школу или синагогу.

Дѣвушки не посѣщаютъ синагоги у евреевъ, хотя бы онѣ были довольно взрослыя. По окончаніи утренней молитвы, по возглашенію шамеша въ синагогѣ и по особымъ приглашеніямъ идутъ въ домъ невѣсты и женщины и мущины на „лейкихъ ун-бронфенъ“. Послѣ обѣда опять прихо-

дятъ близко знакомые, пьютъ вино, наливки, поютъ и веселятся до вечера; иногда празднество этой субботы продолжается до утра.

Эта, слѣдующая за сватьбой, суббота, празднуется тамъ, гдѣ находятся молодые. Иногда на другой день послѣ вѣнчанія, невѣста переходитъ или уѣзжаетъ съ женихомъ къ его родителямъ. Въ такомъ случаѣ, уже его родители справляютъ эту субботу. Но, въ большей части случаевъ, женихъ остается вначалѣ на содержаніи у родителей невѣсты, потому что мать съ трудомъ соглашается отдать свою дочь въ домъ свекрови, гдѣ ее неминуемо ожидаютъ споры и непріятности со стороны свекрови. Чтобъ невѣстка и свекровь жили мирно—большая рѣдкость.

Вообще предъ сватьбой уговариваются, сколько лѣтъ зять имѣетъ право жить на содержаніи у тестя.

Живя у тестя, зять почти не несетъ никакихъ хозяйственныхъ обязанностей и занимается дѣломъ по доброй волѣ.

Молодыя лѣта и праздность способствуютъ излишеству въ половыхъ отношеніяхъ и вліяютъ неблагопріятно на здоровье новобрачныхъ и на рождающихся дѣтей.

У хасидовъ, не слишкомъ бѣдныхъ, молодой зять днемъ просиживаетъ въ школѣ и тамъ проникается фанатизмомъ, неизбѣжнымъ при постоянномъ чтеніи Талмуда и тупомъ пониманіи его.

Родины. — Для предохраненія беременной женщины отъ различныхъ пагубныхъ случайностей, народное повѣрье считаетъ: а) ношеніе на шеѣ точёнаго камня, называемаго „стерншишъ“ *), и б) препоясываніе беременной одною изъ повязокъ, употребляемыхъ въ молитвенныхъ домахъ для обвязыванія пергаментныхъ свитковъ Пятикнижія. Если разрѣшеніе отъ бремени сопровождается особенными мученіями („мекаше лейледъ“) то при этомъ читаютъ различныя молитвы и псалмы, стихи изъ св. Писанія.

Рожденіе ребенка въ оболочкѣ, извѣстной подъ названіемъ „сорочки“, считается, какъ и у христіанъ, знаменіемъ счастья для новорожденнаго, и сорочка эта обыкновенно сохраняется.

Когда родильница уже почувствуетъ первые симптомы родовъ—потуги, то, для ускоренія и облегченія ихъ, считается полезнымъ развязать всѣ узлы въ одеждѣ рождающей и отпереть всѣ замки и запоры въ домѣ или, по крайней мѣрѣ, въ той комнатѣ, гдѣ лежитъ родильница. Разглашать передъ посторонними, кромѣ повивальной бабки, что женщина почувствовала боли, предшествующія родамъ, считается вреднымъ въ томъ отношеніи, что

*) Это, несомнѣнно, испорченное произношеніе древне-еврейскаго «таршишъ», означающаго топазъ, на который „стерншишъ“ и походитъ.

замедлится самый процессъ рожденія, и только развѣ одна крайняя необходимость можетъ заставить близкихъ родильницѣ пригласить врача, или прибѣгнуть къ молитвѣ и раздачѣ милостыни, по случаю труднаго разрѣшенія отъ бремени. Въ послѣднемъ случаѣ, обыкновенно прибѣгаютъ къ цадику съ „пидьономъ“.

По старинному вѣрованію, имѣющему нѣкоторое основаніе въ талмудѣ, родильница и новорожденное дитя требуютъ бдительнаго охраненія отъ навожденія злыхъ духовъ, которому они будто бы подвергаются. Чтобы отразить дѣйствіе всякой нечистой силы, повивальныя бабки описываютъ на стѣнахъ комнаты, въ которой находится родильница, древеснымъ углемъ круги; подъ подушкою, на которой лежитъ она и дитя, кладутъ ножъ и книгу—библію или другую какую-либо религіознаго содержанія. Преимущественно же для этого употребляется „Сеферъ-Резіель“, книга кабалистическаго содержанія, приписываемая откровенію ангела „Резіеля“ первому человѣку Адаму, но, въ сущности—твореніе той эпохи, въ которую у евреевъ появилась „кабалла“: какъ доказываетъ историческая критика, книга эта принадлежитъ перу кабалиста Абулефія, жившаго въ XIII вѣкѣ.

Впрочемъ, описанные пріемы мало-по-малу теряютъ свое значеніе, особенно выводятся они у болѣе свѣтски-развитыхъ евреевъ. За то довольно еще строго соблюдаются слѣдующія церемоніи и обычаи, направленные, главнымъ образомъ, къ отраженію дѣйствія злыхъ духовъ.

1) Такъ называемый „Brieflich“. Это—родъ талисмановъ—„ширъ-гамалосъ“ или „ширъ-гамалотъ“—наклееваемыхъ надъ дверями, надъ окнами, на дымовыхъ трубахъ, въ комнатахъ и надъ павильономъ, которымъ занавѣшивается постель родильницы, — вообще надъ всѣми отверстіями, чрезъ которыя можетъ проникнуть къ рождающей нечистая сила. Содержаніе этихъ талисмановъ и форма ихъ слѣдующая: на четвертушкѣ бумаги сверху пишется цѣликомъ 121-й псаломъ; ниже описываютъ кругъ и въ немъ пишутъ таинственныя слова: „шадай! кра шатанъ“ (Всемогущій, рви сатану!); по обѣимъ сторонамъ круга пишутъ: съ правой стороны—имена мужей, а съ лѣвой — женъ первыхъ людей и патріарховъ. Потомъ слѣдуютъ нѣсколько начальныхъ буквъ нѣкоторыхъ стиховъ изъ библіи и псалмовъ и имена разныхъ ангеловъ.—Эти „Brieflich“ остаются на своихъ мѣстахъ до истеченія 8-ми дней со дня рожденія ребенка.

2) При рожденіи мальчиковъ соблюдается обычай—чтеніе Шема („кріасъ-шема-лейененъ), состоящій въ томъ, что, наканунѣ дня, въ который долженъ быть совершенъ обрядъ обрѣзанія — а если этотъ день совпадаетъ съ субботой, то въ вечеръ предыдущаго четверга — сосѣди и знакомые приглашаются на „лейкихъ-унъ бронфенъ“ (пряники и водку, составляющіе уго-

щеніе). Каждый посѣтитель, при входѣ въ домъ, тихо прочитываетъ стихъ „Шема-Израиль“ (6-я гл. V кн. Моисея) и слѣдующіе затѣмъ 5 стиховъ; потомъ 91-й псаломъ, начиная съ послѣдняго стиха предыдущаго 90-го псалма.

Вечеромъ, въ первый день появленія младенца мужескаго пола на свѣтъ, приходятъ къ нему дѣти-ученики „хедеровъ“ (училища меламеда) съ своимъ „бегельферомъ“ (помощникъ меламеда), для прочтенія указанныхъ выше библейскихъ мѣстъ, которымъ приписывается сила парализаціи всякаго дѣйствія сатаны и злыхъ демоновъ.

У нѣкоторыхъ, особенно хасидовъ, нѣсколько человѣкъ остается на всенощное бдѣніе, причемъ „Wachnacht“ читается изъ кабалистической книги „Загаръ“.

Чтеніе молитвъ хедерными мальчиками происходитъ ежедневно до самаго дня обрѣзанія.

При рожденіи мальчиковъ соблюдается еще „бенъ-захоръ“ *). Обычай этотъ состоитъ въ слѣдующемъ: вечеромъ, противъ первой послѣ рожденія субботы, по окончаніи въ молитвенномъ домѣ вечерней молитвы, „шамешъ“ — (прислужникъ молитвеннаго дома) провозглашаетъ, называя отца новорожденнаго: „такой-то проситъ на бенъ-захоръ!“ Большая часть мужчинъ изъ находящихся въ это время въ молитвенномъ домѣ, особенно родственники и знакомые, кончивъ дома вечернюю субботнюю трапезу, отправляются въ домъ родильницы. Здѣсь ихъ угощаютъ дессертомъ, все больше круглой формы, преимущественно — у богатыхъ и бѣдныхъ — горохомъ (орѣхами), и обрядъ этотъ называется „С'удасъ **) бенъ-захоръ“, что нѣкоторые раввины считаютъ за „С'удасъ-мицва“, т. е. богоугодное пиршество.

Смыслъ этого стариннаго обычая толкуется раввинами различно. По однимъ, это праздникъ новорожденнаго — по случаю освобожденія изъ утробы матери, — встрѣчающаго первую святую субботу въ своей жизни. Другіе же утверждаютъ, что это „утѣшеніе скорбящихъ“ ***), т. е. посѣтители (принимая въ буквальномъ смыслѣ метафорическій разсказъ талмуда) утѣшаютъ скорбящаго младенца въ томъ, что онъ оставилъ лучшій міръ; они заклинаютъ его остаться вѣрнымъ на всю жизнь тому ученію, которое онъ — по словамъ талмуда — изучалъ въ утробѣ матери и зналъ всю „тору“ — законоученіе, — а вышедши на свѣтъ все позабылъ отъ удара, нанесеннаго ему въ ротъ ангеломъ; вмѣстѣ съ тѣмъ, они напоминаютъ ему, въ первую же

---

*) „Венъ“ значитъ — сынъ, а „захоръ“ имѣетъ двоякое значеніе: 1) мужескій родъ и 2) неоконч. накл. глагола „помнить“.

**) „С'уда“ значитъ пиршество или трапеза.

***) Утѣшеніе скорбящихъ есть одна изъ нравственно-религіозныхъ обязанностей еврея.

субботу, чтить законъ. Впрочемъ, въ массѣ эти толкованія не распространены. Какъ бы то ни было, но посѣщеніе и вкушеніе отъ яствъ „бенъ захора“ считается богоугоднымъ — „с'удасъ мицва“.

Относительно „Wachnacht“ слѣдуетъ замѣтить еще нѣсколько словъ. Мы сказали выше, что обрядъ этотъ заключается въ томъ, что нѣсколько человѣкъ, наканунѣ дня обрѣзанія, т. е. на 8-й день рожденія младенца, остаются съ тою цѣлью у родильницы, чтобы всю ночь провести на стражѣ у колыбели новорожденнаго и охранять его посредствомъ молитвъ отъ покушеній злыхъ духовъ; это „ночная стража“, какъ показываетъ самое слово „Wachnacht“. Тутъ собираются такъ называемые „клаузнеры“ — бѣдные молодые евреи, занимающіеся изученіемъ талмуда въ „эшиботахъ“ или молитвенныхъ домахъ. Въ вознагражденіе за ночной трудъ—за чтеніе Талмуда или Мишны, клаузнеры эти получаютъ, кромѣ ужина, еще „недова“ — милостыню. Надобно, однако, замѣтить, что Wachnacht бываетъ по большей части только у зажиточныхъ евреевъ, такъ какъ бѣдняки обходятся и безъ нея.

Наконецъ, наступаетъ многознаменательный день въ жизни еврея, пріобщающій его къ лику избраннаго народа—день обрѣзанія.

Обрѣзаніе. Въ субботу утромъ, по выходѣ изъ молитвеннаго дома, идутъ знакомые и родственники родильницы — тоже по провозглашенному шамешомъ приглашенію—на „шаломъ-захоръ“ *). Опять „лейкихъ унъ бронфенъ“ пьютъ за здоровье новорожденнаго; причемъ, какъ и на „кріасъ-шема-лейененъ“, выражаютъ отцу благопожеланія по установившейся уже на этотъ случай формулѣ: „Да поможетъ тебѣ Богъ ввести сына твоего въ союзъ отца нашего Авраама **) и воспитать его въ наукѣ „тора“ ко вступленію въ бракъ „хупа“ и честнымъ, благочестивымъ поступкамъ „маасимъ товимъ“.

На восьмой день послѣ рожденія мальчика, совершается надъ нимъ обрядъ обрѣзанія.

Обрядъ этотъ, заповѣданный, какъ сказано въ Библіи, Богомъ самому Аврааму, имѣетъ большую важность и значеніе въ глазахъ народа, какъ знакъ „вѣчнаго союза между Богомъ и потомствомъ Авраама“ (подлинное выраженіе св. Писанія).

По законамъ религіи, обрядъ этотъ долженъ быть совершаемъ непре-

---

*) Слово въ слово значитъ: „благополучіе младенца“ или: „здравствуй, младенецъ“.

**) Подъ этимъ разумѣется обрядъ обрѣзанія, почему эта часть формулы опускается по совершеніи обряда.

мѣнно въ восьмой день послѣ рожденія, даже если бы день этотъ совпадалъ съ субботою или другимъ какимъ важнѣйшимъ праздникомъ.

Утромъ повивальная бабка, ближайшія родственницы родильницы и домочадцы занимаются купаніемъ и пеленаніемъ младенца,—причемъ купель не рѣдко обращается для повивальныхъ бабокъ въ источникъ дохода.

По окончаніи молитвы въ синагогѣ, около 10 часовъ, въ домъ родильницы собираются: „сандуке“ (отъ слова syndicus), „могелимъ“ (обрѣзыватели), „кватеръ“ (Gefatter — кумъ) и „кватеринъ“ (Gefatterin — кума), „канторъ“, „шамосимъ“, родственники и разныя приглашенныя лица. Число совершеннолѣтнихъ, присутствующихъ при обрѣзаніи, лицъ должно быть не меньше десяти („миніонъ“).

Обрядъ совершается преимущественно въ синагогѣ или молитвенномъ домѣ; но если, вслѣдствіе дурной погоды или по какимъ либо другимъ причинамъ, это неудобно, то можно и дома.

Церемоніи, установленныя частію талмудомъ, а частію обычаемъ, совершающіяся при этомъ обрядѣ, состоятъ въ нижеслѣдующемъ.

Самый обрядъ состоитъ изъ трехъ операцій: „мила“—обрѣзаніе ножемъ praeputium'a,—„пріа“ разорваніе руками (ногтями) срѣзанной кожицы и „мецица“—высасываніе губами крови, текущей изъ образовавшейся отъ первой операціи раны. Кровь эта выплевывается въ особый сосудъ, наполненный пепломъ. Совершаютъ описанныя операціи или три „могеля“ или одинъ, смотря по желанію (состоянію) родителей младенца.

Лица мужескаго пола, участвующія въ совершеніи обряда, называются „баалы-кибудимъ“—почтенные мужи, потому что всякое участіе, смотря по своему значенію, считается большею или меньшею почестью. Родъ участія лица въ этомъ обрядѣ зависитъ отъ отца новорожденнаго, который приглашаетъ къ этому своихъ ближайшихъ родственниковъ и лучшихъ знакомыхъ.

Въ комнату, гдѣ находится родильница, приглашаются женщины. Онѣ еще съ утра приготовляютъ младенца къ обряду. Повивальная бабка, какъ было уже сказано выше, купаетъ его; потомъ его пеленаютъ въ чистыя пеленки, но такъ, что нужная для операціи часть остается свободною, и кладутъ на подушку, которую перевиваютъ въ двухъ мѣстахъ повязкою отъ синагогальной утвари и потомъ покрываютъ завѣсою отъ кивота, въ которомъ хранятся пергаментные свитки Пятикнижія.

Каждая изъ присутствующихъ женщинъ беретъ въ руки подушку съ младенцемъ и, покачавъ его раза два, передаетъ слѣдующей. Такъ же точно поступаетъ вторая, третья женщина, пока, наконецъ, ребенокъ не перейдетъ въ руки той, которая должна внести его въ помѣщеніе, назначенное для совершенія обряда обрѣзанія. Женщину эту сопровождаютъ и всѣ осталь-

ныя, изъ которыхъ одна—преимущественно повивальная бабка—держитъ въ рукахъ зажженную восковую свѣчу, или факелъ. Войдя въ помѣщеніе, гдѣ уже собрались всѣ „баалы-кибудимъ“ и гдѣ уже сдѣланы всѣ приготовленія къ обряду, женщины становятся у входа и шамешъ восклицаетъ: „кватеръ!“ Послѣ этого возгласа, одинъ изъ мужчинъ—обыкновенно мужъ родильницы („кватеринъ“)—подходитъ къ женщинѣ, держащей на рукахъ младенца, котораго онъ беретъ на руки и, обратившись назадъ, дѣлаетъ нѣсколько шаговъ.

Эта церемонія называется „кватершафтъ“ (Gefatterschaft)—кумовство и исполняется мужчиною и женщиною, обыкновенно мужемъ и женою; но иногда братомъ и сестрою, отцемъ и дочерью, женихомъ и невѣстою.

Все собраніе, завидѣвъ кватера съ младенцемъ, восклицаетъ: „борухъ *) габу“ (блаженъ пришедшій!) и прочитываетъ вслухъ отъ 10 до 13 ст. 25-й главы 4-й кн. Моисея и нѣсколько другихъ отрывочныхъ стиховъ изъ псалмовъ. Изъ рукъ кватера младенца беретъ другой, вызванный по имени шамешомъ и кладетъ его на приготовленную уже—съ нѣкоторою пышностію (относительно состоянія)—для совершенія операціи постельку, называемую „кисешелъ эліогу“ **). На этой постелькѣ дитя лежитъ нѣсколько минутъ; въ это время „могель“, совершающій операцію, и за нимъ все собраніе произноситъ краткую молитву о содѣйствіи Вышняго благополучному исходу операціи: „и рече Господь праотцу нашему Аврааму: шествуй передо мною и буди праведенъ“. Послѣ этого могель подходитъ къ „кисе-шелъ-эліогу“, беретъ младенца и передаетъ его въ руки сандику, возглашая при этомъ: „сей тронъ Иліи, поминаемый добромъ“.

Званіе или обязанность „сандика“ самая важная изъ всѣхъ въ этомъ обрядѣ и выпадаетъ на долю раввина или вообще почетнѣйшаго члена общества или круга знакомыхъ. Онъ сидитъ, во время этой церемоніи, на вышеупомянутой, приготовленной для младенца, постелькѣ; на его рукахъ совершается самая операція. Такъ какъ отправленіе какого-либо рода обязанности при обрѣзаніи считается для участвующаго почетомъ, то, чтобы оказать уваженіе достойнѣйшимъ членамъ присутствующаго общества, передачу ребенка изъ рукъ въ руки, до поступленія къ сандику, распредѣляютъ между большимъ числомъ „баалы-кибудимъ“; но эти почести считаются уже второстепенными.

Сандикъ сидитъ лицомъ къ востоку, а дитя лежитъ на подушечкѣ у него на колѣняхъ головою къ югу, и съ этой стороны завѣшиваютъ его

---

*) „Борухъ“—страд. залогъ „благословить“.

**) „Тронъ Иліи“ пророка. Народъ вѣруетъ, что этотъ пророкъ присутствуетъ при всѣхъ обрѣзаніяхъ, какъ названный въ свящ. писаніи Ангеломъ Союза.

молитвенною мантіею „сандика“. Всѣ „могелимъ“, готовые къ совершенію операціи, обступаютъ младенца. Первый изъ „могелимъ“ творитъ предварительно молитву, снимаетъ нижнюю повязку, осматриваетъ мѣсто, подлежащее операціи, потомъ лицо дитяти—не больной-ли онъ—и, найдя, что все обстоитъ благополучно, беретъ въ руки приготовленный обоюдо-острый ножъ, произноситъ хвалу „Богу, освятившему своими заповѣдями насъ и заповѣдавшему намъ совершить обрѣзаніе“ и мгновенно срѣзываетъ praeputium. Послѣ этого, сію же минуту—тѣмъ же могелемъ или другимъ—совершается „прія“ и, наконецъ, имъ же или третьимъ могелемъ „мецица“. По исполненіи этого послѣдняго процесса (мецица), могель выполаскиваетъ ротъ и посыпаетъ рану—для удержанія кровотеченія — порошкомъ изъ гнилаго дерева, завязываетъ ее, а ребенка снова пеленаютъ какъ прежде. Слѣдуетъ замѣтить, что описанная операція совершается съ такою ловкостію и проворствомъ, что спящій ребенокъ иногда — у опытнаго могеля — не почувствуетъ никакой боли; если же и заплачетъ, то, помочивъ его губки виномъ изъ бокала, могель весьма скоро его успокоиваетъ.

Во время самаго обрѣзанія, когда еще продолжается „прія“, отецъ ребенка молится, произнося: „Благословеніе Богу нашему, Царю вселенной, заповѣдавшему намъ ввести (сына) въ союзъ отца Авраама“; на это ему все собраніе отвѣчаетъ:—„Какъ вошелъ онъ въ союзъ, такъ да войдетъ въ науку („тору“), въ бракъ („хупа“) и благочестивыя поступки („маасимъ-товимъ“).

Одинъ изъ присутствующихъ мужчинъ, вызванный также „шамешомъ“, беретъ ребенка съ подушкой на руки и, съ бокаломъ вина (или другого какого-либо напитка) въ рукѣ, произноситъ благословеніе Богу, заключившему союзъ и молитву о счастливомъ возрастаніи младенца, которому при этомъ даютъ имя: „И да зовутъ его въ Израилѣ N, сыномъ N“ и при двукратномъ повтореніи словъ пророка Іезекіиля: „И говорю тебѣ, кровью твоею живи“, опускаютъ въ ротъ малютки три капли вина. И оканчивается вся эта церемонія вышеприведеннымъ благопожеланіемъ: „какъ вошелъ онъ въ союзъ“, и т. д., на что все собраніе отвѣчаетъ: „Аминь“, а канторъ провозглашаетъ многолѣтіе („мише-бейрахъ“) младенцу, родителямъ его, присутствующимъ и проч.

Надобно замѣтить, между прочимъ, что у евреевъ нарицаютъ имена только по покойнымъ родителямъ, родственникамъ или какимъ-нибудь усопшимъ знаменитымъ лицамъ.

Кватеръ беретъ ребенка, отдаетъ его обратно кватершѣ, которая, вмѣстѣ съ сопровождающими ее женщинами, возвращается къ матери дитяти и

отдаетъ ей сына при задушевномъ поздравленіи *): „мазелъ товъ“ (доброе счастье!). Слова эти произносятъ всѣ присутствующіе, обращаясь къ отцу или матери **).

Всѣ „баалы-кибудимъ“ приглашаются на пиръ, имѣющій значеніе „с'удасъ мицва“. Пиръ этотъ не устраняется даже въ дни нѣкоторыхъ постовъ; отказаться отъ участія въ немъ, значитъ—равнодушно относиться къ религіозному благочестію. Если отецъ новорожденнаго очень бѣденъ, то обходятся безъ всякаго пиршества и только ограничиваются въ этомъ случаѣ „лейкихъ унъ бронфенъ“, которые подчасъ покупаются на деньги „баалы-кибудимъ“.

Въ заключеніе всего, наконецъ, произносится установленная (у евреевъ) застольная молитва, къ которой на этотъ случай въ концѣ добавляютъ нѣсколько стиховъ, содержаніе которыхъ составляетъ: 1) благословеніе родителямъ; 2) особое благословеніе отцу; 3) благословеніе младенца; 4) совершавшихъ обрядъ обрѣзанія, пріа и мецица; 5) молитва о пришествіи Мессіи, и 6) о посланіи пророка Иліи.

Стихи эти („гарахманъ“) произносятся преимущественно „хазаномъ“ (синагогальнымъ пѣвцомъ) заунывнымъ, трогательнымъ напѣвомъ.

По окончаніи обѣда, до чтенія застольной молитвы, синагогальные прислужники, услуживавшіе хозяину дома въ его посылкахъ съ приглашеніями и за столомъ во время трапезы, ставятъ, наконецъ, на столъ тарелки, въ которыя каждый изъ присутствующихъ кладетъ по нѣскольку копѣекъ. Это дѣлаютъ даже нищіе по профессіи, которые являются на всякое пиршество, безъ особаго на то приглашенія.

Повивальная бабка тоже ставитъ тарелку, но уже съ нѣкоторою закуской и тоже собираетъ такъ называемый „бубе-гельтъ“.

Канторъ хотя тарелки и не ставитъ, но, произнося по установленному порядку благословеніе каждому изъ присутствующихъ, отъ всѣхъ получаетъ вознагражденіе.

Вообще на исчисленныя пожертвованія, каждый, приглашенный на „обѣдъ обрѣзанія“, израсходуетъ отъ 20 до 75 коп., смотря по состоянію. Самъ же хозяинъ истрачиваетъ отъ 10 до 50 руб. сер.

При рожденіи дѣвочекъ не бываетъ ни „бенъ захоръ“, ни „кріасъ шема“ и никакого другого пиршества. Только въ день нареченія име-

---

*) Самые близкіе знакомые поздравляютъ также на 3-й день, со дня обрѣзанія („шлиши-лемила“).

**) „Мазелъ-товъ“ служитъ поздравленіемъ и при другихъ семейныхъ радостяхъ, — напримѣръ, при рожденіи, при вѣнчаніи и т. п.

ни, обыкновенно въ субботу, по выходѣ изъ синагоги, отецъ родившейся приглашаетъ своихъ знакомыхъ на „лейкихъ-унъ-бронфенъ“. Самое наречение имени не имѣетъ никакой религіозной санкціи, но, по обычаю, имя новорожденной дается въ синагогѣ при слѣдующей церемоніи:

Въ первую субботу послѣ рожденія или въ другой какой день, въ который читаютъ (въ синагогѣ) публично изъ пятикнижія Моисея, отецъ новорожденной приглашается *), въ числѣ прочихъ, къ слушанію одной изъ главъ читаемаго отдѣла; при этомъ чтецъ произноситъ, установленнымъ раввинами порядкомъ—благословеніе или, лучше сказать, молитвы за здравіе родильницы и новорожденной, прибавляя: „да будетъ имя ея въ Израилѣ N дочь N“.

Съ поздравленіями въ этомъ случаѣ приходятъ только женщины. Евреи вообще не довольны рожденіемъ на свѣтъ дѣвочки, и не въ силу только экономическихъ причинъ, но и религіозныхъ.

Какъ при рожденіи мальчика, такъ равно и при рожденіи дѣвочки, мать-родильница, даже совершенно оправившись послѣ родовъ, не оставляетъ постели до истеченія 8-ми дней. Причиною этого обычая служитъ приведенное выше вѣрованіе въ возможность причиненія злыми духами вреда какъ матери, такъ и ребенку.

По совершенномъ выздоровленіи и исполненіи вышеизложенныхъ требъ, относящихся къ обрѣзанію, когда родильница первый разъ входитъ въ синагогу, мужъ приглашается къ чтенію пятикнижія, а канторъ произноситъ благословеніе всѣмъ членамъ ихъ семейства; черезъ мѣсяцъ послѣ рожденія первенца происходитъ особенный религіозный обрядъ, выкупъ его у кагана „пидіонъ га-бенъ“, описаніе котораго относится къ отдѣлу народныхъ еврейскихъ обрядовъ.

Похороны. — Когда еврей опасно боленъ, то раввинъ или другой вліятельный еврей напоминаетъ больному о необходимости сдѣлать послѣднее распоряженіе—завѣщаніе (цавоа) и прочесть исповѣдь. Народъ прибѣгаетъ нерѣдко къ довольно странному средству: перемѣняетъ имя больному, вѣря, что отъ этого можетъ перемѣниться судьба его.

При приближеніи послѣдней минуты, когда больной впадаетъ въ безпамятство, окружающіе зажигаютъ свѣчи и громко читаютъ относящіеся къ

---

*) Описаніе этого приглашенія здѣсь не у мѣста: оно болѣе приличествуетъ при описаніи богослуженія.

этому случаю стихи изъ св. писанія. По окончаніи агоніи, когда въ больномъ уже незамѣтно признаковъ жизни, кладутъ перышко на губы мертвеца и если оно не шевелится, то принимаютъ за знакъ, что дыханіе уже совершенно прекратилось. Здѣсь не снимаютъ тѣла до прибытія „шамосимъ“ прислужниковъ „хевра-кадиша“. Потомъ берутъ тѣло съ постели, раздѣваютъ его совершенно, стелютъ на полъ солому и кладутъ тѣло лицомъ къ верху, а ногами непремѣнно къ двери; выпрямивъ пальцы рукъ и сложивъ вѣки, закрываютъ покойника чернымъ платьемъ и у изголовья ставятъ множество горящихъ свѣчей. Женщинѣ ставятъ свѣчи въ тѣхъ подсвѣчникахъ, въ которыхъ она зажигала субботнія свѣчи. При этомъ существуетъ обычай выливанія воды во второмъ и третьемъ домѣ, на томъ основаніи, что смерть, что бы ни было ея причиной, происходитъ всегда отъ меча ангела смерти, который омываетъ этотъ мечъ въ водахъ сосѣднихъ домовъ. Похоронами занимаются члены братства погребателей, существующаго въ каждомъ обществѣ, и называемаго „святымъ братствомъ“ (Хевра-Кадиша), потому что на членахъ его лежитъ священная обязанность—пещись о похоронахъ мертвыхъ тѣлъ, какъ богатѣйшаго, такъ и самаго бѣднаго еврея, безъ малѣйшаго различія (какъ пояснено будетъ ниже). Члены этого братства являются немедленно по полученіи извѣстія о смерти какого либо еврея, поднимаютъ мертвое тѣло съ полу, кладутъ его на скамейку и омываютъ его теплою водою („тагра“); когда тѣло уже совершенно чисто, ставятъ его на ноги, причемъ три погребателя окачиваютъ его чистою водою, произнося три раза: „тогоръ“, т. е. чистъ; потомъ одѣваютъ трупъ въ смертную одежду (тахрихимъ) слѣдующимъ порядкомъ: а) рубашку съ длинными рукавами, зашитыми по оконечностямъ на-глухо; б) весьма длинные брюки, также зашитые внизу на глухо, такъ что руки и ноги остаются совершенно покрытыми; в) на это надѣваютъ саванъ, т. е. „китель“ (получаемый обыкновенно въ подарокъ отъ невѣсты въ день сватьбы и носимый въ день отпущенія грѣховъ; но если такого у умершаго нѣтъ, а также для женщинъ, то шьютъ нарочно); этотъ китель есть ничто иное, какъ длинная рубашка съ широкими рукавами и воротникомъ; г) эта рубашка опоясывается холстянымъ пояскомъ съ узломъ впереди; д) на мущинъ надѣваютъ шерстяное покрывало съ полосами (талисъ), въ которомъ ежедневно молятся утромъ; е) длинный колпакъ, сшитый тоже изъ холста. Послѣ всего этого закутываютъ покойника въ большое полотняное покрывало, кончики котораго завязываются сверху и снизу, и развязываются только послѣ положенія въ гробъ. Смертная одежда у евреевъ должна быть непремѣнно изъ холста, никакой другой не допускается. Если покойникъ женскаго пола, то омываютъ и одѣваютъ его женщины, а братство приступаетъ къ похоро-

намъ, когда ужъ все готово. Во время омыванія близкіе родные умершаго раздираютъ отворотъ верхняго платья вершка на два и носятъ это платье до окончанія дня гореванія; по смерти же родителей—до истеченія 30-ти дней. До кладбища везутъ тѣло на лошадяхъ; если же хотятъ оказать особенный почетъ покойнику, то тѣло несутъ 4 еврея на носилкахъ на плечахъ.

Въ вырытую могилу происходящему изъ рода „когеновъ“ (жрецовъ) кладутъ доски со всѣхъ сторонъ, т. е. снизу, сверху и по бокамъ. Доски эти тѣ самыя, которыми были устланы носилки. Шесты носилокъ тоже разрубаются и кладутся въ гробъ. Прежде чѣмъ засыпать могилу, покойнику кладутъ глиняные черепки на глаза (потому что глаза человѣка ненасытны), а въ руки ему даютъ маленькія палочки. Это объясняется тѣмъ, что когда оживутъ мертвые, то они будутъ катиться подъ землею въ Палестину, поэтому даютъ мертвецамъ эти палочки, чтобы онѣ служили имъ подспорьями.

„Мехилу“ (прощеніе) проситъ одинъ изъ шамешовъ. Здѣсь существуетъ обычай, когда уже несутъ тѣло на кладбище, нѣсколько разъ останавливаться, причемъ просятъ у покойнаго, чрезъ шамеша, „мехилу“. „Шамосимъ“ и другіе присутствующіе обращаются съ мертвымъ, какъ будто со слушающимъ и внимающимъ всему, что ему говорятъ. Прося „мехилу“, шамешъ ему говоритъ: „N N. проситъ у тебя прощенія за всѣ поступки, которыми онъ тебя огорчилъ когда нибудь и т. д.“ Когда уже гробъ засыпанъ землею, шамешъ обращается къ покойнику, если онъ былъ супругъ, съ объясненіемъ, что брачныя узы расторгнуты смертью: „жена твоя тебѣ больше не жена, а ты ей не мужъ“. Затѣмъ читаютъ молитвы, утѣшаютъ горюющихъ, провожаютъ ихъ домой, гдѣ они должны провести 7 дней въ гореваніи на постланномъ на землѣ тюфякѣ или низенькой скамейкѣ, при чемъ запрещается кожанная обувь, а дозволяется шерстяная и бумажная.

Въ теченіи 7 дней гореванія, дѣти, горюющія по отцѣ или матери, приглашаютъ изъ клаузнеровъ (занимающихся богомольемъ или ученіемъ Талмуда въ школѣ) 10 человѣкъ, которые утромъ и вечеромъ совершаютъ въ домѣ умершаго молитву „бецибуръ“ (т. е. общественную). Канторомъ бываетъ самъ горюющій сынъ, который читаетъ, въ установленныхъ промежуткахъ, молитву „кадишъ“. Кромѣ молитвы, эти клаузнеры, принадлежащіе къ братству „мишнаіотъ“ (мишны, это—братство, пекущееся о школьной библіотекѣ и изучающее Мишну и Талмудъ) читаютъ избранныя главы изъ Мишны, начальныя буквы которыхъ составляютъ имя покойнаго, и, по окончаніи каждой главы, „юсемъ“ (правильнѣе „ятомъ“, горюющій сирота) произноситъ „кадишъ“. Все это дѣлается для того, чтобы облегчить для души по-

койнаго страшный судъ и парализировать силу злыхъ духовъ, преслѣдующихъ въ подземельи души умершихъ.

Въ день смерти родителей дѣти ставятъ въ синагогѣ или школѣ свѣчи, и шамешъ наблюдаетъ, чтобы онѣ горѣли цѣлыя сутки.

Вспоминаютъ души умершихъ родителей также въ послѣдній день каждаго праздника (Haskoras-neschomos) въ синагогѣ, во время общественной молитвы.

Разныя повѣрья, къ смерти относящіяся. — a) Вѣруютъ въ то, что если умирающій лежитъ на пуховикахъ изъ куриныхъ перьевъ, то ему трудно умереть; потому-то у евреевъ никто не согласится спать на пуховикѣ, набитомъ куриными перьями; употребляютъ только гусиныя.

b) Если у покойника глаза или ротъ остаются открытыми, то должно опасаться, чтобы еще кто не умеръ въ домѣ.

c) Покойнику очень тяжело лежать въ домѣ, и чѣмъ скорѣе его хоронятъ, тѣмъ ему легче и спасительнѣе для души. Впрочемъ, кромѣ народнаго повѣрья, и талмудъ предписываетъ, чтобы не переночевывало въ домѣ тѣло умершаго.

d) При погребальной процессіи покойника провожаютъ во множествѣ и добрые, и злые духи. Встрѣча съ этими послѣдними особенно вредна для женщинъ, почему онѣ никогда не участвуютъ въ процессіи и остерегаются встрѣчаться съ таковою.

e) Въ главѣ процессіи идутъ два или три „шамосимъ“ съ кружками въ рукахъ и громко восклицаютъ стихъ псалмовъ: „Цедекъ лефоновъ іагалехъ!“ (т. е. благотворительность ему предшествуетъ) и слова „Цдако тацилъ мимовесъ!“ (т. е. благотворительность спасаетъ отъ смерти), и каждый бросаетъ въ ихъ кружки по одной или нѣсколько копѣекъ.

f) Если умершій отличался ученостью, набожностью или благотворительностью, погребальная процессія обходитъ синагогу или школу, гдѣ онъ молился Богу. Торговцы и ремесленники оставляютъ свои занятія, пока тѣло не предано землѣ. Въ прежнее время надъ гробомъ такихъ людей читались погребальныя рѣчи. На Литвѣ этотъ обычай существуетъ и по нынѣ.

g) Вѣруютъ, что, по засыпкѣ могилы, когда шамешъ ударяетъ три раза лопатою, къ покойному тотчасъ является злой ангелъ и спрашиваетъ его объ имени, которое спросимый, кромѣ развѣ праведныхъ цадиковъ, —забываетъ. Потомъ мертвецъ претерпѣваетъ страшный „хибутъ гакеверъ“, состоящій въ томъ, что стѣнки гроба сходятся и раздавливаютъ тѣло. Мертвый, однакожъ, не перестаетъ чувствовать и слѣдующія затѣмъ мученія до поступленія въ „gehnem“ (адъ) и по поступленіи въ него. Отъ „хибутъ

гакеверъ“, можетъ быть спасенъ тотъ, кто умеръ въ пятницу и въ „Нисанъ“ (мартъ мѣсяцъ).

h) Въ теченіи 7 дней гоpеванія, душа умершаго прилетаетъ въ квартиру, гдѣ онъ скончался, поэтому тамъ безпрестанно горитъ лампадка, и около нея стоитъ стаканъ воды, въ которомъ душа будетъ умываться, и виситъ на стѣнкѣ кусокъ того полотна, изъ котораго сшитъ былъ саванъ. На Литвѣ этотъ обычай рѣже соблюдается.

Повѣрья вообще. — У евреевъ распространено вѣрованіе въ различныхъ шарлатановъ и заговорщиковъ: такъ, во время пожара, они нашептываютъ или пишутъ неизвѣстныя слова и знаки на клочкахъ бумаги, которые бросаются въ пламя съ цѣлью уничтожить его. Считается также предохранительнымъ отъ пожара средствомъ, при первомъ извѣстіи о случившемся пожарѣ подвинуть съ мѣста столовый столъ. Это повѣрье, однако, не очень распространено. Въ народѣ сложилась поговорка: „послѣ пожара богатѣютъ, а послѣ кражи бѣднѣютъ“, во что̀ отчасти и вѣруютъ.

При неурожаяхъ, происходящихъ отъ недостатка или излишка дождя, установлены у евреевъ особенныя молитвы; въ древности даже назначены были въ этихъ случаяхъ посты съ особенными обрядами.

При эпидеміи, особенно холерѣ—раввины и вліятельные, набожные евреи уговариваютъ своихъ собратовъ не предаваться чрезмѣрному унынію, и совѣтуютъ даже не соблюдать установленныхъ обрядовъ гоpеванія, какъ-то: сидѣнье на полу и хожденіе безъ обуви, чтобы не возбуждать унынія и вообще меланхолическаго настроенія. Къ мистическимъ средствамъ, къ которымъ прибѣгаютъ во время эпидеміи, принадлежитъ слѣдующее:

a) Нѣсколько человѣкъ выходятъ ежедневно на всѣ четыре стороны мѣстечка или города и читаютъ извѣстныя мѣста изъ библіи: о куреніи ѳиміама въ храмѣ и нѣкоторые другіе стихи и кабалистическія молитвы.

b) Стараются отыскать какого нибудь взрослаго бѣднаго парня или вдовца и бѣдную взрослую дѣвицу и вѣнчаютъ ихъ на кладбищѣ.

При прочихъ болѣзняхъ, народъ лѣчится домашними средствами, а большею частью обращаются за совѣтами къ своимъ шарлатанамъ—цирюльникамъ, старымъ бабамъ, а также къ заговаривателямъ (баалъ-шемъ). Этихъ баалъ-шемовъ въ здѣшнихъ мѣстахъ замѣняютъ цадики. Хотя они большею частью указываютъ на извѣстныхъ врачей, къ которымъ совѣтуютъ обращаться, но иногда и отъ себя предлагаютъ цѣлительныя средства, состоящія или въ практическомъ примѣненіи дѣйствительно полезнаго средства, испытаннаго самимъ цадикомъ, или же въ мистическомъ приготовленіи какого нибудь зелья или другихъ предметовъ. Въ настоящее время цадикъ

р. Дувиделъ изъ Тального знаменитъ своимъ лѣченіемъ одержимыхъ падучею болѣзнію и вообще имѣетъ большую врачебную практику. Эпилептическія болѣзни дѣтей лѣчатъ у бабъ христіанокъ или евреекъ. Первымъ средствомъ считается такъ называемое „вылитіе воска“ или „вылитіе яицъ.“ Баба знахарка, при продолжительномъ шептаньи, выливаетъ въ поставленный на головѣ больнаго дитяти плоскій сосудъ распущенный на огнѣ воскъ, или въ поставленный такимъ же образомъ стаканъ съ водою она выливаетъ нашептанное яйцо, и въ волокнахъ нѣсколько свернувшагося бѣлка или въ изображеніи застывшаго воска видитъ и форму дитяти, и форму его колыски съ веревками, и злаго духа, причиняющаго болѣзнь.

Для предохраненія маленькихъ дѣтей отъ болѣзни употребляютъ разныя безсмысленныя средства: при купаньи, напр., вытираютъ младенца экскрементами летающихъ рябчиковъ или воробьевъ, разбавивъ ихъ предварительно въ деревянномъ маслѣ; изъ дома, гдѣ есть маленькое дитя, не выливаютъ помои ночью. До прорѣзанія зубовъ не даютъ младенцу взглянуть въ зеркало; не поднимутъ его выше себя; не передадутъ его изъ рукъ въ руки въ окно или калитку. Никогда не оставятъ ребенка, не имѣющаго 2-хъ лѣтъ, одного въ домѣ: нечистая сила поразитъ его. Впрочемъ, между евреями, даже и въ простонародьи, распространено много полезныхъ врачебныхъ средствъ, главнымъ образомъ отъ глистовъ, которыми еврейскія дѣти часто страдаютъ. Употребительнѣйшія средства суть: камфора, цитварное сѣмя, сабуръ и деготь (снаружи) чеснокъ и assafoetida; но эта послѣдняя, извѣстная подъ названіемъ „teüfelskoth“ (чортовъ навозъ) имѣетъ уже нѣкоторое мистическое значеніе.

Вообще евреи болѣе склонны прибѣгать, особенно въ болѣзняхъ взрослыхъ людей, къ помощи врача и аптеки. Легкія гастрическія разстройства хотя и лѣчатся домашними средствами, но всегда полезными: теплымъ питьемъ и пищею, наружнымъ согрѣваніемъ и т. д. Иногда разстройство желудка приписывается употребленію пищи и напитка изъ недобрыхъ рукъ, и въ такомъ случаѣ „завариваютъ соничники“: на животъ больнаго ставятъ горшокъ, въ него кладутъ ножъ, ложку, вилку и веретено, баба наливаетъ этотъ горшокъ вскипяченною при шептаньи водою, такъ что отъ согрѣванія страданіе проходитъ.

Но есть болѣзни, которыя приписываютъ исключительно дѣйствію нечистой силы:

а) Падучая болѣзнь, при которой прибѣгаютъ къ татарину или цадику. Пароксизмъ этой болѣзни наводитъ страхъ на окружающихъ. Конвульсіи считаются борьбою больнаго съ нападающимъ злымъ духомъ. Особенныхъ средствъ противъ этой болѣзни не знаютъ. Нѣкоторые совѣтуютъ носить на

пальцахъ кольца, приготовленныя изъ желѣза найденной подковы, употреблять напитокъ, къ которому примѣшанъ пепелъ пережженныхъ дождевыхъ червей.

b) Мѣстная апоплексія. Эту болѣзнь народъ приписываетъ недоброму повѣтрію. Для лѣченія прибѣгаютъ къ татарину и цадику.

c) Умопомѣшательство—тоже отъ повѣтрія и тоже лѣченіе; рѣдко прибѣгаютъ къ врачу, а чаще всего къ татарину, силу котораго и цадики признаютъ въ этомъ случаѣ.

d) Лихорадка. Хотя въ послѣднее время, убѣдившись въ цѣлительной силѣ хинина, большею частью въ лихорадкѣ прибѣгаютъ къ врачу за порошками, но въ народѣ все-таки еще не вывелось повѣрье, что причиною этой болѣзни есть злой духъ, и множество мистическихъ средствъ еще въ большомъ ходу. Главныя изъ нихъ „отписанія“. Надписываютъ разныя имена ангеловъ или демоновъ на пряникѣ, на „афикомонѣ“ (кусокъ мацы, надъ которымъ въ ночь Пасхи совершаютъ обрядъ и оставляютъ для этой цѣли), который принимается больнымъ внутрь. Кромѣ „отписанія“, употребляется множество другихъ средствъ: куреніе бородкою отъ индюка, принятіе внутрь разныхъ гадостей, нашептываніе на перекрестной дорогѣ и пр.

e) Говореніе во снѣ, причемъ прибѣгаютъ къ татарину или цадику. Нашептываньемъ лѣчатъ еще больше у дѣтей, а иногда и зубную боль у взрослыхъ. Средствомъ для очищенія бородавокъ считаютъ омываніе ихъ уриною, при паденіи звѣзды.

Большую часть болѣзней ребенка приписываютъ дурному глазу, а потому если онъ красивъ, нарочно называютъ его „мой арабъ“; если дѣти рано умираютъ, то при рожденіи младенца называютъ его старикомъ или старухою, думая этимъ уберечь его отъ дурнаго глаза сосѣдки.

Дѣтямъ налѣпливаютъ также разные амулеты, какъ, напр., раковины, ртуть въ футлярчикахъ, талисманъ въ кругломъ футлярчикѣ („мезузе“), а для ускоренія прорѣзанія зубовъ даютъ носить волчій зубъ, оправленный въ серебро съ тѣмъ, чтобы дѣти, гуляя, терли имъ десна,—чѣмъ ускоряется прорѣзаніе зубовъ. Говоря о болѣзняхъ, нужно замѣтить, что у евреевъ почти никогда не встрѣчаются случаи болѣзни, извѣстной у мѣстнаго христіанскаго населенія подъ названіемъ: „куриная слѣпота“.

Кромѣ описываемой здѣсь бляшки и талисмановъ, цадики даютъ дѣтямъ, а также и взрослымъ „шмиры“. Цадикъ беретъ въ руки монету, большею частью серебряную, продержитъ ее нѣсколько секундъ въ рукахъ, при чемъ мысленно созерцаетъ („м'хавенъ“) извѣстныя ему таинственныя имена ангеловъ и потомъ даетъ эту монету для ношенія ребенку на шеѣ. Взрослые же носятъ ихъ просто въ карманѣ. Дѣтей эти „шмиры“ предохраняютъ отъ злыхъ

духовъ и дурныхъ повѣтрій, а взрослыхъ и отъ разбойниковъ на дорогѣ. У каждаго приверженца цадика можно найти нѣсколько такихъ „шемиросъ“. Отъ безплодія въ Южныхъ и Югозападныхъ губерніяхъ рѣдко употребляются другія средства, кромѣ молитвы цадика, а иногда помощи медика.

Нѣтъ, кажется, народа, у котораго безплодіе считалось бы такимъ несчастіемъ какъ у евреевъ. Всѣ земныя удовольствія: богатство, здоровье, почетъ ничто не значитъ для бездѣтныхъ супруговъ. Они готовы отдать послѣднюю рубашку лишь бы имѣть сына. Причина этого явленія—вѣра, что только благочестивыя дѣти, особенно сыновья, могутъ богоугодными дѣлами и „кадишомъ“ искупить грѣхи своихъ родителей и предохранить ихъ отъ мукъ ада на томъ свѣтѣ,—ученіе, имѣющее основаніе въ талмудѣ и кабаллѣ.

Такое настроеніе народа приноситъ не мало пользы цадикамъ, которые десятки лѣтъ не перестаютъ обѣщать бездѣтнымъ супругамъ живого плода и, при каждомъ обѣщаніи, при каждомъ поддержаніи надежды вѣрующихъ профановъ, не перестаютъ брать вознагражденіе.

Но особенныхъ мистическихъ средствъ въ этомъ случаѣ употребляютъ, какъ выше сказано, очень мало; тутъ, главнымъ образомъ, дѣйствуетъ молитва цадика, богоподобнаго властелина природы, которому ни почемъ даже естественный недостатокъ супруговъ.

Чтобы передать значеніе цадиковъ, нужно принять во вниманіе, что всякій почти еврей, при первоначальномъ воспитаніи сына, имѣетъ въ виду духовное поприще; на самомъ же дѣлѣ не всякій къ этому поприщу приготовляется; тѣмъ болѣе въ настоящее время можно положительно сказать, что до 30% дѣтей, даже при первоначальномъ воспитаніи, приготовляются къ торговому или промышленному поприщу.

Изъ всего вышеизложеннаго видно, что на вѣрованія евреевъ имѣли вліяніе повѣрья мѣстнаго населенія.

Низшій классъ евреевъ, подобно мѣстному населенію, вѣритъ въ существованіе вѣдьмы, домо́ваго, лѣшаго, водянаго, вовкулаки и пр. У евреевъ въ ходу многія миѳическія сказки мѣстнаго населенія.

Масса еврейскаго населенія, живущая по корчмамъ, постоянно находится въ сношеніяхъ съ народомъ,—тутъ она наслушается и повѣрій, и сказокъ, и примѣтъ. Особенно женщины еврейки усвоиваютъ суевѣрія.

Еврей охотно принимаетъ на вѣру разсказъ про злаго духа,—это не противорѣчитъ его религіи.

Поэтому-то демонологія евреевъ низшихъ классовъ и демонологія мѣстнаго малорусскаго населенія—имѣютъ много общаго.

Праздники евреевъ. — Всѣ праздники евреевъ раздѣляются на завѣтные и историческіе. Къ завѣтнымъ относятся: суббота и три главные праздника: пасха, пятидесятница и скинопигія, также новый годъ и день отпущенія грѣховъ; къ историческимъ—праздникъ Макковеевъ („хануки“) и Гамана („пуримъ“). По замѣчанію г. Полинковскаго, три главные упомянутые праздника можно также назвать и историческими; въ Палестинѣ же они были и народными.

1) Пасха празднуется 15 и 16 числа мѣсяца Нисана (марта) и 21 и 22 числа. Промежутокъ между первыми и послѣдними праздничными днями, называется *халъ-гамоедъ*, т. е. полупраздникъ. Праздникъ завѣщанъ Моисеемъ, какъ говоритъ библія, по повелѣнію Бога, въ память выхода евреевъ изъ Египта. Когда евреи еще жили въ Палестинѣ, то приносили въ іерусалимскій храмъ на первый день пасхи первый снопъ наступившей жатвы, при чемъ совершалось жертвоприношеніе, и празднованіе начала жатвы открывалось этимъ днемъ. До принесенія въ храмъ перваго снопа, нельзя было вкушать хлѣба съ новаго урожая („ходишъ“). Со дня принесенія снопа, по библейскому постановленію, должны были отсчитать 49 дней, и въ пятидесятый—принесть въ храмъ по два хлѣба, испеченныхъ изъ новаго урожая, при чемъ тоже совершалось жертвоприношеніе, и праздновался праздникъ пятидесятницы. Въ память этихъ обрядовъ, не могущихъ быть соблюдаемыми въ настоящее время, евреи, по постановленію талмудистовъ, исполняютъ обряды счисленія дней. Отъ 2-го дня пасхи до пятидесятницы, каждый еврей долженъ, послѣ вечерней молитвы, считать сколько дней уже прошло со дня принесенія снопа.

Въ первые дни вечера пасхи, всякій, даже бѣднѣйшій еврей долженъ отправлять *седеръ* (порядокъ вечера), произнося *кидушъ* надъ кубкомъ вина (у бѣдныхъ вино можетъ быть замѣнено другимъ напиткомъ); онъ читаетъ „гагаду“, т. е. разсказъ о выходѣ евреевъ изъ Египта; въ промежуткахъ разсказа совершаются нѣкоторые маловажные, предписанные талмудомъ и раввинами обряды. Въ составъ „гагады“ входятъ также благодарственные псалмы и гимны за выведеніе евреевъ изъ страны Египетской и освобожденіе ихъ изъ „рукъ Фараона и Египтянъ“. Чтеніе „ гагады“ совершается при полномъ кубкѣ вина, а по окончаніи чтенія первой части „гагады“ пьютъ изъ одного кубка и принимаются за трапезу, состоящую изъ лучшихъ блюдъ еврейской кухни. Трапезу запиваютъ кубкомъ вина и продолжаютъ чтеніе гагады, конецъ чтенія которой опять таки запиваютъ кубкомъ вина.

Въ этотъ вечеръ (или вечера) каждый членъ еврейской семьи имѣетъ свой кубокъ, и по постановленію талмуда, *непремѣнно долженъ выпивать четыре кубка вина*. Соблюденіе этого, въ буквальномъ смыслѣ, не

требуется: выпить часть—все равно, что выпить весь кубокъ. Выпивать кубки должны полулежа („гейба“—эмблема царскаго величія). Въ это время глава дома возсѣдаетъ на мягкомъ мѣстѣ, устланномъ въ восточномъ вкусѣ коврами или подушками, при чемъ всѣ члены дома, даже прислуга, должны сидѣть за столомъ и пользоваться, такъ сказать, равноправностью. Кромѣ этого, талмудъ предписываетъ наряжаться въ самую лучшую одежду въ пасхальные вечера.

Все это установлено въ память освобожденія отъ рабства. Въ народѣ существуетъ повѣрье, что пророкъ Илья бываетъ въ этотъ вечеръ въ домѣ каждаго еврея, ему приготовляется даже особый кубокъ вина, который стоитъ нетронутымъ цѣлый вечеръ. Злые духи и, вообще, нечистыя силы лишены возможности вредить еврею въ этотъ вечеръ, въ знакъ чего, послѣ чтенія „гагады“, отворяютъ на нѣсколько секундъ выходящую на улицу дверь. Простаки говорятъ, что въ этотъ именно моментъ Илья пророкъ является.

Въ первые два дня послѣ утренней молитвы знакомые посѣщаютъ одинъ другого (большею частью посѣщаютъ зависимые,—отъ которыхъ по положенію своему зависятъ), для поздравленія съ праздникомъ (gutjom-tou bieten), при чемъ подчуютъ посѣтителей водкой, виномъ и закуской. Большею частью эти поздравленія происходятъ въ послѣдніе три праздника. Тогда знакомые и друзья сходятся, и послѣ обѣда пьютъ вино и предаются праздничному веселью: поютъ извѣстные речитативы и мелодическіе мотивы, безъ словъ, а иногда танцуютъ. Этотъ послѣдній обычай сохраняется еще у средняго торговаго и ремесленнаго класса, также у хасидовъ всѣхъ классовъ. Но зажиточные и богатые торговые евреи, особенно отличающіеся свѣтскостью, рѣдко устраиваютъ праздничныя попойки и гулянья. Въ „халъ-гамоедъ“ позволены всѣ торговыя занятія, но работать нельзя. Въ этотъ полупраздничный промежутокъ времени, отдаленные другъ отъ друга по мѣсту жительства родственники, большею частью дѣти, ѣдутъ къ своимъ родителямъ для свиданія съ ними, гдѣ и гостятъ вторые два дня праздника. Иногда нарочно посылаютъ за женихомъ дочери или невѣстою сына и „берутъ ихъ на праздникъ“, или же за находящимися у другого свата новобрачными молодыми „дѣтьми“. По пріѣздѣ такихъ гостей, родители непремѣнно устраиваютъ семейный праздникъ, состоящій въ томъ, что знакомые и друзья сходятся къ нему днемъ послѣ обѣда на *машке*, т. е. на угощеніе: въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ еще сохраняется старинный обычай посылать такимъ главамъ семейства по бутылкѣ вина или другого напитка (schiken mit die gäst) въ поздравленіе съ гостями.

2) Пятидесятница празднуется 6-го и 7-го мѣсяца *Шавуатъ* (въ маѣ); по библейскому закону этотъ праздникъ установленъ собственно по случаю при-

несенія упомянутыхъ хлѣбовъ, а главное—по случаю принесенія съ каждаго сада первыхъ созрѣвшихъ плодовъ въ іерусалимскій храмъ. Эти плоды доставлялись каждымъ хозяиномъ сада въ торжественныхъ процессіяхъ.

Каждый беретъ свитокъ, и когда всѣ свитки розданы, то всѣ вызванные, держа въ объятіяхъ по свитку, окружаютъ *алморъ* (возвышенное мѣсто, гдѣ читаютъ изъ библіи во время богослуженія); впереди идетъ канторъ и поетъ извѣстные стихи изъ св. Писанія, а за нимъ всѣ прихожане. Такимъ образомъ, вызываются всѣ прихожане и даже дѣти 12 лѣтъ, и со свитками въ рукахъ ходятъ кругомъ алмемора (Hakofes). По временамъ нѣсколько hakofes, держащіе въ рукахъ библейскіе свитки, поютъ и танцуютъ.

Эти hakofes совершаются въ *Симхасъ-Тору* послѣ утренней молитвы. Въ *Симхасъ-Тору* читается послѣдній отдѣлъ библіи, пройденный въ синагогѣ въ теченіи года, и одна глава изъ начала библіи. Такимъ образомъ, въ этотъ день оканчивается и начинается библія.

По окончаніи молитвы, ходятъ одинъ къ другому съ поздравленіями, и всѣ отъ-мала до-велика предаются безграничному веселью: поютъ и танцуютъ даже и на улицахъ, и большая часть гуляющихъ бываютъ нѣсколько пьяны. Даже почтенные и пожилые евреи не считаютъ для себя предосудительнымъ напиться до пьяна въ *Симхасъ-Тору*. Женщины во всемъ этомъ не участвуютъ; только днемъ посѣщаютъ онѣ одна другую, какъ и въ другіе праздники, а угощеніе ихъ состоитъ въ однѣхъ закускахъ. Дѣвушки, а иногда и замужнія женщины приходятъ во время hakofes въ синагогу, и болѣе любопытныя изъ нихъ позволяютъ себѣ заходить въ мужское отдѣленіе, смотрѣть на веселье мущинъ и цѣловать носимые ими свитки закона.

Праздникъ Рошъ-Гашана (новый годъ).—Праздникъ *Рошъ-Гашана* отправляется евреями въ установленный Моисеемъ 1-й день мѣсяца „Тишры“ (осенью, въ началѣ сентября) и оканчивается *Іомъ-Кипуромъ* (десятыми днями того же мѣсяца).

Во времена существованія іудейскаго царствованія, говоритъ г. Брафманъ, храмъ оглушенный гимнами Левитовъ и радостными звуками священническихъ трубъ, открывалъ днемъ *Рошъ-Гашана* десятидневный періодъ, въ которомъ народъ, духовенство и даже самая святыня очищались и приготовлялись къ великому народному торжеству,—къ тому именно моменту, когда въ послѣдній и самый важный день этого періода—*Іомъ-Кипуръ*, разверзались предъ первосвященникомъ недоступныя для него въ теченіе всего года *двери святая святыхъ* и онъ, войдя туда съ искупительными дарами, приносилъ оттуда народу прощеніе и благоволеніе *Іеговы*. Этотъ день былъ для евреевъ днемъ поста и народной исповѣди, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, и высокаго ра-

достнаго духовнаго торжества. Въ настоящее время, также по закону Моисееву, внѣ Іерусалима и внѣ стѣнъ храма должное служеніе не можетъ быть совершено, то представители народа еврейскаго ввели такъ называемую *мусафъ* (содержаніе его описано тоже), синагогальное служеніе, открываемое обрядомъ *Текіотъ-Шоферъ*—трубленіемъ въ рогъ. День *Іомъ-Кипура* проводится евреями въ строгомъ подвижническомъ воздержаніи отъ всякихъ чувственныхъ наслажденій и посвящается исключительно покаянію и молитвѣ. Согласно народному вѣрованію, въ этотъ день Іегова подтверждаетъ все то, что было предначертано каждому еврею въ *Рошъ-Гашанъ*. Если человѣкъ, которому предназначенъ былъ горькій жребій на будущій годъ, не успѣлъ во время періода покаянія исправить приговоръ, то по прошествіи *Іомъ-Кипура* уже поздно. Постъ и молитвенное бдѣніе начинаются двумя часами раньше захода солнца, наканунѣ Іомъ-Кипура, и прекращаются съ окончаніемъ дня праздника. Поститься должны всѣ, начиная съ 12 лѣтняго возраста. Къ молитвамъ прибавляются исповѣдныя формулы. Замѣчательно, что въ этихъ формулахъ перечисляются грѣхи въ алфавитномъ порядкѣ. Самая знаменательная и торжественная молитва этого дня, которою открывается праздникъ,—есть *коль-нидре*. Достойно вниманія то обстоятельство, что, какъ говоритъ г. Брафманъ, отправленіемъ этой молитвы евреи совершаютъ актъ всенароднаго отреченія отъ обѣтовъ, присягъ, обѣщаній, заклинаній, которые были совершаемы каждымъ изъ присутствующихъ въ годъ прошлый, и которые будутъ совершены въ годъ грядущій.

Фактъ этотъ до того возмутителенъ, что противъ него возставали самыя авторитетныя лица даже изъ талмудическаго міра.

Послѣ почти безпрерывной молитвы въ продолженіи цѣлаго дня, праздникъ „Іомъ-Кипуръ“ и вмѣстѣ съ нимъ десятидневный періодъ покаянія оканчивается тѣмъ же, чѣмъ онъ начинался въ *Рошъ-Гашанъ*: раздается въ синагогѣ трубленіе въ рогъ, сопровождаемое кликами всего народа: „*Лешана габаа бирушелаимъ*“, т. е. на будущій годъ въ Іерусалимѣ.

Пройдя молчаніемъ замѣчаніе г. Брафмана о торжественности и блескѣ богослуженія въ день *Рошъ-Гашана* въ храмѣ и о плачевности и „безславіи“ этого служенія внѣ храма по разрушеніи его, г. Полинковскій считаетъ нужнымъ остановиться на замѣчаніи г. Брафмана, что *патріотическіе возгласы, ударяющіе по самимъ чуткимъ струнамъ народной жизни, пользующіяся у каждаго народа уваженіемъ высокаго духовнаго достоянія*, получили у евреевъ или *на іудейской почвѣ мѣсто канонизированныхъ молитвъ*. Дѣло въ томъ, что авторъ счелъ лишнимъ указать на отличительный характеръ этихъ *патріотическихъ возгласовъ на Іудейской почвѣ*.

Кто повнимательнѣе вникнетъ въ смыслъ этихъ еврейскихъ молитвъ, тотъ легко убѣдится, что этимъ молитвамъ чуждо стремленіе къ враждебнымъ для господствующей въ странѣ народности и религіи *дѣйствіямъ*, къ низверженію чуждой или иновѣрческой власти и возстановленію на *его мѣсто* политической власти и могущества Израиля. Всѣ еврейскія молитвы этого рода проникнуты однимъ только благочестивымъ желаніемъ: имѣть возможность отправлять праздничное богослуженіе въ храмѣ Іерусалимскомъ *тѣмъ порядкомъ* и съ церемоніями, какія предписаны Богомъ чрезъ *раба его Моисея*.

Возстановленіе Израильскаго царства и храма Іерусалимскаго обусловливается не кровавыми войнами и политическими переворотами, а распространеніемъ повсюду мира и почитанія всѣми народами единаго Бога, уничтоженіемъ идолопоклонства, исчезновеніемъ зла, порока, ненависти и безграничнымъ господствомъ права, правды и любви.

Эти вѣрованія и надежды болѣе, яснѣе и прекраснѣе всего выражаются въ молитвахъ—*Рошъ-Гашана*, получившаго, какъ выражается г. Брафманъ, *патріотическій букетъ превосходнѣйшаго аромата*.

Послѣ этой замѣтки г. Полинковскій указываетъ на источники, принятые г. Брафманомъ. По его мнѣнію, совершенно ошибочно говоритъ авторъ „Книги Кагала“, что безъ жертвъ, по духу чистаго іудеизма, праздникъ теряетъ свой смыслъ, и, что, вмѣсто праздничныхъ жертвъ, представители еврейскаго народа ввели такъ называемый *мусафъ*. Смыслъ еврейскихъ праздниковъ вообще и каждаго въ отдѣльности достаточно ясно указанъ Библіею (кн. 3, гл. 23 и кн. 5, гл. 16). Въ 16 главѣ 5 книги Библіи, гдѣ такъ подробно объясняется значеніе главныхъ трехъ праздниковъ: Пасхи, Пятидесятницы и Скинопигіи, даже не упоминается о жертвоприношеніи, составляющемъ только часть праздничнаго богослуженія въ храмѣ. Праздничныя жертвы, какъ *прибавочныя* къ числу ежедневныхъ жертвъ, назывались *мусафимъ* (единственное число *мусафъ*, что̀ значитъ прибавочный). А такъ какъ число молитвъ опредѣлено на каждый день по числу приносившихся въ храмъ жертвъ, то въ праздничные дни установлена *прибавочная* молитва, названная тѣмъ же именемъ *мусафъ*, о содержаніи части которой сказано выше. Не вся молитва *мусафъ* состоитъ изъ *патріотическихъ возгласовъ*: начало и конецъ ея составляютъ обычные и въ будничные дни 3 первыхъ и 3 послѣднихъ благословеній *). Между

*) Въ будничные дни эту главную молитву составляютъ 18, а съ 1-го вѣка по Рождествѣ Христовѣ 19 благословеній. Но въ праздничные дни читаются только 3 первыя и 3 послѣднія, а вмѣсто среднихъ 13 читаютъ утромъ и вечеромъ краткія формулы, соотвѣтствующія празднику. Въ *Мусафѣ* читаются также краткія формулы, описываемыя въ текстѣ.

этими 3-мя первыми и 3-мя послѣдними благословеніями въ субботу прочитывается молитва *тиканта-шабатъ*, похожая на гимнъ *субботней славъ*, а въ праздничные дни читается молитва *умипней-хатуену*... („и за грѣхи наши мы изгнаны изъ земли нашей"), въ которой между прочимъ говорится: „и возсіяй и вознесись (славою) предъ все живущее" и т. д. Эти молитвы оканчиваются высказываніемъ желанія: „и приведи насъ въ Сіонъ съ радостнымъ пѣніемъ и тамъ совершихъ предъ тобою установленныя жертвоприношенія, согласно заповѣдямъ твоимъ, чрезъ раба твоего Моисея". Что въ этихъ молитвахъ, какъ приведено г. Брафманомъ,—*дни паденія царства, изгнаніе, мученія и проч. воскресаютъ въ самыхъ живыхъ и сердце раздирающихъ картинахъ*, поэтически-преувеличено, то это вѣрно, такъ какъ, кромѣ приведенныхъ начальныхъ словъ молитвы *умипней-хатуену*, ничего больше объ изгнаніи не сказано и не говорится въ ней. Что касается молитвы *„новаго года"*, то не только *мусафъ*, но и утренняя и вечерняя молитвы имѣютъ отличительный, соотвѣтственный значенію этого праздника у народа, характеръ. Въ Библіи этому празднику не придается никакого особаго значенія, ни по историческому случаю, ни по какому нибудь явленію природы. Библія даже не называетъ его новымъ годомъ, а говоритъ только „первое число седьмаго мѣсяца (первымъ библія считаетъ Нисанъ) да будетъ у васъ днемъ покоя и воспоминательнаго трубленія (Лев. гл. 23 ст. 24). Въ другомъ мѣстѣ онъ называется просто „днемъ трубленія" (Числа гл. 29 ст. 1). Не только Талмудъ, но и караимскія религіозныя книги свидѣтельствуютъ, что въ храмѣ соблюдается въ этотъ праздникъ обрядъ трубленія въ „шафоръ". Въ началѣ существуетъ древнее преданіе, упоминаемое какъ въ Талмудѣ, такъ и въ религіозныхъ книгахъ караимовъ, что этотъ праздникъ и слѣдующіе за нимъ дни до Іомъ-Кипура (день умилостивленія) назначены на покаяніе и возвращеніе на путь истины и добродѣтели. Въ древней Мишнѣ (пер. *Рошъ-Гашана* лист. 1-й и 16) находится народное преданіе, что первое число *Тишры* есть историческій новый годъ и что въ этотъ день „всѣ приходящіе въ міръ сей, приходятъ предъ Творца какъ овцы стада", т. е. судятся въ небесномъ судилищѣ каждый по одиночкѣ. Этому дню приписываются также народнымъ преданіемъ важные историческіе случаи, какъ-то: сотвореніе міра, принесеніе Авраамомъ въ жертву Исаака (это преданіе есть у караимовъ) и др.

Всѣ эти преданія живутъ и понынѣ въ еврейскомъ народѣ; но въ молитвахъ и въ народныхъ воззрѣніяхъ на праздникъ Рошъ-Гашана проглядываетъ вѣрованіе, что на небѣ въ это время творится судъ надъ дѣйствіями людей въ прошломъ, рѣшается судьба ихъ въ будущемъ году, и что въ этотъ день Богъ, сотворивъ міръ, сдѣлался царемъ вселенной. Поэтому

BIBLIOTHECA UNIVERSIS

содержаніе молитвъ состоитъ частію въ испрашиваніи у Правосуднаго и Милостиваго Царя Небеснаго (большею частію употребляется слово *Мелехъ*—Царь, вмѣсто *Елъ*—Богъ) прощенія грѣховъ, продленія жизни, поддержаніе здоровья и доставленія „парнаіа“ (средствъ къ жизни), а частію въ моленіи о возстановленіи Царства Божія надъ всѣмъ міромъ: „и да скажетъ все имѣющее дыханіе жизни: Егова, Богъ Израиля — Царь, Его Царствіе господствуетъ надъ всѣмъ существующимъ“. Національныя стремленія къ возстановленію Сіона и народнаго богослуженія въ храмѣ уступаютъ мѣсто, такъ сказать, космополитическому міросозерцанію: вмѣсто одного Израиля говорится о всѣхъ народахъ свѣта, вмѣсто одного Сіона выступаетъ вселенная. Стало быть, если и говорится о возстановленіи Сіона и израильскаго царства, то говорится какъ о слѣдствіи повсемѣстнаго наступленія чистоты нравовъ и всеобщаго познанія истиннаго Бога.—Кромѣ этихъ канонизированныхъ молитвъ въ дни Рошъ-Гашана и Іомъ-Кипура, какъ отчасти и въ другіе праздники, читаются разныя неканонизированныя „піютимъ“ (стихотворныя пѣсни, гимны и молитвы), большая часть которыхъ составлена бездарными синагогальными піитами среднихъ вѣковъ и лишена всякаго эстетическаго достоинства. Содержаніе этихъ „піютимъ“ составляетъ варіацію на разные лады извѣстныхъ народныхъ преданій и разсказовъ о закланіи Исаака, о ролѣ сатаны въ небесномъ судилищѣ, и т. п.

Но чтеніе этихъ молитвъ введено только мѣстными обычаями; онѣ не имѣютъ никакой санкціи и во многихъ мѣстахъ, особенно гдѣ духъ новаго времени повѣялъ и на еврейское богослуженіе, совсѣмъ не читаются. Къ этому послѣднему разряду принадлежитъ молитва „унсане-токефъ“, на которую указываетъ г. Брафманъ. Хотя она пользуется большимъ уваженіемъ по мученическому вѣнку, которымъ народное преданіе вѣнчаетъ ея составителя (жившаго въ XII или XIII в. и читавшаго эту молитву въ предсмертныхъ мученіяхъ, когда палачъ отрѣзалъ руки и ноги), такъ и по ея болѣе чистому и ясному слогу, но все-таки ни чуть не канонизирована и не составляетъ непремѣнной части богослуженія.

Изложенное выше значеніе праздника Рошъ-Гашана перенесено и на обрядъ трубленія. Хотя, по мнѣнію караимовъ, обрядъ этотъ въ Іерусалимскомъ храмѣ имѣлъ значеніе—только возвѣщенія о наступленіи новаго года и освобожденія проданнаго недвижимаго имущества; но, по раввинистамъ, трубленіе имѣло также значеніе воззванія къ роду людскому о разсмотрѣніи своихъ суетныхъ дѣлъ и проступковъ и о возвращеніи на путь истины. Такъ равно, трубленіемъ народъ напоминаетъ о себѣ передъ престоломъ Всевышняго. (Талм. Рошъ-Гашана л. 16; Маймонидъ, трактатъ о покаяніи гл. 3 и 4; срав. Числа, гл. 10 ст. 9, 10 и Іоиль гл. 2, ст. 1).

Хотя одинъ изъ талмудическихъ аллегористовъ приписываетъ трубленію оглушительное и ошеломляющее дѣйствіе противъ рѣчей сатаны, но, конечно, эта аллегорія имѣетъ цѣлью подѣйствовать на суевѣрное невѣжество. Мистическая кабалла, весьма естественно, нашла въ преданіяхъ и религіозныхъ воззрѣніяхъ, касающихся праздника „Рошъ-Гашана“ и обряда трубленія, плодотворную почву для насажденія своихъ фантастическихъ образовъ и суевѣрныхъ признаковъ. Каждымъ звукомъ „шофара“ кабалла громитъ полчища злыхъ духовъ и даетъ силу и возможность разнымъ ангеламъ-спасителямъ плести изъ этихъ трубныхъ звуковъ занавѣсы и вѣнки въ небесныхъ чертогахъ. Но, для совершенства этой работы, кабалла совѣтуетъ еще разныя шептанья и причитанья, исполненіе которыхъ предписываетъ частію мірянамъ, а частію самому трубачу („токеа“).

Эти причитанья состоятъ частью изъ составленныхъ самими кабалистами формулъ, частію же изъ библейскихъ стиховъ и цѣлыхъ псалмовъ, произносимыхъ то по три, то по семи разъ. И вотъ, по одному изъ такихъ кабаллистическихъ толкованій около XVI или XVII столѣтія (прежде этого не встрѣчается), въ Литвѣ и Польшѣ возникъ обычай семикратнаго чтенія 47-го псалма передъ трубленіемъ потому, что въ немъ находятся знаменательныя для кабаллы слова: „возвысился Богъ трубленіемъ, возгласомъ рога“.

На приведенный г. Брафманомъ въ его „Книгѣ Кагала“ актъ № 30 „о временномъ воспрещеніи совершать общественныя молитвы въ частныхъ молельняхъ въ городѣ съ 1 дня Селихотъ *) до Іомъ-Кипура,“ г. Полинковскій представляетъ слѣдующее объясненіе:

„По талмуду народное богослуженіе („тефила бецибуръ“) можетъ быть совершено въ собраніи 10 взрослыхъ (старше 13 лѣтъ) мужчинъ, и гдѣ бы оно ни состоялось—въ синагогѣ-ли, въ частномъ-ли домѣ—такое собраніе („миніонъ“) составляетъ по ритуальному закону—публику („цибуръ“). Живущіе въ селахъ евреи, а равно и имѣющіе свое мѣстожительство въ далекомъ отъ синагоги разстояніи, отправляютъ праздничное и субботнее богослуженіе въ такихъ „миніонахъ“, гдѣ обязанность кантора (по еврейски „хазанъ“) исполняетъ одинъ изъ мірянъ, членъ „миніона“. Это часто случается и въ небогатыхъ школахъ, не имѣющихъ средствъ содержать особаго „хазана.“ Но въ такъ называемые „страшные дни“ („іамимъ нараимъ“), т. е. въ праздникъ Рошъ-Гашана и Іомъ-Кипура, когда богослуженіе, продолжающееся очень долго (5—7 часовъ) и требующее въ нѣкоторыхъ своихъ частяхъ знанія напѣва („нейсухъ“) и установленныхъ мелодій, а равно и

*) *Селихотъ*—молитвы исповѣдныя, читаемыя съ воскресенья, предшествующаго *Рошъ-Гашану* до *Іомъ-Кипура* т. е. до суднаго дня (съ 1 по 10 число *Шишры*).

набожности отъ исполнителя, — каждая синагога, или постоянная молельня приглашаетъ на этотъ разъ особаго кантора, извѣстнаго обществу, обладающаго надлежащими знаніями и душевными качествами, и платитъ ему болѣе или менѣе значительную сумму. Въ этомъ обстоятельствѣ заключается главная причина упраздненія четырехъ „миніонимъ“ на сказанные праздники и пріѣзда сельскихъ евреевъ въ ближайшіе города или мѣстечки. Проживая небольшими обществами въ селахъ и не имѣя средствъ пригласить къ себѣ особаго кантора, они могутъ представить довольно значительныя средства для этой цѣли, съѣхавшись въ одно мѣсто.

Кромѣ этой главной причины, есть еще другая, такъ сказать, религіозная, заключающаяся въ набожномъ желаніи евреевъ молиться въ эти страшные судные дни, въ сообществѣ возможно значительнѣйшаго собранія молящихся. Такъ какъ, по изложеннымъ причинамъ, во время судныхъ дней бываетъ значительное стеченіе публики, то въ эти праздники наступаетъ также время особаго попеченія о синагогальномъ хозяйствѣ: собираются пожертвованія и долги жертвователей за прошлый годъ; также въ дни Рошъ-Гашана и Іомъ-Кипура, продается въ пользу молельни съ аукціона „аліотъ“, причемъ цѣны на означенный предметъ бываютъ значительно высоки, такъ какъ возникаетъ большая конкуренція. Вотъ почему старосты синагогальные стараются, чтобы въ эти дни не собирались частные миніонимы, такъ какъ отъ этого можетъ произойти ущербъ доходамъ синагоги или школы.

Объ обрядѣ „Алія“.—Г. Брафманъ въ своей „Книгѣ Кагала“ (примѣч. IV) объ этомъ обрядѣ излагаетъ слѣдующее: „Обрядъ этотъ, установленный Эздрою, а, по мнѣніюдругихъ, даже самимъ Моисеемъ, заключается въ чтеніи Пятикнижія и Пророковъ при общественной молитвѣ. Чтеніе это совершается не ежедневно, а по понедѣльникамъ, четвергамъ и субботамъ и вошло въ составъ общественной молитвы въ праздники новолунія и посты. Исполненіе этого обряда возложено синагогою на всѣхъ евреевъ безъ исключенія, и самое чтеніе совершается не иначе, какъ по Торѣ—свитку, составляющему священнѣйшій предметъ синагоги.

„Приступаютъ къ совершенію этого обряда слѣдующимъ образомъ: по окончаніи молитвы „шемина-эсрей“, частное лицо вынимаетъ изъ кивота свитокъ и передаетъ его кантору или заступающему его мѣсто. Канторъ, принявъ Тору съ почтительнымъ благоговѣніемъ, произноситъ коротенькую молитву и совершаетъ торжественный ходъ на эстраду, при чемъ народъ окружаетъ его и прикладывается къ свитку.

На эстрадѣ кантора со свиткомъ встрѣчаютъ „сеганъ“ или „габай“ (ста-

роста) и „шамешъ“ (служка). Положивъ свитокъ на столъ эстрады, канторъ, по указанію габая, громко и нараспѣвъ призываетъ по имени и отчеству того, кто удостоился первымъ приступить къ чтенію.

„На этотъ зовъ приглашенное лицо поднимается съ своего мѣста и отправляется на эстраду. Приложившись къ Торѣ, приглашенный громко произноситъ молитву: „благословляйте Іегову благословеннаго! Благословенъ будь Іегова, благословенный во вѣки вѣковъ! Благословенъ еси ты Іегова, Царь вселенной, который избралъ насъ изъ всѣхъ народовъ и далъ намъ свой законъ. Благословенъ еси ты, Іегова—законодатель“.

„Народъ отвѣчаетъ „аминь“ и тутъ начинается чтеніе. По окончаніи чтенія, приглашенный опять громко произноситъ: „Благословенъ еси ты, Іегова, Боже нашъ, Царь вселенной, который далъ намъ законъ истинный. Благословенъ еси ты, Іегова, давшій законъ.

„Вотъ въ чемъ заключается обрядъ „алія“; приглашенный къ чтенію значитъ получилъ „алію“, т. е. удостоился взойти на Синайскую гору, которую представляетъ эстрада въ молитвенномъ домѣ, и читать законъ, дарованный Богомъ избранному Израилю.“

О правахъ на полученіе „аліа“ г. Полинковскій излагаетъ слѣдующее: раздѣленіе „аліотъ“ между прихожанами подлежитъ измѣненію по обычаю; но никогда обрядъ этотъ—ни при установленіи, ни при примѣненіи его до настоящаго времени—не имѣлъ цѣлью раздѣленіе прихожанъ на плебеевъ и патриціевъ, какъ утверждаетъ это г. Брафманъ. Такая градація вообще чужда евреямъ и еврейству. Приведеніе талмудическихъ источниковъ можетъ подтвердить это.

Въ трактатѣ „Мегилла“, лис. 21-й, мы первый разъ находимъ въ Мишнѣ постановленіе, что по понедѣльникамъ и четвергамъ читаютъ (соотвѣтственное мѣсто) 3 человѣка (въ то время и теперь у испанскихъ евреевъ сами приглашаемые читаютъ); въ первыя числа мѣсяцевъ и „холъгамоэдъ“—4 челов.; по праздникамъ—5, по субботамъ 7 чел.; и т. д.

Въ другомъ трактатѣ „Гиттинъ“, л. 50, Мишна исчисляетъ цѣлый рядъ постановленій, цѣль которыхъ было „дарки-шаломъ“, т. е. пути міра; напр. не препятствовать бѣднымъ иновѣрцамъ собирать установленныя Моисеемъ въ пользу бѣдныхъ извѣстныя части колосьевъ и сноповъ — „ради путей міра“: приглашать къ чтенію библіи при богослуженіи—прежде когена, потомъ леви, потомъ израелита и т. д.; „ради путей міра“, т. е. чтобы прихожане не спорили изъ-за этой чести — установленъ неизмѣняемый порядокъ. Въ „Агадѣ“, однакоже, находимъ, что незаконнорожденный ученый имѣетъ преимущество на полученіе „аліа“ предъ когеномъ „амъ-гарецъ“ (т. е. простакъ, неучъ). Не смотря на это, Маймонидъ въ своемъ, такъ сказать,

универсальномъ собраніи всѣхъ талмудическихъ постановленій (тракт. о молитвѣ гл. 12, парагр. 18) говоритъ, что, по распространенному обычаю, когенъ, будь онъ даже „амъ-гарецъ“, приглашается передъ ученымъ. Въ настоящее же время, особенно у волынскихъ и польскихъ евреевъ, этотъ обычай опять перемѣнился и, присутствуй даже нѣсколько когеновъ, первымъ къ чтенію приглашаютъ богатаго или ученаго израелита. Весьма естественно, что евреи, не находя удовлетворенія свойственному имъ, какъ и всѣмъ смертнымъ, честолюбію, ни въ политической, ни въ гражданской жизни, сосредоточивали и сосредоточиваютъ отчасти и теперь все свое самолюбіе на синагогальныхъ почестяхъ. Случается иногда, что обиженный нищею аліею споритъ съ синагогальнымъ старостою. Но такіе споры, сами по себѣ неблагопристойные въ Божьемъ домѣ, скорѣе доказываютъ противное положенію г. Брафмана, которое онъ приводитъ въ „Книгѣ Кагала“, что будто-бы существуютъ *права* на алію и раздѣленіе на патриціевъ и плебеевъ.

Кромѣ означенныхъ, прилагаемъ описаніе еще одного еврейскаго праздника, приведеннаго г. Берлинымъ въ его „Очеркѣ этнографіи еврейскаго народонаселенія въ Россіи“, который, хотя и не періодическій, но народный, именно: „каждый состоятельный еврей обязанъ заказать для себя свертокъ пятикнижія, писанный на пергаментѣ, для чтенія въ синагогѣ. Когда каллиграфъ кончитъ свою работу (въ самомъ концѣ свертка оставляютъ нѣсколько строкъ недописанныхъ), хозяинъ свертка приглашаетъ къ себѣ, въ назначенный для сего день, родственниковъ, друзей и знакомыхъ, причемъ тѣ и другіе жертвуютъ сколько нибудь въ пользу каллиграфа. Женщины, приглашенныя на этотъ праздникъ, пришиваютъ листы пергамента одинъ къ другому овечьими жилами. Когда все готово, обыкновенно къ вечеру, приносятъ изъ синагоги балдахинъ („хупа“), подъ которымъ вѣнчаютъ новобрачныхъ, убираютъ новый свертокъ серебряною короною, надѣваютъ на него шелковый чехолъ и навѣшиваютъ разныя серебряныя украшенія; женщины берутъ въ руки зажженныя свѣчи, а мужчины окружаютъ балдахинъ, и, по вызову служителя синагоги, каждый по очереди беретъ на руки свертокъ; такимъ образомъ несутъ его съ музыкою изъ дома хозяина до синагоги, гдѣ, въ это же самое время, уже всегда собирается толпа народу; почетнѣйшіе люди вынимаютъ изъ кивота находящіеся тамъ свертки и выходятъ на встрѣчу къ новому. Хозяинъ вноситъ свертокъ въ синагогу, при чемъ канторъ поетъ псалмы, а народъ повторяетъ за нимъ обычнымъ образомъ; затѣмъ хозяинъ вставляетъ свертокъ въ кивотъ, а канторъ произноситъ благословеніе.

„Синагога бываетъ всегда по этому случаю иллюминована; подъ звуки музыки, хорошіе знакомые провожаютъ хозяина на домъ и заключаютъ тамъ

этотъ праздникъ пиромъ. Впрочемъ, этотъ праздникъ случается очень рѣдко, потому что не каждый еврей въ состояніи заказать новый свертокъ. Нѣкоторые же хотя и заказываютъ, но вносятъ его̀ въ школу тихо, безъ громкихъ церемоній, такъ какъ самая торжественность въ этомъ случаѣ не обязательна, а выражаетъ только національную привязанность къ божественной книгѣ".

Послѣ описанія подробностей главныхъ трехъ библейскихъ праздниковъ, скажемъ нѣсколько словъ о такъ называемыхъ г. Берлиномъ историческихъ праздникахъ: „Пуримъ" (праздникъ Эсфири) и „Ханука" (праздникъ Маковеевъ). Оба эти праздника въ сущности только полупраздники, такъ какъ въ нихъ дозволяется и работа и всякія другія занятія. „Пуримъ" празднуется 14-го мѣсяца Адара (въ февралѣ), въ память отмѣны исходатайствованнаго персидскимъ царедворцемъ Аманомъ постановленія государя (Ксеркса) истребить всѣхъ еврейскихъ жителей государства. Этому празднику предшествуетъ „постъ Эсфири", установленный супругою того государя — еврейкою Эсфирью, совмѣстно съ дядею своимъ Мордхаемъ, такъ какъ они сами постились и молились прежде чѣмъ приступили къ исходатайствованію царскаго эдикта объ отмѣнѣ замысла Аманова". По исходѣ постнаго дня, евреи отъ-мала-до-велика собираются въ школы и молельни, а гдѣ таковыхъ нѣтъ, то въ частные дома, гдѣ предназначеннымъ для этого чтецомъ громко и внятно прочитывается вся книга „Эсфирь", но не изъ печатной книги, а непремѣнно изъ писаннаго пергаментнаго свитка. До конца чтенія даже постившіеся не могутъ ничего вкушать. Хотя при чтеніи всѣ должны по закону сохранять (и сохраняютъ) благоговѣйное молчаніе и внимательность, но изстари (въ средніе вѣка) установился странный обычай: при каждомъ произношеніи чтецомъ имени „Аманъ", присутствующіе дѣти и даже взрослые фанатики поднимаютъ, хотя скоро проходящій, но оглушительный шумъ, дѣти стучатъ, гремятъ нарочно устроенными гремушками а взрослые стучатъ просто ногами объ полъ. Хотя этотъ обычай противенъ религіознымъ постановленіямъ о святости мѣста, такъ равно и благоговѣйной тишинѣ, какую должно сохранять но время чтенія, но увѣщанія нѣкоторыхъ ученыхъ и благомыслящихъ никакъ не могутъ дѣйствовать на толпу простаковъ и дѣтей—отказаться отъ этого безсмысленнаго обычая, въ которомъ дѣти находятъ удовлетвореніе своей дѣтской прихоти. Вечеромъ въ домѣ каждаго еврея приготовляется праздничный ужинъ. Утромъ, по окончаніи обыкновеннаго (только съ незначительными прибавленіями) богослуженія, опять происходитъ обязательное для всѣхъ чтеніе „Мегилы" (свертка); по выходѣ изъ школы каждый опять обѣдаетъ по праздничному; и приступаютъ къ исполненію упомянутаго въ книгѣ „Эсфирь" обычая „шалахъ мунесъ" (пра-

вильнѣе—„манотъ"), состоящій въ томъ, что всѣ знакомые между собою въ городѣ посылаютъ одинъ другому, нарочно для этого приготовленныя, сладкія закуски; бѣднымъ посылаютъ вмѣстѣ съ закускою и денежный подарокъ („матаноть луевьо'нимъ"). Этотъ обычай существовалъ въ Палестинѣ въ каждый праздникъ, что можно заключить изъ Нееміи, гл. VIII (стр. 10). Въ этотъ день веселья и благотворительности, по домамъ евреевъ ходятъ десятки нищихъ и такъ называемые „пурлыхъ", которые собираютъ пожертвованія для какого нибудь больного бѣднаго или такого, который самъ стыдится просить милостыни.

Большею частію эти „пурлыхъ", состоящіе обыкновенно изъ почтенныхъ „бесгамедрашниковъ", или меламедовъ, еще до наступленія Пурима выдаютъ обращающимся къ нимъ бѣднымъ извѣстную сумму, въ счетъ того, что они собирутъ для него въ Пуримъ. Предъ наступленіемъ вечера начинаютъ приготовляться къ отправленію „судасъ-пуримъ" (пиръ Пурима). Каждый сколько нибудь состоятельный еврей приготовляетъ для этого, кромѣ всѣхъ принадлежностей праздничнаго пира, еще отличающіяся громадною величиною булки, тѣсто которыхъ подкрашивается шафраномъ, и приглашаетъ къ себѣ на „суды" своихъ друзей и знакомыхъ. Дѣти, хотя живущія отдѣльно, должны посѣтить со всѣмъ своимъ семействомъ „суду" родителей. Въ этотъ вечеръ, даже богослуженіе въ синагогѣ и школахъ не отправляется. Каждый молится дома, ибо онъ занятъ „судою". На этомъ пирѣ предаются безграничному веселью, даже талмудъ предписываетъ напиться въ этотъ вечеръ до-пьяна, и это дѣйствительно исполняется, особенно—хасидами. Только въ послѣднее двадцатилѣтіе нѣсколько вывелся обычай „пуримъ шпилъ"—это была какая-то жалкая пародія на римскій карнавалъ. Взрослые парни ремесленники составляли труппу комедіантовъ, или актеровъ—пожалуй. Кто представлялъ государя Ксеркса (по еврейски Ахашверошъ), кто—Амана, кто—Мордхая, кто—Эсфирь и другихъ пословъ и царедворцевъ. Одѣвшись въ соотвѣтственные (будто) каждой роли фантастическіе костюмы (замѣчательно, что Мордхай, играющій въ библейскомъ разсказѣ такую видную и почтенную роль, исполняетъ въ этомъ еврейскомъ спектаклѣ роль жалкаго и презираемаго шута!), — эта труппа ходила по еврейскимъ домамъ, сопровождаемая толпою праздныхъ мальчишекъ и, представивъ съ безалаберною мимикою и въ безсмыслепныхъ на нѣмецкомъ будто бы языкѣ коверканныхъ діалогахъ и тирадахъ все историческое происшествіе этого праздника во дворѣ „Ахашвероша", получала въ каждомъ домѣ вознагражденіе. Собираемыя такимъ образомъ деньги употребляли большею частію для синагоги или другой благотворительной цѣли.

„Ханука" празднуется 8 дней, начиная съ 25-го „Кислева" (въ ноябрѣ),

въ память освобожденія Іерусалима и всей Палестины изъ-подъ ига сирійскаго деспота Антіоха Эпифана. Въ народѣ сохранилось преданіе, что, по окончаніи кровавой борьбы и сверженіи иноземной власти, приступили къ очищенію храма и его священной утвари, но не могли найти чистаго и неосквернennаго прикосновеніемъ язычниковъ оливковаго масла, для храмовой постоянной лампады. Наконецъ, нашли очень малое количество такого масла, спрятаннаго въ тайномъ мѣстѣ первосвященникомъ, въ опечатанномъ имъ сосудѣ. И это масло чудеснымъ образомъ горѣло 8 дней сряду. Это преданіе передается и талмудомъ, почему установлено въ праздникъ „Ханука“ зажигать въ домѣ, на видномъ съ улицы мѣстѣ, въ первый вечеръ отъ одной до 8-ми лампадокъ. Особому веселью въ этотъ праздникъ не предаются; только по вечерамъ, послѣ зажженія лампадокъ, начинаются развлеченія, игра въ шашки, шахматы, невинныя карточныя игры, къ закускѣ подаются блины. Дѣти играютъ въ „дрейделъ“, это —вылитая изъ олова или свинца фигурка, имѣющая форму кубика, оканчивающаяся съ одной стороны заостреннымъ конусомъ, а съ другой имѣющая вертикальную прямую рукоятку, посредствомъ которой она приводится въ кругообразное движеніе. На стѣнкахъ кубика оттиснуты 4 буквы „Н“ „Г“ “Г“ (h) „Ш“; на каждой стѣнкѣ по одной. Это начальныя буквы словъ „Несъ“ „Гадолъ“ „Гаіа“ „Шамъ“, что̀ значитъ: „великое чудо было тамъ“. Смотря потому какая буква выпадаетъ къ верху, выигрываютъ или проигрываютъ. По вечерамъ, когда домашніе предаются описаннымъ развлеченіямъ, по домамъ ходятъ бѣдные и члены, такъ сказать, духовнаго причта — хазанъ, шамесъ, а иногда и раввинъ, которымъ, по значенію каждаго, даютъ денежныя пожертвованія („ханука гельтъ“).

Пляски и пѣніе — рѣдки у евреевъ вообще, но у хасидовъ — очень часты. Гдѣ хасидовъ значительное число, они собираются на каждый канунъ воскресенія (на исходѣ субботы) въ домъ болѣе другихъ зажиточнаго изъ ихъ партіи, и тамъ до полуночи, а иногда и до свѣта ѣдятъ, пьютъ водку, поютъ разныя религіозныя „піютимъ“ и пляшутъ; все это называется „м'лаве-малке“ (сопровожденіе царицы — т. е. этимъ пиромъ провожаютъ царицу — субботу). Вообще о веселомъ настроеніи хасидовъ см. письма о хасидизмѣ въ Россіи въ журналѣ „Сіонъ“ за 1861 — 62 годы, стр. 454. Эти письма и „Очеркъ хасидизма“ (тамъ же стр. 51) могутъ быть рекомендованы, какъ вѣрныя описанія этой секты.

Въ статьѣ о расходахъ, г. Берлинъ упоминаетъ объ умѣренности расходовъ у средняго класса евреевъ, а мы находимъ, что даже на пищу у этого класса расходуется, сравнительно съ христіанскимъ населеніемъ, больше—особенно для субботы и праздниковъ, для которыхъ рѣдкій еврей откажется

отъ приготовленія установленныхъ обычаемъ блюдъ и бѣлаго пшеничнаго хлѣба (и не въ гомеопатическомъ размѣрѣ, какъ авторъ говоритъ). Не печь бѣлаго хлѣба на праздникъ или субботу и не приготовлять мясной пищи на ужинъ и въ „чулентъ" — значитъ находиться въ самомъ бѣдномъ отчаянномъ положеніи.

На одежду у евреевъ (носящихъ тонкую одежду) тратится сравнительно больше. Но главный расходъ, который очень часто разорительно отзывается на состояніи даже зажиточныхъ евреевъ, это — выдача замужъ дочери и женитьба сына. Этотъ расходъ у средняго класса отецъ уже имѣетъ въ виду, когда его дѣти еще малолѣтни. „Хасене махенъ айнъ киндъ" (посватать дитя) озадачиваетъ еврейскаго отца и заставляетъ его усиливать свою торговую дѣятельность, слѣдить за торговыми предпріятіями и какъ можно болѣе достать средствъ, чтобы устроить „хасене" возможно приличнѣе. Хотя такое неусыпное стараніе родителей объ устройствѣ своихъ дѣтей заслуживаетъ похвалы, но съ другой стороны нельзя не порицать то неотрадное и неблагоразумное явленіе — въ томъ отношеніи, что при устройствѣ сватьбы тратятъ значительныя, несоотвѣтственныя состоянію, суммы на такіе расходы, которые не приносятъ никакой пользы ни родителямъ, ни дѣтямъ. Напримѣръ: устройство сватебныхъ пировъ на громадное число посѣтителей, продолжающееся почти цѣлую недѣлю; наемъ музыки; покупка разныхъ подарковъ для невѣсты и жениха, безъ которыхъ они могли-бы обходиться — все это поглощаетъ сумму, часто гораздо большую, чѣмъ само приданое. Очень часто еврей средняго класса, по выдачѣ дочери или женитьбѣ сына, впадаетъ въ неоплатные долги, и состояніе его совершенно разстраивается. Точно также обученіе дѣтей и религіозныя потребности требуютъ значительныхъ расходовъ.

Особенности общественнаго быта.

Пройдя молчаніемъ статью г. Берлина („Касты"), въ которой авторъ излагаетъ различіе между когеномъ, левитомъ и израелитомъ (такъ какъ это различіе не только въ практической, но даже въ духовной жизни евреевъ потеряло свое значеніе), считаемъ нужнымъ замѣтить, что и раздѣленіе евреевъ, въ *нравственномъ* отношеніи, на: *габолы, гаоны, ламданы* и т. д. и въ *матеріальномъ* отношеніи на: *гвиры, ногиды* и т. д., кажется неудачнымъ. Болѣе основательно дѣлить евреевъ на классы (такъ какъ касты въ точномъ смыслѣ этого слова у евреевъ нѣтъ) — въ соціальномъ отношеніи, и по образу мыслей — въ религіозномъ и практическомъ отношеніяхъ.

отъ приготовленія установленныхъ обычаемъ блюдъ и бѣлаго пшеничнаго хлѣба (и не въ гомеопатическомъ размѣрѣ, какъ авторъ говоритъ). Не печь бѣлаго хлѣба на праздникъ или субботу и не приготовлять мясной пищи на ужинъ и въ „чулентъ" — значитъ находиться въ самомъ бѣдномъ отчаянномъ положеніи.

На одежду у евреевъ (носящихъ тонкую одежду) тратится сравнительно больше. Но главный расходъ, который очень часто разорительно отзывается на состояніи даже зажиточныхъ евреевъ, это — выдача замужъ дочери и женитьба сына. Этотъ расходъ у средняго класса отецъ уже имѣетъ въ виду, когда его дѣти еще малолѣтни. „Хасене махенъ айнъ киндъ" (посватать дитя) озадачиваетъ еврейскаго отца и заставляетъ его усиливать свою торговую дѣятельность, слѣдить за торговыми предпріятіями и какъ можно болѣе достать средствъ, чтобы устроить „хасене" возможно приличнѣе. Хотя такое неусыпное стараніе родителей объ устройствѣ своихъ дѣтей заслуживаетъ похвалы, но съ другой стороны нельзя не порицать то неотрадное и неблагоразумное явленіе — въ томъ отношеніи, что при устройствѣ сватьбы тратятъ значительныя, несоотвѣтственныя состоянію, суммы на такіе расходы, которые не приносятъ никакой пользы ни родителямъ, ни дѣтямъ. Напримѣръ: устройство сватебныхъ пировъ на громадное число посѣтителей, продолжающееся почти цѣлую недѣлю; наемъ музыки; покупка разныхъ подарковъ для невѣсты и жениха, безъ которыхъ они могли-бы обходиться — все это поглощаетъ сумму, часто гораздо большую, чѣмъ само приданое. Очень часто еврей средняго класса, по выдачѣ дочери или женитьбѣ сына, впадаетъ въ неоплатные долги, и состояніе его совершенно разстраивается. Точно также обученіе дѣтей и религіозныя потребности требуютъ значительныхъ расходовъ.

Особенности общественнаго быта.

Пройдя молчаніемъ статью г. Берлина („Касты"), въ которой авторъ излагаетъ различіе между когеномъ, левитомъ и израелитомъ (такъ какъ это различіе не только въ практической, но даже въ духовной жизни евреевъ потеряло свое значеніе), считаемъ нужнымъ замѣтить, что и раздѣленіе евреевъ, въ *нравственномъ* отношеніи, на: *габолы, гаоны, ламданы* и т. д. и въ *матеріальномъ* отношеніи на: *гвиры, ногиды* и т. д., кажется неудачнымъ. Болѣе основательно дѣлить евреевъ на классы (такъ какъ касты въ точномъ смыслѣ этого слова у евреевъ нѣтъ) — въ соціальномъ отношеніи, и по образу мыслей — въ религіозномъ и практическомъ отношеніяхъ.

а) Въ соціальномъ отношеніи евреи дѣлятся на слѣдующіе классы:

1) Богачи („гвиръ“ и „ногидъ“), которые располагаютъ большими капиталами, ведутъ значительныя торговыя дѣла и жизнь которыхъ отличается нѣкоторою роскошью. Они жертвуютъ значительныя суммы въ пользу синагоги или школы, въ которой молятся, въ пользу разныхъ братствъ, въ пользу бѣдныхъ. Этотъ классъ пользуется вообще уваженіемъ общества, но это уваженіе достигается каждымъ „ногидомъ“ не въ равной мѣрѣ. Кто отличается, кромѣ богатства, и ученостью или благосклонностью къ нуждающимся членамъ общества, или щедростію въ пожертвованіяхъ для благотворительныхъ цѣлей, тотъ пользуется бо́льшимъ уваженіемъ противъ ногидовъ, не отличающихся этими качествами.

2) *Велико-ученые* („гаонъ“ или „годолъ“), отличающіеся и знаменитые своею ученостію. Такихъ „гаоновъ“ можно только встрѣтить на Литвѣ и въ Великой Польшѣ; въ здѣшнемъ краѣ они очень рѣдки. Здѣсь цадики захватили эту аристократическую прерогативу, и ихъ сыновья и внуки—будь они даже едва грамотные—уже пользуются высокимъ уваженіемъ общества и, живя на счетъ общества, нерѣдко вступаютъ въ сватовство съ богачами-выскочками, которые не только не требуютъ со стороны пролетарія-аристократа („меюхеса“) приданаго, но еще приплачиваютъ ему. Но, благодаря успѣхамъ просвѣщенія, эти тунеядцы, потомки давно умершихъ цадиковъ, мало-по-малу теряютъ свое прежнее достоинство. За-то знаменитые раввины еще пользуются въ кругу старосвѣтскихъ, а отчасти даже просвѣщенныхъ евреевъ, безграничнымъ почетомъ и уваженіемъ.

3) Третій классъ составляютъ торговые люди съ посредственнымъ состояніемъ, съ осѣдлостію или безъ оной. Значеніе этого класса зависитъ также отъ степени состоянія, грамотности и честности въ производствѣ торговли; для богачей это послѣднее достоинство можетъ замѣнять щедрость въ благотворительныхъ пожертвованіяхъ.

4) Четвертый классъ составляютъ ремесленники, стоящіе ниже торговыхъ людей равнаго даже состоянія и равной честности (см. замѣтку о занятіяхъ).

5) Пятый классъ составляютъ бѣдные, но все-таки живущіе своимъ трудомъ люди, занимающіеся мелкою скупкою и перекупкою или низшими ремеслами и промыслами, или нанимающіеся въ услуженіе (кромѣ повѣренныхъ, относящихся къ 4-му классу).

6) Кромѣ описанныхъ 5-ти классовъ, между евреями есть весьма значительный классъ пролетаріата, живущаго на чужой счетъ. Незначительную аристократическую часть онаго составляютъ, какъ выше упомянуто, потомки когда-то знаменитыхъ цадиковъ, которые ежегодно объѣзжаютъ одну или двѣ губерніи; въ каждомъ городѣ и мѣстечкѣ, они, въ сопровожденіи своего „га-

бая“ а иногда „шохета“, а болѣе извѣстные—даже раввина, обходятъ всѣ дома богачей и зажиточныхъ домохозяевъ и собираютъ подаянія (по 20—50 к. и по 1 р.), они квартируютъ вообще у раввина или шохета. Эти пролетаріи-аристократы живутъ безбѣдно (имѣя еще дома лавочку или лавку, которою завѣдуетъ жена) и одѣваются—не только въ субботу, но и въ будни—непремѣнно въ шелковый кафтанъ (примѣта цадикскаго происхожденія). Средній классъ пролетаріата составляютъ дѣйствительно нуждающіеся: старики, бывшіе меламедами, или ведшіе торговлю, но сдѣлавшіеся неспособными къ прежнему занятію, или потерявшіе состояніе отъ несчастнаго случая или пожара, меламеды или раввины и шохеты бѣдныхъ обществъ, которымъ нужно выдать дочь или женить сына и т. п. Но самый главный и многочисленный классъ пролетаріата составляютъ бродяги, нищіе по профессіи, странствующіе по еврейскимъ городамъ и мѣстечкамъ цѣлыми десятками семействъ. Большая часть этого нищенствующаго ордена — люди молодые и здоровые; они хотя и довольствуются небольшимъ подаяніемъ, но дерзки и грубы въ своихъ требованіяхъ. Между ними есть конечно не мало увѣчныхъ, но увѣчье считается какъ бы хорошимъ прибыльнымъ качествомъ, такъ какъ увѣчному болѣе позволительно *требовать* милостыни. Хотя еврейское общество съ презрѣніемъ смотритъ на этихъ нищихъ, но вредность столь распространеннаго пролетаріата никѣмъ не сознается, и развѣ только бѣдный еврей откажетъ когда-нибудь такому нищему въ подаяніи; богатые же и зажиточные никогда не откажутъ въ подаяніи даже самому здоровому батраку или молодой женщинѣ въ лохмотьяхъ, при самомъ ихъ появленіи на порогѣ дома. Такая необдуманная и безцѣльная благотворительность еще болѣе поддерживаетъ существованіе этого пролетаріата.

b) По образу мыслей и направленію въ религіозномъ и практическомъ отношеніи, евреи дѣлятся (въ южныхъ и юго-западныхъ губерніяхъ) на слѣдующіе классы:

1) *Фанатически-ортодоксальный.* Сюда принадлежатъ хасиды со своими цадиками и такъ называемые книжники-талмудисты („геморе-лернеръ“). Идеалъ человѣка у этого класса—ученый въ талмудѣ и религіозныхъ книгахъ, исполняющій со всею чудовищною подробностію и раболѣпіемъ всѣ обрядовыя постановленія талмуда позднѣйшихъ раввиновъ и мистическія предписанія цадиковъ, состоящія въ вѣрѣ въ святость цадика и чудотворную силу кабаллы, въ экзальтаціи во время моленія и въ исполненіи нѣкоторыхъ особенныхъ безсмысленныхъ церемоній. Истый хасидъ сохраняетъ и въ бѣдности твердость духа и веселость характера. Люди этого класса—заклятые враги просвѣщенія и всякаго нововведенія. Въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ богатые принадлежатъ къ этому классу, они дѣйствуютъ своимъ примѣромъ на толпу, и всѣ

мѣры къ распространенію просвѣщенія остаются въ такихъ мѣстностяхъ безуспѣшными. Этотъ классъ отличается фатальнымъ направленіемъ и считаетъ безцѣльнымъ всякое стараніе о воспитаніи дѣтей для того, чтобы сдѣлать ихъ счастливыми или способными къ практической жизни въ будущемъ. По пропорціональному отношенію ко всему еврейскому населенію, этотъ классъ составляетъ въ настоящее время уже меньшинство, хотя еще значительное, но находящееся въ эпохѣ прогрессивнаго паденія.

2) *Умѣренно-ортодоксальный.* Сюда принадлежатъ давно оторванные отъ занятія духовною литературою и занимавшіеся ею еще въ дѣтствѣ и преданные только торговлѣ и промышленности. Они слѣдуютъ строгому образу жизни, по которому и воспитываютъ дѣтей, но безъ внутренняго убѣжденія, а по одной только рутинной привычкѣ. И у этого класса уважается набожность и ученость; но онѣ уважаются еще больше, если съ ними соединено знаніе и опытность въ практической жизни. Свѣтское знаніе они уважаютъ на-столько, на-сколько оно полезно въ торговлѣ, но истинное достоинство просвѣщенія, какъ абсолютнаго блага, они не понимаютъ. Напротивъ, видя религіозный индеферентизмъ у образованныхъ евреевъ, они считаютъ современную образованность если не порокомъ саму-по-себѣ, то предверіемъ къ пороку, т. е. отпаденіемъ отъ религіи отцовъ, не разбирая при этомъ важности и неважности того или другого религіознаго обряда, такъ какъ представителями религіозности служатъ хасиды, съ одинаковою строгостію и щепетильностію относящіеся ко всѣмъ безъ разбора религіознымъ постановленіямъ и обрядностямъ. Богатство считается высшимъ блаженствомъ, тѣмъ болѣе если оно соединено съ ученостію и практичностію: поэтому накопленіе богатства составляетъ главную цѣль жизни. Расширеніе круга практической дѣятельности и развитіе торговыхъ сношеній съ просвѣщенными мѣстностями благодѣтельно дѣйствуетъ на образъ мыслей этого класса, направляя его на путь современности и образованія. Этотъ классъ составляетъ большинство еврейскаго населенія, за исключеніемъ нѣкоторыхъ мѣстностей, особенно въ Херсонской и Екатеринославской губерніяхъ, гдѣ большинство состоитъ изъ слѣдующаго класса.

3) Третій классъ составляютъ евреи *прогрессисты* или образованные. Сюда принадлежатъ евреи, окончившіе курсъ наукъ въ высшихъ и среднихъ учебныхъ заведеніяхъ, и автодидакты, усвоившіе себѣ собственнымъ трудомъ современное образованіе. Эти послѣдніе нерѣдко соединяютъ вмѣстѣ съ знаніемъ одного, двухъ или трехъ европейскихъ языковъ и какой нибудь отрасли реальныхъ или философскихъ наукъ и основательное знаніе талмуда и древне-еврейской литературы, и нѣкоторые изъ нихъ не такъ еще рѣзко отличаются внѣшностію отъ прочихъ евреевъ втораго,

умѣренно-ортодоксальнаго, класса, что̀ даетъ имъ большую возможность дѣйствовать цивилизующимъ образомъ на толпу, среди которой они живутъ. Вообще, принадлежащіе къ этому 3-му классу окончательно, такъ сказать, оевропеелись, а большая ихъ часть даже обрусилась; это послѣднее можно особенно сказать о молодомъ поколѣніи этого класса. Оставаясь привязанными къ своей національности и къ основнымъ, такъ сказать, общечеловѣческимъ догматамъ моисеевой религіи, они смотрятъ на талмудъ и всю древнюю религіозную литературу, какъ на историческіе памятники еврейской духовной интеллигенціи, которую не считаютъ примѣнимою къ современной жизни евреевъ. Объ этомъ классѣ нечего распространяться въ описаніи еврейской этнографіи, такъ какъ онъ, по образу мыслей, по воззрѣніямъ на жизнь и на назначеніе человѣка въ духовномъ и матеріальномъ отношеніи, принадлежитъ человѣчеству, а не еврейству. Жаль только, что въ образованномъ классѣ другихъ народовъ есть еще люди, не признающіе за евреями способность очеловѣчиться, что̀, нѣкоторымъ образомъ, репрессивно дѣйствуетъ на сліяніе евреевъ съ прочимъ населеніемъ. Къ этому классу принадлежитъ (за исключеніемъ нѣкоторыхъ городовъ) меньшинство еврейскаго населенія, но численность этого меньшинства прогрессивно возрастаетъ. Само собою разумѣется, что, при существованіи въ народѣ, находящемся въ переходномъ состояніи, различныхъ партій и направленій, есть много оттѣнковъ каждаго направленія, образующихъ переходныя ступени изъ одного класса въ другой. Въ этомъ отношеніи заслуживаетъ вниманіе слѣдующее явленіе. Знакомому съ внутреннимъ бытомъ евреевъ извѣстно что, хасидизмъ относится съ бо́льшимъ уваженіемъ къ интеллектуальной сторонѣ религіи, чѣмъ къ обрядовой—внѣшней. Съ другой стороны, основательное изученіе талмуда, тѣмъ болѣе священнаго писанія и другихъ книгъ теологико-философскаго содержанія—дѣлаетъ молодаго „бесгамедрашника“ рѣшительно неспособнымъ къ воспринятію хасидскихъ понятій,—и нѣсколькихъ листовъ современной еврейской газеты или одного незначительнаго сочиненія Мендельсона или кого-нибудь изъ его послѣдователей—достаточно, чтобы радикально переработать весь образъ мыслей и направленіе молодаго человѣка. Въ настоящес время бываютъ случаи (съ которыми намъ самимъ случалось нѣсколько разъ встрѣчаться), что молодой еврей, находящійся еще на кошту родителей и занимающійся изученіемъ талмуда и духовной литературы, не знаетъ ни одного европейскаго языка и по наружности—настоящій хасидъ „бесгамедрашникъ“, но по образу мыслей и его убѣжденіямъ—совершенный прогрессистъ, благодаря нѣсколькимъ современнымъ сочиненіямъ на древне-еврейскомъ языкѣ, которыя онъ успѣлъ прочесть въ тайнѣ отъ своихъ родителей и сверстниковъ-хасидовъ.

Духовная профессія. — Къ духовной профессіи принадлежатъ раввины, проповѣдники („магидъ“), канторы („хазанъ“), писцы пятикнижія и „тефилинъ“ („соферъ“) и рѣзники скота („шохетъ“).

Раввины или „море-горое“ (разрѣшающіе религіозные обрядовые вопросы) назначаются по выбору общества; имъ назначается жалованье изъ кассы общества, гдѣ таковая есть, а гдѣ общество не имѣетъ постоянной кассы, то раввинъ получаетъ свое жалованье изъ особыхъ налоговъ, установляемыхъ обществомъ, или по 42 коп. съ каждой зарѣзанной на кошеръ птицы, или по 10, 15 коп. съ ведра водки, израсходываемой въ шабашъ, гдѣ есть питейная аренда. Изъ такихъ источниковъ раввинъ получаетъ постоянное, обѣщанное ему обществомъ, жалованье. Но, кромѣ того, онъ имѣетъ и побочные доходы:

a) Въ праздникъ Пуримъ зажиточные домохозяева посылаютъ раввину денежные подарки („шалахъ-монесъ“), кто — рубль, кто — два, кто и 50 коп.

b) Передъ наступленіемъ каждой Пасхи, евреи, какъ извѣстно, продаютъ христіанамъ все свое имущество, состоящее изъ хлѣба въ зернѣ и приготовляемыхъ изъ него продуктовъ (напр. „хомецъ“, которымъ еврей не долженъ владѣть во время Пасхи). Продажа совершается посредствомъ контракта, написаннаго по-еврейски съ соблюденіемъ всѣхъ мельчайшихъ, предписываемыхъ еврейско-религіозною юриспруденціею, формальностей. Всѣ эти контракты („штаръ-мехира“) пишутся у раввина, и онъ получаетъ съ каждаго извѣстную плату.

c) Съ каждой сватьбы за вѣнчанье, по усмотрѣнію родителей новобрачныхъ.

d) Съ разводовъ, гдѣ таковые даются.

e) Плата, получаемая отъ тяжущихся, отсылающихся на раввинское разбирательство, по усмотрѣнію послѣднихъ.

Обязанность раввина состоитъ въ томъ, чтобы:

1) Наблюдать за сохраненіемъ установленныхъ правилъ въ общественномъ богослуженіи и обрядахъ вѣры; объяснять евреямъ законъ ихъ и разрѣшать встрѣчающіяся въ немъ недоразумѣнія, вразумлять ихъ въ истинномъ смыслѣ закона, но не употреблять при этомъ другихъ средствъ, кромѣ убѣжденія и увѣщаній.

2) Направлять евреевъ къ соблюденію нравственныхъ обязанностей, къ повиновенію общимъ государственнымъ законамъ и установленнымъ властямъ.

3) Совершать, исключительно по его вѣдомству, обряды обрѣзанія и нареченія имени младенцамъ, бракосочетанія, расторженія браковъ, погребенія и вести также метрическія книги и представлять ихъ, куда слѣдуетъ, по правиламъ, означеннымъ въ законахъ о состояніяхъ. Къ

концу каждаго года, раввины дѣйствительно доставляютъ всѣ требуемыя книги и отчеты, гдѣ подробно изложена ихъ дѣятельность; но на самомъ дѣлѣ, впродолженіе всей своей раввинской службы, ни одинъ изъ нихъ не составлялъ ни одной разводной, не совершалъ обрѣзанія, даже ни одинъ изъ нихъ не умѣетъ совершать этихъ обрядовъ.

Проповѣдниковъ въ южныхъ и югозападныхъ губерніяхъ, а также малороссійскихъ—пѣтъ. Въ этихъ краяхъ, а отчасти и на Литвѣ, ихъ замѣняютъ цадики.

Иногда, и то весьма рѣдко, литовскій „магидъ“ является и въ упомянутыя мѣстности, особенно гдѣ меньше хасидовъ, играя роль странствующаго, почотнаго нищаго („и-кабелъ“ или „уни-гогенъ“) и собираетъ пожертвованія, взамѣнъ которыхъ онъ ихъ подчуетъ въ субботу, или въ будень, при вечерней молитвѣ, своими нравоучительными проповѣдями.

Канторы бываютъ только въ значительныхъ еврейскихъ селеніяхъ, а иногда и по два, получающіе постоянное жалованье изъ рессурсовъ той синагоги или школы, гдѣ они отправляютъ свою обязанность.

Они имѣютъ еще побочные доходы: a) со сватебъ; b) отъ „шалахъ-монесъ“ въ праздникъ Пуримъ; c) отъ посѣтителей сватебныхъ пировъ и пировъ обрѣзанія за произношеніе многолѣтія; d) отъ посѣщающихъ (въ мѣсяцѣ Элюлъ) могилы родителей, за воспоминаніе умершихъ по установленнымъ правиламъ, и e) обыкновенно канторы пишутъ первоначальные договоры объ обрученіи („тноимъ“), за что тоже получаютъ извѣстную плату.

„Шохеты“ (духовные рѣзники) получаютъ плату или съ каждой штуки зарѣзанной скотины и птицы, или же опредѣленное жалованье отъ содержателя коробочнаго сбора.

Относительно занятія мѣста раввина, шохета и кантора весьма строго соблюдается право „хазаки“. Никто не осмѣлится занять въ еврейскомъ обществѣ это мѣсто, если бы даже все общество его избрало, прежде чѣмъ онъ удовлетворитъ исполняющаго тамъ эту духовную должность лица, за уступку ему всей или части „хазаки“. Даже по смерти этихъ духовныхъ лицъ, „хазака“ переходитъ къ ихъ дѣтямъ, способнымъ зянять или приготовиться къ занятію мѣста умершаго. Въ послѣднемъ случаѣ общество приглашаетъ временнаго исполнителя нужныхъ требъ, и этотъ временный раввинъ удѣляетъ часть приносимыхъ доходовъ въ пользу вдовы и дѣтей умершаго.

Вообще, исчисленныя духовныя профессіи приносятъ очень мало дохода и, даже въ значительныхъ городахъ, доставляютъ только ограниченныя средства къ жизни, а въ малонаселенныхъ мѣстностяхъ семейства духовныхъ лицъ живутъ очень бѣдно и едва прокармливаются.

Когда встрѣчается экстренный расходъ, наприм. женитьба сына или дочери, раввины малонаселенныхъ мѣстечекъ вынуждены бываютъ выѣзжать по окрестнымъ городамъ и собирать пожертвованія.

Писаніемъ библіи, „тефилинъ“ и „мезуютъ“ (кусокъ пергамента, на которомъ написаны извѣстныя главы св. писанія) занимаются очень немногіе. Это занятіе составляетъ свободное духовное ремесло. Чѣмъ болѣе „соферъ“ отличается благочестивостію и набожностію, тѣмъ дороже ему платятъ за изготовляемую имъ духовную и богослужебную утварь. Соферы вообще очень бѣдны.

Меламеды. — Для того чтобы сдѣлаться еврейскимъ педагогомъ, не нужно особеннаго образованія, даже не требуется ни какого экзамена. Если еврей бѣденъ и не можетъ доставить себѣ и своему семейству пропитаніе; если онъ оказывается неспособнымъ ни къ какому ремеслу и ему остается только просить подаянія,—то онъ поступаетъ въ учителя-меламеды. Между множествомъ меламедовъ, которыми изобилуетъ каждый еврейскій городишка, нѣтъ никакихъ общихъ интересовъ. Напротивъ, они не терпятъ другъ друга: каждый старается прославить себя и росписать самыми чорными красками другого.

Учебный годъ у меламеда дѣлится на два семестра. Промежутки между ними составляютъ мѣсяцы Нисанъ (апрѣль) и Тишре (сентябрь), время праздниковъ Пасхи и Новаго года. Набравъ въ промежуточное время учениковъ себѣ, меламедъ начинаетъ свое преподаваніе, которое продолжается съ 9-ти часовъ утра до 9-ти часовъ вечера, за исключеніемъ субботнихъ и праздничныхъ дней.

Меламеды вообще раздѣляются на элементарныхъ (перворазрядныхъ, „дардаки-меламедовъ“), на преподавателей еврейскаго языка (второразрядныхъ, „арбувія-меламедовъ“) и на преподавателей талмуда (третьеразрядныхъ, „гемара-меламедовъ“).

„Дардаки-меламеды“ обучаютъ дѣтей четырехъ—пяти-лѣтняго возраста одному чтенію по складамъ, а потому имъ нѣтъ надобности имѣть особыхъ познаній въ еврейскомъ языкѣ. Безъ нихъ не обходится ни одно еврейское населеніе. Ученики ходятъ къ нимъ на домъ (въ „хедеръ“), который по большей части состоитъ изъ одной грязной, темной, сырой комнаты, гдѣ помѣщается семейство и пожитки педагога. Число учащихся составляетъ minimum 15—20, но большею частію доходитъ до 30 и болѣе. Эти меламеды держутъ еще помощниковъ (бегельферовъ), помогающихъ имъ въ обученіи азбукѣ и чтенію. Они набираются обыкновенно изъ домашней прислуги и выросшихъ уже унтеръ-бегельферовъ, назначаются въ прислуги меламеду, его семейству, особенно же обу-

чающимся у него дѣтямъ и получаютъ жалованья 20—30 руб. въ годъ и имѣютъ харчи у родителей учениковъ поочередно.

Меламеды 2-го разряда, у которыхъ ученики изучаютъ библію съ комментаріемъ „раши“ и приготовляются къ ученію талмуда, принимаютъ отъ элементарныхъ меламедовъ дѣтей отъ 7, 8 и до 9-ти лѣтъ, для дальнѣйшаго усовершенствованія и руководства. Системы въ преподаваніи у нихъ никакой нѣтъ. Все ученіе ихъ состоитъ въ томъ, что дѣти еженедѣльно выучиваютъ у нихъ первую главу соотвѣтствующаго каждой недѣлѣ отдѣла библіи, и много-много, если нѣсколько болѣе способныхъ сумѣютъ перевести нѣсколько главъ изъ притчей Соломона. Притомъ все это заучивается на память, безъ всякаго смысла. Они тоже содержатъ „хедеры“; число учениковъ простирается только отъ 10 до 15-ти, бегельферовъ не держатъ. Въ семестръ получаютъ 8—12 рублей. Обученіе продолжается 2—3 года.

Учители 3-го разряда, преподаватели талмуда, обучаютъ дѣтей 10 или 12-ти лѣтняго возраста, и вотъ, не смотря на то, что дѣти незнакомы еще даже съ меньшею частію языка и литературы и едва понимаютъ часть библіи, съ трудомъ разбираютъ текстъ талмуда, меламеды не обращаютъ на это вниманія и заставляютъ повторять за собой слово въ слово всю замысловатую мудрость талмуда, и тотъ изъ учениковъ, который, въ продолженіе недѣли, успѣетъ, благодаря своей памяти, вытвердить двѣ страницы, удостоивается похвалы меламеда.

Обученіе письму и счетоводству не входитъ въ составъ программы меламеда. Для этой цѣли существуютъ въ каждомъ городѣ особенные спеціалисты этого дѣла, которые ходятъ по хедерамъ или на домъ, на часъ въ день. Въ иные хедеры, по желанію родителей, принимаются люди, знающіе языки русскій, нѣмецкій и французскій.

Обыкновенно меламеды 3-го разряда получаютъ въ семестръ за обученіе по 15—20 руб. и высшіе по 25 руб. сер. съ ученика. Обучаютъ у себя въ хедерѣ или въ школѣ; богатые или зажиточные родители принимаютъ нерѣдко также меламедовъ къ себѣ на домъ и даютъ имъ столъ.

Каждое еврейское дитя, кромѣ образованныхъ, достигши 4—5-ти лѣтъ, непремѣнно посѣщаетъ хедеръ, въ которомъ остается 2—3 года, а потому, не смотря на всю бездарность меламедовъ, запросъ на нихъ очень большой, и тѣ изъ нихъ, которые усидчивымъ трудомъ и смиреніемъ сумѣютъ составить себѣ репутацію, могутъ впослѣдствіи разсчитывать на должность раввина.

Роды торговли и способы ихъ веденія. — Главныя отличительныя черты торговой дѣятельности составляютъ преданность своему дѣлу и

неутомимое попеченіе о его успѣшности. Не спать нѣсколько почей сряду, довольствоваться скудною закускою въ теченіи нѣсколькихъ дней, а иногда цѣлый день ничего не ѣсть, лишь бы достигнуть желаемаго результата и довести до конца начатое дѣло—никто такъ не способенъ выполнить, какъ еврей.

Евреи отличаются также экономичностію въ расходахъ при торговыхъ предпріятіяхъ, особенно при разъѣздахъ и наймѣ служителей. Смѣлостію и рискованностію въ предпріятіяхъ отличаются больше литовскіе евреи.

Роды занятій по торговлѣ суть:

а) *Транзитная торговля*—доставка хлѣбныхъ и другихъ продуктовъ въ портовые города и складочные пункты. Продукты закупаются большими партіями у помѣщиковъ и посессоровъ, а менѣе состоятельные скупаютъ хлѣбъ на ярмаркахъ у крестьянъ, ссыпаютъ въ амбары собственные или нанимаемые, гдѣ его очищаютъ, и сами отправляютъ въ главныя мѣста сбыта. Значительные торговцы всегда посылаютъ свои транспорты извѣстнымъ еврейскимъ коммиссіонерамъ, а посредственные иногда сами ѣдутъ продавать свой товаръ и сами разсчитываются съ покупателями. Дорожные расходы на путь, иногда въ 250—300 верстъ, составляютъ меньшую сумму, чѣмъ пришлось бы заплатить коммиссіонеру. При томъ таковой отправитель бо̀льшею частью покупаетъ, на вырученныя за привозимый имъ продуктъ деньги, что-либо изъ туземныхъ вывозныхъ товаровъ, какъ, напримѣръ, рыбу изъ Николаева и Херсона и бакалейные товары изъ Одессы, и привозитъ этотъ товаръ на отправляющихся обратно порожнихъ подводахъ. Такіе примѣры, какъ производить возможно большій оборотъ въ короткій періодъ времени, выиграть на путевыхъ издержкахъ и перевозкѣ,—встрѣчаются не только въ помянутомъ оборотѣ, но и въ разныхъ другихъ случаяхъ крупной или мелкой транспортной торговли, такъ что занимающіеся этого рода торговлею евреи всегда въ состояніи продать свой товаръ дешевле, если конкуренція заставляетъ это сдѣлать.

b) *Подряды и поставки* по условіямъ съ казною и частными лицами или торговыми учрежденіями. Заключая контрактъ на поставку извѣстнаго рода товаровъ и продуктовъ въ извѣстные сроки, еврей рѣдко имѣетъ въ наличности или производитъ то, что̀ онъ обязуется поставить. Но, привыкши къ спекуляціи и риску, онъ все-таки беретъ на себя поставку, причемъ соображается съ обстоятельствами даннаго момента, съ могущими случиться измѣненіями, причемъ бо̀льшею частью не разсчитываетъ на видимую прибыль; если только не предвидится убытка, еврей уже рѣшается на сдѣлку. Обыкновенно, главный подрядчикъ-контрагентъ имѣетъ мелкихъ, такъ сказать, субъ-подрядчиковъ, о которыхъ рѣчь будетъ ниже.

c) *Аренды* преимущественно питейныхъ и оброчныхъ статей. Мелкіе арендаторы, наприм. кабаковъ въ селахъ, сами ведутъ свое дѣло безъ помощи прикащиковъ и повѣренныхъ; большею частью, сами живутъ въ главной сельской корчмѣ, а если есть еще одинъ или два шинка, то сами ведутъ отчетность и разсчеты съ шинкарями. Крупные же арендаторы въ городахъ и мѣстечкахъ уже не обходятся безъ кассира и подвальнаго, ведущихъ въ двухъ-трехъ книжкахъ необходимую отчетность. Если число шинковъ значительное, то держатъ еще такъ-называемаго ревизора-надзирателя за шинкарями (объ отчетности и служащихъ вообще см. ниже).

Относительно арендованія питейной торговли у владѣльцевъ (но не у крестьянскихъ обществъ) болѣе всего соблюдается извѣстный обычай „хазака“, т. е. что если кто держитъ какую-нибудь аренду нѣсколько лѣтъ сряду, другой еврей не долженъ „выторговывать“ аренду у владѣльца посредствомъ надбавки или другого способа, напримѣръ, пользуясь бо̀льшимъ расположеніемъ владѣльца и особенно его нерасположеніемъ къ первому арендатору.

Къ категоріи арендъ принадлежитъ также содержаніе извѣстнаго коробочнаго сбора съ кошерной говядины. Такъ какъ народъ вообще, а мясопромышленники въ особенности—чувствуютъ тягость этого сбора и не признаютъ за его установленіемъ полной, законной справедливости, то надзоръ за правильнымъ взиманіемъ этого сбора всегда почти сопряженъ съ постоянными хлопотами и процессами съ мясопромышленниками и еврейскими жителями, особенно—принадлежащими къ откупной чертѣ селъ и деревень. Поэтому содержателями этого сбора бываютъ, большею частью, люди задорные и ябедники. Въ исключительныхъ случаяхъ и въ большихъ городахъ, коробочный сборъ содержится порядочными людьми и даже крупными добросовѣстными негоціантами. Въ большей части этихъ немногихъ случаевъ, содержатель имѣетъ цѣлью больше пользу еврейскаго общества, чѣмъ собственную свою.

Содержатель коробочнаго сбора рѣдко самъ занимается убоемъ и продажею говядины. Онъ держитъ повѣреннаго („неемонъ“), который наблюдаетъ за мясопромышленниками, получаетъ отъ нихъ установленный сборъ съ убоя каждой штуки и каждаго фунта проданной говядины, выдаетъ къ духовнымъ рѣзникамъ „квитки“ на зарѣзъ птицъ частныхъ жителей евреевъ, и получаемыя деньги отдаетъ хозяину-содержателю.

Эта статья, какъ само собою разумѣется, не всегда и не очень щедро вознаграждаетъ за труды и хлопоты. „Хазака“ никогда не соблюдается.

d) *Магазинная* или *лавочная торговля.* О торговлѣ этого рода, въ обширномъ смыслѣ слова, считаю лишнимъ говорить, такъ какъ она ведется богатыми капиталистами и—по всѣмъ манерамъ и обычаямъ, приня-

тымъ вообще въ странѣ. Что касается крупной или мелкой („раздробительной“) торговли этого рода, то у евреевъ она имѣетъ нѣкоторымъ образомъ отличительный характеръ и особенности, состоящія въ слѣдующемъ:

Лавочною торговлею, въ мѣстахъ осѣдлости евреевъ, занимаются большею частью люди, такъ сказать, спокойные и нерасположенные къ большимъ аферамъ и спекуляціямъ. Молодой человѣкъ,—которому даровое содержаніе въ домѣ отца или тестя приходитъ къ концу, который имѣетъ болѣе или менѣе значительный капиталецъ, находившійся въ рукахъ „шолиша“ (третьяго лица) или у разныхъ лицъ на проценты, занимавшись во все время „сидѣнія“ на „кошту“ родителей изученіемъ талмуда и религіозныхъ книгъ и не чувствуя въ себѣ способности вступать въ аферы спекуляціи,—открываетъ лавку, пріучаясь къ этой торговлѣ или подъ указаніями своихъ родителей, или при помощи приглашаемаго въ этомъ дѣлѣ опытнаго товарища, или же прикащика на жалованьѣ. А если средства его ограниченны, онъ самъ начинаетъ вести лавочную торговлю, и если на первыхъ порахъ и не обходится безъ промаховъ, то скоро научается всѣмъ необходимымъ при этой торговлѣ знаніямъ и пріемамъ. Этого рода торговлею начинаютъ и продолжаютъ заниматься мужъ вмѣстѣ съ женою; послѣдняя занимается, однакожъ, только продажею товара въ лавкѣ; ѣздить же на ярмарки для закупки и привоза товара — дѣло мужа. Почти никогда мужъ не возьмется за лавочную торговлю, если жена не согласна или не способна сидѣть въ лавкѣ. Напротивъ, бываютъ случаи, хотя не очень частые, что мужъ, отличающійся набожностью и глубокою талмудическою ученостью, продолжаетъ, и по оставленіи дома родителей, заниматься изученіемъ религіозныхъ книгъ и молитвою, а жена сама ведетъ лавочную торговлю и печется о пропитаніи семейства. Подобные случаи встрѣчаются въ новое время все рѣже и рѣже.

Лавочники, даже такіе, у которыхъ годовой оборотъ торговли простирается до 25—30 тысячъ рублей, не держатъ главныхъ прикащиковъ, которые были бы въ правѣ самостоятельно торговать въ лавкѣ и держать у себя кассу. Однако, испытанному въ честности „мишуресу“ довѣряютъ поѣздку на ярмарку и закупку товаровъ на значительныя суммы. Самъ хозяинъ, его жена, а если они имѣютъ сына или дочь, то и эти послѣдніе постоянно находятся въ лавкѣ—то одинъ, то другой—отъ ранняго утра до вечера: тамъ они обѣдаютъ, тамъ даже спятъ и днемъ. Когда значительность торговли этого требуетъ, то держатъ, кромѣ мальчика-ученика, одного или двухъ взрослыхъ мишуресовъ, опытныхъ въ лавочной торговлѣ и познаніи товаровъ; ихъ главная обязанность состоитъ въ приглашеніи приходящихъ покупателей, умѣть показать товаръ, торговаться, отмѣрить и отвѣсить. Но деньги получаетъ самъ хозяинъ или хозяйка. Впрочемъ

если эти послѣдніе не заняты, тогда они сами приглашаютъ покупателей и торгуются съ ними. Большая часть еврейскихъ лавочниковъ, какъ явствуетъ уже изъ изложеннаго въ началѣ, принадлежитъ къ болѣе или менѣе ученому, въ еврейскомъ смыслѣ, классу; только малая часть мелкихъ лавочниковъ и очень незначительная крупныхъ бываютъ простаки; но, само собою разумѣется, и тѣ (безъ исключенія) умѣютъ читать и писать по-еврейски, что знаетъ также часть крупныхъ и мелкихъ лавочницъ-женщинъ.

За исключеніемъ нѣкоторыхъ значительныхъ лавокъ въ большихъ просвѣщенныхъ городахъ, такъ называемая продажа безъ торгу (prix fixe) неизвѣстна въ еврейскихъ лавкахъ. Особенно, при продажѣ красныхъ и галантерейныхъ товаровъ, запрашиваютъ почти вдвое дороже, но за то и не выпустятъ покупателя изъ лавки, если бы онъ далъ даже очень незначительную пользу. Бываютъ, однако, въ каждомъ мѣстѣ такіе лавочники, которые постояннымъ своимъ покупателямъ отпускаютъ товаръ уже съ извѣстною установленною пользою (въ 12 или 15 процентовъ). Это называется „торговать на вѣру“ (auf neemones), и опредѣленіе цѣны бываетъ всегда добросовѣстное и весьма честное. Хотя христіанскимъ постояннымъ покупателямъ никогда почти товаръ не отпускается такимъ образомъ, но это только потому, что еврей убѣжденъ, что христіанскій покупатель едва ли повѣритъ его выставленію цѣнъ; но положительно можно сказать, что тотъ лавочникъ, который не злоупотребляетъ довѣріемъ своихъ еврейскихъ покупателей, будетъ также добросовѣстенъ и относительно христіанскаго покупателя, который бы пожелалъ купить у него товаръ „auf neemones“ и относился бы къ нему съ такимъ же довѣріемъ, какъ и еврей.

Относительно найма помѣщичьихъ лавокъ въ мѣстечкахъ соблюдается „хазака“; но относительно казенныхъ, а тѣмъ болѣе частныхъ зданій — „хазака“ соблюдается не такъ строго, а мѣстами совсѣмъ не соблюдается. Относительно же постоянныхъ покупателей никакой „хазаки“ не существуетъ. Выше было сказано, что значительные лавочники держатъ мишуресовъ, но мелкія лавки и даже лавки, годовой оборотъ которыхъ простирается до 3-хъ, 4-хъ тысячъ руб., обходятся безъ мишуресовъ, а иногда даже безъ мальчика-работника.

Шинкарство. Этою отраслью занимается бѣдный или мало-состоятельный и, вмѣстѣ съ тѣмъ, простой классъ евреевъ. Въ городахъ и мѣстечкахъ еще встрѣчаются шинкари изъ книжниковъ и порядочныхъ, но малосостоятельныхъ домохозяевъ, дома которыхъ находятся на удобныхъ для шинка пунктахъ. Такіе шинкари отличаются противъ принадлежащихъ къ низшему классу шинкарей честностью и добросовѣстностью и свободны отъ тѣхъ обвиненій, которыя приписываются послѣднимъ относительно христіанъ. Въ

селахъ же, а частью въ городахъ и мѣстечкахъ—шинкари вообще, кромѣ шинкарей-содержателей сельскихъ арендъ, принадлежатъ, какъ выше сказано, къ низшему классу еврейскихъ торговцевъ. Объ обвиненіяхъ, высказанныхъ и въ печати и въ мнѣніи русскаго общества противъ еврейскихъ шинкарей, считаю лишнимъ говорить. Относящіеся безпристрастно къ еврейскому вопросу, конечно, согласятся, что всѣ эти обвиненія принадлежатъ болѣе къ самой шинкарской торговлѣ, чѣмъ къ національности производителей этой торговли. Нужнымъ считаю сказать только то, что евреи не такъ охотно принимаются за шинкарство, какъ это думаютъ. Съ этимъ не можетъ не согласиться всякій, кто только видѣлъ—какія непріятности и огорченія причиняютъ разные капризы шинковыхъ посѣтителей. Нельзя отрицать и того, что въ установившихся отношеніяхъ между еврейскимъ шинкаремъ и его посѣтителями-крестьянами не мало вліяетъ и то обстоятельство, что шинкарь постоянно встрѣчается съ темною стороною, съ изнанкою жизни послѣднихъ.

Торговлю въ шинкахъ производитъ, большею частью, самъ хозяинъ, его жена и взрослыя дѣти. Эти послѣднія уже на 9-мъ, 10-мъ году жизни помогаютъ своимъ бѣднымъ родителямъ производить торговлю, а иногда 11-ти и 12-ти-лѣтнія дѣвчонки уже сами производятъ продажу и получаютъ деньги въ отсутствіе даже родителей. Но мальчики до этого возраста очень рѣдко занимаются въ шинкѣ, такъ какъ они заняты ученіемъ въ школѣ. Шинокъ открытъ во всякое время; и даже среди ночи, если кто нибудь постучится въ окно, спящій шинкарь немедленно встаетъ, зажигаетъ свѣчу и отворяетъ дверь посѣтителю, хотя бы послѣдній взялъ только на нѣсколько копѣекъ. Посторонній наблюдатель не можетъ надивиться терпѣнію шинкаря или шинкарки, съ какимъ они переносятъ капризы пьянаго ночнаго посѣтителя, который требуетъ то того, то другого, то вдругъ затянетъ громкую пѣсню и разбудитъ всѣхъ дѣтей. Пользу отъ продажи составляетъ извѣстный процентъ, прибавляемый на водку по усмотрѣнію шинкаря, и не-доливъ, а въ селахъ и мѣстечкахъ цѣна опредѣляется арендаторомъ, какъ при прежней откупной системѣ, и шинкарь получаетъ только плату съ ведра и пользуется не-доливомъ. Патентъ и другіе установленные билеты даетъ арендаторъ на свой счетъ. Это, впрочемъ, бываетъ и въ городахъ, гдѣ содержатель оптоваго склада даетъ своимъ постояннымъ покупателямъ шинкарямъ патенты на свой счетъ. Такіе патенты всегда получаются на имя арендатора или складчика, а шинкарь играетъ въ юридическомъ отношеніи только роль прикащика. Это гарантируетъ оптовому торговцу кредитуемую шинкарю водку. Въ помѣщичьихъ арендахъ не обходится безъ того, чтобы какой либо шинкарь не покупалъ тайкомъ дешевой водки

со стороны, которую вливаетъ въ запечатанный арендаторомъ боченокъ и, такимъ образомъ, расходуетъ ее въ собственную пользу и въ ущербъ арендатору. Въ предотвращеніе подобныхъ злоупотребленій, придумываются разныя хитрыя опечатанія боченка и надзоръ, противъ которыхъ шинкарь и съ своей стороны тоже принимаетъ многочисленныя хитрыя средства. Шинкари даютъ всегда крестьянамъ водку въ долгъ и подъ залогъ вещей. Это самая прибыльная статья, такъ какъ одолжаемый считаетъ нужнымъ благодарить вещественнѣе продавца за то, „що повірився“.

Отдача денегъ на проценты. Занимающихся исключительно этою операціею въ маломъ размѣрѣ — между евреями очень мало. Въ значительномъ городѣ или мѣстечкѣ можно найти двухъ-трехъ такихъ людей, которые занимаются отдачею денегъ на проценты и живутъ исключительно отъ этого дохода. Занимающіеся этого рода промышленностью, носящіе у евреевъ названіе „процентниковъ,“ отдаютъ въ руки мелкихъ лавочниковъ, но большею частью ярмарочныхъ скупщиковъ и перекупщиковъ небольшія суммы отъ 20 до 50 руб. срокомъ на 2, 3 мѣсяца; проценты взимаются большіе: не менѣе трехъ и до четырехъ въ мѣсяцъ. Такіе „процентники“ ссужаютъ и мелкими суммами въ 10, 15 руб. обращающихся къ нимъ крестьянъ на такихъ же процентахъ; но у послѣднихъ большею частью берутъ заклады. Еврейскіе же промышленники и мелкіе торговцы рѣдко даютъ заклады. Впрочемъ, бываютъ случаи, особенно въ послѣднее время, занимаютъ болѣе крупными суммами, 50 и болѣе руб., и также безъ закладовъ. „Процентники“, обладающіе капиталомъ большимъ, иногда учреждаютъ такъ называемые банки, изъ которыхъ ссуды выдаются тоже мелкимъ торговцамъ и промышленникамъ-евреямъ отъ 25-ти до 100 руб. въ однѣ руки. При полученіи ссуды, заемщикъ оставляетъ отъ 10 до 15% въ пользу заимодавца-банкира и полученную ссуду уплачиваетъ въ теченіи года, въ 52 недѣли, по 2% еженедѣльно. Хотя процентъ и тутъ весьма великъ, но не такъ чувствителенъ для заемщика. „Процентники“ вообще отличаются скупостью и скряжничествомъ въ своей домашней жизни и копѣечностью въ разсчетахъ. Изъ этихъ „процентниковъ“ бываютъ большею частью и мѣнялы, которые съ базарныхъ столиковъ производятъ свои банкирскія операціи, получая за одинъ—два дня полумѣсячный процентъ. Кромѣ „процентниковъ“ по профессіи, занимаются отдачею денегъ на проценты и нѣкоторые капиталисты, у которыхъ часть капитала остается свободною отъ торговыхъ занятій, и они помѣщаютъ ее у мѣстныхъ значительныхъ торговыхъ людей и лавочниковъ болѣе или менѣе крупными суммами 300, 500 и до 1000 рублей, получая, смотря по мѣстности и надежности заемщика, отъ 18 до 24-хъ % въ годъ. Впрочемъ, почти въ каждомъ селеніи есть еврей, который даетъ

крестьянамъ деньги на подати за высокіе проценты и получаетъ отъ нихъ платежи продуктами хозяйства или трудомъ.

Скупщики и перекупщики. Этого рода промышленностью занимается большая часть низшаго торговаго класса евреевъ. Она производится большею частью на ярмаркахъ и базарахъ, а иногда и въ остальное время года, когда уже нужно разъѣзжать по селамъ, по крестьянскимъ избамъ. На ярмаркахъ скупаются этими торговцами: хлѣбные продукты, полотно и рядовина, пушной товаръ, состоящій въ выдѣланныхъ, а большею частью въ невыдѣланныхъ кожахъ домашняго скота и шкурахъ дикихъ туземныхъ звѣрей. Эти перекупщики производятъ свои операціи частью на собственный незначительный капиталецъ, частью на деньги, занятыя у „процентника,“ и послѣ ярмарки продаютъ собранный имъ товаръ оптовому торговцу или подрядчику и поставщику. Иногда таковой оптовой скупщикъ даетъ мелкимъ честнымъ скупщикамъ на ярмарку какую либо сумму впередъ и потомъ получаетъ у него товарами. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ разные продукты пріобрѣтаются у крестьянъ на мѣшокъ или поштучно, а продаются скупщиками на вѣсъ или на мѣру. Въ такихъ случаяхъ скупщикъ долженъ обладать способностью скоро и мѣтко опредѣлить приблизительный вѣсъ или мѣру покупаемаго товара. Хотя рѣдко, но все таки случается, что скупщикъ ошибется въ разсчетѣ.

Промыслы и ремесла. — *Рѣзники* или *мясопромышленники*, ведущіе въ малонаселенныхъ городахъ и мѣстечкахъ свое дѣло въ незначительномъ размѣрѣ, сами покупаютъ на ярмаркахъ по 2, по 5 скотинъ, сами ихъ обработываютъ, по зарѣзаніи духовнымъ рѣзникомъ, и сами продаютъ говядину евреямъ въ самой рѣзницѣ, а христіанамъ — трефную — на базарѣ; христіанамъ же господамъ сами доставляютъ на домъ. Это — потому, что, вслѣдствіе существующихъ у евреевъ множества религіозныхъ предписаній насчетъ кошерной говядины, большая часть зарѣзываемыхъ скотинъ (до 70—80-ти %) поступаетъ въ трефъ, почему конкурренція въ сбытѣ трефной говядины — сильна и заставляетъ промышленниковъ особенно при этомъ стараться.

Еврейскіе же покупатели кошера должны приходить или посылать въ рѣзницу, и привилегія богатыхъ и вліятельныхъ еврейскимъ домовъ заключается развѣ въ томъ, что ихъ прислугу не заставляютъ долго ждать. Рѣзники должны знать и умѣть освободить кошерное мясо отъ нѣкоторыхъ запрещенныхъ жилъ, плевъ и частей. И хотя въ этомъ религіозномъ отношеніи рѣзники пользуются довѣріемъ общества, но вообще они не отличаются нравственностію; они грубы въ обращеніи съ посѣтителями и не всегда

добросовѣстны въ отпускѣ говядины. Въ большихъ городахъ этотъ промыселъ ведется въ большихъ размѣрахъ состоятельными и, вмѣстѣ съ тѣмъ, часто добросовѣстными людьми, закупающими скотъ большими партіями, и хотя часто они сами наблюдаютъ за продажею, но работы производятся наемными рабочими-евреями, а частью и христіанами.

Извощики и *фурманы* („баалъ-аголы"). Извощиковъ изъ евреевъ можно только видѣть въ большихъ городахъ Волынской и Подольской губ. и въ Бердичевѣ. Эти извощики занимаются только перевозкою на собственныхъ своихъ двухъ-трехъ „биндюгахъ„ (такъ называемыхъ „бухтахъ") различныхъ товаровъ въ отдаленные пункты. Въ остальныхъ мѣстностяхъ юго-западныхъ и южныхъ губерній такихъ извощиковъ между евреями нѣтъ. Фурманы, называемые по-еврейски „баалъ-аголы", занимаются перевозкою пассажировъ и только въ рѣдкихъ случаяхъ, гдѣ предлагаются особенно выгодныя цѣны, они перевозятъ и товары. „Баалъ-аголы" принадлежатъ по состоянію большею частью къ бѣдному классу, а по нравственности—къ низшему классу. Хотя между ними нѣтъ занимающихся конокрадствомъ, но нѣкоторые „баалъ-аголы" имѣютъ знакомство и поддерживаютъ оное съ конокрадами, для предохраненія себя отъ „шкоды". Обыкновенно раскаивающійся конокрадъ поступаетъ въ „баалъ-аголы." Не смотря на это, „баалъ-аголы" вообще добросовѣстно обращаются съ своими пассажирами и ихъ пожитками, предохраняя ихъ отъ потери, и если они неаккуратны и несправедливы, то только относительно договора съ пассажирами. Если случится пассажиръ на выгоднѣйшихъ условіяхъ, то „баалъ-агола" не посовѣстится оставить того, съ которымъ уже договорился. Впрочемъ, справедливость требуетъ сказать, что есть не мало честныхъ и добросовѣстныхъ „баалъ-аголъ" во всѣхъ отношеніяхъ.

Главныя ремесла, распространенныя между евреями, суть: портняжество, мужское и дамское, сапожничество и шапочное ремесло; это послѣднее имѣетъ болѣе промышленный характеръ. Общественное мнѣніе евреевъ что-то не расположено къ этимъ ремесламъ, считая занимающихся ими членовъ общества низшей нравственности противъ другихъ. Занимающіеся названными ремеслами евреи, особенно двумя первыми, дѣйствительно отличаются отъ прочихъ евреевъ религіознымъ индеферентизмомъ и, вообще, несвойственною старосвѣтскимъ евреямъ живостію и веселостію нрава. Сравнивая почетное положеніе и значеніе ремеслъ у евреевъ во время составленія талмуда съ тою незавидною ролью, какую они играли до послѣдняго времени, представляется разительный контрастъ. Талмудъ, этотъ главнѣйшій и авторитетнѣйшій учитель и наставникъ еврейской національности въ былое и большею частью и въ настоящее время, цѣнитъ ремесло, какого бы рода ни было, почти выше всякой другой отрасли человѣческой практической дѣятельности, за

исключеніемъ одного только земледѣлія. Даровитѣйшіе и набожнѣйшіе талмудисты питались отъ занятій ремеслами, каковы кузнечное, сапожное, портняжеское и т. п. Между тѣмъ, въ средніе и новые вѣка занятіе ремеслами становится въ глазахъ евреевъ чѣмъ-то унизительнымъ, и въ соціальномъ отношеніи ремесленники считаются самымъ низшимъ классомъ. Изслѣдованіе причинъ этого явленія принадлежитъ исторической наукѣ. Держась области этнографіи, я буду говорить только о настоящемъ. Еврей, не занимаясь самъ ремесломъ, пока имѣетъ какія нибудь средства, держитъ своего сына въ школѣ, гдѣ онъ изучаетъ библію, а главное талмудъ. Если же нужда и неблистательныя способности сына заставляютъ еврея заранѣе позаботиться о приготовленіи своего чада къ свѣтскому и практическому поприщу, онъ пріучаетъ его къ занятію — „гандлемъ“ на ярмаркахъ и помогать отцу при разъѣздахъ, покупкѣ и продажѣ товаровъ. Если же еврейскій отецъ до такой степени бѣденъ, что ему трудно даже содержать свою, часто немалочисленную, семью, онъ рѣшается отдать своего 13—14-ти лѣтняго сына въ услуженіе у болѣе или менѣе богатаго лавочника („клейтъ-мишуресъ“); но весьма рѣдко еврейскій отецъ рѣшится отдать любимаго сына къ портному, сапожнику или шапочнику. „Ни я, ни мой отецъ не были портными (или сапожниками и т. под.), такъ чтобы я сдѣлалъ сына портнымъ?!“ обыкновенно говоритъ еврейскій отецъ. И такъ, въ обученіе названнымъ ремесламъ поступаютъ большею частью круглые сироты или имѣющіе крайне бѣдныхъ и принадлежащихъ къ самому низшему, или нищенскому классу родителей. Въ домѣ мастера-хозяина бѣдняжка мальчикъ-ученикъ (lern-jung) два-три года переноситъ суровое, капризное, а часто и жестокое обращеніе какъ самого хозяина (baal-habus) такъ и его сварливой хозяйки (baal-haboste). Въ теченіи этого періода мальчикъ даже рѣдко занимается работою. Его заставляютъ помогать хозяйкѣ въ хозяйствѣ, посылаютъ за разными покупками, нагрѣвать желѣзныя гладила, а малѣйшая неисправность влечетъ за собою болѣе или менѣе строгое тѣлесное наказаніе. Только послѣ двухъ-трехлѣтняго мученія такимъ образомъ въ домѣ одного, двухъ-трехъ хозяевъ бѣдный мальчикъ наконецъ удостоивается чести садиться за столъ въ ряду съ подмастерьями и исполнять какую нибудь работу. Онъ уже называется не „лернъ-ингелъ“ а подмастерье (poel) и начинаетъ получать жалованье сначала по 12—15 руб. въ годъ, а потомъ уже по 30—40; когда же хорошо изучитъ ремесло, то начинаетъ получать по 100, а искусные ремесленники-подмастерья и до 200 руб. въ годъ. Самостоятельной мастерской онъ не учреждаетъ, пока не женится. Изъ сказаннаго видно, что, для основательнаго изученія ремесла, особенно портняжескаго, для человѣка среднихъ способностей, нуженъ 8-ми, 10-ти лѣтній періодъ

времени, а вступивъ въ обученіе на 11-мъ, 13-мъ году жизни, еврейскій портной кончаетъ курсъ своей науки на 20—24-мъ году жизни. Хотя значительная часть подмастерьевъ вступаетъ въ бракъ и до полнаго изученія ремесла, а также значительная часть кончаетъ изученіе до 20-ти лѣтняго возраста, но вообще, и въ прежнее и въ настоящее время, ни въ какомъ другомъ сословіи не встрѣчается столько взрослыхъ съ пробивающейся бородою холостыхъ парней, какъ въ ремесленномъ. Это одно обстоятельство уже можетъ объяснить вкоренившуюся въ народѣ антипатію и недовѣріе къ ремесленному классу. Къ тому же, проводя молодые годы въ чужомъ домѣ, въ отсутствіи родительскаго надзора и попеченія о нравственности, а также занимаясь постоянно за рабочимъ столомъ хозяина и посѣщая синагогу или школу разъ въ недѣлю, только по субботамъ,—еврейскій ремесленникъ хотя и не развращается (развратъ неизвѣстенъ и въ этой еврейской области), но все-таки дѣлается равнодушнымъ къ нѣкоторымъ религіознымъ обрядностямъ. И вообще жизнь и манеры ремесленника не носятъ на себѣ національно-религіознаго отпечатка, который такъ замѣтенъ у другихъ евреевъ стараго направленія.

Въ болѣе или менѣе значительномъ населеніи еврейскіе ремесленники имѣютъ свою особую молитвенную школу, называемую по большинству посѣтителей портняжескою школою (das schneidersche Schilchen) хотя туда ходятъ и шапочники и сапожники, а иногда и другіе ремесленники, потому что большая часть еврейскихъ ремесленниковъ—портные. Въ большихъ городахъ (какъ Бердичевъ, Умань и т. под.) и другіе ремесленники имѣютъ школы; такъ, тамъ можно найти и школу сапожниковъ, шапочниковъ, школу бондарей и т. д. На Литвѣ и вообще, гдѣ еврейская духовная интеллигенція болѣе развита, въ субботніе дни ремесленники, болѣе пожилые и степенные, собираются днемъвъ свои школы, гдѣ ученый „магидъ“ читаетъ нравственно-религіозныя рѣчи или читаетъ и объясняетъ имъ какую нибудь занимательную книгу религіознаго содержанія. Возвращусь къ практической и бытовой сторонѣ предмета.

Портные вообще содержатъ мастерскія, въ которыхъ работаютъ отъ 2-хъ до 5-ти подмастерьевъ, въ томъ числѣ одинъ или два ученика. Вообще подмастерья работаютъ на жалованьи (см. выше), но бываютъ и такіе, которые работаютъ по-штучно. Портные работаютъ только по заказу изъ матеріи заказавшаго. Остающіеся отъ платья куски (jiter) обыкновенно присваиваютъ себѣ; но бываютъ и добросовѣстные, которые возвращаютъ хозяину всѣ такіе остатки. Промышленниковъ-портныхъ, содержащихъ мастерскія и работающихъ по заказу изъ собственной матеріи — очень мало. Есть, однако, портные „тандейтники“, которые изготовляютъ не-

дорогія платья безъ заказу и продаютъ готовыми. Содержатели большихъ портняжескихъ мастерскихъ, гдѣ изготовляютъ изъ собственной матеріи дорогія мужскія и дамскія платья для продажи въ магазинахъ, встрѣчаются только въ большихъ городахъ. Впрочемъ, эта промышленность принадлежитъ уже къ фабричной. Портные бываютъ мужскіе, дамскіе и такъ называемые еврейскіе портные. Первыхъ двухъ категорій портные готовятъ платье для господъ и зажиточнаго класса евреевъ. Эти портные уже отчасти слѣдятъ, особенно въ послѣднее время, за модою и между ними бываютъ очень искусные ремесленники. Портные же послѣдней категоріи шьютъ платье для старосвѣтскихъ евреевъ; одинъ и тотъ же портной шьетъ и мужское и дамское платье, и ихъ работа рѣдко отличается изящностію и правильностію выкройки. Работаютъ, большею частью, сами подмастерья, хозяинъ только кроитъ, и если нужно выполнить заказъ къ сроку, то и онъ садится за работу; но больше онъ занятъ пріисканіемъ заказовъ и отнесеніемъ работы на дома. Небогатымъ, а иногда и богатымъ заказчикамъ-евреямъ работа отсылается однимъ изъ старшихъ подмастерьевъ, который получаетъ при этомъ на водку. Работою занимаются по цѣлымъ днямъ (зимою—и по ночамъ), а если нужно, то работающіе на жалованьи подмастерья просиживаютъ по требованію хозяина и по цѣлымъ ночамъ. Свободными отъ работы бываютъ только по субботамъ и праздничнымъ днямъ, когда они гуляютъ или вѣрнѣе прохаживаются по улицамъ. Попойки и т. под. развлеченій никогда не устраивается.

Сапожниковъ между евреями гораздо менѣе, чѣмъ портныхъ. У нихъ бываютъ много учениковъ и подмастерьевъ изъ крестьянъ. Работаютъ большею частью изъ собственнаго товара, но по заказу. Собственно сапожниковъ больше, чѣмъ дамскихъ башмачниковъ.

Шапочниковъ больше, чѣмъ сапожниковъ, но тоже меньше, чѣмъ портныхъ. Какъ сказано выше, это ремесло имѣетъ больше промышленный характеръ. Зимнія и лѣтнія шапки изготовляются изъ собственнаго товара и продаются преимущественно на ярмаркахъ, а въ большихъ селеніяхъ — въ лавкахъ, гдѣ лѣтомъ и работаютъ.

Шапочникъ долженъ, кромѣ ремесла, „умѣть продать шапку“, особенно этою послѣднею способностью отличаются шапочники, изготовляющіе исключительно крестьянскія *смушковыя* шапки. Тутъ нужно умѣть и показать шапку съ хорошей стороны, и какъ поторговаться съ крестьяниномъ. Эти шапочники торгуютъ и простыми крестьянскими полушубками и кожухами.

Такіе шапочники посѣщаютъ всѣ окрестныя ярмарки. Для пріобрѣтенія нужныхъ для веденія своего промысла денегъ прибѣгаютъ къ „процентникамъ“, а гдѣ есть оптовые торговцы овечьихъ шкуръ (бессарабскихъ или рѣшетиловскихъ крымскихъ), то шапочники берутъ по 2—3 десятка въ кредитъ.

Встрѣчаются, хотя и рѣдко, зажиточные шапочники, которые сами привозятъ овечьи шкуры (въ здѣшней мѣстности только бессарабскія изъ балтской ярмарки) и изготовляютъ шапки для продажи въ своихъ же мастерскихъ.

Кромѣ описанныхъ главныхъ трехъ ремеслъ, между евреями есть и кузнецы, котляры, мѣдники, слесари, шорники, позументщики, ткачи, бондари, столяры, стекольщики, плотники и каменьщики. Каменьщики и печники весьма рѣдки.

Часовое и золотыхъ дѣлъ мастерства, а также и брилліантовое пользуются большимъ, противъ всѣхъ другихъ ремеслъ, почетомъ, и занятіе ими не считается унизительнымъ; тоже слѣдуетъ сказать о рѣзчикахъ печатей.

Музыкальное искусство хотя само по себѣ любимо евреями, но музыканты, особенно молодые, не пользуются уваженіемъ общества: на нихъ смотрятъ какъ на легкомысленныхъ людей, не отличающихся нравственностію и религіозностію. Но изъ старыхъ музыкантовъ евреевъ, содержащихъ „компаніи,“ бываютъ люди степенные и пользующіеся уваженіемъ общества. Главный источникъ дохода еврейскихъ музыкантовъ составляютъ еврейскія сватьбы, которыя во всѣхъ класахъ не обходятся безъ музыки. „Компанія“ или получаетъ жалованье у хозяина, или же получаетъ извѣстный процентъ отъ дохода.

Частная служба.—Она раздѣляется на два разряда. Къ первому относятся управляющіе и повѣренные по откупамъ, подрядамъ, фабрикамъ или оптовой торговлѣ. Эти люди отличаются обыкновенно честностью своихъ поступковъ, по отношенію къ хозяину.

Ко второму принадлежатъ прикащики при подрядныхъ и оптовыхъ торговыхъ дѣлахъ, а также въ лавкахъ.

Объ управляющихъ и первостатейныхъ повѣренныхъ мы считаемъ лишнимъ говорить, такъ какъ эта отрасль практической дѣятельности принадлежитъ той сферѣ, гдѣ различіе между еврейскимъ и остальнымъ міромъ совсѣмъ сглаживается, а въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ вовсе не существуетъ и потому не представляетъ ничего особеннаго для этнографіи евреевъ. Мы будемъ говорить о второстепенныхъ прикащикахъ, служащихъ при арендахъ, подрядахъ и посредственныхъ оптовыхъ лавкахъ, а также о прикащикахъ значительныхъ лавокъ, продающихъ въ-раздробь.

Прикащиками при посредственно-обширныхъ торговыхъ дѣлахъ, подрядахъ, арендахъ и т. д. бываютъ или молодые люди, нѣсколько уже ознакомившіеся съ торговыми пріемами того или другого рода, кто—хлѣбною торговлею, кто—винною; они исправляютъ разныя порученія по отправкѣ, сдачѣ и пріемкѣ товаровъ и продуктовъ, умѣютъ записывать по-еврейски разныя замѣтки, по которымъ они даютъ хозяину отчетъ въ своихъ дѣй-

ствіяхъ; или-же пожилые люди, потерпѣвшіе неудачу въ своихъ торговыхъ операціяхъ, поступающіе вслѣдствіе этого на службу. Изъ этой послѣдней категоріи, люди извѣстные своею честностью поступаютъ въ кассиры и вообще исполняютъ такія порученія, при которыхъ требуется полное довѣріе къ служащему. Такой повѣренный называется „неетоп".

Жалованье такимъ прикащикамъ назначается весьма ограниченное, рѣдко болѣе 5-ти руб. въ недѣлю; но получаютъ и по 3—4, а менѣе способные, по большей части и по 2 руб., не смотря на то, что почти всѣ прикащики этого рода имѣютъ семейства.

Въ большей части случаевъ еврейскіе прикащики не имѣютъ одного постояннаго занятія. Одинъ и тотъ же прикащикъ то нанимаетъ подводы для отправокъ, то принимаетъ товаръ, то (если онъ способенъ) исправляетъ порученіе по присутственнымъ мѣстамъ и т. д. Однимъ словомъ, какъ мѣтко выразился одинъ еврейскій писатель: „онъ служитъ шахматною пѣшкою, переставляемою хозяиномъ туда, куда ему заблагоразсудится."

Еврейскіе прикащики хотя вообще честно и добросовѣстно исполняютъ возлагаемыя на нихъ порученія, но иногда не безъ того, чтобы тотъ или другой прикащикъ не злоупотребилъ довѣріемъ хозяина болѣе или менѣе безсовѣстнымъ образомъ. Кассиры и довѣренные, служащіе при значительныхъ арендахъ, посессіяхъ и т. д., гдѣ требуется вести отчетность, иногда совсѣмъ не знаютъ, или очень мало знаютъ русскій языкъ. Отчетность ведется большей частью на еврейскомъ языкѣ, по весьма удобной, цѣлесообразной въ данномъ предпріятіи, системѣ. Лавочные прикащики, или такъ называемые мишуресы, пробывъ нѣсколько лѣтъ въ лавкѣ, пріобрѣтаютъ подробное знаніе своего дѣла, умѣнье различать качество товаровъ и обращаться съ покупателями. Всѣ они почти умѣютъ писать и считать, а большая часть ихъ знаетъ и русское письмо. Этимъ отличаются, такъ сказать, хозяйскія дѣти, учившіяся писать у еврейскаго писаря или посѣщавшія казенное, перворазрядное училище. Лавочные мишуресы пока состоятъ въ этой службѣ, особенно до женитьбы, не пользуются такимъ уваженіемъ, какъ другіе прикащики. Со словомъ „клейтъ-мишуресъ" соединено понятіе о человѣкѣ вѣтренномъ и малорелигіозномъ. Но часто „клейтъ-мишуресы" послѣ женитьбы остепеняются, заводятъ собственныя лавочки или лавки и, вступивъ на это самостоятельное поприще, пріобрѣтаютъ болѣе уважаемое положеніе въ обществѣ.

Къ частной службѣ можно также причислить коммиссіонеровъ и факторовъ еврейскихъ, исполняющихъ различныя порученія.

Коммиссіонерами у евреевъ называются только тѣ лица, которыя живутъ въ портовыхъ городахъ или другихъ значительныхъ пунктахъ и про-

дают посылаемые къ нимъ товары или закупают и отправляютъ своимъ закащикамъ. Большая часть такихъ коммиссіонеровъ не живетъ постоянно въ тѣхъ торговыхъ пунктахъ, гдѣ они отправляютъ свое дѣло, а выѣзжаютъ туда на извѣстное время года, когда бываютъ значительные привозы или отправки. Порученія они получаютъ отъ знакомыхъ имъ торговыхъ лицъ, знающихъ ихъ честность и добросовѣстность. Но есть много и постоянно живущихъ на мѣстѣ отправленія своего занятія.

Состоятельные изъ этихъ послѣднихъ выдаютъ часто своимъ небогатымъ, даже ненадежнымъ, закащикамъ авансы, получая особенные проценты. *Факторъ* — названіе, имѣющее въ латинскомъ языкѣ почетное значеніе, у евреевъ считается презрительнымъ потому, что факторствомъ занимаются обыкновенно люди, непривыкшіе къ труду, сомнительной честности, берущіе на себя всевозможныя порученія, какъ-бы цѣль ихъ гнусна ни была, ради денегъ готовы на всякую низость и подлость. Факторы есть двухъ родовъ и нѣсколькихъ оттѣнковъ:

а) Факторы въ значительной оптовой торговлѣ и при большихъ торговыхъ единовременныхъ операціяхъ. Такіе факторы встрѣчаются большею частью въ большихъ торговыхъ городахъ. Они имѣютъ знакомство съ однимъ или нѣсколькими торговыми домами и служатъ посредниками при каждой торговой сдѣлкѣ, заключаемой торговымъ домомъ съ мелкимъ продавцемъ или покупателемъ и получаютъ съ обѣихъ сторонъ по извѣстному проценту съ суммы сдѣлки. Безъ такихъ факторовъ не обходится ни одинъ торговый домъ и они, т. е. факторы, очень полезны своею дѣятельностію. Они всегда знаютъ состояніе цѣнъ на извѣстные предметы торговли того мѣста, постоянно слѣдятъ за тѣмъ, не имѣетъ ли какой мелкій продавецъ что̀ продать, кому нужно что̀ купить, сводятъ покупателей и продавцевъ, улаживаютъ между ними договоръ, чѣмъ часто оказываютъ немаловажную услугу какъ той, такъ и другой сторонѣ.

Такая факторская дѣятельность имѣетъ большое примѣненіе въ большихъ торговыхъ городахъ и часто доставляетъ весьма хорошія средства. Въ Одессѣ можно встрѣтить богатыхъ факторовъ евреевъ. Подъ этотъ разрядъ могутъ подойти и факторы, служащіе посредниками между значительными торговыми домами при заключеніи единовременныхъ сдѣлокъ на большія суммы. Эти факторы отличаются отъ первыхъ тѣмъ, что должны выдумывать и составлять проекты, предлагать и доказывать, большею частью и безъ собственнаго убѣжденія, полезность предлагаемой сдѣлки.

b) Факторы въ розничной торговлѣ и незначительныхъ торговыхъ операціяхъ. Это факторство, главнымъ образомъ, заключа́ется въ томъ, что факторъ сводитъ желающаго что̀ нибудь продать съ желающимъ оное купить

и участвуетъ въ ихъ торгѣ, въ обусловленіи кондиціи и, по заключеніи сдѣлки, получаетъ съ обѣихъ сторонъ извѣстный процентъ. Очень часто, и даже въ большей части случаевъ, сдѣлка могла бы обойтись и безъ вмѣшательства фактора, такъ какъ заключающіе между собой условіе нерѣдко знакомы другъ другу и роль фактора состоитъ въ этомъ случаѣ только въ томъ, что, часто непрошенный, своимъ вмѣшательствомъ онъ предупредитъ ихъ встрѣчу и тѣмъ пріобрѣтаетъ право на требованіе куртажа. Иногда въ одно незначительное дѣло вмѣшивается нѣсколько факторовъ. Это явленіе встрѣчается особенно часто въ мѣстахъ сильно населенныхъ евреями, между которыми большая часть бѣдныхъ принимается за это занятіе и часто надоѣдаетъ даже своимъ непрошеннымъ посредничествомъ. Въ тѣхъ мѣстахъ существуетъ довольно характеристическая поговорка: если факторъ прибылъ къ моменту рукобитія и, не зная въ чемъ заключается договоръ, произнесъ „дай Богъ, въ часъ добрый“, онъ уже требуетъ куртажа. Въ значительной части случаевъ факторъ получаетъ вознагражденіе и за то, чтобы не портить дѣла.

Роль подобнаго факторства избираютъ большею частью евреи, живущіе въ селахъ около помѣщиковъ. Предложилъ ли онъ купцу пшеницу или рожь своего пана, или купецъ самъ пріѣхалъ и купилъ, факторъ пана все-таки получаетъ факторство (mäklerei) въ первомъ случаѣ, конечно, больше, а во второмъ меньше. Конечно, нельзя отрицать нѣкоторую часть пользы, приносимой и этого рода факторствомъ, но это относится только къ мѣстамъ. малонаселеннымъ евреями; въ противномъ же случаѣ, большинство людей, остающихся безъ занятій и изъ лѣни принимающихся за факторство, наносятъ сущій вредъ странѣ.

Есть факторы по найму подводъ, дѣятельность которыхъ болѣе полезна. Они знакомы со всѣми крестьянскими чумаками въ окрестности, большею частью пользуются уваженіемъ чумаковъ, честно исполняютъ свое дѣло и получаютъ въ вознагражденіе съ пуда по $^1/_2$ или по 1 коп., или съ подводы, обыкновенно— „пудовые.“

Низшій разрядъ факторовъ этой второй категоріи составляютъ факторы при лавкахъ въ большихъ городахъ и мѣстечкахъ, осаждающіе гостинницы и постоялые дворы и надоѣдающіе проѣзжающимъ своими предложеніями разныхъ товаровъ. По требованію „пана“ или барина, приносятъ ему требуемую вещь изъ знакомой имъ лавки и, по продажѣ таковой, получаютъ отъ лавочника извѣстный процентъ или выторгованный излишекъ противъ назначенной лавочникомъ цѣны. Хотя и между этими факторами бываютъ люди честные, но вообще они не отличаются добросовѣстностью.

Ниже ихъ стоятъ факторы подводъ для пассажировъ и факторы соб-

ственно постоялыхъ дворовъ, трактировъ и гостинницъ, называемые также „мишурисами“. Вообще, это — люди праздные и весьма низкой нравственности: они не только исполняютъ, по требованію своихъ минутныхъ господъ, разныя низости, но сами напрашиваются на исполненіе ихъ.

Главная доходная статья этихъ „мишурисовъ“ — сводничество, причемъ они безсовѣстно эксплуатируютъ проститутокъ. Эти мишурисы, прислуживая на постоялыхъ дворахъ, не только не получаютъ жалованья, но на большихъ дворахъ даже сами платятъ хозяевамъ за право быть мишурисомъ, и отъ себя уже держатъ помощниковъ.

Главнымъ руководителемъ въ такихъ случахъ является, по большей части, не развращенность натуры, а страсть къ деньгамъ, для пріобрѣтенія которыхъ у нихъ цѣль оправдываетъ средства.

Для полноты замѣтокъ, считаемъ нужнымъ упомянуть объ особомъ факторствѣ — сватовствѣ („шадхонесъ“), которымъ занимаются у евреевъ ex professo. За ремесло это принимаются, по большей части, люди, потерпѣвшіе различныя неудачи, любящіе пожить на чужой счетъ и даже пользующіеся нѣкоторымъ уваженіемъ.

а Обязанность каждаго свата состоитъ въ томъ, чтобы знать всѣхъ молодыхъ мужчинъ и дѣвицъ, лѣта которыхъ уже позволяютъ вступать въ бракъ, а также всѣхъ вдовъ и вдовцовъ извѣстнаго мѣстечка или города, для чего они и ведутъ полные списки всѣхъ такихъ лицъ; b) онъ долженъ знать способности юныхъ кандидатовъ; c) ихъ родословную съ подробнымъ исчисленіемъ множества раввиновъ, украшающихъ достопочтенную фамилію; d) состояніе и сколько дается приданаго за сыномъ или дочерью. Для достиженія своей цѣли, „шадханъ“ не пожалѣетъ краснаго словца: дѣвушки и мужчины изъ некрасивыхъ превращаются часто въ красивыхъ, изъ бѣдныхъ въ богатыхъ и проч. Каждый сватъ получаетъ какъ со стороны жениха, такъ и со стороны невѣсты требуемое вознагражденіе, — въ противномъ случаѣ, онъ поднимаетъ цѣлую бурю и нерѣдко даже разстраиваетъ уже сговорившуюся пару.

Рабочіе. — Къ разряду рабочихъ между евреями можно отнести работающихъ на фабрикахъ и вообще домашнюю прислугу.

У евреевъ существуетъ одно особенное фабричное производство, именно шерстяныя покрывала („талисъ“), носимыя евреями во время утренней молитвы, которыя должны заготовляться исключительно на еврейскихъ фабрикахъ. Хасиды и вообще фанатики предпочитаютъ „талисы“, работаемые въ мѣстечкѣ Бершедѣ (Подольской губерніи) Дубровенскимъ (Оршанскаго уѣзда, Могилевской губерніи), которые разсылаются по всѣмъ губер-

ніямъ Россіи, такъ какъ эти послѣдніе, т. е. Дубровенскіе, изготовляются посредствомъ машинъ и фабрики и содержатся анти-хасидами, а Бершедскіе работаются человѣческими руками евреевъ и содержатели фабрики—хасиды. Дубровенскіе талисы продаются относительно-дешевле. Но собственно чернорабочихъ между евреями очень мало. Чернорабочими можно развѣ назвать носильщиковъ (есть также водовозы и сторожа), лопатниковъ, занимающихся въ большихъ складочныхъ мѣстахъ перекидываніемъ хлѣбнаго зерна, а также на станціяхъ желѣзной дороги при нагрузкѣ и выгрузкѣ товаровъ. Еврейскіе чернорабочіе получаютъ вообще высокую плату и отличаются рвеніемъ и понятливостью въ работѣ. Къ сожалѣнію, низшій и бѣдный классъ евреевъ предпочитаетъ нищенство черной работѣ, чему содѣйствуетъ отчасти неразборчивая благотворительность евреевъ, а отчасти и то, что еврейскіе чернорабочіе не находятъ занятій, гдѣ бы работали исключительно евреи; работать же и жить въ сообществѣ съ рабочими другихъ національностей и вѣроисповѣданій—они находятъ несогласнымъ съ религіозными предписаніями евреевъ и вообще вслѣдствіе различія въ наклонностяхъ и характерѣ.

Что касается занятій женщинъ у евреевъ, то между ними болѣе выдаются женщины средняго сословія, которыя усердно помогаютъ своимъ мужьямъ въ дѣлахъ торговли. Есть даже такія, которыя предоставляютъ мужу своему заниматься литературой и молитвой, а сами доставляютъ ему и семейству средства къ жизни, увѣренныя, что за это онѣ получатъ вознагражденіе въ жизни будущей.

Мы находимъ, что г. Берлинъ слишкомъ преувеличилъ, въ трудахъ своихъ, страсть женщинъ еврейскихъ къ нарядамъ. Дѣйствительно, еврейскія женщины, какъ и всѣ дщери Еввы, не чужды страсти наряжаться, но эта страсть появляется больше у женъ богатыхъ, зажиточныхъ евреевъ, чѣмъ у женъ низшихъ и бѣдныхъ классовъ. Да и у богатыхъ, страсть къ нарядамъ проявляется больше у тѣхъ, которыя сами не участвуютъ въ торговой дѣятельности мужа; но та женщина, которая раздѣляетъ съ мужемъ заботы о жизни и трудится наравнѣ съ нимъ, ужъ никакъ не имѣетъ цѣлью собственные наряды, и г. Берлинъ грѣшитъ противъ своихъ соплеменницъ, говоря, что онѣ тратятъ добываемыя ими въ потѣ лица деньги на улучшеніе наряда.

Еврейки почти никогда сами не шьютъ себѣ платья: для этого есть женскіе портные.

Еврейка, кромѣ стряпни и торговли, ничѣмъ не занимается.

Огородничества у евреевъ нѣтъ. Мыть бѣлье, носить воду, смазывать хату и т. п. должна наймычка-христіанка. Вообще, у евреевъ обоего пола есть отвращеніе къ физическому труду. Они считаютъ, что это—дѣло мужика,

котораго можно нанять за деньги, а онъ, еврей, какъ болѣе умный, сумѣетъ нажить средства инымъ путемъ.

Общественное управленіе евреевъ.

Управленіе еврейскихъ обществъ настоящаго времени подчинено въ гражданскомъ отношеніи думамъ, магистратамъ и ратушамъ, такъ какъ евреи имѣютъ право вступать въ городскую службу, быть ратманами, гласными и шестигласными. Вмѣсто же прежнихъ кагаловъ оставлены только должности сборщиковъ податей и сдатчиковъ по рекрутскимъ повинностямъ. Въ духовномъ отношеніи управленіе еврейскихъ обществъ настоящаго времени ввѣрено утвержденнымъ правительствомъ раввинамъ и раввинскимъ коммиссіямъ. Обязанности раввиновъ заключаются, главнымъ образомъ, въ томъ, чтобы *совершить исключительно по всему своему вѣдомству обряды бракосочетанія, расторженія браковъ, обрѣзанія и нареченія именъ младенцамъ*, для чего обязаны они вести метрическія книги и представлять ихъ куда слѣдуетъ, по указанію закона о состояніяхъ. Кромѣ этого, раввины обязаны слѣдить за правильнымъ исполненіемъ обрядовъ вѣры и нравственно побуждать евреевъ къ исполненію общихъ государственныхъ законовъ, уваженію и повиновенію установленнымъ властямъ и разрѣшать недоразумѣнія, возникающія по обрядамъ вѣры.

На обязанностяхъ раввинской коммиссіи лежитъ разбирательство жалобъ, возникающихъ вслѣдствіе неосновательныхъ дѣйствій мѣстныхъ раввиновъ и рѣшеніе тѣхъ вопросовъ по обрядамъ вѣры и дѣламъ о расторженіи браковъ, въ которыхъ, вслѣдствіе неясности закона, мѣстные раввины встрѣтятъ затрудненіе. Но раввинская коммиссія,—какъ говоритъ г. Брафманъ въ своей „Книгѣ Кагала“,—за все время своего существованія, на самомъ дѣлѣ не была исполнительницею своего прямого назначенія. Всѣ представленныя ею метрическія книги имѣютъ въ своемъ содержаніи большею частью вымыселъ, составленный раввинами для проформы, въ силу необходимости представлять ежегодно отчетъ о своей дѣятельности: ни одинъ изъ нихъ не составилъ ни одной разводной, не совершилъ ни разу обрѣзанія. Что же касается возложенной на него обязанности—рѣшать недоумѣнія евреевъ по обрядамъ вѣры,—то такого рѣшенія, какъ оказалось, ни кому не понадобилось, а совершеніе обрядовъ, за нѣкоторыми исключеніями, составляетъ неотъемлемое достояніе каждаго еврея.

Общественная и частная жизнь этого народа не могла и не удовлетворялась предложенными ей правительствомъ законами общественнаго упра-

вленія. Она отчасти игнорировала, отчасти обходила ихъ и шла по тому направленію, которому слѣдуетъ уже нѣсколько вѣковъ,—направленію, обусловливаемому національными особенностями, религіозными вѣрованіями и надеждами этого народа, и руководствовалась указаніями и управленіемъ донынѣ существующаго, хотя оффиціально упраздненнаго правительствомъ, кагала.

Если обратимъ вниманіе на то обстоятельство, что со времени Альмутавакила (849—856), третьяго потомка Альмамуиса, послѣ того какъ центральная власть еврейской организаціи, такъ свсбодно развившаяся подъ сѣнью полумѣсяца, должна была покончить свое существованіе, и когда до того еще талмудъ, хранившійся до V вѣка какъ устное преданіе въ памяти ученыхъ, перешелъ въ фоліанты, и потомъ, вслѣдствіе притѣсненій, какимъ подвергались евреи отъ сасанидскихъ князей, свободно водворился на практической почвѣ, какъ народный духовно-гражданскій статутъ евреевъ,—вмѣсто сказанной центральной власти являются представителями общественнаго управленія мѣстныя коммиссіи и „бетъ-дины“. Въ нихъ правительства устанавливаютъ учрежденія для взысканія съ евреевъ податей и рѣшенія религіозныхъ вопросовъ. И вотъ эти учрежденія, руководствуясь въ своихъ дѣйствіяхъ талмудомъ и различными постановленіями своихъ предшественниковъ, накопленными временемъ и получившими характеръ обычая, — переживаютъ болѣе 1000 лѣтъ и сохраняются до настоящаго времени съ незначительною только перемѣною въ наружной формѣ. Если обратимъ вниманіе на обстоятельство такой живучести этого учрежденія,—прійдемъ къ тому заключенію, что кагалъ всегда находился въ состояніи полнаго естественнаго соотношенія съ народною жизнью, служилъ истиннымъ ея выраженіемъ, и что существованіе кагала еще надолго обезпечено тѣмъ значеніемъ, которое въ прежнее время имѣлъ онъ въ глазахъ каждаго еврея, и вліяніемъ, произведеннымъ имъ на общественную и частную жизнь этого народа впродолженіи нѣсколькихъ вѣковъ. До своего упраздненія, кагалъ въ Сѣверо-Западномъ краѣ представлялъ не только посредника между правительствомъ страны и еврейскимъ обществомъ, дѣятельность его не ограничивалась только опредѣленнымъ правительствомъ завѣдываніемъ гражданскихъ дѣлъ по составленію народныхъ переписей, взысканію податей, отправленію прочихъ повинностей и отыскиванію источниковъ для означенныхъ расходовъ,—но, какъ говоритъ г. Брафманъ, кагалъ имѣетъ гораздо большую власть и значеніе и отправляетъ обязанность, можно сказать, опекуна надъ всѣми поступками и дѣйствіями каждаго еврея. Руководимый своею завѣтною цѣлью—обособлять и изолировать еврейское общество отъ всякихъ, хотя бы даже благотворныхъ, вліяній чуждыхъ ему правительствъ и среды, чтобы сохранить національность, религіозныя вѣрованія и надежды евреевъ до того

вожделѣннаго часа, когда суждено будетъ этимъ надеждамъ осуществиться; заботясь о матеріальномъ благосостояніи какъ цѣлаго общества, такъ и каждаго отдѣльнаго члена его,—кагалъ изыскивалъ всевозможныя мѣры, не пренебрегалъ ни какими средствами для цѣлей, хотя бы для этого необходимо было, примѣняясь къ обстоятельствамъ мѣста и времени, толковать вкривь талмудъ и употреблять, не въ силу опредѣленныхъ имъ обстоятельствъ, страшный для каждаго еврея „херимъ“, который, гарантируя какое либо постановленіе кагала, придаетъ тому постановленію силу и неприкосновенность закона. Въ случаѣ же недѣйствительности и этой мѣры, кагалъ всегда находилъ возможность карать своихъ ослушниковъ посредствомъ мѣстной администраціи, указывая ей на нарушителей *своей* власти, какъ на людей, неисполняющихъ государственныхъ повинностей по прямому и воспомогательному сбору, распредѣленіе и взиманіе котораго за кагаломъ обезпечено правительствомъ.

Кагалъ пользовался, для усиленія своей власти всякимъ, даже мелочнымъ проявленіемъ въ жизни каждаго еврея, кромѣ распредѣленія налоговъ и податей, производимымъ „шамоимами“ (составителями раскладокъ), которые имѣли право подъ присягой допрашивать каждаго о его состояніи и успѣхѣ торговли. Ремесленники должны были являться для такого объясненія разъ впродолженіе двухъ дней. Кагалъ, если такъ можно выразиться, пріучалъ и помогалъ евреямъ эксплуатировать имуществомъ и даже личностію не-евреевъ, продавая для этой цѣли странныя права „хазака“ и „меропіе“.

Распредѣляя означенныя права между евреями и получая за это вознагражденіе, кагалъ гарантировалъ пользованіе этими правами всѣми зависящими отъ него мѣрами и устранялъ конкурренцію, могущую произойти между непріобрѣвшими право евреями относительно эксплуатаціи одного и того же имущества или лица. Вотъ что говоритъ объ этомъ г. Брафманъ: „кагалъ имѣетъ право разрѣшать кому либо заниматься какимъ нибудь дѣломъ съ тѣмъ, чтобы пріобрѣтающій это право не вредилъ *хазакамъ* и *меропіямъ* другихъ. Ремесленнику запрещено было заниматься какимъ либо постороннимъ дѣломъ у тѣхъ лицъ, которыя принадлежали его меропію“ („Книга Кагала“, стран. LXII).

Кромѣ этого, отъ усмотрѣнія кагала зависѣло допущеніе иногороднаго еврея селиться въ предѣлахъ подвѣдомственнаго ему района или открывать постоянную торговлю, или заниматься какимъ ремесломъ. Исключеніемъ изъ этого правила пользовались только „талмудъ-хахамъ“ (ученые талмудисты). Права, предоставленныя на этотъ предметъ евреямъ мѣстными властями, предъ властію кагала имѣли мало или совсѣмъ не имѣли значенія, ибо онъ всегда, если бы того потребовали обстоятельства, могъ быть находчивъ въ выборѣ

мѣропріятія, чтобы сдѣлать ихъ таковыми. Въ нихъ встрѣчалась необходимость развѣ только для формы. Далѣе кагалъ простираетъ свое вмѣшательство въ домашнюю жизнь каждаго еврея: опредѣляетъ количество и качество блюдъ и утверждаетъ или исправляетъ по своему усмотрѣнію списки приглашенныхъ гостей на домашній праздникъ какого либо еврея.

Предводители кагала и судьи „бетъ-дина“ избираются ежегодно изъ вліятельнѣйшихъ евреевъ, предварительно возведенныхъ въ званіе „хаборы“ или „морейна“ и состоявшихъ членами „асифа“ (общаго собранія).

Степени должностей кагала и „бетъ-дина“ состояли въ слѣдующемъ порядкѣ: а) *кандидатъ*—въ предводители или представители города; б) *дайонъ*—судья какого нибудь братства или участвующій въ городскомъ судилищѣ—бетъ-динѣ; в) *габай*—судья большаго благотворительнаго сбора или бетъ-дина; г) *икуримъ*—коренные члены общества; д) *туве-кагалъ* — отборные члены общества и е) *рошъ-медина*—представители собранія всего края или кагальнаго управленія.

Въ званіе *хабора* возводитъ раввинъ вмѣстѣ съ старшиною кагала или предсѣдателемъ бетъ-дина.

Быть произведеннымъ въ званіе *морейне* можетъ только изучившій „Хошенъ-Гамишотъ“ (полный сводъ талмудическихъ законовъ); а самое производство дѣлается раввиномъ въ совокупности съ четырьмя представителями города и тѣми предводителями, которые сами состоятъ уже въ семъ званіи. Въ производствѣ участвуютъ также два предсѣдателя бетъ-дина, собравшись въ домѣ раввина или въ кагальной избѣ; всѣ означенные рѣшаютъ дѣло большинствомъ голосовъ.

О порядкѣ при выборахъ членовъ кагала и бетъ-дина г. Брафманъ сообщаетъ слѣдующее.—„До наступленія мѣсяца Кислева (октября) назначается пять *бореримъ* (избирателей), которые назначаютъ *баале-таконе* (членовъ-составителей новыхъ правилъ) для предстоящихъ выборовъ. Баллотировка всегда приготовляется до пасхи и въ первый выпускной день сказаннаго праздника, сейчасъ послѣ утренней молитвы, при выходѣ изъ синагоги, предводители, составители правилъ, предсѣдатели общихъ собраній, раввинъ и общественный *софферъ* (письмоводитель) обязаны собраться въ кагальной избѣ. Тутъ пять повѣренныхъ или четыре *шамошимъ* (нотаріусы, служители кагала) посредствомъ баллотировки опредѣляютъ пять *бореримъ* (избирателей) во всѣ должности общественнаго управленія.

„По окончаніи этой баллотировки два „шамошимъ“ отправляются приглашать избирателей въ кагальную избу. Подъ каноническимъ херемомъ, запрещено „шамошимъ“ разсуждать съ кѣмъ либо изъ избирателей насчетъ выборовъ.

„Избиратели должны назначить: *4 рошимъ* (представителей кагала), *2 роше-медина* (представителей края), *4 тувимъ* (отборныхъ членовъ общества), *3 икуримъ* (коренныхъ членовъ), *4 роэ хешбонетъ* (контролеровъ), 2 представителей общаго собранія: всего 19 человѣкъ. Сверхъ того, они назначаютъ *4 габоимъ* (старшинъ благотворительнаго сбора) и *12 даіонимъ* (судей бетъ-диновъ *)“.

Что же касается до значенія раввина, какъ члена кагала, то далѣе преимущества, которое придается его голосу, при равномъ раздѣленіи ихъ во время рѣшенія какого либо вопроса большинствомъ голосовъ, его значеніе въ дѣлахъ не имѣетъ особеннаго перевѣса надъ другими членами.

Такую физіономію и такой характеръ дѣятельности имѣлъ кагалъ въ Сѣверо-Западномъ краѣ Россіи. Въ настоящее же время, послѣ упраздненія своего, кагалъ лишился, разумѣется, многихъ средствъ къ поддержанію и развитію своей власти, но тѣмъ не менѣе и до сихъ поръ продолжаетъ свою дѣятельность. Въ Юго-Западномъ краѣ кагалы настоящаго времени не имѣютъ такого мрачнаго характера. Заботясь о нравственномъ единеніи (въ смыслѣ Іудейства) еврейскихъ обществъ, о замѣщеніи необходимыхъ для обществъ должностныхъ лицъ, они изыскиваютъ и матеріальныя средства для покрытія расходовъ на вознагражденіе этихъ лицъ, а также предпринимаютъ мѣры къ предупрежденію между евреями крайнихъ безпорядковъ и разоренія.

Еврейскія братства.

I. Братство погребателей („хевра-кадиша“ — святое братство). — Въ послѣднюю минуту своей жизни еврей не призываетъ раввина; онъ самъ про себя читаетъ исповѣдь („видуй“). На домашнихъ, знакомыхъ и сосѣдяхъ лежитъ священная обязанность исполненія приличныхъ данному обстоятельству религіозныхъ обрядовъ. Дѣло же погребенія исполняютъ члены братства „хевра-кадиша“.

Существованіе такого братства у евреевъ восходитъ къ отдаленнѣйшимъ временамъ, и, судя по сохранившимся обычаямъ, свидѣтельствующимъ о прерогативѣ этого братства, оно въ прежнія времена занимало самое видное мѣсто между всѣми благотворительными учрежденіями, стояло во главѣ ихъ и завѣдывало ими. Въ настоящее же время, хотя прежнее вліятельное значеніе

*) О бетъ-динѣ говорится подробнѣе въ очеркѣ юридическихъ обычаевъ.

этого общества утрачено имъ, тѣмъ не менѣе вліяніе его, какъ благотворительнаго учрежденія, ощутительно въ жизни каждаго еврея. И такъ какъ необходимость существованія этого братства обусловливается обычаями народа, имѣющими значеніе и неприкосновенность закона, то поэтому братство погребателей существуетъ во всякомъ, даже малонаселенномъ, еврейскомъ обществѣ.

а) Общество погребателей состоитъ изъ почетныхъ членовъ онаго и „шамошимъ“. При вступленіи своемъ въ братство, почетные члены его обязаны представлять денежный взносъ, единовременный или годичный, по опредѣленію старостъ („габоимъ“). Кромѣ этого, они обязаны устраивать или большой („с'уда гедола“) для всѣхъ членовъ, или малый только для старшинъ („с'уда кетина“). „Шамошимъ“, по прямому значенію этого слова и по исполняемымъ ими обязанностямъ—прислужники общества. На ихъ обязанности лежитъ приготовленіе умершихъ къ похоронамъ и исполненіе самаго процесса похоронъ. Кромѣ этого, они созываютъ членовъ братства на собраніе и считаются вообще подчиненными „габоимъ“.

б) Въ завѣдываніи общества состоитъ кладбище, помѣщающееся гдѣ нибудь за городомъ. Смотря по средствамъ общества, оно бываетъ или окопано канавою или обведено прочною оградою, иногда каменною. При кладбищѣ бываетъ домъ, предназначенный для надсмотрщика („кабренъ“), обязанности котораго состоятъ въ соблюденіи чистоты и опрятности въ этомъ святомъ мѣстѣ и въ наблюденіи за цѣлостію надгробныхъ памятниковъ и досокъ („мацевосъ“, мавзолеевъ). Въ вознагражденіе за исполненіе своихъ обязанностей, „кабренъ“ получаетъ жалованье отъ членовъ общества и подарки отъ посѣтителей.

в) Ежегодно, наканунѣ „гошаны-раба“, въ 7 день праздника скинопигіи, члены братства собираются въ школу или синагогу, съ цѣлью избранія старшинъ и другихъ должностныхъ лицъ братства. Изъ кружки („калера“), въ которую предварительно кладутся небольшіе куски бумаги съ написанными на нихъ именами всѣхъ присутствующихъ членовъ, вынимаютъ *пять*. И такимъ образомъ выбаллотированные *боберимъ*, (избиратели) сами уже избираютъ 3-хъ старшинъ („габоимъ“): *габай-ришонъ* (первый старшина), *габай шени* (2-й) и *габай шлиши* (3-й). Каждому „габою“ назначается помощникъ-кандидатъ („бимкомъ“). Кромѣ старшинъ еще избираются *неемонъ* (повѣренный казначей), *роэ-хешбонъ* (контролеръ) и *палонтъ* (указывающій подобающее мѣсто покойнику на кладбищѣ). Хотя старшины управляютъ дѣлами братства поочередно, каждый помѣсячно, но должность перваго „габоя“ считается самою почетнѣйшею, второго—ниже, а третьяго еще ниже.

По выбаллотированіи 5 „боберимъ“, имена ихъ тотчасъ записываются въ

„пинкесъ“ (книга братства), а они уже заносятъ туда же имена вновь избранныхъ ими членовъ, и выбранныя лица извѣщаются объ этомъ чрезъ „шамеша“ въ наступающій праздникъ „шмина-ацеретъ“.

Наканунѣ слѣдующаго дня праздника „симхасъ-торы“ почти всѣ члены братства собираются въ домѣ „габая-ришона“, который подчуетъ все собраніе закускою, и оно провожаетъ его въ синагогу. Въ первую наступающую субботу, какъ принято во многихъ мѣстахъ, устраивается еще „с'уда“. Ширъ этотъ дѣлается на счетъ братства, въ домѣ „габая-ришона“.

г) У „габая-ришона“ или у казначея хранится главная книга братства „пинкесъ“, въ которую вписаны имена всѣхъ бывшихъ его членовъ, старшинъ и прочихъ должностныхъ лицъ, сначала существованія общества, отмѣчены значительныя пожертвованія и замѣчательныя происшествія, заслуживающія особеннаго вниманія. Также изложены правила („таканотъ“), когда либо оставленныя его членами (древность нѣкоторыхъ „пинкесовъ“ доходитъ до 2 вѣковъ). И хотя нѣкоторыя изъ правилъ, составленныхъ по духу прежняго времени, заключаютъ въ себѣ многое пригодное для руководства въ настоящее время, какъ наприм., размѣръ сбора за разрѣшеніе похоронъ мертваго и особенно изъ семействъ членовъ братства, но всѣ они не считаются обязательными, и габаи позволяютъ по произволу требовать громадныхъ сборовъ съ богатыхъ умершихъ — сборовъ, нерѣдко обременительныхъ и даже разорительныхъ для семейства покойника, не только непринадлежавшаго къ числу членовъ братства, но и принадлежавшаго къ нимъ. Вообще, точное исполненіе разъ постановленныхъ правилъ — рѣдкое явленіе въ еврейскихъ учрежденіяхъ. Однако, внесеніе въ „пинкесъ“ составляетъ лестный почетъ для каждаго еврея.

д) Къ источникамъ доходовъ братства относится: а) вознагражденіе за назначеніе (даже какого бы то ни было) мѣста на кладбищѣ; а такъ какъ „габаи“ опредѣляютъ размѣры этой платы по произволу, то съ богатыхъ семействъ они не посовѣстятся потребовать сотни рублей, особенно если богатый умершій мало участвовалъ при жизни въ расходахъ общества съ благотворительною цѣлью; б) различныя благотворительныя пожертвованія и, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, доходъ отъ общественныхъ бань (особенно тѣхъ, въ которыхъ есть теплая купальня, предназначенная для исполненія обряда миква).

Предметы расходовъ: покупка земли подъ кладбище и огораживаніе его; жалованье „кабрену“; траты на саваны и вообще на похороны умершихъ бѣдныхъ и, въ этомъ случаѣ, вознагражденіе „шамошимъ“. Общество также заботится объ устройствѣ и поддержкѣ школы, а иногда и содержитъ пріютъ для бѣдныхъ странниковъ („икдешъ“). Если же, въ минуту смерти неимущаго еврея,

въ кассѣ общества нѣтъ денегъ, то старшина обязанъ выдавать немедля, для необходимыхъ при погребеніи расходовъ, свои деньги, а принимающіе отъ него должность должны возвращать ихъ. Эти издержки выплачиваются кассою общества только тогда, когда, въ случаѣ смерти богатаго еврея, послѣдуетъ значительное вознагражденіе обществу за отводъ почетнаго мѣста на кладбищѣ, или же въ случаѣ поступленія значительнаго пожертвованія. Къ предметамъ расходовъ слѣдуетъ отнести также устройство годичнаго пира, о чемъ сказано выше. Ежегодно старшина отдаетъ отчетъ особо избираемымъ для этого счетщикамъ („роэ-хешбонъ“).

е) Разъ въ годъ, передъ праздникомъ Маккавеевъ, члены общества постятся цѣлый день, отправляя особенныя молитвы („селихосъ“), а вечеромъ въ домѣ старшины устроивается пиръ („с'уда“); тутъ богатѣйшіе обходятся съ бѣднѣйшими, какъ съ равными, какъ бы вознаграждая ихъ за тяжкіе труды цѣлаго года, но въ южныхъ и юго-западныхъ губерніяхъ этого обычая не соблюдается.

ж) Въ нѣкоторыхъ братствахъ погребателей имѣется особое отдѣленіе подъ названіемъ „хоролиносъ“, обязанность котораго ходить по ночамъ при опасно больномъ, утѣшать его семейство и проч., но въ здѣшнихъ губерніяхъ такого постояннаго отдѣленія нѣтъ. Только во время эпидеміи устраиваются съ этою цѣлью временные комитеты.

II. Какъ означено г. Берлиномъ, въ его очеркѣ этнографіи еврейскаго населенія въ Россіи 1861 года, существуетъ „братство хлѣбъ бѣднымъ“ („лехомъ эвіонимъ“), на обязанности старостъ котораго лежитъ раздача деньгами или наличнымъ хлѣбомъ бѣднымъ еврейскимъ семействамъ на субботу и дни праздниковъ. Доходы этого братства состоятъ изъ періодическихъ взносовъ его членовъ и другихъ пожертвованій деньгами и хлѣбомъ. Но, для снабженія мѣстныхъ бѣдныхъ хлѣбомъ и другими жизненными потребностями, какъ-то топливомъ и проч., въ юго-западныхъ губерніяхъ не учреждается особыхъ братствъ. Это составляетъ обязанность всего общества, и оно имѣетъ для этой цѣли такъ называемая „кицва“ (опредѣленная милостыня), въ которой участвуютъ всѣ состоятельные жители. „Кицвою“ завѣдуетъ раввинъ и другія извѣстныя своею добросовѣстностію свѣтскія лица безвозмездно. Въ началѣ года составляется подписка, по которой каждый состоятельный еврей обязуется, по своему собственному опредѣленію внести въ пользу „кицвы“ извѣстную сумму. Въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ нѣтъ правильной „кицвы“, такъ называемая пара (по еврейски — „пурелъ“), т. е. два человѣка изъ набожныхъ „бесъ-гамедрашниковъ“ обходятъ каждую пятницу всѣ дома сколько нибудь состоятельныхъ евреевъ и собираютъ добровольныя пожертвованія, которыя и раздаютъ бѣднымъ. Такими парами ходятъ по пятницамъ также и набож-

ныя женщины-старухи и собираютъ булки, которыя раздаютъ бѣднымъ на шабашъ. Они собираютъ также и деньги для покупки неимущимъ „куша“ т. е. деньги на пятницу, или „хетимъ-анеимъ“, т. е. „пшеницу для бѣдныхъ“, которыя собираются передъ праздникомъ пасхи и выдаются бѣднымъ для приготовленія опрѣсноковъ. Другой же дешевый ржаной хлѣбъ евреямъ употреблять воспрещается въ теченіи 8 дней праздника.

III. Братство „бикуръ-холимъ“, т. е. посѣщенія больныхъ, существуетъ тоже почти въ каждомъ еврейскомъ обществѣ. Это братство имѣетъ годичное засѣданіе, на которомъ избирается такой же комплектъ старшинъ и другихъ должностныхъ лицъ и по тому же порядку какъ и у „хевра кадиша“. Цѣль, главнымъ образомъ, — въ оказаніи всякой помощи больнымъ, неимущимъ евреямъ: содѣйствіемъ врача, отпускомъ медикаментовъ, улучшеніемъ пищи, а иногда и доставленіемъ средствъ семейству больнаго, если оно впадаетъ въ крайнюю нищету вслѣдствіе болѣзни главнаго своего члена. Въ богатыхъ и болѣе населенныхъ обществахъ, подъ вѣдомствомъ этого братства состоятъ особыя, даже правильно организованныя, больницы, съ докторомъ и аптекою. Источники доходовъ братства состоятъ изъ постоянныхъ годичныхъ взносовъ членовъ его (1, 2, 3 и 5 руб.) изъ временныхъ взносовъ при поступленіи въ братство (3, 5 и 6 руб.) и разныхъ временныхъ пожертвованій. Кромѣ этого, въ пользу братства дѣлаютъ взносы мужья родильницъ, когда ихъ призываютъ въ первую субботу по рожденіи къ чтенію торы („аліа“) и имъ читается „многая лѣта“. Также жертвуютъ въ пользу братства за здоровье другихъ больныхъ ихъ родители и родные.

IV. Въ богатыхъ, благоустроенныхъ обществахъ существуютъ братства „талмудъ-торы“ или „махзикей іесомимъ“ — (воспитаніе сиротъ), устроенныя съ разрѣшенія правительства. Цѣль этихъ братствъ — попеченіе о воспитаніи мальчиковъ-сиротъ и дѣтей самыхъ бѣдныхъ евреевъ. Такъ какъ средства такихъ обществъ всегда довольно значительныя, то не только обученіе дѣтей идетъ по извѣстной цѣлесообразной программѣ элементарнымъ еврейскимъ предметамъ, но и необходимымъ реальнымъ знаніямъ. Общество также заботится о матеріальныхъ нуждахъ бѣдныхъ питомцевъ: два раза въ годъ раздаютъ имъ одежду зимою и лѣтомъ, и каждый членъ братства кормитъ ихъ по очереди. Сиротъ, неспособныхъ къ книжному обученію, отдаютъ мастерамъ, а взрослымъ изъ нихъ братство помогаетъ жениться. Къ источникамъ доходовъ этого общества надо отнести приношенія членовъ братства и плату отъ богатыхъ родственниковъ умершихъ, за участіе сиротъ въ погребальной процессіи. Въ здѣшнемъ краѣ рессурсы этого братства вообще не значительны, и оно заботится только объ обученіи бѣдныхъ дѣтей чтенію и

объясненію библіи. Обученіе сказаннымъ предметамъ ведется весьма плохо. Что же касается стола и одежды сиротъ, то это не лежитъ на обязанности братства.

V. „Гемилусъ-хасодимъ“. Общества этого наименованія изъ пожертвованій своихъ членовъ составляютъ сумму, съ цѣлью производить безпроцентныя ссуды подъ залогъ или поручительство небогатымъ евреямъ, нуждающимся въ кредитѣ. Вновь поступающими ежегодными пожертвованіями покрываютъ дефицитъ и необходимые расходы по управленію общества. Въ поддержкѣ этого общества участвуютъ нерѣдко частные капиталисты, составляя и складывая особые капиталы въ „гемилусъ-хасодимъ“, чѣмъ значительно усиливаютъ благотворительную дѣятельность общества.

VI. Обычай евреевъ вести, всѣмъ безъ исключенія, брачную жизнь обусловливаетъ существованіе братства „гахносасъ-кала“, т. е. воспомоществованіе невѣстъ. Цѣль этого общества — помогать бѣднымъ евреямъ при вступленіи въ бракъ. Необходимыя издержки на брачную одежду и самый бракъ принимаетъ на себя братство. Во время сватьбы члены этого братства заступаютъ мѣсто родителей, исполняютъ всѣ родительскія обязанности и благословляютъ новобрачныхъ, если бѣдные новобрачные не имѣютъ таковыхъ. Молодые люди, члены этого братства, отличающіеся знаніемъ музыки, составляютъ оркестръ и съ полною готовностію играютъ на сватьбахъ бѣдныхъ, безродныхъ сиротъ, неимѣющихъ средствъ нанимать музыкантовъ.

Братство „малбишъ арумимъ“, т. е. одѣваніе нагихъ, имѣетъ цѣлью снабжать одеждою самыхъ бѣдныхъ евреевъ, особенно женщинъ, въ зимнее холодное время.

VII. Братство „пацъ“ или „поале-цедекъ“, т. е. честные дѣятели. Нѣкоторыя указанія поддерживаютъ то предположеніе, что торгующее сословіе евреевъ въ прежнія времена жило въ разладѣ съ ремесленнымъ, и что первое, должно быть, присвоило себѣ превосходство надъ послѣднимъ и отдѣлилось отъ него. Во многихъ обществахъ братство „паце“ содержитъ особенный свой молитвенный домъ и имѣетъ поддерживать связь въ своемъ сословіи. Оно составляетъ родъ цеховаго управленія и разбираетъ маловажные споры между работниками и мастерами.

Примѣчаніе. Братства „Гемилусъ-хасодимъ“, „гахносасъ-кала“ и „малбишъ арумимъ“ существуютъ не во всѣхъ еврейскихъ обществахъ, а въ здѣшнемъ Юго-Западномъ краѣ рѣдко гдѣ и встрѣчаются. Тоже самое можно сказать и о братствѣ „поале-цедекъ“, которое заслуживаетъ больше названія ремесленной корпораціи, чѣмъ благотворительнаго братства.

VIII. Братство „хебра мишнаіотъ“ или „хебра шасъ“ (братство Мишны или братство талмуда; „шасъ“ состоитъ изъ начальныхъ буквъ словъ *Шиси-Седримъ*, т. е. шесть отдѣловъ, на которые раздѣлены Мишна и талмудъ). Эти ученыя братства очень распространены. „Хебри шасъ“ завѣдуетъ школьною библіотекою, старается обогащать и поддерживать оную. Большую часть членовъ этого братства составляютъ ученые и свѣдущіе въ талмудѣ и его дѣйствительные члены, такъ сказать, „бесъ-гамедрашники“. Гдѣ число этихъ членовъ значительно, тамъ каждый изъ нихъ беретъ на себя обязанность пройти въ теченіи опредѣленнаго періода одинъ или нѣсколько трактатовъ Мишны и талмуда и, такимъ образомъ, проходится всѣми въ совокупности весь талмудъ или Мишна. По окончаніи Мишны, прочитывается въ присутствіи всѣхъ этихъ ученыхъ членовъ послѣднее мѣсто послѣдняго трактата, потомъ читаются установленныя краткія молитвы о благоденствіи ученой братіи и заканчиваютъ все это легкою закуской. Это называется праздновать „сіумъ“ (окончаніе). „Сіумъ“ же всего талмуда бываетъ на ежегодномъ общемъ собраніи братства и празднуется особо устраиваемымъ для собранія пиромъ. Впрочемъ, и этотъ пиръ бываетъ очень скромный. На этомъ же собраніи избираются посредствомъ „калфы“ и „бореримъ“ три старшины братства, „неемонъ“ и „роэ-хешбонъ“. Источники этого братства состоятъ изъ ежегодныхъ небольшихъ взносовъ членовъ его (75 к.—1 р. 50 к.) и вознагражденія за чтеніе Мишны въ домахъ горюющихъ по умершимъ родителямъ. Предметы же расходовъ—покупка новыхъ и поддержка старыхъ книгъ, а если братство имѣетъ значительныя средства, то пріобрѣтаетъ для школы писанный свитокъ библіи (за 100—150 р.). Каждая школа или „бесъ-гамидрашъ“ имѣетъ свое братство „шасъ“.

Кромѣ этого, есть другія духовныя братства, имѣющія исключительно благочестивыя цѣли, какъ-то: братство „тилимъ“, т. е. читающее псалтырь, „шомримъ лабокеръ“, т. е. рано встающее и читающее разныя молитвы. Эти братства не многочисленны.

Цадики.

Въ первой половинѣ XVIII вѣка, когда аскетизмъ польскихъ евреевъ дошелъ до высшей степени своего развитія, когда они, тѣснимые самыми неблагопріятными для нихъ условіями соціальными и политическими, искали утѣшенія въ мистическихъ догматахъ адептовъ Шабатей-Цви *), изнуряли

*) Лже-Мессія, распространившій свое ученіе въ концѣ XVII вѣка, въ царствованіе Леопольда I, родился въ Смирнѣ 1641 г. (См. „Разсвѣтъ“ № 21, стр. 341 и № 22, стр. 356. 1860 г.).

себя постомъ и молитвою, занимаясь постоянно изученіемъ кабалистическихъ толкованій Талмуда и съ религіознымъ фанатизмомъ приготовлялись къ принятію Мессіи, молва о скоромъ пришествіи котораго все больше и больше распространялась. — въ 1720 годахъ, въ Подольской губерніи явился „праведникъ", „цадикъ" — Ребби Израиль-Баль-Шемъ-Товъ *) или сокращенно Бештъ. Онъ самъ себя назвалъ „цадикомъ", надѣленнымъ отъ Господа высшею, чудодѣйственною силой, и, съ его легкой руки, названіе это сдѣлалось наслѣдственнымъ въ нѣсколькихъ еврейскихъ семействахъ, потомки которыхъ и понынѣ пребываютъ въ званіи цадиковъ, эксплуатируя всѣхъ и все, и въ особенности своихъ же единовѣрцевъ, въ глазахъ которыхъ, всѣми правдами и неправдами, стараются окружить себя ореоломъ святости, приплетая, при всякомъ удобномъ случаѣ, ночные разговоры съ Богомъ, видѣнія во снѣ, голоса съ неба и тому подобныя басни, опираясь главнымъ образомъ на своихъ учениковъ, носителей ихъ ученій, которыя этимъ же самимъ ученикамъ служатъ источникомъ благосостоянія, такъ какъ невѣственно-наивный еврей спѣшитъ по возможности щедро надѣлить цадика, съ цѣлью предрасположить его самого въ свою пользу, и тѣмъ самымъ низвести на домъ свой милость Божію, неразлучную, по его мнѣнію, съ благоволеніемъ къ нему цадика.

Исключительное положеніе евреевъ среди окружающаго его христіанства привело ихъ къ той плотно-замкнутой міровой корпораціи іудаизма, которую мы видимъ въ концѣ VII ст. и которую, въ силу повсемѣстнаго гнета извнѣ и религіозно-національнаго единства, они такъ упорно и съ такою настойчивостью поддерживали, хотя быть можетъ и не всѣ члены этой корпораціи были довольны тѣмъ, чего такъ строго придерживались. Мы говоримъ это потому, что ученіе Бешта (разсказывавшаго ученикамъ о путешествіи своей души на небо), предоставлявшее своимъ послѣдователямъ право чувственныхъ наслажденій, уклоненій отъ строгости закона, въ самое непродолжительное время охватило край и вызвало громадное число послѣдователей, большею частью состоявшихъ изъ молодежи, основавшей подъ руководствомъ своихъ первыхъ учителей много общинъ, въ которыхъ они сами сдѣлались учителями и цадиками.

Бештъ умеръ въ 1760 году, оставивъ потомству „Сеферъ-Гамидотъ" — книгу нравовъ, изданную однимъ изъ потомковъ его Реббе-Нахманомъ. Главная задача этой книги — нравственная сторона жизни, какъ показываетъ самое заглавіе; главная суть этой задачи — человѣкъ способенъ обладать

*) Баль-Шемъ родился въ Молдавіи; потомъ жилъ въ разныхъ городахъ Польши.

высшею чудодѣйственною силой, но силой этою не всякому приходится владѣть, а она достается избраннымъ, только тѣмъ, кто святостію жизни и мудростію достигнетъ нравственнаго совершенства и чистоты, а эти качества преимущественно и присущи его, Бешта, потомкамъ и первымъ ученикамъ.

Единственный правильный истолкователь талмуда, ближайшее лицо къ Богу, передъ престоломъ котораго онъ ходатайствуетъ за своихъ единовѣрцевъ,—цадикъ стоитъ по отношенію къ народу на недосягаемомъ пьедесталѣ, распоряжаясь безконтрольно всѣмъ существомъ хасида, его семейства и имущества. Считая и постановляя какъ догматъ, что всякое малѣйшее проявленіе въ евреѣ мудрствованія, науки, есть ядъ, отравляющій душу благочестиваго хасида; строго воспрещая даже прикасаться къ ученымъ,—„Сеферъ-Гамидотъ“ ставитъ преграду всякой возможности проникнуть духу изслѣдованія въ еврейскую массу, говоря, что только одинъ цадикъ можетъ сказать слово истины, что только одинъ онъ, всевѣдущій, въ состояніи разрѣшить всѣ сомнѣнія, отклонить всякое несчастье, и единственно къ нему одному должно обращаться за совѣтами и разъясненіями и чтить его даже тогда, когда онъ грѣшитъ.

Ученіе Бешта, заповѣданное народу въ его „Сеферъ-Гамидотъ“ и съ такимъ энтузіазмомъ пропагандируемое его потомками и учениками, главнымъ образомъ служило къ образованію какъ-бы отдѣльной секты — цадикимъ. Связь этого ученія съ древнимъ преданіемъ талмуда о „ламедъ-вуф'ахъ“ *), идеалахъ святости, придала ему еще болѣе вѣса и закрѣпила его въ массѣ. Преданіе о „ламедъ-вуф'ахъ“ служитъ связующимъ началомъ еврейской массы; оно, по всей вѣроятности, родило въ евреѣ уваженіе къ личности своего соплеменника, вызвало ту, всѣмъ извѣстную помощь другъ-другу у евреевъ, начало которой быть-можетъ есть опасеніе, отказавъ въ помощи, не наткнуться на „ламедъ-вуф'а“. Святѣйшій изъ всего еврейства есть цадикъ. Поэтому, сопоставляя догматы о цадикѣ и „ламедъ-вуф'ахъ“, еврей, весьма естественно, приходитъ къ заключенію, которое и фигурируетъ у него почти какъ догматъ—не есть ли цадикъ одинъ изъ „ламедъ-вуф'овъ?“

Страшное невѣжество евреевъ, альфа и омега образованія которыхъ „хедеръ“, съ его первенствующимъ представителемъ меламедомъ (за-частую занимающимъ эту должность единственно по неспособности ни къ какому другому занятію), закрѣпляло исподоволь въ массѣ разныя самыя несообразныя

---

*) „Ламедъ-вуф'ы“ это 36 (число 36 опредѣлено Богомъ и измѣнено быть не можетъ) праведниковъ, которые находятся во всякомъ поколѣніи (еврейскомъ). Въ минуту смерти одного слѣдуетъ возрожденіе другого, такъ что порядокъ міра не нарушается. Міръ о „ламедъ-вуф'ахъ“ знаетъ только, что они существуютъ, но кто они—того не знаетъ.

ученія, которыя окончательно сформировались въ доктрину о цадикахъ, или, какъ ихъ еще называютъ, „реббе“.

На долю Кіевской губерніи (200,000 евреевъ) досталось быть разсадникомъ и центромъ цадикизма. О Бердичевѣ нечего и говорить: онъ искони уже называется „новымъ Іерусалимомъ“, столицею іудаизма. Цадики Сквиры, Чернобыля, Черкассъ, Тального пользуются особенною популярностію въ еврейскомъ мірѣ.

Хасиды, разсѣянные по всему западно-русскому краю, не группируются, однако, около какого нибудь одного цадика; а каждая мѣстность имѣетъ своего, котораго чтитъ и предъ святостью котораго единственно преклоняется, не отрицая, впрочемъ, въ тоже время нисколько святости другихъ цадиковъ, извѣстныхъ въ хасидскомъ мірѣ даромъ чудодѣйствія. Каждый изъ „реббе“ настолько гордъ, что не захочетъ подчиняться своему собрату, да и самые послѣдователи не допустили бы его до этого. „Нашъ реббе самый важный“ говорятъ они, какъ бы незначителенъ онъ ни былъ *). Каждый „реббе“ хочетъ быть звѣздой первой величины; онъ неохотно слушаетъ, если разсказываютъ что нибудь хорошее про другого „реббе“; чудеса, которыя передаютъ ему о другихъ „реббе“, возбуждаютъ въ немъ зависть, и онъ ни предъ чѣмъ въ мірѣ не остановится, чтобы только затмить славу своего товарища. („Сіонъ“ 1862 года № 30). Борьба между ними постоянна, и ведется съ ожесточеніемъ: все пускается въ ходъ для достиженія побѣды.

Цадики не рѣдко селятся вблизи другъ-друга, а потому и владѣнья ихъ не могутъ быть очень обширны, вслѣдствіе этого случается за-частую такъ, что хасиды, живущіе въ районѣ одного цадика, по своимъ религіознымъ убѣжденіямъ принадлежатъ въ тоже время къ адептамъ другого цадика.

Вслѣдствіе значительности количества цадиковъ, страна, занимаемая хасидами, кромѣ административнаго дѣленія, имѣетъ еще дѣленіе на большіе или меньшіе округи, центромъ которыхъ служитъ резиденція цадика.

Округи эти составляютъ ихъ приходы, религіозныя владѣнія.

„Такъ какъ власть и достоинство цадиковъ со всѣми ея аттрибутами переходитъ наслѣдственно, не только въ нисходящей линіи, но и передается по свойству, то завѣтное, мистическое число праведниковъ „ламедъ-вуф'овъ“ въ дѣйствительности не сохраняется, и наличный составъ хасидскихъ цадиковъ далеко превосходитъ число талмудомъ назначенное. Дѣти каждаго цадика уже по рожденію своему преемственно получаютъ его достоинство,

---

*) Когда случай сведетъ вмѣстѣ нѣсколькихъ хасидовъ, приверженцевъ разныхъ „праведныхъ“, то, когда одинъ разсказываетъ о своемъ цадикѣ, остальные должны ему вѣрить, чтобы онъ ни говорилъ, если хотятъ, чтобы—въ свою очередь—и имъ повѣрили.

ихъ зятья и другіе родственники освящаются союзомъ съ нимъ и, въ свою очередь, становятся въ глазахъ толпы цадиками; наконецъ, лица, не принадлежащія къ категоріи цадиковъ, случайными обстоятельствами и переворотами не рѣдко выбрасываются изъ толпы и похищаютъ достоинство „праведнаго“. При легковѣріи и невѣжествѣ хасидовъ, при ихъ фанатизмѣ и страсти къ чудесному, подобныя узурпаціи власти цадика случались неоднократно.

„Многимъ памятенъ подобный случай въ 1848 году во время холеры, возбудившей волненіе въ Бердичевѣ. Сильная смертность, истребившая около ½ населенія еврейскаго, привела народъ въ отчаяніе и уныніе. Евреи прибѣгали къ вѣрѣ—единственному въ горѣ утѣшенію. Синагоги полны были народомъ. Въ это время сапожный подмастерье, бѣднякъ, но ловкій пройдоха, наскучивъ тяжелымъ трудомъ тачать сапоги, рѣшился воспользоваться обстоятельствами и въ синагогѣ, во время общаго смятенія и плача, выступивъ среди запуганныхъ холерою евреевъ—заявилъ себя „ламедъ-вуф'омъ“. Онъ разсказалъ, что видѣлъ ночью видѣнье и слышалъ голосъ свыше, призывающій его для спасенія соплеменниковъ на мѣсто гдѣ-то умершаго „ламедъ-вуф'а„. Народъ пришелъ въ религіозный экстазъ, съ восторгомъ и вѣрою внималъ его рѣчи, на рукахъ торжественно обнесъ его вокругъ города и, по указанію его, въ разныхъ мѣстахъ закопалъ девять ножей для избавленія отъ холеры.

„Холера не уменьшилась, но надежда оживила упавшій духомъ народъ, и, носимый на рукахъ изъ дома въ домъ, новый цадикъ несъ каждому надежду исцѣленія, одѣлялъ амулетами и талисманами и, собравъ значительныя приношенія, скрылся въ Остзейскія губерніи отъ полиціи и обманутыхъ хасидовъ *)“.

Въ интересной по своимъ свѣдѣніямъ брюшюркѣ г. Н. Сторожевскаго, изъ которой мы привели выше небольшую выдержку, указаны главные роды цадиковъ:

„Каждый изъ нихъ, говоритъ г. Сторожевскій въ заключеніе, славится извѣстною спеціальностью, въ которой авторитетъ его въ глазахъ хасидовъ неоспоримъ. Одинъ—миротворецъ и рѣшитель всѣхъ споровъ и тяжебъ, другой вѣдаетъ семейную сторону жизни хасида: безплодье жены, недуги тѣлесныя, супружеское спокойствіе и т. п., разрѣшаются и утверждаются его благословеніемъ и амулетами; третій, какъ наприм. Ицко Кеслеръ, безапелляціонно рѣшаетъ всѣ вопросы, касающіеся до употребленія пищи, до признанія ея трефною или кошерною, вопросы въ быту еврея весьма важные, такъ какъ колонье („шахъ“) и разсматриванье убитаго животнаго („бедика“)

*) „Хасиды“ г. Н. Сторожевскаго, стр. 23—25.

сопровождается особыми обрядами на основаніи правилъ талмуда и особыми экзаменованными „рѣзаками“ *).

Чтобы объяснить себѣ такое безапшеляціонное поклоненіе, безграничную довѣренность и упованіе хасида по отношенію къ тому или другому цадику, необходимо знать ту фанатическую преданность къ вѣрѣ предковъ, которая характеризуетъ всѣ классы, полы и возрасты „Богомъ избраннаго народа“.

Фундаментъ силы цадика составляютъ не его личныя качества, не его заслуга на пользу общества, а единственно—святость происхожденія, въ которую такъ упорно вѣруетъ хасидъ, невѣжество котораго дальновидные цадики такъ старательно поддерживаютъ, очень хорошо понимая, что, съ развитіемъ образованія, падетъ ихъ авторитетъ и слава.

Поэтому-то хасиды имѣютъ весьма скудное понятіе обо всемъ, не относящемся прямо къ ихъ сектѣ, хотя строго говоря—и тутъ они очень мало смыслятъ.

Не далеко отъ нихъ ушли и боготворимые ими цадики.

„Они мало обращаютъ вниманіе на всѣ сочиненія религіозно-философическаго, нравоучительнаго, или поэтическаго содержанія, на еврейскую грамматику, на толкованіе библіи и т. д., и это-то и есть дѣйствительная причина, почему у нихъ нѣтъ такихъ литературныхъ знаменитостей, какъ у другихъ евреевъ. Даже можно сказать, у нихъ вовсе нѣтъ ни какой литературы, потому что то немногое, что было ими напечатано, исключительно благочестиво-мистическаго содержанія, и написано ужаснымъ языкомъ, не имѣетъ никакого литературнаго достоинства и, по справедливости, не можетъ быть названо литературой. Чтобы быть хасидомъ и цадикомъ, нѣтъ надобности быть ученымъ, потому что на это не обращаютъ никакого вниманія, и это не даетъ никакого преимущества предъ другими. Вотъ образчикъ невѣжества реббе. „Когда я разъ имѣлъ счастіе быть допущенъ къ реббе I. въ P.“, разсказывалъ мнѣ одинъ изъ друзей моихъ, „я спросилъ его, читалъ-ли онъ „Маре-Небохимъ-Рамбама“ (Маймонида **)? Да, отвѣтилъ реббе, книга эта находится въ моей библіотекѣ. У меня есть она, возразилъ ему мой другъ, съ комментаріями раби Саади гаона (этотъ гаонъ жилъ 200 лѣтъ до Маймонида). Да, сказалъ реббе, комментарій долженъ быть превосходный, когда онъ написанъ такимъ знаменитымъ мужемъ“. Вотъ до какой степени доходитъ ихъ невѣжество ***)!

„Каждый хасидъ и самъ цадикъ сознаютъ свою слабую сторону, и потому благоразумно избѣгаютъ всякаго спора о предметахъ науки; а если не-

---

*) „Хасиды“ г. Н. Сторожевскаго, стр. 26—27.

**) Еврейскій богословъ-философъ, жившій въ XII-мъ вѣкѣ (1135—1204).

***) „Сіонъ“ 1862 года, № 28, стр. 439.

ожиданно они попадаютъ на такой диспутъ, то они умѣютъ очень ловко выпутываться изъ бѣды; они отдѣлываются уклончивыми отвѣтами, и такимъ образомъ избѣгаютъ опасности спутаться. Вотъ что́ разсказываютъ о самомъ Р. Израилѣ Бааль-Шемѣ. Когда онъ пришелъ въ Броды, нѣсколько молодыхъ людей хотѣли заданнымъ ему вопросомъ поставить его въ тупикъ, и такимъ образомъ показать всѣмъ его несостоятельность въ казуистическомъ и талмудическомъ знаніи. Они послали къ нему „шамеса“ (синагогальнаго слугу) отъ имени всей синагоги просить его разрѣшить одинъ казуистическій вопросъ („шаала“), возникшій по поводу слѣдующаго случая: „хазанъ“ (канторъ) забылъ, будто-бы, въ день Рошъ-Ходеша (первый день мѣсяца) молитву iaale veiabe. Бааль-шемъ тотчасъ догадался о цѣли вопроса, и сказалъ шамесу: „Скажи господамъ, пославшимъ тебя, что каждый изъ насъ выше этихъ мелочей: намъ никогда ничего подобнаго не случается; мы никогда не забываемъ того, что́ намъ должно говорить или дѣлать: цадика не можетъ постигнуть никакая ошибка. Это можетъ случиться только съ подобными имъ, а потому между своими пусть и ищутъ наставленія и разрѣшенія“ *).

Въ видѣ закрѣпленія за собою расположенія массы и пріобрѣтенія популярности, цадики свое святое происхожденіе подкрѣпляютъ ширами и пирушками, которые они исподоволь даютъ своимъ поклонникамъ на награбленныя у нихъ же деньги, подъ видомъ разныхъ благостынь, якобы угодныхъ Богу. Обстановка цадика роскошна, въѣзды парадны; онъ содержитъ свиту и многочисленную прислугу. Онъ издерживаетъ большія деньги на праздничныя (какъ, напр., передъ Рошъ-Гашаномъ — новымъ годомъ) и субботнія („шулесъ-сюдесъ“ **) угощенія; деньги эти онъ сторицею возвращаетъ опять съ тѣхъ же недогадливыхъ хасидовъ, которые имѣли счастье (или несчастье) присутствовать за столомъ цадика.

Зная свою паству, свое на нее вліяніе и всѣ тончайшіе способы эксплоатаціи, цадикъ заранѣе можетъ опредѣлить свой бюджетъ наступающаго года, почти не ошибаясь. Этому въ особенности помогаетъ ему, во-первыхъ, то, что его тайная и всегда исправная полиція (понятно: „рука руку моетъ“) сообщаетъ ему самыя подробныя свѣдѣнія относительно экономическаго положенія того или другого члена его паствы, что́ даетъ цадику возможность имѣть постоянно опредѣленные доходы; во вторыхъ, такъ называемые, случайные (не для цадика, конечно) источники доходовъ, зависящіе отъ различныхъ обстоятельствъ.

---

*) Тамъ же 440 стр.

**) Три-ядѣніе, третья ѣда—это у хасидовъ считается временемъ милости.

Изъ первыхъ, т. е. опредѣленныхъ, доходовъ цадика извѣстны mamodes и „палестинскій сборъ“. „Мамодесъ“ есть обязательная подать, которую хасидъ ежегодно исполняетъ съ аккуратностію. Налагается она цадикомъ пропорціонально средствамъ хасида. Minimum этой подати есть мистическое число 18 злотыхъ, maximum же зависитъ отъ доброхотства хасида и достигаетъ весьма значительныхъ кушей.

Палестинскій же сборъ, придуманный изобрѣтательностію „праведныхъ“ яко бы для вспомоществованія палестинскихъ евреевъ, не завися ни отъ чьего контроля, поступаетъ, само собою разумѣется, въ собственность цадика.

Къ случайнымъ доходамъ относятся: „пидіонъ“ —родъ папскихъ индульгенцій, имѣющихъ, по мнѣнію хасида, чудодѣйственную силу. Впрочемъ, этотъ родъ сбора по свой дороговизнѣ не въ особенномъ ходу у евреевъ, практичность которыхъ проникла даже и въ религію. „Гезера“, означающая указъ, или вообще извѣстное постановленіе правительства, касающееся вообще евреевъ и имѣющее цѣлью какую либо реформу ихъ соціальнаго и политическаго быта. Такихъ реформъ закоренѣлый хасидъ боится какъ огня и, въ случаѣ, если о нихъ начинаетъ ходить слухъ, онъ, запасшись болѣе или менѣе солиднымъ кушемъ, спѣшитъ на поклонъ къ цадику, вполнѣ увѣренный, что тотъ въ состояніи предотвратить показавшуюся на горизонтѣ тучу.

Кромѣ того у цадиковъ есть еще много экстренныхъ доходовъ, которые подсказываетъ имъ вдохновеніе, часто ихъ посѣщающее на этотъ счетъ.

Однимъ словомъ, они тянутъ изъ богобоязливаго хасида, какъ говорится, послѣднія жилы, для удовлетворенія своей мамонѣ и дѣйствуютъ въ этомъ отношеніи до того тонко и тактично, что жертвы ихъ, не подозрѣвая страшной эксплоатаціи, которой онѣ подвергаются, вполнѣ увѣрены въ необходимости этихъ сборовъ и производятъ взносы безъ ропота, безъ апелляціи.

Талмудъ учитъ: что̀ цадикъ постановилъ, то и сбудется; что онъ — владыка всеразрѣшающій, онъ можетъ отмѣнить рѣшеніе Господне и дать ему то или другое направленіе, единственно потому, что хасидъ, считающій талмудъ „книгою книгъ“ вѣритъ въ это ученіе и поклоняется цадику до обожанія.

„Самопожертвованіе и сочувствіе хасидовъ къ цадику въ настоящее время выразилось не менѣе оригинально. Въ октябрѣ сего года (1867), внукъ Черкасскаго и Любавичскаго цадиковъ, слѣдовательно и самъ цадикъ, живущій въ Житомірѣ, заболѣлъ. Приглашены лучшіе врачи, посланы къ цадикамъ 3-хъ губерній телеграммы объ исцѣленіи, а къ ближайшимъ послы, но болѣзнь не дождалась отвѣтовъ. Смущенные хасиды для спасенія свя-

таго придумали средство. Собравшись у постели больнаго „раби“, они составили актъ, по которому каждый даритъ ему по одному году своей жизни. Актъ этотъ всѣ подписали собственноручно и положили больному подъ подушку, въ полной увѣренности, что ангелъ смерти, увидя подобную отсрочку, не посмѣетъ коснуться его. Однако, говоритъ корреспондентъ „Современной Лѣтописи“, эта оригинальная дарственная запись не достигла цѣли, и цадикъ скончался на 26 году жизни“ *).

Интересный случай въ этомъ же родѣ разсказанъ Каменецъ-Подольскимъ корреспондентомъ „Разсвѣта“ (1861, № 45, стр. 722). Вотъ этотъ разсказъ: „Нашествіе ребъ-Дувидуню на бѣдный Тульчинъ не лишено, однакожъ, нѣкоторый чудесности. Вотъ какая молва распространилась въ мѣстечкѣ передъ пріѣздомъ цадика. Когда великій ребъ-Дувидуню былъ въ Одессѣ, одного еврея вольнодумца взяла не-легкая украсть у него палку. Немедленно послѣ выѣзда цадика, упомянутый вольнодумецъ былъ вдругъ разбитъ параличомъ: у него отнялись языкъ, руки и ноги. Спохватившись и смекнувъ, что это кара Божія постигла его за совершенное имъ святотатство, бѣдный грѣшникъ, въ присутствіи всѣхъ его окружавшихъ, самъ признался въ своемъ преступленіи и немедленно написалъ письмо къ цадику. Замѣтьте, и тутъ чудо: онъ *признался* и *написалъ* языкомъ и руками, *пораженными параличемъ*. Письмо это, какъ единственное средство, могущее спасти его отъ неизбѣжной гибели, вмѣстѣ съ украденною палкою и 25-ю рублями, для пріобрѣтенія индульгенціи за свой тяжкій грѣхъ, онъ самъ пошелъ (отнятыми ногами?) отправить по почтѣ въ Тальное—резиденцію ребъ-Дувидуню. И что же? Не успѣла еще посылка эта прибыть къ мѣсту назначенія, какъ нашъ раскаявшійся грѣшникъ совершенно выздоровѣлъ: онъ опять могъ свободно шевелить языкомъ, махать руками и ступать ногами!!!“

Прежде, когда цадики строго преслѣдовались властями и находились постоянно подъ вліяніемъ страха, то для того, чтобы объѣхать свою епархію (для сбора податей), просвѣтить своихъ поклонниковъ и укрѣпить ихъ вѣру въ себя (т. е. цадика), они всегда путешествовали подъ именемъ купцовъ, повѣренныхъ или управляющихъ. Они боялись открыто называть себя цадиками, въ виду полиціи, которая ихъ постоянно преслѣдовала, зная очень хорошо какого рода эти купцы и чѣмъ они торгуютъ. Но цадикъ, вполнѣ увѣренный на большую жатву щедротъ своихъ приверженцевъ, въ свою очередь платитъ не скупясь полиціи, и, получивъ право на свободный

*) „Хасиды“ Стороженскаго, стр. 39.

проѣздъ, онъ съ пышностью отправляется въ путь, сопровождаемый большою свитой. Вездѣ, гдѣ только онъ ни является, между хасидами распространяется неописанная радость и ликованіе.

Едва пронесется молва о посѣщеніи того или другого города или мѣстечка „праведнымъ“, какъ все населеніе начинаетъ волноваться. Идутъ приготовленія, сходки, совѣщанія, всѣ лица веселы, выражаютъ ожиданіе чего-то необыкновеннаго, радостнаго. Спросите у хасида, чего ради онъ такъ праздниченъ—онъ или отвѣтитъ съ наивно-дѣтскою радостью вамъ, что, молъ, ему скоро придется сподобиться лицезрѣть ребе такого-то, или же просто окинетъ васъ недоумѣвающимъ взглядомъ, какъ профана, незнающаго всей торжественности наступающей минуты.

Сдержанный, экономный хасидъ, живущій все время впроголодь, ведущій до крайности, до лишенія умѣренную жизнь, въ которой сильныя ощущенія никогда не имѣютъ мѣста — во время посѣщенія города, въ которомъ онъ живетъ, цадикомъ—раскошеливается и, забывая все на свѣтѣ, все прошедшее, начинаетъ жить исключительно вдохновеніемъ единственно для своего святаго; даже къ цѣли своего существованія, къ своимъ кровнымъ денежкамъ,—онъ начинаетъ относиться съ какою-то легкостью, начинаетъ тратить ихъ зря, и какъ намъ разсказывали очевидцы, случалось подчасъ такъ, что все заработанное въ теченіе многихъ лѣтъ хасидъ спускалъ въ одинъ пріѣздъ цадика, передъ которымъ онъ хотѣлъ заявить свое къ нему усердіе.

„Бороды вытянуты, выглажены и исправно раздѣлены на свои двѣ полосы; кафтаны сомнительнаго цвѣта стали чище обыкновеннаго; при входѣ въ обитель каждаго хозяина замѣтна какая-то особенная, дотолѣ небывалая опрятность: вмѣсто грязи по колѣно, полъ усыпанъ желтымъ пескомъ,—словомъ, все перемѣнилось, благодаря нетерпѣливому ожиданію каждымъ хозяиномъ великаго посѣщенія праведнѣйшаго цадика. Значитъ, нѣтъ худа безъ добра“ *).

Однимъ словомъ, жизнь хасида на время пріѣзда цадика выходитъ изъ обыкновенной колеи и, очертя голову, онъ начинаетъ неистовствовать и на всѣ лады подражать своему идолу.

Самые богатые изъ мѣстныхъ жителей отводятъ „праведному“ въ своемъ домѣ помѣщеніе, считая это для себя величайшею честью, и кичливости ихъ нѣтъ границъ, если ребе удостоитъ принять отъ нихъ какой либо (не денежный, податной) подарокъ.

Въ свою очередь, хасидъ бываетъ несказанно счастливъ, если ребе по-

---

*) „Разсвѣтъ“, 1861 года, № 45, стр. 722.

даритъ его чѣмъ либо „на счастье“. Подарокъ этотъ — обыкновенно небольшая монета и, въ большей части случаевъ, съ дырочкой, — хассидъ не промѣняетъ ни за какія сокровища въ мірѣ.

Движеніе небывалое. На улицахъ вы можете встрѣтить такихъ личностей, которыхъ не увидите ни въ какое другое время, какъ бы давно ни жили вы въ томъ городѣ или мѣстечкѣ. Во все время пребыванія цадика, домъ, занимаемый имъ, окруженъ съ утра до поздней ночи толпами „благочестивыхъ“, жаждущихъ доступа къ „праведному“.

„Не легокъ этотъ доступъ благочестивому хасиду. Двери завѣтныя охраняются прислужниками цадика — „габаимъ“, и пока хасидъ пройдетъ чрезъ цѣлый строй этихъ тѣлохранителей и предстанетъ „предъ свѣтлыя очи праведнаго“ — карманы его потерпятъ сильное опустошеніе. Не даромъ же имъ позволяется глядѣть и на свѣтлый ликъ святаго.

„При посѣщеніи цадика, самый незначительный городъ или мѣстечко, населенное, по видимому, одними бѣдняками, пролетаріями, которыхъ экзекуціею нельзя заставить уплатить казенную недоимку, сносятъ мгновенно желанному гостю иногда 1000, 2000 и болѣе рублей“ *).

Разнообразна масса скучившихся около дома цадика; разнообразны и цѣли ихъ прихода. И чего бы хасидъ ни просилъ у цадика, онъ вполнѣ увѣренъ, что его просьба будетъ исполнена. Да оно и не мудрено, потому цадики, подобно древне-греческимъ оракуламъ, такъ ловко умѣютъ въ данномъ случаѣ изворачиваться и говорить такъ загадочно, что сказанной имъ фразѣ можно придать какое угодно значеніе, смотря потому, на-сколько она оправдается; напримѣръ цадикъ говоритъ хасиду: „ты скоро будешь очень счастливъ“. Разъясненія этой фразы хасидъ у своего патрона не смѣетъ требовать, а терпѣливо ждетъ предсказаннаго счастья. Ждетъ мѣсяцъ — два, а счастья нѣтъ, какъ нѣтъ, — положеніе его нисколько не измѣняется къ лучшему. Вдругъ внезапно заболѣваетъ его ребенокъ и, промучившись сутки, умираетъ; за нимъ другой, тамъ третій... Бѣднякъ ошеломленъ, ибо не ожидалъ ничего подобнаго. Онъ невольно начинаетъ роптать; онъ сѣтуетъ и жалуется предъ своими единовѣрцами на „праведнаго“, такъ жестоко обманувшаго его... Но тутъ, на выручку реббе, является другой хасидъ, который начинаетъ убѣждать несчастнаго отца, что если реббе и предсказалъ ему счастье, то это счастье дѣйствительно и послѣдовало, и только, дескать, его отуманенное мірскими страстями родительское сердце не видитъ это. Удивленный отецъ недоумѣваетъ. Ревностный послѣдователь цадика весьма серь-

---

*) Сторожевскій, стр. 41—42.

езно начинаетъ ему доказывать, что смерть дѣтей потому уже для него счастье, что освобождаетъ его, бѣдняка, отъ лишнихъ расходовъ на содержаніе такого многочисленнаго семейства. Во-вторыхъ, кто знаетъ, что̀ было бы изъ его дѣтей, если бы они выросли? Быть можетъ, ихъ жизнь была бы однимъ безконечнымъ рядомъ различныхъ бѣдствій для родителей, тогда какъ теперь они, по всей вѣроятности, у престола Всевышняго и наслаждаются всѣми благами небесной жизни. И такъ далѣе, въ этомъ родѣ. Поколебавшаяся было вѣра несчастнаго отца возрождается съ новою силою, и онъ еще больше, чѣмъ прежде, начинаетъ благоговѣть передъ цадикомъ и долго, долго совѣсть мучитъ за то, что онъ, хоть на минуту, осмѣлился усомниться въ величіи реббе...

Стоитъ разъ присутствовать при встрѣчѣ цадика какимъ нибудь, хоть самымъ ничтожнымъ, мѣстечкомъ, чтобы видѣть громадное вліяніе его на массы, въ особенности въ прежнее время. И пользуясь такою безграничною преданностью и послушаніемъ массъ, такимъ безконтрольнымъ довѣріемъ, ни одинъ цадикъ (подчасъ и довольно развитой человѣкъ) никогда не употребитъ своего вліянія на то, чтобы принести извѣстную пользу такъ преданнымъ ему адептамъ; никогда не старается, чтобы просвѣтить этихъ несчастныхъ. Напротивъ: употребляетъ всѣ усилія, чтобы оставить ихъ коснѣть въ томъ же самомъ невѣжествѣ, нравственномъ и умственномъ порабощеніи, въ какихъ они находятся до сихъ поръ.

ОТДѢЛЪ ВТОРОЙ.

ОЧЕРКЪ ЮРИДИЧЕСКИХЪ ОБЫЧАЕВЪ,

ОСНОВАННЫХЪ НА МОИСЕЕВО-ТАЛМУДИЧЕСКОМЪ ПРАВѢ.

Предварительная замѣтка.

Даже мало-знакомому съ внутреннимъ бытомъ евреевъ не безъизвѣстно, я думаю, что собственно юридическихъ обычаевъ, въ томъ смыслѣ, въ которомъ они встрѣчаются у другихъ народностей, у евреевъ нѣтъ. Извѣстно, что значительную отрасль сохранившейся до настоящаго времени еврейской литературы составляетъ литература юридическая, съ объемистыми кодексами по разнымъ отраслямъ права. И такъ, евреи имѣютъ собственные писанные законы, большая часть которыхъ имѣетъ за собою 10, 15 и даже 30-ти вѣковую давность. Само собою, послѣ этого, разумѣется, что, между тѣмъ, какъ изслѣдованіе юридическихъ обычаевъ другой народности можетъ довольствоваться одною только областью этнографіи, изслѣдованіе еврейскихъ обычаевъ этого рода непремѣнно должно обратиться и къ помощи исторіи. Эта помощь, главнымъ образомъ, важна въ томъ отношеніи, что можетъ уяснить на-сколько тотъ или другой обычай имѣетъ въ глазахъ народа большую или меньшую религіозную санкцію.

Желая, на-сколько объемъ настоящаго очерка и научныя мои свѣдѣнія сдѣлаютъ это возможнымъ, выполнить только-что упомянутую задачу, я считаю нужнымъ предварительно замѣтить, что религіозная санкція юридическихъ, какъ и другихъ духовныхъ, законовъ у евреевъ имѣетъ слѣдующія степени:

1-ю, т. е. самую высшую, имѣютъ законы буквально выраженные въ Библіи Моисея или установленные раввинами первыхъ вѣковъ составленія „Мишны“, на основаніи библейскихъ изрѣченій.

2-ю—законы, установленные талмудистами и принятые тогда же всѣми современными учеными или большинствомъ оныхъ.

3-ю—постановленія раввиновъ, живших по заключеніи талмуда (послѣдовавшемъ въ концѣ V в.), но получившія примѣненіе на практикѣ въ большей части еврейскихъ общинъ.

4-ю—обычаи и поученія, упомянутые въ талмудѣ и другихъ раввинскихъ сочиненіяхъ не въ смыслѣ юридическихъ и обязательныхъ постановленій, а какъ нравственно или матеріально полезныя наставленія (талмудическая этика).

Для точной характеристики значенія авторитета древняго еврейскаго законодательства нельзя не упомянуть и о слѣдующемъ талмудическомъ законѣ относительно этого авторитета:

Всякому „бесдину“, состоящему изъ многочисленнаго собранія ученыхъ и опытныхъ членовъ, предоставлено право отмѣнять законы 2-й и 3-й категоріи, если причины, вызвавшія эти законы, исчезли, или если послѣдніе вообще противорѣчатъ требованіямъ общества въ данное время.

Въ отношеніяхъ гражданина къ государству и въ актахъ объ укрѣпленіи правъ на недвижимыя имущества, по талмудическому ученію всегда должно быть соблюдаемо правило: „дина демалхута-дина“, т. е. законъ—государственный законъ.

Право семейственное.

Степень родства.—Относительно степеней родства, въ какихъ вступленіе въ бракъ дозволяется, или возбраняется, евреи вполнѣ придерживаются правилъ Моисеево-талмудическаго права. Нѣкоторые изъ этихъ законовъ буквально выражены въ библіи (Левиты, гл. XVIII). Нѣкоторые же, касающіеся, впрочемъ, случаевъ весьма рѣдкихъ, прибавлены талмудистами. Опуская тѣ степени родства, въ которыхъ браки естественно-почти никогда не возможны, я считаю нужнымъ упомянуть только о слѣдующихъ:

Воспрещены браки: a) между пасынками и мачихами по смерти даже родителей — по Библіи, и между внуками и женами дѣдовъ,—по талмуду; b) между дѣдами и внучками—по Библіи, и между прадѣдами и правнучками — по талмуду; c) съ бывшею женою сына — по Библіи, и съ бывшею женою внука и правнука — по талмуду; d) между племянниками и тетками и женами дядей съ отцовской стороны—по Библіи, и съ женами дядей съ материнской стороны — по талмуду; e) между отчимомъ и падчерицею — по Библіи, и между отчимомъ и дѣтьми падчерицы до 3-го поколѣнія — по

талмуду; f) между зятемъ и тёщею, по смерти даже жены зятя — по Библіи (талмудъ присовокупляетъ восходящую линію тещи); g) запрещенъ—по Библіи—бракъ съ женою брата, если онъ живъ, или когда онъ умеръ, но оставилъ дѣтей (въ случаѣ же смерти бездѣтнаго брата, между оставшимся въ-живыхъ братомъ и вдовою покойнаго совершается особый актъ „халицы“, о чемъ ниже); и h) запрещенъ бракъ съ сестрою разведшейся жены—по Библіи, по смерти-же жены, бракъ съ ея сестрою не воспрещенъ и талмудомъ.

Кромѣ исчисленныхъ выше, во всѣхъ прочихъ, болѣе дальнихъ, степеняхъ родства, вступленіе въ бракъ не воспрещается. Такъ, напримѣръ, вступаютъ въ бракъ дяди съ племянницами, двоюродные братья и сестры, дѣти двухъ супруговъ отъ первыхъ браковъ, два брата съ двумя сестрами и проч.

Побратимства, кумовства и вообще духовнаго родства у евреевъ не существуетъ; пріемыши тоже считаются чужими относительно вступленія въ бракъ.

О возрастѣ вступающихъ въ бракъ.—Существующія на этотъ предметъ въ Моисеево-талмудическомъ законодательствѣ постановленія, какъ видно для изучающаго эти постановленія изъ еврейскихъ источниковъ, имѣютъ болѣе отрицательную цѣль, чѣмъ положительную. Они касаются больше вопроса: по какой возрастъ совершеніе брачнаго акта считается недѣйствительнымъ и совершившіе его, какъ супругъ, такъ и супруга, могутъ безъ развода вступать въ новые браки. Вопросъ, въ какихъ именно возрастахъ браки *должны* быть заключаемы, составляетъ, по библейско-раввинскому ученію, предметъ нравственно-религіозный, разрѣшеніемъ котораго занимается талмудическая этика.

По религіозному ученію, вступленіе въ супружескую жизнь, для поддержанія рода, обязательно для каждаго еврея, достигшаго 18-ти лѣтняго возраста (Аботъ гл. V, Мишна 24). Впрочемъ, нравственнымъ преступленіемъ веденіе холостой жизни считается только съ 20-ти лѣтъ („Кедушинъ“, листъ 29). Занимающійся наукою (по талмуду, разумѣется, религіозною) можетъ оставаться холостымъ и далѣе этого возраста, если съ одной стороны—супружеская жизнь была бы обременительною для матеріальныхъ его средствъ, а съ другой—если онъ обладаетъ, въ нравственномъ отношеніи, достаточно-твердою волею, чтобы не предаваться страстямъ („Іебамотъ“ л. 63 и Маймонидъ, „Ишотъ“, гл. 15, § 3). Относительно матеріальнаго обезпеченія будущей супружеской жизни, талмудъ говоритъ: всегда человѣкъ долженъ сперва пріискать источникъ пропитанія, обзавестись собственнымъ жилищемъ и тогда только вступить въ бракъ („Сота“, л. 44; Маймонидъ, „Деотъ“ гл. V, § 11). Но всѣ эти

ученія касаются только мужчины, женщина же—ни вступать въ бракъ, ни заботиться о матеріальномъ обезпеченіи супружеской жизни—не обязана.

Въ юридическомъ отношеніи бракъ считается вполнѣ законнымъ, если онъ заключенъ между мужчиною и женщиною, достигшими возраста совершеннолѣтняго, или если, вмѣсто несовершеннолѣтней дѣвушки, актъ бракосочетанія заключилъ ея родитель съ совершеннолѣтнимъ женихомъ. Возрастъ совершеннолѣтія, какъ для вступленія въ бракъ, такъ и для другихъ актовъ, считается, по Моисеево-талмудическому праву, со времени появленія признаковъ половой зрѣлости и достиженія, вмѣстѣ съ тѣмъ, мужчиною 13 лѣтъ и 1 дня, а женщиною 12 лѣтъ и 6 мѣсяцевъ отъ роду. По достиженіи совершеннолѣтія, они могутъ вступать въ бракъ, безъ всякаго вмѣшательства и участія родительской воли, или ихъ согласія; до этого же возраста, бракъ мужчины не имѣетъ ни какого значенія, а женщина, хотя съ юридической точки зрѣнія, можетъ быть отдана замужъ по волѣ родителя, а съ нравственно-религіозной точки—не должна быть отдаваема въ малолѣтствѣ. „Грѣхъ человѣку, говоритъ Талмудъ, отдать свою малолѣтнюю дочь замужъ; онъ долженъ ждать, пока она подростетъ и сама скажетъ за кого желаетъ выдти“ („Кедушинъ“, л. 41).

Итакъ, существующій нынѣ въ отсталомъ классѣ евреевъ обычай женить 15-ти лѣтнихъ отроковъ на 15-ти лѣтнихъ дѣвушкахъ—едва ли оправдывается талмудическимъ ученіемъ. Главныя причины этого обычая лежатъ въ тѣхъ особенностяхъ общественнаго быта этого класса евреевъ, которыхъ я касался отчасти въ другихъ замѣткахъ по этнографіи евреевъ. На вопросъ: „отчего вы такъ рано жените вашихъ дѣтей, когда они не созрѣли физически и практически еще не подготовлены вести самостоятельную семейную жизнь?“—изъ устъ любаго еврея можно слышать слѣдующіе стереотипные отвѣты: „живутъ-же наши братья, рано женящіеся наравнѣ со всѣми людьми; не держать-же мнѣ сына или дочь до *сѣдой косы* (bis in grauen zop), чтобы они сдѣлались волокитами; пока я здоровъ, я долженъ позаботиться о моихъ дѣтяхъ и имѣть въ нихъ *кусочекъ наслажденія* (ein Schtikele nachos), если Богъ сподобилъ меня дожить до этого, вѣдь это-же все, что я могу вкушать изъ земныхъ радостей, а о будущемъ ихъ благостояніи нéчего безпокоиться: научатся *коммерцію вести*, да Богъ ихъ не оставитъ“. Въ бѣдномъ, а также ремесленномъ сословіяхъ болѣе, конечно, помышляютъ о матеріальномъ обезпеченіи семейной жизни, и браки заключаются въ болѣе зрѣлыхъ возрастахъ; но общій обычай оказываетъ свое вліяніе и въ этихъ сословіяхъ: и въ нихъ дѣвица старше 22, а парень 25 лѣтъ—составляютъ весьма рѣдкое исключеніе.

Значеніе согласія и воли родителей и другихъ старшихъ родственниковъ при вступленіи въ бракъ. — Моисеево-талмудическое право, какъ видно уже изъ другихъ мѣстъ настоящаго очерка, весьма ограничиваетъ родительскую власть вообще, а относительно вступленія дѣтей особенно мужескаго пола въ бракъ—въ частности. Сынъ, а также и дочь, по достиженіи совершеннолѣтія, могутъ вступать въ бракъ по собственному усмотрѣнію, безъ всякаго вмѣшательства и контроля со стороны родителей. Случай отдаванія отцомъ малолѣтней дочери замужъ—и безъ того, что это запрещено талмудическою этикою—никогда не имѣетъ мѣста; да и съ юридической стороны такой бракъ не можетъ быть прочнымъ, такъ какъ малолѣтняя замужняя, объявившая двумъ свидѣтелямъ о своемъ нежеланіи жить со своимъ мужемъ, получаетъ отъ нихъ въ этомъ удостовѣреніе и, безъ развода, уже считается свободною отъ брачныхъ узъ.

Но не смотря на юридическія постановленія, въ практической жизни евреевъ, при существованіи обычая ранней женитьбы, выборъ партіи зависитъ, конечно, главнымъ образомъ отъ согласія и воли родителей, тѣмъ болѣе, что въ большей части случаевъ помолвка предшествуетъ акту бракосочетанія 2-мя 3-мя и даже 5-ю годами, т. е. совершается тогда, когда будущихъ супруговъ можно просто назвать малютками. Весьма естественно, что, питая къ родителямъ дѣтскую привязанность и уваженіе и вполнѣ завися отъ нихъ въ матеріальномъ отношеніи, дѣти отроческаго и даже ранняго юношескаго возраста и не помышляютъ о томъ, чтобы родители могли ошибаться въ выборѣ для нихъ партіи. Почти половина браковъ заключается, даже безъ предварительнаго, свиданія брачущихся. Постановленіе талмуда—нельзя сочетаться бракомъ съ женщиною никогда невиданною—выполняется тѣмъ, что женихъ, передъ самымъ уже вѣнчаніемъ, накрывая невѣсту платкомъ, иногда взглянетъ на нее. Но даже и тамъ, гдѣ помолвленные имѣютъ случай (особенно въ тѣхъ сословіяхъ, у которыхъ браки заключаются уже въ возрастахъ болѣе зрѣлыхъ) видѣться до брака, эти свиданія рѣдко сопровождаются близкимъ знакомствомъ и изученіемъ характера будущаго спутника въ жизни.

Послѣдствія этого, весьма нераціональнаго, обычая не бываютъ, однакожъ, такъ дурны, какъ съ перваго взгляда представляется. Посторонній наблюдатель можетъ подумать, что, вступая въ бракъ безъ предварительнаго знакомства и безъ любви—этого тепла и свѣта супружеской жизни—еврейскіе супруги, въ большей части случаевъ, остаются, вѣроятно, навсегда холодными другъ къ другу и влачатъ жизнь скучную, не имѣя ни общихъ цѣлей, ни одинаковыхъ стремленій. Но присматриваясь поближе къ внутреннему быту отсталаго еврейства, легко замѣтить, что на самомъ

дѣлѣ оно не такъ, какъ издали кажется. Понятіе объ идеальной или разумной любви къ женщинѣ, въ принятомъ въ современномъ европейскомъ обществѣ смыслѣ, составляетъ на разсматриваемой еврейской почвѣ совершенное terra incognita. Евреямъ извѣстна только составляющая слабую сторону человѣческой природы—чувственная любовь къ прекрасной дщерѣ Еввы—съ одной стороны, и любовь или чувство безусловной привязанности и преданности къ женѣ, къ предназначенной Богомъ подругѣ и въ жизни помощницѣ, безъ которой земное существованіе становится пустымъ, не полнымъ, безцѣльнымъ—съ другой. Еврейскіе супруги вступаютъ въ бракъ потому, что не вступать въ бракъ нельзя же, какъ нельзя человѣку вѣчно оставаться мальчикомъ, носить дѣтскій костюмъ и забавляться дѣтскими игрушками. Цѣль супружеской жизни опредѣленно высказана религіознымъ ученіемъ, и довольно ясна для всякаго: она состоитъ въ поддержаніи рода человѣческаго и въ томъ, чтобы оставить *богобоязненныхъ* сыновей, которые будутъ читать по родителямъ „кадишъ“. Кругъ дѣятельности и заботъ каждаго изъ супруговъ довольно ясно обозначенъ и религіознымъ ученіемъ и вѣковыми обычаями: жена должна лелѣять маленькихъ дѣтей, смотрѣть за хозяйствомъ, домашнимъ очагомъ; а мужъ долженъ заботиться о пріобрѣтеніи средствъ къ жизни, богатства, въ чемъ и жена, если только нужно, должна ему помогать. Всѣ эти понятія, почти въ одной и той же формѣ, такъ общи, такъ врѣзались въ умъ и сердце каждаго еврея и еврейки, что о неодинаковости цѣлей и стремленій въ супружеской жизни не можетъ быть и рѣчи. Если иногда между супругами и возникаютъ рѣзкія несогласія и ссоры, оканчивающіяся, хотя и весьма рѣдко въ классѣ благовоспитанныхъ, разводомъ, то причиною этихъ ссоръ бываютъ большею частію строптивость и сварливость характера одного изъ супруговъ или другіе недостатки, едва-ли узнаваемые и при тѣхъ предварительныхъ интимныхъ знакомствахъ, которыя въ свѣтскомъ обществѣ предшествуютъ браку, и при которыхъ внутреннія наклонности часто замаскировываются наружною элегантностію пріемовъ. Дурныя послѣдствія имѣютъ скорѣе слѣдующій обычай, составляющій въ свою очередь тоже слѣдствіе обычая ранней женитьбы подъ родительской опекою. Молодые супруги, не способные еще вести самостоятельную жизнь, остаются послѣ сватьбы въ домахъ и на содержаніе состоятельныхъ родителей жениха или невѣсты, смотря по договору. Случается, что свекровь или свекоръ, теща или тесть (большею частію дѣйствуютъ женщины), недовольные невѣсткою или зятемъ за то, что послѣдніе имъ не отдаютъ такого почтенія, какое, по мнѣнію первыхъ, слѣдуетъ, или по другимъ, часто мелкимъ семейнымъ дрязгамъ, или же за то, что родители невѣсты или зятя не выполнили договора относительно приданаго

или гардероба,—начинаютъ бранить и уничижать невѣстку въ глазахъ сына, или, наоборотъ, зятя въ глазахъ дочери и, такимъ образомъ, сѣютъ между молодыми супругами сѣмена раздора, иногда даже подстрекая ихъ къ разводу. Чаще всего такія семейныя неурядицы кончаются тѣмъ, что молодые супруги два года и болѣе живутъ врознь: она живетъ у своихъ, а онъ у своихъ родителей; та сторона, которая считаетъ себя правою, призываетъ другую къ раввину или къ цадику (къ послѣднему прибѣгаютъ болѣе зажиточные и богатые); ссорящіеся родители мирятся на время, потомъ опять возобновляются непріязненныя дѣйствія, пока, наконецъ, молодые супруги, созрѣвшіе уже къ самостоятельной семейной жизни или сходятся вмѣстѣ, или же, если злые языки сварливыхъ мамушекъ успѣли подѣйствовать на молодое сердце дочери или сына, разводятся, имѣя двухъ иногда уже дѣтей.

Никогда, однакожъ, еврейскіе родители не употребляютъ свою власть надъ дѣтьми, чтобы ихъ *принуждать* ко вступленію въ бракъ съ тою или другою партіею, а тѣмъ менѣе къ разводу, когда дѣти рѣшительно высказываютъ свое противоположное желаніе. Какъ выше было замѣчено, значеніе родительской воли обусловливается только естественнымъ порядкомъ вещей и, не вытекая изъ религіозно-юридическаго ученія, зависитъ бо́льшею частію отъ степени значительности матеріальнаго пособія и покровительства, какое дѣти, въ моментъ помолвки, получаютъ и ожидаютъ получить отъ своихъ родителей для дальнѣйшаго устройства будущей жизни. Такимъ образомъ, не только родители, но и старшіе родственники, замѣняющіе для сиротъ родительское попеченіе, и отъ которыхъ молодые брачущіеся нѣсколько зависятъ въ матеріальномъ отношеніи, тоже по собственному усмотрѣнію женятъ и выдаютъ замужъ опекаемыхъ ими дѣтей. Если же дѣти собственными средствами должны устроить сватьбу и обзавестись всѣмъ нужнымъ (дѣти бѣдныхъ, находящіеся до сватьбы въ домашнемъ услуженіи, или ремесленники), то они руководствуются при выборѣ партіи и женитьбѣ собственною волею и соображеніемъ, спрашивая, развѣ, мнѣнія родителей въ смыслѣ совѣта вѣрнаго доброжелателя, въ каковомъ смыслѣ спрашивается и мнѣніе добраго хозяина или мастера. Родительскаго же благословенія на вступленіе въ бракъ у евреевъ не существуетъ.

Случаи увода невѣстъ и вообще женитьбы *противъ* родительской воли при такихъ отношеніяхъ дѣтей къ родителямъ, при которыхъ воля послѣднихъ должна быть главнымъ факторомъ при выборѣ партіи и женитьбѣ,—вообще не сродны еврейскому общественному строю. Если такіе случаи, въ послѣднее время, въ видѣ рѣдкаго исключенія и случаются между евреями, то только въ такихъ семействахъ, гдѣ дѣти, нѣсколько созрѣвшіе, уже успѣли освоиться съ современными идеями и взглядами внѣ консервативно-еврейскаго

міра, тогда какъ ихъ родители остаются всецѣло-вѣрными рутинѣ. Само собою разумѣется, что причины, вызывающія такіе случаи между евреями, и обстоятельства ихъ сопровождающія, мало отличаются отъ тѣхъ, какія бываютъ и внѣ еврейскаго общества.

Какіе совершаются при вступленіи въ бракъ обряды и какіе заключаются акты и условія. — 1) *Обряды.* Въ Библіи буквально не говорится ни о какомъ обрядѣ, послѣ котораго брачный союзъ считается юридически-заключеннымъ. Упоминается только, между прочимъ, о женщинѣ обрученной („аруса“) и о женщинѣ замужней. Первые талмудисты, на основаніи экзегетическихъ выводовъ изъ библейскихъ стиховъ, узаконили три формулы обрядовъ, по совершеніи одного изъ которыхъ женщина считается юридически-обрученною: а) денежный подарокъ въ количествѣ „пруты“ (8-ая часть древней итальянской монеты „исаръ“ — около 2-хъ коп. сер.), врученный при свидѣтеляхъ въ руки женщины съ произношеніемъ при этомъ: „симъ будь заручена или посвящена мнѣ въ жены“; в) письменный актъ, содержащій въ себѣ послѣднюю формулу, врученный при свидѣтеляхъ; и с) супружеское совокупленіе, предъ которымъ мужчина произнесъ эту же формулу. Впрочемъ, обручаться съ женщиною послѣднимъ обрядомъ строго воспрещено талмудическою этикою, и, при существованіи еврейскихъ административныхъ учрежденій, подобный поступокъ наказывался тѣлеснымъ наказаніемъ. Такому же наказанію подвергался и тотъ, кто обручался и первыми двумя обрядами, но на улицѣ, безъ всякихъ предварительныхъ переговоровъ и сватовства („шидухъ“). Замужнею же женщина считается только тогда, когда мужъ беретъ ее къ себѣ и, по выраженію Талмуда, уединяется съ нею въ особой квартирѣ, съ какого момента они уже остаются жить вмѣстѣ. Разница между этими двумя состояніями супружества заключается только въ томъ, что до сватьбы („несуенъ“) супруги еще не принимаютъ на себя относительно другъ-друга тѣхъ обязанностей, которыя налагаются на нихъ закономъ по вступленіи въ бракъ. Но въ сущности супружескій союзъ считается уже оконченнымъ послѣ обрученія и вступать въ новый бракъ безъ развода нельзя. У древнихъ евреевъ, какъ изъ талмуда видно, между обрученіемъ и самою женитьбою проходилъ болѣе или менѣе продолжительный промежутокъ времени, въ теченіе котораго супруги, какъ сказано, жили отдѣльно. Но у нынѣшнихъ евреевъ обрученіе и женитьба совершаются вмѣстѣ, что̀ называется сватьбою. По нынѣшнимъ обычаямъ, свадьбѣ у евреевъ всегда предшествуютъ заручины или помолвка. Родители жениха и невѣсты, или, когда родителей нѣтъ, старшіе родственники или самые молодые устраиваютъ „кнасъ-мулъ“, на которомъ между обѣими договаривающимися сторонами заключается предва-

рительный договоръ о суммахъ приданаго, о срокѣ сватьбы, о содержаніи молодой четы послѣ сватьбы. Предъ подписаніемъ этого акта („тноимъ"), сваты, т. е. родители молодыхъ, берутъ въ руки посуду и разбиваютъ, ошуская ее на полъ; тоже самое дѣлаютъ присутствующіе, каждый отдѣльно. Когда сговоръ заключается между самими молодыми, посуду бьютъ только одни присутствующіе. Обрядомъ „посудобитія" и заключеніемъ „тноимъ" заручины, имѣющія значеніе простаго добровольнаго условія, считаются оконченными. Невѣста называется „кала", а женихъ — „хатанъ" или, какъ произносятъ — „хусенъ". Въ юридическомъ отношеніи невѣста все еще остается свободною дѣвицею, и если ея родители или она сама, по какимъ-либо причинамъ, пожелаетъ выйти за другого, не требуется даже развода отъ „хатана". Такою-же свободою дѣйствія пользуется и молодой съ юридическо-духовной точки зрѣнія. Но, по обычаю, нарушеніе договора о заручинахъ — уничтоженіе „тноимъ" — считается поступкомъ безчестнымъ, и рѣдко случается, развѣ на то изъявятъ согласіе обѣ стороны, по собственному ли обоюдному соглашенію, или по рѣшенію раввина или цадика. Остальные обряды и церемоніи описаны въ другихъ замѣткахъ по этнографіи евреевъ.

2) *Акты и условія.* Древнему еврейскому праву не извѣстны никакіе предварительные договоры о томъ, какія суммы приданаго должны дать мужъ и жена; предусмотрѣнъ только случай, если жена дастъ мужу приданое, то какое право она сохраняетъ на это имущество (о семъ ниже). По ученію талмуда, каждый долженъ снабдить свою, выходящую замужъ, дочь необходимою одеждою, съ соотвѣтствующимъ его состоянію комфортомъ. Въ случаѣ смерти отца, на таковые расходы бралась даже, по распоряженію бесдина, часть оставленнаго имущества, не болѣе, однакожъ, десятой доли. Обычай предварительнаго обязательства дать за дочерью, а тѣмъ болѣе за сыномъ, извѣстную сумму приданаго — принадлежитъ позднѣйшему времени, но обычай этотъ сдѣлался до того общимъ, что ни одна почти сватьба не обходится безъ того, чтобы предварительно не былъ заключенъ о суммѣ приданаго договоръ съ обѣихъ сторонъ. Большею частію обязываются дать приданое обѣ стороны: жена обыкновенно даетъ большую противъ мужа сумму; вообще же относительность суммъ приданаго съ обѣихъ сторонъ обусловливается знатностію фамилій и личными достоинствами супруговъ. Кромѣ приданаго, молодые, обыкновенно, обмѣниваются, на счетъ родителей (разумѣется, до сватьбы еще), различными подарками, — серьгами, кольцами и т. под. для невѣсты, часами и т. под. для жениха. Во время празднованія сватьбы невѣста должна прислать жениху въ подарокъ „талисъ", а иногда посылается и „китель" (см. этнографическія замѣтки, „сватьба"). Отъ жениха

посылается невѣстѣ подарковъ обыкновенно на относительно бо́льшую сумму.

Условія о суммѣ приданаго съ каждой стороны, о суммѣ подарковъ, а также (въ состоятельныхъ классахъ) о томъ, сколько лѣтъ та и другая сторона должны содержать на свой коштъ молодую чету послѣ сватьбы (обычай, талмудическому времени совершенно неизвѣстный), оканчиваются устно до заключенія сговора и вносятся въ актъ заручинъ — „тноимъ“. И такъ сей послѣдній актъ имѣетъ значеніе частнаго договора, содержитъ въ себѣ условія, неимѣющія ни какого отношенія къ личнымъ или имущественнымъ правамъ будущихъ супруговъ и вполнѣ зависящія отъ воли договаривающихся. Въ этотъ актъ вносятся также условія о срокѣ сватьбы, о суммѣ неустойки въ случаѣ нарушенія онаго одною изъ сторонъ и о томъ, что каждая сторона должна дать на нѣкоторые сватебные расходы, какъ-то: музыкантамъ, раввину, школьной прислугѣ; другіе расходы (на сватебный балъ, напримѣръ), должна дать сторона невѣсты. Но при самомъ актѣ вѣнчанія, т. е. при вступленіи въ бракъ, заключается брачный договоръ, установленный древними учителями Мишны (около христіанской эры), и до настоящаго времени ни одинъ бракъ не можетъ быть совершаемъ безъ заключенія этого акта, называемаго „к'суба“ (собственно „к'туба“ — писаніе, письменное обязательство). Этимъ актомъ утверждается: а) что мужъ обязанъ уплатить женѣ при разводѣ, или въ случаѣ его смерти должна она получить изъ его имущества 200 „зузовъ“, если онъ беретъ ее дѣвицею, или 100, если она выходитъ за него вдовою (стоимость древней монеты „зузъ“, пишущейся и въ настоящее время, опредѣляется разными раввинами различно, но, по рѣшенію всѣхъ, принято считать ее по обычаю каждой мѣстности; у насъ, въ Россіи, „зузъ“ считается до 24 коп. сер.). Это денежное обязательство, называемое также „к'суба“, установлено, по выраженію талмуда, для того, чтобы мужъ не такъ легкомысленно рѣшался развестись съ женою; в) въ „к'субѣ“ означаются главныя относительно жены обязанности мужа, налагаемыя на него еврейскимъ закономъ; с) самый фактъ бракосочетанія такого-то съ такою-то въ такое-то время и въ такомъ-то мѣстѣ. Если жена даетъ мужу приданое, то эту сумму она тоже получаетъ при разводѣ или по его смерти сверхъ упомянутыхъ 200 и 100 зузовъ, о чемъ или упоминается въ той-же „к'субѣ“, или выдается ей особая запись. Самая сумма и актъ, о ней заключаемый, называется „тосфотъ-к'суба“ — т. е. прибавочная. Иногда мужъ по собственной волѣ выдаетъ женѣ прибавочную „к'субу“, не получивъ даже отъ нея приданаго, или при самомъ бракосочетаніи, или уже въ замужествѣ, на сумму, на какую онъ пожелаетъ. По формѣ и процессу совершенія, „к'суба“ похожа на большую часть актовъ, заключаемыхъ по

правиламъ еврейскаго гражданскаго права. Мужъ изъявляетъ свое согласіе на всѣ содержащіяся въ „к'субѣ“ условія, посредствомъ древняго юридическаго обряда „киньонъ“, состоящаго въ томъ, что мужъ поднимаетъ какую-либо вещь и передаетъ ее въ руки одного изъ свидѣтелей, подписывающихъ „к'субу“. Его же подписи не требуется. „К'суба“ прочитывается вслухъ подъ балдахиномъ при совершеніи вѣнчанія и передается женѣ, которая должна ее хранить во все время замужества. Если актъ этотъ утеряется, то непремѣнно долженъ быть написанъ другой, и до написанія новаго акта супругамъ воспрещается имѣть супружескія сношенія.

Права супруговъ по имуществу и юридическія ихъ отношенія вообще. — Для опредѣленія характера юридическихъ отношеній супруговъ по Моисеево-талмудическому праву, я считаю нужнымъ привести цѣликомъ слѣдующее мѣсто изъ еврейскаго кодекса по семейственному праву. „Когда человѣкъ беретъ жену, гласитъ это мѣсто, онъ становится обязаннымъ относительно жены въ 10-ти предметахъ и получаетъ право съ ея стороны на 4. Мужъ обязанъ: a) дать женѣ пропитаніе, b) одѣвать и дать ей квартиру, c) имѣть супружескія съ нею сближенія, d) дать ей „к'субу“, т. е. 200 „зузовъ“ дѣвицѣ и 100 „зузовъ“ вдовѣ, e) лѣчить ее во время болѣзни, f) выкупать ее изъ плѣна или заложничества, g) хоронить по смерти, h) чтобы, по его смерти, ей выдано было, прилично состоянію, на пропитаніе, квартиру и одежду до полученія ею, по ея требованію, долга „к'субы“, i) содержать съ нею прижитыхъ дочерей до выхода замужъ изъ своего имущества, даже по смерти, и k) чтобы сыновья съ нею прижитые унаслѣдовали сумму ея „к'субы“, если она умираетъ прежде мужа, сверхъ той части въ наслѣдствѣ, которая имъ причтется наравнѣ съ прочими дѣтьми (отъ другой жены). Со стороны жены мужъ получаетъ право на слѣдующія четыре: a) на ея личный трудъ и всѣ произведенія онаго; это право переходитъ и къ его наслѣдникамъ, пока вдова получаетъ отъ нихъ пропитаніе, одежду и квартиру; b) *на всѣ ея находки*; c) на всѣ плоды и приращенія собственно ей принадлежащихъ имуществъ; и d) право наслѣдовать ея имущество по ея смерти“ *). Главными изъ этихъ обязанностей мужа считаются первыя три, которыя и вносятся въ брачный актъ „к'суба“. Нѣкоторыя изъ приведенныхъ правъ и обязанностей жены и мужа установлены въ видѣ взаимнаго вознагражденія. Такъ, мужу принадлежитъ право на личный трудъ жены, говорятъ талмудисты, взамѣнъ того, что онъ долженъ

*) Шулхонъ-арухъ Эбенъ-гаэзеръ, гл. 69, §§ 1 и 2.

ее кормить; но мужъ не можетъ, однакожъ, сказать: „я не хочу твоего труда и содержи сама себя“, тогда какъ женѣ предоставляется право отказаться отъ содержанія мужа и не работать для него. Выкупать ее изъ плѣна онъ обязанъ взамѣнъ права на плоды ея имущества, но ни ему безъ ея согласія, ни ей безъ его согласія, не предоставлено освободиться другъ отъ друга, отказываясь пользоваться другимъ. По обоюдному-же, буквально выраженному согласію супруги могутъ освободиться отъ всѣхъ исчисленныхъ правъ и обязанностей за исключеніемъ только трехъ: пунктовъ „c“ и „d“ со стороны мужа и пункта „d“ со стороны жены (отъ послѣдняго пункта они могутъ, однакожъ, освободиться, если условіе объ этомъ заключено до женитьбы). Но такіе договоры въ настоящее время никогда не заключаются и едва-ли имѣли мѣсто de facto и во время талмуда.

Всѣ приведенныя выше права и обязанности подробно изложены въ еврейскомъ кодексѣ и распадаются на множество мелкихъ правилъ и узаконеній. Хотя эти послѣднія, по характеру своему, болѣе соотвѣтствуютъ быту древнихъ евреевъ и вообще взглядамъ и нравамъ талмудическаго времени, почему большая ихъ часть потеряла въ настоящее время свой смыслъ и значеніе, но такъ какъ правовыя нормы, выработанныя древнимъ еврейскимъ законодательствомъ, все-таки служатъ главными принципами семейственнаго права и для нынѣшнихъ евреевъ, то необходимо разсмотрѣть и нѣкоторыя подробности этихъ узаконеній (ср. предварительную замѣтку). Изъ этихъ послѣднихъ особенно интересны тѣ, которыя касаются имущественныхъ правъ женщины.

Всѣми заработками личнаго труда жены, какъ сказано выше, пользуется мужъ. Даже все, что она находитъ принадлежитъ ему. Она сохраняетъ право собственности на то только имущество, которымъ она владѣла до замужества, или что она пріобрѣла въ замужествѣ по дарѣнію, или по наслѣдству. И это право собственности женщины, однакожъ, не полно, ограниченно. Такъ, то имущество, которое она отдала при женитьбѣ въ полное распоряженіе и отвѣтственность мужа (приданое), она получаетъ только при разводѣ или по смерти мужа. Этого рода имущество, обыкновенно значащееся въ актѣ „тосфотъ-к'суба“, переходитъ по смерти мужа, даже если она умерла раньше, къ прижитымъ съ нею дѣтямъ мужескаго пола. То имущество же, которое она пріобрѣтаетъ по наслѣдству, по дарѣнію и другимъ способомъ въ замужествѣ, находится на собственной ея отвѣтственности, и по ея смерти переходитъ къ мужу, по праву наслѣдства, становясь его собственностію въ общей массѣ имущества. Но, и при жизни жены, мужъ пользуется всѣми доходами и приращеніями и съ послѣдняго рода женинаго имущества, неся, вмѣстѣ съ тѣмъ, всѣ расходы по содержанію. Если она пріобрѣ-

тается наличныя деньги, онѣ тоже должны быть превращены въ недвижимое имущество, приносящее мужу доходъ (о доходѣ отъ самыхъ денегъ талмудъ, какъ видно, не знаетъ, имѣя въ виду земледѣльческій бытъ тогдашнихъ евреевъ). Слѣдствіемъ всѣхъ этихъ ограниченій должно было быть и то талмудическое постановленіе, коимъ женѣ воспрещается, безъ согласія мужа, продавать собственно ей принадлежащее имущество; если она таковое продала, мужъ, по прежнему, получаетъ съ него доходы и приращенія, а если она умираетъ, то, по праву наслѣдства, отнимаетъ и самое имущество отъ покупателя. Учиненная женою продажа собственнаго имущества получаетъ фактическое значеніе и силу только по смерти мужа и при жизни жены.

Мужъ можетъ переуступить женѣ собственно ему принадлежащее имущество посредствомъ продажи или даренія. Доходы, получаемые съ имущества, подареннаго женѣ мужемъ, сему послѣднему не принадлежатъ. Это правило относится, однакожъ, только къ первоначальнымъ прямымъ доходамъ отъ самого имущества; самые же эти доходы должны быть реализованы и обращены въ другія недвижимыя имущества, съ которыхъ доходы уже составляютъ собственность мужа. Посторонній даритель можетъ, однакожъ, при самомъ актѣ даренія опредѣлить—какое употребленіе жена-пріобрѣтательница должна сдѣлать изъ даруемаго—для собственнаго гардероба, или для другихъ предметовъ удовольствія, и тогда уже мужъ не имѣетъ права требовать, чтобъ даръ обращенъ былъ въ имущество, съ котораго бы имъ получались доходы.

Дѣйствіе всѣхъ приведенныхъ постановленій, хотя не въ полной точности, но вообще замѣтно и въ жизни нынѣшнихъ евреевъ. Женщины, участвующія своимъ трудомъ въ занятіяхъ мужей наравнѣ съ послѣдними, и даже тѣ, которыя сами безъ участія мужей занимаются производствомъ торговли и содержатъ семейство (случаи хотя и рѣдкіе, но все таки существующіе), не могутъ безъ вѣдома и согласія мужа пріобрѣтать изъ нажитаго ихъ трудомъ капитала недвижимое имущество въ свою исключительную собственность. Обыкновенно такія женщины, 1-й и 2-й категоріи, получаютъ отъ мужей „тосфотъ-ксубу“, которою за ними обезпечивается, на случай смерти мужа, извѣстная сумма денегъ изъ общаго имущества. Не имѣя „тосфотъ-ксубы“, или не будучи обезпечены духовнымъ завѣщаніемъ мужа такія женщины остаются въ полной зависимости отъ наслѣдниковъ мужа, вступающихъ въ полное владѣніе имуществомъ, добытымъ, быть можетъ, только трудами вдовы. За-то не видно въ настоящее время, чтобы мужъ пользовался своимъ правомъ на доходы женинаго имущества, если она таковымъ при его жизни владѣетъ.

По праву на личный трудъ жены, мужъ, по талмудическимъ узаконеніямъ, не долженъ, однако, требовать отъ нея больше тѣхъ занятій и руч-

ныхъ работъ, какими женщины подобнаго состоянія въ данной мѣстности вообще занимаются. Постановленія, которыми талмудъ обязываетъ женщину какого бы то ни было состоянія исполнять предъ мужемъ нѣкоторыя личныя услуги, какъ-то: помогать ему умываться, застилать его постель и т. п.,— не имѣютъ въ настоящее время никакого примѣненія; но нельзя сказать, чтобы породившій такія постановленія высокомѣрный взглядъ мужчины на женщину совершенно исчезъ изъ среды нынѣшнихъ евреевъ-талмудистовъ. Съ другой стороны не совсѣмъ забыты нынѣшними, даже отсталыми, евреями постановленія талмудической этики, предписывающей: кормить жену какъ самого себя, а одѣвать и почитать ее больше себя самого.

О РАЗВОДѢ И РАСТОРЖЕНІИ БРАКА ВООБЩЕ. — Свободными отъ брачныхъ узъ становятся: мужъ — a) по исчезновеніи жены безъ вѣсти, b) если жена одержима неизлѣчимымъ сумасшествіемъ *), c) по ея смерти, и d) послѣ развода съ нею. Жена-же — только по смерти мужа и по полученіи развода. Это различіе въ правахъ мужа и жены относительно расторженія брака обусловливается различіемъ постановленій, существующихъ въ еврейскомъ законодательствѣ о двоеженствѣ и двоемужствѣ. Тогда какъ сожительство между мужчиною и замужнею женщиною наказывается по библейскому праву смертію, полигамія ни чуть не воспрещается; впрочемъ, она вывелась у евреевъ уже въ началѣ X вѣка, по постановленію созваннаго раввиномъ Гершономъ (прозваннымъ „свѣточь изгнанниковъ“) собора, запретившаго двоеженство подъ великимъ „херимомъ“ („херемъ дерабену Гершонъ“). Поэтому, хотя двоеженство, неодобряемое и талмудическою этикою, считается у нынѣшнихъ евреевъ самымъ постыднымъ преступленіемъ, но въ случаяхъ, упомянутыхъ въ пунктахъ „a“ и „b“, требуется только, чтобы мужъ освобожденъ былъ отъ „херема дерабену Гершонъ“ подписями ста раввиновъ или ученыхъ, и послѣ этого уже можетъ вступить въ новый бракъ. Жена-же не можетъ вступить по смерти мужа въ новый бракъ, пока дѣйствительность его смерти не подтверждается самыми несомнѣнными признаками и обстоятельствами. Въ случаяхъ малѣйшаго сомнѣнія въ дѣйствительности смерти мужа, жена его не вступаетъ въ новый бракъ, пока не получитъ разрѣшенія отъ ученаго раввина, тщательно разсмотрѣвшаго обстоятельства дѣла и нашедшаго, что, по талмудической теоріи вѣроятности (выработанной по сему предмету съ строжайшею разборчивостію), фактъ смерти не подлежитъ сомнѣнію. Если обстоя-

---

*) По постановленію талмуда, мужъ, хотя и женившись на другой, не долженъ оставить больную безъ призрѣнія, дабы она не осталась беззащитною; поэтому формальнаго развода онъ ей дать не можетъ.

тельства дѣла болѣе или менѣе сложны, обращаются къ раввинскимъ знаменитостямъ даннаго времени. Иногда раввинскія разсмотрѣнія и списыванія съ знаменитыми коллегами продолжаются довольно долго. И, если талмудическая теорія дѣлаетъ это невозможнымъ, разрѣшеніе на вступленіе женщины въ бракъ не выдается, и она всю жизнь остается вдовою—„агуною“; („агуна“ значитъ—прикованная, несвободная). Замѣчательно, однакожъ, довѣріе, оказываемое талмудическимъ законодательствомъ всякому свидѣтельскому показанію о смерти мужа, лишь только показаніе это говоритъ прямо о фактѣ смерти, а не объ обстоятельствахъ, по которымъ смерть, болѣе или менѣе вѣроятно, *предполагается*. Тогда какъ во всѣхъ другихъ случаяхъ юридическаго удостовѣренія требуется непремѣнно показаніе двухъ постороннихъ свидѣтелей-очевидцевъ, и только мужескаго пола,—для объявленія женщины свободною отъ брачныхъ узъ довольно свидѣтельское, или просто, показаніе одного лица, будь это лице даже женщина и притомъ родственница (за исключеніемъ тёщи, ея дочери, сестры и дочери мужа), лишь она показываетъ, какъ объяснено выше, прямо о томъ, что мужъ такой-то умеръ обыкновенною смертію и былъ похороненъ, видѣлъ-ли самъ показывающій фактъ смерти и похоронъ, или слышалъ отъ другихъ. Только самъ свидѣтель, если онъ одинъ, не можетъ жениться на вдовѣ. Талмудическое законодательство дозволяетъ также основываться на показаніи самой вдовы.

Право расходиться съ женою посредствомъ разводнаго письма („гэтъ“) принадлежитъ, по Моисеево-талмудическому праву, только мужу. „...Если она не найдетъ благоволенія въ его глазахъ, потому что нашелъ въ ней постыдное, и дастъ онъ ей разводное письмо...“ (Второзаконіе, гл. XXIV)—вотъ какъ библія формулируетъ это право мужа. Талмудъ разсматриваетъ подробно всевозможныя свойства и поступки жены, которые могутъ быть считаемы постыдными и дать мужу поводъ развестись съ женою; въ поступкахъ болѣе важныхъ жена даже теряетъ „к'субу“ и приданое. При извѣстныхъ физическихъ и нравственныхъ недостаткахъ мужа, талмудъ предписываетъ также заставлять и его дать женѣ, по ея требованію, разводъ; наприм. при его неспособности къ дѣторожденію, къ содержанію семьи, при явномъ и постоянномъ прелюбодѣяніи и т. под. Но въ настоящее время мужъ и жена болѣе уравнены въ правѣ разойтись посредствомъ развода, такъ какъ строго соблюдается запрещеніе упомянутаго выше Гершоновскаго раввинскаго собора—дать женѣ разводъ противъ ея воли, за изъятіемъ только случая явнаго отступленія жены отъ религіозныхъ обрядовъ. У нынѣшнихъ евреевъ вообще никакой разводъ не можетъ состояться, пока не согласны оба супруга. Сами супруги или раввинъ, на разбирательство котораго они, какъ и другіе тяжущіеся, ссылаются, установляютъ раздѣлъ имущества между обоими супру-

гами—на комъ изъ супруговъ должна оставаться обязанность воспитанія и содержанія дѣтей и т. п. условія.

Разводъ вообще, а въ первомъ бракѣ въ особенности считается, по религіозно-нравственному ученію евреевъ, если только онъ не вызванъ необходимостію, поступкомъ предосудительнымъ. „Кто разводится съ первою женою, говоритъ талмудъ, даже алтарь (въ храмѣ) проливаетъ о немъ слёзы.“ Миротвореніе между ссорящимися супругами составляетъ, по талмуду, одну изъ важнѣйшихъ нравственныхъ обязанностей каждаго еврея, и поэтому раввинъ, къ которому супруги обращаются за совершеніемъ развода, прежде всего старается примирить разсорившихся. Случается, что супрути, отправившіеся къ раввину съ цѣлью развестись, возвращаются домой примиренными, оставаясь жить вмѣстѣ въ болѣе или менѣе прочномъ согласіи. Процентное отношеніе разводовъ къ бракамъ едва-ли равняется 1 : 100. Причины разводовъ бываютъ различны.

Въ низшемъ, не отличающемся нравственнымъ воспитаніемъ, классѣ, причиною развода иногда бываетъ просто семейное несогласіе, капризъ одного изъ супруговъ (конечно, мужа) и частые раздоры. Въ высшемъ и среднемъ классахъ чаще всего причиною развода бываетъ сильная, непобѣдимая антипатія одного изъ супруговъ къ другому, одержимому рѣзкими нравственными или тѣлесными недостатками, что̀ можетъ имѣть мѣсто при вступленіи въ бракъ въ раннемъ возрастѣ, когда родители обращали больше вниманія на знатность фамиліи, на богатство, чѣмъ на личныя качества будущаго супруга. Въ такихъ случаяхъ негармоничное супружество, благодаря нерѣшительности молодыхъ людей и стараніямъ родителей не допускать дочь или сына до развода, продолжается довольно значительное время, и разводъ, который непремѣнно долженъ послѣдовать, совершается при 3-хъ, 4-хъ дѣтяхъ. Разводъ же, по причинѣ однѣхъ только ссоръ и капризовъ, при чемъ супруги очевидно не уступаютъ одинъ другому наружными или духовными свойствами, рѣдко случается въ классахъ болѣе образованныхъ, да и въ низшемъ классѣ весьма рѣдко случается при дѣтяхъ. Если же супруги разводятся безъ основательныхъ причинъ, то чаще всего, вскорѣ послѣ развода, вступаютъ въ новый бракъ, что́ иногда случается и при неимѣніи еще дѣтей, такъ какъ, по еврейскимъ законамъ, вступленіе вновь въ бракъ съ разведенною женою, пока она не вышла за другого, дозволяется. Легко себѣ представить, какъ жалко должно быть положеніе дѣтей разведенныхъ родителей, которымъ приходится жить или при отчимѣ, имѣя роднаго отца, или при мачихѣ, имѣя родную мать. Данное народомъ такимъ дѣтямъ прозваніе „живыхъ сиротъ“ вѣрно характеритуетъ положеніе несчастныхъ и въ нравственномъ и въ матеріальномъ отношеніи. Когда разводъ случается въ

молодости супруговъ, т. е. когда они еще находятся на содержаніи родителей, то попеченіе о малолѣтнихъ ихъ дѣтяхъ часто берутъ на себя родители супруговъ, особенно если разводъ произошелъ по ихъ настоянію. При достаточномъ состояніи, дѣды вполнѣ заступаютъ внукамъ мѣсто родителей, держа ихъ у себя до сватьбы, и даже послѣ выхода на собственное содержаніе. Сами родители этихъ „живыхъ сиротъ," живущіе уже въ новыхъ супружествахъ, никогда, однакожъ, не отказываютъ своимъ дѣтямъ въ посильномъ вспомоществованіи, если только положеніе послѣднихъ, по случаю смерти дѣдовъ или ихъ обѣднѣнія, этого требуетъ.

Раздѣленіе имущества и обязанности дальнѣйшаго попеченія о дѣтяхъ вмѣстѣ прижитыхъ, какъ сказано выше, установляются или по собственному соглашенію разводящихся супруговъ, или по рѣшенію раввина, къ разбирательству котораго они добровольно прибѣгаютъ. Жена почти никогда не беретъ имущества; за исключеніемъ ея гардероба и дамскихъ украшеній, она получаетъ бо́льшую или меньшую сумму наличными деньгами, или же отдаетъ еще мужу часть, или все собственное свое состояніе. Обыкновенно при этихъ разсчетахъ (установляются ли они по обоюдному соглашенію, или по разбирательству раввина) больше получаетъ денегъ та сторона, которая не настаиваетъ на разводѣ, а теряетъ больше—другая. Относительно попеченія о дѣтяхъ хотя и придерживаются нѣсколько талмудическаго закона, по которому эта обязанность лежитъ на отцѣ, а не на матери; но если же развода требуетъ жена и средства ея не много уступаютъ средствамъ мужа, тогда и она беретъ къ себѣ часть изъ числа дѣтей (обыкновенно, половинную) и преимущественно дѣвочекъ. Когда всѣ эти вопросы разбираются раввиномъ, то онъ, хотя, главнымъ образомъ, тоже придерживается того принципа, что настаивающій на разводѣ супругъ долженъ уступить въ пользу другого, но все таки соображается и съ постановленіями талмудической юриспруденціи, поддерживая болѣе ту сторону, которая, на основаніи этихъ постановленій, имѣетъ законную причину требовать развода, или же не соглашаться на оный.

Законными причинами къ разводу служитъ, по талмуду, слѣдующее: a) неспособность того или другого супруга къ дѣторожденію. По талмудическому ученію, супруги, прожившіе десять лѣтъ бездѣтно, по причинѣ неспособности одного изъ нихъ, *должны* развестись, что́ въ настоящее время не строго соблюдается: болѣе половины бездѣтныхъ супруговъ такъ и проживаютъ свой вѣкъ вмѣстѣ. b) Если одинъ изъ супруговъ одержимъ надучею болѣзнію. c) Отказъ отъ супружескихъ сообщеній. d) Отступленіе отъ религіозныхъ обрядовъ и обычаевъ. e) Нарушеніе супружеской вѣрности. Послѣднія два постановленія относятся къ женѣ гораздо строже, чѣмъ къ мужу.

Мужу строго воспрещено жить съ женою обличенною, или даже имъ только самимъ заподозрѣнною въ преступномъ сношеніи съ чужимъ мужчиною, что́ часто соблюдается и по-нынѣ. f) Если жена имѣла до сватьбы органическіе недостатки и утаила ихъ отъ мужа. Въ послѣднихъ трехъ случаяхъ (d. c. f.) жена теряетъ „ксубу“, „тосфотъ-ксубу“, а беретъ только находящееся на лицо собственное свое имущество; въ прочихъ-же случаяхъ она „ксубы“ не теряетъ; но болѣе этого она, по талмуду, ни въ какомъ случаѣ не имѣетъ права требовать при разводѣ. Въ настоящее-же время (по рѣшенію-ли раввина, или по собственному соглашенію между собою) жена часто получаетъ значительную сумму за полученіе развода, будь она даже причиною развода; такъ равно она кромѣ „ксубы“ еще приплачиваетъ (сама, или родители ея) мужу, за выдачу ей развода, хотя онъ имѣетъ такіе недостатки, по которымъ ей предоставляется талмудическою юриспруденціею полное право требовать развода. Дѣти, кормимыя грудью, всегда остаются при матери до выкормленія, по талмуду на 24 мѣсяца; а потомъ, если дѣти по договору должны остаться на попеченіи мужа, она ему ихъ возвращаетъ. Письменныхъ договоровъ объ условіяхъ, на которыхъ разводъ состоялся, не заключается; денежныя суммы, которыя одна сторона даетъ другой, обыкновенно отдаются за-руки третьему лицу до совершенія разводнаго акта, которымъ прекращаются всякія сношенія супруговъ. Обрядовой процессъ этого акта состоитъ въ слѣдующемъ:

Разводное письмо пишется „соферомъ“ на простой бумагѣ и непремѣнно хорошими, дубильными чернилами, шрифтомъ употребляемымъ въ Пятикнижіи (ассирійскимъ). Бумага, чернила и всѣ письменныя принадлежности должны непремѣнно составлять собственность мужа, которыя онъ передаетъ софери при „разводныхъ свидѣтеляхъ“, говоря: „напиши этотъ разводъ („гэтъ“) для разведенія меня (такого-то) съ моею женою (такою-то)“. При этомъ мужъ говоритъ также свидѣтелямъ, каждому отдѣльно: „ты (такой-то) будь свидѣтелемъ и подпиши *гэтъ*, которымъ я желаю развестись съ моею женою (такою-то)“. Все это совершается въ присутствіи раввина, наблюдающаго, чтобы всѣ эти приглашенія мужа и отвѣты софера и свидѣтелей произносимы были установленными раввинами формулами на разговорномъ языкѣ. Послѣ этого соферъ начинаетъ писать „гэтъ“ при свидѣтеляхъ, тщательно наблюдая, чтобы не было ни малѣйшей ошибки въ текстѣ и чтобы шрифтъ былъ самый отчетливѣйшій: незначительное чернильное пятнышко, нѣсколько искажающее форму буквы, уже дѣлаетъ „гэтъ“ — „посулъ“ (негоднымъ) и нужно писать новый. Текстъ разводнаго письма заключаетъ въ себѣ по установленной формулѣ, слѣдующее: спачала пишется „день недѣли, число мѣсяца такого-то года (по еврейскому счисленію), въ такомъ-то городѣ, находящемся

при такихъ-то рѣкахъ (въ настоящее время разводы даются только въ мѣстахъ, гдѣ протекаютъ двѣ рѣки), я такой-то (имя и отчество) по добровольному, невынужденному желанію освобождаю, отпускаю.... тебя, такую-то, бывшую до сего моею женою... и такъ я тебя освободилъ... (слѣдуютъ разные синонимы слова „свободы“), чтобы ты имѣла собственную волю и свободу идти и сочетаться бракомъ съ кѣмъ пожелаешъ.... и сіе да будетъ тебѣ разводнымъ письмомъ... по закону Моисея и Израиля“. Свидѣтели прочитываютъ и подписываются. По прочтеніи и провѣрки акта, раввинъ приступаетъ къ совершенію врученія развода мужемъ въ руки жены. Вмѣстѣ съ раввиномъ должны присутствовать еще два ассистента, свидѣтели развода, соферъ и еще нѣсколько постороннихъ, чтобы всѣхъ мужчинъ было десять. Раввинъ, большею частію стоя, приступаетъ къ строго-подробному опросу: а) софера—поручилъ-ли ему мужъ (такой-то) писать разводъ для разведенія съ женою (такою-то)?; b) свидѣтелей—слышали-ли они какъ мужъ поручилъ соферу написать разводъ, и какъ онъ это выразилъ? пригласилъ-ли мужъ свидѣтелей подписать разводъ, и какъ онъ имъ при этомъ сказалъ? Во время этихъ распросовъ, женщина стоитъ съ занавѣшеннымъ лицомъ; по окончаніи же, она открываетъ лицо, и раввинъ распрашиваетъ ее — желаетъ-ли она получить отъ мужа (такого-то) разводъ безъ всякаго внѣшняго принужденія, повторяя вопросы разными варіаціями. Такимъ-же образомъ распрашивается и мужъ, которому, потомъ, передается раввиномъ сложенный актъ для врученія женѣ. Но прежде раввинъ удостовѣряется, покончены-ли у нихъ разсчетъ за „ксубу“, предваряя, что послѣ развода они не должны имѣть никакихъ сношеній. Присутствующихъ раввинъ приглашаетъ объявить объ извѣстныхъ имъ обстоятельствахъ, могущихъ компрометировать законность „гэта“, предваряя, что послѣ развода никто, по установленному великими раввинами херему, не долженъ распространять слуховъ, компрометирующихъ законность „гэта“. Потомъ онъ говоритъ свидѣтелямъ: „смотрите какъ онъ передастъ ей „гэтъ“ и слушайте какъ онъ ей дастъ оный для развода“. Мужъ передаетъ „гэтъ“ въ простертыя женою руки, произнося: „это твой гэтъ и ты имъ разведена отъ меня и становишься свободною для всякаго человѣка“. Послѣ того, какъ она приняла актъ и положила его на нѣсколько минутъ подъ-полу, она передаетъ раввину, который еще разъ распрашиваетъ софера и свидѣтелей—тотъ-ли это разводный актъ, который ими написанъ и подписанъ, вторично предваряетъ присутствующихъ не распространять компрометирующихъ разводъ слуховъ. „Гэтъ“ остается у раввина, а ей выдается удостовѣреніе, что она развелась съ мужемъ, для предъявленія при вступленіи въ бракъ въ чужомъ городѣ. Разводъ можетъ быть данъ не только лично женѣ, но и чрезъ посланнаго отъ мужа: мужъ передаетъ, у раввина

же и съ тѣми же церемоніями, „гэтъ“ посланному („ш'лиахъ“), а послѣдній передаетъ его женѣ въ мѣстѣ ея жительства тоже при свидѣтеляхъ, подъ соотвѣтственнымъ руководствомъ раввина.

По полученіи развода, женщина не можетъ вступить въ новый бракъ до истеченія 90 дней со дня развода; тоже самое соблюдается и по смерти мужа. Цѣль этого талмудическаго постановленія состоитъ въ томъ, „чтобы можно было отличить плодъ перваго мужа отъ плода втораго“. Беременная или кормящая грудью не должна выходить замужъ, пока ребенку не минетъ 24 мѣсяца отъ роду. Разведшаяся съ мужемъ не можетъ выходить за „когена“. Обо всемъ этомъ предваряется раввиномъ каждая женщина по полученіи развода.

Иногда мужъ даетъ женѣ условный разводъ. При этомъ соблюдаются тѣ же обрядности, какъ при положительномъ разводѣ; текстъ разводнаго письма также не измѣняется; условіе выражается только при передачѣ развода въ руки жены. Такъ, напримѣръ, мужъ, вручая женѣ разводъ говоритъ: „и это будетъ твоимъ разводомъ *отныпъ* (это слово необходимо), если я не пріѣду отъ сего дня до такого-то числа, если же я пріѣду до этого числа, чтобы разводъ считался недѣйствительнымъ“; или же онъ выражаетъ такое условіе: „съ тѣмъ, что если я не умру до такого-то числа, чтобы „гэтъ“ считался недѣйствительнымъ; если же я умру до этого-то числа, то да будетъ это твоимъ разводомъ *отныпъ*“. Разводъ съ первымъ условіемъ выдавался въ прежнее время тогда, когда мужъ отправлялся въ дальній и опасный путь, для того, чтобы жена въ случаѣ его смерти не осталась „агуною“, по невозможности удостовѣриться въ фактѣ смерти. Разводы со вторымъ условіемъ выдаются и въ настоящее время больнымъ мужемъ при бездѣтномъ супружествѣ, для предохраненія жены, въ случаѣ его смерти, отъ тягостнаго и непріятнаго обряда „халица“.

О халицѣ.—По библейскому закону, братъ умершаго бездѣтнымъ долженъ жениться на вдовѣ покойнаго и „возстановить его имя“, получая вмѣстѣ съ тѣмъ въ собственность все имущество покойнаго брата. Бракъ этотъ извѣстенъ подъ названіемъ „левиратъ“. Въ случаѣ нежеланія брата жениться на вдовѣ умершаго, Моисеемъ установленъ обрядъ „халица“ (разутіе), состоящій въ томъ, что вдова заявляетъ объ этомъ „старшинамъ города“ (нынѣ—бесдину), при этомъ она снимаетъ башмакъ съ его ноги, сплёвываетъ предъ нимъ и говоритъ: „такъ дѣлается лицу, нежелающему возсоздать домъ брата своего“; собраніе отвѣчаетъ: „да будетъ имя его въ Израилѣ *домъ разутаго!*“ Уже талмудисты постановили, чтобы бесдинъ тщательно наблюдалъ — беретъ-ли братъ жену покойнаго въ жены съ благочестивою

цѣлью исполнить заповѣдь, или просто изъ матеріальныхъ видовъ; въ послѣднемъ случаѣ—лучше дать „халицу“, чѣмъ сочетаться бракомъ. Въ настоящее же время, особенно со времени воспрещенія двоеженства (что могло стать неизбѣжнымъ, если оставшійся въ-живыхъ братъ женатъ), самый „левиратъ“ совершенно вывелся; осталась только „халица“. Такъ какъ до совершенія обряда вдова не можетъ выйти замужъ, то она, большею частію, бываетъ поставлена въ чрезвычайно-тягостное положеніе. Случается, что послѣ ея бездѣтнаго мужа остается малолѣтній братъ и ей приходится ждать нѣсколько лѣтъ до его совершеннолѣтія. Кромѣ этого, „халицъ“ (такъ зовутъ брата покойнаго) очень часто требуетъ въ свою пользу большую часть оставшагося отъ брата имущества, хотя оно принадлежитъ собственно вдовѣ, или просто требуетъ отъ послѣдней или ея родителей непомѣрно значительную сумму за дачу „халицы“. Когда раввинскій бесдинъ имѣлъ и нѣкоторую административную власть, то такихъ упрямцевъ заставляли дать „халицу“, но въ настоящее время бѣдной вдовѣ приходится согласиться на тягостныя условія „халуца“, а то она можетъ вѣкъ просидѣть одинокою. Для предупрежденія этихъ-то злоупотребленій и выдается иногда больнымъ бездѣтнымъ мужемъ женѣ условный разводъ, о которомъ сказано было выше.

Самый актъ „халицы“ существенно состоитъ изъ приведенныхъ выше библейскихъ обрядовъ, къ которымъ прибавлены еще нѣкоторыя формальныя церемоніи. Такъ, башмакъ приготовляется по особенному, талмудистами предписанному, образцу; башмакъ долженъ быть надѣтъ на голомъ тѣлѣ, для чего нога „халуца“ тщательно омывается и очищается шамесомъ, а башмакъ надѣваетъ ему самъ раввинъ; „халица“ (такъ называется вдова) развязываетъ всѣ повязки и узелки, которыми башмакъ прикрѣпляется къ ногѣ, непремѣнно правою рукою, а если она лѣвша — лѣвою, безъ всякой помощи другой руки снимаетъ башмакъ и, опустивъ его на полъ, опять поднимаетъ и отбрасываетъ въ сторону; послѣ этого, она, по указанію раввина, сплёвываетъ предъ „халуцомъ“. Формулы обжалованія „халицы“, т. е. что „халуца“ не хочетъ сочетаться съ нею бракомъ, потомъ его отвѣтъ, что онъ дѣйствительно не хочетъ, — до разутія произносятся тѣми словами, какія упомянуты въ библіи. Кромѣ самого раввина, должны быть при немъ же два ассистента, четыре представительныхъ лица отъ города и два свидѣтеля; кромѣ этого персонала, должны быть десять постороннихъ; но такъ какъ обрядъ „халицы“ совершается весьма рѣдко, то при этомъ всегда присутствуетъ толпа любопытныхъ, что много способствуетъ крайнему смущенію совершающихъ „халицы“; вообще, этотъ актъ имѣетъ видъ торжественности и совершается на паперти синагоги или молитвеннаго дома.

„Халуцъ“ уже не можетъ вступать въ бракъ съ „халицою“ и ни съ одною изъ ея родственницъ тѣхъ степеней, въ которыхъ всякій мужъ не можетъ брать родственницъ жены. „Халица“, также какъ и получившая разводъ, не можетъ выходить за когена.

Отношенія семьи вообще и попечительство.—Семью, въ собственномъ смыслѣ, составляютъ у евреевъ супруги и живущіе въ ихъ домѣ дѣти. Въ составъ семьи входятъ также дѣти одного изъ супруговъ отъ другого брака, но которые по договору, состоявшемуся при новомъ бракосочетаніи, приняты отчимомъ или мачихою на воспитаніе и содержаніе наравнѣ съ прочими дѣтьми. Внуки отъ умершихъ дѣтей или отъ такихъ, которые сами еще живутъ на иждивеніи родителей, тоже считаются членами семьи, опекаемыми однимъ общимъ главою—дѣдомъ. Главою семейства считается отецъ, котораго всѣ члены семьи должны уважать и повиноваться ему. Хотя, по Моисеево-талмудическому ученію, дѣти должны равно почитать и *бояться*, какъ отца, такъ и матери, но тамъ, гдѣ соблюденіе чести матери влечетъ за собою нарушеніе чести отца—честь послѣдняго (если они не развелись) стоитъ выше: „ибо—говоритъ талмудъ—и ты и она (мать) должны его почитать“. Въ талмудѣ находятся нѣкоторыя узаконенныя правила о почитаніи родителей, отчасти соблюдаемыя и по-нынѣ. Дѣти не должны занимать мѣсто, которое родители занимаютъ дома при трапезѣ, въ синагогѣ и въ другомъ публичномъ мѣстѣ; они не должны, даже заочно, называть родителей собственнымъ именемъ, что̀ не соблюдается въ письмѣ; сынъ долженъ содержать бѣдныхъ родителей, если имѣетъ на это средства; хотя *законъ* къ этому не обязуетъ, но „бесдинъ“ могъ заставлять кормить и одѣвать бѣднаго родителя въ видѣ благотворительности. Подъ библейскую заповѣдь—почитать и бояться родителей—талмудисты подводятъ и жену отца при его жизни и старшаго брата, а нѣкоторые позднѣйшіе раввины—и тестя. Вообще матеріальныя взаимныя отношенія родителей и дѣтей имѣютъ значеніе нравственныхъ обязанностей, освященныхъ патріархальнымъ обычаемъ, а не юридически-обязательныхъ. Такъ, по талмуду, родитель обязанъ содержать и воспитывать дѣтей только до 6-ти лѣтняго возраста; далѣе же этого возраста пропитаніе, даваемое дѣтямъ, есть благотворительность, къ которой „бесдинъ“ могъ, впрочемъ, принуждать состоятельнаго родителя. Но на практикѣ едва-ли когда либо приходилось заставлять родителя кормить своихъ дѣтей. Священнѣйшую обязанность родителя составляетъ, какъ по религіозному ученію, такъ и по обычаю, обученіе дѣтей догматамъ религіи и законоученію („торѣ“) вообще. Талмудъ вмѣняетъ въ нравственную обязанность обучать сына также ремеслу. „Кто не обучаетъ сына ремеслу, то это все

равно какъ бы училъ его грабежу", но, какъ извѣстно, на практикѣ это не соблюдается.

Надъ личностью и имуществомъ дѣтей древнее законодательство евреевъ предоставляетъ родителю власть только относительно малолѣтней дочери; до достиженія ею совершеннолѣтія, отецъ могъ отдать ее замужъ за кого пожелаетъ, продать въ рабыни и пользовался, какъ собственностію, всѣми произведеніями ея труда *). Но, съ теченіемъ времени, подъ вліяніемъ новыхъ обстоятельствъ и условій жизни, эти отношенія тоже измѣнились. Въ настоящее время не только дочь, но и сынъ, находясь въ домѣ родителей, помогаютъ послѣднимъ въ ихъ трудахъ, какъ, напримѣръ, въ бѣдномъ торговомъ и ремесленномъ классахъ; крайне-же бѣдные родители, отдавая дочь, и совершеннолѣтнюю (т. е. старше $12^1/_2$ года) или сына въ домашнее услуженіе, или въ обученіе ремеслу, берутъ отъ дѣтей часть платы, ими заработываемой, до того возраста, пока дѣти не должны еще сберегать излишекъ заработка для женитьбы; бѣдный родитель скорѣе еще воспользуется частью заработка сына, чѣмъ дочери, такъ какъ послѣдней больше нужно средствъ для выхода замужъ, чѣмъ первому для женитьбы. Вообще, только крайняя бѣдность можетъ заставить родителей прибѣгать къ помощи трудящихся дѣтей. Въ среднемъ и высшихъ классахъ, фактическаго права собственности дѣти не имѣютъ до женитьбы, такъ какъ до того времени дѣти этихъ классовъ ничего не дѣлаютъ для пріобрѣтенія чего-либо. Послѣ женитьбы, или, даже, послѣ помолвки — собственностію молодыхъ уже считается приданое, обѣщанное или дѣйствительно данное, и сдѣланный имъ гардеробъ. Большею частью, впрочемъ, еврейскіе брачущіеся не бываютъ полновластными хозяевами приданаго до истеченія срока содержанія ихъ въ домахъ родителей-сватовъ. Приданое, уплачиваемое преимущественно частями (до сватьбы, при сватьбѣ или послѣ оной) отдается сватами за-руки третьему лицу (шолишу) подъ росписки („ш'лишосъ") на имя родителей или молодыхъ. Пока молодой человѣкъ сидитъ съ женою въ домѣ отца или тестя и не занимается еще коммерціею, то перемѣщеніе капитала приданаго отъ одного „шолиша" къ другому или другія распоряженія этими деньгами вполнѣ зависятъ или отъ обоихъ сватовъ вмѣстѣ, или отъ того, въ домѣ котораго новобрачные *сидятъ* на содержаніи. Если одинъ изъ сватовъ не выполняетъ тѣхъ условій относительно самого приданаго или содержанія, подарковъ и т. п., въ чемъ онъ обязался договоромъ („тноимъ"), то другой сватъ считаетъ всегда своею обязанностію, на-сколько возможно, заботиться о защитѣ

*) Впрочемъ, и малолѣтніе сыновья, пока содержатся въ домѣ родителей, находятся въ отношеніи имущества подъ властію отца; послѣдній имѣетъ право на ихъ находки и т. п. (Талмудъ).

своихъ дѣтей отъ несправедливостей другого свата. Однимъ словомъ, еврейскіе родители не перестаютъ пещись и заботиться о своихъ дѣтяхъ даже послѣ женитьбы, пока дѣти не станутъ вполнѣ самостоятельными хозяевами, и до этого времени, родители имѣютъ, по обычаю, значительное право располагать юридическими правами дѣтей. Такъ, даже теперь призываютъ, напримѣръ, къ раввину отца-зятя за неуплату обѣщаннаго приданаго, не спрашивая мнѣнія и желанія молодаго зятя-сына отвѣтчика; само собою разумѣется, что сынъ имѣетъ, по еврейскому закону, право подарить отцу обѣщанное приданое, но на практикѣ сынъ играетъ, большею частію, пассивную роль, считая за своимъ тестемъ, у котораго живетъ, болѣе долга и права заботиться о его интересахъ, касающихся какъ его, зятя, такъ и жены его, дочери заботливаго родителя.

И такъ, окончательное отдѣленіе дѣтей отъ родителей и общей ихъ семьи наступаетъ тогда, когда дѣти начинаютъ жить отдѣльно собственными трудами. По *переходѣ на собственный коштъ*, дѣти начинаютъ самовластно распоряжаться своимъ имуществомъ, состоящимъ изъ приданого, сумма котораго нѣсколько увеличена процентами, и цѣнныхъ подарковъ, сдѣланныхъ имъ родителями до и послѣ сватьбы; но болѣе этого имущества они съ собою не берутъ: у евреевъ вообще нѣтъ родоваго имущества, которое составляло бы общую собственность всей семьи.

При вторыхъ бракахъ, дѣти мужа отъ перваго брака, за весьма рѣдкими исключеніями, остаются, какъ и прежде, въ домѣ родителя на общемъ содержаніи семьи, до женитьбы; только послѣ оной отецъ большею частью не беретъ на содержаніе молодой четы, лишившейся въ его домѣ родной матери. Дѣти же жены отъ перваго брака не всегда становятся членами новой семьи; это зависитъ отъ договора заключеннаго (всегда устно, а не письменно) между вступившими въ новый бракъ супругами. Вообще, если вступающіе въ новый бракъ—люди молодые и, притомъ, мужъ или не имѣетъ вовсе дѣтей, или имѣетъ только одного, тогда жена беретъ съ собою одно дитя, иногда и двухъ отъ перваго брака; эти дѣти жены содержатся въ домѣ супруговъ до женитьбы: на самую же женитьбу, на приданое, отчимъ или ничего не даетъ, если дѣти жены имѣютъ что-нибудь по наслѣдству со стороны ихъ отца, или даетъ, сравнительно съ своими дѣтьми отъ перваго и второго браковъ, очень мало. Вступающій въ новый бракъ принимаетъ къ себѣ дѣтей жены и тогда, когда она ему даетъ значительную сумму приданаго; но на сватьбу такіе дѣти всегда имѣютъ особый капиталъ изъ оставшагося наслѣдства, и капиталъ этотъ, до времени сватьбы, остается на рукахъ „шолиша“. Часто, въ среднемъ и богатыхъ классахъ, мужъ не отказываетъ второй женѣ въ содержаніи ея взрослыхъ дѣтей, которымъ остается всего

годъ или два до сватьбы, т. е. до выхода изъ дома. Дѣти, находящіеся на содержаніи въ домѣ отчима, какъ равно дѣти мужа должны своей мачихѣ, и дѣйствительно оказываютъ отчиму и мачихѣ такое же почтеніе, какъ и родителямъ, хотя отчимы а тѣмъ болѣе мачихи, какъ это бываетъ у другихъ народовъ, рѣдко относятся дружелюбно къ своимъ пасынкамъ и падчерицамъ. Впрочемъ и взрослые, а тѣмъ болѣе отдѣленныя дѣти, также враждебно относятся къ отчиму или мачихѣ. Отношенія между дѣтьми мужа и дѣтьми жены, когда они живутъ вмѣстѣ, нельзя сказать чтобы были особенно враждебныя, но они всегда холодны, какъ между совершенно чужими. Часто случаются у евреевъ браки между дѣтьми супруговъ отъ первыхъ браковъ, т. е. между сводными братьями и сестрами.

По смерти отца, взаимныя, нравственныя и юридическія, отношенія между дѣтьми и родителемъ ни къ кому изъ родственниковъ, по еврейскому праву, не переходятъ. Оставшаяся вдова-мать сиротъ — становится по этому праву даже нѣсколько въ зависимомъ отношеніи къ наслѣдникамъ, по матеріальному положенію. Назначеніе опекуна надъ имуществомъ малолѣтнихъ лежитъ на обязанности умирающаго, а если онъ такого распоряженія не сдѣлалъ, „бесдинъ“ долженъ назначать опекуна по своему усмотрѣнію: „ибо, говоритъ талмудъ, бесдинъ—отецъ сиротъ“; бесдинъ же не долженъ никакимъ образомъ назначать опекуномъ женщину. Въ практической жизни нынѣшнихъ евреевъ малолѣтнія сироты всегда остаются подъ присмотромъ и вѣдѣніемъ матери, пока она не вступитъ въ новый бракъ. Если мать находится въ такомъ уже возрастѣ, что или вовсе не вступитъ въ новый бракъ, или если и вступитъ, то уже дѣтей родить не будетъ, и притомъ она свѣдуща въ дѣлахъ мужа и способна продолжать веденіе оныхъ, тогда она остается единственною опекуншею и попечительницею надъ дѣтьми, воспитывая ихъ и выдавая замужъ, или женя по своему усмотрѣнію, какъ бы самъ отецъ. Когда мать сиротъ по своимъ лѣтамъ, способностямъ и положенію не можетъ остаться попечительницею дѣтей, когда она желаетъ вступить въ новый бракъ и не можетъ взять дѣтей съ собою, или когда она имѣетъ еще своихъ дѣтей отъ другого брака, или когда слабость здоровья заставляетъ ее-самоё искать себѣ подспорья у взрослаго сына или родственниковъ, — тогда попеченіе о малолѣтнихъ беретъ на себя старшій отдѣленный братъ малолѣтнихъ сиротъ, а если таковаго нѣтъ, то дядя, большею частью братъ покойнаго отца, но когда таковаго нѣтъ, то и братья вдовы-матери. Во всѣхъ этихъ случаяхъ, если дѣтямъ-сиротамъ осталось болѣе или менѣе достаточное наслѣдство, которое употребляется для устройства ихъ сватьбы, причемъ унаслѣдованное имущество вступаетъ окончательно въ ихъ распоряженіе, — то старшій братъ или дядя имѣютъ

большею частью значеніе опекуновъ, и хотя они пріютили дѣтей у себя на своемъ же содержаніи до сватьбы, но все-таки не получаютъ никакого права надъ имуществомъ малолѣтнихъ. Это имущество обращается большею частію въ наличныя деньги и отдается въ руки „шолиша“ на проценты, по общему совѣщанію ближайшихъ родственниковъ и матери. Только, если принимающій въ свой домъ сиротъ братъ или дядя—люди богатые или извѣстны своею безукоризненною честностію, тогда они сами распоряжаются отдачею капитала опекаемыхъ ими сиротъ-родственниковъ въ руки „шолиша“ или даже берутъ этотъ капиталъ къ себѣ. Вообще, въ дѣлѣ обезпеченія наслѣдства малолѣтнихъ, по приглашенію ближайшихъ родственниковъ, принимаютъ участіе и раввины, у которыхъ часто хранятся векселя на деньги малолѣтнихъ, или другія записи, ихъ касающіяся. Только когда сама мать, въ описанномъ выше случаѣ, остается жить вмѣстѣ съ дѣтьми и становится единственною ихъ опекуншею и попечительницею въ качествѣ родительницы, вмѣшательство другихъ родственниковъ и раввина не имѣетъ мѣста.

Чтобы кончить, вмѣстѣ съ тѣмъ, описаніе попечительства у евреевъ, считаю нужнымъ къ сказанному выше прибавить, что случай назначенія бесдиномъ или обществомъ посторонняго лица опекуномъ надъ малолѣтними сиротами и ихъ имуществомъ никогда не бываетъ въ настоящее время. Всегда находится какой-нибудь родственникъ, который беретъ къ себѣ круглыхъ сиротъ, а ихъ имущество сохраняется или у „шолиша“ подъ наблюденіемъ этого родственника и бесдина, т. е. раввина, или-же у самого раввина; иногда при неимѣніи близкихъ родственниковъ и поступленіи сиротъ къ родственнику, болѣе отдаленному и небогатому, имущество ихъ отдается подъ правительственную оффиціальную опеку. Совершенно бѣдныя круглыя сироты, неимѣющія состоятельныхъ родственниковъ, живутъ въ малолѣтствѣ общественною благотворительностію. Мать при малолѣтнихъ сиротахъ всегда остается вѣрною, какъ слѣдуетъ родительницѣ, попечительницею надъ дѣтьми, и если послѣдніе не обезпечены ни наслѣдствомъ, ни помощью богатаго брата или дяди, она не вступаетъ въ новый бракъ до выроста и устройства быта дѣтей.

Круглыхъ сиротъ принимаютъ къ себѣ пріемышами, большею частію, бездѣтные супруги. Отношенія между воспитателями и пріемышами имѣютъ значеніе добровольной благотворительности, и усыновленіе не налагаетъ ни на первыхъ, ни на послѣднихъ никакихъ юридическихъ отношеній и обязанностей. Но усыновившій чужое дитя всегда роститъ его, женитъ, давая воспитаннику приданое и даже содержаніе съ женою или съ мужемъ нѣсколько лѣтъ послѣ сватьбы, а въ духовномъ завѣщаніи удѣляетъ ему болѣе или менѣе значительную часть наслѣдства. Такіе, вскормленные съ родительскою попечитель-

ностію, пріемыши читаютъ по своемъ воспитателѣ и воспитательницѣ „кадишъ.“ Вообще интимность отношеній между бездѣтными воспитателями и пріемышами равняется почти той, которая существуетъ между родителями и родными дѣтьми.

Имущественныя права.

О ПРІОБРѢТЕНІИ ИМУЩЕСТВА ВООБЩЕ. — Способовъ пріобрѣтенія собственности, какъ движимой такъ и недвижимой, существуетъ у нынѣшнихъ евреевъ три: наслѣдство, дареніе и купля. Относительно находки строго соблюдается библейская заповѣдь — возвращать всякую найденную потерю „брата твоего“. Невозвращеніе найденной потери еврею считается безчинным поступкомъ, какъ бы воровствомъ, а возвращеніе потери есть поступокъ богоугодный; вообще, даже бѣдный не возьметъ добровольно-предлагаемаго вознагражденія за то, что онъ возвращаетъ утерянную вещь. Въ талмудѣ есть много разсказовъ о возвращеніи находки благочестивыми учеными даже язычникамъ, и понынѣ считается нравственнымъ долгомъ возвращать потерю ея хозяину-иновѣрцу.

Узаконенный талмудическимъ законодательствомъ способъ укрѣпленія права на недвижимое имущество посредствомъ трехлѣтней безспорной „хазаки“ (хазака въ этомъ смыслѣ значитъ дѣйствительное владѣніе на правахъ собственности) нынѣ не существуетъ. Но „хазака“ надъ движимостью, т. е. дѣйствительное оною владѣніе, хотя бы только въ данный моментъ, считается доказательствомъ права собственности; въ случаѣ предъявленія кѣмъ либо спора, владѣтель вещи долженъ только, по талмуду, присягать, „швуитъ гесетъ“; нынѣ же раввинъ рѣдко и присуждаетъ къ такой присягѣ. У нынѣшнихъ евреевъ существуетъ трехлѣтняя „хазака“ не относительно права собственности надъ недвижимымъ имуществомъ, а относительно полученія монопольнаго права надъ извѣстнымъ промысломъ, на пользованіе имуществомъ по найму; подробности этого рода „хазаки“, едва-ли имѣющей основаніе въ талмудѣ, будутъ описаны ниже.

Въ дополненіе къ сказанному въ предварительной къ настоящему очерку замѣткѣ—считаю нужнымъ сказать еще слѣдующее:

Большая часть приводимыхъ ниже принциповъ талмудическаго законодательства примѣняется, главнымъ образомъ, въ дѣлахъ незначительныхъ, по которымъ заключеніе актовъ и разбирательство споровъ совершаются домашнимъ способомъ и предоставляются по добровольному желанію юрисдикціи раввина. При пріобрѣтеніи же въ собственность недвижимыхъ имуществъ крупной цѣнности, а частію даже на мелкія суммы, но въ горо-

ностію, пріемыши читаютъ по своемъ воспитателѣ и воспитательницѣ „кадишъ.“ Вообще интимность отношеній между бездѣтными воспитателями и пріемышами равняется почти той, которая существуетъ между родителями и родными дѣтьми.

Имущественныя права.

О ПРІОБРѢТЕНІИ ИМУЩЕСТВА ВООБЩЕ. — Способовъ пріобрѣтенія собственности, какъ движимой такъ и недвижимой, существуетъ у нынѣшнихъ евреевъ три: наслѣдство, дареніе и купля. Относительно находки строго соблюдается библейская заповѣдь — возвращать всякую найденную потерю „брата твоего“. Невозвращеніе найденной потери еврею считается безчинным поступкомъ, какъ бы воровствомъ, а возвращеніе потери есть поступокъ богоугодный; вообще, даже бѣдный не возьметъ добровольно-предлагаемаго вознагражденія за то, что онъ возвращаетъ утерянную вещь. Въ талмудѣ есть много разсказовъ о возвращеніи находки благочестивыми учеными даже язычникамъ, и понынѣ считается нравственнымъ долгомъ возвращать потерю ея хозяину-иновѣрцу.

Узаконенный талмудическимъ законодательствомъ способъ укрѣпленія права на недвижимое имущество посредствомъ трехлѣтней безспорной „хазаки“ (хазака въ этомъ смыслѣ значитъ дѣйствительное владѣніе на правахъ собственности) нынѣ не существуетъ. Но „хазака“ надъ движимостью, т. е. дѣйствительное оною владѣніе, хотя бы только въ данный моментъ, считается доказательствомъ права собственности; въ случаѣ предъявленія кѣмъ либо спора, владѣтель вещи долженъ только, по талмуду, присягать, „швуитъ гесетъ“; нынѣ же раввинъ рѣдко и присуждаетъ къ такой присягѣ. У нынѣшнихъ евреевъ существуетъ трехлѣтняя „хазака“ не относительно права собственности надъ недвижимымъ имуществомъ, а относительно полученія монопольнаго права надъ извѣстнымъ промысломъ, на пользованіе имуществомъ по найму; подробности этого рода „хазаки“, едва-ли имѣющей основаніе въ талмудѣ, будутъ описаны ниже.

Въ дополненіе къ сказанному въ предварительной къ настоящему очерку замѣткѣ—считаю нужнымъ сказать еще слѣдующее:

Большая часть приводимыхъ ниже принциповъ талмудическаго законодательства примѣняется, главнымъ образомъ, въ дѣлахъ незначительныхъ, по которымъ заключеніе актовъ и разбирательство споровъ совершаются домашнимъ способомъ и предоставляются по добровольному желанію юрисдикціи раввина. При пріобрѣтеніи же въ собственность недвижимыхъ имуществъ крупной цѣнности, а частію даже на мелкія суммы, но въ горо-

дахъ, — такъ равно при заключеніи разныхъ договоровъ и сдѣлокъ въ значительныхъ размѣрахъ — обыкновенно употребляются всѣ способы и формальности, установленныя законами государства.

О правѣ наслѣдованія. Изъ предъидущихъ главъ уже извѣстны узаконенныя талмудомъ права супруговъ по наслѣдству. Жена въ собственномъ имуществѣ мужа не наслѣдуетъ; до востребованія „к'тубы" она имѣетъ только право на квартиру и содержаніе насчетъ наслѣдства. Мужъ же есть единственный наслѣдникъ въ имуществѣ жены. Только „к'туба", „фотъ-ктуба" и приданое жены, хотя по смерти ея остается въ пользованіи мужа, но послѣ его смерти переходитъ къ прижитымъ съ нею дѣтямъ мужскаго пола; впрочемъ, если по смерти мужа, отъ него кромѣ суммъ „к'тубы" и проч. болѣе ничего не осталось, оставшееся дѣлится между всѣми его сыновьями и отъ другихъ женъ поровну.

Изъ дѣтей первое право наслѣдованія въ родительскомъ имуществѣ принадлежитъ сыновьямъ и ихъ потомкамъ. Перворожденный отъ отца сынъ получаетъ по библейскому закону изъ отцовскаго наличнаго имущества двойную противъ другихъ братьевъ часть. Не-наличное же по смерти отца имущество, какъ то: наслѣдство достающееся братьямъ, долги отца на другихъ лицахъ по оставшимся векселямъ и т. под., дѣлится между всѣми братьями поровну. Дочери при сыновьяхъ не наслѣдуютъ; но до достиженія совершеннолѣтія (еврейскаго) онѣ должны быть содержимы насчетъ наслѣдственнаго имущества. Кромѣ содержанія, по постановленію древнихъ талмудистовъ, должно быть выдано по распоряженію бесдина на приданое и сватьбу незамужнихъ дочерей такая сумма, какую, сообразно состоянію, образу жизни и наклонностямъ, израсходовалъ бы на это самъ отецъ при жизни. Если бесдинъ не имѣетъ данныхъ для этихъ соображеній, то выдается на замужество каждой дочери десятая доля *наличнаго* наслѣдственнаго имущества, т. е. при замужествѣ второй дочери ей выдается уже десятая доля того имущества, которое осталось за выдѣленіемъ $^1/_{10}$ доли первой, и т. д. Хотя въ настоящее время бесдинъ, лишонный прежней административной власти, не можетъ заставлять братьевъ наслѣдниковъ удѣлять незамужнимъ сестрамъ именно такую-то долю, но, вообще въ состоятельныхъ классахъ, получившіе наслѣдство братья всегда считаютъ своимъ долгомъ выдавать, насчетъ унаслѣдованнаго имущества, своихъ сестеръ замужъ, хотя бы расходъ на это превышалъ узаконенную раввинскимъ законодательствомъ долю. Очень рѣдко случается, чтобы споръ по этому предмету дошолъ до разбирательства раввина, а если уже доходитъ, то раввинъ, конечно, руководствуется вышеупомянутыми правилами.

Когда нѣтъ сыновей и никакихъ потомковъ, отъ нихъ право наслѣдованія принадлежитъ дочерямъ и ихъ потомкамъ при отсутствіи дочерей и ихъ потомковъ наслѣдуетъ отецъ умершаго и его потомки.

Въ практической жизни нынѣшнихъ евреевъ раздѣленіе наслѣдства между родственниками и членами семьи, въ сколько нибудь состоятельныхъ классахъ, опредѣляется большею частію духовнымъ завѣщаніемъ главы семейства и владѣльца. Завѣщатель всегда руководствуется какъ степенью кровнаго родства, такъ и матеріальнымъ положеніемъ каждаго изъ наслѣдующихъ по завѣщанію, но при этомъ всегда имѣются также въ виду и принципы наслѣдственнаго права по Моисеево-талмудическому ученію, и чѣмъ болѣе завѣщатель религіозенъ, тѣмъ болѣе онъ придерживается этихъ принциповъ.

Такъ духовнымъ завѣщаніемъ („цавоа“) завѣщается часть имущества женѣ, находящейся въ преклонныхъ уже лѣтахъ, если она не имѣетъ „тосфотъ-к'тубы“, обезпечивающей ея положеніе во время вдовства; но сумма завѣщаемой женѣ части всегда менѣе части сына. Удѣляются также по завѣщанію части наслѣдства и дочерямъ, соображаясь съ ихъ матеріальнымъ положеніемъ; но все-таки, большею частію, въ меньшей мѣрѣ противъ сыновей, хотя-бы послѣдніе имѣли гораздо болѣе обезпеченное положеніе чѣмъ дочери; при равномъ-же достаточно-обезпеченномъ положеніи какъ сыновей, такъ и дочерей, послѣднимъ, очень часто, ничего не *отказывается*, кромѣ развѣ домашнихъ цѣнныхъ вещей; за то о незамужнихъ дочеряхъ завѣщатель особенно заботится, и очень часто отказываетъ имъ даже больше, чѣмъ отдѣленному и обезпеченному сыну, и немного менѣе чѣмъ неотдѣленнымъ и неженатымъ еще сыновьямъ. Домъ и домашняя утварь чаще всего отказывается завѣщаніемъ младшему сыну или женѣ, но послѣдней только въ пожизненное пользованіе. Чтобы отказать одному изъ сыновей въ наслѣдствѣ— у евреевъ почти никогда не случается, развѣ въ случаѣ чрезмѣрнаго развращенія сына, но и тогда очень рѣдко, такъ какъ таковой отказъ противенъ религіознымъ понятіямъ; считается также нѣсколько предосудительнымъ завѣщать одному сыну болѣе противъ другихъ.

Въ болѣе зажиточныхъ классахъ, достигающіе преклоннаго возраста отцы всегда приготовляютъ домашнюю духовную, даже чувствуя себя еще совершенно здоровыми. Въ среднемъ классѣ такія духовныя составляются только преклонными уже стариками. Эти духовныя пишутся самими завѣщателями, а если они не грамотны, то приглашаютъ грамотнаго изъ своихъ знакомыхъ; рѣдко обращаются къ раввину. Умирающіе въ среднемъ возрастѣ и не приготовившіе письменнаго завѣщанія, дѣлаютъ таковое словесно, обыкновенно при свидѣтеляхъ. Словесныя завѣщанія, какъ и письменныя, имѣютъ

полную юридическую силу для наслѣдниковъ и всегда исполняются въ точности. Возникающіе споры разбираются у раввина. Случается иногда, что завѣщатель, предвидя, что нѣкоторые изъ наслѣдниковъ могутъ быть недовольны его раздѣленіемъ наслѣдства, или если по другимъ обстоятельствамъ могутъ возникать между ними споры, дѣлаетъ завѣщаніе формальное, въ судѣ.

О КУПЛѢ, ПРОДАЖѢ И ЗАПРОДАЖѢ. — Купля и продажа какъ движимыхъ, такъ и недвижимыхъ имуществъ производится у евреевъ вообще тѣми способами и тѣми обычаями, какіе приняты въ данной мѣстности и внѣ еврейскаго населенія. Такъ, напримѣръ, продажа движимости, товара, разныхъ продуктовъ, хозяйственныхъ вещей и проч. считается вполнѣ оконченною, или по полученіи задатка, или послѣ рукобитія (по еврейски „т'кіатъ-кафъ"), или-же по одному только словесному уговору, смотря по роду и важности суммы сдѣлки. Соблюдаются также извѣстные обычаи додачи нѣкоторыхъ принадлежностей продаваемой вещи, какъ-то: уздечки или оборотя для лошади, стола и лавы для дома и т. под.

Особенныя еврейскія правила примѣняются только въ актахъ запродажи и относительно юридической обязательности сдѣлки, когда споръ и разбирательство по ней доходитъ къ раввинскому суду. Нужно, однакожъ, замѣтить то, что кто только отказывается отъ купли или продажи, ссылаясь на то, что талмудическая юриспруденція даетъ ему на это право, считается уже недобросовѣстнымъ торговцемъ; даже тотъ, кто часто разбирается по торговымъ дѣламъ у раввиновъ, теряетъ репутацію честнаго торговца.

Относительно обрядовъ, которыми покупка утверждается, талмудическая юриспруденція признаетъ полнѣйшую юридическую силу за обычаемъ. Такъ же находимъ въ отдѣлѣ гражданскихъ законовъ кодекса Каро („шулханъ-арухъ хошенъ гамишпатъ"), что рукобитіе, задатокъ и означеніе покупки какимъ-либо знакомъ окончательно утверждаетъ право собственности покупщика тамъ, гдѣ это установлено обычаемъ, хотя по талмуду движимость пріобрѣтается въ собственность покупщика только по принятіи самой вещи въ свое владѣніе. Но вотъ какіе принципы талмудическаго законодательства иногда не согласны съ современными взглядами и обычаями: а) по талмуду, на основаніи библейской заповѣди, покупатель и продавецъ не должны обманывать другъ друга; но если вещь куплена дороже или продана дешевле существующей въ моментъ продажи цѣны, менѣе чѣмъ на одну шестую,—ни покупатель, ни продавецъ претензіи не имѣютъ; если-же излишекъ перебора или недоплаты составляетъ $^1/_6$ существующей цѣны—весь излишекъ долженъ быть возвращенъ обманутому, но продажа остается въ своей силѣ. Но когда одинъ обманулся болѣе чѣмъ на $^1/_6$ существующей цѣны, хотя на одну ко-

пѣйку при крупной суммѣ, обманутый имѣетъ право отказаться отъ сдѣлки, если онъ протестовалъ тотчасъ при узнаніи настоящей цѣны. b) По талмуду человѣкъ можетъ продать только то, что существуетъ уже въ моментъ продажи и что уже поступило въ его владѣніе. Недѣйствительна, напримѣръ, продажа хлѣба съ будущаго урожая, или того, что получится продавцомъ по наслѣдству и т. под. Само собою разумѣется, что главная причина этихъ постановленій состоитъ въ томъ, что во время талмудистовъ еще неизвѣстны были подобнаго рода сдѣлки, отличаемыя и нашимъ русскимъ законодательствомъ отъ продажи въ собственномъ смыслѣ и относимыя къ разряду *подрядовъ*. По талмуду не дѣйствительна также *условная продажа*, т. е. когда продавецъ обусловливаетъ продажу какимъ нибудь постороннимъ обстоятельствомъ; даже если-бы условіе сбылось, продажа все-таки не дѣйствительна, за исключеніемъ только случая, если продавецъ обязался „киньономъ“, что когда условіе сбудется, продажа будетъ имѣть силу со дня заключенія договора. По этому во всѣхъ договорахъ о запродажахъ на сроки въ концѣ прописывается, что запродажа совершена „киньономъ“ и *отнынѣ*; этими формулами болѣе ограждаются отъ измѣненій договора со стороны обоихъ договаривающихся.

Раввинъ, разбирательству котораго предоставляется споръ по запродажѣ, имѣетъ въ виду, при рѣшеніи, вышеописанныя талмудическія правила, но вполнѣ, однакожъ, къ нимъ не примѣняется, а соображается также съ современными торговыми обычаями и понятіями. Такъ, напримѣръ, продавшій товары, которыхъ онъ не имѣлъ въ наличности въ моментъ продажи, обыкновенно присуждается къ отдачѣ товаровъ по крайней мѣрѣ на сумму полученнаго задатка. Это рѣшеніе уже такъ общеизвѣстно, что очень часто сами договаривающіеся на этомъ кончаютъ, т. е. или продавецъ даетъ, въ случаѣ вздорожанія, товара только на сумму полученнаго задатка, или покупатель беретъ только за задатокъ, въ случаѣ удешевленія. Но, какъ сказано выше, подобныя измѣненія договора имѣютъ мѣсто только у купцовъ недобросовѣстныхъ, добросовѣстные-же всегда исполняютъ договоры въ точности, если только потеря, причиняемая имъ исполненіемъ договора не отзовется разорительно на ихъ состояніи. Такъ равно относительно обмана въ продажѣ раввинъ соображается не только съ талмудическими постановленіями, но и съ данными обстоятельствами дѣла: намѣренно-ли одинъ обманулъ другого или безсознательно, великъ-ли убытокъ отъ обмана для состоянія обманутаго и т. под.

При продажѣ домовъ и другихъ зданій у евреевъ нѣсколько соблюдается талмудическое постановленіе о преимуществѣ по сосѣдству („дина деборъ мецра“), т. е. что живущій по сосѣдству имѣетъ преимущество на покупку

зданія передъ другимъ. Споръ объ этомъ предъявляется раввину. Но нерѣдко преступаютъ это постановленіе.

На продажу дома, особенно въ мѣстечкахъ и селахъ, всегда выдается еврейская продажная запись, называемая „киньонъ“. Киньонъ подписывается продавцомъ, двумя свидѣтелями и завѣряется раввиномъ. По особенному обычаю, на продажу дома должно быть изъявляемо и согласіе жены продавца, за что̀ ей даютъ особую небольшую плату называемую „киньонъ-гелтъ“. Впрочемъ, въ богатыхъ и болѣе развитыхъ классахъ этотъ обычай не соблюдается и очень часто обходятся и безъ еврейскаго „киньона“, довольствуясь продажною записью на русскомъ языкѣ, заявленною во владѣльческомъ управленіи, а въ городахъ вообще заключаются только формальныя купчія крѣпости. Въ „киньонѣ“ сохранены формулы, установленныя древнимъ законодательствомъ; такъ пишется: „домъ сей проданъ отъ преисподней земли до высоты небесной“, что продавецъ принимаетъ на себя отстранять всякіе споры и претензіи постороннихъ лицъ на проданный домъ; а въ концѣ тоже прописывается стереотипная во всѣхъ документахъ фраза „все вышеписанное сдѣлано полнымъ киньономъ посредствомъ „судера“ (судеръ — мантія или другой предметъ одежды, который продающій или обязывающійся беретъ въ руки и передаетъ другому, что̀ собственно составляетъ старинный обрядъ киньонъ), „отнынѣ, не какъ „асмахта“ (т. е. сдѣланное условно, на рискъ) и не какъ черновая запись, но у почетнаго бесдина и всѣми наилучшими способами“. Вся эта формула пишется обыкновенно и въ простыхъ записяхъ о запродажѣ, совершаемой на дому, безъ участія — за весьма рѣдкими исключеніями — свидѣтелей, хотя въ дѣйствительности не совершается киньонъ, не говорится о томъ, что онъ безъ „асмахты“, о чемъ многіе и понятія не имѣютъ; но обозначивъ все это на бумагѣ, онъ считается какъ бы совершеннымъ въ дѣйствительности въ томъ случаѣ, если бы желающій отказаться отъ исполненія условія сталъ ссылаться на отсутствіе этихъ обрядовъ.

О дареніи. — Вообще дареніе между посторонними лицами случается у евреевъ весьма рѣдко. Чаще случается дареніе имуществъ или наличныхъ денегъ между близкими родственниками и всегда, конечно, богатый даритъ бѣдному, что̀ имѣетъ значеніе благотворительной помощи; но богатые или зажиточные отцы дарятъ и зажиточнымъ, какъ отдѣленнымъ, такъ и неотдѣленнымъ дѣтямъ. Между родственниками даръ обыкновенно состоитъ изъ наличныхъ денегъ и весьма рѣдко изъ имущества, но дѣтямъ родители дарятъ часто и недвижимое имущество: домъ, лавку, фабричное заведеніе. Если дарителъ имѣетъ еще дѣтей, то, для предупрежденія споровъ послѣ смерти его, онъ выдаетъ получающему даръ частный еврейскій или формальный

дарственный актъ. Дареніе-же движимыхъ вещей производится посредствомъ фактическаго врученія даруемаго.

Договоры.

По займу.—Всѣ узаконенія древняго талмудическаго законодательства относительно совершенія займа, составленія долговыхъ обязательствъ на вексельномъ правѣ („шторъ“) и взысканія по нимъ, не имѣютъ рѣшительно никакого примѣненія у нынѣшнихъ евреевъ. Обыкновенно должникъ выдаетъ кредитору простую еврейскую росписку за своею подписью, обозначая сумму займа и срокъ уплаты. Такая росписка отличается еврейскою особенностію относительно условія о процентахъ. Извѣстно запрещеніе Моисея давать въ ростъ деньги и всякіе земледѣльческіе продукты; но, такъ какъ давать деньги на предпріятіе съ тѣмъ, чтобы прибыль была раздѣляема между капиталистомъ и производящимъ операцію, не можетъ подойти подъ это запрещеніе, то въ еврейской заемной запискѣ значится, что деньги получены на торговое дѣло и съ платою дающему оныя за его часть прибыли столько-то— $^1/_2$ или 2 %. Все это условіе выражается лаконическою формулою: „получена мною отъ такого-то такая-то сумма на кондиціи дозволенной прибыли согласно установленія *магарама*“ (начальныя буквы титула раввина Мордохая Яффы изъ Люблина, установившаго на практикѣ эту форму процентовзиманія; около конца XVI вѣка). Хотя въ силу даже этого постановленія все-таки нельзя брать съ должника процентовъ, если онъ понесъ потерю въ предпріятіи, на которое онъ занялъ деньги, но на практикѣ даже самый религіозный еврей рѣдко подаритъ должнику проценты по этой причинѣ. Но должникъ съ своей стороны уже не такъ рѣдко, разумѣется, отказывается отъ платежа процентовъ по причинѣ потери, и въ народѣ отказъ въ платежѣ процентовъ по такой причинѣ не считается предосудительнымъ, хотя уплата процентовъ въ случаѣ потери считается со стороны должника поступкомъ похвальнымъ. Но, хотя не весьма часто, случается, что кредиторъ даритъ должнику часть процентовъ, если послѣдній понесъ потерю, а иногда даритъ ему всѣ проценты; такіе случаи, однако, весьма рѣдко бываютъ у такихъ кредиторовъ, которые исключительно занимаются отдачею денегъ на ростъ—процентщики.

И такъ, вообще, считается предосудительнымъ брать у еврея проценты безъ записки, заключающей въ себѣ вышеупомянутую формулу. Но въ послѣднее время, особенно со введеніемъ у насъ дешовой вексельной бумаги, чаще всего берутъ русскіе формальные векселя или росписки, которыми до-

вольствуются безъ еврейскихъ „гетеръ-иска“ (процентo-дозволеніе). Только особенно-религіозные берутъ, кромѣ формальной русской, и еврейскую „гетеръ-иску“.

Обыкновенно берутъ между евреями 1½—2% въ мѣсяцъ, но иногда берутъ отъ 1 и до 3-хъ, смотря по суммѣ, по надежности заемщика и по мѣстности. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, гдѣ развита мелкая промышленность, еврейскіе процентщики учреждаютъ такъ называемые банки. Эти банки даютъ деньги мелкимъ промышленникамъ, ремесленникамъ небольшими суммами въ однѣ руки, отъ 25-ти до 100, рѣдко 200, на слѣдующихъ кондиціяхъ. Банкиръ, содержатель банка, давая взаймы извѣстную сумму, беретъ съ капитала 14 — 18 %, смотря потому порядку, какой принятъ при открытіи банка, должникъ-же погашаетъ всю сумму сполна въ теченіи года, внося еженедѣльно по 2 %. Хотя такіе проценты, какъ видно, составляютъ до 43 % годовыхъ, но мелкій промышленникъ или ремесленникъ считаетъ для себя большою выгодою то, что онъ не обремененъ уплатою долга единовременно крупною суммою; для банкира это выгодно въ томъ отношеніи, что деньги приносятъ громадный процентъ, такъ какъ изъ еженедѣльныхъ взносовъ постоянно образовываются новые фонды для новыхъ ссудъ. Не всегда, конечно, соблюдается должниками правильность взносовъ, а иногда пропадаетъ и самый капиталъ, т. е. должникъ совсѣмъ прекращаетъ платежъ; но вообще такія банковыя операціи бываютъ очень прибыльны, особенно когда банкиръ рачительно слѣдитъ за дѣломъ, къ чему немногіе, однакожъ, способны. Ссуда безъ процентовъ называется „гемилатъ-хеседъ“ (облагодѣтельствованіе, оказаніе милости). Кромѣ „гемилатъ-хеседъ“ на крупныя суммы, но не на продолжительные сроки, случающіеся между зажиточными купцами, бываютъ „гемилатъ-хеседъ“, которыми богатые или зажиточные люди ссужаютъ бѣдныхъ на неопредѣленные сроки, но мелкими суммами —3, 5, 10 и до 25 рублей, только въ видѣ благотворительности.

По найму. — а.) *Наемъ имуществъ.* По густотѣ населенія на весьма ограниченныхъ пространствахъ, почти 30% еврейскихъ семействъ живетъ въ *сосѣдахъ*, т. е. въ наемныхъ домахъ, часть которыхъ занимаетъ хозяинъ, а часть—1 или 2 семейныхъ жильца (шухенъ—сосѣдъ, жилецъ). Сроки этого найма бываютъ годичные или полугодичные, считая съ 1-го числа мѣсяца Хешвона (совпадаетъ съ октябремъ) и съ 1-го числа мѣсяца Іара (совпадаетъ съ апрѣлемъ). Бѣдные и вообще малосостоятельные нанимаютъ у домохозяина одну комнату на хозяйскомъ отопленіи, съ зимней и „варшской“ печей, съ платою въ небольшихъ городахъ и мѣстечкахъ отъ 15 до 30 руб. за зимній и отъ 8 до 20 р. за лѣтній семестръ; вода тоже

на счетъ хозяина дома. Средняго класса „шухены“, т. е. жильцы нѣсколько состоятельные, нанимаютъ уже 2 комнаты, но все таки съ общею „варистою“ печью, зимнюю-же отапливаютъ иногда сами. Изъ-за „варенія“ при одной печи нерѣдко бываютъ споры между хозяйкою и жилицею, которыя по необходимости должны, однакожъ, мириться; до мужей рѣдко доходитъ женская распря; но, вообще, какъ само собою разумѣется, такое совмѣстное жительство сопряжено со многими непріятностями какъ нравственными, такъ и матеріальными въ отношеніи гигіеническомъ. Плата за квартиру производится не въ опредѣленные сроки, а когда случится, по требованію хозяина, обыкновенно для покупки дровъ и т. под. расходовъ; но при наймѣ, происходящемъ, обыкновенно, въ *праздничные промежутки* („холъ-гамоэдъ“) праздниковъ кущей — осенью, и пасхи — весною, наниматель даетъ какой либо задатокъ, иногда пьютъ и могарычь, послѣ чего договоръ считается оконченнымъ и обязательнымъ для обоихъ. Письменныхъ договоровъ не заключаютъ. Случаются также договоры о пользованіи квартирою за занятыя хозяину деньги, въ видѣ процентовъ, хотя по еврейскимъ законамъ такое условіе не позволительно, однакожъ, заключаютъ письменные договоры, въ которыхъ даютъ иногда пользованію квартирою значеніе выкупа части прибыли изъ той пользы, которую устроенное на занятыхъ деньгахъ дѣло даетъ должнику хозяину.

б) *Личный наемъ.* Личный наемъ имѣетъ мѣсто у евреевъ: для домашняго услуженія, для работы у ремесленниковъ, въ лавочные прикащики, и въ прикащики и повѣренные при разныхъ торговыхъ дѣлахъ вообще.

Домашнюю еврейскую прислугу можно дѣлить на два разряда: кухарки, въ которыя поступаютъ молодыя и пожилыя женщины-вдовы, и взрослыя дѣвицы и „дѣвки“ (такъ и называются этого рода служанки), служащія нянъками, горничными, для посылокъ, исправляя, большею частію, все это вмѣстѣ, а очень часто помогаютъ хозяйкѣ и при печи; *дѣвки* бываютъ всегда изъ молодыхъ дѣвочекъ лѣтъ 12-ти, 16-ти. Кухарки, служащія вообще у хозяевъ состоятельныхъ, получаютъ въ годъ, смотря по мѣстности, отъ 50-ти до 80-ти рублей; чаще всего имъ дается еще одно платье и пара башмаковъ, а кромѣ этого и гостинецъ въ праздникъ „пуримъ“, или „ханука“. *Дѣвки* получаютъ въ годъ, смотря по возрасту, способности и по тяжести работъ, отъ 25-ти до 40 рублей и всю будничную одежду — хозяина. Сроки и термины найма, а также и выплата жалованья — тѣже, что при наймѣ квартиръ.

Ремесленные работники бываютъ тоже двухъ разрядовъ: ученики (lehren-jüngel) и подмастерья (по еврейски — Poel). Ученикъ-мальчикъ лѣтъ 12—14-ти поступаетъ въ обученіе ремеслу, первые два или три года безъ жалованья, только на хозяйскихъ харчахъ. Иногда онъ проживетъ все двух-

или трехлѣтнее время обученія у одного хозяина, а иногда у разныхъ. Кромѣ исполненія ремесленной работы, мальчикъ-ученикъ большею частію исполняетъ должность домашняго слуги, находясь столько же подъ властію хозяйки, сколько хозяина, подвергаясь часто побоямъ, хотя рѣдко жестокимъ, отъ обоихъ, т. е. со стороны хозяина-мастера и со стороны его жены, пока онъ не пріобрѣтетъ нѣкотораго знанія и навыка въ ремеслѣ и не перейдетъ въ разрядъ подмастерьевъ. Договоръ о принятіи ученика заключается между мастеромъ и отцомъ или ближайшимъ родственникомъ—попечителемъ бѣднаго мальчика. Съ ними заключается договоръ и о принятіи молодого мальчика подмастерья, получающаго уже небольшое жалованье, при чемъ часть платы или вся получается отцомъ подмастерья.

Подмастерья, т. е. ремесленные помощники, получаютъ кромѣ харчей и жалованье отъ 30 и до 100 руб. въ годъ у портныхъ, и менѣе этихъ суммъ у другихъ ремесленниковъ (подмастерье сапожникъ получаетъ максимумъ 75 р., шапошникъ — 50 въ годъ.) Нѣсколько-взрослые подмастерья договариваются вообще сами. Жалованье получается не въ опредѣленные термины и рѣдко даютъ одинъ другому задатки. Терминъ и срокъ найма обыкновенно годовой или полугодовой, считая съ осеннихъ или весеннихъ праздниковъ; но иногда нанимаются и въ остальное время года. Искусные ремесленники, особенно портные и сапожники и вообще женатые, работаютъ помѣсячно, получая 12 и 15 рублей въ мѣсяцъ, или по-штучно; при такихъ договорахъ жалованье уплачивается по окончаніи мѣсяца или работы; харчей хозяинъ не даетъ.

Подмастерья, работающіе у одного, дѣлятъ между собою деньги, получаемыя при сдачѣ работъ; незначительная монета поступаетъ въ пользу того, кто сдаетъ работу.

Лавочные прикащики тоже поступаютъ первоначально на служеніе безплатно по договору ихъ родителей съ содержателями лавокъ; часто, когда родители этихъ лавочныхъ *мешуресовъ* живутъ въ томъ же мѣстѣ, не получаютъ у хозяевъ и харчей. Жалованье и харчи начинаютъ получать по истеченіи года, послѣ каковаго времени обыкновенно пріобрѣтается знаніе и опытность въ лавочной торговлѣ. Лавочные мешуресы получаютъ, смотря по способностямъ, отъ 30 и до 150 рублей въ годъ; непользующіеся же хозяйскими харчами получаютъ и болѣе; получающіе болѣе 100 рублей въ годъ, вообще уже не носятъ названія *мешуресовъ*, а *прикащиковъ*. Старшіе прикащики, особенно въ большихъ городахъ, получаютъ 250 и до 400 рублей въ годъ. Срокъ найма обыкновенно годовой; младшіе нанимаются обыкновенно во время осеннихъ и весеннихъ праздниковъ, а старшіе часто и въ остальное время года.

Мешуресы при постоялыхъ дворахъ болѣе имѣютъ значеніе домашней прислуги: ихъ обязанность убирать комнаты, сѣни, ходить по разнымъ посылкамъ, услужить заѣзжающимъ и т. под. Жалованье они получаютъ малое: кромѣ хозяйскихъ харчей 15—30 рублей въ годъ, но за то пользуются отъѣздными отъ пріѣзжающихъ. Въ большихъ трактовыхъ городахъ и мѣстечкахъ, при значительныхъ постоялыхъ дворахъ, есть мешуресы, довольно взрослые парни и даже женатые, которые никакого жалованья не получаютъ, но пользуются однимъ вознагражденіемъ, получаемымъ отъ заѣзжающихъ пановъ за услуженіе и исполненіе разныхъ порученій, между прочимъ за сводничество, что̀ составляетъ у нихъ значительную статью дохода и содѣйствуетъ деморализаціи этихъ мешуресовъ.

Прикащики и повѣренные при разныхъ торговыхъ дѣлахъ, какъ люди всегда семейные, живущіе отдѣльно, получаютъ одно только жалованье безъ харчей при постоянныхъ занятіяхъ на одномъ мѣстѣ, какъ-то, при винокуренныхъ заводахъ, посессіяхъ и т. под., повѣренные получаютъ и квартиру съ отопленіемъ. Жалованье опредѣляется въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ по недѣлямъ, но вообще по мѣсяцамъ отъ 8-ми и до 25-ти рублей въ мѣсяцъ; 25 руб. въ мѣсяцъ или 6 р. въ недѣлю составляетъ максимумъ жалованья; впрочемъ, основательно свѣдущіе и развитые люди, понимающіе хорошо счетоводство и русскій языкъ, служащіе при обширныхъ предпріятіяхъ получаютъ по 40, 50 и по 75 рублей въ мѣсяцъ.

При всякаго рода наймѣ, какъ имуществъ, такъ и личномъ, договоры бываютъ не письменные, а словесные.

Товарищество.

Товарищество у евреевъ вообще встрѣчается не весьма часто; рѣже всего оно бываетъ между лавочниками и ремесленниками; болѣе часто оно между мелкими промышленниками (какъ-то—мясниками), у мелкихъ подрядчиковъ и у мелкихъ и крупныхъ скупщиковъ; чаще же всего товарищество примѣняется при содержаніи питейныхъ арендъ во владѣльческихъ имѣніяхъ, винокуренныхъ заводахъ и, вообще, въ болѣе или менѣе обширныхъ подрядахъ и другихъ торговыхъ предпріятіяхъ. Въ мелкой промышленности товарищество большею частію состоитъ изъ двухъ, рѣже трехъ, соучастниковъ; питейныя же аренды и обширныя предпріятія вообще ведутся иногда и большимъ числомъ товарищей. Многочисленныхъ компаній и артелей между евреями никогда не бываетъ.

Обыкновенно каждый товарищъ пользуется частію прибыли, а также и

несетъ убытки, соотвѣтственно вложенному имъ капиталу и мѣрѣ его труда; иногда товарищъ получаетъ пользу соотвѣтственно той мѣрѣ труда, въ которой онъ болѣе другихъ товарищей занимается дѣломъ, хотя на оборотный капиталъ онъ даетъ менѣе другихъ. Между евреями часто заключаются двучленныя товарищества, носящія особое названіе „на махцитъ (произносятъ „махцисъ“) сехаръ“. „Махцитъ-сехаръ“ (полъ-барыша) состоитъ въ слѣдующемъ: изъ участвующихъ въ товариществѣ двухъ членовъ, одинъ—вкладчикъ, т. е. даетъ все нужное на предпріятіе количество денегъ, а другой—дѣятель, т. е. покупаетъ и продаетъ по своему усмотрѣнію, но денегъ не вкладываетъ; барышъ же дѣлится между обоими товарищами по-поламъ. Иногда вкладчикъ беретъ, кромѣ половины пользы, еще и проценты, 12—18 годовыхъ—изъ баловаго барыша, или же извѣстную сумму даетъ безъ процентовъ, а за остальную сумму, которую онъ долженъ дать по требованію дѣла, уже беретъ опредѣленный процентъ. Такія товарищества обыкновенно заключаются между незначительнымъ капиталистомъ-талмудистомъ или вообще не очень способнымъ или нерасположеннымъ вести коммерцію и опытнымъ, и вмѣстѣ, добросовѣстнымъ торговцемъ. Сей послѣдній — членъ-дѣятель — чаще всего получаетъ изъ оборотнаго капитала, въ счетъ его части въ прибыли, извѣстную, опредѣленную договоромъ сумму на свои домашніе расходы—по 3—5 рублей въ недѣлю;—но иногда онъ впередъ ничего не получаетъ и даже вкладываетъ небольшую сумму въ обезпеченіе своей половины въ случаѣ убытка.

Вообще между товарищами, учреждающими товарищество на болѣе или менѣе продолжительное время составляются письменные договоры („штаръ-шутфотъ“) о всѣхъ условіяхъ товарищества; въ мелкой промышленности, а также на короткое время, условія бываютъ словесныя.

Нерѣдко между товарищами возникаютъ при окончательномъ разсчетѣ и дѣлежѣ споры или по неточности и неполнотѣ регламентацій товарищескаго договора, или же по неточности счетоведенія между товарищами. Такіе споры обыкновенно разбираются третейскимъ судомъ съ участіемъ раввина; иногда всѣ посредники избираются изъ раввиновъ.

Товарищества на неопредѣленное время и на всѣ вообще торговыя дѣйствія и предпріятія заключаются обыкновенно между близкими родственниками, чаще всего между братьями, но иногда и между посторонними.

По обычаю, основанному на талмудическомъ законодательствѣ, каждый товарищъ имѣетъ право сказать другому: „или ты пріими все товарищеское имущество по такой-то цѣнѣ, или я приму по этой цѣнѣ“, за исключеніемъ случая, когда товарищескимъ договоромъ опредѣленъ срокъ товарищества.

Разные юридическіе обычаи.

Хазака. — Посредничество. — Отдача на храненіе. — Находка. — а) *Хазака.* По старинному обычаю, вызванному особеннымъ гражданскимъ положеніемъ евреевъ, никто не долженъ отнимать промышленное или торговое занятіе у своего ближняго, и, въ извѣстныхъ случаяхъ, даже не портить это занятіе своею конкуренціею. Многіе хотятъ видѣть прямое указаніе на этотъ обычай, получившій въ послѣдніе вѣка названіе „хазака“, въ талмудическомъ законодательствѣ; но это едва-ли вѣрно. Въ талмудѣ мы, дѣйствительно, находимъ по этому предмету слѣдующее общее изреченіе: „если бѣднякъ домогается извѣстнаго куска хлѣба и другой приходитъ и отнимаетъ этотъ кусокъ, онъ, т. е. отнимающій, называется раша“ (раша—злой человѣкъ, злодѣй); но это изрѣченіе имѣетъ, во 1-хъ, только этическій смыслъ и отнюдь не юридическій; во 2-хъ, въ частностяхъ, въ которыхъ евреи стали примѣнять обычай *хазаки*, приведенное изреченіе не примѣняется талмудомъ и въ смыслѣ нравоучительномъ. Такъ, талмудъ (трактатъ „Кедушинъ“, листъ 59) говоритъ, что посланный кѣмъ-либо для покупки извѣстной вещи можетъ купить эту-же вещь для самого себя, и пославшій его имѣетъ только нравственную претензію къ невѣрному посланному, но не имѣетъ никакого юридическаго права требовать переуступки купленнаго по его указанію и порученію. Въ талмудѣ нѣтъ никакихъ указаній на „хезкатъ-ишубъ“, существовавшій въ средніе вѣка, а отчасти и въ концѣ прошлаго вѣка, въ нѣкоторыхъ еврейскихъ общинахъ, по которому никто не имѣлъ права селиться въ новую общину безъ согласія послѣдней, обычай и нынѣ уже, благодаря измѣнившимся обстоятельствамъ, нигдѣ между евреями неизвѣстный. Находящіяся въ талмудѣ постановленія, касающіяся городскаго права, имѣютъ скорѣе характеръ подобныхъ постановленій, встрѣчающихся иногда въ современно-европейскихъ законодательствахъ. Такъ, по талмуду (трактатъ „Баба-батра“, л. 21. в, 22. а). Иногородные торговцы не могутъ продавать свои товары въ чужомъ городѣ, за исключеніемъ ярмарочныхъ дней (исключеніе изъ этого правила сдѣлано для парфюмеровъ, по особому постановленію Эздры, *дабы еврейскія женщины могли всегда достовать принадлежности туалета);* „но платящимъ городской налогъ въ пользу государства—горожане не могутъ препятствовать торговать“ (тамъ-же). Такъ равно, имѣющій лавку или ремесленное заведеніе въ извѣстной улицѣ не можетъ препятствовать другому жителю той-же улицы *) открыть

*) Улицы талмудической эпохи были замкнуты съ обѣихъ сторонъ выходомъ, общимъ для всѣхъ составлявшихъ улицу домовъ и дворовъ; между всѣми жителями такой улицы установлено было особое дворовое право.

возлѣ него подобное заведеніе, говоря: „ты пресѣкаешь мою жизнь“ (т. е. средства къ жизни; см. талмудъ, тамъ-же). Что касается отнятія посредствомъ купли, или другого способа, занятія, вещи или права пользованія, то выше приведенное нравственное осужденіе талмуда тоже не относится ко всякого рода подобнымъ случаямъ безъ ограниченія; такъ, если право или вещь, которую оба конкурента хотятъ пріобрѣсть, не имѣетъ законнаго уже владѣльца *) или, если она можетъ быть пріобрѣтена особенно выгодно, тогда новый конкурентъ имѣетъ полное право ее пріобрѣсть и первоначальный конкурентъ даже моральной претензіи имѣть не можетъ. (см. „Баба-батра“ л. 54, „Баба-мецiя“ л. 10, „Тосфотъ“, тамъ-же).

Обратимся къ обычаю, возникшему между евреями въ средніе вѣка, и особенно къ тому, что̀ соблюдается въ извѣстныхъ случаяхъ и въ извѣстной степени и понынѣ.

Обычай, по которому никто не можетъ завести торговыхъ сношеній съ тѣмъ лицомъ, съ которымъ другой еврей уже имѣетъ подобныя сношенія, мы впервые встрѣчаемъ въ документѣ, относящемся къ X или XI столѣтію (собраніе отвѣтовъ древнихъ геонимъ, изд. 1848 г. Берлинъ, § 151). Въ этомъ документѣ отношенія, о которыхъ идетъ рѣчь, называются „мерипа“, а въ сочиненіяхъ позднѣйшихъ раввиновъ, цитирующихъ это мѣсто, „меропія“ или „меруфія“; слово это, по мнѣнію извѣстнаго гебраиста и оріенталиста Рапапорта—арабскаго происхожденія и означаетъ то же, что̀ нѣмецкое Kundschaft. Нѣкоторую юридическую силу, подъ именемъ хазаки, этотъ обычай получилъ, какъ кажется, по постановленіямъ такъ называемаго раввинскаго синода четырехъ провинцій (Великой и Малой Польши, Волыни и Бѣлоруссіи), періодически-созывавшагося въ Люблинѣ и Ярославлѣ (въ Галиціи) во время большихъ годовыхъ ярмарокъ и продолжавшаго существовать съ конца XVI до половинѣ XVIII столѣтія. Этотъ обычай удержалъ свою силу до настоящаго столѣтія подъ наблюденіемъ раввиновъ, а въ здѣшнемъ краѣ цадиковъ; но съ прекращеніемъ власти первыхъ и ослабленіемъ вліянія послѣднихъ, „хазака“ держится однимъ только общественнымъ мнѣніемъ, которое мѣняется въ этомъ отношеніи въ той или другой мѣстности, относительно той или другой отрасли занятія, подъ вліяніемъ измѣняющихся обстоятельствъ и условій жизни.

---

*) „Гефкеръ“, т. е. свободное имущество. Подъ эту категорію талмудъ подводитъ имущество нееврея, за которое онъ получилъ деньги и такимъ образомъ уже отчуждился отъ него, а еврей, пріобрѣвшій это имущество, еще не успѣлъ завладѣть онымъ ни по одному изъ талмудическихъ юридическихъ обрядовъ; въ такомъ случаѣ „новый еврей, говоритъ талмудъ, завладѣвшій полемъ, пріобрѣлъ оное въ собственность“.

Нынѣ „хазака“ всюду соблюдается относительно найма лавокъ во владѣльческихъ, отчасти и казенныхъ, городахъ и мѣстечкахъ; но чтобы получить „хазаку“ надъ лавкою, нужно ее держать въ наймѣ, по крайней мѣрѣ три года сряду; послѣ этого уже никто не покусится *выторговать* эту лавку у владѣльца или казны. Наниматель, получившій „хазаку“, продаетъ ее какъ свое имущество, т. е. переуступая другому право пользоваться этою лавкою по найму, получаетъ извѣстную плату 50, 100 и до 200 рублей единовременно.

Содержатели питейныхъ арендъ во владѣльческихъ имѣніяхъ тоже пользовались ненарушимыми „хазаками“, хотя по временамъ эти „хазаки“ нарушались богачами, вышедшими изъ повиновенія цадикамъ, и по еврейскому общественному мнѣнію. Но съ обнародованіемъ дозволенія крестьянамъ открывать на отведенныхъ имъ земляхъ питейныя заведенія по мирскимъ приговорамъ, эта „хазака“ нѣсколько потеряла свое значеніе: надъ крестьянскими шинками никто не могъ предъявить настоящей „хазаки“; между тѣмъ открытіе этихъ шинковъ новыми содержателями подорвало доходность владѣльческихъ арендъ, что̀ заставило, во многихъ мѣстахъ, прежнихъ содержателей владѣльческихъ пропинацій, съ правомъ „хазаки“, войти въ товарищество съ новыми арендаторами, и такимъ образомъ „хазака“ на аренды пропинацій потеряла нѣсколько свое значеніе, а мѣстами совершенно уничтожилась.

Почти совершенно вывелась также „хазака“ на подряды и поставки, содержимыя нѣсколько лѣтъ сряду; а о воспрещеніи конкурировать при самомъ снятіи новаго подряда—между нынѣшними евреями и помину нѣтъ.

Въ полной строгости соблюдается понынѣ хазака на синекуры среди самихъ евреевъ. Такъ, „хазака“ на должность раввина, духовнаго рѣзника („шохетъ“) и даже школьнаго служителя покупается и продается за болѣе или менѣе крупныя суммы, хотя на занятіе этихъ должностей новыми лицами нужно и согласіе общины; эта „хазака“ передается по наслѣдству и даже въ такомъ случаѣ, когда между наслѣдниками нѣтъ лица, способнаго занять должность умершаго; исключеніе составляетъ должность раввина: только вдовѣ его назначается на нѣкоторое время извѣстная пенсія, наслѣдники же не вездѣ пользуются правомъ требовать отъ новаго, назначаемаго обществомъ, раввина платы за „хазаку“. Не такъ строго соблюдается „хазака“ синагогольнаго чтеца — „хазана“.

в) *Посредничество* или, какъ обыкновенно называютъ это занятіе, *факторство*, въ томъ видѣ какъ оно большею частію нынѣ проявляется, какъ по всему видно, возникло между евреями не очень давно. Въ самомъ талмудѣ и въ сочиненіяхъ раввиновъ, близкихъ къ талмудической эпохѣ, хотя и упоминается о маклерѣ („сарсуръ“), но этотъ маклеръ имѣетъ больше

всего значеніе нынѣшняго коммиссіонера; онъ стоялъ въ нѣкоторыхъ юридически обязательныхъ отношеніяхъ къ продавцу и покупателю, отвѣчая въ извѣстныхъ случаяхъ за вѣрность сдѣлки. Факторство-же, нынѣ существующее между евреями и упоминаемое въ сочиненіяхъ позднѣйшихъ раввиновъ, состоитъ исключительно въ томъ, что факторъ сводитъ двухъ купцовъ, желающихъ устроить какую-либо сдѣлку, или своимъ посредничествомъ и уговариваніемъ содѣйствуетъ окончанію сдѣлки между сторонами, безъ него-сошедшимися, и за этотъ трудъ получаетъ вознагражденіе, хотя онъ не получилъ ни приглашенія, ни порученія устроить это дѣло. *Требовать* вознагражденія можетъ, однако, только тотъ факторъ, который по собственной иниціативѣ предложилъ двумъ сторонамъ сдѣлку и она между ними состоялась; мѣра вознагражденія опредѣляется обычаемъ; обыкновенно оно составляетъ отъ $^1/_4$ до $^1/_2$ % съ суммы сдѣлки или $^1/_4$ до $^1/_2$ коп. съ пуда, если товаръ недорогой, съ каждой стороны. Тотъ факторъ-же, который не былъ первоначально при дѣлѣ, а былъ только посредникомъ въ переговорахъ, тогда, если онъ приглашенъ для этого посредничества, тоже получаетъ вознагражденіе въ приведенной выше мѣрѣ, и имѣетъ право *требовать* этого вознагражденія; если-же онъ не былъ приглашенъ, но все таки болѣе или менѣе содѣйствовалъ окончанію дѣла, или, если кажется, что онъ этому содѣйствовалъ, плата за его трудъ бываетъ уже меньшая и зависитъ только отъ усмотрѣнія обѣихъ сторонъ.

Содержатели постоялыхъ дворовъ получаютъ, по обычаю, часть куртажа со сдѣлки, заключенной заѣхавшимъ въ дворъ гостемъ, хотя самъ хозяинъ двора не участвовалъ въ устройствѣ сдѣлки; въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ, гдѣ разносятъ изъ лавокъ товары для продажи по постоялымъ домамъ, хозяинъ беретъ 10 % съ суммы торговли въ его домѣ; этотъ послѣдній обычай теряетъ уже свою силу: хозяинъ двора часто ничего уже не получаетъ или получаетъ очень мало.

г) *Отдача на храненіе.* Относительно отвѣтственности за цѣлость полученнаго на храненіе предмета, нѣсколько соблюдаются правила талмудическаго законодательства. Неполучающій платы за храненіе отвѣчаетъ только за поврежденіе, происшедшее по его чрезмѣрной небрежности въ храненіи; по талмуду ему дается присяга въ томъ — вѣрно ли онъ хранилъ, но въ настоящее время присяга вообще рѣдко дается и хранящій даромъ ни за что не отвѣчаетъ. Хранящій за плату отвѣчаетъ во всякомъ случаѣ за потерю и воровство, но не отвѣчаетъ за потерю по необыкновенному случаю: отъ пожара, наводненія или отъ насилія грабителей, а также за смерть храняемаго животнаго. Наниматель отвѣчаетъ по тѣмъ-же правиламъ, какъ хранящій за плату, что̀ примѣняется къ случаямъ найма лошади на свои руки

и т. под. Берущій въ-займы вещь для употребленія отвѣчаетъ за ея цѣлость во всякомъ случаѣ, даже если потеря произошла отъ пожара, грабежа и т. д.; но не отвѣчаетъ если вещь испортилась, или даже уничтожилась отъ того употребленія, для котораго она назначена; въ такомъ случаѣ и наниматель не отвѣчаетъ.

д) *Находка.* Хотя возвращеніе находки есть одна изъ освященныхъ религіею юридическихъ обязанностей, но, въ случаѣ неотысканія хозяина, находка остается собственностію того, который ее нашелъ. Находка принадлежитъ по еврейскому праву тому, въ предѣлахъ владѣнія котораго она найдена, если владѣлецъ ее замѣтилъ; вообще-же она принадлежитъ тому, кто первый ее поднялъ, хотя увидѣлъ впервые другой. Однако, по обычаю, находка дѣлится между всѣми увидѣвшими ее, хотя одинъ только ее поднялъ, лишь бы остальные крикнули при поднятіи находки „да будетъ вмѣстѣ“.

Раввинъ и судъ у евреевъ.

Что такое „Бѣсдинъ“?—Нѣсколько словъ о первобытномъ значеніи и исторической судьбѣ бесдина.—Званіе раввина въ настоящее время.—Подсудность.—Разбирательство тяжбъ.—Рѣшеніе.—Названіе „бетъ-динъ“, или, какъ произносятъ „бесдинъ“, состоящее изъ двухъ словъ „баитъ“ (домъ) и „динъ“ (судъ, законъ), имѣетъ двоякое значеніе: въ обширномъ смыслѣ оно означаетъ коллегіальное учрежденіе, имѣющее задачею функціи законодательную, законоучительную и судебную (всѣ три, или двѣ изъ нихъ), а въ смыслѣ болѣе тѣсномъ оно означаетъ учрежденіе, тоже коллегіальное, но спеціально-судебное. Общность названія сказанныхъ учрежденій указываетъ, съ одной стороны, на тѣсную связь, въ которой стояли у евреевъ законоученіе и отправленіе правосудія, а съ другой—на значительную компетентность, придаваемую закономъ личному усмотрѣнію судьи въ рѣшеніи разныхъ вопросовъ, особенно гражданскихъ.

Хотя, какъ у общества чисто-религіознаго, всѣ государственныя учрежденія древней Іудеи основаны были на религіи и освящены ею, но каждое изъ нихъ, отдѣльно взятое, не могло не имѣть своего спеціальнаго характера и назначенія, по которому оно тѣснѣе было связано или съ политическою жизнью народа, или съ его религіею. Такъ законодательство и судоустройство древней Іудеи состояло, по моисеево-талмудическому праву, въ отправленіяхъ не только религіозной, но и государственной жизни націи, что обнаружилось въ связи сказанныхъ отправленій съ территоріею *Священ-*

ной Земли. Библейская заповѣдь „не отступи отъ слова, которое они (судьи) тебѣ скажутъ“ относится только къ судьямъ, засѣдающимъ въ богоизбранномъ мѣстѣ — въ Іерусалимскомъ храмѣ; также другая заповѣдь — „судей и судебныхъ исполнителей поставь себѣ“ относится главнымъ образомъ къ землѣ Израилевой. Импонирующій эпитетъ „божественнаго“ носитъ лотъ только бесдинъ, члены котораго посвящены въ судейскій санъ въ самой Палестинѣ; посвященіе („семиха“), состоявшее въ томъ, что другой посвященный (до самого Моисея, говоритъ преданіе), давъ кандидату титулъ „раби“, въ сообществѣ двухъ ассистентовъ, сказалъ или написалъ ему „ты посвященъ и можешь судить даже по законамъ о штрафахъ“ — если оно происходило внѣ Палестины, не имѣетъ никакого значенія.

Великій Синедріонъ (онъ же — „великій бесдинъ“) — изъ 71-го члена — которому подсудны были важнѣйшія уголовныя дѣла и принадлежала власть законодательная и политическая; малые синедріоны, изъ 23-хъ членовъ, которымъ подсудны были обыкновенныя уголовныя, влекущія за собою смертную казнь, преступленія, — и всѣ городскіе трехъ-членные бесдины, которымъ подсудны были поступки, наказываемые полицейски-исправительными мѣрами, дѣла штрафныя (какъ-то: взысканіе двойной цѣны уворованной вещи, денежныя взысканія за обиды и т. под.) и всѣ гражданскія дѣла,—всѣ эти коллегіальныя учрежденія должны были непремѣнно состоять изъ членовъ, получившихъ посвященія въ самой Палестинѣ и отличавшихся, вмѣстѣ съ тѣмъ, многими тѣлесными, нравственными и умственными свойствами. Кромѣ упомянутыхъ учрежденій, никто не пользовался правомъ юрисдикціи; только по гражданскимъ дѣламъ одна сторона могла привлекать другую къ суду трехъ-членнаго бесдина, временно составленнаго и не изъ посвященныхъ; обѣимъ сторонамъ предоставлялось также избрать каждой по одному „даяну“ — посреднику, и эти посредники вмѣстѣ съ избраннымъ или третьимъ посредникомъ составляли также бесдинъ. Единолично-же никто, даже посвященный, не имѣлъ права привлекать къ своему суду по жалобѣ одной стороны и въ дѣлахъ гражданскихъ. „Хахамъ“ (ученый), „даянъ“ (занимающійся судебною практикою) и „мумха“ (знаменитый ученый), по нравственно-религіозной обязанности (но не за плату, которой не получали и бесдины) — давали разрѣшенія на вопросы по дѣламъ вѣры, по обрядовымъ законамъ, разбирали также споры по гражданскимъ дѣламъ, добровольно имъ представляемымъ, но значеніе бесдина они не имѣли; такъ признаніе, сдѣланное въ присутствіи даяна, можетъ быть взято назадъ, между тѣмъ какъ признаніе долга, учиненное въ присутствіи трехчленнаго бесдина, даже не посвященнаго, имѣетъ силу полнаго доказательства.

И такъ, съ прекращеніемъ политическаго самосуществованія Іудеи, повлекшимъ за собою впослѣдствіи прекращеніе преемственности судейскаго сана посредствомъ „семихи“, законодательныя и судебныя учрежденія евреевъ окончательно потеряли религіозно-оффиціальную силу и авторитетъ. „Внѣ-палестинскіе“ бесдины, т. е. вообще непосвященные, какъ сказано выше, имѣютъ право судить только дѣла гражданскія („о моемъ и твоемъ“), совершеніе брачныхъ и разводныхъ актовъ и т. под., но—не уголовныхъ, ни даже *штрафныхъ* (см. талмудъ, во многихъ мѣстахъ; Маймонидъ; Шулханъ-арухъ Каро. Хошенъ-гамишпатъ, гл. 1, § 1).

Предупредительныя запрещенія („гзера“), правила („такана“) и обычаи („мингагъ“), установляемыя внѣ-палестинскими бесдинами — даже палестинскими, если они не основаны ни на библіи, ни на традиціи — получаютъ силу только тогда, когда всѣ рѣшительно еврейскія общины принимаютъ эти правила къ практическому примѣненію; притомъ, всякій бесдинъ (тутъ подразумѣвается собраніе, состоящее изъ значительнаго, не менѣе 71 и болѣе членовъ, по образцу Синедріона), превосходящій предшествующаго ученостію и численностію, или даже не превосходящій, но усматривающій отсутствіе, въ данное время, причины, побудившей предшествующій бесдинъ къ извѣстному постановленію, почему оно вывелось изъ практической жизни нѣсколькихъ современныхъ общинъ, онъ, — т. е. послѣдующій бесдинъ, имѣетъ полное право уничтожить данное постановленіе (Маймонидъ, Мамримъ, гл. 2).

Дѣйствующій въ историческомъ развитіи учрежденій каждаго народа законъ, по которому эти учрежденія слагаются и преобразовываются не по мѣркѣ предписываемыхъ внѣшнею властію узаконеній, а согласно требованіямъ экономической, гражданской и политической жизни самого народа, — этотъ законъ не могъ, конечно, не проявлять своего дѣйствія и въ исторической судьбѣ бесдинскаго учрежденія. Такъ, законоучители позднѣйшей талмудической эпохи, видя единственное средство къ продолженію національной жизни злополучнаго народа въ одной только религіи, которая, въ свою очередь, нуждалась въ интеллигентной, а отчасти и вещественной силѣ, для поддержанія своего авторитета въ глазахъ еврейской массы, разсѣянной между чужими народами и сталкивающейся съ деморализирующими интеллигенціями тогдашняго Востока и Рима, — видя все это, законоучители должны были признать нѣкоторую судебно-административную власть и за внѣ-палестинскими, то есть не изъ посвященныхъ лицъ состоящими бесдинами. Въ эту эпоху, въ религіозно-юридической литературѣ евреевъ появились постановленія, въ родѣ откапываемыхъ извѣстными публицистами, — постановленія, которыми каждому и внѣ-палестинскому бесдину предоставляется право,

если данный моментъ этого требуетъ, присуждать ко всякаго рода штрафамъ и даже къ смерти.

Но подобныя постановленія, не основанныя на принципахъ древняго моисеево-талмудическаго права, могли держаться, какъ выше было сказано, только фактически-изъявляемымъ согласіемъ народа, который съ одной стороны самъ сознавалъ ихъ необходимость, а съ другой, безгранично вѣрилъ въ искренность и благонамѣренность знаменоносцевъ религіи, и едва-ли ошибался. Такимъ образомъ, бесдинское учрежденіе, въ обширномъ значеніи этого термина, не переставая существовать и по прощаніи съ Палестиною, начинаетъ принимать различныя формы, согласуясь съ внутреннею жизнью народа и съ просторомъ, даваемымъ окружающею сферою.

Сначала, въ восточныхъ странахъ, гдѣ поселена была большая часть тогдашнихъ евреевъ, появились такъ называемые „решъ-гелуты“ (главы изгнанниковъ), въ родѣ экзарховъ. Эти экзархи, происходившіе изъ знатнѣйшихъ еврейскихъ фамилій (по преданію, изъ колѣна Давидова), состоявъ при дворахъ восточныхъ государей, служили посредниками между еврейскими подданными страны и государствомъ и имѣли въ своихъ рукахъ высшую судебно-административную власть надъ евреями; подъ ихъ властью и покровительствомъ состояли талмудическія академіи, ректоры этихъ академій („гаоны“, „реше-метивта“) и весь, отправлявшій законодательную функцію, персоналъ академическаго совѣта; они, экзархи, назначали также „даяновъ“ (судей) во всякую общину; эти „даяны“ пользовались полною юрисдикціею въ дѣлахъ гражданскихъ, а сами „решъ-гелуты“ наказывали и штрафовали разные поступки и преступленія. Позже, съ наступленіемъ владычества калифовъ, экзархи исчезаютъ, и ихъ власть, съ нѣкоторыми ограниченіями, переходитъ къ гаонамъ, т. е. представителямъ академій. Въ этотъ такъ называемый періодъ „гаоната“, съ начала VII до половины XI в. по Р. Х., вошелъ въ частое употребленіе извѣстный „херемъ“ для придаванія силы и значенія какъ судебнымъ, такъ и законодательнымъ постановленіямъ. Такая форма бесдинскаго института, завѣдывающаго всѣми духовными, гражданскими и общественными дѣлами еврейскихъ общинъ и состоящаго, въ лицѣ одного верховнаго главы, подъ оффиціальною протекціею свѣтскаго правительства, является въ Европѣ въ арабской Испаніи. Въ остальныхъ же странахъ западной Европы, какъ въ самой Испаніи до господства арабовъ, дѣла одиночно разбросанныхъ еврейскихъ общинъ вѣдались выбираемыми изъ среды общества представителями, а духовными дѣлами и судебною функціею завѣдывали единоличные раввины, которые, за разрѣшеніемъ важнѣйшихъ вопросовъ по дѣламъ вѣры и законоученія, обращались къ процвѣтавшимъ на востокѣ, а потомъ и въ сѣверной Африкѣ талмудическимъ школамъ и

и ихъ представителямъ, „гаонамъ“. Съ возрастаніемъ численности еврейскихъ общинъ въ европейскихъ странахъ и съ переселеніемъ туда талмудической учености востока (около половины X-го вѣка), выдающіеся ученостью (большею частію—всестороннею) раввины завѣдываютъ вѣроучебными заведеніями, и кромѣ отправленія судебной и наставнической обязанностей въ своихъ общинахъ, для установленія правилъ и обычаевъ для всѣхъ евреевъ вообще, они, раввины, созываютъ временныя коллегіи, которыя имѣли значеніе законодательныхъ бесдиновъ; въ этихъ коллегіяхъ или соборахъ участвовали не только раввины, но вообще извѣстные ученые, а иногда и свѣтскіе представители обществъ. Мѣстные раввины вообще избираемы и назначаемы были самими общинами, подъ наблюденіемъ и руководствомъ общественныхъ представителей. Чтобы придать раввинству болѣе компетентности, въ значительныхъ общинахъ назначаемы были старшіе раввины съ титуломъ „абъ-бетъ-динъ“, (глава бесдина) титулъ заимствованный изъ древняго синедріона, гдѣ такъ назывался товарищъ предсѣдателя—патріарха, и кромѣ того, въ качествѣ помощниковъ раввина, два-три даяна (судьи), въ сообществѣ которыхъ раввинъ совершалъ разводные акты, разбиралъ гражданскія дѣла и вообще отправлялъ такія обязанности, которыя требуютъ узаконеннаго трехъчленнаго бесдина. Спеціальное призваніе даяновъ состояло въ разрѣшеніи вопросовъ по обрядовымъ законамъ, такъ какъ подобныхъ вопросовъ бываетъ въ значительномъ обществѣ очень много, и одному раввину невозможно своевременно отвѣчать каждому спрашивающему, и по этому спеціальному занятію даяны носили также названія „море-цедекъ“ или „море-гораа“ (праведный указатель или толкователь). Представители общины („парнасы-гакгила“), завѣдывавшіе хозяйственными и гражданскими дѣлами общества, содѣйствовали бесдину своею, такъ сказать, административною властью, чтобы всѣ рѣшенія послѣдняго въ гражданскихъ дѣлахъ имѣли дѣйствительную силу, а бесдинъ въ свою очередь содѣйствовалъ первымъ своимъ религіознымъ авторитетомъ.

Такой порядокъ вещей существовалъ потомъ во всѣхъ общинахъ Польши, гдѣ еврейскія учрежденія, раввинство и представительство („рабанутъ“ и „парнасутъ“), то въ лицѣ раввиновъ, то въ лицѣ общественныхъ представителей (кагала), опять начали быть поддерживаемы свѣтскою правительственною властію. Но, не смотря на предоставляемую имъ королевскими грамотами власть, сознавая, что ихъ религіозно-юридическій авторитетъ зависитъ главнымъ образомъ отъ признанія этого авторитета самими общинами (ср. Хошенъ-гамишпатъ, гл. 2), они, раввины и парнасы, назначаемые изъ лицъ отличающихся нравственностью и благочестивостью, руководствовались въ отправленіи своихъ должностей указаніями моисеево-талмудическаго ученія. Рав-

вины съ своими бесдинами отправляли правосудіе только въ дѣлахъ гражданскихъ, согласно приведеннымъ выше принципамъ древняго законодательства; разные поступки противъ правъ собственности, или религіи и нравственности, большею частью судимы были бесдинами въ сообществѣ парнасовъ; виновные подвергаемы были денежнымъ оштрафованіямъ, а въ случаѣ ослушанія судимаго прибѣгали, и то съ осмотрительностью, послѣ предварительныхъ увѣщаній, къ „херему“, но весьма рѣдко, или никогда къ мѣрамъ вещественной силы. При установленіи какой нибудь „таканы“ (юридическаго обычая), съ строжайшею осмотрительностью взвѣшиваемы и обслѣдуемы были ея цѣлесообразность и полезность для общаго блага общества; установить „такану“ могли только „парнасы“, совмѣстно въ раввинами и даянами. Такимъ образомъ, бесдинская дѣятельность, въ обширномъ ея значеніи, отправляема была двумя уже властями; что продолжалось во все то время, въ которое евреи должны были оставаться во всѣхъ отношеніяхъ изолированнымъ отъ всего окружающаго и составлять, какъ привыкли выражаться, государство въ государствѣ.

О причинахъ, заставлявшихъ евреевъ составлять государство въ государствѣ, всякій можетъ справиться во всеобщей и еврейской исторіяхъ. Что не одни евреи виноваты были въ ихъ обособленіи отъ остальнаго міра, — однимъ изъ вѣскихъ доказательствъ можетъ служить и перемѣна, происшедшая въ бесдинскомъ учрежденіи, съ того момента, какъ европейскія правительства стали смотрѣть на евреевъ не какъ на чужихъ временныхъ пришельцовъ, а болѣе или менѣе, какъ на постоянныхъ жителей страны и подданныхъ государства. Ранѣе въ западной, а потомъ и въ восточной Европѣ судебно-административная власть кагаловъ и раввиновъ, не покровительствуемыхъ правительствомъ, теряютъ свое значеніе и въ глазахъ самихъ евреевъ; проявляющееся въ свѣтскихъ законодательствахъ болѣе гуманное вниманіе къ личнымъ и имущественнымъ правамъ еврея, какъ человѣка, дѣлаетъ совершенно лишнимъ для еврейскихъ общинъ имѣть свои домашнія судебно-административныя учрежденія; „парнасы“ исчезаютъ, а раввины ограничиваются своею настоящею ролью, т. е. ролью древнихъ „хахамовъ“ и даяновъ (см. выше), съ тою только разницею, что древніе „хахамы“ никакой платы отъ общества не получали, что и воспрещено религіознымъ ученіемъ, а настоящіе раввины получаютъ за отправленіе своей должности, плату въ видѣ вознагражденія за потерю времени („сехаръ бетела“), которое могло быть употреблено для другихъ трудовыхъ заработковъ.

И такъ, званіе нынѣшняго еврейскаго раввина есть чисто духовное: онъ, главнымъ образомъ, занимается разрѣшеніемъ религіозно-обрядовыхъ вопросовъ, въ чемъ въ многочисленныхъ обществахъ ему помогаютъ помощники, даяны

и „море-гораа“. Раввинъ обыкновенно читаетъ установленную при вѣнчаніи молитву и благословеніе; иногда чтеніе этой молитвы, какъ религіозная почесть, поручается родителями новобрачныхъ частному почетному лицу-родственнику сватовъ. „Дачу разводовъ“ раввинъ совершаетъ совмѣстно съ двумя ассистентами, талмудически-грамотными, а тамъ гдѣ есть даяны, то они бываютъ этими ассистентами, такъ какъ для совершенія этого акта требуется непремѣнно трехъ-членный бесдинъ.

Изъ гражданскихъ дѣлъ — споровъ и тяжбъ — нынѣшнему раввину собственно ничего *не подсудно* въ юридически-обязательномъ значеніи этого слова; даже въ тѣхъ городахъ, гдѣ раввинъ имѣетъ помощниковъ-даяновъ и составляетъ вмѣстѣ съ ними трехъ-членный, узаконенный для гражданскихъ дѣлъ, бесдинъ,—и тамъ онъ не пользуется правомъ привлекать къ своему суду по жалобѣ одной стороны. Но, по обычаю, тяжущіяся и спорящіяся стороны, по собственной иниціативѣ и согласію, обыкновенно обращаются къ раввинскому суду въ слѣдующихъ случаяхъ:

По семейнымъ ссорамъ и несогласіямъ къ раввину обращаются люди низшаго класса. При такихъ разбирательствахъ раввинъ дѣйствуетъ сначала какъ духовный миротворитель; а если ему не удается помирить ссорящихся супруговъ, онъ постановляетъ рѣшеніе о раздѣлѣ между ними имущества, т. е. о томъ, сколько жена мужу, или мужъ женѣ должны дать за разводъ, согласуясь со степенью правильности и основательности претензій и съ положеніемъ каждаго изъ супруговъ. По денежнымъ дѣламъ, возникающимъ изъ-за семейныхъ споровъ изъ средняго, т. е. болѣе благовоспитаннаго класса, къ раввину обращаются также родители опекаемыхъ или молодыхъ супруговъ или посватанныхъ.

Кромѣ сказанныхъ случаевъ обращаются къ раввину также по незначительнымъ денежнымъ спорамъ вообще. Въ значительныхъ же денежныхъ спорахъ чаще всего обращаются къ третейскому суду; каждая сторона избираетъ себѣ посредника изъ свѣтскихъ, опытныхъ людей, но „шолишомъ“, т. е. *третьимъ* посредникомъ, преимущественно избирается раввинъ или цадикъ (въ дѣлахъ болѣе важныхъ). Иногда-же бываетъ и такъ: что или шолишъ тоже выбирается изъ свѣтскихъ людей, или-же самые посредники избираются изъ раввиновъ. Когда на мѣстѣ нѣтъ достаточного числа „даяновъ“, или когда самъ раввинъ по своимъ ограниченнымъ способностямъ и неопытности въ коммерческихъ обычаяхъ и воззрѣніяхъ не нравится тяжущимся, послѣдніе приглашаютъ раввина или раввиновъ сосѣднихъ мѣстъ. Разбираться у раввиновъ или свѣтскихъ посредниковъ, съ оппонентомъ предъявляющимъ какую-либо денежную претензію — считается, по общественному мнѣнію, долгомъ каждаго, съ честнымъ именемъ, человѣка; но взглядъ общественнаго мнѣнія

нынѣшнихъ евреевъ на раввинскій судъ довольно характеристично выражается въ томъ, что разбирательство у свѣтскихъ посредниковъ они чуть-ли не предпочитаютъ разбирательству у раввинскаго третейскаго суда. Вообще разбирательство болѣе или менѣе важныхъ денежныхъ споровъ третейскимъ судомъ, съ раввинскими или свѣтскими посредниками, имѣетъ характеръ разбирательства третейскаго суда, обычнаго и въ русскомъ обществѣ; но въ нѣкоторыхъ частностяхъ еврейское разбирательство, съ раввинскимъ „шолишомъ“ или съ раввинскими посредниками, сопровождается пріемами, предписанными древне-еврейскимъ правомъ. Наглядне выставить эти пріемы—можетъ описаніе судопроизводства въ незначительныхъ денежныхъ спорахъ, разбираемыхъ раввиномъ единолично.

Не пользуясь, какъ сказано выше, фактическимъ правомъ юрисдикціи, раввинъ приступаетъ къ разбирательству только тогда, когда обѣ стороны являются къ нему вмѣстѣ; но иногда является самъ истецъ, заявляя, что имѣетъ къ такому-то денежную претензію, проситъ пригласить отвѣтчика къ суду; если раввинъ признаетъ за собою на-столько нравственнаго вліянія надъ отвѣтчикомъ, что послѣдній не ослушается его приглашенія,—раввинъ его приглашаетъ чрезъ школьнаго шамеша или другого лица.

Поводомъ къ начатію разбирательства служитъ всякое словесное заявленіе претензіи, хотя сначала не имѣется никакихъ данныхъ объ основательности претензіи; во всякомъ случаѣ, раввину строго воспрещено религіознымъ ученіемъ выслушивать подробности дѣла отъ одной стороны, въ отсутствіи противной. Раввину также строго воспрещается оказывать одному изъ тяжущихся больше вниманія, чѣмъ другому: оба должны стоять или сидѣть; если раввинъ состоитъ съ однимъ изъ тяжущихся въ одной изъ тѣхъ степеней родства, въ которыхъ одинъ не можетъ свидѣтельствовать другому, или въ особенныхъ враждебныхъ или интимныхъ отношеніяхъ, — онъ, раввинъ, не можетъ разбирать тяжбу. Первое слово дается истцу; послѣ него говоритъ отвѣтчикъ; при этомъ раввинъ наблюдаетъ, чтобы одинъ не перебивалъ другого; самъ раввинъ ни подъ какимъ предлогомъ не долженъ поправлять доводы тяжущихся, указывая на неправильность или недостовѣрность того и другого; онъ можетъ приглашать тяжущихся только къ подкрѣпленію сказаннаго какими нибудь доказательствами, но и при этомъ онъ не долженъ, до рѣшенія, сказать, что данное свидѣтельство недостаточно или незаконно. Доказательствами принимаются письменные документы и свидѣтельскія показанія. Свидѣтели должны быть постороннія лица, несостоящія ни между собою, ни съ однимъ изъ тяжущихся, ни съ раввиномъ—въ равныхъ 1-й, 2-й и 3-й степеняхъ родства (отецъ съ сыномъ, братъ съ братомъ — родственники 1-й степени; двоюродные братья — равны 2-й сте-

шени; прямые внуки двухъ братьевъ — равны 3-й степени; родственникъ 3-й степени въ дѣлѣ своего родственника 2-й можетъ свидѣтельствовать, напримѣръ, въ дѣлѣ двоюроднаго брата, отца, можно свидѣтельствовать, но 2-й степ. и 3-й о дѣлѣ родственника 1-й не могутъ свидѣтельствовать). По враждѣ или пріязни свидѣтель не отводится. Однако, въ настоящее время, иногда судьи позволяютъ себѣ спрашивать объ обстоятельствахъ дѣла и родственниковъ не весьма близкихъ, хотя не въ качествѣ свидѣтелей, но для собиранія, нужныхъ къ разъясненію, сомнительныхъ пунктовъ, частныхъ свѣдѣній, особенно когда дѣло рѣшается не по строгой буквѣ закона, а по личному усмотрѣнію судей.

Свидѣтели вообще должны быть спрашиваемы лично и въ присутствіи тяжущихся; но иногда ихъ спрашиваютъ и въ отсутствіи тяжущихся. Письменное свидѣтельское показаніе имѣетъ мѣсто въ слѣдующемъ случаѣ: когда истецъ получилъ отъ отвѣтчика товары въ мѣстности далекой отъ мѣста жительства послѣдняго и нашелъ товаръ этотъ испорченнымъ, то онъ можетъ, пригласивъ двухъ благонадежныхъ свидѣтелей, удостовѣриться въ качествѣ товара и выдать ему, за скрѣпою мѣстного раввина, свидѣтельство; въ этомъ случаѣ тамошній раввинъ уже производитъ допросъ свидѣтелей по предписанной формѣ, и составленное такимъ образомъ удостовѣреніе „гебіатъ эдутъ“, или какъ выговариваютъ, „гвіасъ эйдысъ“ принимается потомъ раввиномъ на мѣстѣ жительства отвѣтчика, какъ свидѣтельское показаніе. Передъ допросомъ свидѣтель увѣщевается раввиномъ о святости долга показать правду; это увѣщаніе принято выражать краткою формулою: „спрашиваю тебя *беимъ ло ягитъ*“ (т. е. если онъ не скажетъ); означенныя курсивомъ суть подлинныя слова библейскаго стиха, относящагося къ человѣку, знающему свидѣтельство своему ближнему; остальныя заключительныя слова этого стиха „и понесетъ онъ грѣхъ на себѣ“ подразумѣваются; часто и свѣтскіе посредники спрашиваютъ свидѣтелей этою формулою, такъ какъ она дѣйствуетъ на религіозную совѣсть еврея почти какъ присяга и достаточно гарантируетъ судей отъ ложнаго показанія со стороны свидѣтеля. Полнымъ доказательствомъ считается показаніе двухъ свидѣтелей, а показаніе одного неполнымъ. По выслушаніи доводовъ обѣихъ сторонъ, по разсмотрѣніи документовъ и допросѣ свидѣтелей, раввинъ, въ отсутствіи тяжущихся, обдумываетъ дѣло для составленія рѣшенія. Когда дѣло разбирается третейскимъ судомъ, посредникъ каждой стороны отстаиваетъ интересъ своего кліента, и даже при самомъ выслушаніи судоговоренія, посредникъ вызываетъ тяжущихся къ объясненіямъ, выгоднымъ для его стороны; но и посредникъ не долженъ говорить своему кліенту, какое онъ предполагаетъ дать мнѣніе о рѣшеніи, или какъ думаетъ другой посредникъ. Раввину-же строго вос-

прещается, какъ выше было замѣчено, входить въ какіе-либо разговоры съ одною стороною въ отсутствіи другой до окончательнаго объявленія рѣшенія, и если онъ разбираетъ дѣло совмѣстно съ другими, но не въ качествѣ посредника, а какъ судья-членъ, онъ, даже при совѣщаніи, долженъ одинаково относиться какъ къ одной, такъ и къ другой сторонѣ.

Рѣшеніе денежныхъ споровъ, по еврейскому законоученію, можетъ быть двухъ родовъ: рѣшеніе по правиламъ закона („динъ-тора“), и рѣшеніе согласующее тяжущихся („пешара“), что̀ нѣсколько соотвѣтствуетъ различію рѣшеній узаконеннаго нашимъ законодательствомъ третейскаго суда (по закону и по совѣсти). Но въ частностяхъ еврейскіе термины „динъ-тора“ и „пешара“ имѣютъ нѣкоторое, отличное отъ русскихъ, значеніе, особенно, относительно практическаго примѣненія. Еврейскій раввинъ, даже рѣшая дѣло по „динъторѣ“, имѣетъ право основываться при рѣшеніи на собственномъ своемъ, тщательно взвѣшенномъ и провѣренномъ, убѣжденіи, хотя узаконенныя доказательства не говорятъ въ пользу этого убѣжденія.

Если же раввинъ не можетъ составить себѣ твердаго убѣжденія о сущности дѣла, а между тѣмъ представленныя доказательства или свидѣтельскія показанія хотя и законны, но по усмотрѣнію раввина основаны на обманѣ, такъ сказать неудобо-обнаруживаемомъ путемъ оффиціальнымъ,— тогда раввинъ долженъ отказаться отъ разбирательства и рѣшенія, развѣ обѣ стороны согласятся на „пешару“. Всякій даянъ долженъ, по религіозному ученію, стараться склонить тяжущихся согласиться на „пешару“, которая предпочитается законному „динъ-торѣ“; но въ настоящее время всѣ дѣла, разбираемыя у раввиновъ, рѣшаются преимущественно „пешарою“; а такъ какъ „пешара“ не иначе можетъ быть обязательна для тяжущихся, какъ только послѣ предварительнаго на то обязательства, то тяжущихся, какъ предъ раввинскимъ, такъ и предъ посредничьимъ разбирательствомъ, обязываются, еще до судоговоренія, исполнить въ точности рѣшеніе судей, — посредствомъ обряда „киньонъ“ (см. выше). Иногда, вмѣсто „киньонъ“, по требованію одной и соглашенію другой стороны, — исполненіе рѣшенія обезпечивается денежнымъ, соотвѣтственно суммѣ претензіи, залогомъ, отдаваемымъ или самому раввину, или посреднику, или же постороннему лицу. „Динъ-тора“ особенно обходится въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ одна сторона по еврейской юриспруденціи должна быть присуждена къ присягѣ. Уже въ сочиненіяхъ древнихъ раввиновъ встрѣчаются внушительныя предостереженія, чтобы бесдины всевозможно старались избѣгать присяги тщательнымъ обнаруживаніемъ истины, или склоненіемъ тяжущихся къ миролюбивому соглашенію, — въ виду святости присяги и страшныхъ послѣдствій, которыя ложная присяга влечетъ за собою, какъ для лжеприсягателя такъ и для приведъ-

шихъ его къ этому, безъ достаточной необходимости и осмотрительности даяновъ. Въ прежнее время, часто замѣняли присягу „херемомъ“, а въ настоящее время, гдѣ по обстоятельствамъ разбираемой тяжбы для обнаруженія истины нужно прибѣгать къ религіозной совѣсти одного изъ тяжущихся, употребляютъ „ткіатъ-кафъ“ —рукоданіе въ присутствіи раввина, что то же имѣетъ значеніе, такъ сказать—благородной клятвы; отъ усмотрѣнія раввина уже зависитъ—можно ли этому лицу вѣрить на „ткіатъ-кафъ“, или нѣтъ.

Вообще, гдѣ по „динъ-торѣ“ одна сторона должна присягать, раввинъ или посредники дѣлятъ сумму спорной претензіи по-поламъ: на истца и на отвѣтчика. Подобныя рѣшенія часто примѣняются самими спорящимися сторонами безъ всякаго разбирательства. Если возникаетъ споръ — уплаченъ-ли долгъ, дана-ли тогда-то такая-то сумма (что одна сторона утверждаетъ, а другая отрицаетъ), въ каковомъ случаѣ по „динъ-торѣ“ разрѣшается только присягою, — то сами спорящіе дѣлятъ между собою спорную сумму; состоятельный и болѣе религіозный еврей пожертвуетъ значительною суммою, лишь бы не присягать и даже не дать „ткіатъ-кафъ“. Раввинъ соображается въ такихъ случаяхъ съ побочными обстоятельствами, придающими бо̀льшую или меньшую вѣроятность отрицанію или утвержденію спорнаго факта, и согласно этому соображенію, рѣшаетъ уже не пополамъ, а больше въ пользу той стороны, доводы которой заслуживаютъ большаго вѣроятія.

На рѣшеніе раввина или посредниковъ, въ силу „киньона“, аппелировать нельзя, и это рѣшеніе, выдаваемое за подписью раввина, или посредниковъ и шолиша, имѣетъ значеніе вновь заключеннаго добровольнаго договора. Въ тѣхъ рѣдкихъ случаяхъ, гдѣ, по настоянію тяжущихся и по представляющейся возможности, дѣло судится по „динъ-торѣ“, или даже когда оно судится по „пешарѣ“, но раввинъ усматриваетъ, что потерявшій дѣло подозрѣваетъ его въ лицепріятіи къ противной сторонѣ, то онъ долженъ пояснять тяжущемуся справедливыя основанія рѣшенія. Рѣшеніе выдается письменно только тогда, когда установляются какія либо обязательныя отношенія между тяжущимися въ продолженіи извѣстнаго времени. Если рѣшеніе таково, что должно быть исполнено немедленно, тогда оно объявляется словесно. По окончаніи разсмотрѣнія дѣла и составленіи рѣшенія, до объявленія онаго, тяжущіеся должны заплатить раввину за трудъ; эта плата, называемая „песакъ-гельтъ“ (плата за рѣшеніе) должна быть уплачиваема обѣими сторонами по-ровну, хотя одна выиграла, а другая потеряла; она дается, какъ выше было сказано, въ видѣ вознагражденія за потерю раввиномъ времени („сехаръ-бетела“), но не за судъ, за который брать деньги строго воспрещено религіознымъ ученіемъ. Опредѣленной нормы на эту плату нѣтъ: она зависитъ отъ усмотрѣнія тяжущихся, но иные раввины не прочь и поторговаться, если ихъ, какъ они

думаютъ, обижаютъ, но есть раввины, которые неспособны торговаться за „песакъ-гельтъ“ и объявляютъ даже рѣшеніе до полученія таковой платы.

Иногда раввиномъ разбираются дѣла о личныхъ оскорбленіяхъ, случающихся между лицами низшаго класса общества, если обжалованный обиженною стороною не противится раввинскому приглашенію явиться къ разбирательству. При такихъ разбирательствахъ, которыми настоящіе раввины, мимоходомъ сказать, весьма не любятъ заниматься, спрашиваются посторонніе очевидцы и, соображаясь со степенью оскорбленія, почетностью оскорбленнаго, присуждаютъ виновнаго къ денежному штрафу на школу или на бѣдныхъ.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

ПОЛЯКИ ЮГО-ЗАПАДНАГО КРАЯ

ВВЕДЕНІЕ *).

Изложеніе этнографическихъ чертъ польскаго населенія Юго-Западнаго края представляетъ собою трудную и щекотливую задачу. Польское общество здѣсь состоитъ почти исключительно изъ лицъ привилегированнаго сословія и, слѣдовательно, представляетъ интеллигентную часть населенія,—а очертить этнографически интеллигентное общество—гораздо труднѣе, чѣмъ народную массу.

Общество это, скомпрометированное недавнимъ политическимъ движеніемъ направленнымъ къ отторженію древней русской области отъ Русскаго государства,—находится въ ложномъ положеніи. Малорусское населеніе края относится къ нему враждебно, чему нечего удивляться: исторія, національность и религія раздѣляютъ это интеллигентное меньшинство отъ массы русскаго крестьянства.

Возстаніе, стремившееся къ возстановленію Речи Посполитой до Днѣпра, не могло не вооружить противъ себя русскаго общественнаго мнѣнія. Кромѣ сепаратизма, здѣсь проглядывало и другое несимпатичное явленіе: возстаніе разразилось тогда, когда русское правительство освобождало съ землей крестьянъ, когда оно приготовляло цѣлый рядъ другихъ великихъ реформъ.

Послѣднее возстаніе сдѣлало для Россіи польскій вопросъ вопросомъ народнымъ. Россія сознала свою ошибку по отношенію къ Западно-Русскому краю, въ которомъ (какъ мы указываемъ въ краткомъ историческомъ очеркѣ ополя-

---

*) Для составленія этнографическаго очерка быта поляковъ здѣшняго края, я пригласилъ къ совмѣстнымъ занятіямъ члена-сотрудника Императорскаго Русскаго Географическаго Общества, К. П. Михальчука, постоянно жившаго и воспитывавшагося среди польскаго общества, и потому весьма близко знакомаго съ міровоззрѣніемъ и бытомъ этого общества. Въ составленномъ, такимъ образомъ, нами этнографическомъ очеркѣ значительно большая доля участія принадлежитъ г. Михальчуку, такъ какъ мое личное знакомство съ польскимъ обществомъ было менѣе продолжительно. Мои наблюденія, во время изслѣдованія края, совпадали съ выводами и положеніями, вынесенными г. Михальчукомъ изъ жизни среди польскаго общества и изученія его; поэтому мы съ нимъ предприняли совмѣстный трудъ.

П. Ч.

чиванія края) все польское пользовалось привилегіей, официально признавалось и поддерживалось.

Это сознаніе привело къ законному стремленію оградить интересы русскаго православнаго населенія и положить конецъ польско-католической пропагандѣ.

Этнографъ, на долю котораго выпадаетъ представить изображеніе польскаго общества въ Юго-Западномъ краѣ, поставленъ, какъ мы сказали, въ трудное и щекотливое положеніе. Исключительность положенія здѣшняго польскаго общества, какъ по историческимъ традиціямъ, такъ и по національной и религіозной отдѣльности отъ массы населенія, не могла не отразиться на общемъ строѣ жизни этого общества. Изображеніе этихъ чертъ, обязательное для этнографа, конечно не можетъ носить на себѣ свѣтлаго колорита. И это—не наша вина: мы излагаемъ то, что̀ видимъ.

Мы сочли долгомъ коснуться польскаго вопроса въ здѣшнемъ краѣ, по его важности. Мы думаемъ, что теперь можно говорить о немъ безъ раздраженія, основываясь на дѣйствительныхъ фактахъ. Мы желали остаться на объективной почвѣ: наша цѣль—посильно содѣйствовать уясненію польскаго вопроса. Мы бы желали, чтобы поляки отнеслись къ нашему труду безъ раздраженія и злословія: пора и имъ критически отнестись къ себѣ, тѣмъ болѣе, что имъ именно и не достаетъ этого спокойнаго анализа своего быта и міровоззрѣнія.

Съ другой стороны считаемъ необходимымъ оговорить, что мы пишемъ характеристику поляковъ Западнаго края, а не характеристику польскаго народа, живущаго за предѣлами Западнаго края, котораго мы мало знаемъ. Въ нашемъ краѣ мы имѣемъ дѣло съ немногочисленнымъ польскимъ обществомъ; за Вепремъ же и панъ, и горожанинъ, и крестьянинъ солидарны и по національности, и по религіи.

Не намъ судить—на сколько мы остались вѣрны идеѣ нравственной справедливости; но мы относились къ предмету изслѣдованія со всею искренностію и добросовѣстностію. Намъ приходилось, большею частію, намѣчать рѣзкія, мрачныя черты предпринятой характеристики, такъ какъ онѣ, къ несчастію, рѣжутъ глаза на всякомъ шагу, сильно выступаютъ въ исторіи здѣшняго польскаго общества, кладутъ особенный отпечатокъ на его нравственную физіономіюи въ результатахъ оказываются болѣе вредными для самихъ поляковъ, чѣмъ для кого бы то ни было. Но, выставляя ихъ на показъ, мы не имѣли въ душѣ ни малѣйшей тѣни злорадства, а скорѣе горькія ощущенія. Если бы мы тоже самое писали по-польски, наши обличенія были бы еще рѣзче, еще мрачнѣе въ своихъ подробностяхъ. У насъ не было бы тогда и той понятной сдержанности, какая невольно сквозитъ въ нѣкоторыхъ щекотливыхъ мѣстахъ

нашей статьи, и мы увѣрены, что тогда бы отнеслись къ нашему изслѣдованію сочувственно и всѣ лучшіе передовые умы современнаго польскаго общества. Насъ, между прочимъ, удостовѣряетъ въ этомъ и тотъ умственный и нравственный переломъ, какой замѣчается теперь въ средѣ интеллигентной польской молодежи, и тотъ страстный порывъ протеста противъ общественнаго застоя, какой началъ выражаться, два года тому назадъ, въ польской печати и имѣлъ сначала органомъ своимъ львовскаго „Słowianina“, а теперь имѣетъ двѣ варшавскія газеты: „Przegląd Tygodniowy“ и „Niwa“, изъ коихъ — первая въ теченіи года успѣла пріобрѣсть уже около 3,000 подписчиковъ, а вторая, только что появившись, навлекла уже на себя проклятіе со стороны клерикаловъ и ретроградовъ.

Впрочемъ, мы не хлопотали о популярности, а заботились о добросовѣстномъ исполненіи этого небольшаго труда, зная напередъ, что только прямое раскрытіе истины, безъ всякихъ предвзятыхъ комбинацій и цѣлей, поможетъ уясненію и рѣшенію такихъ животрепещущихъ задачъ, какимъ представляется теперь польскій вопросъ здѣшняго края.

Нашъ этнографическій очеркъ преимущественно и предназначается для этого, хотя онъ собою привнесетъ и незначительный вкладъ въ общій итогъ тѣхъ свѣдѣній, какія желательно было бы имѣть по этому важному предмету.

КРАТКІЙ ИСТОРИЧЕСКІЙ ОЧЕРКЪ ОПОЛЯЧЕНІЯ ЮГО-ЗАПАДНАГО КРАЯ.

До Люблинской уніи (1569 г.), высшее сословіе Юго-Западнаго края было не только православнымъ, но и ратующимъ за интересы православія и русской народности.

Затѣмъ, послѣ этой уніи, сблизившей шляхту Юго-Западнаго края со шляхтой коренною польскою, не вдругъ началось ополячиваніе и окатоличиваніе.

Конечно, польская культура не могла не оказывать вліянія на нравы пановъ здѣшняго края; но они все еще отстаивали свою народность. Польское правительство въ отношеніи ихъ не прибѣгало къ рѣшительнымъ мѣрамъ, даже послѣ религіозной уніи 1596 года. Правительство польское старалось привлечь высшіе классы посредствомъ чиновъ, должностей, староствъ и прочихъ заманчивыхъ вещей, раздаваемымъ исключительно ренегатамъ.

Константинъ Острожскій не только давалъ ходъ полемикѣ противъ уніи, не только поддерживалъ русскую народность посредствомъ школъ, братствъ, заведенія типографій; но даже посылалъ дружины подъ предводительствомъ Волынскаго шляхтича Наливайки противъ русскихъ дворянъ, отступившихъ отъ православія. Самая дружина Наливайки состояла почти вся исключительно изъ православной шляхты.

Ополяченіе пошло быстрыми шагами въ эпоху войнъ Хмельницкаго, а въ особенности—съ воцареніемъ въ Польшѣ Яна Казиміра, въ 1649 году.

Козацкія возстанія были не только направлены къ защитѣ православія и народности, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, и противъ панства, стремившагося закрѣпостить народъ. Понятно, что русская шляхта увидѣла въ козацкомъ движеніи уже не защиту только вѣры и народности, а посягательство на ея соціальныя и экономическія привилегіи. Ей оставалось только идти заодно съ коренною шляхтой Речи Посполитой, а идти съ нею заодно можно

было только подъ условіемъ ополяченія и перехода въ католицизмъ или унію; тѣмъ болѣе, что только при этомъ возможно было покровительство польскаго правительства.

„Король Янъ Казиміръ“, говоритъ М. В. Юзефовичъ *), „при самомъ вступленіи на престолъ, далъ торжественную присягу не предоставлять ни одного мѣста въ сенатѣ, ни одной должности, ни одного староства не-католикамъ. Ту же присягу повторяли и слѣдующіе короли. Послѣ этого перваго рѣшительнаго шага, стали возникать противъ русской церкви и народности, одно за другимъ, притѣснительныя правительственныя распоряженія, которыя дошли наконецъ до того, что однимъ изъ нихъ запрещалось канцлерамъ прикладывать государственную печать ко всякимъ актамъ, даже къ актамъ королевскаго помилованія, если только эти акты, прямо или косвенно, вообще или въ частности, содержали что̀ либо выгодное для лицъ не-католическаго вѣроисповѣданія, т. е. все православное населеніе объявлялось внѣ закона; а другимъ постановлялось, что церковь католическая не должна терпѣть рядомъ съ собою ни какимъ образомъ другихъ вѣроисповѣданій, послѣдователи которыхъ, въ правахъ своихъ, сравнивались съ правами евреевъ и духовенству которыхъ формально запрещалось ходить по улицамъ со святыми дарами; крещеніе, бракъ и похороны предоставлялось совершать не иначе, какъ съ разрѣшенія ксендзовъ за установленную плату; публичныя похороны воспрещались иновѣрцамъ вовсе, а разрѣшались не иначе, какъ ночью; на церквахъ упразднялись колокола, а каноническіе законы католиковъ объявлялись обязательными и для иновѣрцевъ“.

Присоединеніе при Богданѣ Хмѣльницкомъ Малороссіи къ Россіи не спасло Юго-Западной Руси, такъ какъ она, по Андрусовскому договору, была возвращена Польшѣ. Тогда-то начались всѣ ужасы закрѣпощенія народа и насильственнаго введенія уніи.

Козачество, представлявшее собою защитниковъ православія, народности и постоянный протестъ противъ закрѣпощенія народа, уничтожено на правомъ берегу Днѣпра въ началѣ XVIII столѣтія.

Народъ протестовалъ противъ закрѣпощенія сперва побѣгами, а потомъ гайдамачиной.

Чтобы привлечь въ опустѣвшія имѣнія крестьянъ, приходилось прибѣгать къ различнымъ льготамъ, звать на слободы. Но, конечно, все населеніе не могло убѣжать, и потому ему приходилось переносить иго закрѣпощенія и религіозное преслѣдованіе.

---

*) „О происхожденіи шляхетскихъ родовъ Юго-Западной Россіи“, см. „Архивъ Юго-Западной Россіи“, издаваемый Кіевскою Археографическою Коммиссіею, часть 4, томъ I.

Гайдамачина 1768 года представила собою грозный протестъ народа противъ шляхетства и евреевъ; но это народное движеніе было подавлено, при помощи русскихъ войскъ, и затѣмъ дѣло пошло по-старому.

Въ 1792 году Юго-Западный край былъ присоединенъ къ Россіи, и тогда-то совершилось два событія: ополяченіе и окатоличеніе остатковъ православнаго дворянства и упроченіе крѣпостнаго права. О первомъ М. В. Юзефовичъ въ вышеупомянутой статьѣ говоритъ слѣдующее: „Есть драгоцѣнное свидѣтельство, что въ концѣ XVIII вѣка, наканунѣ паденія Польши, подъ ея господствомъ еще существовало русское православное дворянство: въ прибавленіи къ трактату, заключенному Россіею съ Польшею въ 1775 году, говорится, что шляхетскіе православные роды должны пользоваться всѣми правами наравнѣ съ дворянами католическими. Надо полагать, что такихъ родовъ было еще достаточно, если русское правительство нашло нужнымъ обратить на нихъ свою заботу. Нѣтъ сомнѣнія, что національная политика Екатерины Великой оберегла бы эти остатки, какъ добрый запасъ для обратнаго обрусѣнія возвращеннаго Россіи края, но извѣстно, что, по кончинѣ мудрой государыни, ея политика по польскому вопросу испытала крутой поворотъ и уступила мѣсто формальному оффиціальному признанію польской національности въ нашихъ западныхъ областяхъ, послѣ чего этимъ остаткамъ ничего не предстояло болѣе, какъ подчиниться началамъ, признаннымъ законно-господствующими верховною властію самой Россіи. Такимъ образомъ, окончательное окатоличиваніе и ополячиваніе высшаго сословія въ нашихъ западныхъ областяхъ совершилось подъ русскимъ уже правительствомъ въ промежутокъ времени отъ кончины императрицы Екатерины до восшествія на престолъ императора Николая. Изъ здѣшняго туземнаго православнаго дворянства уцѣлѣла до настоящаго времени только такъ называемая околичная шляхта, благодаря своему родовому быту, а можетъ быть и тому обстоятельству, что заносчивое и восторжествовавшее польское панство не удостоивало вниманія людей, мало отличающихся по своему общественному положенію и быту отъ простаго земледѣльческаго класса“.

Что касается до упроченія крѣпостнаго права въ Юго-Западномъ краѣ, то В. Б. Антоновичъ, въ изслѣдованіи „О крестьянахъ въ юго-западной Россіи по актамъ 1700—1799 годовъ“ говоритъ слѣдующее: „Въ 1792 году южно-русскій край былъ возвращенъ Россіи и шляхетскій порядокъ долженъ былъ уложиться въ новыя формы юридическаго и общественнаго строя. Въ первое время казалось, что формы эти были не только враждебны идеалу помѣщичьихъ отношеній, къ которымъ стремилась шляхта, но, напротивъ того, въ разительной степени подготовляли его осуществленіе. Шляхтичи теряли, правда, юридическую власть надъ крестьянами, простиравшуюся въ Речи

Посполитой до „права меча“, но за то экономическое ихъ господство было вполнѣ признано закономъ и могло опереться на сильно организованную администрацію и на прочную власть, которою въ Россіи оберегался законъ и которой и тѣни не представлялось въ Речи Посполитой. Хитрость и уловки въ отношеніи къ крестьянамъ сдѣлались лишни—явились средства удержать ихъ отъ побѣговъ, обращаясь къ администраціи, а не къ льготамъ и приманкамъ, какъ было прежде. Потому послѣ 1792 г. значительно ослабѣвастъ, а чрезъ нѣсколько лѣтъ (съ 1796 г.) и совсѣмъ прекращается раздача земель крестьянамъ; напротивъ того, помѣщики отбираютъ прежде данныя ими дарственныя записи и повсемѣстно отнимаютъ у крестьянъ землю. Въ старостваxъ, поступившихъ въ частное владѣніе, гдѣ права на поземельную собственность утверждались болѣе прочно, владѣльцы прибѣгаютъ нерѣдко къ перегону жителей цѣлыми селами и мѣстечками на новыя мѣста жительства, для того, чтобы разорвать ихъ связь и уничтожить всякое воспоминаніе о правахъ на нее“. Далѣе говоритъ г. Антоновичъ: „Шляхта, опираясь на покровительство, оказанное ей русскимъ правительствомъ, наконецъ сломила долго сопротивлявшійся народъ и дождалась полнаго торжества“.

По присоединеніи Западнаго края къ Россіи, изобрѣтенная іезуитами унія, какъ насильно введенная и непривившаяся къ народу, пала.

Что касается до образованія, то до 30-хъ годовъ оно было чисто польское. Здѣсь считаемъ нужнымъ привести историческія данныя о ходѣ образованія въ здѣшнемъ краѣ.

Болѣе широкое образованіе начало распространяться въ Юго-Западномъ краѣ въ землѣ Кіевской, съ учрежденіемъ духовной академіи, при братскомъ монастырѣ, а на Волыни первыя школы обязаны своимъ основаніемъ борцу за православіе кн. Константину Острожскому; онъ основалъ первую высшую школу въ 1595 году, ректоромъ которой былъ Смотрицкій.

Замѣчательно, что въ началѣ XVI и XVII столѣтіяхъ кальвинисты (Лещинскіе, Фирлеи, Радивилы), социніане (кн. Пронскіе, Немиричи, Синюты, Чаплицкіе, Горскіе и др.) заботились также объ учрежденіи школъ и соборовъ. Главная школа социніанъ была въ Киселинѣ съ 1640 г.; первый ея ректоръ—Евстафій Кисель. Кальвинисты и Моравскіе братья имѣли семинарію въ Острогѣ. Впрочемъ, протестантскія школы пали въ первой половинѣ XVII вѣка, и протестанты посылали дѣтей въ Раковъ, Любартовъ и Торунь. Уже въ это время нѣкоторые шляхтичи посылали своихъ дѣтей для воспитанія къ іезуитамъ въ Польшу и за границу.

Около 1612 г. является въ Луцкѣ первая іезуитская коллегія.

Въ 1624 году Анна Ходкевичъ, дочь Александра Острожскаго, основы-

ваетъ другую коллегію и конвиктъ для шляхты въ Острогѣ. Іезуитамъ предоставлялось подчинить низшія школы, въ округѣ находящіяся.

Въ первой половинѣ XVII вѣка Александръ Елецъ основалъ іезуитскую коллегію въ Кіевскомъ воеводствѣ, въ Полѣскомъ мѣстечкѣ Ксаверовкѣ; потомъ коллегія эта была перенесена въ Овручь. Въ 1720 году возникла іезуитская резиденція въ Кременцѣ съ двумя конвиктами; 1724 года въ Житомірѣ открыты іезуитская миссія со школами.

Нѣкоторое преобразованіе къ лучшему внесли оппозиціонные іезуитамъ Піары, но имъ удалось открыть только двѣ школы: въ Домбровицѣ 1695 и въ Межирѣчьѣ въ 1702 году; послѣдняя школа пользовалась особенною популярностію.

Духовныя католическія семинаріи существовали въ Олыкѣ, Житомірѣ, Яновѣ, Тикоцинѣ и Венгровѣ.

Главнѣйшія элементарныя школы на Волыни въ это время были въ Дубнѣ, Ровнѣ, Турійскѣ, Овручѣ и Заславлѣ.

По уничтоженіи въ 1773 году папою Климентомъ XIV ордена іезуитовъ, сеймъ 1775 г. обратилъ ихъ фундуши на дѣло образованія, а въ томъ же году учреждена такъ называемая эдукаціонная коммиссія, вѣдѣнію которой поручено общественное образованіе. Эдукаціонная коммиссія основала школы: въ Кременцѣ, въ бывшемъ іезуитскомъ зданіи, въ Олыкѣ, Луцкѣ, Овручѣ и Житомірѣ.

Въ это время самыми популярными школами были — школы Базиліянъ. Главнѣйшая изъ нихъ была въ Любарѣ, шестиклассная; затѣмъ были школы ихъ въ Острогѣ и Владиміръ-Волынскѣ. Была также замѣчательная элементарная школа Тринитаріевъ въ м. Берестечкѣ. Дѣятельность эдукаціонной коммиссіи продолжалась до 1796 года.

Послѣ раздѣленія Польши, всѣ по-іезуитскія имѣнія и капиталы были взяты въ казну, и только указомъ Александра I, отъ 21 декабря 1807 г., они отданы на дѣло образованія въ губерніяхъ Юго-Западнаго края. Юго-Западный край вошелъ въ составъ Виленскаго учебнаго округа, попечителемъ коего былъ назначенъ Адамъ Чорторыйскій. Завѣдываніе учебными заведеніями Юго-Западнаго края поручено было Чацкому.

По ликвидаціи фундушей, въ 1813 году капиталъ, назначенный для образованія, простирался до 1.000,000 руб. серебромъ.

Чацкимъ основана была въ 1805 г. Кременецкая гимназія, преобразовавшаяся впослѣдствіи въ лицей.

Въ 1807 году въ Кременцѣ же были основаны таксаторская школа и механическое училище.

Въ это время съ Кременецкимъ лицеемъ соперничала Піарская школа

въ Межирѣчьѣ. Тогда же въ рукахъ духовенства находилась школа Тринитаріевъ въ Теофилполѣ. Затѣмъ возникаютъ свѣтскія школы въ Житомірѣ, Луцкѣ и Клеванѣ. Въ это же время измѣнена въ шестиклассную гимназію давняя Кармелитская школа въ Бердичевѣ.

Со вторичнымъ появленіемъ іезуитовъ на Волынѣ, въ Романовѣ, 1814 г., возникаетъ ихъ школа, просуществовавшая шесть лѣтъ.

Чацкій былъ основателемъ 126 народныхъ школъ въ трехъ губерніяхъ Юго-Западнаго края. Основаны были также пансіоны для женщинъ въ Кременцѣ, Межирѣчьѣ, Бердичевѣ, Романовѣ, Каменецъ-Подольскѣ, Винницѣ, Немировѣ и другихъ мѣстахъ.

Что касается Подольской губерніи, то и тамъ были іезуитскія школы и коллегіи, въ Каменецъ-Подольскѣ и Барѣ. Послѣдняя въ 1781 году перешла къ Базиліянамъ.

Въ началѣ нынѣшняго столѣтія въ числѣ важнѣйшихъ училищъ можно назвать Винницкое, Каменецъ-Подольское, Межибужское, Барское и Немировское.

Въ Кіевской губерніи кромѣ упомянутаго кармелитскаго Бердичевскаго училища, были училища Базиліянъ: въ Каневѣ, Умани и другихъ мѣстахъ.

Эти краткія данныя указываютъ, что высшія сословія не могли избѣжать ополяченія и окатоличенія, путемъ школьнаго образованія, находившагося до нынѣшняго столѣтія въ рукахъ католическаго духовенства, а затѣмъ перешедшаго въ руки польскихъ патріотовъ. Не удивительно, что при посредствѣ образованія могли терять народность и лица средняго сословія и мелкой шляхты. Такой порядокъ вещей продолжался до 1832 года, когда въ учебныхъ заведеніяхъ введенъ былъ русскій языкъ въ преподаваніе, введена общая для всей Россійской Имперіи программа преподаванія и католическое духовенство устранено отъ завѣдыванія школами.

Вскорѣ Кременецкій лицей перенесенъ въ Кіевъ и упраздненъ, а въ Кіевѣ открытъ въ 1834 году университетъ Св. Владиміра, вмѣсто упраздненнаго Виленскаго.

Такъ поздно явился въ Юго-Западномъ краѣ разсадникъ высшаго русскаго образованія!

Такое господство польскаго элемента въ Западномъ краѣ привело къ тому, что польскій языкъ сдѣлался не только оффиціальнымъ языкомъ, но даже получилъ право гражданства въ средѣ единственнаго въ краѣ интеллигентнаго русскаго сословія—у православнаго духовенства на Волыни и Подоліи. Говорить въ такихъ семействахъ по-польски—считалось требованіемъ приличій.

О дальнѣйшихъ мѣропріятіяхъ въ краѣ и ихъ послѣдствіяхъ, мы при-

ведемъ превосходную характеристику г. Воронина изъ его замѣчательной рукописи *), имѣющейся у насъ подъ рукою: „Послѣдовавшее въ 1830 году возстаніе Польши, встрѣтившее горячее сочувствіе въ здѣшнемъ польскомъ дворянствѣ и духовенствѣ, показало всю непослѣдовательность и опасность нашей внутренней политики; только съ этого времени стали обращать вниманіе на національные интересы края и дѣлать попытки къ утвержденію въ краѣ русской народности.

„Послѣ 1830 года начались систематическія ограниченія польскаго элемента въ краѣ и постепенное стѣсненіе правъ польскаго дворянства. Образовано было особое управленіе края, подчиненное общему административному центру Имперіи. Въ мѣстной администраціи стали вводить русскій элементъ: русскіе чиновники смѣнили поляковъ въ полицейскихъ должностяхъ, русскій языкъ сдѣлался оффиціальнымъ въ административной перепискѣ; но въ важнѣйшей части управленія края — въ отправленіи суда — господствовалъ еще польскій языкъ вмѣстѣ съ польскими законами, и только въ 1840 году введены были въ дѣйствіе русскіе гражданскіе законы и образовано судопроизводство, по образцу прочихъ судовъ Имперіи; затѣмъ начали ограничивать выборное начало въ судопроизводствѣ и замѣнять его бюрократическимъ. Воспитаніе юношества ввѣрено было русскимъ педагогамъ, существовавшія въ краѣ католическія школы закрыты, а взамѣнъ ихъ учреждено было нѣсколько учебныхъ заведеній для дворянскаго сословія; въ нихъ принята система воспитанія закрытыхъ заведеній. Въ тоже время закрытъ Виленскій университетъ и вмѣсто его учрежденъ въ Кіевѣ университетъ Св. Владиміра. Польское дворянство устранено было отъ участія въ управленіи краемъ и сохранило только свое сословное управленіе и представительство. Мелкая безземельная шляхта, разсѣянная по помѣщичьимъ имѣніямъ и городамъ, была обращена въ податное сословіе однодворцевъ и гражданъ, подчинена общему съ податными классами управленію и обезсилена ежегодными рекрутскими наборами. Права на дворянское достоинство всей шляхты подвергнуты были пересмотру и повѣркѣ. Вмѣстѣ съ тѣмъ упразднено было множество католическихъ монастырей, бывшихъ центромъ фанатизма и пропаганды католической и регулированы фундушные доходы католическаго духовенства, а въ видахъ поддержанія и распространенія въ краѣ русской народности изданъ былъ извѣстный законъ о правахъ, обязывающій супружества, въ которыхъ одинъ изъ супруговъ православнаго исповѣданія, воспитывать происходящихъ отъ такихъ браковъ дѣтей въ православіи.

„Каково же было дѣйствіе этихъ мѣръ и на-сколько достигалась ими

---

*) Рукопись эта написана въ 1862 году.

цѣль, въ которой онѣ были задуманы и приняты? Оно—въ свѣжей памяти у всѣхъ мѣстныхъ жителей и съ результатами его мы встрѣчаемся въ настоящее время на каждомъ шагу въ общественной жизни края. Подчиненіе управленія края общему административному центру Имперіи было, конечно, могучею нитью, закрѣплявшею связь его съ общимъ отечествомъ и разрушало надежды поляковъ, смотрѣвшихъ на край, какъ на область Царства Польскаго, долженствующую раньше или позже быть присоединенною къ нему; но въ тоже время введеніе русскаго элемента въ низшую администрацію не только не расположило населеніе въ пользу правительства, а напротивъ уронило его въ глазахъ народа. Чиновничья орда, имѣвшая непосредственныя отношенія къ народу, набиралась изъ послѣднихъ осадковъ нашей бюрократіи, по невозможности привлечь на службу въ край людей съ лучшимъ воспитаніемъ и направленіемъ. Скудность содержанія и трудность службы, посреди непріязненно расположеннаго населенія, отвращало отъ служенія здѣсь порядочныхъ чиновниковъ на такихъ должностяхъ, которыя составляли послѣднее звено администраціи въ отношеніяхъ ея къ народу. (Не говоримъ здѣсь о другихъ неблагопріятныхъ условіяхъ, для образованія чистой и благонамѣренной администраціи, какъ не относящихся къ предмету настоящей записки). Мѣста по полицейскому и судебному управленію занимались людьми незнавшими края, не приготовленными къ своимъ обязанностямъ, невѣжественными и грубыми, смотрѣвшими на свои должности, какъ на средство къ кормленію. Необузданный произволъ и взяточничество были послѣдствіемъ управленія края чрезъ подобныхъ агентовъ. Всѣ благонамѣренныя усилія высшей администраціи подавить это зло разбивались въ прахъ, вслѣдствіе неисправимаго органическаго разстройства въ цѣлой системѣ: чиновники смѣняли одни другихъ, но побужденія и принципы дѣйствій ихъ были тѣже самые и сопровождались тѣми же послѣдствіями.

„Система удаленія польскаго дворянства отъ участія въ администраціи края имѣла результатами устраненіе лучшихъ людей изъ этого дворянства, но всѣ остатки его изъ бѣдной и необразованной шляхты наполнили канцеляріи и внесли такимъ образомъ съ собою въ мѣстную администрацію, и безъ того страдавшую недостаткомъ хорошихъ чиновниковъ, нравственное растлѣніе голоднаго и жаднаго шляхетскаго пролетаріата.

„Преобразованіе судопроизводства не принесло ни какой пользы отправленію правосудія въ краѣ. Судъ сталъ производиться на русскомъ языкѣ и по русскимъ законамъ; но злоупотребленія отъ того не уменьшились, а увеличились. Изъ публичнаго и главнаго, какимъ былъ судъ по литовскому статуту, онъ сдѣлался закрытымъ, канцелярскимъ судомъ. Гарантія правдивости суда, лежавшая въ гласности его, исчезла, и судъ стали отправлять канцеляріи

уѣздныхъ судовъ и палатъ, которыя изъ канцелярской тайны сдѣлали себѣ ловушку для просителей. Контроль администраціи надъ судами оказался безсильнымъ, да другимъ онъ и не могъ быть при системѣ закрытаго судопроизводства.

„Учебныя заведенія выпускали недоучившуюся и, не смотря на дисциплинарныя строгости въ заведеніяхъ, распущенную молодежь изъ мелкой и средней шляхты, которая едва выучивалась говорить и писать по-русски, но твердо хранила въ себѣ всѣ шляхетскія преданія, усвоенныя ею еще въ дѣтствѣ, путемъ семейнаго воспитанія. Она вся оставалась въ краѣ и требовала здѣсь себѣ мѣста и службы, но, встрѣчая преграды къ достиженію своихъ цѣлей со стороны правительственныхъ распоряженій, переходила въ ряды недовольныхъ правительствомъ и, такимъ образомъ, пополняла постоянно тотъ шляхетскій пролетаріатъ, который въ послѣднее время явился такимъ удобнымъ матеріаломъ для польской агитаціи и который всегда готовъ составлять хвостъ при всякомъ политическомъ движеніи.

„Между тѣмъ всѣ эти учебныя заведенія, приносившія такъ мало истинной пользы краю и стоившія огромныхъ издержекъ, созданы и содержались на счетъ народа, потому что такъ называемыя пожертвованія дворянства на эти заведенія собирались съ крестьянъ. Сборъ на учебныя заведенія только числился дворянскимъ по казначейскимъ книгамъ, а на дѣлѣ онъ былъ крестьянскимъ: его платили своимъ панамъ, вмѣстѣ съ подушною податью, крестьяне, которые сами были лишены возможности научиться грамотѣ.

„Законъ о бракахъ составилъ сильную преграду къ распространенію въ краѣ католичества, а съ тѣмъ вмѣстѣ и польской національности и возбудилъ реакцію въ католическомъ духовенствѣ и дворянствѣ. Въ высшемъ сословіи совершенно прекратились брачные союзы католиковъ съ православными, а въ низшихъ они начали встрѣчать сильное противодѣйствіе со стороны ксендзовъ.

„Если отъ общаго обзора дѣйствій помянутыхъ мѣръ перейдемъ къ разсмотрѣнію дѣйствія ихъ въ частности на каждую изъ группъ основнаго населенія края, то увидимъ, что мѣры, какъ репрессивныя, предпринятыя въ видахъ подавленія польскаго дворянства, такъ и имѣвшія цѣлью перевоспитаніе его въ русскомъ духѣ посредствомъ системы закрытыхъ учебныхъ заведеній, далеко не достигали своей цѣли и только всею тяжестью своею ложились преимущественно на народъ. Не затрогивая существенныхъ интересовъ польскаго дворянства, покоившихся на крѣпостномъ правѣ, мѣры эти были только внѣшними ограниченіями и стѣсненіями законно-признанныхъ общественныхъ преимуществъ дворянства, стѣсненіями, производившими лишь недовольство и раздраженіе противъ правительства, но ни сколько не осла-

панщина отъ крестьянъ вырыла глубокую пропасть между духовными пастырями и ихъ паствою и подорвала всякое нравственное вліяніе первыхъ на послѣднихъ. Она сдѣлалась источникомъ безпрерывныхъ раздоровъ и пререканій между священниками и крестьянами, посредниками въ которыхъ являлись поперемѣнно, то паны, то полицейскіе чиновники. Оба посредника далеки были отъ того, чтобы скрѣпить нравственную связь у народа съ духовенствомъ. Волею или неволею священники должны были войти въ союзъ съ панами и полиціею для угнетенія общими силами крестьянъ, или въ противномъ случаѣ признавались безпокойными и прогонялись изъ одного прихода въ другой. Съ кастическою организаціею, жалкимъ образованіемъ и нищенскимъ содержаніемъ, подчиненное ни чѣмъ неограниченному произволу, сельское духовенство въ краѣ, послѣ положенія 1842 года, явилось новаго рода чиновничьимъ пролетаріатомъ, обиравшимъ народные динаріи за отправленіе разныхъ религіозныхъ требъ, и утратило всякое значеніе народныхъ наставниковъ и нравственности. Это печальное положеніе духовенства здѣсь давно уже замѣчено высшею администраціею, но, къ изумленію, отстаивается доселѣ.

„Для рабочаго сельскаго населенія къ страшному гнету крѣпостнаго права присоединился не менѣе тяжелый гнетъ бюрократіи. Работая въ потѣ лица своего для выгодъ и удобствъ пановъ-землевладѣльцевъ, доставляя имъ своимъ трудомъ средства къ поддержанію ихъ общественнаго положенія и чуждой національности въ краѣ, которая враждебно и презрительно относилась какъ къ нимъ самимъ, такъ и ко всему русскому,—крестьяне, составлявшіе $^3/_5$ всего населенія, лишены были всякой надежды выйти изъ этого зачарованнаго круга и всякой возможности къ умственному и нравственному развитію. Для нихъ не было учреждено ни одной школы, гдѣ бы они могли по крайней мѣрѣ научиться читать божественныя книги, въ которыхъ излагается проповѣдь любви и мира. Работы до изнеможенія и отупленія подъ плетью и дисциплиною эконома были альфою и омегою ихъ жизни. Защиты противъ польскаго гнета не было для нихъ нигдѣ: если панъ былъ великій деспотъ, то не меньшимъ былъ и урядникъ, поставленный на защиту невинно угнетенныхъ. Всякая жалоба крестьянъ на несправедливость и жестокость обращенія пана признавалась ослушностію, неповиновеніемъ и бунтомъ и влекла за собою еще большее угнетеніе. Полицейскіе, да и другіе чиновники, являвшіеся для разбора жалобъ крестьянъ на своихъ пановъ, всегда были на сторонѣ послѣднихъ, и потому народъ привыкъ считать ихъ подкупленными слугами пановъ, какими они въ дѣйствительности и бывали. Возникшее въ 1847 году въ Галиціи крестьянское движеніе дало поводъ правительству къ попыткѣ ограниченія произвола

дворянства въ отношеніяхъ его къ крѣпостнымъ крестьянамъ. Въ 1847 году торжественно обнародованы были инвентарныя правила. Они возбудили въ народѣ преждевременныя надежды на свободу и, подавая поводъ къ безпорядкамъ въ нѣкоторыхъ имѣніяхъ, горько обманули ожидавшихъ крестьянъ. Правила эти составлены были тѣми самыми панами, на угнетеніе которыхъ они безпрерывно жаловались, и не принесли ни какого облегченія крестьянамъ, а сдѣлались только неизсякаемымъ родникомъ доходовъ для полиціи и уздою, которою сдерживалась въ политическихъ видахъ польская заносчивость. Положеніе крестьянъ съ изданіемъ правилъ измѣнилось не къ лучшему, а къ худшему: введенные правилами два рода барщины—тяглой и пѣшей—сдѣлали невыгоднымъ для помѣщиковъ удерживать разрядъ плуговыхъ крестьянъ, а для тѣхъ послѣднихъ тяглую барщину, слѣдствіемъ чего было уменьшеніе рабочаго крестьянскаго скота и замѣтное обѣднѣніе крестьянъ. До введенія инвентарныхъ правилъ, во многихъ имѣніяхъ по нѣсколько крестьянъ выходили на барщину съ своими плугами; послѣ введенія, этого нигдѣ уже нельзя было увидѣть. Положеніе крестьянъ, загнанныхъ, забитыхъ, лишенныхъ даже смягчающаго вліянія религіи—было по истинѣ ужасное! Въ панахъ своихъ они видѣли плантаторовъ, выжимающихъ изъ нихъ всѣ соки, въ чиновникахъ—подкупленныхъ слугъ этихъ пановъ, а въ сельскихъ священникахъ—мелкихъ и назойливыхъ экономовъ и сутягъ, стремившихся завладѣть тѣмъ, чего не успѣлъ выжать у нихъ панъ. Но въ своемъ беззащитномъ положеніи, посреди угнетеній, направленныхъ на нихъ со всѣхъ сторонъ: отъ пановъ, чиновниковъ и духовенства, посреди общей неправды,—крестьяне вѣрили въ правду далекаго отъ нихъ Бѣлаго Царя. Самыя возмутительныя несправедливости и пристрастіе чиновниковъ не въ состояніи были поколебать ихъ вѣру въ Царя. Отъ него только они ждали правды и облегченія своей участи и не обманулись въ своихъ ожиданіяхъ. Цѣлая Россія съ восторгомъ услышала слово правды своего Царя, и день 19-го февраля 1861 года останется вѣчно-памятнымъ для русскаго народа!

„Но, къ сожалѣнію, примѣненіе Положенія 19 февраля польскими мировыми посредниками сопряжено было съ разными несправедливостями, преимущественно—съ уменьшеніемъ крестьянскихъ надѣловъ противъ того размѣра пользованія землею, какое крестьяне имѣли по инвентарямъ. Само собою разумѣется, что эти несправедливости вызывали протесты со стороны крестьянъ, которые были усмирены путемъ экзекуцій.

„Но вотъ произошло польское возстаніе, и, только по подавленіи его, наступили рѣшительныя мѣры по возстановленію крестьянскаго надѣла, согласно съ дѣйствительнымъ владѣніемъ по инвентарямъ, обязательный выкупъ и пониженіе выкупныхъ платежей сообразно съ средствами крестьянъ".

КАТОЛИЦИЗМЪ ВЪ ЮГО-ЗАПАДНОМЪ КРАѢ.

Католицизмъ въ Юго-Западномъ краѣ есть религія панская, а ксендзъ—священникъ шляхты. Подобное воззрѣніе принадлежитъ какъ полякамъ и ихъ духовенству, такъ и народу. Мѣстная польская пословица говоритъ: „попъ—хлопъ, а ксендзъ—капланъ шляхѣтныхъ“ *). Поляки всегда называли православіе хлопскою вѣрою (chłopska wiara); народъ считалъ православіе „благочестіемъ“, а равно и „вѣрою мірянъ“; католицизмъ—„лядською вірою, панською вірою“

Этотъ соціальный и этнографическій характеръ религіи отразился, какъ увидимъ впослѣдствіи, на отношеніи къ ней самого католическаго духовенства и на отношеніи народа къ прозелитамъ этой религіи и самыхъ прозелитовъ къ ней.

Такъ какъ паства католическаго духовенства состояла преимущественно изъ пановъ и шляхты, а не изъ народа, то, естественно, паны становились единственными кормильцами ксендзовъ. Все благосостояніе ихъ зависѣло отъ благорасположенія пановъ, потому что „ходачковая“ шляхта, составляющая часть католическихъ „парафій“, не имѣя поземельной собственности, точно также зависѣла отъ пановъ и, по своей бѣдности, не могла значительно помогать духовенству.

Это зависимое положеніе духовенства отъ пановъ вело къ тому, что оно не могло громко возвышать голоса и держаться съ достоинствомъ пастыря предъ высокомѣрнымъ паномъ. Поэтому въ Юго-Западномъ краѣ католицизмъ болѣе аристократиченъ, чѣмъ въ Царствѣ Польскомъ.

Католическое духовенство хорошо понимало, что его соціальное положеніе и экономическое благосостояніе могутъ упрочиться съ расширеніемъ пропа-

---

*) Попъ—мужикъ, а ксендзъ—священникъ благородныхъ.

ганды, а эта послѣдняя возможна въ широкихъ размѣрахъ только подъ крылышкомъ Польши. Поэтому не удивительно, что католицизмъ и польщизна неизбѣжно отождествлялись въ ихъ понятіяхъ, при чемъ успѣхъ католицизма зависѣлъ отъ успѣха полонизма.

Вотъ—коренная причина польскаго патріотизма ксендзовъ, вотъ—почему католицизмъ, какъ религія, въ западномъ краѣ отступалъ на второй планъ; на первомъ планѣ былъ политическій вопросъ, т. е. вопросъ господства полонизма, а католицизмъ явился бы какъ вѣрно разсчитанное послѣдствіе, что на практикѣ и случалось очень часто. Стоило ополячиться, чтобы имѣть затѣмъ полную наклонность къ католицизму. Но тутъ препятствовалъ только одинъ законъ: если бы этого закона не было, то ополяченные православные тотчасъ бы дѣлались сынами Римской церкви.

До послѣдняго десятилѣтія въ краѣ господствовала исключительно польская интеллигенція, самымъ сильнымъ элементомъ которой былъ католицизмъ. Поэтому не удивительно, что воспитываемый въ польскомъ духѣ православный, сдѣлавшійся такимъ образомъ одною изъ единицъ польскаго интеллигентнаго общества, проникался симпатіею къ католицизму, какъ религіи интеллигенціи.

Нѣсколько иначе относится къ католической религіи мелкая шляхта. Чтобы уяснить это, мы коснемся значенія этой шляхты въ прежнее время и теперь.

Во время господства Речи Посполитой, богатые паны дорожили этою шляхтой: она давала имъ силу на сеймахъ. Чтобы обезпечить за собой эту силу, нужно было поставить шляхту въ зависимое положеніе. При малѣйшей самостоятельности, когда шляхтичъ дѣлался хотя мелкимъ собственникомъ, онъ уже, по своей шляхетской гордости и даже по праву, дѣйствовалъ самостоятельно, руководствуясь пословицей: „szlachcic na zagrodzie równien wojewodzie“ (шляхтичъ на одномъ огородѣ равенъ воеводѣ, т. е. самый мелкій собственникъ шляхтичъ совершенно равенъ въ правахъ своихъ самому крупному магнату).

Вслѣдствіе подобныхъ соображеній, вся мелкая шляхта оказалась безземельною. Паны привлекали ихъ отдачею земель на льготныхъ арендныхъ условіяхъ, давали должности при своихъ дворахъ, кормили и поили на сеймахъ, при чемъ льстили ихъ szlacheckiej ambicyi (чувству дворянскаго достоинства). Отсюда—цѣлыя массы такъ называемой „ходачковой“ шляхты („чиншовиковъ“), „дзержавцевъ“ (арендаторовъ), „заставниковъ“ (дававшихъ пану деньги въ долгъ и за это получавшихъ пользованіе землею), „оффиціалистовъ“ (имѣвшихъ разныя служебныя обязанности), „печеня́ржей“ (проживаловъ и компаніоновъ) и „дво́ржанъ“ (молодыхъ мелкихъ пановъ, проживающихъ въ аристократическихъ домахъ, для „набраня полёру“, т. е. для усвоенія манеръ высшаго тона).

Съ уничтоженіемъ Рѣчи Посполитой, соціальная роль всѣхъ поименованныхъ видовъ шляхты измѣнилась. Въ особенности измѣнилось положеніе ходачковой шляхты: она оказывалась болѣе ненужною панамъ; съ другой стороны она отъ нихъ была въ совершенной зависимости. Паны постепенно увеличиваютъ чинши, шляхта эта бѣднѣетъ, а послѣ освобожденія крестьянъ является еще въ худшемъ положеніи, чѣмъ крестьяне.

Такимъ образомъ въ соціальномъ положеніи ходачковая шляхта сравнялась съ крестьянами, съ тою только разницею, что не была въ крѣпостной зависимости; но за то экономически была иногда даже въ худшемъ положеніи. Между этою шляхтою и панами прекратилась та связь, которая прежде существовала и даже замѣнилась нерасположеніемъ къ панамъ. Экономическое положеніе сблизило ее съ народомъ, съ которымъ она равнялась по своему умственному развитію.

Отъ этого произошло обратное движеніе у шляхты. Она все болѣе и болѣе утрачиваетъ свой полонизмъ, сливаясь съ общенародною жизнью и, въ то же время, становится менѣе фанатичною по отношенію къ православію; она сознаётъ, что это—вѣра простыхъ людей, что католицизмъ—вѣра панская, и только остатки гордости шляхетской, заставляющей ихъ считать себя выше народа, поддерживаютъ ихъ связь съ католицизмомъ, при чемъ самый католицизмъ у нихъ чисто внѣшній. Богослуженіе на латинскомъ языкѣ и польская проповѣдь повергаютъ ихъ въ дремоту.

Здѣсь мы считаемъ умѣстнымъ сказать нѣсколько словъ по вопросу о католическомъ богослуженіи на русскомъ языкѣ.

Подобная реформа демократизируетъ католическую религію. Католики изъ низшаго класса почувствуютъ бо́льшую свою близость къ этой религіи, она имъ сдѣлается родною, явится возможность быть католикомъ и въ то же время русскимъ. Обыкновенные приходскіе ксендзы относятся враждебно къ этой мѣрѣ, потому что, какъ мы объяснили, полонизмъ у нихъ на первомъ планѣ. Что же касается до болѣе тонкихъ политиковъ католицизма, а въ особенности принадлежащихъ къ Societatis Jesu, то они довольно благосклонно смотрятъ на эту мѣру, хотя и притворяются ея противниками; они думаютъ, что эта мѣра упрочитъ за ними низшіе классы католическаго населенія и даже повліяетъ на православныхъ крестьянъ и мѣщанъ, въ особенности—при существованіи смѣшанныхъ цеховыхъ братствъ *).

---

*) Въ Волыни и Подоліи существуютъ цеховыя братства изъ католиковъ и православныхъ и братчики являются въ полномъ составѣ какъ въ костелъ, такъ и въ православную церковь. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ православные и до сихъ поръ ходятъ, въ дни отпустовъ, въ костелы съ чудо-

Замѣчательна исходная точка вышеупомянутой категоріи политиковъ. Они съ болью сердца чувствуютъ, что полонизмъ въ здѣшнемъ краѣ утратилъ свою силу. Послѣднее возстаніе и послѣдовавшія затѣмъ мѣры прочнаго устройства быта русскаго населенія нанесли ему въ здѣшнемъ краѣ смертельный ударъ въ экономическомъ, соціальномъ и даже въ нравственномъ отношеніяхъ. Онъ уже не можетъ быть прочною опорою католицизма, который съ нимъ вмѣстѣ долженъ упадать. Эти соображенія побуждаютъ ихъ даже къ готовности пожертвовать польскою проповѣдью въ костелѣ въ пользу русской. Они питаютъ надежду, что это можетъ поддержать католицизмъ и въ этомъ есть свой raison d'être. При упомянутой мѣрѣ, католицизмъ утратитъ свой польскій характеръ и, слѣдовательно, перестанетъ быть враждебнымъ для народа.

Мы уже намекнули, что въ Царствѣ Польскомъ католицизмъ является народною религіею; въ здѣшнемъ же краѣ онъ шелъ совмѣстно съ ополяченіемъ и впослѣдствіи, когда этотъ край былъ отдѣленъ отъ Польши, то, въ стремленіяхъ пановъ къ своему отечеству, католицизмъ является политическимъ вопросомъ. Въ силу этого, каждый панъ считаетъ долгомъ оказывать всѣ знаки уваженія къ этой религіи. Каковы бы ни были его внутреннія убѣжденія, панъ всегда старается показать себя человѣкомъ религіознымъ. Отсюда возникаетъ то ханжество, которое не можетъ не поражать наблюдателя.

Кременецкій лицей, а въ особенности Виленскій университетъ, въ началѣ нынѣшняго столѣтія, подъ вліяніемъ французскаго либерализма, воспитывалъ поколѣніе такъ-называемыхъ религіозныхъ „либертиновъ и вольтеріанцевъ“. Но это же самое поколѣніе въ литературѣ и жизни являлось въ такомъ благопристойномъ католическомъ видѣ, какъ и не-вольтеріанцы.

Вообще: стоитъ обозрѣть польскую литературу, чтобы убѣдиться, что она проникнута католическимъ романтизмомъ на столько же, какъ и панскою эстетикой. Исключеніе представляетъ явившійся въ Кіевѣ въ 40-хъ годахъ, подъ вліяніемъ русскаго философскаго направленія литературы, раціоналистическій альманахъ „Gwiazda“ *). Альманахъ этотъ былъ встрѣченъ

творными иконами, какъ напримѣръ въ Бердичевѣ, Брацлавѣ, Летичевѣ, Любарѣ, Тарнорудѣ и др. Теперь они тамъ поклоняются только чудотворнымъ иконамъ, не понимая ни богослуженія, ни пропо- вѣди. И только музыка и нарочно устраиваемая въ эти дни эффектная обстановка оставляютъ по себѣ впечатлѣніе; русскій же языкъ въ костелѣ—ихъ еще болѣе сблизитъ съ нимъ.

*) Редакція этого альманаха, желая прикрыть свое направленіе благовидною въ общественномъ шляхетско-католическомъ мнѣніи цѣлью, назначила выручку отъ изданія на сооруженіе какого-то костёла; не смотря на это, направленіе было подмѣчено ультро-католическою партіей, группировавшеюся вокругъ редакціи „Tygodnika Petersburgskiego“, и въ особенности благодаря ея инсинуаціямъ, альманахъ закрытъ.

довольно враждебно большинствомъ польской интеллигенціи, и сотрудники его не только должны были прекратить это изданіе, но даже сдѣлаться ханжами, подъ гнетомъ фанатизма общественнаго мнѣнія.

Стоитъ разсмотрѣть любой каталогъ польскихъ книгъ, чтобы убѣдиться, что преобладающій въ нихъ отдѣлъ богословскій. Даже лучшіе ученые польскіе въ своихъ чисто научныхъ сочиненіяхъ примѣшиваютъ католическій мистицизмъ къ положительному знанію, какъ это видимъ, напримѣръ, въ недавнихъ трудахъ по астрономіи Загурскаго и другихъ.

Мы уже указали на то уваженіе къ католической религіи, которое каждый панъ считаетъ какъ бы своею обязанностью. Но если онъ и позволяетъ себѣ иногда повольнодумничать въ дѣлѣ религіи, то ни въ какомъ случаѣ это не дозволяется женщинѣ. Женщина, позволяющая себѣ подобное вольнодумство, теряетъ всякое уваженіе; она считается способною къ крайней распущенности. Сочиненіе Гоффмановой „O moralności kobiet“ проникнуто подобными наставленіями. Не смотря на то, что это сочиненіе представляетъ собою нѣсколько принаровленный къ духу времени „Домострой“, но оно въ большомъ ходу. Такимъ же направленіемъ проникнуты философскія сочиненія весьма авторитетной въ современной литературѣ писательницы Земенцкой, а также весьма популярныя поэтическія произведенія Деотымы и другихъ.

Поэтому и не удивителенъ фанатизмъ польскихъ женщинъ; не удивительно, что онѣ являлись самою могущественною силою, пробуждавшею патріотизмъ. И вожаки, какъ клерикальные, такъ и политическіе, всегда старались вліять въ особенности на женщинъ. Не удивительно также, что и и „либертины“, подъ вліяніемъ семейной жизни, дѣлались ханжами.

Мы знаемъ примѣры въ настоящее время, какъ молодые люди съ демократическимъ направленіемъ, съ симпатіями къ русскому народу и довольно сильнымъ развитіемъ критики, подъ вліяніемъ женъ безусловно разставались со всѣмъ этимъ и дѣлались типическими „мошродзѣями“ *).

Это клерикальное направленіе женщинъ отражается на всемъ складѣ панской жизни. Религіозные обряды и обычаи соблюдаются съ замѣчательною исправностью; напримѣръ, рѣдкая женщина пропуститъ отпусты въ ближайшихъ костелахъ; библіотеки женщинъ состоятъ преимущественно изъ książek do nabożenstwa (молитвенниковъ); женщины—главныя жертво-приносители костела; цвѣты, рукодѣліе, деньги сыплются ими щедрою рукою.

Пани и панны сдѣлали для себя церковныя церемоніи главными собы-

---

*) Рутинерами, съ отсталыми шляхетско-католическими понятіями, отъ словъ mości dobrodzieju, звучащихъ въ устахъ старой шляхты, придающей имъ особый оттѣнокъ выговора, какъ *мосьцьродзью, мошпродзью, мошродзью.*

тіями въ своей жизни; онѣ мечтаютъ объ этихъ церемоніяхъ, ждутъ ихъ съ нетерпѣніемъ, готовятся къ нимъ, говорятъ о нихъ съ величайшимъ наслажденіемъ. Въ особенности любимы ими „ресурекціи“ (страсти), „маѣве набоженьство“ (майскія богослуженія въ честь Божіей Матери), „дзень задушны“ (Духовъ день и поминальныя богослуженія) и „Боже Цяло“; при чемъ ихъ въ особенности занимаетъ внѣшняя обстановка, въ эффектѣ которой играютъ немаловажную роль произведенія ихъ рукъ. Эти церемоніи, на которыя стекается многочисленная аристократическая публика, часто служатъ завязкою романовъ, въ чемъ можно убѣдиться въ повѣстяхъ польскихъ писателей.

Въ прежнее время религіозность пановъ имѣла характеръ нѣсколько болѣе демократическій. Такъ, напримѣръ, на *вилію* (сочельникъ), не рѣдко панъ садился за ужинъ со всею своею челядью, которая потомъ распѣвала коляды; теперь этотъ обычай вывелся. Паны считали также долгомъ являться на Свѣтлыхъ праздникахъ къ церкви, гдѣ православная молодежь забавлялась веснянками. Панъ христосовался съ челядью, обмѣниваясь „крашенками“ (но не поцѣлуями — ему только цѣловали руку). Паны любили играть роль патріарха въ православной громадѣ; но всѣ эти обычаи исчезли.

Что касается до католической мелкой шляхты, то она исполняетъ аккуратно установленные религіозные обряды, но при этомъ она проникнута тѣмъ же міровоззрѣніемъ, какъ и малороссы-крестьяне; у нихъ тѣже повѣрья, нравы и обряды; какъ наприм., сватьбы и проч., а равно тѣже пѣсни, тѣже забавы, какъ и у малорусскихъ крестьянъ. Часто шляхтичъ, живущій вдали отъ костела, приглашаетъ исповѣдывать умирающаго или крестить ребенка—православнаго священника, часто въ воскресные дни ходитъ въ церковь, хотя ему за все это и достается. По происхожденію своему, шляхта эта — частью малорусская, частью выселенная изъ Польши, какъ „будники“ и „рудники“, но почти всѣ они, за исключеніемъ перешедшихъ въ „официалисты“, омалорусились.

Крестьяне-католики—частью омалорусившіеся мазуры; большею же частью малоруссы, перешедшіе въ католицизмъ посредствомъ уніи; они остаются тѣми же малоруссами и теперь.

Что касается до мѣщанъ-католиковъ, то громадное большинство изъ нихъ не утратило своей малорусской народности, хотя между ними есть часть ополяченныхъ. Тамъ, гдѣ въ одномъ селеніи живутъ крестьяне или чиновники православные и католики, существуютъ взаимныя насмѣшки, при чемъ пускается въ ходъ юморъ по отношенію къ религіямъ, и въ такихъ мѣстностяхъ замѣчается съ обѣихъ сторонъ нѣкоторая холодность къ религіи.

Что касается до шляхтичей, попавшихъ въ оффиціалисты, то они наи-

болѣе фанатичны. Стремясь къ тому, чтобы побольше походить на пана, такой шляхтичъ сильно проникается интересами панской религіи. Большая часть ихъ—завзятые поляки; они-то представляли собой наибольшій контингентъ въ повстаньѣ.

Мы не говорили до сихъ поръ объ уцѣлѣвшей въ значительной степени въ Овручскомъ и Радомыльскомъ уѣздахъ, а также въ окрестностяхъ Бара, такъ называемой „околичной“ шляхтѣ. Она осталась православною, хотя многіе изъ нея, вышедшіе въ другія мѣста, сдѣлавшись чиновниками, или болѣе крупными землевладѣльцами, сдѣлались въ тоже время католиками. Это—остатки древнихъ свободныхъ южно-русскихъ землевладѣльцевъ, потомки *боярскихъ* родовъ, они и теперь цѣлыми околицами носятъ родовыя названія: Чоповскихъ, Ходаковскихъ, Выговскихъ и друг. Шляхта эта сохранила и народность и православіе, и въ своей прошлой исторіи не только не подчинялась польско-католическому вліянію, но постоянно участвовала въ козацкихъ народно-религіозныхъ движеніяхъ.

Ополяченіе нѣкоторыхъ изъ нихъ, какъ и вообще ополяченіе небольшой части мѣщанства и крестьянства, а равно и остальныхъ православныхъ пановъ, произошло уже въ XVIII и XIX стол., когда администрація, судъ и школа были не только въ рукахъ поляковъ, но и самый языкъ польскій былъ господствующимъ, а козацкій народно-православный протестъ былъ не возможенъ.

НРАВЫ, ОБЫЧАИ, СЕМЕЙНЫЙ И ОБЩЕСТВЕННЫЙ БЫТЪ.

Во времена господства Речи-Посполитой, въ этотъ золотой вѣкъ шляхетскаго могущества, шляхетскаго произвола, было естественно, что панъ предпочиталъ жить въ своемъ имѣніи, въ которомъ онъ былъ полновластный владыка. Всѣ жители на его территоріи были или его подданные, или его дворъ. Въ тоже время, каждый почти панъ былъ чиновникъ Речи-Посполитой; но его служебное отношеніе не требовало непремѣннаго присутствія въ столицѣ. Во время сеймовъ, а иногда во время войны, многіе изъ нихъ являлись въ столицу; остальное же время проводили въ своихъ помѣстьяхъ.

Домъ значительнаго пана почти иначе не назывался какъ *палацъ* (дворецъ); а подворье каждаго вообще пана—*двуръ* (дворъ), въ смыслѣ резиденціи властительной особы. Праздная жизнь, охоты, пиры, провинціальные сеймики—вотъ обычныя занятія панства.

Съ присоединеніемъ къ Россіи, съ жалованною грамотою дворянству и съ утвержденіемъ крѣпостнаго права, шляхетство, хотя и лишенное той политической роли, которою въ послѣднее время Речи-Посполитой такъ своекорыстно и такъ недобросовѣстно оно пользовалось,—еще болѣе утвердилось въ селахъ. Ихъ уже не безпокоили болѣе козацкіе и хлопскіе бунты. Козачество было погребено, а крѣпостное право охранялось сильною рукою администраціи. Панъ могъ жить спокойно въ своемъ владѣніи; крѣпостной трудъ давалъ возможность создавать для потѣхи панской огромный штатъ дворни, а жизнь сдѣлалась еще болѣе праздною, такъ какъ жалованная грамота освобождала дворянъ отъ обязательной воинской службы. Zyć dwornie i hojnie (окружать себя большимъ штатомъ прислугѣ и жить роскошно) считалось какъ бы нравственною обязанностію для пана, требуемою его достоинствомъ. Затѣмъ патріотизмъ внушалъ во многихъ отвращеніе въ „московской“ службѣ и ко всякому общенію не только съ русскимъ народомъ, но и

съ чиновнымъ міромъ вообще. Это еще болѣе способствовало тому, что паны оставались въ своихъ имѣніяхъ. Все это, вмѣстѣ взятое, обусловило характеръ нравовъ и быта панства здѣшняго края.

Во время господства Речи-Посполитой панъ, по государственному образцу, организовалъ въ своемъ *ключу* такіе же штаты; по селамъ онъ садилъ изъ шляхты старостъ, подстаростъ и проч. Имѣлъ также своихъ *дворжанъ*—т. е. придворный штатъ изъ шляхты болѣе gładkiej (ловкой) и знающей этикетъ, манеры и нравы большого свѣта. Но кромѣ этого, желая имѣть на сеймахъ побольше голосовъ, паны привлекали къ себѣ шляхту и другимъ способомъ, такъ возникали „державцы“, „заставники“, „коморники“ (жильцы, нанимающіе домъ и усадьбу) и проч. Съ паденіемъ Речи-Посполитой, классъ этотъ сдѣлался ненужнымъ для панства; но такъ какъ по большей части это былъ шляхетскій пролетаріатъ, то такимъ или инымъ способомъ онъ въ значительной долѣ содержался на счетъ пановъ, чему еще помогала панская слабость—*амбиція*, *гоноръ*. И эти всѣ проживалы, какъ мы увидимъ, эксплуатировали эту слабость.

Жизнь пановъ въ своихъ имѣніяхъ, хотя до нѣкоторой степени способствовала лучшему веденію хозяйства сравнительно съ Великороссіей, но за то это постоянное пребываніе пановъ вело къ совершеннѣйшему подавленію крестьянскаго самоуправленія и крайнему угнетенію народа варварскою панщиною. Въ Великороссіи, гдѣ владѣльцы не жили въ имѣніяхъ, явилась оброчная система съ полнымъ крестьянскимъ самоуправленіемъ. Ничего подобнаго не могло быть въ этомъ краѣ. У народа были подавлены всякія стремленія къ самоуправленію. Праздность, неразвитость, разгульная жизнь, любовь къ роскошному шику и массы тунеядцевъ, окружавшихъ пана, требовали огромныхъ средствъ; поэтому крестьяне страдали въ высшей степени. Паны должали евреямъ и безпощадно эксплуатировали крестьянъ.

По присоединеніи къ Россіи, панство получило особенную склонность отправляться заграницу; такъ называемая *подружоманія* *) — сдѣлалась повальною болѣзнью пановъ; имѣнія поручались *ржѐндцамъ* (управляющимъ), и въ такихъ-то имѣніяхъ народъ еще болѣе страдалъ. Недаромъ сложилась и пословица „не такъ паны, якъ підпанки“. И это понятно. „Ржѐндца“ радѣлъ не только о панѣ, которому нужно было высылать огромныя деньги, но и о своемъ собственномъ благосостояніи. Нерѣдко потомъ „ржѐндца“ превращался во владѣльца. Послѣ нѣсколькихъ предварительныхъ словъ, мы перейдемъ къ образу жизни и нравамъ пановъ.

Узость общественныхъ и нравственныхъ идеаловъ съ одной стороны и

*) Страсть къ путешествіямъ.

крайній политическій мистицизмъ съ другой— составляютъ характеристику польской литературы, особенно до конца первой четверти нынѣшняго столѣтія. Въ лучшей части поэзіи господствовалъ послѣдній, а первый лучше всего видѣнъ изъ такъ называемыхъ „обычаёвыхъ повястекъ“, нравоописательныхъ повѣстей. „Повястки“ эти исключительно панскаго характера; дѣйствующія лица—паны; любовь и панскія забавы—содержаніе ихъ. Стоитъ указать хотя бы на любимыя повѣсти Корженевскаго. Въ одной изъ нихъ, наприм., герой, предметъ страсти котораго путешествуетъ въ Одессу—проявляетъ свою возвышенную любовь тѣмъ, что, истощая свое имѣніе и разоряя своихъ хлоповъ (послѣднее, разумѣется, авторъ игнорируетъ),—скачетъ впереди ея инкогнито, устраиваетъ въ степи фантастическіе шатры, въ которые затѣмъ приглашалась путешественница и находила роскошное угощеніе *).

Вообще польскіе писатели такъ любятъ подобнаго рода эффекты, что почти всегда наполняютъ ими свои произведенія и, такимъ образомъ, воспитываютъ въ этомъ направленіи молодое поколѣніе. Сатира и критика вообще не даются полякамъ; у нихъ нѣтъ ни одного имени, которое бы могло неоспоримо стать на ряду съ лучшими русскими писателями въ этомъ родѣ. Сила самообожанія и подчиненіе рутинному и крайне деспотическому общественному мнѣнію слишкомъ велика и слишкомъ уже отождествлены понятія о гражданинѣ и помѣщикѣ (понятія эти сливаются въ одномъ словѣ: obywatel) для того, чтобы среди этого народа могла явиться мощная критическая мысль, исполненная прогрессивныхъ гражданскихъ мотивовъ.

Болѣе значительные паны не воспитывали своихъ дѣтей въ гражданскихъ учебныхъ заведеніяхъ; только дѣти мужескаго пола пановъ средней руки воспитывались въ гимназіяхъ. Эти учебныя заведенія до послѣдняго времени были подъ сильнымъ вліяніемъ польской интеллигенціи. Ученики пренебрегали русскою исторіей, литературой и языкомъ; разговорный языкъ у нихъ былъ польскій. Поэтому молодежь оставалась подъ вліяніемъ исключительно польской культуры.

Богатые паны воспитывали дѣтей дома, окружая ихъ гувернерами и гувернантками преимущественно изъ иностранцевъ. Воспитываясь дома, новое поколѣніе вполнѣ сживалось съ идеями и нравами старшаго поколѣнія, чѣмъ и объясняется та сила традицій, которая съ такимъ постоянствомъ передается изъ поколѣнія въ поколѣніе.

Воспитаніе было аристократическое: манеры, знаніе высшаго тона, французскаго языка, музыки, танцевъ, краткой военной исторіи Польши и

---

*) Въ нѣкоторыхъ повѣстяхъ этого автора хотя подчасъ и проглядываетъ попытка посыпать немного изображаемые имъ нравы такъ называемою аттическою солью, но вообще попытка эта весьма невинна и крайне жалкаго свойства.

набожность составляли программу этого воспитанія. Внушалось отвращеніе ко всему хлопскому, схизматическому и „московскому“. И это не удивительно: панъ и хлопъ были двѣ различныя народности, различныя религіи, такъ что къ общему нерасположенію неразвитого высшаго класса къ низшему примѣшивался національный и религіозный фанатизмъ.

При этомъ паничи съ молодыхъ лѣтъ привыкали къ охотѣ—*полёванью*, которое отбывалось съ замѣчательною торжественностію: съѣзжались сосѣди, шли бурныя охотничьи пренія, устроивались кутежи. Эти же паничи съ родителями отправлялись на *контракты, ярмарки*, на *редуты* (родъ увеселительнаго собранія), *пикники* (пиры въ складчину), *гулянья*, собственно какъ говорилось: „dla nabrania oglady i poloru wyższego swiata, oraz dla zabrania z nim znaiomości i stosunkow“ (буквально: чтобы отесаться и получить лоскъ высшаго свѣта, а также свести съ нимъ знакомство и войти въ сношеніе).

Надо замѣтить, что главныя ярмарки, контракты, редуты и т. п. играли до послѣдняго времени огромную роль въ жизни пановъ. Особенное значеніе имѣли контракты въ Дубнѣ и потомъ въ Кіевѣ; ярмарки—въ Бердичевѣ, Ярмолинцахъ и Балтѣ; редуты — въ Любарѣ и другихъ мѣстахъ; гулянья — въ Уманскомъ саду, въ Софіевкѣ, а также лѣтнія купанья — въ Одессѣ и дворянскіе выборы въ губернскихъ городахъ. На ярмарки съѣзжалось многочисленное панство. Разгулъ, картежная игра, вечера, танцы, гулянья кавалькадами и развратъ по постоялымъ дворамъ довершали воспитаніе. Здѣсь кстати упомянемъ, что въ многочисленныхъ постоялыхъ дворахъ Юго-Западнаго края, которыхъ до двухъ тысячъ, въ каждомъ есть мишурисъ — факторъ и слуга; онъ не получаетъ жалованья; главный его доходъ — поставка проѣзжающимъ проститутокъ. Это явленіе не можетъ не свидѣтельствовать о нравахъ.

Жизнь для панича въ домѣ родителей—полное раздолье. Многочисленная дворня и, въ томъ числѣ, огромный штатъ *покоювекъ* (горничныхъ) и дочерей оффиціалистовъ давали широкій просторъ чувственнымъ инстинктамъ. Что же касается до жизни пановъ-холостяковъ, то у нихъ положительно были гаремы. Мы сами въ юности знали пана, у котораго каждая красивая дѣвушка изъ селенія поступала въ панскій дворъ, а потомъ панъ выдавалъ ее или за мелкаго оффиціалиста, или за лакея. Какъ доказательство того, какъ смотрѣло общество на похожденія молодыхъ людей съ дворовыми дѣвушками нелишне будетъ указать на повѣсть Падалицы „Покоювка“. Тамъ герой—развитой человѣкъ, прижившъ ребенка съ „покоювкой“, выдаетъ ее замужъ за мельника. И это выставляется почти какъ образецъ великодушія. Мы слышали отъ очевидца разсказъ объ одномъ панѣ, ста-

ромъ холостякѣ, который, приживъ въ незаконной связи дочерей, сдѣлалъ ихъ потомъ своими наложницами. И общество не скандализировалось этимъ, и онъ не терялъ почота!..

Утверждая, что нравственный уровень польскаго панства былъ не высокъ, мы не хотимъ этимъ сказать, что подобные пороки свойственны исключительно польскому обществу. Жизнь феодаловъ и помѣщиковъ вообще во время крѣпостнаго права была далеко не безукоризненна; но здѣсь, въ этомъ краѣ, деморализаціи способствовали всѣ вышеизложенныя условія какъ-то: бездѣятельность вслѣдствіе политическихъ причинъ, пренебреженіе къ народу, усиливавшееся вслѣдствіе національныхъ и религіозныхъ побужденій, и отсутствіе общенія съ болѣе свѣжею цивилизаціею вслѣдствіе традиціонности польскаго общества.

Паничъ, получившій подобное воспитаніе, дѣлался женихомъ. Похожденія жениха весьма характеристичны. Первая заповѣдь его — не уронить своего панскаго достоинства; поэтому невѣста должна имѣть приличное приданое и должна быть родовитая, чтобы жить сообразно съ своимъ общественнымъ положеніемъ. Съ своей стороны панны всегда помышляютъ, чтобы женихъ былъ или родовитъ, или богатъ. Характеристика этого вездѣ видна въ тѣхъ же „обычаёвыхъ повясткахъ“, особенно у Корженевскаго, — укажемъ хотя бы на его „Спекулянта“ или на его комедію: „Imię lub majątek“ („Имя или имѣніе“). Завязки романовъ, какъ мы упомянули, начинаются часто во время процессій, а также на ярмаркахъ и гуляньяхъ. Здѣсь необходимо сказать о паничевскомъ идеалѣ женщины. Прежде всего, конечно, обращается вниманіе на внѣшность: strój (нарядъ) женщины и ея костюмы занимаютъ видное мѣсто въ повѣстяхъ; затѣмъ—манеры и грація женщины; далѣе требуется меланхолическое настроеніе или наивная веселость, набожность и нѣкоторое знакомство съ польской беллетристикой и исторіей королей; причемъ она должна быть польскою патріоткой. Музыка—необходимое условіе: безъ знанія ея, женщина теряетъ всякое обаяніе. Собственноручныя работы по хозяйству, въ глазахъ лицъ высшаго тона, профанируютъ достоинство женщины; въ этомъ должны выручать ихъ служанки или экономки. Пани и панна обязаны строго заботиться о бѣлизнѣ и нѣжности своихъ рукъ, на которыя обращается особенное вниманіе при опредѣленіи высшей породы. Pulchna i biała rączka (пухленькая и бѣлая ручка) служитъ вѣрнымъ признакомъ аристократическаго происхожденія, такая рука и называется аристократическою (arystokratyczna rączka). Изъ домашнихъ занятій допускаются только болѣе легкія и почему либо кажущіяся интересными, каковы, напримѣръ, разливка супа и чаю, вязанье, вышиванье и тому подобныя дамскія robótki (работы). Эти понятія усвоены не только помѣщи-

цами, но и болѣе бѣдными панями и паннами, такъ что и совсѣмъ бѣдная шляхтянка, вынужденная работать собственноручно, сгараетъ отъ стыда, когда ее застаютъ за кухонною или тому подобною работой. Назначеніе женщины быть любезною и говорливою хозяйкой (uprzejmą) и „капланкой“ (жрицей) семейнаго очага. И дѣйствительно: польскія женщины достигли этого идеала. Кому неизвѣстно кокетство полекъ, ихъ удивительная наружная привѣтливость, ихъ умѣнье идеальничать, выставить себя не отъ міра сего; но это все съ равнымъ себѣ; съ людьми не много ниже по положенію, гордость женщины безпредѣльна.

Поляки щеголяютъ вѣжливостью передъ женщинами, говорятъ имъ комплименты, поражающіе своею приторностію и льстивостію; они идолопоклонничаютъ передъ женщиною, но женщина, какъ человѣкъ, имъ непонятна. Мысль объ эмансипаціи женщины для поляка омерзительна. Героини Тургеневскихъ повѣстей (не только Елена, но такія, какъ Лиза или какъ Наташа) встрѣчены были бы почти съ отвращеніемъ. Романтическая вольность женщины можетъ быть прощена, если женщина затѣяла входить въ обыденную колею жизни; но свободомысліе, но стремленіе къ разумной жизни — непростительны. То эмансипаціонное движеніе, которое охватило все европейское общество, не коснулось польскаго общества, или, лучше сказать, отголоски о немъ вызвали протестъ, особенно со стороны женщинъ *). И совершенно понятно: польская женщина привыкла быть тунеядствующимъ идоломъ. Быть женщиной въ смыслѣ разумнаго существа — это проза; ей нуженъ ореолъ, она съ нимъ такъ сроднилась и, надо къ чести ея сказать, умѣетъ во всю свою жизнь заставить преклоняться передъ ней. Она не входила въ то, какъ тяжело хлопу обходился ея мишурный блескъ; она — еще большій чѣмъ мужчина врагъ всего прогрессивнаго. Она — ковчегъ польскихъ традицій, потому ее и чтитъ писательствующая братія. Сдѣлавшись мужемъ, панъ окружаетъ женщину попеченіемъ, считаетъ обязанностію угождать ей, но требуетъ, чтобы она подчинялась авторитету его въ сферѣ критики; умъ ея ниже, поэтому-то снисходительно и смотрятъ на суевѣрія женщинъ.

Въ образцовыхъ панскихъ семействахъ обыкновенно принятъ особенный этикетъ, какая-то торжественно-церемоніальная тактика по отношенію къ женщинамъ. Не только посторонніе мужчины, но и самъ мужъ никогда не позволитъ себѣ полной фамиліарности и задушевности въ рѣчахъ и обра-

---

*) Въ доказательство этого, довольно указать на то горячее сочувствіе, съ какимъ отнеслись варшавскія женщины къ ретроградной публичной лекціи по женскому вопросу Александры Марчевской, читанной ею въ 1870 году. Лекція эта, изданная брошюрой подъ заглавіемъ „Kobieta kobietą“, пользуется большою популярностію у польскихъ матронъ.

щеніи съ женой и хозяйкой своего дома. Такъ искусственны и лицемѣрны отношенія польскаго общества въ самомъ семействѣ! При этомъ семья охраняется отъ всякихъ вольнодумныхъ вліяній съ китайскою бдительностію. Семейныя связи сильно поддерживаются даже съѣздами и naradami familijnemi (т. е. совѣтами лицъ, принадлежащихъ къ одному роду); но тѣмъ не менѣе въ отношеніяхъ этихъ, какъ мы уже сказали, много искусственнаго. Почтеніе къ старшимъ доведено до раболѣпства, семейныя привязанности проникнуты приторностію; нѣжничанье съ старшими родственниками носитъ на себѣ характеръ своеобразнаго кокетства, хотя въ сферѣ матеріальныхъ разсчетовъ они далеко не такъ сантиментальны. Фамиліи (роды) контролируютъ семейства, въ особенности по отношенію къ аристократическому достоинству рода; это-то достоинство составляетъ какъ бы религіозный культъ фамиліи.

Путешественника по Юго-Западному краю поражаютъ не только величественные костелы и остатки древнихъ замковъ, но вообще обиліе великолѣпныхъ панскихъ домовъ и садовъ. Кому неизвѣстна Александрія въ Бѣлой Церкви, а еще болѣе Уманскій садъ—Софіевка; его даже воспѣлъ Трембецкій, жившій у Феликса Потоцкаго, устроившаго этотъ садъ въ честь жены своей Софіи, купленной на базарѣ невольницъ въ Константинополѣ и славившейся своею красотою и развратомъ. Подобные сады можно было устраивать только при варварскомъ крѣпостномъ правѣ. Тамъ положены скала на скалу; работа была египетская. Красота этого сада куплена дорогою цѣною: пустынное мѣсто, безъ участія механическихъ силъ, великолѣпно устроено; насыпаны горы, вырыты громадные пруды, устроены поражающіе гроты, — все это руками крѣпостныхъ. Не менѣе грандіозенъ палацъ Мнишекъ въ Вишневцѣ и паркъ при немъ; это — бывшій пріютъ Димитрія Самозванца. Палацы въ Пулавахъ, Краснополѣ, Червоной и во многихъ другихъ мѣстахъ стоили много.

Мы это приводимъ только какъ примѣры. Можно бы составить огромный списокъ великолѣпныхъ костеловъ, домовъ и садовъ. Эти грандіозныя сооруженія свидѣтельствуютъ о безмѣрной роскоши пановъ и объ угнетеніи народа, что въ 50-хъ годахъ вызвало обличеніе даже въ польской литературѣ, особенно у Крашевскаго въ повѣсти „Волыньске Вечоры“.

Вообще объ обстановкѣ паны очень заботились. Не только домъ и меблировка, но экипажи, лошади, сбруя, цѣлый штатъ прислуги въ „либеріяхъ“ (ливреяхъ) quasi-козацкихъ, краковскихъ, англійскихъ и французскихъ, все должно производить эффектъ. Объ обученіи поваровъ прилагались особенныя старанія.

Погреба съ старыми винами и „вудками“, роскошные обѣды и остроумныя

„печенярже“ (блюдолизы) далеко гремѣли, и этой славы стремился добиться каждый панъ.

Здѣсь кстати сказать о „печеняржахъ“. Классъ этотъ въ западныхъ губерніяхъ до крестьянской реформы былъ весьма значителенъ. Онъ состоялъ большею частію изъ промотавшихся помѣщиковъ. Остатками прежняго величія у нихъ были бричка, пара лошадей, кучеръ, трубка и кисетъ. Съ этимъ имуществомъ „печеняржъ“ совершалъ путешествіе отъ пана къ пану. Паны, скучавшіе отъ праздности, были всегда рады подобному посѣтителю. Онъ забавлялъ пана и его семейство анекдотами; надъ нимъ можно было острить вволю; при чемъ онъ не обижался, разсказывалъ разныя свѣдѣнія, сплетни, происшествія на охотахъ, романтическія похожденія; однимъ словомъ, былъ ходячею монетою, какъ даже и называли ихъ. На нихъ же возлагали паны разнаго рода порученія, въ особенности щекотливыя, напримѣръ, „печеняржъ“ мирилъ или ссорилъ пановъ, на него же возлагали иногда ходатайство по дѣламъ, потому что „печенярже“ были въ сношеніяхъ и съ чиновниками, и съ ксендзами. „Печенярже“ старались угождать всякому, какъ первосортные Молчалины, поэтому они не стыдились украсть охотничью собаку у одного пана и подарить другому. Старушкамъ они разсказывали о процессіяхъ, о замѣчательной учености кармелитовъ бердичевскихъ, о разныхъ медицинскихъ и хозяйственныхъ секретахъ. Недаромъ ихъ называли „тотумфацками“ (т. е. фактотумами). Были даже такіе „печенярже“, слава которыхъ гремѣла по всему краю.

Паны жили весьма открыто. На имянины, праздники стекались гости даже изъ далекихъ окрестностей, угощенія продолжались по нѣсколько дней. У значительныхъ пановъ были большія „капеліи“ (оркестры), разумѣется изъ крестьянъ. Однимъ словомъ, роскошь была неимовѣрная, и это весьма цѣнилось.

Вообще подобнаго рода образъ жизни считался какъ бы обязанностію благороднаго (szlachetnie urodzonego) человѣка, и требовалось кодексомъ „опиніи публичной“ (общественнаго мнѣнія). Бережливость и скромная жизнь порицались. Панъ зъ „антенатовъ“ (наслѣдственный помѣщикъ) не могъ такъ жить, какъ могъ жить, по общему мнѣнію, только „доробковичъ“, „парвеніушъ“, т. е. выскочка, parvus.

Такой складъ жизни приводилъ къ тому, что паны разорялись, крестьяне были чрезмѣрно отягчены. А такъ какъ серьезнаго развитія и научныхъ знаній не требовалось, то люди, даже выучившіеся чему нибудь, забывали выученное, втягивались въ эту безсодержательную жизнь, жизнь исполненную эффектовъ, праздности и разгула.

Даже хозяйствомъ панамъ некогда было заниматься, да оно ихъ и не занимало. Отсюда-то и произошолъ огромный классъ „оффиціалистовъ“, пра-

вившихъ помѣщичьими хозяйствами. Изъ этого же вытекло то громадное значеніе евреевъ въ краѣ, которое не можетъ не поражать наблюдателя. Панъ безъ еврея не мыслимъ. „Арендаржъ“ (содержатель корчмы) былъ главнымъ лицомъ у пана. Паны ихъ иногда называли своими министрами.

Еврей все продавалъ и все покупалъ для пана. Паны всегда были въ рукахъ у евреевъ, потому что они занимали у нихъ деньги. Еврей льститъ пану, разсказываетъ разныя сплетни и даже политическія новости; при чемъ считается, что эти новости вѣрны, что евреи всезнающіе. Панъ думалъ, что еврей—его вѣрный слуга; а въ сущности, самъ былъ предметомъ его эксплуатаціи. Сила еврейства развилась, благодаря расточительности и праздности пановъ и угнетенію крестьянъ.

Праздная жизнь, хотя и исполненная внѣшняго блеска, всетаки не могла удовлетворить пановъ. Историческія традиціи, политическій мистицизмъ въ поэтическихъ произведеніяхъ и вліяніе значительной польской эмиграціи — поддерживали въ панствѣ политическую мечтательность, воздыханія о прошломъ, хотя въ сущности въ томъ прошломъ они далеко не такъ благоденствовали. Въ ихъ воображеніи прошедшее Польши представлялось только съ привлекательной стороны, какъ эпоха шляхетской свободы, потому что обстоятельнаго знанія исторіи не было. Это обстоятельство вело къ тому, что политическіе агитаторы находили сочувствіе и адептовъ среди пановъ. Такъ было, наприм., въ 1830 году. До послѣдняго возстанія, политическіе идеалы повстанцовъ были исключительно аристократическими.

Возстаніе въ Великомъ Княжествѣ Познанскомъ и затѣи къ возстанію въ Галичинѣ въ 40-хъ годахъ, составляютъ исключеніе. Но непопулярность исключительныхъ мотивовъ этого движенія въ массѣ шляхты вообще, а въ шляхетской средѣ Юго-Западнаго края въ особенности, оправдываетъ наше положеніе. Даже политическая пропаганда эпохи, такъ называемой *Конарщины* (состоявшая изъ ловкихъ комбинацій, старо-шляхетскихъ теорій съ новомодными демократическими, далеко не пользовались предполагавшимся сочувствіемъ) считала въ своихъ рядахъ самое незначительное число прозелитовъ, не смотря на особенное возбужденіе политическихъ страстей въ это время. Не таково въ значительной долѣ было послѣднее повстаніе. Но прежде, чѣмъ мы скажемъ объ этомъ, коснемся зародыша демократическаго движенія, хотя поверхностнаго въ польскомъ обществѣ Юго-Западнаго края, а именно: *балагульщины* и *козакофильства*.

Главные догматы балагульства: цинизмъ и шутовство. Это былъ въ грубой, уродливой формѣ протестъ противъ аристократизма, французоманіи, свѣт-

скихъ приличій. Балагулы отличались оригинальностію, но вмѣстѣ съ тѣмъ и простотою костюма, а подчасъ и неряшествомъ его; преимущественно носили одежду народную малорусскую съ нѣкоторыми измѣненіями и добавленіями, иногда для своеобразнаго шику испачкавъ ее преизрядно; пренебрегали принятыми условіями жизни. Гарцованье на коняхъ, скачки, необузданный кутежъ, даже пьянство въ кабакахъ съ крестьянами и панибратство съ ними *); развратъ, сквернословіе, а въ особенности циническіе анекдоты, охоты съ попойками—вотъ содержаніе жизни балагуловъ. Изъ этого видно, что балагульство—порожденіе той же панской праздности и той же любви къ эффектамъ, только болѣе оригинальнымъ. Вмѣстѣ съ этимъ появилась козакофильская литература, о возникновеніи которой мы ниже поговоримъ подробнѣе. Эта литература внесла въ балагульщину оттѣнокъ политическій.

Балагульщина вызвала въ польскомъ обществѣ и литературѣ двоякое къ ней отношеніе. М. Чайковскій, въ повѣсти „Анна“, и г. Ржевускій, въ „Мѣшанинахъ Обычаёвыхъ“ Яроша Бейлы, относились къ этому явленію съ безпощадною критикой; въ этомъ сошолся казакофилъ съ аристократомъ **). Съ другой стороны—вліятельный козакофилъ Ш... и представитель эмигрировавшей аристократіи, Адамъ Чорторыйскій относились сочувственно къ балагульщинѣ. Первый имѣлъ въ виду возрожденіе козаччины, но уже польско-католической, а второй видѣлъ въ балагулахъ орудіе для завѣтной своей мечты: возстановленія Речи-Посполитой. Онъ видѣлъ въ спартанскихъ привычкахъ балагуловъ средство, воспитывающее людей для инсурекціи.

Подъ вліяніемъ козакофильской литературы балагульство преобразилось; хотя разгулъ и другія привычки оставались, но оно явилось уже менѣе циничнымъ и болѣе тенденціознымъ.

Въ такой формѣ козакофильство нашло подражателей въ болѣе интеллигентныхъ кружкахъ молодежи. Впослѣдствіи въ средѣ той же молодежи возникла, какъ протестъ противъ балагульства и шляхетскаго козакофильства, секта такъ называемыхъ *пуристовъ* ***) изъ лучшей интеллигентной молодежи. Догматы этого кружка: серьезныя отношенія къ наукѣ, строгая нравственность, доходящая до цѣломудрія и философское направленіе. Существованіе этой секты было непродолжительное, но она всетаки произвела свое вліяніе.

Подъ вліяніемъ ея съ одной стороны, козакофильство превращается въ

---

*) Хотя съ своими крестьянами обращались хуже другихъ пановъ.

**) Антикритика на „Мѣшанины“, явившаяся въ брошюрѣ Януарія Филиповича подъ заглавіемъ: „Помѣшане Яроша Бейлы“ хотя довольно ярà, но неправдива. Судить по ней правильно о балагульщинѣ нельзя.

***) Отъ латинскаго слова puris — чистый.

такъ называемую *хлопоманію*, а съ другой — въ литературѣ возникаетъ безпощадная критика на господствующіе нравы; таковы корреспонденціи г. Совинскаго въ „Виленскомъ Курьерѣ (Вѣстникѣ)“ и его же сатиры *), сатиры и комедіи Ап. Корженевскаго.

Хлопоманія отличалась демократическимъ характеромъ. Панскій аристократизмъ и историческо-панскія традиціи хлопоманы осмѣивали и называли „мошродзѣйствомъ“. Хлопоманы сознавали историческія неправды Польши по отношенію къ Украйнѣ, они сознавали, что народъ не „быдло“, что нужно уважать его личность, заботиться объ его образованіи на его языкѣ (но алфавитъ долженъ быть принятъ польскій) **). Они сознавали необходимость религіозной терпимости и немедленнаго освобожденія крестьянъ. Существованіе этой немногочисленной партіи было непродолжительно. За выдѣленіемъ изъ нея самыхъ лучшихъ передовыхъ людей, примкнувшихъ активно или пассивно къ общерусскому движенію начала 60-хъ годовъ, остальные были поглощены приготовлявшимся политическимъ польскимъ движеніемъ.

Не только хлопоманская молодежь польская, но даже вообще молодые агитаторы послѣдняго польскаго возстанія не пользовались симпатіею аристократическаго общества.

Одновременно съ возникновеніемъ польской *хлопоманіи*, явилось русское *украинофильство*. Часто тѣхъ и другихъ смѣшивали въ понятіяхъ, такъ какъ тѣ и другіе носили малорусскій костюмъ. Но между ними была громадная разница. Русскіе украинофилы не были сепаратистами: любя свою народность, они не думали объ отторженіи отъ Россіи; они сознавали необходимость связи; всѣ ихъ мечты ограничивались стремленіемъ къ развитію малорусской литературы и изданіемъ для народа популярныхъ книгъ на малорусскомъ языкѣ, съ цѣлію успѣшнѣйшаго распространенія знаній въ народѣ ***).

---

*) Онъ же—замѣчательный переводчикъ поэмы Шевченки «Гайдамаки». Но тотъ же г. Совинскій весьма скоро отрекся отъ подобнаго направленія и перешолъ всецѣло въ лагерь шляхты, при чемъ даже явился завзятымъ противникомъ и крайне пристрастнымъ публичнымъ обвинителемъ хлопомановъ.

**) Впрочемъ, незначительное меньшинство допускало даже употребленіе русскаго алфавита Изъ-за этого бывали ожесточенные споры, которые въ самомъ началѣ возникновенія хлопоманства обозначали уже собою двѣ противоположныя его группы: *болѣе* и *менѣе* искреннихъ и послѣдовательныхъ хлопомановъ, что̀ не замедлило выразиться вскорѣ въ поразившемъ польскій міръ расколѣ въ самой средѣ хлопоманства; этотъ расколъ, однако, много надѣлалъ шуму, но ни къ чему не привелъ, маленькій кружокъ выдѣлившихся украинофиловъ вскорѣ сталъ рѣдѣть и, рѣшившись примкнуть къ русскимъ, не досчитался почти всѣхъ своихъ членовъ, за исключеніемъ развѣ двухъ, трехъ православныхъ и только одного, неизмѣримо возвысившагося умственно и нравственно надъ своимъ обществомъ, католика.

***) Но съ русскимъ украинофильствомъ не слѣдуетъ смѣшивать русское же козакофильство, которое находило себѣ немногихъ послѣдователей большею частію въ средѣ малорусскихъ аристократовъ. Это послѣднее не долго, впрочемъ, просуществовало и вскорѣ погибло безвозвратно.

Польскіе хлопоманы мечтали о соединеніи Украйны съ Польшей, не ограничивая своихъ претензій Днѣпромъ, какъ этого хотѣла аристократія, выразившая свои желанія въ извѣстномъ адресѣ подольскихъ дворянъ. Украинофилы и польскіе хлопоманы относились другъ къ другу враждебно. Украинофилы раздѣляли чувства народа по отношенію къ Польшѣ, и ихъ не могли привлечь обѣщанія польской молодежи—обезпечить, по присоединеніи Украйны къ Польшѣ, свободу православія и малорусскаго языка. Украинофиловъ эти предложенія оскорбляли. Имъ казалось дикимъ, что горсть поляковъ, представляющая собою привилегированный классъ, позволяетъ себѣ распоряжаться судьбою края, населеннаго русскимъ народомъ. Затѣмъ украинофилы, воспитанные на русской литературѣ, обязанные ей своимъ развитіемъ, не могли раздѣлять воззрѣній польской молодежи на эту литературу. Вслѣдствіе этого взаимное раздраженіе доходило до крайности. Въ Кіевскомъ университетѣ, послѣ манифестаціи, произведенной польской молодежью въ стѣнахъ университета, малороссы и русскіе подали протестъ попечителю и составили даже корпорацію для огражденія университета отъ господства польскихъ политическихъ тенденцій. Это былъ первый протестъ въ видѣ адреса противъ польскихъ притязаній.

Повстаніе, произведенное въ здѣшнемъ краѣ молодежью, далеко было не симпатично для значительной части здѣшняго польскаго общества. Демократизмъ повстанцевъ отталкивалъ симпатіи къ возстанію. Замѣчательно, что въ Подольской губерніи, гдѣ наиболѣе силенъ и богатъ классъ помѣщиковъ, повстаніе было въ крайне ограниченномъ размѣрѣ и революціонный комитетъ Подольскій протестовалъ противъ повстанія. Хотя Подольская губернія заявила себя извѣстнымъ адресомъ, но она наименѣе сочувствовала демократическимъ тенденціямъ. Вообще было-бы несправедливостію приписать сочувствіе къ повстанью всему здѣшнему обществу, но это повстанье, какъ мы увидимъ, повело къ важнымъ результатамъ. Послѣдствія его положили начало пересозданію польскаго общества.

Что касается мелкой или такъ называемой „ходачковой“ шляхты, то, какъ мы уже выше замѣтили, она мало разнится отъ малорусскаго крестьянскаго населенія. Ихъ выдѣляетъ только шляхетская амбиція и нѣкоторыя особенно любимыя ими обиходныя польскія слова, каковы напр. *pacierz, dalibóg, piec, córka, jegoms'c*, и проч. Чтобы дать понятіе объ этой амбиціи приведемъ разсказъ одного извѣстнаго наблюдателя мѣстныхъ нравовъ:

„Въ одномъ селѣ часть населенія составляла шляхта, а другую населяли крестьяне. Крестьяне, какъ извѣстно, зажиточнѣе шляхты, и шляхтичи нанимаются работать у крестьянъ. Замѣчательно, что, не смотря на свою

бѣдность, они нѣсколькими копѣйками брали дешевле съ того крестьянина, который называлъ шляхтича jegomość и waspan *)".

Въ костюмѣ этой шляхты замѣчается стремленіе выдѣлиться изъ народа. Такъ, у нея праздничные шаровары не холщевые, а крашенные, т. е. изъ какой нибудь купленной крашенной матеріи, *камизельки* (родъ жилетокъ), *спенцеры* (родъ куртки), картузы, долгополыя свиты безъ кобеняка, а шейный платокъ довершаетъ ихъ костюмъ. У женщинъ бываютъ чепчики, кацавейки (родъ бурнуса).

Политическій индиферентизмъ этой шляхты характеризируется слѣдующимъ происшествіемъ: одинъ изъ предводителей волынскаго отряда инсургентовъ въ 1830 году прибылъ въ село С... населенное въ большомъ количествѣ шляхтой. Шляхта эта взобралась на крыши и скирды отъ испуга. Предводитель обратился къ ней съ рѣчью, приглашая къ повстанію; въ это время одинъ шляхтичъ случайно свалился на землю. Оправившись, онъ сталъ кланяться предводителю и почесываясь заговорилъ такъ: „ясновельможный пане, мы не можёмо ити у повстане, бо підрадились іхати до Радивилова зъ вовно.... Та и не тяшимо обходитись зъ палашами. Якъ ласка паньска, проше насъ не турбоваць **)". Съ сосѣднихъ крышъ и скирдъ раздалась таже единогласная просьба шляхты, и предводитель долженъ былъ уѣхать изъ села, никого не убѣдивши изъ этой шляхты.

Что касается до оффиціалистовъ, то они стараются во всемъ подражать панамъ. Мало образованные, а многіе изъ нихъ едва грамотные, они во всемъ должны являться подражателями; они—ультра-католики, хотя нѣтъ у нихъ знанія католицизма. Политику очень любятъ и отличаются крайне дикими сужденіями о ней. Мужиковъ, кажется, презираютъ болѣе даже, чѣмъ паны. Всему виной, конечно, ихъ круглое невѣжество.

---

*) У пановъ—waspan—говоритъ значительный панъ къ низшему себя, и у шляхты этотъ эпитетъ употребляется между равными, или по отношенію къ высшему себя въ шляхетской іерархіи.

**) Шляхтичъ съ панами обыкновенно говоритъ на ломаномъ польско-украинскомъ жаргонѣ, въ родѣ приведеннаго.

ОСОБЕННОСТИ ЛИТЕРАТУРЫ И ЯЗЫКА.

Не смотря на полное отчужденіе образованнаго сословія Юго-Западнаго края отъ туземной народной массы, въ теченіи почти двухъ вѣковъ; не смотря на всякія усилія игнорировать и презирать все южно-русское, какъ хлопское,— сословіе это не могло не подчиниться, хотя до нѣкоторой степени, вліянію особенностей края.

Строго ограничиваясь однимъ заимствованіемъ всѣхъ культурныхъ элементовъ у коренныхъ поляковъ,— поляки здѣшняго края [1]) вынуждены были идти тяжелымъ искусственнымъ путемъ подражательнаго развитія; почему они и не могли во всѣхъ подробностяхъ выполнить этой несоотвѣтственной программы и устоять непоколебимо противъ всякаго вліянія живой органической среды, представляемой народностью и историческими традиціями мѣстнаго племени, отъ котораго оторвали ихъ сословныя и религіозно-культурныя увлеченія, но среди котораго, всетаки, приходилось имъ жить и дѣйствовать.

Этимъ объясняется, почему въ здѣшнемъ краѣ, до начала настоящаго столѣтія, мѣстной польской литературы почти не существовало [2]).

Затѣмъ въ нынѣшнемъ столѣтіи было время, когда, подъ вліяніемъ романтизма, возникло нѣкоторое сближеніе съ мѣстною народностію и исторіею, что̀ произвело въ польской литературѣ, такъ называемую, *украинскую школу*.

---

[1]) Большинство этихъ поляковъ, какъ извѣстно, состояло изъ ополяченныхъ русскихъ.

[2]) Исключеніе въ этомъ отношеніи составляютъ пока еще мало извѣстныя, но весьма замѣчательныя сочиненія богословско-полемическаго характера, наводнявшія собою мѣстную польскую письменность особенно конца XVII и начала XVIII столѣтій. Сюда относятся также религіозно-нравственныя и гражданскія сатиры извѣстнаго мученика за русское дѣло въ Юго-Западномъ краѣ, энергическаго сподвижника Палія, Даніила Братковскаго. Лучшая часть этихъ произведеній, проникнутая пламенною преданностію русскимъ народнымъ интересамъ и народной святынѣ, а потому болѣе или менѣе свободная отъ оковъ господствовавшаго тогда схоластицизма,—принадлежитъ исключительно тогдашней русской оппозиціи въ краѣ. *К. М.* — Даніиломъ Братковскимъ издана въ Краковѣ, въ 1697 году, весьма любопытная и рѣдкая, стихами написанная, брошюра: „Świat po części przejrzany“ *П. Г.*

Въ этой литературной школѣ впервые, хотя въ искаженномъ видѣ, получаютъ право гражданства сюжеты изъ народной исторіи, понятій и быта [1]). Въ языкѣ этой школы замѣчаются произвольные украинизмы.

Школа эта распадается на два отдѣла: *козацко-польскій* и *шляхетско-польскій*. Оба они возникли одновременно въ началѣ 20-хъ годовъ. Имъ положилъ основаніе Антонъ Мальчевскій, своею поэмой „Марья“. Въ этой поэмѣ рисуется преимущественно Украйна шляхетская и магнатская; козачество является какъ бы мелькомъ, и то собственно панское; за то чрезвычайно удачно живописуются картины украинской природы. При громадномъ вліяніи, какое имѣла эта поэма на вкусы читающей польской публики, обѣ эти стороны поэмы—дали поводъ къ возникновенію обоимъ упомянутымъ литературнымъ направленіямъ.

Прежде всего возникъ отдѣлъ козацко-польскій. Его основалъ Іосифъ Богданъ Залѣскій. Характеръ его поэзіи былъ — объективная лирика. Для характеристики этой поэзіи приведемъ цитаты изъ „Исторіи польской литературы“ Спасовича [2]).

„Матеріалъ поэзіи Залѣскаго“ — говоритъ онъ — „составляла козацкая дума, малороссійская пѣсня и сказка“. Революціонная сторона исторіи козачества XVII вѣка, „обрызганная кровью“, противна Залѣскому и по его натурѣ, ясной и мягкой, и по народности, какъ поляку. Онъ и поставленъ былъ въ необходимость вернуться дальше назадъ къ XVI вѣку и воспѣвать событія людей, о которыхъ онъ вычиталъ нѣчто въ старыхъ польскихъ хроникахъ, но которыхъ украинскій народъ успѣлъ перезабыть со временъ Богдана; наприм. походы запорожцевъ за Черное море, Евстафія Дашкевича, Ляха Сердечнаго (Предслава Ланцкоронскаго), атамана Косинскаго, Сагайдачнаго, ведущаго подъ Хотинъ свои полки подъ начальствомъ королевича Владислава. Всѣ выведенныя лица движутся стройно, рѣзво, красиво, живописно и складно; но въ томъ-то и ложь, что они—не настоящіе, а балетные козаки, что они гладко причесаны, что отъ нихъ несетъ духами, а не дегтемъ и что изъ подъ ихъ булата брызжетъ кровь красными малиновыми струями. Въ этой миньятюрной живописи не отличишь вѣщаго Бояна отъ Вернигоры, князей и бояръ кіевскихъ отъ Хмельницкаго и Мазепы. Эта способность примирить противоположности и сглаживать диссонансы дѣлаетъ изъ Богдана Залѣскаго настоящаго панслависта“.

---

[1]) Впрочемъ первая попытка ввести въ польскую литературу кой-какіе мотивы изъ южно-русской народной жизни принадлежитъ еще писателямъ золотаго ея періода, именно Галичанамъ — Шимоновичу и І. Зиморовичу, но эта попытка не идетъ дальше буколики и сухихъ повѣствованій.

[2]) См. 467 и 468 стр. „Обзора Истор. Слав. Лит.“ А. Н. Пыпина и В. Д. Спасовича. СПБ. 1865.

Одновременно съ Залѣскимъ писалъ Северинъ Гощинскій, мрачный пѣвецъ суевѣрій народныхъ и гайдамачины, которая представлялась ему въ видѣ романтическаго бандитизма. Въ своей интересной поэмѣ „Zamek Kaniowski“ Гощинскій не чуждается уже нѣкоторыхъ мотивовъ и красокъ, ближе подходящихъ къ народному духу и совершенно недоступныхъ наивному пафосу Залѣскаго.

Послѣдователемъ ихъ былъ Михаилъ Чайковскій прославившійся въ 30-хъ и 40-хъ годахъ своими повѣстями: „Powiastki i gawędy“, „Ukrainki“, „Koszowata“, „Wernyhora“, „Hetman Ukrainy“ и проч. Этотъ писатель того же направленія, что и Залѣскій. Картины украинской природы выходятъ у него почти тѣже, но только съ излишними подъ-часъ аксесуарами; а сцены изъ козацкаго быта грѣшатъ избыткомъ внѣшней театральности.

Думы Залѣскаго болѣе мягки и меланхоличны и иногда довольно удачно поддѣлываются подъ задушевные мотивы народной пѣсни. У Чайковскаго же преобладаетъ вездѣ холодный эффектъ и разгоряченная фантазія. Оба эти писателя отличились оригинальностію слога; но Чайковскій перещеголялъ въ этомъ своего предшественника. У обоихъ, а особенно у послѣдняго, цѣлая масса украинскихъ словъ и идіотизмовъ. Съ Чайковскимъ, собственно говоря, прекращается козацко-польскій отдѣлъ украинской школы. Созданная этимъ отдѣломъ оригинальная форма литературныхъ произведеній не находитъ себѣ болѣе выдающихся послѣдователей; остаются лишь только мелкіе подражасели. Эластичный языкъ этой литературы, полный украинскихъ словъ, уступаетъ мѣсто въ дальнѣйшихъ произведеніяхъ изъ народнаго быта обыкновенной разговорной польской рѣчи, значительно впрочемъ имъ обогащенной [1]).

Вскорѣ послѣ возникновенія сказаннаго отдѣла козацко-польской литературной школы, до конца пятидесятыхъ годовъ, были и такіе послѣдователи его, которые пробовали писать также на малорусскомъ нарѣчіи, но съ польскими буквами, таковы были: Ѳ. Падура, С. Осташевскій, А. Шашкевичъ, Д. Бонковскій и др. Только небольшая часть этихъ произведеній была напечатана; остальныя большею частію мелкія стихотворенія—проникали въ публику, благодаря тому, что къ нимъ обыкновенно придѣлывались музыкальные мотивы. Большая часть подобныхъ произведеній отличается порядочною аляповатостію.

Для примѣра приведемъ хотя бы слѣдующій отрывокъ изъ стихотворенія Падуры, въ которомъ козачество увѣряетъ пановъ въ своей преданности и готовности сражаться за нихъ (sic) [2]).

---

[1]) Это признаютъ также польскіе критики.

[2]) Вмѣсто польскаго правописанія, мы употребляемъ малорусское.

Не бійтеся лядські діти,
Пійте вино у стола:
Теперъ время вамъ сидіти,
Якъ підъ криломъ ангелà,
Бо спісъ хмара на врага
Гур-ра-а! Гур-ра-га!

Или слѣдующій, изображающій какую-то безпѣльную удаль козацкую:

Закотився місяць въ хмари,
Свище бура по горахъ;
Посунулись нічні мари
Проспатися въ чагарахъ.
Страшно теперъ лебедёві
Задримати зъ берегами
Шумить хвиля на Дніпрові
Підъ залізними стовпами (?);
Але нашъ козакъ не трусъ
Схопивъ шаблю, бурку здувъ,
Подивився — скрутивъ вусъ,
Сівъ на чайку та й дмухнувъ
На далеке береже
Піна зъ весла полетить;
Не хай ся той стереже,
Кого птахъ цей заглядить!
. . . . . .
Вінъ не любить лестнихъ словъ,
Що тамъ въ небі — вінъ не знае
А на землі знае — кровъ.

А вотъ еще на выдержку нѣсколько стиховъ Бонковскаго, воспѣвающихъ шляхетскій идеалъ козака:

Ой я козакъ — зовусь Воля,
Украинець зъ Гуляйполя;
Зъ роду — зъ віку не знавъ пана
Окромъ коша, атамана...
Якъ заглядівъ чорнобриву
Схопивъ въ жменю кіньску гриву
Въ ногахъ стиснувъ вороного —
Самъ чортъ не втіче відъ нёго!
Де дивчіна — тамъ і доля
Де коршомка—тамъ и воля
и т. д.

Или вотъ еще нѣсколько строкъ изъ думки-романса Шашкевича, въ которой козакъ, полюбившій богатую дѣвушку, сантиментально разказываетъ ей про свою участь, говоря что у нея

Есть богатство, славна хата
А въ ті хаті всёго е,
А я бідный сиротина

Степъ лишъ мині рідній братъ,
Шабля, бурка вся родина,
А сивъ коникъ, то мій сватъ
и проч.

Мы нарочно приводимъ эти отрывки, чтобы хотя отчасти познакомить читателей съ духомъ и языкомъ произведеній этого рода и показать, какъ представляли себѣ козаковъ упомянутые писатели. Самымъ худшимъ изъ нихъ былъ Осташевскій, а лучшимъ Бонковскій. Многія изъ произведеній этихъ писателей, какъ мы уже замѣтили, сдѣлались весьма популярными и проникли въ панскія гостинныя, а также при посредствѣ шарманщиковъ и въ массы городскихъ уличниковъ. Такою популярностію славится наприм. полька „Гандзя-цяця молодичка“, сочиненная Бонковскимъ и положенная на ноты Коципинскимъ. Импровизаціи и пѣсни Шашкевича вездѣ производили фуроръ въ панскихъ домахъ. Украинскія мелодіи, съ которыми познакомили польскую публику въ 30-хъ годахъ Вацлавъ-съ-Олеська и Жегота Паули, а въ 60-хъ Коципинскій, сдѣлались модными и служили богатою тэмой для композиторовъ, каковы были: Козловскій, Яронскій, М. Завадскій, И. Коморовскій, Ясинскій, К. Любомирскій, Обинскій, даже К. Липинскій, отчасти Монюшко и др. Народныя пѣсни съ мотивами и композиціи на темы украинскихъ пѣсень раскупались на расхватъ.

Но вся эта литература козацко-польская, такъ увлекшая собою польскую публику здѣшняго края, чужда строго соціальнаго характера и представляетъ собою идеализацію козачества, далеко не сходною съ историческою дѣйствительностію и бытомъ народа, а музыкальныя композиціи на темы украинскихъ мелодій весьма мало имѣютъ общаго съ народною пѣсней.

Весь этотъ химерическій міръ заоблачнаго козачества, съ его мистическими легендами въ родѣ похожденій извѣстнаго миѳа Вернигоры, якобы пророчествовавшаго возрожденіе Польши, съ его фантастическими козаками, сантиментальными мотивами и т. п. вздоромъ, вскорѣ надоѣлъ здѣшнему польскому обществу. Козакофильскій паѳосъ немного остылъ и это выразилось вскорѣ въ произведеніяхъ писателей шляхетско-польскаго отдѣла польско-украинской литературной школы.

Шляхетско-польскій отдѣлъ этой школы обогатилъ польскую письменность особенно такъ-называемыми obyczajowemi powieściami (повѣстями изъ панскаго и шляхетскаго быта). Каждый изъ лучшихъ писателей этого отдѣла пробовалъ также писать повѣсти и изъ народной южно-русской жизни, и надо замѣтить, что большая часть изъ нихъ ближе подходила къ дѣйствительности козацкаго и народнаго быта, чѣмъ писателей козацко-польскаго отдѣла.

Приведемъ здѣсь имена болѣе извѣстныхъ писателей этого отдѣла и назовемъ тѣ только изъ ихъ произведеній, для которыхъ сюжеты взяты были изъ народной жизни. Таковы: І. И. Крашевскій („Ostap Bondarczuk i Iaryna“, „Iermoła“, „Ulana—powieśc poleska“, „Chata za wsią“); І. Корженевскій („Karpaccy górale—dramat“); М. Грабовскій (псевд. Э. Тарша), Koliszczyzna i Stepy“, „Stanica Hulajpolska“, „Tajkury—opowiadanie kurennego“); Г. Ржевускій („Zaporożec“); Марцинковскій (Новосельскій) („Pogranicze Naddnieprzanskie“); А. Гроза („Hryć—dramat“); Марьянъ Эдуардъ („Tymofej Chmielnicki — poemat“); А. Шедлеръ („Semeńko — powieśc z życia górali pokuckich“) и другіе болѣе мелкіе писатели.

Кромѣ упомянутыхъ болѣе извѣстные современные писатели, спеціально бравшіе сюжеты для своихъ произведеній изъ здѣшняго панско-шляхетскаго быта: А. Корженевскій, Ѳ. Ежъ (Милковскій), А. Плугъ (Петкевичъ) и др.

Много также краткихъ замѣтокъ, повѣстей и разсказовъ изъ южно-русской исторіи и быта помѣщалось въ журналахъ „Athaeneum“ изд. Крашевскимъ и „Rusałka“, изд. Грозой. Критическія мнѣнія объ украинской школѣ польской литературы высказаны М. Грабовскимъ, Мицкевичемъ и Бартошевичемъ.

Вообще явленіе козакофильства въ средѣ мѣстной шляхты представляетъ собою отчасти характеръ національнаго атавизма. Въ 30-хъ годахъ это явленіе выразилось особенно рѣзко. Польско-шляхетскіе патріоты подозрѣвали даже въ этомъ украинскій сепаратизмъ и обращались съ угрозами къ одному изъ корифеевъ козакофиловъ, не смотря на то, что этотъ корифей въ 31 году сражался за ихъ же традиціи. Но тѣмъ не менѣе козакофильство было модой. Козацкія пѣсни распѣвались съ особенною любовію; балагульство приняло козацкій характеръ. Барыни нерѣдко любили наряжаться въ малорусскіе костюмы. Аристократическій дворъ одного изъ Ржевускихъ (воспѣтаго въ поэмѣ Мицкевича „Farys“) совсѣмъ было окозачился (разумѣется въ смыслѣ козако-польскомъ): у него, въ качествѣ бандуриста, распѣвалъ думы Тымко Падура. Въ 1830 году Волынскій отрядъ инсургентовъ подъ предводительствомъ Ружицкаго (отца) имѣлъ козацкій характеръ. Чайковскій, послѣ неудачи возстанія въ 1830 году, образовалъ въ Турціи нѣчто въ родѣ козацкой сѣчи изъ разнаго сброда.

Затѣмъ, вмѣстѣ съ любовію къ идеализированному козачеству, явился интересъ и къ малорусскому народу, къ его исторіи и этнографіи. Чарноцкій издалъ „Исторію Малороссіи“, а въ Галичинѣ въ тридцатыхъ годахъ возникла даже такъ называемая польско-червоно-русская или славянофильская школа, которая въ стремленіи своемъ къ изученію исторіи и древно-

стей южно-русскихъ дошла даже до кіевскаго періода. Болѣе выдающимися изъ писателей этой школы были: Бѣлёвскій, Семенскій, Дзѣдушицкій, Лозинскій. Послѣдній издалъ также грамматику южно-русскаго языка. По исторіи, статистикѣ, топографіи и этнографіи Юго-Западнаго края писали также Марчинскій, Пржездзецкій, Стецкій. Надъ спеціальнымъ изученіемъ этнографіи малорусскаго населенія работали: Новосельскій (Марцинковскій), Грабовскій, Руликовскій, Падалица и др.

Въ концѣ 50-хъ годовъ болѣе молодое поколѣніе, въ лицѣ Совинскаго, познакомило польское общество съ малорусскою литературою („Studya nad literaturą ukrainską“), а въ особенности съ произведеніями Шевченки („Taras Szewczenko, studyum, z dołączeniem przekładanych „Hajdamakow“, „Naiemnica“) „Гайдамаки“ и „Наймичка“ переведены Совинскимъ особенно хорошо. Не менѣе удаченъ также переводъ Шевченки, сдѣланный Вл. Сырокомлей (Kobzarz Tarasa Szewczenki z małorosyjskiego spolszczony“) и переводы Шевченка и отчасти Марки Вовчка, сдѣланные Горжалчинскимъ.

Какъ мы уже замѣтили, вліяніе мѣстной южно-русской народности отразилось и на разговорномъ языкѣ польскаго общества здѣшняго края. Кромѣ многихъ малорусскихъ словъ, вошедшихъ въ польскій языкъ, что̀ признавалъ также извѣстный польскій критикъ Грабовскій, малорусское вліяніе отразилось и на произношеніи.

Главнѣйшія особенности, выработавшіяся или подъ непосредственнымъ вліяніемъ малорусской рѣчи, или въ косвенной зависимости отъ этого вліянія, слѣдующія: *ié*, *ia* и *je* (др.-слав. *ѣ*), произносится какъ *i*: b*i*da, chl*i*b, j*i*sz, *ji*; *o*, *ó*=*u*: un, Bug; ą=*o*, *on*, *om*: sonsiad, biego, z lobo; ę=*e*, *en*, *em*: bende; въ глаголахъ прошедш. врем. вмѣсто dł, rł употребляются *d*, *r*: wju*d*, uma*r*; суффиксы *em*, eś, śmy, ście въ прошедшемъ времени часто не употребительны: ja, ty, on chodził; my, wy, oni chodzili; w часто вмѣсто ł, въ дѣепричастіи: wziowszy; *u* вм. w: *u* renku; *é*, *ie*, и затѣмъ *i*, вм. ę, — въ винит. падежѣ единств. числа женск. рода: na rękę, na rękie, na ręki (вм. na rękę); *e* вм. *ej*: ogrodowe kartofli; *cz*, ż вм. *k*, *g*: tłucze вм. tłuke, siecze вм. siekę, struże вм. strugę; или эти *g* и *k* іотируются предъ *e* изъ ę: mogie, na nogie, tłukie; *dzie* вм. *gdzie*, *gla*, вм. *dla* и т. п.

Языкъ, подвергшійся такому вліянію, сталъ тершимъ не только въ общежитіи, но и въ перепискѣ, хотя въ литературѣ требуется чистота польской рѣчи. Поэтому и является вычурность, такъ какъ рѣчь эта искусственна для поляка здѣшняго края и цѣнится какъ искусство. Въ обыденной же жизни считается даже смѣшнымъ педанствомъ выражаться на совершенно чистомъ польскомъ нарѣчіи.

Польскіе критики признаютъ классическимъ языкомъ — языкъ польско-украинской литературной школы. Это — понятно, такъ какъ эти писатели вмѣстѣ съ Галицкими наиболѣе обогатили польскую литературу.

Здѣсь не лишнимъ будетъ сказать нѣсколько словъ вообще о литературномъ польскомъ языкѣ.

Надо замѣтить, что современный языкъ польской литературы есть собственно, такъ называемый — малопольскій, т. е. языкъ поляковъ бывшаго воеводства Краковскаго, Сандоміршины, Люблинщины, Галичины, Холмщины и провинцій Юго-Западнаго края. Основатели польской литературы — корифеи золотаго ея періода — уроженцы этихъ областей. Если къ нимъ причислить еще бѣлорусскія области, то окажется, что изъ очерченнаго нами района вышла чуть не вся группа лучшихъ польскихъ писателей. Мазовія и Велико-Польша не дала почти ни одного имени, достойнаго по праву стать на-ряду съ прославившимися въ польской литературѣ малопольскими писателями. Слѣдуетъ замѣтить, что изъ всѣхъ польскихъ нарѣчій — люблинское, сандомірское и краковское ближе другихъ подходятъ къ южно-русскому языку *). Естественно поэтому, что русскій языкъ Украины, Полѣсья, Холмщины и Галичины имѣлъ весьма значительную долю вліянія на самый зародышъ настоящаго литературнаго языка.

Въ здѣшнихъ областяхъ еще до XVII ст. вся почти письменность, какъ церковная, такъ и гражданская состояла изъ такъ называемаго западно-русскаго языка, имѣвшаго оффиціальное значеніе въ краѣ **).

Затѣмъ большинство здѣшнихъ шляхетскихъ родовъ русскаго происхожденія, вмѣстѣ съ ополяченіемъ, должно было привнести и свои діалектическія особенности въ заимствованный ими тогдашній сандомирско-краковскій литературный языкъ, созданный первоначально Реемъ и Кохановскимъ. Эти особенности должны были неминуемо войти въ органическій составъ этого языка, налагая на него своеобразный отпечатокъ.

Дѣйствительно, мы видимъ, что уже языкъ Шимоновича, червоно-русса по происхожденію, писавшаго во второй половинѣ XVI ст., довольно замѣтно разнится отъ языка обоихъ предъидущихъ писателей и ближе подходитъ

---

*) Люблинское нарѣчіе и восточные говоры краковскаго — служатъ переходными польскими діалектами, между южно-русскимъ и польскимъ языками.

**) Языкъ этотъ, какъ извѣстно, представляетъ собою механическую смѣсь церковно-славянскихъ, южно-русскихъ и польскихъ элементовъ. Не смотря на свою эфемерность, этотъ языкъ дожилъ и до днесь, господствуя, какъ анахронизмъ, съ значительными, впрочемъ, видоизмѣненіями въ современной письменности галицкихъ русиновъ.

къ типу современнаго польскаго литературнаго языка; у послѣдователя его Іосифа Зиморовича — галицкаго армянина по происхожденію (начала XVII ст.), это стремленіе вводить южно-русскіе элементы въ языкъ молодой польской литературы — особенно рѣзко выступаетъ въ изпещряющихъ его произведенія нетронутыхъ руссицизмахъ. Отсюда-то, въ самомъ началѣ возникла довольно значительная доля лексическаго сходства, замѣченнаго при сличеніи литературнаго польскаго языка съ живымъ языкомъ южно-русскаго народа. Это первоначальное сходство впослѣдствіи усиливалось еще введеніемъ новыхъ руссицизмовъ писателями романтическаго періода.

Поэтому вопросъ, кто у кого больше заимствовалъ аналогическихъ нынѣ элементовъ, — составляетъ проблемму, не тронутую пока строгою наукой. Но для насъ несомнѣнно, что литературный польскій языкъ своимъ лексическимъ и отчасти синтаксическимъ богатствомъ весьма много обязанъ южнорусскому языку.

Взаключеніе приводимъ списокъ малорусскихъ словъ, вошедшихъ въ разговорную рѣчь поляковъ Юго-Западнаго края. Списокъ этотъ мы заимствуемъ изъ книги доктора А. Кремера, изданной въ Краковѣ въ 1870 году, подъ заглавіемъ: „Słowniczek prowincyonalizmów Podolskich, ułozony w Kamiencu Podolskim w roku 1863“. Само собою разумѣется, списокъ этотъ далеко не полонъ; въ него вошли большею частію слова, позже вошедшія въ польскій языкъ и не получившія еще полнаго гражданства въ литературномъ языкѣ. Малорусскія слова, усвоенныя прежде польскою письменностію, теперь уже не такъ легко различаются даже и коренными поляками; тѣмъ не менѣе и этотъ списокъ ясно обнаруживаетъ неизбѣжность и объемъ процесса усвоенія польскою интеллигенціей мѣстныхъ южнорусскихъ словъ и выраженій, которое непрерывно длится со времени первоначальнаго ополяченія южно-русскихъ высшихъ сословій и по настоящее время.

Въ предисловіи къ упомянутой книгѣ авторъ такъ объясняетъ происхожденіе этихъ южно-русскихъ провинціализмовъ въ польской рѣчи „На выработку этихъ особенностей въ польской рѣчи Подоліи преимущественное вліяніе имѣлъ языкъ русскій (малорусскій)“. „Вліяніе это объясняется очень легко. Мѣстное русское дворянство, до соединенія его съ Польшей, и долго послѣ этого употребляло еще языкъ русскій, какъ родной, на которомъ имѣло и писанный законъ (Литовскій Статутъ) и употребляло его наравнѣ съ простонародіемъ. Впослѣдствіи же, когда, при болѣе тѣсномъ сближеніи съ Короной и соединеніи съ польской шляхтой, приняло, вмѣстѣ съ уставами, и языкъ общаго отечества, все-таки не забывало русскаго языка, — поэтому, говоря и по-польски, вносило въ польскую рѣчь обороты

и способы выраженія, живьёмъ переведенныя изъ русскаго; присвоило этой рѣчи русскія слова, употребляемыя въ обыденной жизни и въ ежедневныхъ отношеніяхъ своихъ съ крестьянами, особенно же—слова, относящіяся къ означенію земледѣльческихъ орудій и ихъ составныхъ частей, всякой домашней рухляди, жилищъ, полей, лѣсовъ, степей и т. д.“.

Компетентность автора относительно отличенія имъ руссицизмовъ въ польской рѣчи Юго-Западнаго края засвидѣтельствована имъ же самимъ въ началѣ предисловія. Онъ говоритъ слѣдующее: „имѣя возможность въ теченіи 24-лѣтняго пребыванія моего въ Каменцѣ-Подольскомъ прислушиваться къ польской рѣчи тамошнихъ жителей и, вмѣстѣ съ тѣмъ, будучи лучше ихъ приспособленнымъ къ наблюденіямъ надъ видоизмѣненіями, особенностями и оттѣнками тамошней польской рѣчи, такъ какъ въ молодости я жилъ въ Краковѣ, гдѣ, подъ вліяніемъ мѣстныхъ условій, образовалась особая провинціальная рѣчь, на которую не вліялъ ни малорусскій, ни великорусскій языкъ,—я составилъ этотъ небольшой словарь подольскихъ провинціализмовъ“.

Мы выбрали изъ словаря г. Кремера тѣ слова, которыя заимствованы изъ подольскаго малорусскаго нарѣчія, отступая иногда отъ неточнаго толкованія словъ автора.

Arbuz (гарбу̀зъ)—тыква.
Arkan (съ татарскаго: аркàнъ).
Atàman (отàманъ)—староста сельскій.

Bàba (бàба) — повивальная бабка; сельская лѣкарка.
Bàchur (бàхуръ).
Bajbàrdzo (байбарзо, байдуже) — нужды нѣтъ.
Bàjstruk (байстру̀къ) — незаконнорожденный.
Bajura (баюра, калюжа) — большая лужа.
Bałabuch (балабуха)— лепешка изъ тѣста.
Bałagùła (балагу̀ла) — жидовскій извощикъ.
Bałàkać (балàкати)—балагурить.
Bałasùry (баласуры) — стеклянныя серьги.
Bałùchy (балухи)—большіе глаза.
Bániak (банѝкъ)—чугунный горшокъ.
Barabòla (барабòля)—картофель.
Bàrda (бàрда)—русскій топоръ.
Bàsztan (баштанъ)—бакша.
Bèdnia, bódnia (бòдня)—сундукъ въ формѣ кадки.
Bélbas (белбасъ)—дѣтина.
Bèłtać (бовтàти)—взбалтывать.
Berbenìca (бербени́ца)—хлѣбопёкная кадушка; квашня.
Beszỳcha (бишиха)—болѣзнь рожа.
Bèzdnia, bezòdnia (безòдня)—бездна.
Bezhamùlny (безгамỳльний)—неудержимый, неугомонный.
Bézhar (бѐзгаръ) — избытокъ чего нибудь; слишкомъ высокая цѣна; провѣсъ, слишкомъ большой ростъ.
Biczować (бичевàти) — подпрягать животныхъ подъ гору, или въ грязныхъ мѣстахъ; podbiczować kogo — помочь поддержать кого; biczownik — шестъ для четвертой лошади въ упряжкѣ.

Bisnowaty (бісноватий)—завзятый.
Bliźniuki (близнюкй)—близнецы; два, въ одно слѣпленные горшка, съ одной общею ручкой.
Bołdur (бовдуръ)—болванъ.
Boruchy odprawiać (борухи отправляти) — молиться по Еврейски; городить чепуху.
Brèchać (брехàти) — лгать; лаять.
Brùs (брусъ) — точило.
Buchaniec (буханѐцъ) — тумакъ; небольшой хлѣбъ.
Bùczek (бучòкъ)—палка.
Bùrty (бурти)—бурты, въ которыхъ приготовляется селитра.
Burzan (бурьянъ)—сорная трава.
Bỳlce (бильцѐ)—дерево въ боронахъ, въ которое забиваютъ зубья.
Bylina (билúна)—растеньице.
Bỳrka (бирка)—тонкорунная овца.

Càlec, calìzna (цілина)—цѣлина; нетронутая земля; подпочва.
Całùszka (цілýшка)—горбушка хлѣба.
Carnik (царникъ) — полки для посуды.
Cèwka (цівка)—кулакъ въ шестернѣ; дудочка, на которую намотываютъ пряжу для челнока при тканьѣ.
Chabèta (хабета) — дрянная лошадка.
Chantały (хантàли) — неуклюжая обувь.
Charki-makohoniki (харки-макогоники, несынітница) — вздоръ.
Charaszać (харашàти) — кастрировать.
Chebeta (кебета) — способность къ чему-нибудь.
Chepta (хопта) охапка сорныхъ травъ.
Chmyz (хмизъ) — хворостъ; всякая мелюзга.
Chodàki (ходакй, постоли)—лапти.
Chrabury (хробурі) — обглоданная кость.
Cikawy (цікàвий) — бойкій; любознательный.
Cul (цуль)—родъ мѣры.
Cur-tobie, pek tobie, ot se na! (игúй на тебе, очкỳра на тебе)—чуръ меня; отвяжись отъ меня!
Cwirkać w oczy (цвіркати въ вічі)—говорить рѣзкости.
Czaban (чабанъ) — пастухъ.
Czabaraszka (чеберачки)—танецъ въ присядку.
Czahar, czaharnyk, ścieluchy (чагàръ, чагарнúкъ, стелюхи) — мелкая лѣсная поросль.
Czemèry (чемери)—хребетъ у волка (охотничій терминъ).
Czepihy (чепіги)—деревянныя ручки въ плугѣ.
Czer (чиръ)—губка на букѣ.
Czerha (черга) очередь.
Czerkucze (черкýси) — родъ сливъ.
Czernica (черница) — православная монахиня.
Czerw (черва)—личинки пчелъ, еще закрытыя въ ячейкахъ.
Czuchrać wełnę (чухрати вовну) — чесать шерсть.
Czortopchajka (чортопхайка) — легкая бричка.
Czuhaj (чугай) — родъ архалука въ Подольской губерніи.
Czyścić (чúстити)—кастрировать.
Czupùrno (чепурно)—опрятно.

Danie (данння) — отрава; любовный напитокъ.
Dert' (дерть)—см. осыпка.
Domowina (домовина)—гробъ.
Dorobadło (доробàдла)—см. обичайка.
Doświtek (досвітки) — до разсвѣта.
Dranica (драница)—дрань для крышъ.
Drahle (драглі)—студень.
Drań, — dracie, drantywy (дрàнь,

дрàнтѣ, дрянти́вый) — дрянь, негодный.
Dubyna (дубина) — говорится о неповоротливомъ и тупомъ человѣкѣ.
Dùla (дýля)—шишъ.
Durniczka (дурни́чка) — вещь, доставшаяся даромъ.
Dendować (дендувàти) — рысканье лисицы за пищей (охотничье выраженіе).
Dýnia (диня) — маленькая тыква.
Dywderèwo (ди́вдерево) — Datura strammonium.
Dzierżak (держакъ)—длинная ручка.
Dzendzurzýsty (дженджуристый) — бойкій.

Egzum (гѐкзомъ) — быстро, скоро (ex nunc).

Fatka (хватка)—сѣтчатый черпакъ для ловли рыбы.
Ficać nogami (хвицàти) — лягать ногами.
Futor (хутіръ, хýторъ)—хуторъ.

Gąbka, hubka (гýбка)—трутъ.
Gać (гàть)—гать, плотина.
Gnipić (гни́пити)—угнетать.
Gruba (грýба) — комнатная печь.

Hadiuka (гадю̀ка)—змѣя.
Haj-haj (гай-гай)—охъ, охъ!
Haić się (гаити́сь)—медлить, мѣшкать.
Hajda (гайда̀) пошелъ, по отношенію къ лошадямъ.
Hajdaj (гайдай)—пастухъ воловъ.
Hajdamaka (гайдамака) разбойникъ.
Hajduk, hocak (гайдýкъ, гоцакъ)—родъ танца.
Hajdur (гайдуръ)—большой неуклюжій человѣкъ.
Hajka (гàйка)—промедленіе.
Hawakać (гавàкати)—громко говорить.
Halawa (гàлява) — прогалина, поляна.
Halma (гàльма)—тормозъ.
Haluszka (галýшка)—галушка.
Hamur (гаморъ)—начало ярмарочнаго движенія и шума.
Hanczurka (ганчірка)—тряпка.
Handrýba (гандриба)—большой неуклюжій человѣкъ.
Harmider (гармідеръ)—шумъ.
Hawkać (гавкати)—лаять.
Hen-hen! (генъ-генъ!) вонъ-вонъ!
Hładysz, hładuczczyk (гладýщикъ)—кувшинъ для молока.
Hlek, hleczyk (глéчикъ)—кувшинъ для воды.
Hłemizdać (глемиздати)—неуклюже сдѣлать что̀.
Hłuzdy (глýзды)—смыслъ, умъ.
Hòdy (гòді)—полно! довольно.
Hojdać (гойдати)—качать.
Hojdałka (гойдалка)—качеля.
Holoble (голòблі)—оглобли.
Holopa (голёпа) худая, высокая и неуклюжая женщина.
Hołubić (голýбити)—ласкать.
Homen (гòмінъ)—глухой шумъ, говоръ.
Hopsza (гòпша) см. Holopa.
Hosteć (гостѐць)—ревматизмъ.
Hreczka (грѐчка)—гречиха.
Huby (гýбы)—грибы вообще.
Hurt (гýртъ)—сборище, гурты.
Huzir, huzer (гузи́ръ и вузи́ръ) — нижняя часть снопа.
Hycać (гицàти)—скакать.
Hyczka (гичка)—ботва.
Hydki (гидкіи)—гадкіе.
Hydota (гидòта)—гадость; zhydzić (сги́дити)—сгадить.
Hyra (ги́ра)—нерасчесанные волосы; человѣкъ неряха.

Hyżki (ги́жки) — студень изъ воловьихъ или свиныхъ ногъ.

Iama (я́ма)—яма.
Iar (я́ръ)—долина, оврагъ.
Iaruga (ярӯга) глубокій оврагъ.
Iewir (ѝвиръ) — клинообразная щепка, отдѣляющаяся отъ пня при срубкѣ дерева, когда сдѣланы удары топоромъ сверху и снизу.
Inej (ине́й)—иней.
Istyk (истикъ) — лопатка для выбиванія земли изъ плуга.
Iurek (юрдкъ) — палочка съ двумя воронками на обоихъ концахъ, сквозь которыя продѣвается нитка пряжи при мотаніи ея въ клубокъ; шестикъ, употребляемый жнецами, при вязаніи сноповъ.

Kaban (кабанъ)—кабанъ.
Kaczan (качанъ)—кочерышка.
Kaganiec (каганѐць)—ночникъ.
Kaczka (кàчка)—крючокъ на дышло, къ которому прикрѣпляютъ хомуты (нашильники); одна изъ принадлежностей при мотаніи пряжи.
Kahła (кагла)—заслонка въ трубѣ; вьюшка.
Kałamucić (каламу́тити)—мутить.
Kalétka (кали́тка) — калита, кошелечекъ.
Kandyba (кандиба) — дрянная лошадь.
Kaparzyć (капари́ти)—приготовлять дурно пищу.
Kapica (капица) — кожаная связь въ цѣпахъ; связь стропилъ.
Karakaty (каракати)—родъ лѣтней обуви, въ видѣ башмаковъ.
Karbowaniec (карбо́ванець) — серебряный рубль.
Kartofla (картопля)—картофель.
Kawon (кавӯнъ)—арбузъ.
Kazan (кàзанъ)—котёлъ.
Kićka (ки́цька)—кошка.
Kełbań (ковбàня) — глубокая рытвина въ рѣкѣ.
Kiepkować (кепковàти)—насмѣхаться, издѣваться.
Kilimek (килемдкъ)—коверчикъ.
Kindiuch (кѐндюхъ) — животъ въ вульгарномъ смыслѣ.
Kiszyć (кишіти)—копошиться.
Kłamcać (клàцати) — щелкать зубами.
Kłania (клàня) — рядъ копенъ на полѣ.
Klaść (клàсти)—ставить, ложить.
Kłócić (колоти́ти)—взбалтывать.
Kłuć (коло́ти)—раскалывать.
Klucz (ключъ) — одна изъ частей плуга.
Kłunia (клуня)—гумно.
Kłupak (клупàкъ) — одна изъ частей воза.
Knysz (кни́шъ) — особеннаго вида пшеничный хлѣбъ.
Kocić się (коти́тись)—катиться.
Kociórubka (коцюрӯбка)—овощь не нормальной формы.
Koczuk (кочӯкъ)—шкворень у плуга.
Kołaczyk (калàчикъ) — скрученные изъ прута кольца.
Kołotucha (колотуха) — сметана, поддѣланная крахмаломъ.
Kołomyje (коломи́і)—глубокіе выбои, наполненные водою.
Kołomyjka (коломи́йка)—родъ танца и пѣсень.
Kołowrot (коловорѝтъ)—полевыя ворота.
Kołpak (ковпàкъ) — родъ гриба.
Komulec (комӯлець) — деревянный шестъ у невода.
Koniaka (конѧка)—лошадка.
Kwoczka (квдчка) — насѣдка; одно изъ созвѣздій.
Kopanica (копаница) — деревянный матеріалъ для полозьевъ въ санки.

Koruła (копилй)—копылья въ санкахъ.
Kordiuk, kurdiuk (курдюкъ)—родъ болѣзни языка у лошадей и рогатаго скота.
Koromysło (кòрòмесло)—коромысло; двухплечій рычагъ для ношенія воды.
Kosa (коса)—коса у женщинъ.
Kostomacha (костомàха) — большая кость.
Kostopraw (костопрàвъ) — костоправъ.
Kosznica (кошница)—высокая плетёнка изъ хвороста, для хранения кукурузы.
Kowbica (кòвбица) — ножки для скамеекъ, вкопанныя въ землю.
Kozak (козàкъ)—назв. танца.
Koźliny (козлѝни) — жерди, положенныя на крышу для укрѣпленія ея.
Krąglak (кругля̀къ)—толстый отрубокъ дерева.
Kraszanka (крашанка) — крашеное яйцо на Свѣтлый праздникъ.
Krop (крѝпъ)—укропъ.
Krychta (крѝхта)—маленькій кусочекъ; дробная часть чего-нибудь.
Krynica (криница) — выкопанный въ низменности неглубокій колодезь.
Kubło (кубло̀) — гнѣздо; круглый, выдолбленный сосудъ для воды.
Kuczma (кучма) — старая барашковая шапка.
Kulbaba (кульбаба) — родъ растенія.
Kulész (кулѝшъ)—жидкая кашица.
Kuniać (куня́ти)—дремать.
Kurzeń (курѝнь)—шалашъ.
Kuszka (ку́шка)—родъ деревяннаго сосуда у косарей, въ которомъ мокнетъ точило.
Kutia (кутя́) — родъ каши.
Kwasza (кваша) — особое кушанье.

Łabudać (лабу́дати) — съ трудомъ понимать. Wyłabudać się z kłopotu—вылѣзть изъ бѣды.
Łasować (ласовàти)—лакомиться.
Łasun (ласу́нъ)—лакомка.
Łasy (лàсий)—лакомый.
Legejda (легейда)—неповоротливый, лѣнивый человѣкъ.
Lemiszka (лемѝшка)—густая кашица изъ муки.
Létnik (лѝтникъ) — юбка изъ шерстяной матеріи.
Léwada (левада)—усадебный сѣнокосъ.
Liman (лиманъ)—заливы устья рѣкъ въ морѣ.
Loch (лёхъ)—погребъ.
Locha (лёха)—свинья уже родившая.
Łokszyna (локшина)—лапша.
Łopacień (лòпатень) — буравъ для верченія дыръ въ колодкахъ для колесъ.
Łopata (лопàта)—лопата.
Łosze (лошя́)—жеребенокъ.
Łukawy (лукàвый)—коварный.
Lulka (люлька)—трубка.

Moczulec (мочулець) кроква, употребляемая на *ригштуване*, т. е. на лѣса, при постройкѣ зданій.
Majaczyć (маячити)—показываться и вновь исчезать.
Malik (маліковатый) — конь неспособный къ труду; повѣрье о немъ такое-же, какъ и о двужильномъ конѣ.
Majdan (майда́нъ)—мѣсто, гдѣ приготовляется поташъ или селитра.
Makohon (макого́нъ)—пестикъ, употребляемый для растиранія чего-нибудь въ кринкѣ; шестъ подпираемый подъ телѣгу, когда сло-

мится ось; употребляется въ смыслѣ отказа жениху невѣстой.

Makótra (макітра)—кринка.

Mamałyga (мамалига) густая каша изъ кукурузяной муки.

Matoczyny (мáточины) — головы въ колесѣ.

Maza (мáжа) —чумацкій возъ.

Miszures (мишурисъ) — жидовскій слуга.

Myzynek (мизинець)—малый палецъ.

Młaka (млака)—лугъ на высохшемъ озерѣ.

Mogiłki (могилки) —кладбище.

Mohorycz (могори́чъ) — угощеніе за что̀ либо.

Manaster (монастыръ)—монастырь.

Morda (морда)—см. лицо.

Moroka, zamoroka (морока и заморока)—хлопоты.

Móskal (москáль)—солдатъ.

Muc, mucyk (муцъ, муцыкъ) — небольшая лошадь.

Mud (мудь)—презрительное названіе мужика.

Murga (мурга) — моргъ, нѣсколько болѣе десятины.

Murmyło (мурмило)—неуклюжій

Mumka (мúмка)—дойное животное, въ которомъ одна или болѣе соска не дѣйствуетъ.

Mytuś (мúтусь) -- положеніе à la soixante-neuf.

Nahajka (нагайка)—кнутъ.

Najmyt, najmyczka (наймитъ, наймичка) — работникъ, работница, нанятыя на сроки.

Nakiwać komu — (накивати) угрожать.

Nakorenek (накорінокъ)—корень.

Nałigacz (налигачъ)—веревка, которую накладываютъ на рога двухъ воловъ, чтобы ихъ вести.

Namitka (намітка)—головной уборъ изъ кисеи.

Namoroznie (нàморожне) — поперечныя связи копыльевъ въ саняхъ.

Ná-prach (на-прàхъ)—до тла.

Na-pohybel (на-погúбель) — на несчастье.

Násad (насáдъ),—та часть въ возѣ, которая накладывается на ось.

Na-się (на-силу)—еле-еле.

Niebrat, nieklub (неклюби) деревянные шорницкіе клещи.

Nebelyca (небилица).

Nieczysta siła (несчиста сила) дьяволъ.

Niedosoli (недосоли) — не до того.

Niepotrzebny (непотрібный) — негодный.

Niesamowity (несамовитий) — самъ-не свой.

Noc-morze! (нічъ-море!) — длинная ночь.

Nowina, nowizna (новинà) — новь.

Noworola (новороля)—земля, приготовленная подъ яръ.

Nyć (ниць)—ницъ.

Nykać (ни́кати) — переглядываться; кидаться во всѣ стороны; шататься, ища чего-то.

Obnoże (обніжья)—связь между ножками стола, обножки на ногахъ пчёлъ.

Obóisko, obój (обоісько) — лѣнивое животное, сносящее терпѣливо ударъ.

Obyczajka (обичайка).

Ochaić (охаятися)—очиститься.

Ocupek (оцупокъ) — кусокъ бревна.

Oczeret (очерѐтъ)—тростникъ.

Oczkur (очкуръ) — ременный полсокъ.

Oczorciało (очортіло)—надоѣло, опротивѣло.

Oddać się (віддàтися) — выйти замужъ.
Oklenie (оклінне)—клинье, употребляемое сапожниками.
Oko (око)—мѣра вѣса—три фунта.
Okłat (околóтъ)—обмолоченный, но не вполнѣ вымолоченный снопъ.
Okopisko (окòписько) — жидовское кладбище.
Okrasa (окраса)—приправа къ кушанью.
Ondzie (онде)—тамъ, вонъ-тамъ.
Opecek (опецокъ)—тоже, что *ощупокъ*; всякое животное малое, жирное.
Osełedeć (оселедець)—хохолъ на головѣ.
Oskard (оскардъ) — молотокъ для насѣчки мельничныхъ жернововъ.
Ośniak (оснякъ)—снарядъ для строганья обручей.
Osoka (осокá)—осока.
Ostrzeszek (острішокъ)—кровля изъ соломы на плетнѣ.
Ostrzeszyna (острішина)—болѣе толстыя латы на крышѣ вверху.
Osypka (óсипка)—крупный помолъ, для обсыпанья корма для животныхъ.
Otawa (отава)—во второй разъ собранныя съ одного мѣста травы.
Owwá! (овва!) — восклицаніе недовѣрія.
Oździe! (ось-де!)—здѣсь.

Paciuk (пацюкъ)—большой поросенокъ.
Paczkowóz (пачковòзъ) — контрабандистъ.
Padalica (падалиця)—все, выростающее самосѣвомъ.
Pałamarować (паламороваты) — исполнять должность пономаря; распоряжаться въ чужомъ.
Pałuba (палуба)—крышка для улья.
Pampuszka (пампушка)—лепёшка.
Panewka (панівка) — сковорода въ маслобойнѣ.
Pantałyk (панталикъ)—толкъ, смыслъ.
Pantrować (пантровати) — подстерегать.
Papuszka (папушка) — небольшая связочка курительнаго табаку.
Par (паръ)—пахать на паръ.
Parastas (парастàсъ) — поминовенье души умершаго.
Parpać (пóрпати).
Pasenkować (пасынкувати) — обрывать побѣги на растеніяхъ.
Patoka (пàтока)—чистый мёдъ.
Patłaty, pełechaty (патлатый, пелехатый) — человѣкъ съ длинными всклокоченными волосами.
Perebendiować (перебендювати)—переливать изъ пустаго въ порожнее.
Perékićki (перèкидки) — кувыркомъ.
Perekoty-pole (перекоти-поле) — перекати-поле.
Perewérty (перèверти)—кувырканье.
Peristy (перістий)—рябой быкъ.
Perkonosy (кирпоносий) — курносый человѣкъ.
Pieczony rak (печений ракъ) — цыганскій танецъ.
Pilipówka (пилипівка) — Филипповъ постъ.
Petrówka (петрівка)—Петровъ постъ.
Pisanka (пи́санка)—росписанное яйцо на Пасху.
Piweń (півень)—пѣтухъ.
Płónka (ополòнка)—прорубъ во льду.
Płowy (половúй)—сѣрый съ желтоватыми оттѣнками волъ.
Pobereżnik (поберèжникъ) — лѣсной сторожъ.
Podoba (подòба)—подобаетъ.
Pódek (підъ) — полъ, на которомъ въ мельницѣ лежатъ каменья.
Podmagúlic (подмагулити) — обмануть.

Podpada (підпадàє)—подходитъ время, приходится.
Podpiąć (підіпьясти)—подвязать.
Podtoki (підтоки) — связь передней оси съ задней.
Poduzać (подужити)—одолѣть.
Pohany (поганый)—скверный.
Pokrytka (пóкритка)—дѣвушка, прижившая ребенка.
Pokucie (пóкуття) — красный уголъ въ избѣ.
Połohy (пологи́)—луга вдоль рѣки.
Połonica (полуныця)—земляника.
Połoz (полозъ)—копыль въ саняхъ.
Połudenek (полу́дникъ)—полдникъ.
Połyki (поликѝ)—вышивки на плечахъ рукавовъ рубахи.
Pomieć (поміть)—жать, не вязавши въ снопы.
Pamoroka (пàморока)—толкъ, смыслъ.
Popaść (попàсти)—потрафить.
Popowicz (поповичь).
Poradna godzina (порàдна година)—счастливый часъ.
Poręb (пòрубъ).
Posipaka (посіпака)—взяточникъ.
Posześć (пòшесть)—повѣтріе.
Postoły (постоли́)—лапти.
Poswit (пòсвітъ).
Poterucha (потеру́ха)—мелкій табакъ.
Poturnak (потурнàкъ)—глуповатый.
Potylica (потѝлица)—затылокъ.
Potyrcze (потерчá) — дитя, умершее безъ крещенія.
Prażucha (пражуха) — кашица изъ поджареной муки.
Projdyświt (пройдисвітъ) — бродяга, плутъ.
Pronoza (пронòза) — пронырливый, пройдоха.
Pryhapcy (прѝхапці)—урывками.
Przejąć (переймàти) — перенимать напр. пѣсню; остановить, забѣжавши навстрѣчу.
Przèłaz (перелáзъ).
Przychwycić się (прихвати́тися) пристать сильно къ кушанью, ѣсть съ жадностью.
Przydać się (придатись) — имѣть сходство съ кѣмъ.
Przykłotek (приколóтокъ)—кули соломы, употребляемые для крышъ.
Przynuka (принука) — принужденіе.
Przysiudy (прѝсяды)—танецъ.
Przystąpiło (приступи́ло).
Przyźba (призьба) — завалина.
Pustota (постóта)—шалость.
Puzo (пузо) — брюхо.

Rantuch (рàнтухъ или намітка) — женскій уборъ головной.
Razowina (разови́на) — поле, одинъ разъ вспаханное для посѣва.
Ręczniki (рушники́)—полотенца.
Repetować (репетовàти)—кричать.
Reptiuch (рèптухъ) — мѣшокъ для кормленія лошадей.
Robota (робóта)—заторъ, изъ котораго извлекается спиртъ.
Róga (рога)—роги.
Rozbachàny (розбуханий) — ростолстѣвшій.
Rozczachnąć się (розчахнутися) — расколоться.
Rozhlebizdàny (розглемезданный) — обтёртый, размолотый.
Rozwodzień (розводень)—клинъ для раскалыванія длинныхъ бревенъ.
Rubel (рубéль)—жердь для придавливанія сѣна или сноповъ при перевозкѣ.
Rublówka (рублѐвка) — кредитный билетъ въ рубль.
Ryń (ринь) — наносы, образуемые вешнею водою, на Днѣстрѣ.
Rupić (рѝпіти)—скрипѣть.
Rzéczka (річка)—рѣчка.

Rzemienna droga (рамінна дорога)—слѣды, образуемые колёсами на глинистой почвѣ.

Rzepiak (репьякъ)—репейникъ.

Rzepka (рiпка)—одинъ изъ видовъ яблокъ.

Sałocha (солóха)—толстая женщина, ротозѣйка.

Sápa (саца)—мотыга.

Sałhan (салганъ)—процессъ снимания сала съ животныхъ.

Sapać (сапати)—мотыжить.

Sakotúcha (цокотуха)—болтунья.

Ścianka (стiнка)—небольшой лѣсокъ на краю оврага.

Ścieluchy (стелюха)—кустарникъ.

Serce, duszko, lubciú, królu, królowo (сердце, душко, любцю, крале) ласкательныя слова.

Siedzieć (сидiти)—поселиться.

Siekiernik (сокорникъ)—плотникъ.

Sinica (суница)—полевая земляника.

Siry (сiрий)—сѣрый.

Skałka (скалка)—лучина.

Skibka (скибка)—кусокъ.

Skiczka (скичка)—лягушка, а также человѣкъ или женщина юркiе, сплетники.

Skopieć (скопити)—оскопить.

Skręt (скрутъ)—часть телѣги, поворачивающаяся на шкворнѣ.

Ślipie zalać, trynkąc sobie (слiпи залити)—напиться пьянымъ.

Słoboda, słobódka (слобода, слободка) — слобода.

Smyk (смикъ).

Snaść (снасть) — вчернѣ сдѣланная телега.

Snidanek (снiданокъ)—завтракъ.

Snizka (снiзка) — одна изъ частей ярма.

Snozy (снози) — тонкiе прутики въ ульѣ для поддержанiя сотовъ.

Sobaka (собака)—собака.

Sól (соль) — въ смыслѣ каменной соли.

Solić (солити) — въ смыслѣ квасить.

Sołod (солодъ).

Sonica см. sinica.

Spasówka (спасовка) — Успенскiй постъ.

Spekać się (спекатись)— отвязаться.

Spiuch (сплюхъ)—говорится о зайцѣ при дѣтяхъ, чтобы они спали; вѣрятъ, что если сказать въ этомъ случаѣ заяцъ, то дѣти будутъ спать.

Sprawiedliwy (справедливий)—правдивый.

Stércić (стирчити) — складывать въ скирды.

Storożka (сторожка)—чека.

Stowba (стовба) — одна изъ частей плуга.

Strąbić (струбити)—истребить зерно въ снопахъ.

Strzyżak (стрижикъ)—молодой конь съ остриженною гривой.

Suchowija (суховiя)—холодная, вѣтренная, но безснѣжная дорога.

Supiłka (супiлка)—дудочка.

Surowy (суровый)—сырой.

Swidny (свидний) — недозрѣлый хлѣбъ.

Swiętować kogo (святковати)—чтить, уважать.

Stojka, stójkę odbywać (стiйка)—отбывать подводную повинность.

Swita (свита)—верхняя одежда.

Synek (синокъ)—сынокъ.

Sypanka (ссипанка) — большая кадушка для ссыпки хлѣба.

Syroiszka (сироiшка) — видъ грибовъ.

Sýta (ситà)—разведенный мёдъ.

Szalówka (шалёвка)—доска въ дюймъ толщины.

Szarować (шаровати) — мотыжить и размножать кукурузу.
Szczezać (счезнути) — исчезнуть.
Szelepáć (шелепать) — шелестить.
Szkandydać (шкандибати) — хромать.
Szkrady (скарбани) — острая обувь.
Szkreptać, skromadzić (скребти) — оскребывать.
Szleje (шлия) — хомутъ на пристяжнаго коня.
Szlucha (шлюха) — неопрятная женщина, безнравственная.
Szmat (шмать) — кусокъ.
Szmiga (шмига) — орудіе плотницкое.
Szpèrka (шперка) — брюшное сало.
Szulak (шулякъ) — ястребъ.
Szustać (шустати) — см. opychać.
Szybać się (шибатися) — толочься.
Szypszyna (шипшина) — шиповникъ.

Tabun (табунъ) — стадо лошадей.
Taj (та й) — вм. союза и.
Táki (таки́) — все-таки.
Talka (талька) — смотанныя нитки.
Telbuchy (тельбухи) — внутренности, потроха.
Telepać się, telepić się (теліпатися) — болтаться.
Tłumić się, hłumić się (тлумитися, глумитися) — издѣваться.
Tóczek (точо́къ) — мѣсто, на которомъ ставятся ульи.
Tolk (толкъ) — ладъ.
Tropak (тропакъ) — танецъ.
Tristia (трістя) — болотистое мѣсто.
Trzéć (терти) — распиливать.
Tuman (туманъ) — туманъ.

Utiu! (утю!) — призывъ утокъ.

Werteby (вертепы) — недоступныя мѣста.
Wiać się (віятися) — побрести.
Wieczornica (вечерница) — посидѣлки.
Wiernik (вірникъ) — повѣренный.
Wiedma (відьма) — вѣдьма.
Wièrszyć stértę (вершити скирти) — вершить скирду.
Wijce (війце) — дышло для второй пары воловъ въ плугѣ.
Włok (волокъ) — сѣть для рыбы.
Wnadzić się, zanadzić się (внадиться) — зачастить.
Wòl murga-murgaty (вільморугій) — полосатый.
— bałan (баланъ) — свѣтло-желтый.
— łasij (ласій) — у котораго хребетъ темнѣе остальной части.
— żuk (жукъ) — чорный.
— kozij (козій) — съ рогами, наклоненными назадъ.
— guła (гула) — съ рогами короткими толстыми, наклоненными къ землѣ.
— zora (зора) — съ поднятымъ челомъ и веселымъ взглядомъ.
— ponyta (понита) — противоположенъ предъидущему.

Призывы птицъ:
на куръ, cip, cip (ціпъ, ціпъ).
„ утокъ, tas, tas (тась, тась).
„ гусей hus, hus (гусь, гусь).
„ индюковъ, kur, kur (куръ, куръ).
„ свиней, kuć, kuć (куць, куць).
„ лошадей, koś, koś (кось, кось).
„ телятъ, a keć, a luszki (а кець, а лушки́)
„ жеребятъ cos cos (кось, кось).
„ овецъ, na byr, na byr (на бирь, на бирь).
„ кота, keć, keć (кіць, кіць).
Погоняя воловъ направо cza, cabe (цабе).
Погоняя воловъ налѣво hejs, sob, (собъ) — направо hettia, hetta (ретя, гетта) — налѣво wista, wistia (віста, вісшта).
Wolochaty (волохатій) — косматый

Wurda (юрда) — жмыхи конопляныхъ сѣмянъ и другихъ.
Wybòj (выбой)—выбой на дорогахъ.
Wygon (вигонъ)—выгонъ.
Wyplòcz (виполочъ)—рытвина.
Wytrébeńki (витребеніе)—выдумки.
Wywłoka (виволока)—изъѣзженная лошадь.
Wyżyć (вижити)—пережить.
W zahał (загаломъ)—сплошь-да-рядомъ.

Za (за)—про, о.
Zabahać (забожати)—пожелать.
Zabud'ko (забудько) — человѣкъ со слабой памятью.
Zachyścić (захистити)—защитить.
Zahalnica (загалница)—заговѣны.
Zahonysty (загонистой)—заносчивый.
Zakalec (закалець) — нехорошо выпеченная часть хлѣба.
Zakoleśnik (заколесникъ).
Zakryszka (закришка).
Zamoroka (заморока)—хлопоты.
Zanadzić się (занадитися) — зачастить.
Zanìżka (занізка)—см. snizka.
Zaszmorg (зашморгъ)—петля.
Zatoka (за́тока)—раскаты на зимней дорогѣ.
Zatykać się (затыкатися)—украсить голову цвѣтами.
Zawiartka (завертка) — засовъ въ дверяхъ.
Zawodzić (заводити)—запѣвать жалостныя пѣсни.
Zawoźno (завозно)—когда въ мельницу привезено много зерна.
Zdybać się (здибатися) — встрѣтиться.
Zelazo (залізо)—вм. żelazo.
Zgliwiały sér (глизявий сиръ) — гніющій сыръ.
Ziembl' (зябля)—паханье для яроваго хлѣба съ осени.
Zirkoć, zerkać (зіркати) — взглядывать.
Zirkaty (зіркатой, зіркатий)—человѣкъ со сверкающимъ взоромъ.
Znajda (знайда)—найдёнышъ.
Znosek (зносокъ) — послѣдній приплодъ.
Zubosz (зубочъ)—косогоръ.
Żyżka (жижка)—и́кра.

КОРЕННЫЯ ПРИЧИНЫ АНТАГОНИЗМА СЪ ВЕЛИКОРУССАМИ И ИЗМѢНЕНІЕ ВЪ БЫТѢ ПОЛЯКОВЪ СО ВРЕМЕНИ НЕУДАЧИ ПОВСТАНІЯ.

Историческая жизнь Польши, какъ олигархической республики, пришедшей въ концѣ своего существованія къ анархіи, отразилась на всемъ складѣ быта поляковъ. Въ западномъ же краѣ,—они явились чуждымъ для народа привилегированнымъ сословіемъ. Аристократизмъ и исключительность положенія создали романическій и, въ то же время, политическо-мистическій характеръ міровоззрѣнія: эффектность и манерность въ жизни. Эти явленія препятствовали развитію критики, развитію реализма, конечно разумно понятаго. Созданный исключительностью положенія здѣшнихъ поляковъ, терроризмъ общественнаго мнѣнія препятствовалъ, ревниво охраняя собою традиціозность соціально-религіозныхъ догматовъ и порождая крайнюю національную замкнутость, нетерпимость и парадоксальное самообожаніе. Понятно, что при такомъ характерѣ здѣшняго польскаго общества, оно не могло относиться сочувственно къ русской культурѣ,—помимо даже политическаго антагонизма. Русское интеллигентное общество всегда было демократическимъ. Въ нашей литературѣ сильно развито критическое направленіе, самообличеніе и стремленіе стряхнуть съ себя всякій романтизмъ. Не даромъ Россія называется мужицкимъ государствомъ,—ея интеллигентція ближе къ народу, чѣмъ въ какомъ-либо другомъ обществѣ.

Еще Чацкій ясно сознавалъ, что причина антагонизма между поляками и русскими заключается главнымъ образомъ въ стремленіи обоихъ къ политическому и нравственному преобладанію въ славянскомъ мірѣ. Но онъ неправильно понималъ преимущество польской цивилизаціи. Онъ смотрѣлъ только съ политической точки зрѣнія и указывалъ на склонность Польши къ федераціи; но онъ забылъ, какого рода федерацію любила Польша и чѣмъ разрѣшилась ея пресловутые pacta conventa. Онъ забылъ, что польская федерація была федераціею для шляхты, а не для народовъ, что шляхта для того соединялась, чтобы лучше узурпировать народъ. Теорія эта осмыслила въ

глазахъ поляковъ ихъ политическія стремленія; они стали себя считать передовымъ народомъ въ славянской семьѣ, — французами славянскаго міра, а Мицкевичъ и Красинскій возвели даже свой народъ въ новаго политическаго мессію всего человѣчества. Въ то время, какъ польское общество утопало въ подобныхъ фантазіяхъ, русское общество шагъ-за-шагомъ шло по пути соціальнаго прогресса. Въ этомъ коренномъ различіи культуръ заключается коренная, хотя, можетъ быть, не сознаваемая, причина антагонизма. Но кромѣ этой есть еще двѣ не менѣе сильныя причины.

Раздѣленіе Польши между тремя государствами должно было развить въ полякахъ политическій сепаратизмъ. Будь Польша присоединена къ одному государству, можетъ быть она сближалась бы съ нимъ, но будучи раздѣлена и находясь подъ тремя разнообразными вліяніями, — она неминуемо должна была создать въ своихъ патріотахъ сепаративныя стремленія. Поляки не могли не сознавать, что только цѣльное возстановленіе Польши можетъ дать единство польской народности, — сохранить эту народность. Они сознавали, что еслибы даже въ одномъ государствѣ этой народности было хорошо, то въ другихъ двухъ ея положеніе не обезпечено. Нельзя не признать, что раздѣлъ Польши былъ печальнымъ явленіемъ. Эта нація очутилась въ трагическомъ положеніи. Это положеніе, какъ мы сказали, вело къ сепаратизму, а слѣдовательно къ враждебнымъ чувствамъ по отношенію къ Россіи и вмѣстѣ съ тѣмъ ко всему русскому. Третья причина — совершенное почти незнакомство пановъ съ русскими, какъ съ культурнымъ народомъ. Для поляковъ здѣшняго края русская интеллигенція являлась въ видѣ чиновника или офицера. Литературы русской они и не знали и относились къ ней съ пренебреженіемъ. Вообще во мнѣніи поляковъ русскіе не обладаютъ умомъ и знаніями. Даже студенты университета ограничивались только обязательными для нихъ руководствами. Въ ихъ библіотекахъ не было ни одной русской книги. Впрочемъ, нельзя не сознаться, что до сороковыхъ годовъ наша литература была бѣдна, журнальная дѣятельность была не обширна. Хорошихъ научныхъ руководствъ почти не было, — было очень мало даже переводныхъ ученыхъ сочиненій. Только съ сороковыхъ годовъ, а въ особенности съ 1855 года русская журналистика и наука получили широкое развитіе и далеко опередили польскую литературу. И съ этого времени начинается нѣкоторый поворотъ въ польскомъ обществѣ. Новая эпоха въ жизни польскаго общества здѣшняго края началась съ 1863 года. Послѣднее повстаніе, какъ нельзя больше доказало всю несостоятельность и мечтательность польскаго патріотизма въ здѣшнемъ краѣ. Надо удивляться тому непониманію, той слѣпотѣ, которыми только можетъ быть и объяснена безтактность инсуррекціи. Послѣ того, какъ 19 февраля

разорвало узы крѣпостнаго права и освободило народъ отъ панскаго владычества—паны затѣваютъ повстаніе. Они забыли историческую вражду русскаго православнаго народа къ католическому польскому панству, мало того, они приглашали народъ возстать противъ того правительства, которое, освободивъ его отъ рабства, удовлетворило, наконецъ многовѣковыя мечты и стремленія этого народа, стоившія ему столько крови и горя. Врядъ ли можно найти въ исторіи подобную политическую наивность, погубившую столько молодыхъ силъ! Надо благодарить Бога, что возстаніе не привело къ болѣе печальнымъ результатамъ. Не будь сдержана правительственными мѣрами народная масса, зрѣлище было бы ужасное! Это должно сознать здѣшнее польское общество. Народъ въ этомъ краѣ привыкъ къ мысли, что правительство защищало помѣщиковъ, что оно не терпитъ самоуправства. Недавнія экзекуціи ихъ въ этомъ убѣждали. Это только и было главнѣйшимъ образомъ причиною той сдержанности, съ которою велъ себя народъ во время повстанія. Значительная часть поляковъ въ краѣ не сочувствовала повстанію и теперь съ гордымъ упрекомъ относится къ мечтателямъ, погубившимъ себя.

Но какъ ни печально было это явленіе, оно привело къ благотворнымъ результатамъ. Русское общество и русское правительство поняли историческую ошибку, по отношенію къ русскому народу здѣшняго края. Явился обязательный выкупъ, давшій самостоятельное положеніе здѣшнему крестьянству. Наконецъ-то западный край признанъ русскимъ. Странное явленіе! Коренной древній русскій край „откуда пошла есть русская земля“, коренной русскій народъ такъ долго игнорировались. Неудача повстанія, энергія правительства въ возстановленіи русскаго характера края—произвели на польское общество глубокое впечатлѣніе. Оно, высокомѣрно смотрѣвшее на русскихъ, видя цѣлый рядъ реформъ, совершившихся въ Россіи въ короткое время, видя сильное развитіе литературы и науки, видя нравственный прогрессъ русскаго общества, не могло не почувствовать смущенія, не могло въ душѣ не признать нравственнаго первенства Россіи въ славянской семьѣ, чему лучшимъ выраженіемъ служили явленія съѣзда славянъ въ Москвѣ, во время этнографической выставки; тутъ-то поляки должны были призадуматься и отнестись критически къ своимъ политическимъ стремленіямъ и неудачамъ. Поэтому не удивительно, что въ польскомъ обществѣ начинаетъ проявляться скептицизмъ. Среди поляковъ подымаются голоса, хотя еще и слабые, о необходимости сближенія съ славянскимъ міромъ, въ томъ числѣ и съ Россіей. Начинаютъ признавать, что Россія идетъ по пути прогресса. Франко-прусская война и крутыя мѣры онѣмечиванія переполошили польскую интеллигенцію. Начинаютъ понимать, откуда грозитъ опасность, уже не политическому бытію, а бытію національности, тамъ гдѣ она—сплошная славянская.

XI.

СТАТИСТИЧЕСКІЯ ДАННЫЯ О КАТОЛИКАХЪ, ВЪ ТОМЪ ЧИСЛѢ И О ПОЛЯКАХЪ ЮГО-ЗАПАДНАГО КРАЯ.

Понятія „католикъ“ и „полякъ“ въ здѣшнемъ краѣ часто смѣшивались, и потому цифра поляковъ являлась весьма крупною. Этой ошибки не избѣгли и статистическіе комитеты при составленіи списковъ населенныхъ мѣстъ, и въ этихъ спискахъ число католиковъ и число поляковъ тождественны. Между тѣмъ, какъ въ дѣйствительности это далеко не такъ. Чтобы не впасть въ подобную ошибку, я хотя и имѣлъ подъ рукою списки населенныхъ мѣстъ, но тѣмъ не менѣе счелъ необходимымъ затребовать по каждому католическому приходу отдѣльно списки принадлежащихъ къ приходу поселеній, съ обозначеніемъ въ каждомъ числа прихожанъ по сословіямъ. Затѣмъ, во время поѣздокъ по краю, я старался изучить: на сколько каждое сословіе католиковъ можетъ быть причислено къ числу поляковъ, такъ какъ по одной религіи неблагоразумно было бы зачислять въ число поляковъ тѣхъ, кто, за исключеніемъ религіи, ни по языку, ни по нравамъ, ни по сознанію, не можетъ быть причисленъ къ составу польской національности здѣшняго края.

Въ этнографическомъ очеркѣ мы уже коснулись этого вопроса. Ниже, по изложеніи статистическихъ данныхъ о каждомъ сословіи католиковъ, мы указываемъ, на сколько это сословіе можетъ быть причислено къ составу польскаго населенія; затѣмъ излагаемъ самыя данныя о полякахъ.

Къ этому очерку прилагается карта. На ней извѣстною степенью густоты краски выражено процентное отношеніе числа католиковъ къ числу православныхъ каждаго уѣзда. Литерами означено абсолютное число католиковъ въ каждомъ уѣздѣ. Цвѣтными литерами означено процентное отношеніе поляковъ къ малоруссамъ. Въ числѣ послѣднихъ принято во вниманіе, какъ число православныхъ, такъ и католиковъ малороссовъ, на основаніи этнографическихъ признаковъ. На картѣ принято особое обозначеніе уѣздовъ,

въ которыхъ преобладаютъ въ числѣ католиковъ поляки; гдѣ эти послѣдніе составляютъ половину католическаго населенія; а равно, гдѣ въ числѣ католиковъ преобладаютъ малоруссы. На карту нанесены также населенныя мѣстности, въ которыхъ проживаетъ болѣе 200 душъ католиковъ. Такимъ образомъ, карта даетъ понятіе, какъ о католикахъ вообще, такъ и о полякахъ въ частности.

Общее число католиковъ.

Названіе губерній и уѣздовъ.	Мужч.	Женщ.	Итого.
Кіевская губернія.			
Бердичевскій	7,631	8,217	15,848
Сквирскій	3,903	3,940	7,843
Радомысльскій	3,167	3,235	6,402
Васильковскій	3,145	3,136	6,281
Кіевскій.	2,521	2,830	5,351
Липовецкій.	2,250	2,337	4,587
Таращанскій	1,323	1,264	2,587
Звенигородскій.	991	1,014	2,005
Уманскій	987	946	1,933
Каневскій	733	755	1,488
Черкасскій	727	739	1,466
Чигиринскій	267	288	555
Итого въ губерніи . .	27,645	28,701	56,346
Подольская губернія.			
Проскуровскій	19,352	19,717	39,069
Каменецъ-Подольскій . . .	15,284	15,748	31,032
Ушицкій	10,297	10,628	20,925
Могилевскій	9,789	10,122	19,911
Летичевскій.	7,986	8,226	16,212
Ямпольскій	7,456	7,769	15,225
Винницкій	7,796	7,064	14,860
Литинскій	6,598	6,675	13,273
Брацлавскій.	4,809	5,196	10,005
Балтскій	3,785	3,457	7,242

Названіе губерній и уѣздовъ.	Мужч.	Женщ.	Итого.
Ольгопольскій	3,588	3,614	7,202
Гайсинскій	2,746	2,961	5,707
Итого въ губерніи . .	99,486	101,177	200,663

Волынская губернія.

Житомирскій	14,141	14,070	28,211
Новоградъ-Волынскій . . .	10,664	10,836	21,500
Заславльскій	6,161	6,529	12,690
Владиміръ-Волынскій . . .	5,756	6,331	12,087
Кременецкій	5,480	5,637	11,117
Старо-Константиновскій . .	5,122	5,441	10,563
Луцкій	4,441	4,385	8,826
Ровенскій	3,862	4,111	7,973
Острожскій	3,179	3,015	6,194
Дубенскій	2,441	2,619	5,060
Овручскій	2,260	2,356	4,616
Ковельскій	1,612	1,642	3,254
Итого въ губерніи . .	65,119	66,972	132,091
Всего въ Юго-Западномъ краѣ.	192,250	196,850	389,100

Приведемъ теперь данныя о процентномъ отношеніи католиковъ, какъ ко всему числу жителей, такъ и особо къ числу православныхъ:

Процентное отношеніе.

Кіевская губернія.	Противъ всего числа жителей.	Противъ числа православныхъ.
Бердичевскій	10,31%	18,39%
Сквирскій	8,20	10,07
Радомысльскій	3,84	4,77
Васильковскій	3,41	4
Кіевскій	2,90	3,30
Липовецкій	5,34	6,33
Таращанскій	2,40	2,69
Звенигородскій	1,20	1,33
Уманскій	1,80	2,04

Названіе губерній и уѣздовъ.	Противъ всего числа жителей.	Противъ числа православныхъ.
Каневскій	0,61%	0,69%
Черкасскій	0,70	0,76
Чигиринскій.	0,45	0,53
Итого въ губерніи	3,40	4,04
Подольская губернія.		
Проскуровскій	25,33%	40,86%
Каменецъ-Подольскій	16,84	24
Ушицкій.	13,04	17,94
Могилевскій.	12,79	17,09
Летичевскій	14,22	14,30
Ямпольскій	9,36	11,62
Винницкій	10,53	13,63
Литинскій	9,76	12,76
Брацлавскій.	6,22	7,93
Балтскій.	3,27	4,15
Ольгопольскій	3,93	4,54
Гайсинскій	3,61	4,01
Итого въ губерніи	10,34	13,44
Волынская губернія.		
Житомирскій.	13,14%	24,57%
Новоградъ-Волынскій	11,48	16,28
Заславльскій.	9,23	11,45
Владиміръ-Волынскій	8,08	10,17
Кременецкій.	8,27	9,73
Староконстантиновскій	7,77	10,71
Луцкій	6,92	10,20
Ровенскій	5,51	8
Острожскій	5,90	7,54
Дубенскій	4,51	5,55
Овручскій	4,10	5
Ковельскій	2,79	3,04
Итого въ губерніи	7,90	10,32
Всего въ Юго-Западномъ краѣ . .	6,94	8,65

Далѣе слѣдуетъ распредѣленіе уѣздовъ, какъ по абсолютному числу католиковъ, такъ и по процентному отношенію ихъ къ числу православныхъ.

Абсолютное число католиковъ.

A. Католиковъ болѣе: 35,000

Проскуровскій уѣздъ.

B. . . . . отъ 30,000 до 35,000

Каменецъ-Подольскій уѣздъ.

C. . . . . отъ 25,000 до 30,000

Житомірскій уѣздъ.

D. . . . . отъ 20,000 до 25,000

Ушицкій и Новоградъ-Волынскій.

E. . . . . отъ 15,000 до 20,000

Могилевскій, Летичевскій, Ямпольскій, Бердичевскій.

F. . . . . отъ 10,000 до 15,000

Винницкій, Литинскій, Брацлавскій, Заславльскій, Владиміръ-Волынскій, Кременецкій и Старо-Константиновскій

G. . . . . отъ 5,000 до 10,000

Балтскій, Ольгопольскій и Гайсинскій, Кіевскій, Васильковскій, Радомысльскій и Сквирскій, Луцкій, Ровенскій, Острожскій и Дубенскій.

H. . . . . отъ 3,000 до 5,000

Липовецкій, Овручскій и Ковельскій.

L. . . . . отъ 2,000 до 3,000

Таращанскій и Звенигородскій.

M. . . . . отъ 1,000 до 2,000

Каневскій, Черкасскій и Уманскій.

N. . . . . менѣе 1,000

Чигиринскій уѣздъ.

Относительное число католиковъ.

I. Католики составляютъ числа православныхъ 40%

Проскуровскій уѣздъ.

II. . . . . отъ 20 до 25%

Житомірскій уѣздъ и Каменецъ-Подольскій

III. . . . . отъ 15 до 20%

Летичевскій, Могилевскій и Ушицкій, Бердичевскій и Новоградъ-Волынскій.

IV. . . . . отъ 10 до 15%

Ямпольскій, Винницкій, Литинскій, Заславльскій, Владиміръ-Волынскій, Старо-Константиновскій, Луцкій и Сквирскій уѣздъ.

V. . . . . отъ 5 до 10%

Брацлавскій, Кременецкій, Ровенскій, Острожскій и Дубенскій.

VI. . . . . отъ 3 до 5%

Балтскій, Ольгопольскій и Гайсинскій, Овручскій и Ковельскій, Радомыльскій, Васильковскій и Кіевскій.

VII. . . . . отъ 2 до 3%

Таращанскій и Уманскій.

VIII. . . . . отъ 1 до 2%

Звенигородскій.

IX. . . . . менѣе 1%

Каневскій, Черкасскій и Чигиринскій.

Мы выше показали, что католическое населеніе здѣшняго края простирается до 389,100 душъ обоего пола. Цифра эта не сходна съ числомъ католиковъ по таблицамъ статистическихъ комитетовъ, по которымъ числится католиковъ до 412,000 душъ. Какъ мы уже сказали, наши данныя о католикахъ основаны на приходскихъ спискахъ, при чемъ нами сдѣланы итоги католиковъ по сословіямъ, путемъ сложенія первоначальныхъ величинъ, т. е. цифръ по каждому населенному мѣсту, въ которомъ католики проживаютъ. Цифры же статистическихъ комитетовъ основаны на итогахъ, доставляемыхъ полиціею по каждому уѣзду; эти послѣдніе основаны на итогахъ, доставляемыхъ становыми приставами и квартальными надзирателями; а сіи послѣдніе основываются на итогахъ волостныхъ правленій и приходскихъ священниковъ. Проходя чрезъ много рукъ, въ видѣ итоговъ, точность которыхъ повѣрить невозможно, эти данныя легко подвержены ошибкамъ. Наши данныя, если и заключаютъ ошибку, то только нашу собственную, а не многочисленнаго числа составителей итоговъ.

Въ Юго-Западномъ краѣ католическихъ приходовъ 244, на каждый приходъ среднимъ числомъ приходится 1,590 душъ обоего пола.

Число дворянъ католиковъ.

Наименованіе губерній и уѣздовъ.	Мужч.	Женщ.	ИТОГО.
Кіевская губернія.			
Бердичевскій.	1,110	1,204	2,314
Сквирскій	735	711	1,446
Радомыльскій	483	552	1,035
Васильковскій	576	520	1,096
Кіевскій	1,207	1,445	2,652
Липовецкій	843	830	1,673
Таращанскій	462	480	942
Звенигородскій	560	594	1,115
Уманскій	491	516	1,007

Наименованіе губерній и уѣздовъ.	Мужч.	Женщ.	ИТОГО.
Каневскій	433	440	873
Черкасскій	385	417	802
Чигиринскій	187	198	385
Итого въ губерніи. .	7,472	7,907	15,379

Подольская губернія.

Проскуровскій	1,092	1,301	2,393
Каменецъ-Подольскій . . .	3,074	3,245	6,319
Ушицкій	1,006	1,055	2,061
Могилевскій	1,621	1,745	3,366
Летичевскій	757	833	1,590
Ямпольскій	1,192	1,343	2,535
Винницкій	944	1,062	2,006
Литинскій	896	946	1,842
Брацлавскій	1,140	1,258	2,398
Балтскій	980	931	1,911
Ольгопольскій	958	987	1,945
Гайсинскій	777	807	1,584
Итого въ губерніи. .	14,437	15,513	29,950

Волынская губернія.

Житомірскій	3,441	3,327	6,768
Новоградъ-Волынскій . . .	715	891	1,606
Заславльскій	783	842	1,625
Владиміръ-Волынскій . . .	403	570	973
Кременецкій	560	570	1,130
Старо-Константиновскій. . .	756	832	1,588
Луцкій	702	519	1,221
Ровенскій.	741	928	1,669
Острожскій	539	525	1,064
Дубенскій	1,095	1,143	2,238
Овручскій.	720	730	1,450
Ковельскій	348	357	705
Итого въ губерніи. .	10,803	11,234	22,037
Всего въ Юго-Западномъ краѣ.	32,712	34,654	67,366

Изъ этихъ данныхъ оказывается, что наибольшее число дворянъ, а именно, болѣе 6,000 душъ въ уѣздахъ: Каменецъ-Подольскомъ и Житомірскомъ; болѣе 3,000 душъ Могилевскомъ; болѣе 2,000 душъ — Бердичевскомъ, Кіевскомъ, Проскуровскомъ, Ушицкомъ, Ямпольскомъ, Винницкомъ, Брацлавскомъ и Дубенскомъ; болѣе 1,000 душъ — Сквирскомъ, Радомысльскомъ, Васильковскомъ, Липовецкомъ, Звенигородскомъ, Уманскомъ, Летичевскомъ, Литинскомъ, Балтскомъ, Ольгопольскомъ, Гайсинскомъ, Новоградъ-Волынскомъ, Заславльскомъ, Кременецкомъ, Староконстантиновскомъ, Луцкомъ, Ровенскомъ, Острожскомъ и Овручскомъ; остальные уѣзды менѣе 1,000 душъ. Наиболѣе дворянъ-католиковъ въ Подольской губерніи, а именно 44% всего католическаго дворянства Юго-Западнаго края. Дворяне-католики Волынской губерніи составляютъ 32% и Кіевской — 24. Число дворянскихъ католическихъ семействъ можно считать приблизительно до 12,000. Дворяне-католики составляютъ главнѣйшую, не только по имуществу и образованію, но и по численности, часть поляковъ здѣшняго края. Какъ ниже увидимъ, они составляютъ болѣе двухъ третей всего числа поляковъ.

Если мы обратимся къ цифрамъ, заключающимся въ таблицахъ статистическихъ комитетовъ, то увидимъ, что, напримѣръ, въ Подольской губерніи дворянъ числится 22,651 душа; между тѣмъ, по приходскихъ спискамъ ихъ считается въ этой губерніи 29,950. Мы въ правѣ считать нашу цифру болѣе вѣрною, какъ полученную изъ первоначальныхъ числовыхъ данныхъ, т. е. изъ данныхъ по каждой деревнѣ, принадлежащей къ извѣстному приходу. Въ Волынской губерніи, по свѣдѣніямъ статистическихъ комитетовъ, дворянъ числится 30,115 душъ. По нашимъ свѣдѣніямъ дворянъ-католиковъ 22,037; слѣдовательно, надо предполагать, что православныхъ дворянъ 8,078, что̀ близко къ истинѣ, такъ какъ въ Волынской губерніи, кромѣ православныхъ чиновниковъ и землевладѣльцевъ, а также проживающихъ въ городахъ отставныхъ чиновниковъ, въ Овручскомъ уѣздѣ значительное число православной „околичной“ шляхты. Что же касается до Кіевской губерніи, то данныя о дворянахъ по этой губерніи преувеличены. Такъ, по даннымъ статистическаго комитета за 1865 годъ *), дворянъ въ Кіевской губерніи числится 56,449 душъ. Въ этихъ свѣдѣніяхъ преувеличено число дворянъ въ слѣдующихъ уѣздахъ: Васильковскомъ, гдѣ ихъ показано болѣе 5,000 душъ, Таращанскомъ, гдѣ показано до 5,000 душъ, но въ особенности преувеличено въ Сквирскомъ, гдѣ числится дворянъ бо-

*) По Подольской и Волынской губ. мы имѣемъ таблицу за 1869 г., по Кіевской же за 1865 г.

лѣе 10,000 душъ, и частію въ Радомыльскомъ, гдѣ числится 8,000 душъ; въ послѣднемъ уѣздѣ, правда, проживаетъ православная околичная шляхта, но все-таки число это преувеличено; въ остальныхъ уѣздахъ число дворянъ болѣе или менѣе согласно съ дѣйствительностью. Такъ, число дворянъ по таблицамъ статистическаго комитета въ Кіевской губерніи увеличено почти на одну треть. Въ этой губерніи дворянъ не болѣе 40,000 душъ, въ томъ числѣ, какъ видно изъ нашихъ свѣдѣній, 15,379 душъ католиковъ, а остальные православные, — такъ что вообще въ Кіевской губерніи преобладаетъ дворянство православное, что̀ объясняется не только значительнымъ количествомъ православныхъ землевладѣльцевъ въ губерніи, но и многочисленностію православныхъ дворянъ, проживающихъ въ Кіевѣ, гдѣ ихъ болѣе 10,000, куда входитъ многочисленный классъ служащихъ чиновниковъ, а еще болѣе многочисленный отставныхъ чиновниковъ-пенсіонеровъ какъ военныхъ, такъ и гражданскихъ. Элементъ православнаго дворянства Подольской губерніи незначительный; въ Волынской онъ болѣе 25%, благодаря православной околичной шляхтѣ и служащему и отставному православному чиновничеству; въ Кіевской же преобладаетъ православное дворянство, благодаря же гор. Кіеву частью околичной шляхтѣ и болѣе значительному, противъ прочихъ губерній, количеству православныхъ землевладѣльцевъ. Такъ что вообще въ краѣ православное дворянство составляетъ около 33,000, т. е. около трети всего числа дворянъ. Не таково отношеніе по поземельной собственности, какъ увидимъ ниже, что̀ объясняется тѣмъ обстоятельствомъ, что православное дворянство слагается главнѣйшимъ образомъ изъ служащихъ и отставныхъ чиновниковъ и малоземельной околичной шляхты.

Примѣчаніе. По окончаніи этого труда мы получили отъ кіевскаго статистическаго комитета таблицу населенія за 1870 годъ, изъ которой оказывается, что дворянъ въ губерніи числится до 28,560 душъ обоего пола, такъ что даже меньше, чѣмъ показано у насъ, и дѣйствительно цифры дворянъ по даннымъ за 1865 годъ (вошедшимъ въ трудъ Загоскина и Воейкова) преувеличены по тѣмъ уѣздамъ, какіе выше нами указаны, а именно по таблицѣ за 1870 годъ; въ Васильковскомъ уѣздѣ дворянъ 1,278 душъ, Таращанскомъ—1,380, Сквирскомъ—1,369 и Радомыльскомъ — 1,998; слѣдовательно данныя по этимъ уѣздамъ за 1865 годъ преувеличены болѣе, чѣмъ въ 4 раза.

Число мѣщанъ-католиковъ.

Наименованіе губерній и уѣздовъ.	Мужч.	Женщ.	ИТОГО.
Кіевская губернія.			
Бердичевскій.	1,394	1,748	3,142
Сквирскій	1,300	1,306	2,606
Радомыльскій	2,471	2,492	4,963
Васильковскій	609	630	1,239

Наименованіе губерній и уѣздовъ.	Мужч.	Женщ.	ИТОГО.
Кіевская губернія.			
Кіевскій	496	517	1,013
Липовецкій	139	144	283
Таращанскій	517	470	987
Звенигородскій	196	173	369
Уманскій	239	198	437
Каневскій	300	315	615
Черкасскій	125	121	246
Чигиринскій	76	86	162
Итого въ губерніи . .	7,862	8,200	16,062
Подольская губернія.			
Проскуровскій	748	955	1,703
Каменецъ-Подольскій . . .	1,394	1,489	2,883
Ушицкій	246	272	518
Могилевскій	862	839	1,701
Летичевскій	344	414	758
Ямпольскій	507	511	1,018
Винницкій	461	456	917
Литинскій	472	475	947
Брацлавскій	359	422	781
Балтскій	318	288	606
Ольгопольскій	251	226	477
Гайсинскій	210	217	427
Итого въ губерніи . .	6,172	6,564	12,736
Волынская губернія.			
Житомірскій	6,481	6,501	12,982
Новоградъ-Волынскій . . .	4,226	4,016	8,242
Заславльскій	977	1,030	2,007
Владиміръ-Волынскій . . .	8	9	17
Кременецкій	430	480	910
Староконстантиновскій . . .	668	642	1,310
Луцкій	768	819	1,587
Ровенскій	1,698	1,712	3,410
Острожскій	878	734	1,612

Наименованіе губерній и уѣздовъ.	Мужч.	Женщ.	ИТОГО.
Волынская губернія.			
Дубенскій	498	550	1,048
Овручскій	325	335	660
Ковельскій	200	204	404
Итого въ губерніи . .	17,157	17,032	34,189
Всего въ Юго-Западномъ краѣ . .	31,191	31,796	62,987

Примѣч. Въ числѣ мѣщанъ-католиковъ показаны такъ называемые „граждане“, а также и незначительное число купцовъ католиковъ.

Между мѣщанами-католиками такихъ, которыхъ можно признать поляками, весьма незначительный процентъ. Только часть такъ называемыхъ „гражданъ“ и немногіе изъ мѣщанъ въ большихъ городахъ, каковы: Каменецъ-Подольскъ и Житомiръ, вращаясь среди польскаго общества, ополячились. Что касается до малыхъ городовъ, то тамъ изъ числа католиковъ-мѣщанъ рѣдкіе могутъ быть сочтены за поляковъ. Такъ что вообще въ числѣ католиковъ-мѣщанъ можно считать отъ 5 до 10 поляковъ и эта цифра скорѣе будетъ больше дѣйствительной, чѣмъ менѣе. Мѣщанъ-католиковъ въ Юго-Западномъ краѣ 62,987 душъ, въ томъ числѣ: въ Кіевской губерніи 16,062, Подольской — 12,736, Волынской — 34,189 душъ. Такимъ образомъ наиболѣе окатоличено мѣщанъ въ Волынской губерніи. Изъ показаннаго числа мѣщанъ поляками можно считать не болѣе 6,400 душъ, въ томъ числѣ въ Кіевской губерніи около 1,700 душъ, Подольской такое же число и Волынской около 3,000 душъ.

Число однодворцевъ-католиковъ.

Наименованіе губерній и уѣздовъ.	Мужч.	Женщ.	ИТОГО.
Кіевская губернія.			
Бердичевскій	4,950	5,018	9,968
Сквирскій	1,758	1,810	3,568
Радомысльскій	184	162	346
Васильковскій	1,900	1,923	3,823
Кіевскій	742	795	1,537
Липовецкій	1,218	1,300	2,518
Таращанскій	332	300	632
Звенигородскій	225	235	460
Уманскій	240	228	468

Наименованіе губерній и уѣздовъ.	Мужч.	Женщ.	ИТОГО.
Кіевская губернія.			
Каневскій	—	—	—
Черкасскій	172	165	337
Чигиринскій	—	—	—
Итого въ губерніи . .	11,721	11,936	23,657
Подольская губернія.			
Проскуровскій	3,082	3,244	6,326
Каменецъ-Подольскій . . .	4,772	4,835	9,607
Ушицкій	3,904	4,086	7,990
Могилевскій	2,437	2,560	4,997
Летичевскій	2,044	2,070	4,114
Ямпольскій	1,881	1,814	3,695
Винницкій	4,309	3,430	7,739
Литинскій	2,723	2,600	5,323
Брацлавскій	1,786	1,919	3,705
Балтскій	2,340	2,104	4,444
Ольгопольскій	1,007	1,048	2,055
Гайсинскій	1,584	1,757	3,341
Итого въ губерніи . .	31,869	31,467	63,336
Волынская губернія.			
Житомірскій	4,019	4,040	8,059
Новоградъ-Волынскій . . .	4,236	4,437	8,673
Заславльскій	3,733	3,923	7,656
Владиміръ-Волынскій . . .	231	241	472
Кременецкій	1,248	1,311	2,559
Староконстантиновскій . . .	2,386	2,527	4,913
Луцкій	2,463	2,507	4,970
Ровенскій	983	1,012	1,995
Острожскій	1,118	1,225	2,343
Дубенскій	607	663	1,270
Овручскій	673	743	1,416
Ковельскій	590	602	1,192
Итого въ губерніи . .	22,287	23,231	45,518
Всего въ Юго-Западномъ краѣ . .	65,877	66,634	132,511

Примѣч.: Въ числѣ однодворцевъ-католиковъ показаны такъ называемые „будники“, „рудники“ и „вольные люди“ католическаго вѣроисповѣданія.

Въ этнографическомъ очеркѣ мы сказали, что однодворцы, т. е. чиншовая, или такъ называемая „ходачковая“ шляхта, только отличается отъ малоруссовъ знаніемъ нѣсколькихъ польскихъ словъ, амбиціей и нѣкоторыми, незначительными, впрочемъ, измѣненіями въ костюмѣ. Этотъ классъ ошибочно считали поляками; между тѣмъ какъ къ полякамъ можетъ быть причислена только незначительная часть этой шляхты, а именно тѣ, которые состояли офиціалистами у пановъ-поляковъ. Ихъ тоже насчитается не болѣе 10% изъ числа однодворцевъ-католиковъ *).

Однодворцевъ-католиковъ въ Юго-Западномъ краѣ, какъ выше показано, состоитъ 132,000 душъ, въ томъ числѣ поляковъ 13,200, которые распредѣляются по губерніямъ приблизительно такъ: въ Кіевской 2,400, Подольской 6,300 и Волынской 4,500 душъ обоего пола.

Отношеніе числа поляковъ къ числу малороссовъ **).

A) Поляки противъ числа малороссовъ составляютъ не менѣе 5%.

Житомірскій у., Каменецъ-Подольскій у.

B) . . . . . отъ 4 до 5%.

Бердичевскій у.

C) . . . . . отъ 3 до 4%.

Проскуровскій, Могилевскій.

D) . . . . . отъ 2 до 3%.

Дубенскій, Новоградъ-Волынскій, Сквирскій, Липовецкій, Ушицкій, Летичевскій, Ямпольскій, Винницкій, Литинскій и Брацлавскій.

E) . . . . . отъ 1 до 2%.

Заславскій, Кременецкій, Старо-Константиновскій, Луцкій, Ровенскій, Острожскій, Овручскій, Радомысльскій, Кіевскій, Таращанскій, Уманскій, Балтскій, Ольгопольскій, Гайсинскій.

F) . . . . . менѣе 1%.

Ковельскій, Владиміръ-Волынскій, Звенигородскій, Каневскій, Черкасскій, Чигиринскій и Васильковскій.

Крестьяне-католики состоятъ отчасти изъ переселенцевъ Мазуровъ, утративших свою народность, отчасти же изъ Мазуровъ, сохранившихъ свою народность, и главнѣйшимъ образомъ изъ малороссовъ, втянутыхъ насильно

---

*) Есть также однодворцы православные, которые не входятъ въ наши разсчеты.

**) Здѣсь выражено дѣйствительное отношеніе поляковъ къ малороссамъ, какъ православнаго такъ и католическаго вѣроисповѣданія.

въ унію и затѣмъ окатоличенныхъ *). Нечего говорить, что эти послѣдніе этнографически ни чѣмъ не отличаются отъ православныхъ малороссовъ.

Такимъ образомъ къ числу поляковъ можно причислить 5,060 душъ, крестьянъ католиковъ-мазуровъ, проживающихъ главнѣйшимъ образомъ въ Проскуровскомъ уѣздѣ въ селахъ: Гречанахъ, Шаровечкахъ, Мацковцахъ, Зарѣзьѣ и Лезневой, а также среди другого населенія въ Балтскомъ, Ольгопольскомъ и Винницкомъ уѣздахъ. Крестьянъ-католиковъ, какъ выше показано, 126,236 душъ; наибольшее число окатоличено въ Подольской губерніи, гдѣ такъ сильна была пропаганда уніи.

Число крестьянъ-католиковъ.

Наименованіе губерній и уѣздовъ.	Мужч.	Женщ.	ИТОГО.
Кіевская губернія.			
Бердичевскій	177	247	424
Сквирскій	110	113	223
Радомысльскій	29	29	58
Васильковскій	60	63	123
Кіевскій	76	73	149
Липовецкій	50	63	113
Таращанскій	12	14	26
Звенигородскій	10	12	22
Уманскій	17	4	21
Каневскій	—	—	—
Черкасскій	45	36	81
Чигиринскій	4	4	8
Итого въ губерніи	590	658	1,248
Подольская губернія.			
Проскуровскій	14,430	14,217	28,647
Каменецъ-Подольскій	6,044	6,179	12,223
Ушицкій	5,141	5,215	10,356
Могилевскій	4,869	4,978	9,847
Летичевскій	4,841	4,909	9,750
Ямпольскій	3,876	4,101	7,977
Винницкій	2,082	2,116	4,198

*) Есть также нѣкоторая часть изъ бывшихъ однодворцевъ, обращенныхъ помѣщиками въ крѣпостное состояніе.

Наименованіе губерній и уѣздовъ.	Мужч.	Женщ.	ИТОГО.
Подольская губернія.			
Литинскій	2,507	2,654	5,161
Брацлавскій	1,524	1,597	3,121
Балтскій	147	134	281
Ольгопольскій	1,372	1,353	2,725
Гайсинскій	175	180	355
Итого въ губерніи . .	47,008	47,633	94,641
Волынская губернія.			
Житомірскій	200	202	402
Новоградъ-Волынскій . . .	1,487	1,492	2,979
Заславскій	668	734	1,402
Владиміръ-Волынскій . . .	5,114	5,511	10,625
Кременецкій	3,242	3,276	6,518
Старо-Константиновскій . .	1,312	1,440	2,752
Луцкій	508	540	1,048
Ровенскій	440	459	899
Острожскій	644	531	1,175
Дубенскій	241	263	504
Овручскій	542	548	1,090
Ковельскій	474	479	953
Итого въ губерніи . .	14,872	15,475	30,347
Всего въ Юго-Западномъ краѣ . .	62,470	63,766	126,236

Сопоставимъ теперь итоги католиковъ по сословіямъ:

	Дворянъ.	Мѣщанъ.	Однодвор.	Крестьянъ.	Итого.
Кіевской губ. . .	15,379	16,062	23,657	1,248	56,346
Подольской . . .	29,950	12,736	63,336	94,641	200,663
Волынской. . . .	22,037	34,189	45,518	30,347	132,091
Итого . .	67,366	62,987	132,511	126,236	389,100

Выразимъ то же самое въ процентахъ:

Кіевской	27,23%	28,55%	42,01%	2,21%
Подольской . . .	14,93	6,33	31,57	47,17
Волынской . . .	25,83	16,69	34,50	22,98
Итого . . .	17,31	16,18	34,07	33,44

Изъ этихъ данныхъ оказывается, что въ краѣ число дворянъ и число мѣщанъ-католиковъ почти одинаково; при чемъ каждое изъ этихъ сословій составляетъ въ числѣ католиковъ по одной шестой части, а однодворцы и мѣщане-католики, которыхъ цифры почти сходны, составляютъ каждое почти по двѣ шестыхъ числа католиковъ. Наибольшему окатоличенію подверглась Подольская губернія, наименьшему — Кіевская.

Обозрѣвая данныя о католикахъ каждаго сословія, мы говоримъ на сколько это сословіе можетъ быть причислено къ составу польскаго населенія. Теперь сведемъ эти данныя:

Число поляковъ Юго-Западнаго края.

	Дворянъ.	Мѣщанъ.	Однодворц.	Крестьянъ.	Итого.
Кіевской губ. .	15,379	1,700	2,400	— до	19,500
Подольской . .	29,950	1,700	6,300	5,060	43,000
Волынской . .	22,037	3,000	4,500	—	28,500
Всего . .	67,366	6,400	13,200	5,060	91,000

Такимъ образомъ въ числѣ католиковъ поляки далеко не преобладаютъ; они составляютъ всего 25%; остальные 75% католиковъ—малоруссы, которыхъ около 298,000 душъ, такъ что, съ православными малоруссами, которыхъ около 4.450,000, все малорусское населеніе Юго-Западнаго края составляетъ около 4,750,000 душъ обоего пола. На это многочисленное населеніе поляки составляютъ ничтожный процентъ, что́ видно изъ слѣдующихъ за симъ процентныхъ отношеній.

Экономическія данныя о русскомъ и польскомъ землевладѣніи въ юго-западномъ краѣ. — До 1862 года землевладѣніе русское и польское находились въ слѣдующемъ отношеніи:

ПРИНАДЛЕЖАЛО ПОЛЯКАМЪ:

	Имѣній.	Душъ крест.	Какая часть всѣхъ крест.	Количество земли въ %
Волынская губ.	2,887	817,327	18/19	92%
Подольская	1,194	930,927	6/7	90
Кіевская	1,412	896,251	3/4	85

РУССКОЕ ЗЕМЛЕВЛАДѢНІЕ:

Кіевская губ..	357	250,000	1/4	15%
Подольская	137	135,000	1/8	10
Волынская	160	46,000	1/18	8

Въ настоящее время землевладѣніе измѣнилось; русское землевладѣніе почти удвоилось со времени крестьянской реформы, и если въ 1862 г. оно простиралось до 900,000 десятинъ, то въ настоящее время простирается приблизительно до 1.500,000 десятинъ.

У польскихъ помѣщиковъ состоитъ земли:

въ Кіевской губ. до	1.500,000	десятинъ.
„ Подольской . .	1.800,000	„
„ Волынской . .	2.700,000	„
Итого . .	6.000,000	десятинъ.

Такимъ образомъ русскіе помѣщики владѣютъ одною пятой или 20% всей помѣщичьей земли. Цѣнность поземельной собственности польскихъ помѣщиковъ будетъ простираться приблизительно на сумму до 180.000,000 рублей, а цѣнность поземельной собственности русскихъ помѣщиковъ до 45.000,000 руб. Слѣдующія данныя покажутъ состояніе землевладѣнія бывшихъ помѣщичьихъ крестьянъ:

	Общее число выкуп. акт. и сдѣлокъ.	Число крест. выкуп. надѣл.	Количество выкуп. земли.	Выкупная ссуда.
Кіевская . .	2,082	517,442	1.279,306	35.447,595
Подольская .	2,251	493,177	1.154,614	33.545,307
Волынская .	3,366	377,529	1.434,273	19.691,402
Итого .	7,699	1.388,148	3.868,193	88.684,304

Но такъ какъ нѣкоторые выкупные акты еще не совершены, то крестьянское землевладѣніе можно считать простирающимся до 4,000,000 *) десятинъ, составляющихъ цѣнность до 120.000,000 рублей.

Такимъ образомъ землевладѣніе русскихъ помѣщиковъ и русскихъ крестьянъ менѣе землевладѣнія польскихъ помѣщиковъ; впрочемъ, если присоединить еще землевладѣніе государственныхъ крестьянъ, то составится небольшой перевѣсъ русскаго землевладѣнія, съ тою только разницею, что у 6,000 поляковъ помѣщиковъ столько же земли сколько у 1,000 русскихъ помѣщиковъ и 700,000 семействъ русскихъ крестьянъ.

Мы уже сказали, что цѣнность польскихъ имѣній простирается до 180,000,000 руб., ремонтъ въ этихъ имѣніяхъ простирается не менѣе

---

*) Крестьянъ, освобожденныхъ отъ крѣпостной зависимости, въ Юго-Западномъ краѣ до 3,070,000 душъ обоего пола, слѣдовательно, на наличную душу придется земли около 1 1/3 десят.

какъ на 45.000,000 руб., слѣдовательно, цѣнность имѣній и хозяйства польскихъ помѣщиковъ равняется 225.000,000 руб., да выкупныхъ платежей за крестьянскій надѣлъ на ихъ долю причтется до 70.000,000 руб., что вмѣстѣ съ предъидущимъ составитъ до 300.000,000 руб. Кромѣ этого во владѣніи польскихъ помѣщиковъ до 270 мѣстечекъ, капитализируя доходъ которыхъ получимъ цѣнность до 25.000,000 руб. Имъ принадлежитъ 64 сахарныхъ завода, цѣнность которыхъ простирается до 10.000,000 руб.; до 500 винокурень и до 5,000 мельницъ, на сумму до 15.000,000 руб. Слѣдовательно, цѣнность хозяйства и заведеній польскихъ помѣщиковъ здѣшняго края простирается до 350.000,000 рублей, не считая домовъ въ большихъ городахъ; если же присоединить и эти послѣдніе, то почти безошибочно можно сказать, что недвижимая собственность и хозяйство польскихъ помѣщиковъ представляетъ цѣнность въ 400.000,000 руб. Ежегодный доходъ этихъ помѣщиковъ будетъ состоять: отъ имѣній, по меньшей мѣрѣ до 20.000,000 руб., отъ винокуренія и пропинаціи до 3.000,000 руб,; отъ сахарныхъ заводовъ до 2.000,000 руб.; доходъ съ мѣстечекъ до 2.000,000 руб.; отъ мельницъ до 1.500,000 руб. и домовъ до 1.500,000 руб., такъ что ежегодный доходъ ихъ простирается до 30.000,000 руб., или другими словами, среднимъ числомъ до 5,000 рублей на каждаго помѣщика.

Вотъ въ краткихъ чертахъ экономическое значеніе поляковъ въ здѣшнемъ краѣ. Что касается поляковъ не-помѣщиковъ, то ихъ экономическое значеніе ничтожно: это—или существующіе отъ частной службы въ имѣніяхъ и заводахъ, или мелкіе арендаторы земель, или домовладѣльцы въ городахъ. Семейства вышепоказаннаго числа помѣщиковъ составятъ около половины польскаго населенія въ здѣшнемъ краѣ, остальную часть составятъ вышеупомянутыя лица.

ПРИЛОЖЕНІЕ.

О ВЕЛИКОРУССАХЪ, ПРОЖИВАЮЩИХЪ И ПОСЕЛИВШИХСЯ ВЪ ЮГО-ЗАПАДНОМЪ КРАѢ.

Къ числу великороссовъ, проживающихъ въ краѣ, должны быть отнесены: во-первыхъ, значительнѣйшая часть чиновниковъ и русскихъ землевладѣльцевъ Юго-Западнаго края, а также часть купечества г. Кіева и небольшая часть въ другихъ большихъ городахъ и во вторыхъ, старообрядцы, поселившіеся издавна въ этомъ краѣ. Первыхъ около 15,000 д. обоего пола; вторыхъ до 25,000 д. обоего пола. Къ великоруссамъ-же слѣдуетъ причислить мастеровъ, какъ-то: каменьщиковъ, плотниковъ, штукатуровъ, и другихъ, постоянно проживающихъ въ краѣ на заводахъ и въ городахъ. Такъ что постоянно проживающихъ въ краѣ великороссіянъ слѣдуетъ считать около 50,000 душъ обоего пола. Здѣсь не принято во вниманіе войска, какъ не составляющаго постояннаго населенія края. Раскольники распредѣляются по губерніямъ такъ: въ Подольской около 13,000, Кіевской болѣе 7,000 и Волынской менѣе 5,000 душъ обоего пола. А вообще великороссіяне распредѣляются приблизительно такъ: въ Кіевской губерніи до 22,000 душъ, Подольской до 18,000 и Волынской до 80,000 душъ. Что касается старообрядцевъ, то они вообще народъ весьма дѣятельный. Главнѣйшее занятіе ихъ арендованіе садовъ и баштановъ, а частію рыбныхъ ловель и мельницъ; кромѣ того, между ними есть грабарщики, и вообще ремесленники какъ, наприм., мастера, выдѣлывающіе повозки, какъ, наприм., въ Чернобылѣ. Они сохранили свои великорусскіе нравы, хотя въ жилищахъ и частію въ языкѣ отразилось вліяніе господствующаго населенія. Старообрядцы эти большею частію Филиповцы, почему ихъ и называли здѣсь поляки Филипонами. Малороссы ихъ называютъ русскими. Они не имѣютъ въ религіозномъ отношеніи ни малѣйшаго вліянія на мѣстное населеніе. Надо замѣтить, что они не отличаются фанатизмомъ, такъ что между ними и православными устраиваются браки и дѣти ихъ дѣлаются православными.

Кромѣ того, въ Юго-Западномъ краѣ производятъ разносный торгъ офени, преимущественно изъ старообрядцевъ Черниговской губерніи. Они главнѣйшимъ образомъ сбираютъ товары отъ бр. Гусевыхъ, одинъ изъ которыхъ проживаетъ въ м. Городищѣ, Черкасскаго уѣзда. Нельзя не упомянуть также о значительномъ числѣ великоруссовъ мастеровыхъ, являющихся ежегодно въ край для заработковъ, а на зиму возвращающихся домой. Такимъ образомъ, если принять во вниманіе число великоруссовъ, приходящихъ въ край для работъ, офени и великороссовъ солдатъ, состоящихъ въ квартирующихъ войскахъ, то получится до 100,000 душъ обоего пола.

Приведемъ теперь данныя о болѣе значительныхъ раскольничьихъ поселеніяхъ въ Юго-Западномъ краѣ.

О великоросіянахъ-раскольникахъ Юго-Западнаго края.

Названіе уѣздовъ и поселеній Кіевской губерніи.	Число дворовъ.	Число душъ. Мужчинъ.	Женщинъ.	Итого.
Г. Кіевъ	40	173	186	359
Кіевскій уѣздъ.				
Въ д. Почтовой Ветѣ . .	4	10	12	21
	44	183	198	381
Радомысльскій уѣздъ.				
Въ с. Кошарищахъ .	94	128	137	265
» д. Новоселкѣ . . .	30	87	99	186
» слоб. Покровской . .	80	189	199	388
» » Андреевской . .	32	61	75	136
» » Рафаловской . .	13	26	38	64
» » Красиловской. .	207	498	532	1,030
» » Замошьѣ . . .	48	212	263	475
» д. Костановкѣ . . .	4	9	7	16
» » Стрижовкѣ . . .	3	8	8	16
» м. Чорнобылѣ . . .	98	231	251	482
	579	1,449	1,609	3,051

Названіе уѣздовъ и поселеній Кіевской губерніи.	Число дворовъ.	Число душъ. Мужчинъ.	Женщинъ.	ИТОГО.
Бердичевскій уѣздъ.				
Слоб. Кустинъ	11	71	67	138
С. Большая Пятигорка. .	7	13	19	32
	18	84	86	170
Уманьскій уѣздъ.				
Въ г. Уманѣ	2	6	11	17
Въ с. Манковкѣ . . .	1	3	4	7
	3	9	15	22
Васильковскій уѣздъ.				
Въ г. Васильковѣ . . .	2	8	7	15
Таращанскій уѣздъ.				
В. г. Таращѣ, Сс. Сухомъ-Яру, Тихомъ-Хуторѣ, Стрижковкѣ, Василихѣ, Жашковѣ и Пятигорахъ	11	28	25	53
Черкасскій уѣздъ.				
Въ м. Городищѣ . . .	3	9	6	15
Въ г. Черкассахъ . . .	195	957	1,093	2,050
Въ м. Смѣлой	60	139	166	305
	258	1,105	1,265	2,370
Звенигородскій уѣздъ				
Въ гор. Звенигородѣ и мѣст. Лысянкѣ	14	64	44	108
Всего въ Кіевской губ. . .	929	2,930	3,249	6,126
ПОДОЛЬСКАЯ ГУБЕРНІЯ.				
Ямпольскій уѣздъ.				
С. Бушинка	30	105	124	229
С. Косница	13	40	51	91

Названіе уѣздовъ и поселеній Подольской губерніи.	Число дворовъ.	Число душъ. Мужчинъ.	Женщинъ.	ИТОГО.
Ямпольскій уѣздъ.				
Въ слоб. Боровской. . .	74	205	198	403
С. Евфимовка	36	117	129	246
„ Пеньковка	11	35	40	75
	164	502	542	1,044
Винницкій уѣздъ.				
Въ с. Медвѣжьемъ-Ушкѣ .	90	96	102	198
„ „ Жуковцахъ . . .	200	375	351	726
„ „ Борсковѣ . . .	400	750	758	1,508
„ „ Людавкѣ . . .	200	257	302	559
„ д. Курникѣ . . .	40	125	145	270
„ предмѣстьи г. Винницы	11	30	30	60
	741	1,633	1,688	3,321
Ушицкій уѣздъ.				
Въ д. Катериновкѣ. . .	34	117	137	254
Балтскій уѣздъ.				
М. Голованьевскъ . . .	2	9	7	16
М. Богополье	7	15	19	34
Д. Казимировка . . .	17	40	55	95
	26	64	81	145
Ольгопольскій уѣздъ.				
Въ слоб. Пилипоновкѣ. .	94	310	314	624
„ с. Куреневкѣ . . .	21	74	80	154
„ д. Анютинѣ	8	26	27	53
	123	410	421	831
Летичевскій уѣздъ.				
М. Снитовка	2	7	7	14
Въ д. Шаркахъ . . .	12	57	49	106

Названіе уѣздовъ и поселеній. Подольской губерніи.	Число дворовъ.	Число душъ. Мужчинъ.	Женщинъ.	ИТОГО.
Летичевскій уѣздъ.				
М. Деражна	24	76	78	154
Въ д. Криничной . . .	6	17	15	32
С. Зябковцы.	5	22	13	35
Въ д. Шенеховѣ . . .	1	12	9	21
Женишковцахъ	39	112	114	226
	89	303	285	588
Брацлавскій уѣздъ.				
Въ м. Тростянцѣ . . .	2	7	6	13
„ Тульчинѣ . . .	2	10	11	21
Въ г. Брайловѣ . . .	11	27	35	62
Въ д. Сорокодубахъ . .	123	150	178	328
Въ д. Перепелихахъ . .	33	49	59	108
Въ д. Шурѣ-Копіевской .	121	341	361	702
	292	584	650	1,234
Литинскій уѣздъ.				
Въ каз. с. Бруслиновѣ .	7	25	27	52
„ с. Межировѣ. . . .	—	1	—	1
„ слоб. Чернятинской . .	73	170	173	343
„ г. Литинѣ	73	215	265	480
	153	411	465	876
Могилевскій уѣздъ.				
Въ г. Барѣ	14	52	61	113
Гайсинскій уѣздъ.				
Въ г. Гайсинѣ	14	33	42	75
Проскуровскій уѣздъ.				
Въ м. Ярмолинцахъ . .	5	15	19	34
Всего въ Подольской губ. .	1,655	4,124	4,391	8,515
ВОЛЫНСКАЯ ГУБЕРНІЯ.				
Овручскій уѣздъ.				
Въ г. Овручѣ	3	16	16	32
„ Человкѣ	12	65	70	135

Названіе уѣздовъ и поселеній Волынской губерніи.	Число дворовъ.	Число душъ. Мужчинъ.	Женщинъ.	ИТОГО.
Овручскій уѣздъ.				
Въ Жабчѣ	7	34	35	69
„ Бродникѣ	16	79	80	159
„ Зарѣчской Добрицѣ .	39	201	202	403
„ Малинкѣ	11	51	51	102
„ Мамчѣ	9	38	39	77
„ Пятидубѣ	4	18	18	36
	101	502	511	1,013
Кременецкій уѣздъ.				
Въ м. Лановцахъ . . .	1	3	3	6
„ с. Борсукахъ . . .	1	10	2	12
„ „ Юсковцахъ . . .	1	2	3	5
	3	15	8	23
Острожскій уѣздъ.				
Въ д. Шляховой . . .	5	30	40	70
„ с. Новомалинѣ . . .	1	3	4	7
	6	33	44	77
Новоградъ-Волынскій уѣздъ.				
Въ г. Новоградъ-Волынскѣ	7	32	40	72
„ д. Янушевкѣ . . .	60	200	210	410
„ м. Романовѣ . . .	4	17	16	33
„ „ Любирѣ	7	13	11	24
	67	261	277	538
Житомирскій уѣздъ.				
Въ слоб. Шляковой Руднѣ	10	45	54	99
„ д. Кродиной . . .	4	19	22	41
„ „ Дворцѣ	4	17	17	34
„ „ Ступникахъ . . .	9	42	38	80
„ д. Должникахъ . . .	11	50	57	107
„ „ Моисеевкѣ . . .	4	16	18	34

Названіе уѣздовъ и поселеній Волынской губерніи.	Число дворовъ.	Число душъ. Мужчинъ.	Женщинъ.	ИТОГО.
Житомірскій уѣздъ.				
Въ м. Чудновѣ	6	24	26	50
„ д. Садкахъ	3	10	16	26
„ слоб. Сосновицкой . .	6	24	27	51
„ село Пилипахъ . . .	40	123	122	245
„ слоб. Ворононкѣ. . .	16	33	34	67
„ д. Ольшанкѣ. . . .	5	14	20	34
„ г. Житомірѣ. . . .	72	387	383	770
	236	804	834	1,638
Луцкаго уѣзда:				
Въ с. Иванищахъ . . .	2	9	7	16
„ м. Рафаловкѣ . . .	32	122	127	249
	34	131	134	265
Всего въ Волынской губер.	447	1,746	1,808	3,554
Всего въ Юго-Западномъ краѣ .	3,031	8,800	9,448	18,195

О нѣмцахъ поселившихся въ Юго-западномъ краѣ.

Нѣмцы, проживающіе въ Юго-западномъ краѣ, могутъ быть отнесены къ двумъ категоріямъ. Нѣмцы привилегированнаго класса и капиталисты составляютъ одну категорію и нѣмцы колонисты, а частію ремесленники — другую. Къ первой категоріи принадлежатъ преимущественно нѣмцы, русскіе подданные, какъ состоящіе на государственной службѣ, такъ и отставные, нѣкоторые землевладѣльцы, негоціанты, а равно владѣльцы значительныхъ ремесленныхъ заведеній въ Кіевѣ и другихъ большихъ городахъ, а также и техники на нѣкоторыхъ заводахъ. Ко второй категоріи принадлежатъ нѣмцы-колонисты и частію фабричные мастера. Къ первой категоріи можетъ быть отнесено до 4,000 душъ и ко второй до 29,000 душъ, такъ что вообще нѣмцы составятъ до 33,000 душъ. Собственно нѣмцы-колонисты составляютъ до 27,000 душъ.

Начало поселенія нѣмцевъ колонистовъ въ Юго-Западномъ краѣ относится къ 1791 г. Такъ образовалось въ имѣніи Потоцкаго поселеніе близъ Махновки-Михалинъ. Колонистамъ были дарованы владѣльцемъ разныя льготы и пособія. Затѣмъ въ началѣ нынѣшняго столѣтія вблизи Острога образо-

валась колонія Карлосъ-Вальдъ; въ 1804 г. около м. Кунева—Антоновка; въ 1817 году—Вальдъ-Гойма. Изъ выходцевъ этихъ колоній уже въ послѣднее почти время основались: Ядвининъ, Гриншталь, Фирштендорфъ, Фирштенталь. Въ 1811 г. основана Софіевка въ Ровенскомъ уѣздѣ; въ 1816 г. Александровка—Владимірскаго уѣзда; въ 1817 г. Х. Чарковскаго—Дубенскаго уѣзда; въ 1824 году, Голендры—Владимірскаго уѣзда; въ 1832 и 1833 г. возникли самыя значительныя поселенія въ Кіевской и Подольской губерніяхъ: въ Дунаевцахъ и Люгилевкѣ—Ушицкаго у. и въ Корыстышевѣ Радомыслъскаго у. Эти поселенія замѣчательны производствомъ суконъ. Въ 1835 г. основаны: Старый-Запустъ и Станиславовка Луцкаго уѣзда; въ 1836 г. Шрахдорфъ Новоградволынскаго уѣзда. Съ 1840 по 1860 г. образовалась 21 колонія. Послѣ крестьянской реформы движеніе нѣмецкой колонизаціи пошло еще быстрѣе, такъ что въ теченіи послѣднихъ 10 лѣтъ поселилось на Волыни около 5,500 семействъ, т. е. въ шесть разъ болѣе, чѣмъ въ предшествовавшіе 10 лѣтъ.

Изъ записки объ иностранныхъ поселенцахъ Юго-Западнаго края, составленной г. Воронинымъ по порученію главной мѣстной администраціи, видно, что изъ показаннаго числа болѣе $^1/_3$ поселенцевъ (1450 сем.) внесли сюда не одни рабочія руки и свой личный трудъ, но и значительный капиталъ, давшій имъ возможность пріобрѣсти въ собственность до 30 т. десятинъ земли, на которой они образовали до 47 самостоятельныхъ поселковъ; а 3,858 семействъ основали 198 такихъ же поселковъ на земляхъ частныхъ владѣльцевъ, у которыхъ они взяли въ аренду болѣе 42 т. десят. земли. Нѣмцы-колонисты поселились главнѣйшимъ образомъ въ Волынской губ. почти исключительно въ Полѣсьѣ. На Кіевскую и Подольскую губ. приходится едва 10% изъ общаго числа нѣмцевъ колонистовъ. Наиболѣе нѣмцевъ-колонистовъ въ Луцкомъ уѣздѣ, гдѣ ихъ до 7,000 душъ; за тѣмъ болѣе 5,000 душъ въ Ровенскомъ, до 5,000 душъ въ Новоградволынскомъ и до 4,000 въ Житомірскомъ. Въ хозяйство ими затрачено болѣе 1.000,000 руб. серебромъ. Нѣмецкіе поселки не образуютъ сплошной массы, какъ наши села; колонія состоитъ изъ разбросанныхъ на значительномъ разстояніи отдѣльныхъ дворовъ; каждый дворъ находится въ центрѣ разработанныхъ семействомъ колониста изъ-подъ лѣса земель, что̀ весьма удобно для хозяйства. Колонисты занимаются земледѣліемъ, причемъ важную роль играетъ молочное хозяйство, какъ-то: выдѣлка масла и сыра. Скотъ и лошади у нихъ хороши и, надо замѣтить, что о скотѣ они очень заботятся. Устраивая свою усадьбу, колонистъ прежде всего старается устроить помѣщеніе для скота, которое у него прежде бываетъ окончено, чѣмъ жилой домъ, и это помѣщеніе для скота подъ одною кровлей съ домомъ — всегда

достаточно теплое. Точно также колонистъ сперва расчищаетъ землю подъ сѣнокосъ и огородъ и затѣмъ уже на другой годъ подъ пашню. Въ жилищахъ у нѣмцовъ-колонистовъ далеко не на столько чисто, какъ можно было бы ожидать отъ аккуратныхъ нѣмцевъ. Съ мѣстнымъ населеніемъ они не имѣютъ не только ничего общаго, но большею частію находятся во враждѣ съ нимъ и не оказываютъ ни какого вліянія на хозяйство малоруссовъ. Не смотря на значительное число поселившихся въ Юго-Западномъ краѣ нѣмцевъ, только 5,966 душъ записаны по ревизіи, а остальные не пожелали принять русскаго подданства и проживаютъ въ краѣ въ качествѣ иностранцевъ. Такимъ образомъ большая часть нѣмцевъ колонистовъ составляютъ status in statu; они образуютъ свое самоуправленіе; заводятъ молельни и школы по своему усмотрѣнію и въ спорахъ съ мѣстнымъ населеніемъ обращаются къ дипломатическимъ агенствамъ своихъ правительствъ. Ведя лучше хозяйство и будучи лучшими ремесленниками, они представляютъ для мѣстнаго хозяйства и ремесленнаго труда сильную конкурренцію, не неся повинностей и не дѣлаясь вообще гражданами, такъ что, къ сожалѣнію, ихъ нельзя не считать узурпаторами.

Приведемъ теперь собранныя нами данныя о составѣ каждаго нѣмецкаго поселенія:

КІЕВСКАЯ ГУБЕРНІЯ.	Число дворовъ.	Число душъ: Мужчинъ.	Женщинъ.	ИТОГО.
Кіевскій уѣздъ:				
При д. Небражѣ посел. Ольгино	19	45	44	89
„ с. Пашковѣ посел. Паулиновка	16	41	35	76
Въ „ Колонщинѣ	15	35	35	70
	50	121	114	235
Радомысльскій уѣздъ:				
При городѣ Радомыслѣ. .	17	42	41	83
Колон. Еленовка. . . .	16	38	43	81
„ Казимировка. . .	3	7	8	15
„ Малиндорфъ. . .	29	87	76	163
„ Романдорфъ . . .	30	93	85	178
„ Морозовка . . .	10	34	38	72
Сл. Залѣсье	38	98	84	182
	143	399	375	774

	Число дворовъ.	Число душъ. Мужчинъ.	Женщинъ.	Итого.
КІЕВСКАЯ ГУБЕРНІЯ.				
Бердичевскій уѣздъ:				
Кол. Михалинъ	52	123	125	248
Сквирскій уѣздъ:				
Въ д. Труцовкѣ . . .	5	16	11	27
„ сл. Никотъ	9	28	21	49
	14	44	32	76
Всего въ Кіевской губер. . .	259	687	646	1,333
ПОДОЛЬСКАЯ ГУБЕРНІЯ.				
Ямпольскій уѣздъ:				
С. Янкуловъ	10	29	28	57
Кол. Краснодаль . . .	20	58	60	118
Д. Москва	3	10	8	18
С. Боровки	2	4	8	12
„ Рахны-Лѣсовые . .	1	6	3	9
	36	107	107	214
Ушицкій уѣздъ:				
Въ м. Дунаевцахъ и с. Могилевкѣ				
Ольгопольскій уѣздъ:				
Кол. Антокенталь . . .	54	132	143	275
М. Каменка	51	132	131	263
	105	264	274	538
Балтскій уѣздъ:				
Хут. Тростянцы	7	16	18	34
Литинскій уѣздъ:				
Новый Константиновъ . .	4	10	8	18
Хут. Барская (Нѣмечина).	6	17	13	30
	17	43	39	82

ПОДОЛЬСКАЯ ГУБЕРНІЯ.	Число дворовъ.	Число душъ. Мужчинъ.	Женщинъ.	Итого.
Брацлавскій уѣздъ:				
М. Тростянецъ	2	7	5	12
Тульчинъ.	4	9	11	20
М. Немировъ	14	35	48	83
	20	51	64	115
Всего въ Подольской губер. .	185	465	484	949

ВОЛЫНСКАЯ ГУБЕРНІЯ.

Новоградъ-Волынскій уѣздъ.

Кол. Дезидерфъ	2	8	4	12
„ Вальдгеймъ . . .	14	36	42	78
„ Дорофлевка . . .	18	57	54	111
„ Анета	25	109	126	235
„ Фриденсдорфъ . . .	17	41	43	84
„ Маковица	5	15	15	30
„ Юзефинъ	14	44	51	95
„ Александровка. . .	10	40	37	77
„ Марянинъ	49	136	150	286
„ Дубровка	13	40	49	89
„ Наталія	33	112	115	227
„ Зайгенсталь . . .	31	76	78	154
„ Борисовка	16	34	45	79
„ Непознаничи . . .	51	136	134	270
„ Антонина	11	30	21	51
„ Варваровка . . .	24	60	71	131
„ Старая-Гута . . .	12	37	34	71
„ Ѳедоровка	7	15	13	28
„ Маргаритовка . . .	16	45	52	97
„ Николаевка . . .	11	33	33	66
„ Гофмановка . . .	20	54	53	107
„ Александердорфъ . .	18	42	41	83
„ Глинсталь	46	106	97	203
„ Владинъ	30	80	62	142
„ Муравня	45	123	114	237

ВОЛЫНСКАЯ ГУБЕРНІЯ.	Число дворов.	Число душъ. Мужчинъ.	Женщинъ.	Итого.
Новоградъ-Волынскій уѣздъ.				
Кол. Недбаевка	40	138	160	298
„ Амалинка	30	123	112	235
„ Уляновка	29	69	85	154
„ Назендорфъ . . .	28	72	68	140
„ Шендорфъ	28	73	58	131
„ Фраденсдорфъ . . .	21	54	58	112
„ Рубляновка. . . .	19	66	68	134
„ Дубляновка . . .	19	66	68	134
„ Дубовая	25	76	84	160
„ Средній-Куринъ . .	6	23	16	39
Итого въ Новоградвол. уѣздѣ	764	2,203	2,243	4,446
Овручскій уѣздъ.				
Въ вол. Горщикъ и Погорѣлой	115	291	300	591
Владимірскаго уѣзда.				
Вол. Свиржевская-Голендра	40	128	133	261
„ Забужская-голендра .	49	145	124	269
„ Александровка. . .	41	130	140	270
При с. Береskѣ. . . .	41	130	125	255
„ м. Огоритичахъ . .	51	145	162	307
„ с. Маковичахъ . .	59	140	113	253
Итого въ Владимір. уѣздѣ .	274	818	797	1,615
Луцкій уѣздъ.				
Вол. Копачевская-Пасѣка .	4	12	15	27
М. Рожище	17	75	69	145
Кол. Вольпянка	19	83	79	162
„ Валеріяновка . . .	26	360	351	711
„ Ольгановка. . . .	22	90	88	178
„ Тарноволя	26	120	123	243
„ Топульно	12	34	30	64

ВОЛЫНСКАЯ ГУБЕРНІЯ.

Луцкій уѣздъ.

	Число дворовъ.	Число душъ. Мужчинъ.	Женщинъ.	ИТОГО.
Кол. Чебени	3	11	8	19
„ Радыни	29	108	114	222
„ Глинище	15	46	48	94
„ Зиньковичи	9	20	23	43
„ Александровка	44	56	163	319
„ Дмитровка	12	35	32	67
„ Новое-Дубище	8	21	29	50
„ Цегельня	13	45	47	92
„ Вичинская	14	35	41	76
„ Романовка	13	49	36	65
„ Новоселка	12	43	28	71
„ Юзефина	7	24	33	57
„ Пожарковская Будка	1	2	5	6
„ Серники	19	45	61	106
„ Змининѣцъ	6	16	16	32
„ Антоновка	13	56	36	87
„ Гнидова	16	72	68	140
„ Рокини	16	101	98	199
„ Магеровщина	6	19	20	39
„ Збинь	5	14	18	32
„ Павловъ	8	28	38	66
„ Юльяновъ	6	19	23	42
„ Запустъ	17	69	74	140
„ Уляники	5	18	13	31
„ Заставы	8	28	29	57
„ Людвиковъ	10	37	32	69
„ Адамовъ	11	32	35	67
„ Голоды	27	85	91	177
„ Михаловка	6	18	20	38
„ Липовъ	12	33	40	73
„ Галькевичизна	5	15	17	32
„ Брониславовка	3	7	6	16
„ Городыни	19	78	80	158
„ Станиславовка	59	125	150	275

ВОЛЫНСКАЯ ГУБЕРНІЯ.	Число дворовъ.	Число душъ. Мужчинъ.	Женщинъ.	ИТОГО.
Луцкій уѣздъ.				
Кол. Осова	32	91	102	193
„ Семринка	11	24	31	55
„ Литва	5	15	18	33
„ Новая-Земля. . . .	22	70	72	142
„ Винцентовка . . .	18	46	48	94
„ Добро	3	8	9	17
„ Старый Запустъ . .	33	80	82	162
„ Станиславовка. . .	20	38	40	78
„ Носачевичи . . .	11	18	19	37
„ Теременская . . .	13	25	24	49
„ Богусловка. . . .	20	38	40	78
„ Антоновка	22	41	42	83
„ Олешковичи . . .	35	92	91	183
„ Юзефинъ	30	90	92	182
„ Жолобовъ	3	8	9	17
„ Борстиновъ. . . .	15	20	17	37
„ Цециліевка. . . .	12	48	48	96
„ Немирская	11	18	27	45
„ Роковщизна . . .	15	38	42	80
„ Жабокржичизна . .	6	15	18	33
Д. Подубцы	8	27	23	50
Кол. Марьяновка . . .	9	31	26	57
„ Гнидавская. . . .	35	62	67	129
С. Боголюбы	24	51	49	100
Кол. Боголюбская . . .	4	12	17	29
„ Кіяжская	10	18	22	40
„ Дорошиская . . .	11	25	31	56
	1,021	3,326	3,437	6,763
Заславскаго уѣзда:				
Кол. Дермянка	14	53	35	88
„ Марьяновка . . .	11	41	42	83
„ Капитульщина . . .	15	41	37	78
М. Шепетовка. . . .	5	15	12	27
„ Славута.	31	103	79	182
	76	253	205	458

ВОЛЫНСКАЯ ГУБЕРНІЯ.	Число дворовъ.	Число душъ. Мужчинъ.	Женщинъ.	ИТОГО.
Дубенскаго уѣзда.				
При д. Большихъ и Малыхъ Загорцахъ, уроч. Заборѣ, с. Черкасскомъ, д. Каролинкѣ	24	69	65	134
При с. Корытахъ, въ уроч. Фалковщина, Волковня и Дорогостойчина . . .	31	81	76	157
При с. Большомъ-Городищѣ	21	57	50	107
М. Берестечко	12	31	27	58
	88	238	218	456
Острожскаго уѣзда.				
Колон. Королёвидъ, Ледвининъ, Старая-Антоновка, Новая-Антоновка .	285	763	669	1,432
Слоб. Голендры	20	75	71	146
	305	838	740	1,578
Житомірскаго уѣзда.				
Кол. Роговка	50	123	148	271
„ Солодыри	35	189	200	389
„ Нейдорфъ-Неймановка	42	98	102	200
Слоб. Лиски	22	71	73	144
Кол. Островки (Новики) .	15	46	48	94
„ Котузовка	73	208	215	423
„ Яновъ (Парня) . .	14	59	62	121
„ Сорочня.	37	117	115	232
„ Берстовка	26	86	79	165
„ Ѳедоровка	80	136	147	283
„ Ѳедоровка-Горошковск.	60	120	148	268
С. Топорище	84	200	186	386
Д. Королинка	38	68	60	128
„ Ладряновъ	36	59	64	123
С. Стрибетъ	6	18	15	33

ВОЛЫНСКАЯ ГУБЕРНІЯ.	Число дворовъ.	Число душъ. Мужчинъ.	Женщинъ.	Итого.
Житомірскаго уѣзда:				
Сл. Королевка	15	36	32	68
„ Марьяновка	22	90	81	171
	655	1,724	1,755	3,499
Ровенскаго уѣзда:				
Въ г. Ровно.	5	17	15	32
Кол. Тересполь	33	96	96	192
„ Люціановка. . . .	16	35	38	73
Слоб. Мозулки.	3	6	10	16
Кол. Маріанинъ	17	39	42	81
„ Александрійская . .	22	55	57	112
„ Маріандорфъ . . .	35	109	120	229
„ Хотенка	37	60	65	125
„ Соломка (Фридрихсдорфъ)	90	201	205	406
„ Корчинъ	24	49	51	100
„ Грушицкая	8	19	21	40
„ Анелёвка	5	180	190	370
„ Томашевка	7	66	51	117
Слоб. Антоніевъ	31	74	80	154
„ Фелиціановка (Круки)	26	51	60	111
М. Тучинъ.	59	130	135	265
Кол. Тучинская	11	25	27	52
Слоб. Яновка.	18	40	45	85
„ Старый Берестовецъ .	23	54	55	109
„ Марцелиндорфъ . .	24	52	48	100
„ Маща	57	126	124	250
Д. Печаловка	39	94	81	175
Кол. Софіевка (Голендры) .	28	66	71	137
„ Еловитцъ	30	74	78	152
„ Новый Свѣтъ . . .	10	24	26	50
„ Завертень	32	80	82	162
„ Домбровка	19	43	46	89
„ Желянка	31	74	81	155

ВОЛЫНСКАЯ ГУБЕРНІЯ.	Число дворовъ.	Число душъ. Мужчинъ.	Женщинъ.	Итого.
Ровенскаго уѣзда:				
Кол. Ангелинъ	3	6	8	14
„ Ядзинъ	3	8	10	18
„ Цеславовка.	5	12	15	27
„ Городище	42	95	101	196
„ Юнфовка	11	24	30	54
„ Корыстская.	47	103	111	214
„ Толкачи	22	53	55	108
„ Корнелинъ	5	14	12	26
„ Желѣзница.	11	29	28	57
„ Подобанка	4	10	12	22
„ Несподзянка	16	40	41	81
„ Полянка	8	20	21	41
„ Антоновка-Рибчинскаго	24	65	77	142
„ Мыдская	16	42	42	84
„ Степанская.	5	10	16	26
„ Костопальская . . .	24	62	72	134
„ Подлушанская. . . .	12	27	29	56
„ При Тынскомъ имѣніи	13	28	31	59
	1,011	2,587	2,711	5,298
Всего въ Волынской губ. .	4,309	12,278	12,426	24,704
Всего въ Юго-Западн. краѣ. .	4,753	13,430	13,556	26,986

О Чехахъ, поселившихся въ Юго-Западномъ краѣ.

Первое поселеніе чеховъ относится къ 1863 году, когда они образовали въ Дубенскомъ уѣздѣ поселокъ Людгардовку и въ Балтскомъ уѣздѣ Чеховку. Съ 1868 г. началось болѣе усиленное движеніе чешской колонизаціи на Волынѣ. Въ этомъ году поселилось 130 сем., въ слѣдующемъ 449 и 1870 году 337 сем., — всего въ продолженіи трехъ лѣтъ 946 семействъ, которые, разселившись въ тѣхъ же уѣздахъ Волынской губерніи, гдѣ давно уже основаны были нѣмецкія колоніи, пріобрѣли въ собственность (за сумму до 300,000 руб. серебр.) 17,577 десят. и образовали 15 новыхъ чешскихъ поселеній.

„Чехи“, какъ говоритъ г. Воронинъ, „принявъ подданство на основаніи Высочайшаго повелѣнія 10-го іюня 1870 г., воспользовались только льготами, установленными правилами 18-го декабря 1861 года для водворяющихся иностранныхъ рабочихъ, т. е. по 3-й ст. приведенныхъ правилъ, пожизненнымъ освобожденіемъ отъ рекрутской повинности и по 8-й ст. пятилѣтнею льготою отъ платежа казенныхъ податей и денежныхъ повинностей и отъ исправленія общихъ натуральныхъ повинностей. По истеченіи льготнаго времени, чехи будутъ исправлять всѣ повинности, какія несутъ крестьяне-собственники“.

Они вошли въ составъ крестьянскихъ волостей и находятся въ одномъ съ ними управленіи; они проникнуты стремленіемъ сдѣлаться русскими гражданами и даже объединиться съ мѣстнымъ населеніемъ въ религіозномъ отношеніи.

Свѣдѣнія о Чехахъ-переселенцахъ въ Юго-Западномъ краѣ.

№№	Наименованіе мѣстъ поселенія.	Число дворовъ.	Число душъ обоего пола.
	ВОЛЫНСКАЯ ГУБЕРНІЯ.		
	Острожскаго уѣзда.		
1	Въ сел. Блудовѣ.	6	42
2	„ „ Гульчѣ и Урвенной	Свѣдѣній еще нѣтъ.	
	Ровенскаго уѣзда.		
1	Въ сел. Глинскѣ.	116	803
2	„ „ Грушвицѣ	58	230
3	„ „ Новоселкахъ	9	50
4	„ „ Дядкевичахъ	3	9
5	„ „ Квасиловкѣ.	81	698
6	„ „ Корнинѣ	5	26
7	„ „ Шпаковѣ	5	32
8	„ м. Горингродѣ.	9	92
		292	1,982
	Дубенскаго уѣзда.		
1	Въ сел. Малинѣ	612	312
2	„ „ Будсражѣ	52	225
3	„ дер. Борщовкѣ	13	84

№№	Наименованіе мѣстъ поселенія.	Число дворовъ.	Число душъ обоего пола.
	Дубенскаго уѣзда.		
4	Въ дер. Мизочикѣ	22	131
5	„ сел. Большихъ Дорогостояхъ	33	381
6	„ „ Волковояхъ	112	442
7	„ „ Мирогощахъ.	116	520
8	„ „ Плоскахъ	20	80
9	„ дер. Подгайцахъ.	24	114
10	„ сел. Кнерутахъ	21	113
11	„ „ Семидубахъ	43	265
12	„ „ Ульбаровѣ	49	248
		567	2,915
	Владимірскаго уѣзда.		
1	Въ сел. Кушичевѣ	до 100	615
2	„ дер. Колмовискахъ и новоустроенномъ возлѣ нея поселеніи Новосемгахъ . . .	16	197
		116	812
	Луцкаго уѣзда.		
1	Въ сел. Теремномъ	58	272
2	„ „ Княгининкѣ.	43	163
3	„ „ Метышинѣ	14	69
4	„ „ Милушахъ	14	65
5	„ „ Борятинѣ	15	72
		144	641
	Итого въ Волынской губ. . .	1,119	6,350
	ПОДОЛЬСКАЯ ГУБЕРНІЯ.		
	Балтскій уѣздъ.		
	Приселокъ Чеховка при с. Емиловкѣ . . .	16	103
	Летичевскій уѣздъ.		
	С. Маньковцы	—	702
	Итого въ Подольской губ. . .	16	805
	Всего въ Юго-Западномъ краѣ	1,135	7,155

Приведемъ теперь данныя объ иностранныхъ поселенцахъ вообще.

Общая вѣдомость объ иностранныхъ поселенцахъ Юго-Западнаго края.

I. Иностранцевъ, переселившихся въ Юго-Западный край съ 1800 по 1871 г.

	Губерніи. Кіевская.	Подольская.	Волынская.	Итого.
а) семействъ . . .	844	1,084	7,122	9,050
б) душъ мужескаго пола. . . .	1,719	2,129	18,416	22,264
в) женскаго пола.	1,565	1,965	18,270	21,800
Итого . .	3,284	4,094	36,686	44,064

II. Изъ нихъ семействъ, исповѣдующихъ религіи:

Православную. . .	19	66	26	110
Уніатскую	1	1	10	12
Католическую. . .	282	488	1,325	2,095
Протестантскую разныхъ наименов.	500	427	5,734	6,651
Іудейскую	42	102	37	181

III. Изъ поселенцевъ числится семействъ:

Нѣмцевъ		589	653	5,982	7,224
Славянъ:	Чеховъ . . .	3	47	980	1,030
	Поляковъ . .	86	212	35	333
	Галичанъ . .	20	74	36	130
	Мазуровъ . .	6	—	—	6
Голландцевъ . . .		78	—	—	78
Французовъ. . . .		17	12	18	47
Бельгійцевъ. . . .		3	—	—	3
Англичанъ		3	—	—	3
Датчанъ		—	5	—	5
Итальянцевъ . . .		7	—	—	7
Евреевъ		42	102	37	181

IV. Вышло иностранныхъ семействъ въ край:

Изъ Царства Польскаго. . . .	265	108	3,984	4,357
„ Пруссіи . . .	257	355	1,703	2,315
„ Изъ Австріи .	127	488	1,284	1,899

	Губерніи. Кіевская.	Подольская.	Волынская.	Итого.
Изъ Германіи . . .	42	66	6	114
„ Голландіи. . .	79	2	—	81
„ Франціи . . .	17	12	16	45
„ Швейцаріи . .	8	5	20	33
„ Бельгіи. . . .	3	—	—	3
„ Англіи	3	—	—	3
„ Даніи	—	5	—	5
„ Италіи	7	—	—	7
„ Турціи и Молдавіи	36	58	16	110
„ Нѣмецкихъ колоній Россіи .	—	—	141	141
Родилось въ краѣ отъ выходцевъ семействъ . . .	81	73	402	556

V. Поселившіяся семейства занимаются:

Земледѣліемъ . . .	303	135	6,341	6,779
Мануфактурною и заводскою промышленностью.	77	282	117	476
Ремеслами	172	256	176	604
Торговлею	18	31	20	69
Разными промыслами и вольными профессіями. .	274	380	468	1,122

VI. Поселенцами пріобрѣтено земли:

		Десятин.			
семействами	1,731 нѣмцовъ	1,872½	154	30,648	32,674½
	947 чеховъ .	—	—	17,577½	17,577½
	59 другихъ національ.	1,606½	413½	93	2,113½
	Итого десят.	3,479	567½	48,318½	52,365½

На земляхъ этихъ образовано поселковъ:

Нѣмцами	3	1	67	71
Чехами.	—	—	26	26
Итого. . . .	3	1	93	97

	ГУБЕРНІИ. Кіевская.	Подольская.	Волынская.	ИТОГО.
VII. Взято въ аренду земли:				
а) Участныхъ владѣльцевъ:				
	десятинъ.			
1) Нѣмцами . . .	3,475¾	2,097	46,730	52,303¾
Образовано ими поселковъ. . . .	13	2	200	215
2) Чехами	—	302¼	97	399¼
Образовано ими поселковъ. . . .	—	1	2	3
3) Поляками . . .	7,694½	2,643	235	10,572½
4) Лицами другихъ національностей	298	—	—	298
Образовано ими поселковъ. . . .	1	—	—	1
б) Въ казенныхъ имѣніяхъ:				
150 семейст. нѣмц.	—	526½	646½	1,173
Образовано ими поселковъ. . . .	—	2	6	8
Итого въ арендѣ. .	11,468¼	5,569¼	47,708½	64,746
Поселковъ	14	5	208	227
VIII. Всего: перешло земли во владѣніе:				
Поселенцевъ . . .	14,947¼	6,136¾	96,027¼	117,111
Образовано отдѣльныхъ поселковъ	17	6	301	324
IX. Изъ поселенцевъ: 1) приняло русское подданство и причислено семействъ:				
въ званіе а) колонистовъ	54	51	833	938
въ званіе б) мѣщанъ . .	34	11	11	56
въ званіе в) крестьянъ .	—	3	947	950
2) Проживаютъ въ качествѣ иностранцевъ и выходцевъ изъ Царства Польскаго. .	756	1,019	5,331	7,106
X. При собраніи въ 1871 г. свѣдѣній оказалось семействъ:				
Съ просроч. паспор.	155	161	1,911	2,227
Безъ всякихъ письменныхъ видовъ	5	14	663	682

ВѢДОМОСТЬ ИНОСТРАННЫМЪ ПОСЕЛЕНЦАМЪ ПО ВРЕМЕНИ

ВРЕМЯ ВЫХОДА ПОСЕЛЕНЦЕВЪ.	Изъ Царства Польскаго.				Изъ Пруссіи.				Изъ Австріи.				Изъ Германіи.			
	Кіевская.	Подольск.	Волынск.	Итого.	Кіевская.	Подольск.	Волынск.	Итого.	Кіевская.	Подольск.	Волынск.	Итого.	Кіевская.	Подольск.	Волынск.	Итого.
Съ 1800 по 1810 г. . .	1	—	24	25	3	—	111	114	—	—	1	1	—	—	—	—
„ 1810 — 1820 „ . .	—	—	23	23	5	1	9	15	2	7	3	12	—	2	—	2
„ 1820 — 1830 „ . .	32	—	35	67	7	3	49	59	5	12	2	19	3	14	1	18
„ 1830 — 1840 „ . .	3	5	85	93	20	51	191	262	5	23	4	32	2	6	1	9
„ 1840 — 1850 „ . .	8	13	52	73	9	70	91	170	2	21	39	62	5	11	1	17
„ 1850 — 1861 „ . .	28	25	127	180	32	64	204	300	16	43	41	100	5	7	1	13
Родилось въ краѣ . . .	16	3	107	126	10	32	272	374	4	25	23	52	3	13	—	16
Итого. . .	88	46	453	587	86	221	927	1234	34	131	113	278	18	53	4	75
Въ 1861 г.	10	2	117	129	66	20	38	124	1	13	37	51	1	1	—	2
„ 1862 „	38	3	139	180	8	11	31	50	4	11	3	18	1	1	—	2
„ 1863 „	13	7	285	305	14	3	30	47	1	28	24	53	1	—	—	1
„ 1864 „	18	7	206	231	8	11	39	58	—	26	6	32	—	—	—	—
„ 1865 „	11	3	270	284	3	15	129	147	2	33	3	38	—	—	—	—
„ 1866 „	5	4	458	467	9	17	87	113	4	31	10	45	1	2	—	3
„ 1867 „	37	5	709	751	18	9	117	144	5	34	10	49	4	4	—	8
„ 1868 „	5	4	582	591	11	20	62	93	3	51	151	208	1	1	—	2
„ 1869 „	18	9	200	227	14	13	89	116	12	53	527	592	6	4	1	11
„ 1870 „	22	17	379	418	20	15	97	132	61	77	390	528	9	—	—	9
Послѣ 1861 г., но неизвѣстно когда именно. .	1	1	181	183	—	—	43	43	—	—	—	—	—	—	—	—
Итого. . .	187	61	3526	3765	171	134	762	1067	93	357	1164	1614	24	13	1	38
Неизвѣстно когда вышедшихъ.	—	—	5	5	—	—	14	14	—	—	7	7	—	—	1	1
А всего . .	265	108	3984	4357	257	355	1703	2315	127	488	1284	1899	42	66	6	114

ПО ВРЕМЕНИ

И МѢСТУ ИХЪ ВЫХОДА ВЪ ЮГО-ЗАПАДНЫЙ КРАЙ.

Изъ Франціи.				Изъ Турціи и Молдавіи.				Изъ Швейцаріи.				Изъ другихъ государствъ Европы.				Изъ колоніи внутреннихъ губерній Россіи.				ВСЕГО.			
Кіевская.	Подольск.	Волынск.	Итого.	Кіевская.	Подольск.	Волынск.	Итого.	Кіевская.	Подольск.	Волынск.	Итого.	Кіевская.	Подольск.	Волынск.	Итого.	Кіевская.	Подольск.	Волынск.	Итого.	Кіевская.	Подольск.	Волынск.	Итого.
—	—	11	11	—	—	—	—	—	—	16	16	30 Голландіи.	—	—	30	—	—	—	—	34	—	163	197
—	2	—	2	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	42	—	7	12	77	96
—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1 Бельгіи.	—	—	1	—	—	19	—	48	29	106	183
—	3	—	3	—	1	—	1	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	2	—	30	89	283	402
—	—	—	—	—	—	—	—	1	—	—	1	2 Австріи.	1 Даніи.	—	6	—	—	75	—	27	119	258	404
4	1	—	5	—	3	—	3	—	1	1	2	1 Англіи.	—	—	1	—	—	1	—	86	144	375	605
—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	48	—	—	48	—	—	—	—	81	73	402	556
4	6	11	21	—	4	—	4	1	1	17	19	82	4	—	86	—	—	139	—	315	466	1664	2443
—	—	—	—	1	4	—	5	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	79	39	160	278
—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	51	26	171	248
2	—	—	2	—	2	—	2	—	—	—	—	1 Голландіи.	1 Даніи.	—	2	—	—	—	—	30	40	335	405
3	4	—	7	1	4	—	5	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	30	51	244	325
1	1	—	2	1	6	1	8	—	—	1	1	—	1 Голландіи.	—	1	—	—	1	—	18	59	374	451
—	—	2	2	4	5	3	12	—	—	—	—	—	1 Голландіи.	—	1	—	—	—	—	23	59	560	633
—	—	—	—	3	12	3	18	—	—	—	—	1 Бельгіи.	—	—	1	—	—	—	—	68	63	558	989
2	—	—	2	4	12	1	17	1	1	—	2	—	—	—	—	—	—	—	—	27	88	808	921
3	1	2	6	13	5	4	22	3	2	1	6	—	—	—	—	—	—	—	—	69	88	824	981
2	—	1	3	9	4	4	17	3	1	—	4	1 Бельгіи. 7 Италіи.	—	—	8	—	—	1	—	134	114	872	1120
—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1	1	224	226
13	6	5	24	36	54	16	106	7	4	2	13	10	3	—	13	—	—	2	—	531	618	5430	6579
—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1	1	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	28	28
17	12	16	45	36	58	16	110	8	5	20	33	92	7	—	99	—	—	141	—	844	1084	7122	9050

Приведемъ теперь данныя о Молдаванахъ, поселившихся въ Подольской губерніи. Ихъ всего до 12,000 обоего пола, при чемъ болѣе $^2/_3$ въ одномъ Ольгопольскомъ уѣздѣ. Бо́льшею частію, они хотя и сохранили знаніе своего языка, но ознакомились съ мѣстнымъ нарѣчіемъ и въ значительной степени усвоили мѣстные нравы, хотя въ свою очередь и сами оказали нѣкоторое вліяніе на Малороссіянъ ближайшихъ къ нимъ мѣстностей. Такъ, напримѣръ, они сообщили имъ употребленіе ковровъ въ избахъ; верхнюю одежду, называемую „опанчу“.

Приведемъ списокъ мѣстностей, въ которыхъ проживаютъ Молдоване.

Молдоване, поселившіеся въ Юго-Западномъ краѣ.

Названіе уѣздовъ и поселеній Подольской губерніи.	Число дворовъ.	Число душъ. Мужчинъ.	Женщинъ.
Гайсинскій уѣздъ.			
С. Сокиряне	—	193	219
Балтскій уѣздъ.			
С. Тымковъ.	—	254	229
Д. Бруштены	—	117	111
С. Слободзеля	—	189	182
„ Богеша	—	45	38
„ Лозовата	—	410	396
„ Кричуновка.	—	93	85
„ Баризки	—	25	25
Д. Молдованка.	—	218	217
С. Великая-Мезетня.	—	45	42
	—	1,396	1,325
Ольгопольскій уѣздъ.			
М. Рашковъ	—	150	170
С. Катериновка	—	94	101
„ Строинцы	—	305	300
„ Алексѣевка	—	21	17
„ Подойма.	—	334	315

Названіе уѣздовъ и поселеній Подольской губерніи.	Число дворовъ.	Число душъ. Мужчинъ.	Женщинъ.
Ольгопольскій уѣздъ.			
С. Подоймица	—	420	418
Д. Ксендзовка	—	6	9
М. Каменка.	—	623	631
С. Кузминъ.	—	103	79
„ Севериновка.	—	66	87
М. Загнитковъ	—	245	239
С. Волядинка	—	238	265
„ Хрустова	—	761	752
„ Грушка	—	200	195
„ Окница	—	5	8
„ Требусовка	—	163	142
„ Болгановъ	—	200	195
„ Кукулы	—	201	125
„ Студена	—	73	91
„ Дмитрашкова	—	7	19
„ Ольшанка	—	58	41
„ Вербка Волосная	—	15	8
	—	4,288	4,207
Всего въ Юго-Западномъ краѣ	2,142	5,877	5,761

Мазуры.

Мы уже упомянули въ изслѣдованіи о полякахъ, о мазурахъ, поселившихся въ краѣ. Мазуры эти, хотя и не утратили языка и католической религіи, но въ языкѣ ихъ замѣчается вліяніе малороссовъ. Одежду они носятъ малорусскую и хотя не забыли нѣкоторыхъ своихъ пѣсенъ, но поютъ также и малорусскія. Оригинальная черта ихъ, между прочимъ, та, что они дѣтей носятъ не на рукахъ, а за плечами въ большой грубой холстинѣ, называемой „рядномъ“.

Мазуры Подольской губерніи.

Названіе уѣздовъ и поселеній Подольской губерніи.	Число дворовъ.	Число душъ. Мужчинъ.	Женщинъ
Гайсинскій уѣздъ.			
Въ Городнянской волости . . .	—	19	17

Названіе уѣздовъ и поселеній Подольской губерніи.	Число дворовъ.	Число душъ. Мужчинъ.	Женщинъ.
Проскуровскій уѣздъ.			
Д. Гречаны	—	602	632
„ Шоровечки	—	394	421
„ Мацьковцы	—	368	393
„ Зарѣчье.	—	278	279
С. Лезнево	—	90	102
	—	1,732	1,827
Балтскій уѣздъ.			
С. Переймa	—	55	26
„ Бороуки	—	17	20
„ Саражинка	—	22	11
	—	94	57
Брацлавскій уѣздъ.			
С. Торковъ	—	20	17
Ольгопольскій уѣздъ:			
Въ с. Стряшневкѣ.	—	239	244
„ „ Чечельникъ.	—	227	221
	—	466	465
Винницкій уѣздъ.			
С. Ярошевка.	—	59	58
Приселокъ Студеница.	—	27	17
Д. Тортакъ	—	74	75
С. Гуменная	—	44	35
	—	204	185
Всего въ Юго-Западномъ краѣ .	987	2,535	2,568

Караимы.

Караимовъ проживаетъ въ краѣ до 300 душъ обоего пола. Наибольшая часть въ Луцкѣ, гдѣ они издавна поселились и гдѣ улица, на которой они живутъ называется Караимскою.

Татары.

Татаръ въ Юго-Западномъ краѣ около 450 душъ обоего пола. Болѣе значительное число ихъ въ Острожскомъ уѣздѣ Волынской губерніи.

Цыгане.

Цыганъ въ Юго-Западномъ краѣ до 1,000 душъ обоего пола почти исключительно въ Подольской губерніи.

Армяне.

Въ Каменецъ-Подольскѣ было значительное число армянъ-католиковъ, но они ополячились. Въ Могилевѣ также было много армянъ-григоріанъ, но ихъ тамъ теперь почти нѣтъ. Они славились выдѣлкою цвѣтныхъ сафьяновъ.

Затѣмъ господствующее населеніе Юго-Западнаго края составляетъ малорусское племя. Къ нему принадлежитъ все крестьянское населеніе (за исключеніемъ 5,000 душъ мазуровъ); $^{9}/_{10}$ мѣщанъ и $^{9}/_{10}$ чиншевой или ходачковой шляхты.

Изъ привилегированныхъ сословій сюда принадлежатъ: многочисленное православное духовенство, такъ-называемая околичная шляхта Овручскаго и Радомысльскаго уѣздовъ и значительная часть чиновниковъ и ихъ семействъ.

Затѣмъ слѣдуютъ по численному составу евреи, поляки, великороссіяне, нѣмцы (другихъ иностранцевъ незначительное число), цыгане и татары.

Что касается малоруссовъ, то ихъ въ Юго-Западномъ краѣ 4.850,000 душъ, въ томъ числѣ:

въ Кіевской губерніи . . .	до	1.840,000 душъ.
„ Волынской	„	1.430,000 „
„ Подольской	„	1.580,000 „

Изъ числа малоруссовъ принадлежитъ къ числу сельскихъ сословій 4.395,000, къ городскимъ 390,000 и къ привилегированнымъ классамъ около 65,000 душъ, изъ числа которыхъ духовенство составляетъ до 55,000 душъ обоего пола.

Такимъ образомъ, численный составъ населенія Юго-Западнаго края по племенамъ выразится такъ:

Малоруссовъ		4.850,000
Поляковъ		91,000
Великоруссовъ		50,000
Молдованъ		12,000
Нѣмцевъ.		33,000
Чеховъ	до	7,000

Прочихъ европейцевъ	до	1,000
Цыганъ	„	1,000
Итого христіанъ . .		5.045,000
Евреевъ.		750,000
Караимовъ		450
Татаръ		300
Итого нехристіанъ . . .		750,750
А всего		5.795,750

Выражая въ процентахъ получимъ:

Малоруссы составляютъ	83,53%
Поляки	1,57%
Великоруссы	0,86%
Молдоване.	0,18%
Нѣмцы	0,55%
Чехи	0,11%
Прочіе христіане.	0,02%

Вообще христіане составляютъ нѣсколько менѣе населенія. — 87% всего

Евреи болѣе 13%

ОБЩЕСТВЕННОЕ УПРАВЛЕНІЕ ЕВРЕЕВЪ ЮГО-ЗАПАДНАГО КРАЯ.

(Въ дополненіе къ очерку юридическихъ обычаевъ) *).

Для управленія общественными дѣлами у евреевъ Юго-Западнаго края вообще не существуетъ никакихъ правильно организованныхъ, собственно-еврейскихъ учрежденій. Между тѣмъ нельзя сказать, чтобы туземные евреи довольствовались тѣми учрежденіями и руководствовались тѣми исключительно правилами, какія для управленія ихъ общественными дѣлами установлены закономъ. Много было, и есть еще теперь причинъ, о которыхъ придется кое-что упомянуть дальше, препятствовавшихъ установленію между еврейскими обществами и назначенными имъ закономъ въ надзиратели учрежденіями надлежащаго взаимнаго довѣрія, которымъ обусловливается успѣхъ въ достиженіи одной общей цѣли: нѣтъ откровеннаго обнаруженія своихъ нуждъ и потребностей съ одной стороны, какъ не достаетъ должнаго сочувствія къ интересамъ надзираемыхъ съ другой. Въ виду такихъ обстоятельствъ еврейскія общества едва-ли заслуживаютъ упрека, если считаютъ пока нужнымъ сами о себѣ заботиться; скорѣе небезупречно то, что эта забота, не сосредоточиваемая въ рукахъ спеціальнаго органа, лишенная раціональной, чтобы не сказать всякой, системы, приноситъ самимъ евреямъ чуть-ли не больше вреда, чѣмъ пользы.

Отдѣльные виды общественнаго управленія, о которыхъ буду говорить въ настоящей статьѣ, составляютъ: 1) попеченіе о духовныхъ дѣлахъ общества въ религіозномъ отношеніи; 2) управленіе духовными дѣлами въ отношеніи хозяйственномъ; и 3) управленіе гражданскими дѣлами.

---

*) Въ этнографическомъ очеркѣ говорится объ общественномъ управленіи евреевъ, но статья эта, главнѣйшимъ образомъ, касается евреевъ Сѣверо-Западнаго края, что̀ и оговорено мною. Потому помѣщается статья г. Полинковскаго объ общественномъ управленіи евреевъ собственно Юго-Западнаго края. Она служитъ продолженіемъ составленнаго имъ очерка народныхъ юридическихъ обычаевъ евреевъ.

Попеченіе о духовныхъ дѣлахъ въ религіозномъ отношеніи: а) Синагога. Все, что̀ касается общественнаго и частнаго богослуженія, формулъ и распорядка молитвъ, совершенія богослужебныхъ обрядовъ и т. п., довольно подробно изложено въ религіозномъ кодексѣ Шулханъ-арухъ-орахъ-хаимъ и многочисленныхъ извлеченіяхъ изъ этого кодекса, такъ что благодаря распространенію между евреями грамотности, ни одно молитвенное общество не нуждается въ тѣхъ „ученыхъ“, которыхъ законъ (Т. XI книга IV) считаетъ непремѣнными членами еврейскихъ духовныхъ правленій, „для объясненія сомнѣній къ богослуженію и обрядамъ вѣры относящихся“. Сомнѣнія, встрѣчающіяся при исполненіи обрядовъ, касающихся домашней жизни, разрѣшаются раввиномъ; сомнѣнія же, встрѣчающіяся при богослуженіи разрѣшаются грамотными прихожанами, которыхъ бываетъ достаточно въ каждомъ молитвенномъ собраніи и de facto, ни синагоги, ни молитвенные дома отдѣльныхъ лицъ для это духовной функціи не имѣютъ, хотя въ приговорахъ, представляемыхъ для утвержденія начальствомъ, таковые ученые для проформы назначаются. Несмотря, однако, на подробную регламентацію богослужебныхъ обрядовъ и молитвенныхъ формулъ упомянутымъ кодексомъ и установившимся обычаемъ, въ послѣднее время, благодаря пропагандистскимъ стремленіямъ предводительствуемаго различными цадиками хасидизма, въ еврейскихъ молитвенныхъ общинахъ возникаютъ споры и неурядицы и въ этой сферѣ религіозныхъ отправленій, именно: за и противъ введенія въ извѣстную молитву той или другой формулы, почитаемой тѣмъ или другимъ цадикомъ важною въ мистико-кабалистическомъ отношеніи, хотя самъ цадикъ не въ состояніи объяснить сущности этой важности. Приверженцы противнаго цадика или хасиды-индеферентисты обыкновенно возстаютъ противъ нововведенія; разные же хасиды-новаторы настаиваютъ на своемъ; и послѣ продолжительныхъ споровъ, часто доходящихъ до кулачныхъ потасовокъ, или до ябедъ по присутственнымъ мѣстамъ, меньшинство, по числу или по матеріальнымъ средствамъ, уступаетъ. Такіе споры, не распространяющіеся, впрочемъ, во всемъ обществѣ, а ограничивающіеся предѣлами даннаго молитвеннаго дома, много способствуютъ чрезмѣрному размноженію хасидскихъ молитвенныхъ домовъ, такъ называемыхъ—клаузовъ.

Всѣ синагоги (бетъ-гахнесетъ) и тѣ молитвенные дома (бетъ-гамидраши), которые располагаютъ достаточными для этого средствами, имѣютъ постоянныхъ хазановъ, т. е. канторовъ, отправляющихъ общественную молитву предъ налоемъ. Выборъ хазана зависитъ главнымъ образомъ отъ вліятельныхъ по значительности ихъ жертвованій прихожанъ даннаго молитвеннаго дома, такъ какъ на сторонѣ этихъ вліятельныхъ лицъ обыкновенно бываетъ большинство всего прихода, но на выборъ синагогальнаго хазана, считаю-

щагося хазаномъ города (штудъ-хазанъ), уже должно быть согласіе большинства всего мѣстнаго общества. На выборъ хазановъ въ хасидскихъ молельняхъ исключительное вліяніе и даже власть имѣютъ одни цадики; вліяніе послѣднихъ также значительно на избраніе штудъ-хазановъ въ тѣхъ обществахъ, гдѣ хасиды составляютъ господствующій элементъ. Незначительные приходы, нерасполагающіе достаточными средствами, постоянныхъ хазановъ не имѣютъ; общественная молитва предъ налоемъ совершается то тѣмъ, то другимъ изъ грамотныхъ прихожанъ, приглашаемыхъ каждый разъ старостою, или безъ всякаго даже приглашенія, только во время такъ называемыхъ благоговѣйныхъ дней (Іомимъ нораймъ), т. е. праздниковъ новаго года и Іомъ-кипура, когда совершеніе молитвъ предъ налоемъ требуетъ особаго навыка и знанія напѣвовъ, а самыя молитвы бываютъ очень длинны и утомительны, приглашаются временные молельщики (бáалъ-тефúла), получающіе извѣстное вознагражденіе за ихъ не всегда эстетическій духовно-музыкальный трудъ.

б) Обряды, не касающіеся собственно богослуженія, могутъ быть совершаемы, и въ дѣйствительности большею частію совершаются, внѣ синагоги и неспеціальными духовными, каковыхъ у евреевъ совсѣмъ почти нѣтъ (о значеніи раввина см. мой очеркъ юридическихъ обычаевъ). Такъ напримѣръ: 1) Обрѣзаніе совершается мирянином, искуснымъ въ этой операціи, что̀ предлагается ему въ видѣ почести отцомъ новорожденнаго; мѣстомъ совершенія этого обряда бываетъ большею частію домъ родильницы, и только въ случаѣ неудобства помѣщенія, дитя переносится въ синагогу, если погода этому не мѣшаетъ. 2) Нареченіе имени дѣвочекъ тоже можетъ быть совершаемо внѣ синагоги; совершается оно въ синагогѣ или молитвенномъ домѣ только потому, что обычаемъ принято при нареченіи имени прочесть новорожденному многолѣтіе (ми́-шеберахъ), для чего отецъ, или заступающій мѣсто, приглашается къ чтенію библіи (аліа); чтеніе же библіи совершается кѣмъ-бы ни было изъ грамотныхъ по этой части прихожанъ и этотъ же чтецъ читаетъ многолѣтіе и нарекаетъ имя. 3) Вѣнчаніе новобрачныхъ и чтеніе при этомъ установленныхъ благословеній хотя и совершается большею частію раввиномъ, но, какъ уже пояснено въ этнографическомъ очеркѣ и въ очеркѣ юридич. обыч., его участіе въ этомъ актѣ не необходимо и въ дѣйствительности—раввина часто замѣняетъ мирянинъ. 4) Похороны и отпѣваніе умершихъ совершаются членами братства погребателей, слѣдовательно, мирянами; если при этомъ актѣ находится хазанъ, онъ читаетъ молитву за упокой (элъ-мале-рахмимъ). Дѣятельность казенныхъ раввиновъ въ дѣйствительности состоитъ только въ томъ, чтобы выдавать на совершеніе упомянутыхъ обрядовъ записки, служащія удостовѣреніемъ о занесеніи даннаго случая въ метрическую книгу.

Что касается исполненія въ частной жизни религіозныхъ обрядовъ и предложеній, относящихся къ соблюденію праздниковъ, постовъ, употребленія пищи и т. п., то единственнымъ контролемъ въ этомъ отношеніи служитъ общественное мнѣніе; но нигдѣ не существуетъ такихъ учрежденій, ни лицъ, которымъ присвоивалось бы право контролированія религіознаго благочестія отдѣльныхъ членовъ общества. Сила общественнаго мнѣнія и его вліяніе на религіозность каждаго еврея соразмѣряется степенью образованія послѣдняго и его нравственнымъ, а главное—матеріальнымъ положеніемъ: богатымъ и образованнымъ общественное мнѣніе скорѣе прощаетъ отступленія отъ религіозныхъ обрядовъ, чѣмъ необразованнымъ или бѣднымъ.

О дѣятельности раввина и шохета (рѣзника) сказано въ другомъ мѣстѣ, здѣсь скажу только объ ихъ избраніи. Они избираются по согласію мѣстнаго общества и получаютъ о назначеніи ихъ въ должность запись (к'тавъ или ксавъ), за подписями всѣхъ или значительнаго большинства мѣстныхъ жителей. Кандидаты въ раввины или шохеты должны имѣть объ удовлетворительномъ ихъ знаніи своего дѣла аттестатъ двухъ экзаменовавшихъ ихъ раввиновъ или шохетовъ извѣстныхъ уже въ окрестности за знатоковъ своей спеціальности. Эти аттестаты носятъ названіе „семыхи“. Такъ какъ отъ раввина и рѣзника кромѣ знанія своего дѣла требуется еще въ извѣстной степени набожность, то цадикамъ, единственнымъ въ глазахъ массы цѣнителямъ въ этомъ отношеніи, удалось подчинить своему вліянію (чтобы не сказать—власти) раввинскую и шохетскую должности, за весьма малымъ исключеніемъ, во всѣхъ почти общинахъ Юго-Западнаго края, безъ цадикской аттестаціи, выражающейся обыкновенно въ письмѣ за подписью святаго мужа. Шохетъ или раввинъ, имѣй онъ даже дипломъ отъ спеціалистовъ, едва-ли найдетъ мѣсто въ какомъ либо еврейскомъ обществѣ. Исключенія составляютъ такія только мѣстности, гдѣ издавна водворилось враждебное цадикизму миснагдическое (анти-хасидское или ортодоксально-талмудическое) направленіе (нѣкоторые города на Волыни: Дубно, Кременецъ, и др.), или же гдѣ проникающее современно-европейское направленіе мало по малу ослабляетъ авторитетъ святыхъ мужей (многіе города южной Россіи). Цадикская власть особенно сильна въ этомъ отношеніи въ тѣхъ обществахъ, гдѣ хасиды составляютъ господствующій элементъ: тамъ одного мановенія цадика достаточно для утвержденія въ должности или смѣненія съ оной раввина и шохета. Въ тѣхъ общинахъ, гдѣ хасидскій элементъ господствующій, но вмѣстѣ съ тѣмъ состоитъ изъ приверженцевъ разныхъ цадиковъ, тамъ назначеніе новаго раввина или шохета рѣдко обходится безъ сильныхъ раздоровъ между хассидскими партіями, изъ которыхъ каждая настаиваетъ, чтобы на должность непремѣнно назначенъ былъ компетентный человѣкъ, рекомен-

дуемый ея патрономъ цадикомъ. Въ большихъ городахъ и мѣстечкахъ, гдѣ значительность населенія требуетъ, чтобы должность раввина и шохета справляема была нѣсколькими лицами, такіе споры еще легко улаживаются тѣмъ, что каждая хассидская партія имѣетъ своего духовнаго; но иногда, благодаря этимъ спорамъ, и малочисленныя общины, едва располагающія средствами содержать одного, должны имѣть двухъ шохетовъ или двухъ раввиновъ.

Патронство цадиковъ относительно сказанныхъ должностей имѣетъ слѣдствіемъ: а) что иногда такое общество, которое уже нѣсколько освободилось отъ хассидскаго господства, все-таки не можетъ по своему усмотрѣнію назначать и смѣнять раввиновъ, а тѣмъ болѣе шохетовъ, такъ какъ оно никогда не найдетъ компетентнаго человѣка, желающаго принять должность противъ воли цадика; б) благодаря этому патронатству, раввинскій санъ потерялъ у евреевъ здѣшняго края то импонирующее значеніе, которое онъ когда-то имѣлъ и имѣетъ еще теперь въ мѣстностяхъ, свободныхъ отъ цадикскаго господства.

Управленіе духовными дѣлами въ хозяйственномъ отношеніи: а) молитвенные дома. Хозяйственною частію молитвенныхъ домовъ и синагогъ завѣдываютъ старосты (габои), избираемые въ числѣ двухъ, а иногда и одного, всѣми членами прихода или большинствомъ оныхъ и подъ вліяніемъ болѣе почтенныхъ изъ нихъ. Представленіе этихъ выборовъ на надлежащее утвержденіе правительственныхъ лицъ и учрежденій, соблюдается вообще синагогами и значительными молитвенными домами; незначительные же молитвенные дома, особенно хасидскіе „клаузы“, иногда, по привычной небрежности, не представляютъ своихъ старостъ на утвержденіе. Раздѣленіе предметовъ завѣдыванія между старостами, какъ напримѣръ часть наблюдательная и казначейская, рѣдко соблюдается, хотя въ представляемыхъ начальству приговорахъ одинъ именуется собственно старостою, а другой казначеемъ; эта проформа соблюдается въ приговорахъ также относительно должности ученаго,—въ дѣйствительности не существующей. Вообще старосты избираются изъ почетнѣйшихъ лицъ прихода, а тамъ, гдѣ назначаютъ двухъ, одинъ обыкновенно бываетъ изъ менѣе богатыхъ, но честныхъ, и изъ такихъ, которымъ частныя занятія позволяютъ постоянно находиться дома, чаще посѣщать молельню и наблюдать за хозяйствомъ и порядкомъ въ ней, собирать пожертвованія отъ прихожанъ; послѣднее однако лежитъ на обязанности обоихъ габоевъ въ одинаковой степени.

Такъ какъ пожертвованія прихожанъ, составляющія единственные рессурсы молелень (раскладокъ не существуетъ) собираются преимущественно наканунѣ

поста „Іомъ-кипуръ“ и во время осенних праздниковъ и только незначительная часть въ остальное время года, то габои, для нужныхъ на содержаніе молельни расходовъ, даютъ большею частію собственныя деньги, выручая эти авансы изъ собираемыхъ впослѣдствіи пожертвованій. Отчетность о приходѣ и расходѣ или совсѣмъ не ведется, или ведется самая поверхностная: габои записываютъ на лоскуткахъ бумаги или въ книжкѣ пожертвованія, объявляемыя прихожанами во время субботы и праздниковъ, и, по мѣрѣ полученія оныхъ, зачеркиваютъ соотвѣтственную замѣтку, а потомъ уничтожаютъ всю книжку или лоскутки, какъ вещи ненужныя. Габои завѣдываютъ также распредѣленіемъ религіозныхъ почестей въ синагогѣ.

При постройкѣ новой школы, или капитальной перестройкѣ старой, приходомъ и расходомъ часто завѣдываютъ, кромѣ габоевъ, еще два прихожанина въ качествѣ товарищей; доходъ составляютъ усиленныя приношенія прихожанъ и выручка отъ продажи мѣстъ въ новой школѣ; въ случаѣ же значительной перестройки, мѣста сохраняются за прежними владѣльцами по праву „хазаки“, хотя-бы школа перестраивалась совершенно заново. О пріобрѣтеніи мѣста въ синагогѣ выдается покупателю продажная запись, называемая „ахлата“, за подписью старостъ и нѣсколькихъ почетныхъ прихожанъ. При новыхъ постройкахъ и значительныхъ перестройкахъ, иногда прибѣгаютъ къ помощи суммъ, удѣляемыхъ изъ коробочнаго сбора, о чемъ подробнѣе сказано будетъ ниже.

Въ каждой синагогѣ и молельнѣ есть служка (шамешъ), получающій изъ кассы школы самое незначительное жалованье, но онъ пользуется еще другими частными доходами: вознагражденіемъ за услуженіе на брачныхъ пирахъ и другихъ семейныхъ праздникахъ и мелкими денежными подарками прихожанъ при разныхъ случаяхъ. Служка исполняетъ приказанія старосты, но подъ его властью не состоитъ; онъ назначается приходомъ и, побывавъ продолжительное время въ этой должности, получаетъ на нее право „хазаки“, которое онъ можетъ, по согласію прихожанъ, продать другому.

б) Благотворительность. Для большей части разныхъ видовъ благотворительности, какъ описано въ другомъ мѣстѣ, у евреевъ учреждаются *братства*. Исключеніе составляетъ снабженіе бѣдныхъ пищею и въ значительныхъ общинахъ лѣченіе бѣдныхъ больныхъ.

1) Для снабженія безпомощныхъ бѣдняковъ пищею въ болѣе или менѣе значительныхъ обществахъ учреждаются т. н. „кицвы“ (отъ слова „кецевъ“ — опредѣленіе), состоящія въ томъ, что каждый состоятельный (а таковымъ въ этомъ отношеніи считается у евреевъ всякій, кто только не беретъ изъ „кицвы“) мѣстный житель даетъ по своему усмотрѣнію въ пользу сказанной

благотворительности опредѣленную сумму, выплачиваемую въ теченія года. Кицва учреждается по иниціативѣ почетнѣйшихъ членовъ общества; по ихъ приглашенію, каждый подписывается на взносъ, сообразно съ своими матеріальными средствами; они и назначаютъ двухъ габоевъ, собирающихъ пожертвованія деньгами или мукою и раздѣляющихъ оныя между бѣдными; сколько именно на каждое бѣдное семейство должно быть выдаваемо въ недѣлю муки или денегъ—опредѣляется габоями совмѣстно съ вліятельнѣйшими жертвователями. Габои избираются изъ лицъ извѣстныхъ своею честностію, а потому веденіе строгой отчетности считается лишнимъ, однако приходъ и расходъ записывается болѣе аккуратно. Въ малонаселенныхъ или бѣдныхъ общинахъ кицвы не учреждены; бѣдные сами ходятъ по домамъ, а для неспособныхъ ходить — милостыню собираютъ другіе, кто только по набожности желаетъ заняться этимъ добрымъ дѣломъ.

2) *Лѣченіе бѣдныхъ больныхъ* въ значительныхъ обществахъ, гдѣ имѣются особыя благоустроенныя больницы, составляетъ общую благотворительность, не имѣя особаго братства. Изъ почетнѣйшихъ членовъ общества назначается одинъ или два габоя, завѣдывающіе больницею; рессурсы состоятъ изъ частныхъ жертвованій, но, главнымъ образомъ, изъ получаемыхъ на сей предметъ суммъ изъ коробочнаго сбора. Въ такихъ больницахъ, болѣе или менѣе благоустроенныхъ, отчетность ведется аккуратная; значительныя и образцовыя больницы (какъ напр. Бердичевская) даже публикуютъ свои отчеты въ еврейскихъ газетахъ. Въ общинахъ же малозначительныхъ—особо устроенныхъ больницъ нѣтъ; помощь бѣднымъ больнымъ подается на домъ, для чего учреждаются братства подъ названіемъ „бикуръ-холимъ“. Характеръ этихъ братствъ и веденіе дѣлъ не отличаются отъ тѣхъ, какіе имѣютъ другія братства у евреевъ. Въ большихъ городахъ, талмудъ-торы тоже состоятъ подъ вѣдѣніемъ всего общества, избирающаго попечителя, и отдѣльнаго братства для этого не существуетъ. Расходы покрываются большею частію изъ коробочнаго сбора, а частію изъ частныхъ жертвованій.

Братства. Разнаго рода братства у евреевъ сушествующія, какъ-то: Хебра-бикуръ-халимъ (бр. вспоможенія больнымъ), Хебра-талмудъ-тора (бр. обученія бѣдныхъ грамотѣ), Хебра-Мишнаіотъ или Шасъ (бр. школьныхъ библіотекъ) и многія другія учреждаются по иниціативѣ не всего общества или его представителей, а нѣсколькихъ лицъ, возымѣвшихъ мысль учредить данное братство. Они предлагаютъ нѣсколькимъ изъ знакомыхъ принять участіе въ задуманномъ ими добромъ дѣлѣ и подписаться, каждый по своему желанію и средствамъ, на членскій годовой взносъ; когда уже подписалось столько членовъ, что ихъ годовые взносы составляютъ соразмѣрно съ цѣлью братства нѣсколько удовлетворительную цифру, братство открывается, т. е.

заводитъ свой *тинкасъ* (родъ матеріала), опредѣляетъ дни ежегодныхъ засѣданій, т. наз. „калфъ“, на которыхъ назначаются управляющіе дѣлами братства—габои, какъ подробно описано въ этнограф. очеркѣ. Хотя каждое братство избираетъ на калфахъ по нѣскольку габоевъ, подъ-габоевъ съ помощниками, контролера, а братство погребателей еще „паланта“ (распорядителя мѣстами на кладбищѣ), но въ дѣйствительности дѣлами братства завѣдываютъ только два габоя, а всѣ эти званія составляютъ лишь почести, которыми удовлетворяется честолюбіе претендующихъ на почетность членовъ братства. Главные габои, одинъ или два, избираемые изъ дѣйствительно почетнѣйшихъ членовъ братства, сами ведутъ его дѣла: собираютъ пожертвованія, расходуютъ ихъ на предметъ братской благотворительности, а большею частію даютъ, до собранія пожертвованій и взносовъ, собственныя деньги, безъ всякаго посредства казначея. Отчетность ведется поверхностная, отчетовъ не составляютъ и не публикуютъ; иногда габой сообщаетъ желающимъ это знать — итоги прихода и расхода за весь годъ. Только братство погребателей управляется всѣми тремя габоями по-очередно и помѣсячно, а во время отсутствія габоевъ управляютъ подъ-габои. Это братство отличается еще тѣмъ, что между тѣмъ какъ другія братства и благотворительныя учрежденія содержатся только изъ членскихъ взносовъ и добровольныхъ приношеній, — оно покрываетъ свои расходы исключительно изъ платежей, взимаемыхъ за похороны состоятельныхъ умершихъ; размѣръ этихъ платъ опредѣляется по совершенному произволу габоевъ. Это братство имѣетъ своихъ служковъ (шамошимъ), состоящихъ подъ вѣдѣніемъ габоевъ и повинующихся ихъ распоряженіямъ при совершеніи похоронъ. Служки, имѣющіе также своего старосту, назначаются изъ низшаго класса и изъ людей, отличающихся здоровьемъ и извѣстною долею неустрашимости и состоятъ въ этой должности, почитаемой тоже почестью, пожизненно; смѣнять ихъ, въ случаѣ провинности, можетъ только братство во время годовыхъ засѣданій; обязанность служковъ состоитъ въ убираніи умершихъ и погребеніи, за что они получаютъ особую плату или отъ родственниковъ умершаго, или, если умершій бѣдный, изъ кассы братства. Братство погребателей существуетъ въ каждомъ почти еврейскомъ обществѣ и завѣдуетъ общественнымъ кладбищемъ.

Управленіе гражданскими дѣлами. Гражданскія дѣла, а въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ—и хозяйственная часть внутренняго устройства еврейскихъ обществъ, какъ извѣстно, состоятъ, въ силу законовъ имперіи, подъ вѣдѣніемъ думъ и соотвѣтствующихъ имъ мѣстъ. Еврейскимъ обществамъ предоставлено только составленіе раскладокъ денежныхъ повинностей и избраніе сборщиковъ податей; въ нѣкоторыхъ случаяхъ, касающихся обще-

ственнаго хозяйства, установлены закономъ временныя представительства со стороны еврейскихъ обществъ. Считаю нужнымъ указать, хотя поверхностно, на тѣ обстоятельства, благодаря которымъ соприкасающаяся съ оффиціальною сферою общественная дѣятельность евреевъ, или администрація этой дѣятельности приняла тотъ характеръ, какой ниже описывается. Во 1-хъ, сношеніе съ начальствомъ, принадлежащимъ къ среднему и низшему классу чиновнаго люда, крайне не по-нутру и не привлекательно для старосвѣтскаго еврея, который не такъ безчувственъ къ безцеремонному и оскорбительному обращенію чиновника, какъ многимъ кажется: обнаруживаемое имъ равнодушіе къ извѣстнымъ комплиментамъ и кличкамъ есть равнодушіе, болѣе или менѣе притворное, сопровождающееся внутреннимъ затаеннымъ протестомъ и взаимнымъ презрѣніемъ къ гордому „пурицу“ — чиновнику. Во 2-хъ, взысканіе повинностей, натуральныхъ вообще, а денежныхъ—съ бѣдныхъ членовъ общества, требуетъ такой оффиціальной строгости, къ которой еврей, съ мало-мальскою претензіею на почтенность, неспособенъ; облегчающее же и взыскателя и плательщика понятіе о законности и необходимости повинностей — менѣе могло развиться въ средѣ евреевъ, которымъ многое напоминало и напоминаетъ, что они считаются какъ-бы чужими на обитаемой ими землѣ. Все это было причиною того, что у евреевъ Малороссіи, неимѣвшихъ и въ давнемъ прошломъ прочнаго начальнаго устройства, управленіе гражданскими дѣлами ихъ обществъ очутилось въ рукахъ средняго и низшаго класса. Болѣе благовоспитанные и почетные евреи считали не только обременительнымъ, но и унизительнымъ участіе въ управленіи гражданскими дѣлами общества. Въ каждомъ еврейскомъ обществѣ есть цѣлый контингентъ людей, заправляющихъ его гражданскими дѣлами и носящихъ особое, пользующееся весьма малымъ почетомъ, названіе *„кугелсъ-лайтъ“* (общественные люди). По своему состоянію и нравственности кугелсъ-лайтъ вообще стоятъ ниже другихъ членовъ общества и стимуломъ къ занятію общественными дѣлами служатъ для нихъ: или воспользованіе не совсѣмъ чистою матеріальною выгодою, или удовлетвореніе мелкому самолюбію, дѣлающее ихъ видными въ своемъ муравейникѣ людьми, съ извѣстнымъ вѣсомъ и голосомъ, и кто только, побуждаемый сказаннымъ стимуломъ, желаетъ вмѣшиваться въ общественныя дѣла и обладаетъ еще извѣстною долею заносчивости—становится *„кугелсъ-маномъ“*. Изъ среды болѣе почетныхъ кугелсъ-лайтъ, особенно мѣстныхъ домохозяевъ, избираются старосты, называемые у евреевъ *уполномоченными*, сборщики податей, а изъ среды низшихъ—поимщики и сдатчики рекрутъ и т. п. низшія должностныя лица. Эти *кугелсъ-лайтъ* суть главныя дѣйствующія лица на общественныхъ сходкахъ, созываемыхъ по гражданскимъ дѣламъ, какъ-то: для выбора должностныхъ лицъ

съ оффиціальнымъ значеніемъ, для составленія раскладокъ повинностей, а съ вліятельнѣйшими изъ нихъ старосты и сборщики совѣтуются во всѣхъ своихъ распоряженіяхъ. При составленіи раскладокъ разныхъ денежныхъ повинностей, рекрутскихъ очередныхъ списковъ и учетовъ, стоящіе во главѣ общественнаго управленія кугелсъ-лайтъ стараются тягость этихъ повинностей свалить побольше на „отдаленныхъ“ (такъ называютъ приписанныхъ къ мѣстному кагалу, но внѣ онаго живущихъ) и тѣхъ изъ мѣстныхъ членовъ общества, которые не успѣли попасть въ составъ настоящихъ кугелсъ-лайтъ; себя же и свои семейства стараются выгораживать отъ выполненія повинностей въ соотвѣтствующемъ ихъ численности размѣрѣ. Лишенные всякаго образованія, незнакомые—какъ слѣдуетъ—съ касающеюся общественнаго управленія юриспруденціею, эти кугелсъ-лайтъ и выбранные изъ нихъ должностныя лица, чаще всего по незнанію, а иногда и по неблагонамѣренности, дѣлаютъ частыя отступленія отъ закона, что̀ вмѣстѣ съ безалабернымъ веденіемъ дѣлъ вообще, влечетъ за собою лишніе и обременительные расходы для общества. Общество всегда, и особенно во время рекрутскихъ наборовъ, нуждается въ значительныхъ денежныхъ средствахъ, для пріобрѣтенія которыхъ должно прибѣгать къ чрезмѣрнымъ поборамъ съ своихъ членовъ, главнымъ образомъ, какъ выше сказано, съ „отдаленныхъ“. Подобные поборы взыскиваются подъ маскою разнаго рода законныхъ названій: подушной недоимки, „рекрутовыхъ“, земскихъ и т. под., а иногда вынуждаются невыдачею паспортовъ, или призваніемъ къ выполненію непріятныхъ обязанностей по общественному управленію. Отчетность о приходѣ и расходѣ общественныхъ суммъ не ведется. Думы и полиція, которымъ предоставлено закономъ право, или даже вмѣнено въ обязанность повѣрять дѣйствія сборщиковъ, мало объ этомъ заботятся, по причинамъ, легко угадываемымъ, такъ равно посвященные въ махинаціи общественнаго управленія *„кугелсъ-лайтъ“*, если замѣчаютъ лишнія растраты и неблаговидные расходы со стороны сборщиковъ и старостъ, легко унимаются послѣдними.

Хотя съ уничтоженіемъ подушной подати и прекращенія вслѣдствіе того взысканія недоимокъ, кругъ безалаберной дѣятельности кугелсъ-лайтъ нѣсколько съузился, такъ какъ раскладки, доставляющія главный поводъ и удобный предлогъ къ поборамъ, идущимъ на безполезные расходы, составляются рѣже; но рекрутскіе наборы, обходящіеся евреямъ неимовѣрно дорого, доставляютъ общественнымъ распорядителямъ обширное поле для дѣйствія. Общественная дѣятельность евреевъ по отбыванію рекрутской повинности приняла въ послѣднее время, во многихъ обществахъ Юго-Западнаго края, различный характеръ подъ вліяніемъ законодательныхъ реформъ, предпринятыхъ въ рекрутскомъ уставѣ правительствомъ и сообразно съ мѣстными условіями еврейской

общественной жизни. Отбываніе рекрутской повинности было чуть-ли не главною причиною того явленія, о которыхъ говорилъ я выше, — отстраненія отъ управленія гражданскими дѣлами общества лучшихъ его членовъ. Евреи смотрѣли, а отчасти смотрятъ и теперь, на поступающаго въ солдаты собрата, „на еврея“, какъ они выражаются, „передаваемаго въ руки гоевъ“ (in goische hände) какъ на несчастную жертву, обрекаемую на жизнь, полную опасности, безправія и мученій, на неизбѣжное отпаденіе отъ своей вѣры и національности. Выбирая изъ крайнихъ золъ наименьшее, старались, по крайней мѣрѣ, отдавать подъ предлогомъ разныхъ измышляемыхъ законныхъ причинъ, холостыхъ и даже 8-ми и 9-ти-лѣтнихъ дѣтей, неотличающихся благонравіемъ батраковъ. Распоряжающимся дѣлами общества во время набора предстояло, такимъ образомъ, творить „страшный“, въ глазахъ религіознаго еврея, „судъ надъ еврейскими душами“; никто изъ отличающихся доброю совѣстью, „имѣющихъ Бога въ сердцѣ“, не хотѣлъ участвовать въ судѣ; только черствыя души соглашались быть руководителями отдачи рекрутъ, въ качествѣ старостъ, тысяцкихъ и совѣтниковъ — кугелсъ-лайтовъ; только такія натуры посвящали себя „ловлѣ еврейскихъ рекрутъ“, вырывая несчастныхъ жертвъ изъ круга и объятій рыдающихъ родственниковъ. Благочестивое опасеніе, чтобы не навлекать на себя гнѣва Божія участіемъ въ отдачи рекрутъ, окончательно устранило отъ участія въ управленіи рекрутскими, а вслѣдствіе этого и прочими гражданскими дѣлами общества, благочестивыхъ по профессіи цадиковъ, этихъ прорицателей въ рѣшеніи недоразумѣній по всѣмъ прочимъ частнымъ и общественнымъ интересамъ отсталыхъ евреевъ. Встрѣчая очень часто надобность, отчасти по вышесказанной причинѣ, отчасти по причинѣ укрывательства стоящихъ на очереди, отдавать вмѣсто однихъ другихъ, на очереди нестоящихъ, общество несло значительные расходы на устраненіе препятствій къ принятію поставляемыхъ рекрутъ; громадныхъ расходовъ стоила также поимка, стороженіе и содержаніе рекрутъ, такъ что, какъ сообщили мнѣ свѣдущіе кугелсъ-лайтъ, въ общей сложности отдача еврейскаго рекрута натурою обходилась обществу отъ 200 до 300 руб. Средствами къ покрытію этихъ расходовъ служили главнымъ, образомъ, поборы, такъ называемые „рекрутовые“, вынуждаемые съ приписанныхъ къ обществу членовъ; но, кромѣ этого многія общества пользовались также суммами, удѣляемыми для еврейскихъ общественныхъ надобностей изъ коробочнаго сбора.

Здѣсь будетъ кстати сказать нѣсколько словъ о представительствѣ еврейскихъ обществъ въ правительственныхъ учрежденіяхъ, завѣдующихъ хозяйственными дѣлами общественныхъ учрежденій евреевъ, фондъ которыхъ образуется, или долженъ образоваться, изъ частей коробочнаго сбора и о

судьбѣ этого фонда, подъ управленіемъ общественныхъ представителей. По этому предмету еврейскія общества должны быть разсматриваемы по двумъ категоріямъ: 1) Въ большей части общинъ, а именно, мало или незначительно населенныхъ, сказанное представительство присвояется тѣми же кугелсъ-лайтами, которые завѣдуютъ гражданскими дѣлами общества и находятся, такимъ образомъ, въ болѣе близкихъ сношеніяхъ съ оффиціальною сферою. Хотя взиманіе коробочнаго сбора основано по закону на началѣ территоріальномъ, а не кагальномъ, и всѣ жители данной мѣстности, какъ приписанные къ мѣстному кагалу, такъ и чужіе, т. е. купцы и иногородные мѣщане, подлежатъ въ одинаковой степени мѣстному коробочному сбору, — представителями общинъ сказанной категоріи, приглашаемыми по закону думами и пр., для составленія проектовъ таксъ этого сбора и смѣтъ расходовъ на хозяйственныя потребности общества, бываютъ только мѣстные, болѣе, конечно, почетные кугелсъ-лайтъ. Иногородные мѣщане и купцы изъ евреевъ хотя и составляютъ въ каждомъ городѣ и мѣстечкѣ весьма значительную часть мѣстнаго еврейскаго населенія, не принимаютъ въ этихъ представительствахъ почти никакого участія. Это происходитъ отчасти отъ отсутствія у евреевъ здѣшняго края вообще заботы и раченія о правильномъ устройствѣ и веденіи своихъ общественныхъ дѣлъ (все, что̀ имѣетъ видъ правильной организаціи въ общественномъ управленіи, принадлежитъ большею частію вѣковой рутинѣ), а отчасти отъ той антипатіи, которую старосвѣтскій еврей питаетъ ко всему, сталкивающему его съ оффиціальнымъ міромъ, чувствуя жалкость своей роли въ этомъ мірѣ и мало вѣруя въ полезность оффиціальнаго попечительства для еврейскихъ общественныхъ интересовъ, къ чему, впрочемъ, даетъ поводъ практическая дѣйствительность. И такъ, представители обществъ этой категоріи, руководящіеся опредѣленіемъ нормъ коробочнаго сбора, распоряжающіеся суммами, отпускаемыми изъ этого сбора на хозяйственные потребности общества, состоятъ исключительно изъ охарактеризованныхъ выше кугелсъ-лайтъ, въ рукахъ которыхъ сказанныя суммы подвергаются той же незавидной участи, подобно прочимъ, непосредственно ими самими съ самихъ членовъ собираемымъ сборамъ. Суммы, назначаемыя въ оффиціальныхъ, представляемыхъ правительству, проектахъ на содержаніе богадѣльни (въ такихъ обществахъ существующей только на бумагѣ) для общественной бани, на поправку молитвенныхъ домовъ и т. под., обращаются на общественные расходы по отбыванію рекрутской повинности. Иногда сумма опредѣляется на ремонтировку синагоги или молитвеннаго дома; когда таковые строются за-ново, употребляется по настоящему своему назначенію въ оффиціальномъ проектѣ, но преимущественно этою суммой пользуются тѣ молитвенные дома, прихожане которыхъ принадлежатъ къ мѣст-

ному кагалу, молитвенные же дома, посѣтители которыхъ состоятъ изъ купцовъ и иногородныхъ мѣщанъ, рѣдко ею пользуются. Ко 2-й категоріи должно отнести еврейскія общества бывшихъ городовъ и мѣстечекъ. Такъ какъ съ одной стороны такія общества имѣютъ въ дѣйствительности разныя благотворительныя заведенія въ размѣрахъ болѣе или менѣе значительныхъ, нуждающіяся въ отпускаемыхъ для нихъ изъ коробочнаго сбора субсидіяхъ, а съ другой стороны, значительность суммы коробочнаго сбора возбуждаетъ большій къ себѣ интересъ платящихъ его, — то въ представительствѣ, приглашаемомъ при установленіи размѣровъ сбора и назначеніи извѣстныхъ частей образуемаго ими фонда на общественныя потребности, такъ равно въ распоряженіи этими, отпускаемыми обществу частями, участвуетъ все вообще мѣстное общество, а самые почетнѣйшіе по нравственному и матеріальному своему значенію купцы—въ особенности. Подъ вліяніемъ и руководствомъ послѣднихъ составляются мѣстнымъ обществомъ приговоры о распредѣленіи отпускаемыхъ на общественныя надобности суммъ по разнымъ частямъ общественнаго хозяйства, и суммы эти, подъ ихъ наблюденіемъ, употребляются по назначенію. Иногда это вліяніе и руководство принадлежитъ одному, или двумъ-тремъ первостатейнымъ по богатству и лестной репутаціи купцамъ, у которыхъ часто и хранятся получаемыя изъ казенныхъ учрежденій суммы. Въ обществахъ этой категоріи, значительная доля отпускаемыхъ изъ коробочнаго сбора суммъ также поступаетъ въ пользу мѣстнаго кагала, иногда въ размѣрѣ бо́льшемъ, чѣмъ въ общественномъ оффиціальномъ приговорѣ для этой статьи назначено; но вообще эти суммы употребляются по всѣмъ тѣмъ статьямъ, на которыя они отпускаются по закону, и отчетность объ ихъ израсходованіи ведется болѣе правильно. Благодаря описанному порядку вещей въ обществахъ этой категоріи, часто случается, что представители общества изъ почетнѣйшихъ мѣстныхъ купцовъ, становятся руководителями мѣстнаго кагала, или кугелсъ-лайтъ, въ управленіи ихъ гражданскими дѣлами, такъ какъ для веденія послѣднихъ употребляется значительная часть отпускаемыхъ изъ коробочнаго сбора суммъ. Вліяніе благонравныхъ, болѣе кугелсъ-лейтовъ смышленныхъ, купцовъ на веденіе общественныхъ и гражданскихъ дѣлъ было, конечно, благодѣтельно, но вмѣшательство этихъ купцовъ и ихъ вліяніе распростанялось больше на финансовую часть управленія, расходованіе общественныхъ денегъ производилось болѣе раціонально и справедливо, поборы съ отдаленныхъ, приписанныхъ къ кагалу мѣщанъ, взимались болѣе совѣстливо, отбываніе же натуральной и рекрутской повинности все-таки оставалось подъ вліяніемъ низшихъ кугелсъ-лайтъ, сопровождаясь едва-ли не тѣми аномаліями, что и въ другихъ обществахъ.

Возвращаясь къ занимающему насъ предмету,—отбыванію евреями рек-

рутской повинности, поговоримъ о перемѣнѣ, происшедшей въ характерѣ этого рода дѣятельности еврейскихъ обществъ, подъ вліяніемъ послѣднихъ законодательныхъ реформъ, относящихся къ евреямъ. Въ настоящее время по отношенію къ управленію отбыванія рекрутской повинности, еврейскія общества Юго-Западнаго края могутъ быть раздѣлены на слѣдующія двѣ категоріи: къ 1-й, составляющей пока меньшинство, должны быть отнесены тѣ общества, которыя съ одной стороны находятся въ условіяхъ, нѣкоторымъ образомъ благопріятствующихъ развитію въ евреяхъ современныхъ взглядовъ на жизнь вообще и на военную службу, сопряженную съ подчиненіемъ не еврейской власти въ частности, а съ другой—принадлежатъ къ той изъ описанныхъ выше категорій еврейскихъ обществъ, гдѣ, благодаря указаннымъ причинамъ, управленіе всѣми гражданскими дѣлами оставалось и прежде на попеченіи однихъ только низшихъ кугелсъ-лайтъ, и гдѣ потому между мѣстнымъ кагаломъ по ревизіи и чужими не утвердилось никакой солидарности. Это отсутствіе солидарности осталось и понынѣ; не смотря на то, что, благодаря дѣйствующимъ въ настоящее время узаконеніямъ, вмѣсто еврейскихъ рекрутъ, могутъ быть поставляемы охотники изъ христіанъ, или казенныя квитанціи, еврейскія общества этой категоріи, не располагающія теперь бо́льшими средствами, чѣмъ прежде, все-таки вынуждены бываютъ поставлять еврейскихъ рекрутъ натурою. Въ такихъ обществахъ средствами къ найму охотниковъ и покупкѣ квитанцій служатъ только деньги, даваемыя для этой цѣли семействами и лицами, состоящими на рекрутскомъ учетѣ; въ случаѣ бѣдности или малой состоятельности послѣднихъ, общество помогаетъ имъ по мѣрѣ возможности изъ своихъ средствъ, образуемыхъ изъ источниковъ, указанныхъ выше; но чужіе, т. е. купцы и иногородные мѣщане, на мѣстѣ живущіе, не принимаютъ въ этихъ расходахъ мѣстнаго ревизскаго общества никакого участія. Другое явленіе представляется въ обществахъ 2-й категоріи, составляющихъ большинство еврейскихъ обществъ Юго-Западнаго края. Сюда принадлежатъ большія и малыя общества, неуспѣвшія еще, благодаря сильному господству старосвѣтскихъ взглядовъ и отношенію между евреями и неевреями освободиться отъ страха за goïsche hände, и въ особенности тѣ значительныя общества, въ которыхъ управленіе хозяйственною частью общественныхъ благотворительныхъ учрежденій сложилось такъ, что знатнѣйшіе купцы и иногородные мѣщане возъимѣли въ финансовомъ отношеніи вліяніе и на управленіе гражданскими дѣлами мѣстнаго кагала. Въ обществахъ этой категоріи, отбываніе рекрутской повинности de facto ограничивается не составомъ ревизскаго общества, а территоріею города или мѣстечка; всѣ живущіе тамъ евреи и купцы и иногородные мѣщане участвуютъ своими денежными приношеніями въ выполненіи набора покуп-

ными квитанціями или наемными охотниками, и завѣдываніе всѣмъ этимъ находится въ рукахъ самыхъ почетныхъ мѣстныхъ жителей изъ купцовъ.

Имѣя въ виду не апологію, а этнографію евреевъ, я все-таки считаю нужнымъ обратить вниманіе читателя на обстоятельства, обусловливающія установленіе въ еврейскихъ обществахъ той и другой категоріи описаннаго порядка вещей, и вмѣстѣ съ тѣмъ представить въ настоящемъ свѣтѣ мѣры, предпринимаемыя обществами 2-й категоріи для увеличенія денежныхъ средствъ, нужныхъ на отбываніе рекрутскаго набора, такъ какъ вредъ, наносимый этими мѣрами христіанскому населенію, нѣкоторыми органами гласности утрируется. Какъ выше уже замѣчено и какъ при практическомъ наблюденіи видно, установленіе въ еврейскихъ обществахъ 1-й и 2-й категоріи того и другого порядка вещей зависитъ въ настоящее переходное время, главнымъ образомъ, отъ степени современнаго развитія и гуманной терпимости ко всему иновѣрному, до которой достигло какъ еврейское, такъ и не-еврейское общество данной мѣстности. Тамъ, гдѣ евреи стоятъ въ болѣе близкихъ сношеніяхъ съ обществомъ не-еврейскимъ и гдѣ послѣднее, особенно въ лицѣ бюрократіи, выказываетъ уваженіе къ человѣческой личности и правамъ еврея, какъ человѣка, не дѣлая въ этомъ отношеніи никакого различія между нимъ и не-евреемъ, тамъ прежній страхъ передъ не-еврейскою средою и властью исчезаетъ и на еврейскаго солдата, поступающаго въ эту среду и подъ эту власть, уже не смотрятъ съ такимъ отчаяніемъ какъ прежде, зная изъ опыта, что и со стороны христіанина можетъ быть оказана и законная защита еврею, и должное уваженіе его религіозному чувству. Напротивъ того, тамъ, гдѣ въ практической жизни еврей встрѣчаетъ презрѣніе къ его національности, попираніе его человѣческаго достоинства, онъ сохраняетъ прежній страхъ предъ goïsche hände и съ радостію жертвуетъ всѣмъ, чѣмъ можетъ, для спасенія себя отъ этихъ рукъ, въ чемъ онъ готовъ всегда помогать своему собрату.

Для болѣе нагляднаго примѣра приведу слѣдующій замѣчательный фактъ: между тѣмъ какъ въ большей части Волынской, Подольской и западныхъ уѣздовъ Кіевской губерніи, можно встрѣтить множество евреевъ средняго возраста съ отрѣзанными на правой рукѣ пальцами, что̀ еврейскіе отцы и матери совершали въ прежнее время надъ своими малолѣтними сыновьями, для предохраненія ихъ отъ поступленія въ рекруты,—въ восточныхъ частяхъ Кіевской губерніи, во всей Малороссіи, а тѣмъ болѣе въ Новороссійскомъ краѣ, еврей съ отрѣзанными пальцами составляетъ чрезвычайную рѣдкость. И это явленіе объясняется только тѣмъ, что гдѣ польскій элементъ былъ особенно господствующимъ въ мѣстной интеллегенціи и бюрократіи, тамъ евреи были болѣе презираемы и съ своей стороны болѣе чуждались всего не-

еврейскаго и сосредоточивались въ самихъ себѣ. Тѣмъ же самымъ, какъ сказано выше, отчасти объясняется болѣе тѣсное соединеніе всѣхъ еврейскихъ жителей городовъ и мѣстечекъ 2-й категоріи для вспомоществованія мѣстнымъ ревизскимъ обществамъ въ отбываніи рекрутской повинности.

Различныя мѣры, принимаемыя для сказаннаго вспомоществованія, считаю нужнымъ разсмотрѣть въ двухъ отношеніяхъ: а) по степени ихъ распространенности въ Юго-Западномъ краѣ и б) по значительности доставляемыхъ ими средствъ. Первое мѣсто по своему распространенію и по значительности доставляемыхъ средствъ занимаютъ денежные взносы состоящихъ на рекрутской очереди семействъ, что̀ составляетъ главный источникъ дохода и въ обществахъ первой категоріи. Воспользованіе суммами изъ коробочнаго сбора тоже имѣетъ мѣсто во всѣхъ обществахъ, гдѣ только таковыя суммы отпускаются на общественные расходы, но, по незначительности доставляемыхъ средствъ, этотъ рессурсъ иногда уступаетъ первому, а мѣстами и по временамъ его превосходитъ, смотря потому, располагаетъ ли общество въ данное время значительною суммою изъ коробочнаго сбора и бѣдны ли стоящія на очереди семейства, или богаты. Второе, послѣ сказанныхъ рессурсовъ, мѣсто занимаетъ добровольное жертвованіе мѣстныхъ зажиточныхъ купцовъ и мѣщанъ, даже иногородныхъ. Средства, доставляемыя этими приношеніями въ большей части случаевъ также уступаютъ въ значительности средствамъ первыхъ двухъ рессурсовъ, но иногда, если мѣстное еврейское населеніе отличается богатствомъ вообще, или же имѣетъ въ средѣ своей двухъ-трехъ крупныхъ богачей, сумма, собираемая по добровольной подпискѣ, превосходитъ всѣ другія средства общества. Въ нѣкоторыхъ городахъ, гдѣ исчисленные выше рессурсы оказались недостаточными, а описанные ниже совсѣмъ не существуютъ, принятъ въ послѣднее время, въ видѣ единовременной мѣры, слѣдующій порядокъ составленія добровольной подписки, съ цѣлью усиленія дохода и болѣе правильнаго участія въ ней всѣхъ жителей, сообразно съ матеріальными средствами каждаго; каждый мѣстный житель объявляетъ по совѣсти, сколько ему обходится справленіе субботы, хлѣбъ, мясо, вино и другія явства, и такую же сумму вноситъ въ пользу общества для рекрутскихъ расходовъ. Третье, по распространенности и значительности дохода, мѣсто занимаетъ плата въ пользу общества, получаемая во многихъ владѣльческихъ городахъ и мѣстечкахъ отъ содержанія питейныхъ арендъ. Существованіе этого дохода имѣетъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, какъ можно полагать, историческую давность: польскіе помѣщики тоже отдѣляли въ пользу поселенныхъ въ ихъ имѣніяхъ еврейскихъ обществъ часть дохода, получаемаго отъ питейной монополіи, въ вознагражденіе свободныхъ евреевъ, за подчиненіе ихъ питейно-монопольному праву, которымъ владѣльцы должны были пользо-

ваться только относительно своихъ подданныхъ-крестьянъ. Въ настоящее время, полученіе обществами мѣстечекъ платъ этого рода тоже мотивируется отступленіемъ еврейскихъ жителей отъ предоставленнаго имъ закономъ права покупать, для собственнаго употребленія, водку внѣ арендной черты содержателя-монополиста. Размѣръ этой платы простирается отъ 5-ти до 10% суммы, платимой владѣльцу, смотря, конечно, по пропорціональному отношенію еврейскаго населенія къ не-еврейскому. Четвертое мѣсто занимаетъ отдача въ монопольную продажу нѣкоторыхъ предметовъ потребленія, съ полученіемъ въ пользу общества извѣстной платы. Въ большей части случаевъ въ монополію отдается только продажа свѣчей, но иногда, въ случаѣ скудости или истощенія другихъ источниковъ дохода,—продажа евреямъ рыбы на субботу и продажа смолы и соли тамъ, гдѣ этими предметами торгуютъ одни евреи. Эти монополіи существуютъ только въ нѣкоторыхъ владѣльческихъ городахъ и мѣстечкахъ, и доходы, ими доставляемые, рѣдко составляютъ такую цифру, какъ одна изъ указанныхъ выше статей.

Сущность монополіи состоитъ, главнымъ образомъ, въ томъ, что арендаторъ не имѣетъ конкуррентовъ въ пользованіи доходомъ, который обыкновенно приноситъ вся мѣстная торговля тѣмъ или другимъ предметомъ. Главныя условія заключаемаго по сему предмету вообще словеснаго договора состоятъ въ слѣдующемъ: 1) Никто изъ мѣстныхъ жителей евреевъ не долженъ продавать отданный въ аренду предметъ, такъ равно никто не долженъ покупать у другого мѣстнаго торговца, кромѣ арендатора; на сторонѣ же, то есть у торговцевъ, не принадлежащихъ къ чертѣ города или мѣстечка и такимъ образомъ арендатора не конкурирующихъ, всякій еврейскій житель можетъ покупать данный предметъ для собственнаго употребленія. 2) Арендаторъ же обязывается снимаемый имъ предметъ торговли не продавать дороже тѣхъ цѣнъ, какія существуютъ въ данное время въ окрестности, для чего каждый разъ даже назначается опредѣленная цѣна. Хотя нельзя сказать, чтобы арендаторъ никогда не пользовался отсутствіемъ конкурренціи для нѣкотораго, съ перваго разу незамѣтнаго возвышенія цѣнъ, или пониженія качества товара, такъ какъ общество, по отсутствію правильной организаціи управленія, не можетъ постоянно, или своевременно, контролировать дѣйствія арендатора; но достигнуть большихъ размѣровъ злоупотребленія послѣдняго все-таки не могутъ.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

МАЛОРУССЫ ЮГО-ЗАПАДНАГО КРАЯ

Третья часть VII тома посвящена этнографическо-статистическимъ даннымъ о Малоруссахъ юго-западнаго края. Она состоитъ изъ слѣдующихъ отдѣловъ: а) краткая характеристика Малороссовъ; б) статистическія данныя о Малоруссахъ юго-западнаго края; в) жилища, орудія, утварь, одежда и пища Малороссовъ; г) нарѣчія, поднарѣчія и говоры Южной-Россіи, и д) статистическія данныя объ экономическомъ положеніи крестьянъ.

Что касается характеристики Малороссовъ, то она представлена — въ общихъ чертахъ, потому что въ предшествующихъ 6-ти томахъ изложены этнографическіе матеріалы, характеризующіе вѣрованія, обряды, міровоззрѣніе, нравственныя и юридическія правила и обычаи, а равно — собрана масса памятниковъ народнаго творчества. Предлагаемый очеркъ есть частію результатъ наблюденій изслѣдователя, частію сжатое обобщеніе матеріаловъ, помѣщенныхъ въ предъидущихъ томахъ.

Въ отдѣлѣ статистическихъ данныхъ о Малоруссахъ Царства Польскаго и западной части Бессарабіи, приведены списки деревень, въ которыхъ малороссы сохранили свой языкъ. Списки эти составлены на основаніи сообщенныхъ намъ списковъ начальниками уѣздовъ и коммиссарами по крестьянскимъ дѣламъ, а также и личныхъ наблюденій.

Отдѣлъ бытовой обстановки Малороссовъ мы старались изложить возможно подробнѣе. Къ этому отдѣлу имѣется въ Императорскомъ Русскомъ Географическомъ Обществѣ сообщенный нами объемистый альбомъ, заключающій въ себѣ фотографическіе снимки типовъ, построекъ, орудій и утвари *).

Что касается нарѣчій, то объ этомъ отдѣлѣ труда говорится въ особомъ къ нему предисловіи.

Наконецъ — экономическія данныя о положеніи крестьянъ, которыя снабжены особымъ предисловіемъ.

П. Чубинскій.

15-го марта 1873 года.
Городищенскій заводъ.

---

*) Описаніе альбома, составленное нами, прилагается въ концѣ тома. П. Ч.

Краткая характеристика Малороссовъ.

Для собранія болѣе опредѣленныхъ данныхъ о типѣ Малороссовъ, мы сообщили рекрутскимъ присутствіямъ форму таблицъ для отмѣтки антропологическихъ наблюденій надъ лицами, представленными въ рекрутскія присутствія. Отъ девяти присутствій мы получили такихъ отмѣтокъ о 1,355 Малороссахъ, представленныхъ туда въ качествѣ рекрутъ. Выводы изъ этихъ данныхъ мы приводимъ, какъ характеристику малорусскаго типа.

Изъ числа рекрутъ **по росту** было:

Малаго роста	т.-е. отъ 2 арш. 4 верш.	до 2 арш. 5 верш.	34,82%
Средняго роста	„ „ 2 „ 5 „	„ 2 „ 6 „	29,80%
Высокаго роста	„ „ 2 „ 6 „	„ 2 „ 8 „	31,58%
Очень высокаго роста	„ „ 2 „ 8 „	„ 2 „ 12 „	03,68%

Такимъ образомъ, почти одна треть — малаго роста, треть — средняго и треть — высокаго роста. Правда, сюда не вошли Полѣшскіе уѣзды. Если принять и ихъ во вниманіе, то число лицъ высокаго роста будетъ меньше, но вообще малорослые, т.-е. до 2 арш. 5 верш., составятъ все-таки не болѣе трети; а лица средняго и высокаго роста составятъ послѣднія двѣ трети, какъ и оказалось въ наборы 1863, 1865, 1866 и 1867 годовъ *). При этомъ надо замѣтить, что большинство рекрутъ принимается 21 года и, слѣдовательно, продолжаетъ рости. Изъ приведенныхъ данныхъ слѣдуетъ, что Малороссы — народъ вообще рослый.

По цвѣту кожи:

Особенно бѣлаго	9,57%
Смуглаго	21,69%
Умѣренно-бѣлаго	68,70%

*) «Военное Обозрѣніе Кіевскаго Военнаго Округа. Кіевъ 1869 г.», стр. 101—102.

По формѣ головы:

Со сплюснутыми отъ темени къ шеѣ . . .	9,66%
„ „ „ лицев. стор. къ затылку.	7,45%
„ „ съ боковъ	10,47%
Безъ замѣтной сплюснутости	73,06%

По цвѣту волосъ:

Чернаго	13,28%
Темнорусаго	58,52%
Свѣтлорусаго.	24,35%
Рыжаго	3,83%

По формѣ бровей и сростанія ихъ:

Съ прямыми бровями	54,24%
Дугой.	45,75%
Со сросшимися	14,39%
„ несросшимися	85,60%

По внѣшнему виду глазъ:

Открытыхъ	70,25%
Выдающихся	10,55%
Впалыхъ.	19,04%

По цвѣту глазъ:

Чорныхъ	7,15%
Карихъ	25,31%
Голубыхъ.	17,56%
Сѣрыхъ	49,96%

По величинѣ рта:

Широкихъ	15,05%
Узкихъ	14,17%
Умѣренныхъ	70,77%

По формѣ челюстей:

Правильной	83,24%
Верхняя часть, выдавшаяся впередъ . . .	8,77%
Нижняя челюсть, выдавшаяся впередъ . .	7,97%

По формѣ носа:

Прямой	69,74%
Горбатый.	11,07%
Вогнутый	18,45%

По ширинѣ носа:

Широкихъ	16,75%
Узкихъ	13,06%
Умѣренныхъ	70,18%

По ширинѣ плечъ:

Широкихъ	25,97%
Узкихъ	8,78%
Среднихъ	65,23%

По высотѣ груди:

Выпуклыхъ	19,07%
Правильныхъ	67,97%
Впалыхъ	12,02%

По ширинѣ груди:

Широкихъ	27,03%
Узкихъ	8,04%
Умѣренныхъ	64,64%

По длинѣ рукъ:

Длинныя	12,39%
Короткія	11,07%
Умѣренныя	76,53%

По длинѣ ногъ:

Длинныя	12,39%
Короткія	11,07%
Умѣренныя	76,53%

По характеру походки:

Ходящихъ прямо	66,64%
Покачивающихся со стороны на сторону	12,69%
Наклоняющихся впередъ	20,66%

По быстротѣ походки:

Быстрой	16,09%
Медленной	15,35%
Умѣренной	67,67%

Изъ вышеозначенныхъ данныхъ оказывается, что между Малоруссами преобладаютъ брюнеты. Такъ, свѣтловолосыхъ между ними всего 28,18%, т.-е. менѣе $^1/_3$ и въ томъ числѣ съ рыжими волосами менѣе 4%. Остальные (почти

72%) съ темнорусыми или чорными волосами, причемъ преобладаютъ темнорусые волосы, такъ-что почти 59% населенія имѣютъ темнорусые волосы.

Точно также голубые глаза у Малоруссовъ встрѣчаюся довольно рѣдко: голубоглазыхъ всего 17,56%; затѣмъ у наибольшей части сѣрые глаза, такъ что почти половина населенія съ темносѣрыми глазами. Каріе и чорные глаза почти у трети населенія.

По внѣшнему виду Малоруссы красивы. Лица мужчинъ мужественны и они вообще кажутся старше своего возраста. Въ понятіе красоты у Малоруссовъ входятъ непремѣнно каріе очи и чорныя брови.

Тѣлосложеніе Малоруссовъ бо́льшею частію умѣренное и даже скорѣе сухощавое, чѣмъ полное. Женщины обыкновенно значительно ниже ростомъ, чѣмъ мужчины, и довольно полны. О малорусскихъ женщинахъ нужно замѣтить, что онѣ вообще статны и граціозны. Стройный и гибкій станъ женщины считается, по понятію Малоруссовъ, условіемъ красоты.

Между Малоруссами часто встрѣчаются типы совершенно татарскіе и, въ то же время, у крымскихъ Татаръ можно нерѣдко встрѣтить типичныя малорусскія лица; попадаются также лица, напоминающія кавказскихъ горцевъ. Вообще малорусскій типъ не чуждъ восточной примѣси. И это неудивительно. Не говоря уже о кочующихъ народахъ княжескаго періода, каковы: Печенѣги. Козары и другіе, которые могли хотя частію осѣдать въ краѣ, — здѣсь на Украйнѣ поселились Торки, Берендѣи и Чорные Клобуки. Затѣмъ постоянные набѣги Татаръ, уводъ женщинъ въ плѣнъ не могли не вліять какъ на татарскій, такъ и на малорусскій типы. Кромѣ этого восточнаго элемента, во время козачества, долженъ былъ оказать хотя нѣкоторое вліяніе южно-славянскій и румынскій элементы, притекавшіе въ козацкую Украйну, а въ особенности въ Запорожскую Сѣчь. Такимъ образомъ, Малоруссы не обошлись безъ скрещиванія съ восточными элементами: татарскимъ и тюркскимъ, подобно тому какъ Великороссы представляютъ результатъ скрещиванія русскаго элемента съ финскимъ. съ тою только разницею, что русскій элементъ, при встрѣчѣ съ финскимъ, не только скрещивался, но и поглощалъ его посредствомъ ассимиляціи, и такимъ образомъ ассимилировалась огромная масса финновъ. Между тѣмъ какъ на югѣ Россіи русскому элементу пришлось ассимилировать количественно незначительный элементъ,— на сѣверо-востокѣ Россіи русскій элементъ совершалъ походъ на финновъ: онъ внѣдрялся среди ихъ, подчинялъ ихъ не только своей власти, но и своему національному вліянію, при томъ такъ, что аборигены принимали народность пришельцевъ. На югѣ Россіи русскій элементъ представлялъ аборигену ассимилировавшихся количественно небольшой элементъ пришельцевъ: тамъ русскій элементъ дѣйствовалъ активно, здѣсь — пассивно; тамъ скрещиваніе и ассимиляція шли въ обширныхъ размѣрахъ, здѣсь — въ болѣе

скромныхъ. Но все-таки то и другое было на юго-западѣ Россіи и оставило свои слѣды.

Что касается до ухода за своимъ тѣломъ, то Малоруссовъ нельзя не упрекнуть въ неряшествѣ. Бань въ Малороссіи совершенно нѣтъ. Тамъ, гдѣ есть рѣчки, купаются только молодые люди; пожилые же, даже начиная съ 30-ти-лѣтняго возраста, не пользуются этимъ даровымъ средствомъ омовенія. Женщины, тѣ хоть головы моютъ по субботамъ; мужчины же весьма рѣдко дѣлаютъ и это; но бѣлье мѣняютъ каждую недѣлю и въ жилищахъ стараются поддержать чистоту и опрятность.

Физіономія Малоруссовъ серьёзна и даже сурова, хотя выраженіе лица у женщинъ большею частію мягкое, привѣтливое, съ нѣсколько грустнымъ оттѣнкомъ. Малоруссъ говоритъ обыкновенно медленно и лаконически, хотя женщины этимъ качествомъ не отличаются: онѣ говорливы и вообще говорятъ бойко. Малоруссъ говоритъ медленно, съ сознаніемъ собственнаго достоинства; склонность къ серьёзному юмору проявляется на каждомъ шагу. Тонъ рѣчи женщинъ большею частію добродушно-наивный. Шутка ихъ обыкновенно не рѣзка и въ рѣчи весьма часто звучитъ грустная нота. Вообще нѣкоторая меланхоличность Малоруссовъ не можетъ не обращать на себя вниманія. Прошедшія страданія и постоянныя неудачныя попытки не могли не оставить по себѣ слѣда въ этомъ племени.

Малоруссъ медлителенъ въ походкѣ и вообще въ своихъ движеніяхъ: недаромъ онъ прослылъ „лѣнивымъ“. Дѣйствительно, нельзя не признать доли справедливости въ этомъ обвиненіи: Малоруссъ довольно апатиченъ и потому не предпріимчивъ. По сравненію съ Великороссомъ, —Малоруссъ нельзя не признать лѣнивымъ. Хотя онъ уважаетъ трудъ и презираетъ лѣность, но, тѣмъ не менѣе, любитъ отдыхъ, любитъ полежать при всякомъ удобномъ случаѣ; отдыхъ, по его понятію, не только потребность организма, но и большое удовольствіе. Особенно любитъ Малоруссъ полежать на зеленой травкѣ, на спинѣ, вперивъ взоры въ отдаленное пространство; къ этому его располагаетъ прекрасная природа Малороссіи. Однимъ словомъ, Малоруссъ дѣятеленъ не потому, что у него есть потребность къ дѣятельности, а потому, что это необходимо. О женщинахъ мы не можемъ сказать того же: онѣ не страдаютъ лѣнью; у нихъ такъ много работы и такъ велика привычка къ труду, что онѣ не могли получить наклонности къ лѣни. Причина этого коренится въ условіяхъ жизни и раздѣленія труда, о чемъ мы говоримъ въ своемъ мѣстѣ.

Умъ Малоруссa медленно воспринимаетъ, но за то усвоиваетъ воспринятое прочно и затѣмъ развиваетъ его серьезно и даже глубоко. Малоруссa можно положительно назвать глубокомысленнымъ. Онъ весьма способенъ къ умозрительной дѣятельности, къ логическому мышленію. Его медлительность помогаетъ

ему въ этомъ случаѣ; онъ всегда обдумываетъ то, что говоритъ. Условія жизни развили въ немъ склонность къ умозрѣнію, къ раздумью. Не говоря о чумачествѣ, при которомъ, идя за своимъ возомъ въ безпредѣльной степи, сливающейся съ небомъ, Малороссъ невольно предается размышленіямъ и мысль его уносится далеко, но даже дома онъ, будучи исключительно хлѣбопашцемъ, имѣетъ довольно времени, чтобы предаваться размышленіямъ. Занятія его не отличаются торопливостію, т.-е. не исключаютъ возможности размышлять; при томъ онѣ отбываются среди природы, оживленной почти втеченіе $^3/_4$ года, что опять располагаетъ къ умозрительной дѣятельности. При черезполосности владѣнія и при разбросанности полей мелкими клочками въ разныхъ мѣстахъ, ему приходится выѣзжать изъ дому съ своею катригою (небольшой шатеръ) на нѣсколько дней: здѣсь, оставаясь одинъ, съ небольшимъ мальчикомъ, онъ предается на досугѣ размышленіямъ. Кто способенъ отнестись безъ предубѣжденія къ малорусскому простолюдину, тотъ не можетъ не замѣтить логичности и серьезности мысли у этого простолюдина. Стóитъ познакомиться съ многочисленными пословицами малороссовъ, чтобы убѣдиться, насколько они способны къ умозрительной дѣятельности. Эта-то склонность къ умозрѣнію, среди прекрасной природы Малороссіи, развила въ ея жителяхъ воображеніе, чѣмъ и объясняется склонность ихъ къ символикѣ, къ образамъ, къ сравненіямъ, почему въ пѣсняхъ Малороссовъ и другихъ памятникахъ народнаго творчества природа является одухотворенною, является въ видѣ символовъ самыхъ разнообразныхъ явленій жизни человѣческой. Это создало цѣлый міръ духовъ, между которыми есть существа довольно поэтическія.

Чувствительность Малороссовъ даже сдѣлалась предметомъ насмѣшки. Малороссовъ и въ особенности женщинъ легко довести до слезъ. Горестный разсказъ, грустная пѣсня вызовутъ всегда рядъ глубокихъ вздоховъ и не одну горячую слезу сочувствія къ страждущему. Климатъ и природа расположили Малоруссса къ чувствительности, и эта чувствительность отразилась на всѣхъ явленіяхъ жизни. „Любощи и кохання“ между молодежью, семейная привязанность между супругами, любовь къ дѣтямъ, — все это доказываетъ чувствительность Малороссовъ. Пройдите лѣтомъ, въ праздники, по селу, и вы увидите не одного усатаго Малоруссса, суровое лицо котораго прояснилось: онъ держитъ на рукахъ ребенка и ласкаетъ его. Чувствительность и воображеніе создали ту богатую поэзію и музыку Малороссовъ, которыя получили громкую извѣстность. Дѣйствительно, малорусская народная пѣсня прекрасна, какъ по содержанію, такъ и по мелодіи. Это же породило въ Малороссахъ и любовь къ природѣ. Селенья ихъ покрыты садами; каждый желаетъ имѣть около дома хотя нѣсколько вишневыхъ деревьевъ. „Левады“ обсажены вербами; въ огородѣ непремѣнно найдете цвѣты. Дѣвушки лѣтомъ украшаютъ цвѣтами го-

ловы; за образами обыкновенно засохшіе цвѣты, а частію и искуственные—изъ цвѣтной бумаги.

Малоруссы, какъ извѣстно, весьма религіозны и набожны. Ихъ лиризмъ въ религіи сдѣлалъ ихъ довольно равнодушными къ догматикѣ; имъ чужда всякая догматическая распря, а потому ихъ не могъ привлечь расколъ. Раскольники-Великороссіяне, живя издавна среди Малоруссовъ, не могли найти между ними прозелитовъ. Если и проявилось у Малоруссовъ въ самомъ незначительномъ размѣрѣ сектаторство, то въ видѣ раціонализма нѣкоторыхъ протестантскихъ сектъ.

Но тѣже качества, какъ-то: склонность къ умозрѣнію и чувствительность, отчасти развиваютъ въ Малоруссахъ: первое — скептицизмъ, постоянную критику, что дѣлаетъ ихъ малорѣшительными и недостаточно энергическими; а второе—порождаетъ плаксивость, грустное настроеніе, что приводитъ часто къ рюмкѣ, въ которой стараются утопить горе. Вмѣстѣ взятыя и развитыя до крайности, эти качества порождаютъ апатію къ явленіямъ жизни, чего не чужды и образованные Малоруссы.

Серьёзный умъ и глубина чувства создали въ Малоруссѣ силу воли. Ему, какъ скептику, трудно рѣшиться; но, рѣшившись разъ, онъ не легко откажется отъ своего предпріятія. Это-то и дало поводъ считать Малоруссовъ упрямыми. Онъ не легко согласится съ чужимъ мнѣніемъ; онъ упорно держится своего: „лучче свое лѣтанє, ніжъ чуже хѣпане“. Благодаря этому упрямству, Малоруссъ, въ своей прошедшей, исполненной ужасовъ и страданій, жизни, отстоялъ свою религію, свою народность, свою рѣчь. Но эта склонность въ Малоруссѣ—сильно стоять на своемъ, упорно преслѣдовать принятое рѣшеніе — въ общественной жизни ведетъ часто къ разладу, къ ссорамъ, къ отсутствію единства въ дѣйствіяхъ. Склонность къ тяжбамъ, изображенная въ „Ссорѣ Ивана Ивановича съ Иваномъ Никифоровичемъ“ — фактъ неопровержимый.

Малоруссъ высоко цѣнитъ свою личность, идею которой онъ развилъ широко въ своемъ прошломъ и современномъ быту. Эта идея личности создала любовь къ свободѣ, что выразилось въ козачествѣ, въ этомъ демократическомъ рыцарствѣ. Но, развитая до крайности, она лишила Малоруссовъ способности къ ассоціаціи. Козаки, правда, вели борьбу совмѣстно, отстаивая свою личность, свою семью, свою собственность, свою религію; но они никогда не умѣли прочно организоваться и потому никогда не имѣли самостоятельности. Прежде, до Аскольда и Дира, предки ихъ дробились на роды, и родъ возставалъ на родъ; потомъ, при удѣльно-вѣчевомъ складѣ, боролась земля съ землею; затѣмъ, потерпѣвъ татарскій погромъ и находясь въ постоянномъ страхѣ отъ невѣрныхъ, Малоруссы стали солидарнѣе. Гнётъ Польши и ея стремленіе поработить Малоруссовъ, ея посягательство на народность и вѣру развили у Малоруссовъ духъ общественный. Но этотъ духъ создался гнётомъ; его вызвала необходимость

обороны. Но и тутъ личные интересы не переставали сильно проявляться. Реестровые козаки, изъ-за обѣщанныхъ имъ правъ шляхетства, готовы были предать народъ; старшина козацкая, выдвинутая выборомъ народа, готова была закрѣпостить простыхъ козаковъ, что она впослѣдствіи и сдѣлала. Козацкая старшина на лѣвомъ берегу Днѣпра, сначала враждебно относилась къ демократической Москвѣ; но затѣмъ, послѣ распространенія на нее привилегій, жалованной граматы Петра III, возвышавшей личность дворянина и обезпечивавшей права рабовладѣнія, — перемѣнилась совершенно и сдѣлалась вполнѣ русскою. Но прошлое наложило свою печать, и малорусская интеллигенція, состоящая преимущественно изъ дворянъ, и до сихъ поръ проникнута духомъ индивидуализма и малою заинтересованностію общественными дѣлами. Въ каждомъ уѣздѣ можно насчитать изрядное количество дворянъ, получившихъ порядочное образованіе; но они уклоняются отъ общественной дѣятельности, они равнодушны къ ней. Критиковать мастера, а дѣйствовать не любятъ, почему земская дѣятельность Малорусскихъ губерній далеко не такова, какою могла бы быть, если бы малорусская интеллигенція была менѣе апатична къ общественнымъ интересамъ, если бы общественность стояла выше индивидуальности. Вообще рознь, партіозность у Малороссовъ характеристическое качество; онѣ высказаны еще Мазепою:

Всі покоя щиро прагнуть,
А не въ одинъ гужъ всі тягнуть:
Той направо, той наліво,
А всі брати, — то-то й диво!

Идея личности породила аристократическій инстинктъ, почему высшіе классы въ Западной Руси, движимые этимъ инстинктомъ, ополячились, приняли польскую цивилизацію, какъ аристократическую. Высшій классъ ополячился вслѣдствіе сильно развитаго чувства индивидуальности. Польша — классическая страна шляхетской свободы. Польская цивилизація — цивилизація аристократическая, и притомъ безпримѣрно аристократическая, какою она могла быть въ странѣ, гдѣ шляхетская гордость довела принципъ шляхетской свободы до абсолюта, до „liberum veto“. Это возведеніе шляхетской личности до той недосягаемой высоты, при которой она подавляетъ общественность, ведетъ къ анархіи, — повела къ возведенію самой анархіи въ принципъ, служащій предметомъ шляхетской гордости („шляхтичъ на своей усадьбѣ равенъ воеводѣ“). Это торжество индивидуализма и привлекло высшій классъ Малороссовъ западнаго края въ лагерь польской цивилизаціи. Они приняли эту цивилизацію; они ополячились ради аристократической шляхетской свободы. Замѣчательно, что козацкая старшина, неополяченная, симпатизировала польской республикѣ, таковы — попытки старшинъ во время Выговскаго и Мазепы. Народъ и его „чорная рада“ всегда отвращались

отъ этой олигархической республики, гдѣ народъ былъ принесенъ въ жертву шляхтѣ, гдѣ общее было принесено въ жертву личному. Народные вожди, и въ томъ числѣ украинскій „батько“ Богданъ Хмѣльницкій, понимали, что народъ тяготѣетъ къ единоплеменной и единовѣрной Россіи, тяготѣетъ еще и потому, что на Руси не было мѣста олигархіи: тамъ не процвѣтала шляхетская свобода въ ущербъ народу, тамъ, вмѣсто безсильной королевской власти, немогущей защищать слабыхъ и угнетенныхъ, была крѣпкая царская власть, передъ которой всѣ были равны. И подъ эту-то крѣпкую царскую руку пошелъ малорусскій народъ. Высшій же классъ въ Западной Руси, какъ мы сказали, ополячился и до сего дня искренно вѣруетъ въ свой полонизмъ.

Въ современномъ быту идея личности проходитъ черезъ всѣ явленія жизни. Дробимость семей и стремленіе каждаго сына послѣ женитьбы отдѣлиться отъ отца, нелюбовь къ экономическимъ ассоціацямъ *),—словомъ, крайнее развитіе идеи личности наноситъ вредъ экономическому прогрессу: оно дробитъ личныя и матеріальныя силы, и потому-то Малоруссы въ такой зависимости отъ Евреевъ и такъ мало развиты экономически.

Развитое у Малоруссовъ понятіе личности повело къ тому, что положеніе женщины у Малоруссовъ лучше чѣмъ у Великоруссовъ. Здѣсь и женщина сознаетъ свое личное достоинство. Этому способствовалъ также лиризмъ Малороссіянъ. Въ молодости ихъ, они, ухаживая за женщинами, воспѣвая ихъ, — женятся съ чувствомъ привязанности, которая смягчаетъ подчиненность женщины. Объ этомъ мы скажемъ подробнѣе, когда будемъ говорить о семьѣ. Таже идея личности въ сферѣ имущественныхъ отношеній повела къ подворному, а не общинному землевладѣнію.

Переходя къ характеристикѣ нравственныхъ качествъ, мы не можемъ не упомянуть о томъ, что о Малоруссѣ создалось понятіе какъ о скрытномъ и хитромъ. Его склонность къ умозрѣнію создала въ немъ сосредоточенность, и эта-то сосредоточенность, обдуманность привела къ заключенію о его скрытности. Правда, историческія обстоятельства, постоянныя гоненія, должны были породить въ немъ недовѣрчивость и сдержанность, которыхъ не чужды и теперешніе Малоруссы-мужчины. Допуская нѣкоторую недовѣрчивость Малоруссовъ, мы не можемъ признать за ними хитрости. Скорѣе Малоруссовъ можно признать чистосердечными. Если они съ недовѣріемъ относятся къ пану и вообще тамъ, гдѣ они предполагаютъ хитрость противъ себя, то за то въ своихъ взаимныхъ отношеніяхъ они простосердечны, искренни и добродушно-наивны.

Мы указали на чувствительность Малоруссовъ и на нѣкоторыя ея прояв-

*) Даже въ хоровомъ пѣніи—и тамъ личности, а не общество. Малоруссы, сколько бы ихъ ни пѣло, поютъ унисономъ; организованнаго хороваго пѣнія, какъ у Великороссовъ, у нихъ нѣтъ; не любятъ даже пѣнія съ запѣвомъ.

ленія. Это качество, между прочимъ, ведетъ къ лирической привязанности къ родинѣ, къ мѣсту жительства. Поэтому Малоруссъ, оторванный отъ родины, всегда томится по ней и тоску свою выразилъ во множествѣ пѣсенъ. Надо замѣтить, что родину малорусскій простолюдинъ понимаетъ почти всегда въ узкомъ смыслѣ: это—его село, гдѣ живутъ его родные и пріятели, гдѣ живетъ его милая. Въ силу этой привязанности, ему тяжело отлучиться даже въ недалекія мѣстности. Благодаря мѣстной природѣ, онъ и дома сытъ, поэтому и не стремится въ чужія стороны.

Отсутствіе знакомства съ другими мѣстностями, сидѣніе на одномъ мѣстѣ и исключительно земледѣльческія занятія,—повели къ несложности привычекъ, къ ограниченію потребностей, къ довольству малымъ, что́ не могло, въ свою очередь, не отразиться на нравственномъ и экономическомъ складѣ жизни. Отсюда вытекаетъ отсутствіе всякой предпріимчивости и рутина въ хозяйствѣ. Малоруссъ ведетъ свое хозяйство такъ же, какъ онъ велъ его нѣсколько вѣковъ назадъ. Къ ремесленной и торговой дѣятельности онъ не имѣетъ ни какой склонности; онъ занимается только самыми необходимыми въ крестьянскомъ быту ремеслами, и тутъ пріемы его весьма просты и грубы; издѣлія не отличаются качествомъ и вкусомъ. Даже сельская архитектура отличается совершенно грубою простотою: на постройкахъ вы не увидите ни рѣзьбы, ни какихъ-либо другихъ украшеній; только ярмо чумака, этого единственнаго представителя малорусской коммерческой предпріимчивости, украшено узорами. Вкусъ, эстетика — если и проявляются, то въ одеждѣ. Малоруссы одѣваются довольно изящно. Особенно красивы вышивки и вырѣзки на рубахахъ, которыя дѣлаютъ честь вкусу малорусскихъ женщинъ.

Что касается торговой предпріимчивости, то ее Малоруссъ положительно лишенъ. Она требуетъ бойкости, подвижности, быстрой смѣтки и умѣнья пользоваться обстоятельствами. Все это — качества, которыхъ лишенъ Малоруссъ. Онъ медленъ въ своихъ движеніяхъ, мысль его вращается небыстро, ему нужно время обдумать: затѣмъ—у него много совѣстливости. Ему трудно стать на ту точку, что слѣдуетъ пользоваться обстоятельствами. Ему торговля не симпатична, потому что она сопряжена съ обманомъ. Да для него, какъ нелюбящаго разглагольствованій, она не по силамъ. Стоитъ посмотрѣть Малорусса на ярмаркѣ: онъ не зазываетъ покупателя и даже когда его спрашиваютъ: „что́ онъ продаетъ?“ онъ какъ бы нехотя отвѣтитъ. Объявивъ цѣну, онъ, когда ему даютъ меньше, отвѣчаетъ флегматически: „и то гроши“. И здѣсь, какъ и во многомъ, женщина стоитъ выше, вслѣдствіе своей подвижности. Малорусскія торговки весьма бойки и смѣтливы и вообще довольно предпріимчивы. И если мужчины всякую торговлю выпустили изъ своихъ рукъ, кромѣ продажи мѣщанами-ремесленниками своихъ издѣлій, то женщины еще тор-

гуютъ кое-чѣмъ. У козаковъ Полтавской и Черниговской губерніи, имѣющихъ лавки, обыкновенно торгуютъ женщины. Даже въ городахъ юго-западнаго края мѣщанка кое-чѣмъ торгуетъ. Въ прежнее время вся винная торговля была въ рукахъ женщинъ до перехода ея исключительно въ еврейскія руки, и типъ шинкарки былъ весьма любимъ козаками и чумаками; не даромъ онъ воспѣвается во множествѣ пѣсень.

Развитіе идеи личности, какъ мы сказали, ведетъ къ дробимости семей, къ стремленію каждаго члена къ экономической самостоятельности; это ослабляетъ родственныя связи, крѣпкія до достиженія совершеннолѣтія. Родительская власть затѣмъ, хотя и чтится, но особеннаго авторитета, по отношенію къ женатымъ, отдѣлившимся сыновьямъ и вышедшимъ замужъ дочерямъ, не имѣетъ. Отдѣлившійся сынъ входитъ въ экономическую связь съ посторонними чаще, чѣмъ съ родными. Это порождаетъ сильно развитое у Малороссовъ начало сосѣдства и дружбу, иногда болѣе сильную, чѣмъ родственныя связи. Меньшій авторитетъ родительской власти повелъ къ тому, что взрослыя дѣвушки пользуются нѣкоторою самостоятельностію, которая для нихъ такъ важна при выходѣ замужъ. Хотя для вступленія въ бракъ и нужно согласіе родителей, но эти послѣдніе рѣдко принуждаютъ дочь къ выходу замужъ за немилаго человѣка; обыкновенно, нужно и ея согласіе.

Любовь играетъ у Малоруссовъ не послѣднюю роль; она дала содержаніе большинству прекрасныхъ пѣсень. Молодежь создана для того, чтобы любить и вотъ эта потребность порождаетъ „досвітки“ и „вечорніци“. Наступаютъ темныя, длинныя, осеннія ночи, и вы слышите въ разныхъ концахъ села пѣсни. Дѣвушки по-нѣскольку собираются въ одну избу, бóльшею частію — ко вдовѣ, чтобы быть менѣе стѣсненными; здѣсь они прядутъ, роспѣвая пѣсни. Приходитъ молодежь, „паробки“. Пряденіе, пѣсни, шутки и остроты, любовныя ласки, — все это дѣлаетъ препровожденіе времени пріятнымъ. Тутъ-то дѣвушка сближается съ любимымъ человѣкомъ. Она его ласкаетъ, цѣлуетъ и даже спитъ съ нимъ, — но любовь все-таки остается платоническою, хотя бываютъ конечно случаи, что паробокъ погубитъ честь „дівчини“. Вообще надо замѣтить, что измѣнниками и въ крестьянскомъ быту являются почти всегда мужчины: любитъ одну, а женится на другой; имъ не почемъ обмануть дѣвушку, погубить ея честь. Нельзя не удивляться тому рѣдкому измѣненію, которое замѣчается въ мужчинахъ съ женитьбой ихъ. Тѣ юркіе паробки, которымъ было не почемъ проводить ночи на „вечорницяхъ“, а затѣмъ являться на работу, — являются въ качествѣ мужей медлительными и неповоротливыми.

Въ селахъ, гдѣ не было частыхъ солдатскихъ постоевъ, а равно населеніе не ходитъ на работы въ заводы, — дѣвушки отличаются чистотою нравовъ; при выходѣ замужъ рѣдко случается, чтобы дѣвушка оказалась нецѣломудренною.

Солдатскіе постои и заводы не могли не оказать тлетворнаго вліянія на нравы. Точно также неблагопріятна служба въ панскихъ и еврейскихъ дворахъ. „Жидивска наймичка“ — существо, не пользующееся доброю репутаціею; она себя унизила, служа еврею; ей трудно ожидать хорошей партіи, и вотъ она дѣлается проституткой. Но если эти неблагопріятныя условія порождаютъ паденіе нравственности дѣвушекъ, то надо замѣтить, что съ выходомъ замужъ дѣвушка, бывшая вольнаго поведенія, обыкновенно дѣлается хорошею и вѣрною женою.

Вообще взглядъ Малоруссовъ на женъ довольно симпатиченъ. Жена — совѣтница, вѣрный другъ, помощница; ея привѣтъ служитъ утѣшеніемъ въ печальныхъ обстоятельствахъ. Поэтому жена-Малороссіянка несравненно равноправнѣе, чѣмъ великороссіянка. Въ домѣ она полная хозяйка: всѣми предметами домашняго хозяйства она распоряжается по своему усмотрѣнію, и мужъ невправѣ вмѣшиваться. Поэтому обыкновенно вы видите, что Малоруссъ отправляется на ярмарку вмѣстѣ съ женой: онъ везетъ продукты своего земледѣльческаго хозяйства, а жена — предметы своего домашняго хозяйства. Онъ продаетъ свое, она — свое. На вырученныя деньги мужъ покупаетъ то, что́ нужно для хозяйства и для дома; жена — преимущественно наряды дочерямъ; но вообще они совѣщаются другъ съ другомъ.

Здѣсь кстати замѣтить еще разъ объ экономической неразвитости Малоруссовъ. Онъ и его жена везутъ на ярмарку продукты не очень цѣнные и часто въ маломъ количествѣ и тратятъ на это цѣлый день съ парою воловъ или лошадью. Правда, тутъ есть своя заманчивая сторона. Это, во-первыхъ, путешествіе въ городъ или мѣстечко, которое представляется чѣмъ-то высшимъ, чѣмъ село; тамъ есть на что́ посмотрѣть и есть что́ послушать, потому что туда стекается народъ со всѣхъ окрестностей; во-вторыхъ, тамъ можно услышать „лирника“, а иногда даже увидѣть кукольную комедію; но, главное, можно встрѣтиться съ родными, съ кумовьями изъ другихъ селъ и поэтому случаю зайти въ „яточку“ или просто въ шинокъ и усладить духъ „горілочкою“ и дружественною бесѣдою. Въ шинокъ вообще ходятъ не только мужчины, но и женщины и даже дѣвушки. Пить водку позволительно и женщинамъ. Вообще шинокъ играетъ важную роль для Малоруссовъ; въ свободную минуту въ него заходятъ, это — своего рода клубъ для бесѣдъ. Въ праздникъ здѣсь играетъ „музйка“, обыкновенно скрипка и бубенъ, а молодежь, паробки и дівчата танцуютъ. Въ мѣстечкахъ, въ праздникъ, молодежь собирается на базаръ, покупаетъ сѣмечки, орѣхи, пряники, вареныя груши и прочее, и танцуетъ подъ музыку. Вообще Малоруссъ любитъ провести время въ обществѣ, а въ особенности за рюмочкой. Когда тѣшится молодежь, старики любятъ посмотрѣть на это молодое ве-

селье, при чемъ со вздохами вспоминаютъ свою молодость, и вотъ завязывается бесѣда о прошломъ.

Мы сказали, что женщина-Малороссіянка въ семействѣ довольно равноправна. Но все-таки доля ея не сладка: на ней лежатъ всѣ хлопоты по домашнему хозяйству; она должна встать чуть-свѣтъ, истопить избу и сварить завтракъ. Далѣе нужно покормить корову и подоить ее, перемыть посуду послѣ завтрака, принесть воды и дровъ и приготовить обѣдъ; послѣ обѣда, убравши все, нужно то зашить, то поправить; нужно мыть бѣлье, нужно его шить, нужно держать избу въ чистотѣ; тамъ подмазать, тамъ побѣлить. А тутъ и вечеръ: опять доить корову, или овецъ, кормить свинью, топить избу и готовить ужинъ; далѣе ей нужно прясть. Во все это время возня съ дѣтьми: того нужно покормить грудью и убаюкать, а тамъ другое кричитъ, или оно ушиблось, или проситъ ѣсть, или нужно его умыть, или переодѣть. А бѣдная женщина одна въ избѣ по причинѣ дѣлимости семействъ. Да этому она и рада: хотя и тяжело ей, но она — полная хозяйка, не терпитъ упрековъ и обидъ отъ свекрови. Весною и лѣтомъ у женщины хлопотъ еще больше. Тутъ нужно работать надъ огородомъ; далѣе жать и гресть, затѣмъ коноплю и ленъ приготовлять для пряжи. Положительно можно сказать, что женщина-Малороссіянка работаетъ вдвое болѣе, чѣмъ мужчина. Прибавьте къ этому дѣторожденіе, ухаживаніе за больными, смерть дѣтей. Прибавьте, что пьяный мужъ не только обругаетъ, но иногда и прибьетъ, и вы получите полную картину жизни бѣдной женщины. Не удивительно, что здѣсь женщины скоро старѣются: жизнь ихъ тяжела. Только и люба, пока она дѣвушкой — это счастливая пора, — ею старается дѣвушка насладиться, чтобы потомъ было чѣмъ помянуть молодость. Семейныя тягости и страданія породили громадное число пѣсенъ, представляющихъ собою грустный протестъ замужней женщины противъ ея доли. Но какъ ни тягостна эта доля, Малороссіянка выноситъ ее бодро, не впадая въ апатію; она всегда бодра и весела, если мужъ любитъ ее, потому что съ любимымъ человѣкомъ легко переносятся тяготы жизни.

Малорусская женщина положительно стоитъ выше мужчины во всѣхъ отношеніяхъ. Она, при трудныхъ обстоятельствахъ общественной жизни, являлась не разъ активнымъ членомъ общества. Мы слышали не одинъ разсказъ, когда во время крестьянскихъ движеній женщины не только ободряли, но и дѣйствовали. Такъ, въ одномъ селеніи, куда явились власти съ землемѣрами для отвода надѣла, никто изъ народа не хотѣлъ идти на поле съ инструментами; когда же послѣ угрозы со стороны властей, нѣкоторые мужчины взялись за инструменты, чтобы идти на поле, женщины отняли инструменты и прогнали прочь этихъ трусовъ. Бывали случаи, что когда дѣлались экзекуціи надъ крестьянами, то женщины становились впереди мужчинъ. И военному начальнику приходи-

лось часть отряда употреблять на то, чтобы окружить женщинъ и не допускать ихъ вмѣшательства. Не разъ мы сами видѣли, какъ на волостной судъ, и даже на мировой, — женщина являлась съ мужемъ, чтобы защищать его, или просить за него. Передъ начальствомъ или передъ паномъ во время крѣпостнаго права женщины держатъ себя бойчѣе и настойчивѣе, и это сознаютъ сами мужчины, но стараются объяснить тѣмъ, что женщинамъ можно быть смѣлѣе, потому что къ нимъ снисходительнѣе.

Ограниченность потребностей и недостатокъ предпріимчивости, на которую мы уже указали, ведетъ къ тому, что даже богатые козаки и крестьяне, въ обстановкѣ жилища, въ пищѣ и въ образѣ жизни мало рознятся отъ небогатыхъ; они денегъ не пускаютъ въ оборотъ, а хранятъ въ сундукахъ или закапываютъ въ землю. Богатые даютъ бѣднымъ подъ залогъ земли, т.-е. въ „заставу“. Заложенною землею пользуется кредиторъ. Земля закладывается за безцѣнокъ, и потому кредиторъ въ пользованіи землею получаетъ высокіе проценты. Богатый простолюдинъ, если реализируетъ свой капиталъ, то лишь пріобрѣтеніемъ земли или увеличиваніемъ пасѣки. Эти два вида собственности особенно пріятны Малороссу. Здѣсь кстати замѣтить, что тоже личное начало, на которое мы не разъ указывали, порождаетъ склонность къ тщеславію. Богатый простолюдинъ стремится держать себя подальше отъ своихъ бѣдныхъ сосѣдей; онъ сближается съ такими же богатыми; особенно ищетъ близкихъ отношеній съ духовенствомъ, мелкимъ панствомъ. И если въ образѣ онъ еще мало отличается отъ своихъ собратій, то старается отличиться одеждою: длиннополымъ демикотоновымъ или суконнымъ сюртукомъ, стремленіемъ выговаривать по-великорусски, говоря съ господами.

Малороссъ вообще гордъ и самолюбивъ; онъ не легко переноситъ обиды; онъ мстителенъ, если ему нанесена тяжкая обида. Насмѣшка его не обижаетъ, потому что онъ самъ юмористъ и съумѣетъ самъ сострить. Но безчестье его волнуетъ и раздражаетъ. Опорочить его безнаказанно нельзя. Онъ считаетъ даже оскорбленіемъ и то, если дѣвушка, давшая слово выйти замужъ, потомъ отказываетъ. Особенно Малороссъ мститъ за оскорбленіе жены и вообще любимой особы; въ этомъ даже проглядываетъ нѣкоторое рыцарство.

Эта личная щепетильность и нелюбовь ко всему циническому отразилась и на брани Маллоруссовъ. Въ этой брани нѣтъ того цинизма, какъ у Великоруссовъ. Брань Малоруссовъ состоитъ въ проклятіяхъ, въ желаніи какого-либо зла человѣку или его близкимъ, причемъ чаще всего отцу того, кого бранятъ. Отношенія Малоруссовъ другъ къ другу деликатныя: „вы“ въ большомъ ходу. Женатаго человѣка нужно называть „дядькомъ“, замужнюю — „тіткою“ и говорить „вы“; стариковъ — „дідомъ“ и „бабою“.

Мы уже указали на склонность Малоруссовъ къ общежитію. Любя от-

дохнуть, любя понѣжиться, онъ любитъ побалагурить съ пріятелемъ, то въ элегическомъ, то въ юмористическомъ видѣ. Не только въ праздникъ, но и въ будній день, за обѣдомъ или ужиномъ, всегда идетъ бесѣда, самая оживленная: юморъ такъ и блещетъ на каждомъ шагу.

Въ одиночествѣ и въ компаніи Малороссъ любитъ пѣсню; пѣсня постоянно слышится. Вообще Малороссы одарены музыкальными способностями. Не говоря объ обиліи созданныхъ народомъ мелодій, не говоря, что на дудкѣ, т.-е. „сопілкѣ“, играютъ очень многіе,— въ каждомъ селѣ вы найдете нѣсколько музыкантовъ. Скрипка и бубенъ—наиболѣе распространенные инструменты; попадаются и цимбалы. Нищіе играютъ на лирахъ; это — бандуристы сельскаго быта, подобно тому, какъ козацкій бытъ имѣлъ своихъ кобзарей и бандуристовъ. Лирники уже мало знаютъ козацкихъ думъ, переданныхъ имъ преемственно отъ кобзарей. Они поютъ духовныя, или сатирическія пѣсни. Вообще надо замѣтить, что историческія преданія и пѣсни вымираютъ. Ужасъ крѣпостнаго права подавилъ и затмилъ прошлую исторію.

Будучи весьма способны къ поэзіи и музыкѣ, Малороссы почти неспособны къ пластическимъ искусствамъ. Архитектура Малороссовъ незатѣйлива, скульптуры почти ни какой нѣтъ; только и лѣпятъ кониковъ для дѣтей; это—глиняный намёкъ на конька, въ который свистятъ. Живопись прежде была въ ходу у Малороссовъ и между ними было много живописцовъ; но теперь это искусство какъ-то не играетъ важной роли, хотя конечно живописцы есть и теперь. Офени, снабжая край суздальскою живописью, удовлетворяютъ потребности.

Возвращаясь затѣмъ къ склонности Малороссовъ къ общежитію, къ „гурту“, мы должны замѣтить, что эта склонность такъ развита, что Малороссъ, отправляясь въ шинокъ, приглашаетъ и „жінку“. Въ шинкѣ онъ роспиваетъ не въ одиночествѣ, а непремѣнно угоститъ другого. Послѣдній, не желая быть въ долгу, и самъ поставитъ, вотъ — и выходитъ „частованія“. Гостепріимство сильно развито у Малороссовъ, и гостей они принимаютъ радушно, ласково приглашивая. Для дорогаго гостя Малороссъ не пожалѣетъ ничего, и это не изъ тщеславія, а какъ бы по нравственной обязанности.

Благотворительность у народа сильно развита и вообще сочувствіе къ несчастнымъ, почему участь вдовы и сироты не такъ печальна: помочь трудомъ, „послухать“, какъ говорятъ Малороссы, такимъ лицамъ — долгъ хорошаго человѣка. Но въ общественныхъ дѣлахъ Малороссы апатичны и несолидарны. Рознь и равнодушіе ведутъ къ тому, что въ общественныхъ дѣлахъ руководятъ отдѣльныя лица. А вслѣдствіе склонности къ рюмкѣ, громаду можно склонить могарычемъ къ тому, или другому рѣшенію; но, конечно, не къ тому, которое было бы вопіющимъ. Только дѣла, близко и существенно касающіяся интересовъ всѣхъ, вызываютъ солидарность членовъ громады, напримѣръ, надѣлъ землею.

Тутъ громада энергически отстаиваетъ свое право, часто по-своему понимаемое, что приводило не разъ къ экзекуціямъ, которыя, по отношенію къ Малорусскимъ крестьянамъ, были довольно часты.

Сдѣлавъ этотъ краткій очеркъ характеристическихъ чертъ Малороссовъ, не можемъ не высказать, что Малороссъ мало способенъ къ иниціативѣ. У него нѣтъ предпріимчивости, нѣтъ возбужденной энергіи, поэтому—отсутствіе практическаго творчества. Онъ стоитъ весьма низко въ дѣлѣ экономическаго развитія и зависимъ отъ другихъ. Въ области же интеллектуальной, въ сферѣ умственной и эстетической дѣятельности онъ стоитъ высоко. Великоруссъ выше Малоруса въ практическомъ творчествѣ. Малороссъ выше Великоруса въ идеальномъ творчествѣ. Въ силу этого у Великороссовъ сильно развито начало общественности, артельности; у Малороссовъ—начало индивидуальности. Поэтому-то эти двѣ русскія народности взаимно восполняютъ другъ-друга. Связь между ними не формальная, а матеріальная; это—также крѣпкая связь, какою связываются противоположные полюсы магнита. Нѣкоторымъ нашимъ публицистамъ нежелательно видѣть различія культурныхъ типовъ — Малорусскаго и Великорусскаго; они враждебно относятся ко всякому указанію этого различія, полагая, что различіе вредитъ единству. Но это ошибочно. У обѣихъ этихъ русскихъ народностей все-таки больше общности, чѣмъ различія. Онѣ обѣ русскія, обѣ православныя; у нихъ обѣихъ одинъ Бѣлый Царь, котораго онѣ любятъ одинаково; у нихъ обѣихъ общіе враги; обѣ онѣ боролись за то величіе, какого достигла Россія; обѣ работали надъ русской наукой и литературой. Различія же ихъ—вышеуказанныя—не только не вредны, но положительно полезны. Они укрѣпляютъ связь; они дѣлаютъ Малоруса и Великоруса необходимыми другъ для друга. Изгладить эти различія, порожденныя условіями природы и всей прошлой исторіи, невозможно и ненужно. Малороссъ былъ Русскимъ и есть Русскимъ. Если онъ такъ себя не называетъ тамъ, гдѣ онъ встрѣчается съ Великоруссомъ, то тамъ, гдѣ онъ встрѣтится съ Полякомъ, Молдованиномъ и Венгромъ, твердо знаетъ, что онъ—Русинъ.

За симъ скажемъ нѣсколько словъ о господствующемъ въ Краѣ населеніи.

Топографическія условія и исторія не могли не оказать вліянія на мѣстное малорусское населеніе и не породить особенностей. Это населеніе можетъ быть раздѣлено на три типа: Украинскій, Полѣшскій и Подольско-Галицкій. Полѣщуки занимаютъ Полѣсье Кіевской и Волынской губерніи—страну лѣсовъ и болотъ—и Подлясье, т.-е. часть Сѣдлецкой и Гродненской губерніи. Къ Подольско-Галицкому типу слѣдуетъ отнести жителей западной Волыни и Гали-

ціи, это—возвышенная, болѣе горная полоса; они населяютъ уѣзды: Каменецкій, Ушицкій, Проскуровскій, части: Староконстантиновскаго, Кременецкаго, Дубенскаго и Владиміръ-Волынскаго уѣздовъ и Холмскую Русь. Затѣмъ жители остальной, большей части Кіевской, средней части Волынской и юго-восточной Подольской губерніи принадлежатъ къ Украинскому типу.

Типы эти отличаются и физическими свойствами, и языкомъ, и бытовою обстановкою. Украинцы—высокаго роста, Подоляне—средняго, Полѣщуки—относительно низкаго роста. Украинцы преимущественно сильные брюнеты, между Полѣщуками сравнительно болѣе блондиновъ. У Полѣщуковъ избы курныя, немазаныя; у прочихъ бѣлыя избы. Полѣщукъ пашетъ сохой, остальные—плугомъ; притомъ у Украинцевъ волы играютъ главную роль, у Подолянъ и лошади въ хозяйствѣ имѣютъ большое значеніе; у Полѣщуковъ почти исключительно лошади.

Цвѣтъ свиты Украинцевъ коричневый, Подолянъ—сѣрый, у Полѣщуковъ—бѣлый. У Украинцевъ вышиты рубахи, а свиты безъ вышивокъ, у Подолянъ—наоборотъ; а у Полѣщуковъ и тѣ, и другія безъ вышивокъ. У Полѣщуковъ распространены суконныя шапки, у прочихъ ихъ нѣтъ. Подоляне носятъ рубаху поверхъ штановъ, прочіе прячутъ ее въ шаровары. У Украинскихъ женщинъ лѣтнія корсетки и юпки ситцевыя, яркихъ цвѣтовъ. Подоляне-мужчины носятъ сзади длинные волосы, а замужнія женщины обрѣзываютъ ихъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Полѣсья женщины выпускаютъ на виски подрѣзанные волосы и называютъ ихъ пейсами. Въ Полѣсьѣ въ ходу лапти. Полѣщуки отличаются суевѣріемъ; по своему умственному развитію они стоятъ ниже остальныхъ.

По языку эти три типа рѣзко отличаются. Подольско-галицкое нарѣчіе отличается отъ остальныхъ главнѣйшимъ образомъ въ грамматическомъ отношеніи. Полѣшское отличается отъ двухъ другихъ главнѣйшимъ образомъ фонетикою. Въ подольскомъ нарѣчіи употребляются такія формы, какихъ нѣтъ въ другихъ, напримѣръ: „ходивемъ, ходивесь, ходилисимо, ходилисте; буду знавъ (вм. буду знати); вінъ ходитъ (вм. вінъ ходить); вінъ ся бъе (вм. вінъ бьеться); руковъ (вм. рукою); мя (вм. мене)“ и проч. Въ полѣшскомъ *і* переходитъ уы, уо и проч., куынь, куонь (вм. кінь); *я* переходитъ въ *е;* дивить се (дивиться); воны носетъ (вм. воны носять); и проч. Объ этомъ, впрочемъ, подробно говорится въ отдѣлѣ о языкѣ.

Прошедшая исторія не могла не оказать своего вліянія на населеніе. Чѣмъ далѣе на западъ, тѣмъ сильнѣе былъ гнётъ крѣпостнаго права. Козаччина не распространялась далѣе Случи, и потому Украинцы отличаются большею самостоятельностью и сознаніемъ своего достоинства. Подоляне и Волыняне за Случью отличаются приниженностью; они низко кланяются, цѣлуютъ полу. Юморъ малороссійскій, блещущій у Украинцевъ, далеко не таковъ у прочихъ Малороссовъ

юго-западнаго края. Народная поэзія болѣе сохранилась и болѣе разнообразна у Украинцевъ, какъ равно и многіе обряды. Унія не оказала никакого вліянія на Украинцевъ,—на Волынянахъ и Подолянахъ она оставила свои слѣды, таковы: хожденіе на отпусты, пѣніе колядокъ риторическаго свойства, сочиненныхъ базиліянами-монахами, и проч.

Не смотря на особенности, всѣ три указанные типа малорусскаго населенія юго-западнаго края имѣютъ со всѣми прочими Малороссами одинаковое міровоззрѣніе, обряды, нравы, обычаи, памятники народнаго творчества, коренныя свойства языка и проч. Что касается собственно малорусскаго населенія губерній Люблинской и Сѣдлецкой, то оно подверглось сильному вліянію Польши. Оно — греко-уніатскаго вѣроисповѣданія и, благодаря фанатизму ополяченнаго духовенства, сильно привержено къ внѣшней обстановкѣ религіи, обстановкѣ католическаго характера. Это въ особенности нужно сказать о Подлясьѣ. Въ Царствѣ Польскомъ, до послѣдняго времени, греко-уніатская религія очень мало напоминала греческій обрядъ. Самая обстановка храмовъ была часто католическою: отсутствіе алтаря, скамьи, органовъ, стриженные волосы у духовенства и костюмъ ксендзовъ, колокольчики во время богослуженія, „шептуха“ или тихая обѣдня и т. п. все это заимствовано отъ католицизма. Все это еще видѣли мы при посѣщеніи края въ 1869 году. Затѣмъ, благодаря ополяченію духовенства, практиковалось въ церкви: пѣніе польскихъ молитвъ и проповѣди на польскомъ языкѣ.

Само собою разумѣется, что все это не могло не повліять на населеніе. Хотя это населеніе отличаетъ себя отъ польскаго, называя уніатскимъ, а католиковъ—поляками; но ужъ это самое названіе показываетъ, что народъ обезличенъ и называетъ себя по религіи. Впрочемъ, въ большей части мѣстностей, уніаты знаютъ, что они Русины. Солидарность съ остальными Малороссами у нихъ очень мала. Они не сохранили памяти о борьбѣ ихъ собратовъ съ Поляками, они не знаютъ малорусскихъ историческихъ пѣсенъ. И не мудрено: почти пять вѣковъ Холмская Русь была подъ вліяніемъ Царства Польскаго. Скорѣе можно удивляться, какъ Русины, при такихъ условіяхъ, не утратили окончательно народности. Впрочемъ, почти половина ихъ утратила народность, переходя изъ уніи въ католицизмъ и затѣмъ ополячиваясь, въ особенности — мѣщане городовъ мѣстечекъ, за исключеніемъ нѣкоторой части, сохранившей языкъ малорусскій. Что касается до быта малороссовъ въ Царствѣ Польскомъ, то они сохранили языкъ, міровоззрѣніе, нравы и обычаи; хотя нѣсколько обезличились, утративъ многія пословицы и пѣсни. Напримѣръ, ими поются на свадьбахъ и польскія пѣсни и употребляются немалорусскіе танцы, какъ напр. „обертасъ“.

Статистическія данныя о малорусскомъ населеніи.

Малорусское населеніе распредѣляется такъ:

Юго-западный край.

Кіевская губернія.

Уѣзды.	Душъ обоего пола.
Кіевскій	220,000
Васильковскій	170,000
Таращанскій	150,000
Каневскій	150,000
Звенигородскій	160,000
Черкасскій	170,000
Чигиринскій	140,000
Сквирскій	135,000
Уманскій	170,000
Липовецкій	120,000
Бердичевскій	120,000
Радомысльскій	135,000
Итого въ Кіевской губерніи	1,840.000

Каменецъ-Подольская губернія.

Каменецъ-Подольскій	135,000
Проскуровскій	120,000
Летичевскій	92,000
Литинскій	113,000
Винницкій	115,000
Брацлавскій	130,000
Гайсинскій	142,000

Уѣзды.	Душъ обоего пола.
Ольгопольскій	160,000
Балтскій	175,000
Ямпольскій	142,000
Могилевскій	123,000
Ушицкій	133,000
Итого въ Подольской губерніи	1,580,000

Волынская губернія.

Житомирскій	170,000
Новоградъ-Волынскій	150,000
Острожскій	97,000
Заславскій	121,000
Староконстантиновскій	117,000
Ровенскій	111,000
Дубенскій	96,000
Владиміръ-Волынскій	135,000
Луцкій	96,000
Кременецкій	127,000
Ковельскій	110,000
Овручскій	100,000
Итого въ Волынской губерніи	1,430,000
Всего въ губерніяхъ юго-западнаго края	4,850,000

Сѣверо-западный край.

Въ Гродненской губерніи Малороссы населяютъ: Брестъ-Литовскій и Кобринскій уѣздъ, значительнѣйшую часть Пружанскаго и небольшія части Слонимскаго и Бѣльскаго уѣздовъ,—гдѣ Малороссовъ 250,000

Въ Минской губерніи къ числу Малороссовъ принадлежатъ Пиньчуки, населяющіе Пинскій уѣздъ, и значительнѣйшая часть жителей Мозырскаго уѣзда 130,000

Итого въ сѣверо-западномъ краѣ 380,000

Сѣверо-западная часть Бессарабской области.

Въ уѣздахъ: Хотинскомъ, Ясскомъ и Сорокскомъ до . . . 100,000

Царство Польское.

	Уніаты, говорящіе по-малорусски.	Католики, говорящіе по-малорусски.	Уніаты, говорящіе по-польски.	Уніаты, говорящіе по-польски и малорусски.	Итого говорящіе по-малорусски.
Люблинская губернія.					
Уѣзды:					
Холмскій	24,355	12,344	1,157	126	36,825
Грубешовскій . . .	40,622	—	—	—	40,622
Томашевскій . . .	23,921	11,339	3,019	—	35,260
Бѣлгорайскій . . .	21,901	3,068	1,014	526	27,573
православныхъ. .	2,078				
Замосткій	6,948	2,369	3,533	—	9,317
Красноставскій. . .	4,129	—	—	—	4,129
Любартовскій . . .	855 (?)	—	—	—	855 (?)
Яновскій	1,460	448	—	—	1,908
Итого въ Люблинской губерніи. . . .	124,191	29,568	8,723	652	156,489
Сѣдлецкая губернія.					
Уѣзды:					
Влодавскій	38,894	—	—	—	38,894
Радинскій	19,881	2,473	1,528	50	22,404
Бѣльскій.	32,021	—	—	—	32,021
Соколовскій	4,431	—	—	—	4,431
Константиновскій . .	26,541	—	—	—	26,541
Итого въ Сѣдлецкой губерніи.	121,768	2,473	1,528	50	124,291
Всего въ Царствѣ Польскомъ.	246,661	32,041	10,251	702	280,780
православныхъ. .	2,078				

Всего въ юго-западномъ и сѣверо-западномъ краяхъ и въ прилегающихъ частяхъ сѣверной части Бессарабской Области и Царства Польскаго Малороссовъ . . . . . 5,610,780 д.

Сѣверо-западная часть Бессарабской Области.

Хотинскій уѣздъ.

Мѣстности, населенныя Русняками, въ которыхъ исключительно языкъ малорусскій: сёла—Грозинцы, Бочкоуцы, Шиловцы, Малинцы, Перебійковцы, Балмутовка, Ржавинцы, Садкоуцы, Шишковцы, Должокъ; деревни — Онуты,

Полъ-Онуты, Гремешты, Михайловка, Синжера, Гиждевъ, Бѣлоуцы; сёла — Данкоуцы, Каплевка, Дарабаны, Анадолы, Толбуряны, Кругликъ, Ставчаны, Долиняны, Пашкоуцы; деревни — Ворничаны, Левинцы; сёла — Клишковцы, Зарожаны, Киртенцы, Широуцы, Владычная, Поляна, Полъ-Рухотинъ, Гиждевъ, Рукшинъ, Атаки, Пригородокъ, Арестовка, Чепоносы, Рашковъ, Гордеуцы, Недобоуцы, Репгачь, Кишло-Саліево, Кишло-Зелена; слобода Чебрева; деревни—Константиновка, Трестьяны, Тырнова, Кельменцы, Волчинцы, Бордюгъ, Рестевъ, Бузовица, Бабинъ, Грушевцы, Нагоряны, Вартикоуцы, Ленковцы, Ворновцы, Мошенцы, Бырнова, Кишла-Неджимова, Перковцы, Нелипоуцы, Кошевка, Макаровка; мѣстечко Бречаны; сёла — Лукачаны, Мендиновцы; мѣстечко Сикуряны: сёла—Бѣлоусовка, Кобыльчинъ, Ломачинцы, Михалковъ, Ожевъ, Василіуцы, деревня Роспопенцы, сёла—Романкоуцы, Яноуцы, Селища, Шибутинцы, Коршань, Кулишовка, Непоротовъ, Молодова, Кошаровъ и Витрямка.

Мѣстности, населенныя Руснаками и Молдаванами, господствующій языкъ малорусскій: Новоселица, Балкоуцы, Васькоуцы, Сербичаны.

Мѣстности, населенныя Руснаками и Молдаванами, господствующій языкъ молдаванскій: мѣстечко Новоселица; сёла—Котылевъ, Шербинцы, Дыповцы; мѣстечко Липканы; сёла—Котельна, Котюжаны, Глинка; деревня Берлинцы; сёла—Билявинцы, Громадзены, Кишла-Замжіева; деревня Медвежа; сёла—Фитешти, Тицканы; деревня Медвежа; сёла—Гриманкоуцы, Гвоздоуцы, Гриноуцы.

Въ Хотинскомъ уѣздѣ Малороссы составляютъ около половины населенія.

Ясскій уѣздъ.

Мѣстности, населенныя Малороссами, языкъ малорусскій: Братушаны, Ракарія, Слободзѣя-Копачинка, Володяны, Стурдяны (Баланы), Гужуманешты, Пиржота, Финтына, Петрешты, Меклеушаны, Аснаманы-Малыя, Стурловка, Слободзѣя-Кишкарены.

Мѣстности, въ которыхъ живутъ Молдаване и Малороссіяне, но каждая народность сохранила свой языкъ: Никорены, Боросены, Чолачевка, Тодорешты, Кишкарены, Глинжены, Дану.

Въ Ясскомъ уѣздѣ Малороссы составляютъ менѣе 10% населенія.

Сорокскій уѣздъ

Мѣстности, населенныя Малороссіянами, въ которыхъ исключительно языкъ малорусскій: мѣстечко Атаки, деревня Слободка-Волчинцы, сёла Кодряны, Наславча, деревни Паустова, Самойлевка, Балинцы, Окладне, Боросены, Марамоновка, Монаны; сёла Ружинца, Егоровка, Ванцина, Воловица, Скинены,

Шептеличи, Ержинцы, Никорешти, Згурица, Степановка, Дементіевка, Шура, Решетичи, Пожна, Косовка.

Мѣстности, населенныя Малоруссами и Молдаванами, въ которыхъ господствуетъ языкъ Малорусскій: Анфисовка, Слободзѣя-Кетросы, село Кайнареки, деревня Трифонешты.

Мѣстности, населенныя Молдаванами и Малоруссами, въ которыхъ каждая народность сохранила свой языкъ: сёла Высока, Крешковцы, Городище, деревня Телешовка, сёла Тирнова, Цау, Плопы; деревни Шальвири, Фрасина, Гольены; сёла Климоуцы, Чернолёвка, Корбулъ, Лыпникъ, Цепилова, Полъ-Цепилова, Перлица.

Мѣстности, населенныя Малоруссами и Молдаванами, въ которыхъ всѣ говорятъ по-молдавски: сёла Вырежаны, Брынова, Руды-Высшіе, Новая Татаровка, Старая Татаровка, Нёрканы, Околина, Косоуцы, Паркане, Волово, Стайканы, Бодичаны, Головчинцы, Скотово; деревня Недушаны; сёла Безены, Изворы, Багринешты, Бобулешты, Цара, Гиндешты, Стерчены.

Въ Сорокскомъ уѣздѣ Малороссы составляютъ около $^1/_6$ всего населенія, такъ что въ уѣздахъ Хотинскомъ, Ясскомъ и Сорокскомъ Малороссовъ до 100,000 душъ обоего пола.

Гродненская губернія.

Въ Гродненской губерніи Малороссы населяютъ Брестъ-Литовскій и Кобринскій уѣзды, значительную часть Пружанскаго уѣзда и небольшія части Слонимскаго и Бѣльскаго уѣздовъ. Малороссы этихъ уѣздовъ принадлежатъ къ сельскому сословію изъ городскихъ жителей, только православные мѣщане принадлежатъ къ числу Малороссовъ. Въ первыхъ двухъ уѣздахъ Малороссы составляютъ около 200,000 душъ обоего пола; а въ остальныхъ трехъ уѣздахъ можетъ быть причислено не болѣе 50,000 душъ; такъ что въ Гродненской губерніи можно считать Малороссовъ около 250,000 душъ.

Минская губернія.

Въ Минской губерніи къ числу Малороссовъ принадлежатъ Пиньчуки, населяющіе Пинскій уѣздъ, и значительнѣйшая часть жителей Мозырскаго уѣзда. Малороссовъ въ Минской г. можно считать около 130,000 душъ обоего пола.

Царство Польское.

Люблинская губернія.

Грубешовскій уѣздъ.

Города, селенія и деревни, въ которыхъ проживаютъ уніаты: города Грубешовъ, Городло, Крыловъ; фольварки Аліойзовъ, Вербковица;

деревни Волковые, Выгода, Голдовъ; село Гостинное, фольваркъ Ельждѣпинъ, деревни Конопное, Которовъ, Леопольдовъ, Лотовъ; сёла Подгорцы, Стражовецъ, Серединъ лит. А, Серединъ лит. Б, Серединецъ, Теофилёвка; фольваркъ Антоновка, село Бородица, фольварки Войтовство, Волица Подгорецкая, Дьяконовъ, Казиміровка, Лотошины, Маковщина, Михаловка, Морочинъ, Побережаны, Свирщовъ, Теосинъ, Тентюковъ, Тересовка, Швайцары, Шпиколосы, Якубовка, Городокъ Надбужный, Дуброва, Козодавы, Масломенче, Метелинъ, Миняны, Слипчи, Цихобурже, Черничинъ, Чомовъ, Верешинъ, Графка, Костовъ, Ласковъ, Малковъ, Новосады, Руликовка, Шиховицы, Аделины, Андреевка, Кожухи, Липовецъ, Сагринь, Турковицы, Тучаны, Анусинъ, Вишневъ, Модрынь, Модринецъ, Радостовъ, Горшовъ Русскій, Жуковъ, Завалевъ лит. А, Завалевъ лит. Б, Конюхи, Мѣнчикъ, Роговъ, Свидники, Франкоменка, Францишковъ, Берестье, Богутычи, Гдеминъ, Домбромиржицы, Заборцы, Короликъ, Молодятычи, Пересловицы, Волаевицы, Задубцы, Кулаковицы, Монятычи, Неледевъ, Новоселки, Степанковицы, Туркуловка, Убродовицы, Чертовицы, Березница, Гребенное, Гусынное, Кодло, Копыловъ, Комора, Лушковъ-Боярщина, Лужковъ, Матчи, Стрижовъ, Фифилёвка, Березовецъ, Богдановка, Бусьно, Бѣлополь, Голендры, Гродельки, Заниже, Кармановъ, Рудки, Скришчинъ, Стрѣльцы, Сѣдлище-Брамовое, Теремецъ, Ухань, Юзефовъ, Яностровъ, Босѣнецъ, Вандзинъ, Лемешовъ, Лущовъ, Мойславицы, Мѣдники, Путновицы, Тератинъ, Хижовицы.

Всѣхъ уніатовъ 40,622 д., говорятъ по-малорусски.

Холмскій уѣздъ.

Населенныя мѣстности, въ которыхъ уніаты составляютъ значительное большинство: Жултанцы, Серебрище, Готовка, Загрода, Веремовицы, Депултычи Русскія, Депултычи Королевскія, Покровка, Завадовка, Ольховецъ, Святица, Пневно, Сычинъ, Буссовно, Козья-Гора, Хилинъ, Тарновъ, Готыска, Вулька Тарновская, Могильница, Добромысль, Цемнѣвъ, Радзановъ, Вулька Петровская, Сернявы, Хутче, Петриловъ, Поболовицы, Жмудь, Клештовъ, Волковяны, Дрыщовъ, Ростока, Ксаверовъ, Липинки, Пуща, Лещаны, Вулька Лещанская, Кочовъ, Бердище, Раколупы, Городиска, Пнисковъ, Лесневицы, Селецъ, Вереище Большія, Недяловицы, Цыцовъ, Воля Цыцовская, Глубокое, Ставекъ, Стренчинъ, Столпье, Чулчицы 1 отд., Чулчицы 2 отд., Зарѣчье, Парипсы, Сайчицы, Бозекъ, Городище, Вулька, Чеховъ Кутъ, Гнишевъ, Березно, Руда, Рудка.

Въ этихъ селеніяхъ уніатовъ 15,379 душъ; католиковъ 5,101. Всего 20,480 душъ. Всѣ говорятъ по-малорусски.

Мѣстности, въ которыхъ преобладаютъ уніаты: Яблоне, Бекеша, Рудня, Новоселки, Вулька, Ставъ, Кробоношъ, Павловъ, Жулинъ.

Въ этихъ поселеніяхъ уніатовъ 1,245 душъ. Католиковъ 1,007 душъ Всего 2,252 души. Всѣ говорятъ по-малорусски.

Мѣстности, въ которыхъ уніатовъ и католиковъ поровну: Хоснецъ, Галичаны, Стайне, Вереище Малыя, Кривая Воля, Юзефовъ, Свержи, Воля Окопская, Гдоля.

Уніатовъ 1,235. Католиковъ 1,271 душа. Всего 2,506 душъ. Всѣ говорятъ по-малорусски.

Мѣстности, въ которыхъ хотя и преобладаютъ католики, но господствуетъ языкъ малорусскій: Рожджаловъ, Страхославъ, Струпинъ, Окшовъ, Леоновка, Букова малая, Борова вторая, Савинъ, Малодушинъ, Островъ, Чернолозы, Касиланъ, Кумовъ, Пробство-Кумовъ, Зингоровка, Рыбе, Сѣдлищки, Охожа, Боровица, Окопы, Добриловъ, Малинъ, Юзефовъ.

Уніатовъ 1,017. Католиковъ 4,597. Всего 5,614 душъ.

Преобладаютъ уніаты, но господствуетъ языкъ польскій: Луковскъ-Пенкный, Ресовецъ, Воля-Ресовецкая.

Уніатовъ 526 душъ.

Мѣстности, въ которыхъ хотя и преобладаютъ уніаты, но уніаты говорятъ по-малорусски, а католики по-польски: д. Сѣдлице, Корибутова Воля, Турка, Михаловинъ, Мишковецъ, Гусынное, Мостиска, Плаваницы, Каменъ, Игнатовъ, Мосѣевъ, Удалецъ, Сверщовъ, Горбатовка, Куликъ, Людвишовъ, Красное, Войсловицы, Путновицы, Выгнанцы, Красное, Туровецъ.

Уніатовъ 3,987 душъ.

Мѣстности, въ которыхъ хотя католиковъ и большинство, но уніаты сохранили малорусскій языкъ: п. Сѣдлище, Борова, Островъ, Барбаровинъ, Андреевъ, Мимёвъ, Ланцуровъ, Малкова, Севериновъ, Юзефинъ, Валѣевъ, Канье, Вулька, Евополе, Залѣсье, Кровица, подух. фольваркъ Павловъ, Войславицы, Розенцинъ, Старый-Майданъ, Новый-Майданъ, Гута, Тересинъ, Алоизовъ.

Уніатовъ 965 душъ.

Въ деревнѣ Кобылъ уніатовъ и католиковъ поровну, но уніаты говорятъ по-польски: уніатовъ 176 душъ.

Селенія, въ которыхъ уніатовъ меньшинство и они приняли языкъ польскій: Старое Хойно, Новое Хойно, Ловча, Илова, Майданъ Лесневскій, Полетовка, Яновка, Майданъ Островскій, Залѣсье, Майданъ Стайне, Грушовъ, Марининъ, Старый Майданъ.

Уніатовъ 445 душъ.

Селенія, въ которыхъ всѣ католики, но языкъ малорусскій: Кривицы, Кривички, Леоновъ, Немировъ, Людвиновъ, Лукавекъ Гарный. Всего 368 душъ.

Селенія, въ которыхъ всѣ уніаты, но говорятъ по-польски и по-малорусски: Коленчинцы, Колодень. Уніатовъ 126 душъ.

Томашевскій уѣздъ.

Мѣстности, въ которыхъ уніаты составляютъ значительное большинство: Пясечно, Голубье, Снятычи, Воля Снятыцкая, Гонятычки, Переспа, Чесныки, Невирковъ, Подхайцы, Стенятынъ, Жерники, Ротыгевъ, Подледовъ, Клинчинъ, Василевъ, Витковъ, Волька, Жабче, Новоселки, Сутовъ, Потуржинъ, Радковъ, Хонке, Градыславицы, Зимно, Моратинъ, Мазилы, Пасѣчне, Паньговъ, Лаговце, Дутровъ, Телятинъ, Жулицы, Чермно, Вакіевъ, Зубовица, Пржевале, Микулинъ, Чартовецъ, Клятвы, Ярчовъ, Корисна, Жилки, Юровъ, Шлятинъ.

Уніатовъ 14,833. Католиковъ 2,331. Всего 17,174 души. Всѣ говорятъ по-малорусски.

Мѣстности, въ которыхъ уніаты преобладаютъ: Долгобычевъ, Подхайчики, Кадлубиска, Гонятынъ, Павловицы, Доманижъ, Дубина, Добужекъ, Малонижъ, Черкассы, Ломанецъ, Посадовъ, Старовесье, Подооръ, Лубче, Ощовъ, Пржефенъ, Тыпинъ, Подюрце, Недежевъ, Пасѣки, Завидки.

Уніатовъ 2,845. Католиковъ 1,889. Всего 4,734 души. Всѣ говорятъ по-малорусски.

Мѣстности, въ которыхъ уніатовъ и католиковъ поровну: Горащиця, Всправое озеро, Мекошинъ. Уніатовъ 412. Католиковъ 436. Всего 848 душъ. Всѣ говорятъ по малорусски.

Мѣстности, въ которыхъ хотя и преобладаютъ католики, но господствуетъ языкъ малорусскій: Звяртовскъ, Дубъ, Наброжъ, Кришинъ, Вулька Пукаржевъ, Воля Гродецкая, Михалевъ, Пукаржевъ, Пеняны, Кунки, Улевъ, Тарноватка, Майданъ Верехане, Шароволя, Ржеплинъ, Чартовчикъ, Семнице, Соболь, Завадки, Ходыванцы, Вершица, г. Томашевъ.

Уніатовъ 2,904. Католиковъ 5,899. Всего 8,803 души.

Преобладаютъ уніаты, но господствуетъ языкъ польскій: Комаровъ, Волица Бржезовая, Яновка, Немировокъ А, Немировокъ Б, Антоновка, Майданъ Павловка, Волица Лесинецкая, Поары, Гутта Шклянна.

Уніатовъ 2,042. Католиковъ 990.

Мѣстности, въ которыхъ хотя и преобладаютъ уніаты, но уніаты говорятъ по-малорусски, а католики по-польски: Ощовъ, Пржеорекъ, Тынинъ, Подюрце, Недежевъ, Пасѣки, Завадки.

Уніатовъ 2,498.

Въ слѣдующихъ поселкахъ всѣ католики (7642 д.); языкъ, господствующій малорусскій: Нетреба, Кленты, Солтысы. *Въ мелкихъ поселкахъ* 237 душъ уніатовъ, говорящихъ по-малорусски.

Мѣстности, въ которыхъ преобладаютъ католики и гдѣ уніаты усвоили языкъ польскій: Вожучинъ, Козья-Воля, Крачевъ, Семержъ, Ксенжостаны, Королювка, Звяртовъ, Майданъ Гурно, Лащовка, Рохане, Вепржовое озеро, Ласохи, Рагузно, Езерно, Лущацъ, Майданекъ, Грудекъ, Кривостокъ.

Уніатовъ 977 душъ.

Бѣлгорайскій уѣздъ.

Мѣстности, въ которыхъ уніаты составляютъ значительное большинство: Замокъ, Обша, Вабице, Осада, Куляше, Лазовъ, Кустрава, Быстре.

Уніатовъ 4,669. Католиковъ 729. Всего 5,398. Всѣ говорятъ по-малорусски.

Селеніе Ольховецъ, въ которомъ преобладаютъ уніаты: уніатовъ 282. Католиковъ 265. Всего 547. Всѣ говорятъ по-малорусски.

Селенія, въ которыхъ преобладаютъ католики. Языкъ-же малорусскій: Воля Обшанская, Рожанецъ, Стелки, Уніатовъ 715. Католиковъ 2,074. Всего 2,789 душъ.

Селенія, въ которыхъ преобладаютъ уніаты, но господствуетъ языкъ польскій: Подольшинка-Ординацка. Уніатовъ 124.

Мѣстности, въ которыхъ хотя и преобладаютъ уніаты, но уніаты говорятъ по-малорусски, а католики по-польски: Бища, Борки, Жары, Сушка, Дыле и Фольваркъ, Рапы Дылянскія Великія, Цицинополь, Рычки, Княжполь, Корховъ, Плусы, Буковецъ, Марковиче, Гмисы, Круле-Старе, Круле-Ново, Пшымярки, Марынка, Ракувка, Завадка, Кольна, Боровецъ, Рыбница, Лазорь.

Уніатовъ 8,261.

Мѣстности, въ которыхъ хотя уніатовъ и католиковъ поровну, но уніаты говорятъ по-малорусски, а католики по-польски: Гарасюки, Запе, Хмѣлекъ, Подрусовъ, Цёсмы. Уніатовъ 1,172.

Мѣстности, въ которыхъ хотя католиковъ и большинство, но уніаты сохранили малорусскій языкъ: Александровъ, Буковина, Гвоздъ, Громада, Майданъ Громадскій, Добровица, Игнатовка, Каетановка, Надрѣчи, Пуща Сольская, Рапы боярскія малыя, Рожнувка съ фольваркомъ, Эдвардувка, Люковъ Горный, Люховъ Дольный, Гущики, Зыпе, Осада Цегельная, Каменка, Крешовъ Дольный, Потокъ, Липины Дольныя, Липины Гурныя, Шишковъ, Ёдлинки, Домбрувка, Накликъ, Шараёвка, Писклякн, Майданъ Сопсотскій, Юзефовскъ, Цётуша Новая, Цётуша Старая и Ружа, Сусецъ, Длугій Контъ, Осередекъ, Гомерня, Станиславовъ, Новики, Банахи, Бидачевъ Новый, Воля Дерезнянская, Дерезня Сольская, Дерезня Майданская, Дерезня Загроды, Корчевъ, Майданъ, старый, Майданъ Новый, Марголе, Рогале, Руда Сольская, Руда Загроды, Рогузьно, Соль, пос. Тарноградъ.

Уніатовъ 6,802.

Селенія, въ которыхъ преобладаютъ католики и гдѣ уніаты усвоили языкъ польскій: гор. Бѣлгорай, Бояры, Воля, Шемли, Липовецъ. Крешовъ Горный, Смульска. Уніатовъ 890.

Селенія, въ которыхъ одни уніаты, но они говорятъ по-малорусски и по-польски: Воля Бищенская, Будзярки. Уніатовъ 546.

Мѣстности, населенныя Малоруссами православнаго вѣроисповѣданія: пос. Юзефовъ, Замхъ, Бабище, Обша, Воля Обшанская, Ольховецъ, гор. Бѣлгорай, Рожанецъ, Люховъ Горный, Люховъ Дольній, Крешовъ, Лазовъ, Кулано, Потокъ, Боровецъ, Лазоры, Тарноградъ.

Всего въ этихъ мѣстностяхъ 2,078 душъ.

Замостьскій уѣздъ.

Мѣстности, въ которыхъ уніаты составляютъ значительное большинство: Вишеньки, Забытовъ, Монастырекъ, Сольмицы, Бартатыче, Воля Злоецкая, Сѣдлиска, Воля Горышевская, Ситно, Косадубы, Цѣшинъ, Липскъ, Вулька Вепржицкая. Уніатовъ 3,583. Католиковъ 599.

Всего 4,583 душъ. Всѣ говорятъ по-малорусски.

Мѣстности, въ которыхъ преобладаютъ уніаты: Горышевъ, Іоанновка, Цюлки, Славенцинъ, Лозиска. Уніатовъ 855. Католиковъ 524. Всего 1,379 душъ. Всѣ говорятъ по-малорусски.

Въ селеніи Оброзъ хотя уніатовъ и католиковъ поровну, но всѣ говорятъ по-малорусски. Уніатовъ 147. Католиковъ 157. Всего 304 души.

Селенія, въ которыхъ хотя и преобладаютъ католики, но господствуетъ языкъ малорусскій: Злоецъ, Хорудзе, Гаевники, Вепржецъ, Бархачевъ. Уніатовъ 705. Католиковъ 1,089. Всего 1,794 души.

Селенія, въ которыхъ уніаты составляютъ большинство, но языкъ польскій: Дровники, Завадно, Розлупы. Уніатовъ 260 душъ.

Селенія, въ которыхъ хотя и преобладаютъ уніаты, но уніаты говорятъ по-малорусски, а католики по-польски: Панювокъ, Липовецъ. Уніатовъ 478 душъ.

Селенія, въ которыхъ католиковъ большинство, но уніаты говорятъ по-малорусски: Майданъ Ситанецкій, Стабровъ, Поточекъ, Суховоля, Бѣловоля. Уніатовъ 779 душъ.

Населенныя мѣстности, въ которыхъ преобладаютъ католики и гдѣ уніаты говорятъ по-польски: Замостье, Черностопъ, Гуща Большая, Гуща Малая, Хоменциско Большое, Малое, Бѣлобреги, Высоке, Ждановъ, Подтополы, Яновище, Ярославецъ, Вывлочка, Журавлище, Звѣринецъ, Рудка, Тужинецъ, Топольча, Скербешовъ, Подгущка, Дульникъ, Майданъ Скербешовъ, Морщаговка, Подвысоке, Высоке, Суходембы, Трженгуты, гор. Шебрешинъ, Грушка

Большая, Мокре, Плоске, Заржече, Гудки, Яцня, Майданъ Неприскій, Лабуне, Лабуньки, Ятушевъ, Бродокъ, Буковинна, Волянины, Годвижинъ, Шозды и Сохи, Терешполь, Бодачевъ, Михалевъ, Чернистокъ.

Уніатовъ 3,047 душъ.

Мѣстности, въ которыхъ уніатовъ и католиковъ почти поровну и гдѣ уніаты говорятъ по-польски: Войтовство, Шевня. Уніатовъ 226 душъ.

Красноставскій уѣздъ.

Селеніе Стенжице, въ которомъ одни уніаты, говорящіе по-малорусски: уніатовъ 919 душъ.

Мѣстности, въ которыхъ уніаты преобладаютъ, сохраняя малорусскій языкъ: Крупе, Жданне, Вѣржровины, Старовесь, Вулька Красничинская, Бржезина, Древники, Лонникъ Русскій. Уніатовъ 2,044 души.

Мѣстности, въ которыхъ католики преобладаютъ, но уніаты большею частію сохранили малорусскій языкъ: Синица ропсана, Воля Синицкая, Заграды, Матвѣевъ, Костунинъ, Злосница, Тарнава, Токары, Александръ Красниченъ Анельполь, Холмецъ, Боньча, Ольшанка, Залѣсье. Уніатовъ 1,011 душъ.

Мѣстности, въ которыхъ уніатовъ и католиковъ поровну, но уніаты говорятъ по-малорусски, а католики по-польски: Крупецъ, Красничинъ, Вулька Боноцка. Уніатовъ 155 душъ.

Яновскій уѣздъ.

Селенія, въ которыхъ преобладаютъ уніаты, говорящіе по-малорусски: с. Отрочь, Отрочь (греко-уніат. прих.), Гмина, Здыловище. Уніатовъ 1.908 д.

Селенія, въ которыхъ преобладаютъ католики, говорящіе по-малорусски: Браневъ Шляхецкій, Браневъ, Браневъ Ординацкій, Браневка, Далековище Лада, Малине, Хржановъ Шляхецкій. Католиковъ 440 душъ.

Любартовскій уѣздъ.

Селенія, въ которыхъ одни уніаты, говорящіе по-малорусски: Часть сел. Забѣлье, с. Дратовъ, Каневоля, Людвинъ. Всѣхъ уніатовъ 855 душъ.

Сѣдлецкая губернія.

Влодавскій уѣздъ.

Населенныя мѣстности, въ которыхъ одни уніаты, говорящіе по-малорусски: Константиновъ, Шуминка, Дубица, Иванки, Константиновка, Старина, Зджарка, Казакъ, Хмелита, Липинка, Переходъ, Жещинка, Богутинъ, Дембины, Ольховка, Скорыдница, Осмолъ, Метелка, Выгалевъ, Чортовка, Юльяновка, Козаржецъ, Забудье, Бояры, Веднарковка.

Всѣхъ уніатовъ въ этихъ мѣстностяхъ 3,811 душъ.

Мѣстности, въ которыхъ уніаты преобладаютъ, сохраняя малорусскій языкъ: г. Влодава, дд.—Вишницы, Городище, Орховекъ, Рожанка, Коралевка, Окунинка, Ставки, Сушно, Полюбиче, Ромашки, Ровины, Линевъ, Долголиска, Вырыки-Воля, Вырыки-Адампольске, Люта, Сухова, Любень, Капленосы, Красовка, Жуковъ, Воля-Верещинская, Завадовка, Лейно съ осадою Зомлынецъ, Ломница, Зѣнки, Воля-Вытицкая, Вытично, Андржеевъ, Винценцинъ, Юзефинъ, Примярки, Ганекъ, Щесники, Колаче, Кульчинъ, Войцеховъ, Лѣски, Тисменица, Колеховице, Коква, Крулевскій дворъ, Сосновка, Розвадовка, Лютвица, Погорилецъ, Чепутка, Санечовъ, Выгнанка, Бруссъ, Голя, Горки, Замолодыче, Крошивки, Мостиски, Песья-Воля, Сосновица, Турно, Шмокотовка, Кривоверба, Коденецъ, Пахоле, Любичинъ, Нетяги, Горостыта, Загайки, Липовка, Игнатьевъ, Устимовъ, Красне, Орѣховъ Новый, Орѣховъ Старый, Маслюхи, Русылье, Подедворже, Ополе, Залище, Калинка, Головно, Мосты, Грабовка, Нецѣлинъ, Собиборъ, Желобокъ, Збереже, Оссова, Сѣдлище, Угруская-Воля, Бытынь, Стульно, Косынь, Моцошинъ Большой, Моцошинъ Малый, Бялка, Угнинъ, Хмѣлевъ.

Всѣхъ уніатовъ въ этихъ мѣстностяхъ 32,338 душъ.

Мѣстности, въ которыхъ католики преобладаютъ, но уніаты большею части юсохранили малорусскій языкъ: гор. Парчевъ, г. Островъ, с. Полодь, Липнякъ, Доминичинъ, Верещинъ, Козубата, Уяздовъ, Любоверж, Бурядовъ, Грудокъ, Волоска-Воля, Сосновица, Маріанка, Едлянка, Дроздовка, Антополь, Конюхи, Пѣхи, Шлюбовъ, Угрускъ, Застава, Савинъ, Стемиковъ, Макошко, Дубовая Колода, Борки.

Всѣхъ уніатовъ въ этихъ мѣстностяхъ 2,584.

Мѣстности, въ которыхъ поровну уніатовъ и католиковъ, и гдѣ уніаты говорятъ малорусскимъ языкомъ: Заставъ, Бабянка, Романовъ и Лясекъ. Всѣхъ уніатовъ въ этихъ мѣстностяхъ 161 душа.

Бѣльскій уѣздъ.

Мѣстности, въ которыхъ одни уніаты, говорящіе по-малорусски: Волошки, Кузавка, Долгобрады, Лядзка, Павлюки, Голешевъ, Даньце, Яновка, Сугры, Желевшо, Паросля, Пниска, Теребички, Воргуле, Выгода, Пржесмыки, Легуты, Михальковъ, Самовичи, Жуки, Огородники Великіе, Муровецъ, Жука, Буръ и Елырбецынъ.

Уніатовъ 4,691 душа.

Мѣстности, въ которыхъ уніаты преобладаютъ, сохраняя малорусскій языкъ: Россошъ, Кодень, Пищацъ, Словатычи, Ломазы, Полоски, Добрынка, Загоровъ, Хорощинка, Хотыловъ, Ганна, Заболотье, Вулька-Заболотская, Леюшки, Ольшанка, Шостаки, Яблочна, Костеневики, Маньковичи, Залютынь,

Домбровица Великая, Ортель Королевскій, Бокинко, Вычолка, Вулька Костенецкая, Домбровица Малая, Славацинскъ, Воргуле, Славацинскъ Княжескій, Славацинскъ Институтскій, Поросюки, Стыржинецъ, Ситникъ, Луковце, Ягодница, Теребеля, Цициборъ Великій, Цициборъ Малый, Блотковъ, Березовка съ фольваркомъ, Малева-Гора, Кобыляны Кандбужные, Корощинъ, Любачевъ, Малашевичи Малые, Малашевичи Большіе, Полятичъ, ф. Добрынь, Залѣсье, д. Добрынь, Вулька Добринская, Ляховка, Горбовъ, Клода, Гусинка, Кочуковка, Кіевецъ, Деречанка, Межилѣсь, Криводулька, Розбитовка, Заньковъ, Матышевка, Бокинка, Колиховщизна, Огородники Малые, Мазановка, Любенка, Студзянка, Дубовъ, Красовка, Вулька Корчевская, Корчевка, Бурвинъ, Кошолы А., Кошолы Б., Стасювка, усадьба Шенейки, усадьба Юсаки, Сидорки, Часнувка, Перковичи, Докудовъ, Грабановъ, Воскреница Малая, Воскреница Великая, Сельчикъ, Ортель Княжескій, Костомлоты, Окчинъ, Конта, Копытовъ, Кожановка, Лебедзѣвъ, Добратичи, Колпынекъ, Огородники.

Всѣхъ уніатовъ 26,289 душъ.

Мѣстности, въ которыхъ католики преобладаютъ, но уніаты большею частію сохранили малорусскій языкъ: г. Бѣла съ предмѣстіемъ, Тересполь, ф. Пищацъ, Копытникъ, Лишна, Яновки, Горбовъ, Тучна, Саевко, Вулька Плебанская, Часнувка, Вулька Плебанная, Воскреница, Бѣлка. Уніатовъ 1,041 душа.

Радинскій уѣздъ.

Мѣстности, въ которыхъ уніаты составляютъ значительное большинство: д. Воронецъ, ф. Воронецъ, д. Виски, ф. Виски, д. Деревична, ф. Деревична, Рудно, Вулька Комаровская, д. Желизна, ф. Желизна, д. Колембродъ, ф. Колембродъ, д. Козлы, ф. Козлы, д. Осова, ф. Осова, д. Высоке, ф. Высоке, Збулитовъ Большой, Лисья Вулька, Занёвка, Костры, Могилка, Шайдовка, Чебераха, Ясенка Русская, д. Жабце, ф. Жабце, Кшевица, Луковиске, Мане, ф. Пшилуки, д. Рогозница, д. Тлустецъ, ф. Голясы, ф. Рогозница, Вулька Лузецкая, д. Ворсы, ф. Ворсы, Гусь, Давиды, Кудры, д. Коляно, ф. Коляно, Пашенки, Радъ, д. Яблонь, ф. Яблонь.

Уніатовъ 10,825. Католиковъ 744. Всего 11,569 душъ. Всѣ говорятъ по-малорусски.

Селенія, въ которыхъ преобладаютъ уніаты, говорящіе по-малорусски: д. Пшегалины Б., ф. Пшегалины Б., д. Безволя, Войтовство Вохинъ. Уніатовъ 944; католиковъ 428. Всего 1,372 души.

Селенія, въ которыхъ хотя и преобладаютъ католики, но языкъ господствуетъ малорусскій: д. Комарувка, ф. Комарувка, Рудники, Боянувка, Вымысле, Домброво, д. Миляновъ, ф. Миляновъ, Зѣленецъ, д. Острувки, ф. Острувки, Омельно.

Уніатовъ 253. Католиковъ 1,116. Всего 1,369 душъ.

Селенія, въ которыхъ преобладаютъ уніаты, но всѣ говорятъ по-польски: Стасиновъ, Жминне, Глинный Стокъ, Августовка, Чехъ. Уніатовъ 338 душъ.

Селеніе Вогинь, въ которомъ хотя и преобладаютъ уніаты, но уніаты говорятъ по-малорусски, а католики — по-польски: Уніатовъ 990 душъ.

Селенія, въ которыхъ хотя католиковъ и большинство, но уніаты говорятъ по-малорусски, а католики — по-польски: ф. Плянта, у. Лѣсничувка, Устшешъ, ф. Рудзенецъ. Уніатовъ 118 душъ.

Селенія, въ которыхъ уніатовъ и католиковъ по ровну: д. Пшегалины А, ф. Пшегалины А, Гурне. Уніатовъ 173. Католиковъ 185. Всего 385 душъ. Всѣ говорятъ по-малорусски.

Деревня Рогознечка, ф. Рогознечка, въ которыхъ уніатовъ и католиковъ по ровну, но господствуетъ языкъ польскій. Уніатовъ 74 души.

Селенія, въ которыхъ всѣ уніаты: Пшеходзиско, Савки, д. Столпно, ф. Столпно, Задворне, д. Тулиловъ, ф. Тулиловъ, Вильчиско, д. Засядки, ф. Долголенко, Котелики, Шостка, Березовый-Кутъ, Валинна, Комарево Старое, д. Виторожъ, ф. Виторожъ, д. Долга, ф. Долга, д. Данувка, ф. Данувка, д. Жерацинъ, ф. Жерацинъ, д. Лещанка, Пугаче, Перещувка, Ситно, Сурмаче, Стшижувка, Утрувка, Шихи, д. Береза, ф. Береза, д. Дрелевъ, ф. Дрелевъ, Сагайки, Квасувка, д. Лузки, ф. Лузки.

Уніатовъ 6,283. Всѣ говорятъ по-малорусски.

Селеніе Пшелины Малыя, въ которомъ уніатовъ и католиковъ по ровну и господствуютъ два языка. Уніатовъ 50 душъ.

Селенія, въ которыхъ преобладаютъ католики и гдѣ уніаты усвоили польскій языкъ: Межерѣчье, Радинъ, Русская-Воля, Збулитовъ Малый, Вежбувка, Копина, Заблоце, Пшевловка А, Пшевловка Б, Цихостовъ, д. Грабовецъ, ф. Грабовецъ, Жечица, Отшаклы, Ельница, Милковъ, Дзялѣнь, Юліополь, д. Туровъ, ф. Туровъ, Овешанка. Уніатовъ 1,116 душъ.

Константиновскій уѣздъ

Мѣстности, въ которыхъ одни уніаты, говорящіе по-малорусски: Кленовища, Липница, Ольшинъ, Рокитно, Вороблинъ, Зачепки, Ленги, Новосюлки, Кржичевъ, Самовиче, Кузавка, Кукурики, Ольшанка, Лепки, Мешки, Свиняровъ, Чухлябы, Марынка, Бубель, Бубель-Луковскій, Барсуки, Рачки, Комарно, Заканале, Когикъ, Бухарже, Выгнанки, Выгода, Гараховеры, Гушлевъ, Дзярковскъ, Журавлевка, Зене, Кобыляны, Келбаски, Копца, Кживосниры, Криница, Кравце, Мшанна, Мостовъ, Милойки, Незнанка, Просновъ, Сливонка, Рутка, Юновичи.

Уніатовъ 9,250 душъ.

Мѣстности, въ которыхъ уніаты преобладаютъ, сохраняя малорусскій языкъ: Бучице Старые, Бучице Новые, Костанка, Кленовища Малая, Павловъ, Павловъ Новый, д. Бонинъ, ф. Бонинъ, Горошки, Кленачевъ, Межевники, Серпалице, Забуже, Блоны, Голодница, Кленовища, Михалки, Сервинъ, Целесница, Вороблинъ, д. Дерно, ф. Дерно, Зачепка, Богукалы, Колчинъ, Мокраны Старые, с. Мокраны, Мокраны Новые, ф. Кржичевъ, Непле, Давиды, Корчевка, Прохенки, Шидловка, Возники, Дзенціолы, Лавы, Топоровъ, Хотыче, Пучипе, Бубель-Гранде, Головище, Выховице, Вулька, Вулька Носовка, Дубиче, Кошелювка, Кашмировъ, Гнойно, Замѣще, Заколинки, Бендюга, Дробининъ, Киселевъ, Остромончинъ, Залѣсье, Палка, Хлобковъ, Корница, Шпаки, Чебераки, Фоляриче, Своры, Сыцына, Красна, Цилуйки, Ковнаты, Буковище, Носовъ, Дроблинъ, Витулинъ, Осовка, Грудь, Роскошь.

Въ этихъ мѣстностяхъ 14,001 душа.

Мѣстности, въ которыхъ католики преобладаютъ, но уніаты большею частію сохранили свой языкъ: Суховъ-Пенька, Верхлысь, Островъ, Сеновецъ, Яновка, Валимъ, Головище, Плосковъ, Терликовъ, Комарно, Ваньполь, Пржесмыки, Грушневъ, Гурки, Климчице, Менжелинъ, Межвице, Рывуски, Розвадовъ, Хлѣбчинъ, Шидлолясь, Воронецъ, Кржимовскъ, Бордиловка, Бордзиловка Новая, Кошемовка, городъ Яновъ, г. Константиновъ, г. Сарнаки, г. Лосицы, фольваркъ Авульсъ, Покинянка, Рокитно, ф. Цѣлесница, Пратулинъ, ф. Пратулинъ, Александровка, Болесты, Потрусы, Шавлы, Рудникъ, Старые, Лысовъ, Вулька-Лысовская, Мышковицы, Дуплевицы, Парковъ Русскій, Номойки, Рогачъ, Парковъ Прусскій, Чуховъ, Забуже.

Уніатовъ 3,142 души.

Населенныя мѣстности, въ которыхъ уніатовъ и католиковъ по ровну, но уніаты говорятъ по-малорусски, а католики—по-польски: ф. Ольшинъ, Криница, ф. Ланы, Ториски, Макаровка. Уніатовъ 193 души.

Соколовскій уѣздъ.

Мѣстности, въ которыхъ преобладаютъ уніаты, сохраняя малорусскій языкъ: Головенки, Гродискъ, Гродекъ, Моложево, Рѣнко, Роговъ, Собно, г. Соколовъ. Уніатовъ 2,960 душъ.

Мѣстности, въ которыхъ католики преобладаютъ, но уніаты большею частію сохранили малорусскій языкъ: ф. Бухаржа, Бачка, Бахи, Василевъ, Скржешевскій, Владиславовъ, Вымыслы, Вержбице, Струпки, Галки Русскіе, Дзержбы, Драшчинъ, Русска Строна, Дражчинъ-Бужиска, Дражчинъ-Горы, Зомбковъ, Каменчикъ, Каменко, Канабродъ, Карекъ, Купектинъ, Куровице, Лозовъ, Лузки, Малмошки, Новавесь, Подеревскъ, Пржездзятки, Савице Русскій, Суходоль, Чекановъ, Шкопы, Эмиліановъ, Яблонна, Ляцко, Яблонна Русска. Уніатовъ 1,471 душа.

Жилище, утварь, хозяйственныя постройки и орудія.

Хата.

Домашняя обстановка Малоросса на столько же разнообразна, на сколько разнообразенъ его говоръ, его костюмъ, его обряды и обычаи, его вѣрованія и суевѣрія. Измѣненіе почвенныхъ и климатическихъ условій непремѣнно кладетъ свою особую, ему только одному свойственную, печать, не только на постройку избы, хозяйственныя постройки и расположеніе ихъ относительно другъ друга, но и на способъ впряганія лошадей и воловъ, пищу, одежду, домашнюю утварь,—однимъ словомъ, оно кладетъ особый отпечатокъ на всю домашнюю обстановку Малоросса. Вотъ главная причина, въ силу которой мы встрѣчаемъ Малоросса, живущаго то въ грязной курной избѣ, сквозь маленькія и закоптѣлыя окна которой едва пробивается солнечный лучъ и слабо освѣщаетъ стада золотистыхъ пруссаковъ, отыскивающихъ пропитанія на закопченныхъ дымомъ стѣнахъ, то въ свѣтлой, замѣчательно чистой и ослѣпительно бѣлой избѣ, утопающей въ садахъ и обвитой виноградниками, которая иногда состоитъ изъ двухъ и даже трехъ жилыхъ помѣщеній. Но во всей массѣ разнообразныхъ особенностей заключаются общія черты, которыя въ совокупности даютъ общее представленіе объ обстановкѣ быта Малороссовъ. Прежде всего мы обратимъ вниманіе на постройку избъ вообще, потомъ укажемъ на самую распространенную, такъ сказать, типическую малороссійскую избу со всѣми ея видоизмѣненіями и оттѣнками и, наконецъ, на Полѣсскую или курную избу, которая составляетъ отдѣльный, совершенно самостоятельный типъ малорусскаго жилища.

Существуетъ народное суевѣріе о томъ, что есть мѣста для постройки избъ благопріятныя и неблагопріятныя, и потому послѣднихъ стараются избѣгать, а первыя выбираются слѣдующимъ образомъ: насыпаютъ въ четырехъ мѣстахъ одинаковыя кучки ржи и замѣчаютъ на слѣдующій день до восхода солнца, тронуты-ли онѣ кѣмъ-либо, или нѣтъ. Если, по освидѣтельствованіи хозяина или хозяйки, окажется, что всѣ кучки сохранились въ цѣлости — мѣсто счи-

тается благопріятнымъ: „любить домовый“, и наоборотъ. Мѣстомъ хорошимъ для постройки жилища считается и то, на которомъ постоянно ложится рогатый скотъ.

Хозяинъ, заготовивъ лѣсъ на хату, приглашаетъ родственниковъ и сосѣдей „на закладыны“, т. е. на вышивку и обѣдъ, устроенный тамъ, гдѣ избрано мѣсто для постройки „новоі оселі“. Мастеръ приготовляетъ деревянный крестъ и ставитъ его на томъ мѣстѣ, гдѣ предполагается впослѣдствіи поставить столъ; а хозяинъ приготовляетъ водку, закуску для гостей и, кромѣ того, долженъ положить на томъ мѣстѣ, гдѣ „закладчане“ будутъ обѣдать, свѣжій хлѣбъ и кусокъ соли, которые должны лежать на чистомъ новомъ „рушникі“. „На закладчині не сядуть обидать ажъ поки не провертять у першій підвалині, або въ шулі,—якъ бува хату строять у шулы,—дірки и не закладуть туды свячено жита, пшениці, дарнику и ладану“. Все это приноситъ хозяйка на чистеньой тарелкѣ, а мастеръ беретъ съ тарелки, собственноручно закладываетъ въ сдѣланное имъ отверстіе „въ підвалині“, забиваетъ осиновымъ колкомъ и говоритъ: „Дай-же, Господи милосердний, щобъ изъ цієі новоі оселі хлібъ-сіль святий не выводився, щобъ хазяінъ, хазяйка и дітки маленькі живі, здорові та щасливі були“. Гости, приглашенные „на закладчину“, приносятъ подарки: женщины—муку, крупы, пшено, а мужчины—„хлібъ або паляницю, бо безъ хліба святого негодиться на закладчину йти“.

Когда „закладчане“ усядутся обѣдать, хозяинъ наливаетъ въ рюмку водки, сначала выпиваетъ самъ, а потомъ подноситъ каждому по-очереди, начиная съ того конца, откуда солнце восходитъ. Вообще обычай потчиванія такимъ образомъ объясняется тѣмъ, что хозяинъ, выпивая первую рюмку, во-первыхъ, заохочиваетъ гостей выпить вмѣстѣ съ нимъ, а во-вторыхъ, онъ самымъ наглядным образомъ доказываетъ присутствующимъ, „що въ горілці нема даньні“, т. е., что она не заколдована и что въ ней нѣтъ никакой отравы. Гости желаютъ всякихъ благъ житейскихъ въ „новій оселі“, выпиваютъ предлагаемую водку и закусываютъ; а хозяинъ, попотчивавъ гостей, передаетъ бутылку и рюмку хозяйкѣ, которая точно такимъ же порядкомъ должна потчивать. Но отказывается отъ предлагаемой хозяйкою второй рюмки, она упрашиваетъ: „та выпийте бо хоть половинку, хоть трошечки, коли повної не подужаете! Чи вже-жъ ви бажаете, щобъ у моєі новій оселі гості по одній закусували!“...

Пообѣдавъ, главный мастеръ беретъ хлѣбъ и соль, завертываетъ его въ тотъ рушникъ, на которомъ онъ лежалъ, благодаритъ хозяина и хозяйку за обѣдъ и принимается за работу, начатую еще съ утра; а гости расходятся по домамъ. Иногда, впрочемъ, и гости принимаются за работу и работаютъ до вечера; но это бываетъ только тогда, когда у хозяина нѣтъ договоренныхъ мастеровъ, когда онъ самъ себѣ „будуе хату“.

При вывозкѣ лѣса, а также и при постройкѣ хаты, клунь, повитокъ и пр., бѣднѣйшіе хозяева очень часто сзываютъ такъ называемую „толоку“, которая пособляетъ хозяину сдѣлать то, на что̀ нужны не однѣ рабочія руки и чего хозяинъ самъ не въ состояніи сдѣлать. Малорусская „толока“ — это тоже, что въ Великороссіи „помочь“. Сосѣди и родственники, приглашенные на толоку, работаютъ обыкновенно не долго, но усердно и старательно: они начинаютъ работать по большей части передъ вечеромъ въ часа 4 дня и работаютъ до захода солнца, и очень рѣдко (это уже какъ исключеніе) начинаютъ работать съ полдня. Какъ въ первомъ, такъ и въ послѣднемъ случаѣ, „толочане“ не получаютъ вознагражденія за свой трудъ, исключая угощенія, которое всякій хозяинъ, сзывающій толоку, непремѣнно обязанъ устроить. „Вечеря“ для „толочанъ“ бываетъ различна, смотря, по состоянію хозяина, сзывающаго „толоку“. Бѣднѣйшіе хозяева приготовляютъ „кулішъ“ или же „галушки“, да по рюмкѣ водки—тѣмъ угощеніе и оканчивается; а болѣе зажиточные хозяева приготовляютъ „борщь зъ курятиною, або гусятиною, варенікі зъ сиромъ та зъ сметаною, або млинці зъ саломъ“. Но при этомъ угощеніи, безъ сомнѣнія, самая важная роль принадлежитъ водкѣ, которою обязанъ угощать не только зажиточный хозяинъ, но и бѣдный. Безъ водки толока не мыслима; не было примѣровъ, гдѣ бы толока обошлась безъ водки, она необходима хотя въ самомъ незначительномъ количествѣ. „Де вы бачили, говорятъ, щобъ толока обійшлась безъ горілкі? Уже за страву та за хлібъ святий вибачить всякий що Богъ пославъ, те можна й подать, а безъ горілкі при такій оказіі обійтись не можна: хоть по чароцці, хоть по маленькій, а все-такі треба дать, бо тожъ такі чоловікъ робить, деревню по-передъ себе двигае, натомиться,—не можна!“...

Самое распространенное малорусское жилище состоитъ изъ трехъ отдѣленій: хаты въ тѣсномъ смыслѣ этого слова, „сіней“ и „коморы“, и строится двоякимъ образомъ: „въ зрубъ и въ шули“ или же „стлупы“.

Первая распространена въ лѣсистыхъ мѣстностяхъ, гдѣ, слѣдовательно, хорошій лѣсъ для постройки избъ по своей цѣнѣ доступенъ для крестьянъ, вторая—тамъ, гдѣ лѣсу сравнительно меньше, и гдѣ цѣнность его не для всякаго крестьянина доступна. Но вообще можно сказать, что „рублена хата“ есть достояніе хорошихъ хозяевъ и считается роскошью во всемъ юго-западномъ краѣ, исключая, конечно, Полѣсье, гдѣ лѣсъ очень дёшовъ,—и на нее указываютъ, какъ на признакъ зажиточности. Это видно даже изъ слѣдующаго отрывка народной пѣсни, въ которомъ парень обращаетъ вниманіе дѣвушекъ „на рублену хату“, какъ на нѣчто выдвигающееся изъ ряда обыкновенныхъ вещей: „подивіться дівчата, въ мене *рублена* хата“... Хаты обыкновенно строятъ небольшія: около 7 арш. въ длину и около $6^1/_2$ арш. въ ширину; „а якъ буде 8 аршинъ въ прогонъ (т. е. въ длину), то-то вже щитается хорошаго хозяина хата“.

Хаты „въ слупы или въ шули“ строятся такимъ образомъ: сначала закапываются вертикально въ землю „шулы“, число которыхъ бываетъ различно, смотря по величинѣ лѣса, заготовленнаго на постройку избы: чѣмъ лѣсъ будетъ длиннѣе и лучше, тѣмъ шулъ закапывается меньше и наоборотъ. По обѣимъ сторонамъ въ каждой изъ этихъ шулъ дѣлаются продольныя углубленія по тому направленію, по которому должна идти стѣна; потомъ между шулъ кладутся „обаполки“ такимъ образомъ, чтобы одинъ конецъ обаполка плотно заходилъ въ углубленіе одной шулы, а другой—въ углубленіе другой. Обаполки эти или бревна кладутся одно на другое до тѣхъ поръ, пока не составится стѣна требуемой величины; а гдѣ предполагаются окна и двери, тамъ оставляются для нихъ соотвѣтственныя отверстія. Отверстія дѣлаются такимъ образомъ: когда сдѣлаютъ стѣну такой вышины, на какой нужно устроить окно,—въ бревнѣ, положенномъ горизонтально между двумя шулами, продалбливаютъ два отверстія, въ которыя заправляютъ параллельно шуламъ „лудки“, или же „одвірки“; величина ихъ равняется вышинѣ окна, разстояніе же между окномъ и угломъ хаты или же между однимъ окномъ и другимъ закладывается точно такимъ же образомъ бревнами. Когда всѣ четыре стѣны выведены, сверху ихъ кладутъ „ощепини“, т. е. такой величины бревна, какой длины и ширины хата. Бревна эти на концахъ зарубливаются и связываются „замкомъ“. Назначеніе ощепинъ—стягивать вершины шулъ, чтобы онѣ не разъѣхались отъ давленія, производимаго крышою и потолкомъ на вершины стѣнъ. Въ ощепинахъ, со стороны обращенной во внутренность хаты, дѣлается выемка. Положивъ сволокъ или и два даже (если послѣдній не очень крѣпкій, но въ такомъ случаѣ сволока кладутся „навхрестъ“, одинъ въ длину избы, а другой—въ ширину), кладутъ потолокъ, но такимъ образомъ, чтобы одинъ конецъ доски заходилъ въ углубленіе, сдѣланное въ „ощепині“, а другой—опирался на верхній сволокъ. Кладя одну доску возлѣ другой, образуютъ потолокъ или же „стелю“, на которую потомъ насыпаютъ слой глины или же земли толщиною въ $^1/_4$ аршина. Слой этотъ сначала утаптываютъ и убиваютъ колотушками, а потомъ смазываютъ сверху глиной. Это дѣлается для того, чтобы въ избѣ было теплѣе, а во-вторыхъ, и для того, чтобы на потолокъ потомъ можно было ссыпать вымолоченный хлѣбъ.

Такимъ же образомъ дѣлаются сѣни и комора, съ тою только разницею, что въ сѣняхъ вовсе не дѣлаютъ потолка; въ коморѣ хотя и кладутъ доски худшаго достоинства или же плетень изъ лозы, но они никогда не прикрѣпляются и не присыпаются землею, такъ какъ на комору складываютъ сѣно и нѣкоторыя болѣе мелкія хозяйственныя орудія, какъ-то: „вилы, граблі, ціпи, мотовила, ветушки, грабки“ и проч.

Когда стѣны выведены и потолки положены, ставятъ „кроквы и наріжниці“, на которыхъ прикрѣпляются параллельно длинные, не слишкомъ тол-

стые шесты или же „латы“ и уже къ нимъ привязываются тѣ „кулики“, посредствомъ которыхъ покрываются не только избы, но и всѣ малорусскія хозяйственныя постройки; на первый рядъ, начиная отъ самыхъ нижнихъ частей крыши, привязываютъ не „кулики“, а „китиці“. Различіе между ними заключается въ томъ, что первые связываются „въ гузері“, а вторыя—перевязаны съ того конца, гдѣ колосья „китиці“ прикрѣпляютъ до „латъ“ колосьями вверхъ; а „кулики“ наоборотъ: они прикрѣпляются колосьями внизъ и при томъ такъ, что колосья перваго ряда „куликивъ“ покрываютъ колосья перваго ряда „кытычь“, колосья втораго ряда „куликивъ“ прикрываютъ „гузырі“ перваго ряда „куликивъ“, колосья третьяго ряда „куликивъ“ прикрываютъ „гузырі“ втораго ряда „куликивъ“ и т. д., укрѣпляютъ рядъ за рядомъ до тѣхъ поръ, пока не достигнутъ вершины крыши, которую прикрываютъ мятою соломою и, чтобы вѣтеръ не сносилъ, придавливаютъ ее „півзинами“. Менѣе зажиточные хозяева иногда покрываютъ свою избу мятою соломою и, для предохраненія отъ вѣтра, придавливаютъ ее длинными шестами и бревнами, положенными въ различныхъ направленіяхъ; но потомъ, когда солома достаточно уляжется, эти бревна, какъ лишняя тяжесть на крышѣ, снимаются, и оставляютъ только шесты, или такъ-называемыя „півзины“. Въ сѣверной части Хотинскаго уѣзда, Бессарабской области, избы покрываютъ длиннымъ „очеретомъ“. Очеретъ этотъ располагается на крышѣ довольно толстыми слоями, одинъ на другомъ все выше и выше, такъ что нижняя часть крыши состоитъ изъ правильныхъ уступовъ, которыхъ бываетъ однако же не болѣе трехъ-четырехъ; а самая верхушка или „щитъ“ прикрывается точно также, какъ и въ другихъ избахъ, мятою соломою. На Полѣсьѣ, а равно и въ другихъ мѣстностяхъ юго-западнаго края, также встрѣчаются крыши изъ очерета; но только Полѣщуки не дѣлаютъ изъ него на крышѣ уступовъ, а на зиму для теплоты имъ обставляютъ стѣны хатъ, для чего очеретъ связывается въ пучки, которые называются по-мѣстному „дідухи“.

Крыша типической малорусской избы, состоитъ изъ двухъ равныхъ трапецій и двухъ равныхъ и при томъ равнобедренныхъ треугольниковъ, которые расположены такимъ образомъ: трапеціи — на переднемъ и заднемъ фасадахъ, треугольники — на боковыхъ. Но при этомъ нужно замѣтить, что крыша дѣлается такъ, чтобы со стороны краснаго угла былъ навѣсъ аршина въ три. Навѣсъ этотъ называется „причілкомъ“ и служитъ для того, чтобы въ ненастную погоду можно было подъ нимъ исполнять тѣ работы, съ которыми неудобно возиться въ избѣ. Такъ напримѣръ, „підъ причілкомъ хозяинъ майструє сокирою, стругомъ, долотомъ“, иногда же подъ „причілкомъ“ ставится возъ на зиму, сани — на лѣто, а также складываются земледѣльческія орудія, какъ-то: борона, рало, плугъ, грабли, вилы и проч., чтобы онѣ не портились отъ дождя; а

иногда, хотя, впрочемъ, довольно рѣдко, съ этой стороны хаты пристраивается маленькій чуланчикъ, „комірчина“.

Нѣкоторые хозяева для того чтобы придать избѣ болѣе изящный видъ, дѣлаютъ по угламъ крыши изъ тѣхъ же самыхъ „китиць“, о которыхъ мы упоминали раньше, зубцы; а на серединѣ передней трапеціи, напротивъ „сінешнихъ дверей“, крестъ; за крестомъ на „самісинькимъ щіту стерчить виводъ“ *) (т. е. на ребрѣ крыши возвышается труба), который иногда покрывается маленькою досчатою крышей. На этой крышѣ въ Черкасскомъ уѣздѣ (Кіевской губерніи) часто, въ видѣ флюгера, пристраиваютъ на довольно длинной желѣзной палкѣ жестяное изображеніе пѣтуха, „півника“.

Почти такъ же строится и „рублена хата“; вся разница заключается въ томъ, что тамъ „шулъ“ или „слуповъ“ не закапываютъ; а такъ какъ лѣсъ на „рублену хату“ выбирается такой длины, какой предполагается хата, то каждое бревно зарубается на концахъ и только по угламъ избы берется на „замки“. „Шули“ же или „стлупы“ задалбливаются въ „підвалину“, только въ томъ мѣстѣ, гдѣ назначено мѣсто для дверей. Эти же шули служатъ вмѣстѣ съ тѣмъ и „одвирками“. Сдѣлавъ остовъ хаты, „клинцюють и валькують ії“. т.-е. набиваютъ въ стѣны маленькихъ деревянныхъ клиньевъ и потомъ какъ изъ внѣшней, такъ и изъ внутренней стороны покрываютъ стѣны толстымъ слоемъ глины, смѣшанной съ половою и рубленою соломою. Это дѣлается для того, чтобы глина около стѣнокъ держалась плотнѣе.

Вокругъ избы, а иногда только на переднемъ фасадѣ ея дѣлаютъ насыпь, вышиною въ поларшина и такой же приблизительно толщины, которая крѣпко убивается колотушками и смазывается желтою глиной. Насыпь эта называется „призбою“ и устраивается съ двоякою цѣлью: во-первыхъ, она въ зимнее время предохраняетъ избу отъ холода и сырости, а во-вторыхъ, лѣтомъ она замѣняетъ собою скамью; часто на ней садятся ужинать, если семья небольшая; хозяинъ, пришедши съ поля, складываетъ на нее „ярма, грабли, вилы, дугу, мазныцю, налыгачъ“ и проч. Когда глина немного присохнетъ, хату съ той и другой стороны обмазываютъ раза два жидкою желтою глиной и при этомъ исправляютъ неровности, чтобы впослѣдствіи можно было покрыть бѣлою глиной. Въ такомъ видѣ оставляютъ хату на двѣ, на три недѣли, пока она высохнетъ окончательно; а тѣмъ временемъ занимаются устройствомъ „печі, комына, шиі и вивода“.

Кирпичная печка въ малорусской избѣ—довольно рѣдкое, хотя и не исключительное явленіе: она чаще встрѣчается въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ вблизи нахо-

*) Въ сѣверо-западномъ углу Кіевской губерніи, а равно и на Волыни «выводъ» назывался «комеиомъ», а въ Полтавской губерніи — «бовдуромъ».

дятся кирпичные заводы, а равно вблизи городовъ и въ мѣстечкахъ. Но вслѣдствіе недостаточности средствъ, нѣкоторые крестьяне и при такихъ обстоятельствахъ обходятся безъ заводскаго кирпича. Работая на заводахъ, они присматриваются къ способу изготовленія кирпича и выдѣлываютъ его для своихъ домашнихъ нуждъ у себя дома. Большинство же крестьянъ дѣлаютъ свои печи непосредственно изъ глины, такимъ образомъ: устраивается сначала на подмосткахъ платформа, на которую насыпаютъ толстый злой земли; землю эту убиваютъ колотушками и смачиваютъ немного водой, чтобы она плотно улеглась. Когда платформа усыпана землею, посрединѣ ея кладутъ мѣшокъ, крѣпко набитый половою (или большой куль соломы), и опять продолжаютъ насыпать земли, постоянно убивая ее, какъ и прежде, колотушками и смачивая водой. Когда печка насыпана достаточной величины, развязываютъ тотъ мѣшокъ, который присыпанъ былъ землею, высыпаютъ изъ него полову и выбрасываютъ ее вонъ. Отверстіе, оставшееся послѣ этого въ насыпи, и есть „варистая“ печь; за тѣмъ ее тщательно выстругиваютъ заступомъ и вымазываютъ глиной. Потомъ устроиваютъ на выдавшейся части платформы, „на пріпечку передъ самими челюстямы, кòминъ“. Кòминъ—это проходъ для дыма, выходящаго изъ печки, изъ котораго потомъ дымъ выходитъ чрезъ „шию“ въ „виводъ“, т. е. въ трубу. Форма кòмина бываетъ различна, смотря по вкусу и архитектурной изобрѣтательности самого строителя. Такъ, напримѣръ, въ одной избѣ вы встрѣтите „кòминъ“ совершенно круглый на подобіе улья, въ другой—круглый, посрединѣ съ перехватомъ, въ третьей — четыреугольный съ карнизами и т. д. При этомъ нужно замѣтить, что „кòминъ“ несравненно чаще дѣлается изъ кирпича, хотя нерѣдко можно встрѣтить „кòминъ“ плетеный или изъ лозы, или же изъ соломы; но въ такомъ случаѣ онъ очень тщательно покрывается довольно толстымъ слоемъ глины, не только со внутренней стороны, но даже и со внѣшней. Отъ кòмина идетъ плетеная труба, выводящая дымъ въ отверстіе, сдѣланное въ стѣнѣ. Отверстіе это зимою затыкается тряпками, „заткаломъ“, и надъ нимъ устраивается плетеный изъ лозы или же соломы „виводъ“, назначеніе котораго выводить дымъ на поверхность крыши.

Когда все это сдѣлано, изба, подвергшись раза два окончательной побѣлкѣ, дѣлается совершенно годною для жилья. Такъ построена большая часть избъ не только въ юго-западномъ краѣ, но и въ Малороссіи, вообще, гдѣ есть хотя въ незначительномъ количествѣ лѣса; гдѣ же нѣтъ лѣса, какъ напримѣръ, въ южной части Подольской губерніи и въ Хотинскомъ уѣздѣ Бессарабской области, тамъ хаты дѣлаются плетеныя, преимущественно изъ соломы.

Плетеныя хаты называются „мазанки“ и стѣны ихъ дѣлаются такимъ образомъ: сначала по направленію стѣны забиваются, довольно близко одинъ возлѣ другаго, колья, между которыми „крутенями“ изъ соломы дѣлается переплетъ

почти такъ же, какъ переплетается плетень. Сдѣлавъ это, стѣнки вымазываютъ съ той и другой стороны толстымъ слоемъ глины, при чемъ глина употребляется точно такая же, какъ и при постройкѣ деревянныхъ хатъ. У болѣе зажиточныхъ крестьянъ, а равно и у мѣщанъ, живущихъ въ городахъ и мѣстечкахъ, часто встрѣчаются избы, состоящія изъ двухъ и даже трехъ жилыхъ помѣщеній, но при этомъ нужно замѣтить, что послѣднія чаще встрѣчаются у мѣщанъ, чѣмъ у крестьянъ.

Если изба состоитъ изъ двухъ жилыхъ помѣщеній, то тогда „комора", т. е. кладовая, обыкновенно строится отдѣльно, а черезъ сѣни, на томъ мѣстѣ, гдѣ всегда назначается мѣсто для „коморы", устраивается точно такой же конструкціи изба, въ которой живетъ или женатый сынъ хозяина, или старые родители его. Эта послѣдняя изба иногда отличается отъ предыдущей тѣмъ, что въ ней нѣтъ „печі", а вмѣсто ее устраивается „груба або лежанка" *), тогда она называется „світлиця". Світлиця содержится въ большей чистотѣ и назначается почти исключительно для пріема гостей. Если такая хата „зъ світлицею" построена въ мѣстечкѣ или въ городкѣ, то въ хатѣ собственно живутъ обыкновенно хозяева, а „світлицю" отдаютъ въ наемъ.

Хата, состоящая изъ трехъ жилыхъ помѣщеній, чаще встрѣчается, какъ мы сказали, по мѣстечкамъ и городамъ, у мѣщанъ. Собственно говоря, это тѣже двѣ хаты „черезъ сіни", или же хата „зъ світлицею"; но только въ хатѣ сдѣлана небольшая перегородка, — отгороженное мѣсто называется „алькиръ" или „валькиръ" —это спальня и дѣтская вмѣстѣ; тутъ подъ стѣнкой устроенъ изъ досокъ „пілъ", заваленный подушками и ряднами; передъ „поломъ" виситъ „колыска", надъ поломъ „жертка" съ одежей и пр.; однимъ словомъ, это болѣе грязная семейная комната, доступная почти исключительно для одной только семьи.

Внутренняя обстановка хаты.

Разсмотрѣвъ постройку и общій видъ малорусской избы со всѣми ея видоизмѣненіями, какія намъ приходилось встрѣчать въ юго-западномъ краѣ, исключая конечно Полѣсской, курной избы, о которой мы будемъ говорить отдѣльно, перейдемъ теперь ко всему тому, что служитъ предметомъ необходимости въ избѣ, а равно и къ тому, что служитъ предметомъ ея украшенія, и посмотримъ, какъ эти предметы расположены въ ней, какое каждый изъ нихъ занимаетъ мѣсто,— однимъ словомъ, мы, ознакомившись съ постройкой избы и ея внѣшнимъ видомъ, обратимъ вниманіе на ея внутреннюю обстоновку. Входя въ хату, вамъ

---

*) «Пічь» отъ «груби и лежанки» отличается тѣмъ, что «въ печі можна варыть и пекты», а послѣднія двѣ устраиваются только для огрѣванія жилища; различіе же между ними заключается въ томъ, что на «лежанці можна лежать».

прежде всего придется познакомиться съ высокими малорусскими порогами, а равно и „зъ двермi сінешными и хатніми“, которыя устраиваются обыкновенно на „бігунахъ“ и отпираются съ усиленнымъ трудомъ и неистовымъ скрипомъ. Двери эти до того низки, что даже людямъ средняго роста приходится каждый разъ сгибаться вершка на два, на три. Малороссъ большихъ дверей не любитъ: „якъ у хаті“, говоритъ онъ, „великі двери зробыть, то треба багато и опалу стараться на зиму; а топу хаті не всидишъ: якъ одчинатъ двері, такъ усе тепло й шугне на двіръ“. „Синешні двері“ днемъ запираются деревянною „заверткою“, а на ночь, или же уходя изъ дому, ихъ запираютъ деревяннымъ замкомъ „засовкою“. Желѣзные замки употребляются только для „бодні и скрыні“, а такъ же иногда и для коморы, построенной отдѣльно. Большія и на завѣсахъ двери встрѣчаются только у болѣе зажиточныхъ крестьянъ и мѣщанъ.

Хата внутри, точно такъ же, какъ со внѣшней стороны, вымазана бѣлой глиной, или же мѣломъ, а въ Хотинскомъ уѣздѣ Бессарабской области гипсомъ, и потому въ ней свѣтло и чисто. О чистотѣ и порядкѣ въ избѣ, какъ со внутренней, такъ и со внѣшней стороны заботится хозяйка: „безъ хазяина двіръ, безъ хазяйки хата плаче“, говоритъ народная пословица. „Глядижъ, дочко“, поучаетъ мать, въ одной народной сказкѣ, свою дочь, выходящую замужъ: „якъ будешь у тестя, то вставай раненько, умивайся біленько, вымитай хату й сіны, коло хаты поодмітай, поприбірай; а въ суботу у вечері припечокъ підмажъ; долівку вымажъ, то тебе и чоловикъ буде жаловать и одъ людей знаруги не буде“. И дѣйствительно, малорусская изба въ сравненіи съ избами нѣмецкихъ колонистовъ, поселившихся въ Волынской губерніи, а равно и съ избами мазуровъ, которыхъ намъ приходилось не разъ встрѣчать въ Привислянскомъ краѣ, имѣетъ преимущество предъ ними по своей чистотѣ. Гадливое чувство малоросса, относительно этого предмета, выразилось въ слѣдующемъ опредѣленіи: „кацапська хата смердыть козою, нимецька лоёмъ, мазурська....., а жидівска цибулею“.

Хорошая хозяйка считаетъ своею, чуть-ли не священною обязанностью подмазывать каждую субботу „припечокъ“, недѣли черезъ двѣ и „доливку“; а особенно это строго исполняется въ тѣхъ семействахъ, гдѣ есть взрослыя дочери, на которыхъ эта обязанность возлагается, какъ только онѣ становятся способными къ выполненію ея. Стѣны же и потолокъ бѣлятся несравненно рѣже: „хату мажуть тилько передъ великими празниками, та ще, якъ часомъ бува у кого весілля, то й передъ весіллямъ мажуть, щобъ чипурніше було“. Внѣшняя сторона стѣнъ еще рѣже бѣлится. Лутки возлѣ оконъ, а равно какъ иногда и сволокъ продольный, на которомъ не рѣдко вырѣзывается надпись, когда и кѣмъ изба построена, моются водой и выскабливаются ножами. Иногда рамы оконъ и дверей, какъ изъ внутренней, такъ и изъ внѣшней стороны окаймляются разводами и узорами, которые называются „цятками“. Эти узоры бываютъ

краснаго, желтаго, зеленаго и синяго цвѣтовъ. Краски для нихъ приготовляются изъ бразоліи, сока растеній и „ягидъ“ и цвѣтной глины.

Оконъ въ избѣ три. Расположеніе ихъ всегда одинаково: два по сторонамъ „покутя“, т. е. краснаго угла, а третье — почти около самыхъ дверей, напротивъ печки; каждое изъ нихъ состоитъ изъ средней величины четырехъ „шибокъ“ (стеколъ), которыя достаточно пропускаютъ свѣта для того, чтобы свѣтло было на пространствѣ небольшой хаты. Изъ двухъ оконъ въ покутней стѣнѣ — первое непремѣнно меньше втораго, оно составляетъ $^2/_3$ втораго окна; окно въ другой стѣнѣ такое же, какъ и второе. Это положительно повсемѣстная особенность малорусской избы. Если хата построена въ тѣни подъ горою или между деревьями, какъ это довольно часто встрѣчается въ Кіевской и Подольской губерніяхъ, то прорубаютъ надъ „поломъ“ и четвертое окно; часто также встрѣчается и около печки окно, но послѣднее всегда состоитъ изъ одной небольшой „шибки“, задѣланной въ стѣну. Около порога сейчасъ же въ углу стоитъ печка, занимающая вмѣстѣ съ „припечкомъ и запичкомъ“ почти четвертую часть всей избы, а возлѣ нея „рогачи, кочерга и віникъ“; въ противоположномъ углу, по діагонали, стоитъ столъ, накрытый скатертью, на которомъ всегда лежитъ „якъ що не цілый, то окраиць хліба, — такъ годытця“, — говорятъ. Иногда вмѣсто стола стоитъ на подмосткахъ „скрыня“, т. е. сундукъ; но это въ настоящее время даже у бѣднѣйшихъ хозяевъ встрѣчается довольно рѣдко.

За столомъ подъ стѣнками устроены лавки, изъ которыхъ одна тянется до „судныка“, стоящаго возлѣ порога, а другая — до „полу“. Лавки эти дѣлаются изъ одной доски, и чѣмъ доска шире и ровнѣе обдѣлана, тѣмъ лавка считается эфектнѣе. У потолка на той стѣнкѣ, у которой стоитъ столъ, прибита небольшая полка съ каймой это, — „божникъ или судникъ“. Иногда эти божники бываютъ аршина въ три длины и почти всегда разукрашены рѣзьбою, которая служитъ не только украшеніемъ въ избѣ, но и аттестатомъ столярныхъ способностей самаго хозяина, такъ какъ послѣдній употребляетъ всѣ усилія для того, чтобы „божникъ“ былъ сдѣланъ какъ можно лучше; а хозяйка съ своей стороны уставивъ „на божныку“ иконы подъ-рядъ, старается какъ можно красивѣе обтыкать ихъ гвоздиками, барвінкомъ, нагідками, любисткомъ, а зимою — сухими васильками. Кромѣ цвѣтовъ, иконы еще украшаются рушниками, концы которыхъ спускаются по сторонамъ иконъ. Само собою разумѣется, что для этого рушникъ дѣлается изъ тонкаго полотна и вышивается какъ можно получше и поизящнѣе.

Иконы, „образи, боги“ — это самое главное и, можно сказать, единственное украшеніе въ малорусской избѣ, и потому-то каждый хозяинъ старается собрать ихъ возможно большее количество, покупая на ярмаркахъ у мѣстныхъ маляровъ, которые при продажѣ обращаютъ вниманіе покупателя не на достоинство из-

ображенія, а на яркость красокъ и на крѣпость той доски, на которойоно сдѣлано. „Дивись дядьку, говорятъ они продавая икону: оцей образъ хоть и изъ божныка упаде, то вже не розыбьється". Для того, чтобы дать понятіе объ этой живописи, образцы которой можно встрѣтить въ любой крестьянской избѣ, мы приведемъ слѣдующій разговоръ, свидѣтельствующій о томъ, что не только крестьяне, но и сами живописцы не знаютъ даже названія того святаго, котораго они желаютъ изобразить; а объ идеѣ и говорить нечего... „Чоловіче, що це ты купивъ?" спрашиваетъ жена своего мужа, разсматривая икону. „Хиба ты не бачишъ що?"

— „Чи воно Спаситель, чи воно Варвара великомучиныця... а це, чоловіче, яка звирюка кашшукъ у зубахъ держить?"

— „Богъ ёго знае. Люди дывылысь та казали, що це заморській царь Сусу Христу дарі приносить; а маляръ казавъ, що це апостолъ, та й Богъ его зна!"...

— „Чого-жъ вінъ такій кривопикий?"

— „То вінъ одвернувсь, певне не хоче брать тихъ грошей, що то ёму въ кашшуці принесено". По справкамъ оказалось, что живописецъ хотѣлъ изобразить евангелиста Іоанна и у ногъ его орла, держащаго чернильницу, который, по мнѣнію однихъ, похожъ былъ на „звірюку", а по мнѣнію другихъ — на „заморськаго царя". И дѣйствительно, часто можно встрѣтить живопись ниже всякой критики. Правда, попадаются иногда иконы и лучшаго достоинства, но такія иконы чаще встрѣчаются у зажиточныхъ мѣщанъ, которые на живопись смотрятъ съ другой точки зрѣнія, чѣмъ крестьяне. Намъ кажется, что это и есть одна изъ причинъ, служившихъ поводомъ къ распространенію между православными мѣщанами не только католическихъ, хорошо гравированныхъ иконъ, но даже нѣмецкихъ. Гравированныя, католическія иконы обходятся православнымъ несравненно дешевле, чѣмъ иконы, сдѣланные масляными красками, а работу тѣхъ и другихъ и сравнивать невозможно. Намъ приходилось встрѣчать католическія иконы не только у мѣщанъ Подольской, южной части Волынской, восточной части Люблинской и Сѣдлецкой губерніи, подвергшихся болѣе всего католическому вліянію, но даже у священниковъ и въ волостныхъ правленіяхъ намъ встрѣчались иконы съ надписью: „Antonius, Matka Boska", Николай св. въ папской тіарѣ и пр.; хотя, впрочемъ, нужно сказать, что иконы, писанныя масляными красками, предпочитаются въ Кіевской губерніи. Болѣе хорошія иконы пріобрѣтаются въ Кіево-Печерской Лаврѣ. Передъ иконами въ красномъ углу на „покуті" виситъ небольшая лампада, зажигающаяся по большимъ праздникамъ; къ лампадѣ привѣшено внизу разукрашенное различными красками куриное яйцо — „пысанка". У кого нѣтъ передъ образами лампады, тотъ за-

жигаетъ въ большіе праздники восковую свѣчу домашняго изготовленія, которая прилѣпляется „до божника“.

Отъ печки вдоль хаты подъ стѣнкой устраивается изъ досокъ нѣчто въ родѣ казарменныхъ наръ—это „пилъ“; на немъ сложены подушки и рядна, которыми укрываются, ложась спать. Иногда подъ „поломъ“ закапывается ступа, въ которой сами толкутъ просо, снявъ предварительно одну или двѣ доски изъ „полу“, свободно лежащихъ на перекладинахъ, опирающихся на столбы. Надъ „поломъ“ виситъ „жертка“, прикрѣпленная къ стѣнѣ и потолку, назначенная для вѣшанья употребительнѣйшей одежи и бѣлья. Тутъ же около „полу“, прикрѣпленная къ „стелі“, виситъ „колиска“, если въ семьѣ есть маленькія дѣти. Колиски дѣлаются изъ деревянныхъ рамокъ, называемыхъ „бильцями“, между которыми дѣлается переплетъ изъ шнурка и къ каждому углу „колискі“ привѣшивается шнурокъ, называющійся „вірвечкою“; соединивъ всѣ эти „вірвечки“ вмѣстѣ, привязываютъ ихъ „до ключки“, съ помощью которой привѣшивается „колиска“. Дальше къ колискѣ прицѣпляется шнурокъ, на который ставятъ ногу и качаютъ ребенка. Этотъ шнурокъ называется „почипка“. Если дитя не спитъ, то колыску снимаютъ и кладутъ „пидъ пілъ“.

Около порога, у самыхъ дверей, стоитъ „мыснык“, на полкахъ котораго установлены на видномъ мѣстѣ, полывъяни и деревъяни миски, ложки, тарілки, пляшки, чарки“ и другая лучшая столовая посуда. Горшки же, макітры, глечики, чавуни ставятся внизу на „мыснику, на лаві“; но при этомъ нужно замѣтить, что „поливъяні и деревъяні миски“ разукрашенныя различными цвѣтами и птицами, служатъ не только предметомъ необходимости, но и украшеніемъ, и потому они устанавливаются „квітками на хату“. Около „мысника на лаві, або на привалку“ стоитъ въ зимнее время „діжечка зъ водою, накрыта кружкомъ“, на которомъ стоитъ глиняный, деревянный или жестяный „кухоль“, назначенный для питья воды. Тутъ же около воды стоитъ небольшая деревянная лаханка—„помыйныця“, куда выливается оставшійся борщъ и пригорѣлая каша, вода, въ которой мыли столовую посуду, обрѣзки бураковъ, обрѣзанная кожа картофеля и другіе остатки, получающіеся при изготовленіи обѣда, которые потомъ относятся свиньямъ или же коровамъ.

Надъ дверью, а равно и надъ окномъ, которое противъ печки, прибиваются почти у самаго потолка доски „полиці“, на одной изъ нихъ складываются различныя хозяйственныя вещи, какъ-то: „гребенці, гребінки, гребені, щітки для конопель, мички, ножички, нитки, веретена, починки, клубки“ и проч.; а на другой—хлѣбъ печеный, сіль, часникъ, цибуля, принесенные хозяйкой изъ погреба для дневнаго употребленія. Иногда бываетъ вмѣсто двухъ „полиць“ одна большая.

Подъ сволокомъ въ зимнее время, когда всѣ члены семьи женскаго пола

заняты приготовленіемъ полотна и суконъ, торчатъ „мотовила съ пряжей, лежатъ мітки и півмітки“, свернутыя „запаскі и попередныці“. Тутъ же лежитъ свернутое починяющееся бѣлье, вышивающіеся рукава, підточки, пазухи, коширі и проч. Около печки, всегда почти опираясь однимъ концомъ на „кóминъ“, а другимъ на „сволокъ“, лежитъ хлѣбная лопата, вымытая и выскобленная тщательно опрятною хозяйкой. На стѣнкѣ, на деревянномъ или желѣзномъ гвоздѣ, виситъ шапка хозяина, поясъ, рукавицы; на другихъ гвоздяхъ, забитыхъ поближе къ дверямъ, висятъ: „сито, рéшето, цідилка, макогінъ“.

Подъ лавками стоятъ „ослинці“ и небольшія скамейки, которыя замѣняютъ собою подвижную мебель, и приставляются къ столу, если является необходимость. Поближе къ дверямъ, подъ лавкой, стоитъ „мірка“ съ картошкой, принесенною хозяйкой изъ погреба или изъ огорода на обѣдъ и ужинъ. Возлѣ „кóмина“ съ той стороны, куда тянется „шия“, сдѣлана небольшая выемка. Въ этой выемкѣ или же въ „шиі“ складываютъ: кремінець, кресало (огниво), губку, спички. Небольшія зеркала въ рамахъ встрѣчаются только у мѣщанъ и болѣе зажиточныхъ сельскихъ урядниковъ и лицъ, бывшихъ во время крѣпостнаго права при панскомъ дворѣ; а у крестьянъ или же вовсе не бываетъ его, и тогда дѣвушки, занимаясь своимъ туалетомъ, замѣняютъ его чистою водой, налитою въ новую деревянную или поливанную миску, или же, если и есть, то безъ рамъ, просто кусокъ стекла, покрытый амальгамой — съ одной стороны и вмазанный въ стѣнку возлѣ того окна, которое напротивъ печки. Иногда эти зеркала бываютъ самой незначительной величины и разнообразной формы, смотря по тому, какой кусокъ попадется изъ разбившагося зеркала; но тѣмъ не менѣе и такое зеркало считается у „дівчатъ“ уже роскошью.

Въ Хотинскомъ уѣздѣ, Бессарабской области, и отчасти по лѣвому берегу Днѣстра, благодаря вліянію мѣстнаго молдавскаго населенія, вошли въ употребленіе шерстяные, разноцвѣтные коврики, назначенные исключительно для украшенія избы. Этими ковриками или, какъ ихъ называютъ, „веретами“ застилаютъ лавки, а иногда даже „стилъ и полица“, прибитая надъ „поломъ“, на которой складывается полотно и чистое бѣлье. Нѣкоторые изъ болѣе зажиточныхъ царанъ эти же коврики прибиваютъ и на стѣнкахъ, хотя на стѣнкахъ они встрѣчаются довольно рѣдко. Но при этомъ нужно замѣтить, что въ Хотинскомъ уѣздѣ, Бессарабской области, въ такъ-называемой Бессарабской Буковинѣ бѣлизна и чистота избы доведена до крайности. Здѣсь при побѣлкѣ избъ употребляютъ не простую бѣлую глину, какую употребляетъ остальное малорусское населеніе, а гипсъ, который несравненно прочнѣе держится на стѣнкахъ и превосходитъ своею бѣлизной не только глину, но даже и мѣлъ. Въ хатахъ ни какихъ работъ, оставляющихъ соръ, не производятъ — все это хозяева дѣлаютъ или „на дривотні“ или же „підъ причілкомъ“, такъ что

„долівка“, смазанная въ субботу желтою глиною, остается чиста и ровна въ продолженіи всей недѣли; а передъ воскресеньемъ опять ее подмазываютъ.

„Сіни“ занимаютъ средину избы, такъ что къ одной сторонѣ сѣней — хата, по другой — комора, или же „хижа“. Въ сѣняхъ чаще всего бываетъ двое дверей: однѣ во дворъ, другія — въ огородъ, почему послѣднія и называются „городними“. За одними изъ этихъ дверей лѣтомъ стоитъ „ослінъ“, на которомъ помѣщается ведро съ водой и „кухоль“. Тутъ же въ уголкѣ стоятъ пустыя ведра, опрокинутыя вверхъ дномъ, коромысло, на которомъ носятъ воду; около вывода стоитъ, опираясь на стѣнку хаты, подвижная лѣстница — „драбина“, ведущая на „гору“, т. е. на чердакъ хаты; съ потолка хаты переложено нѣсколько досокъ, по которымъ можно пройти и на чердакъ коморы. На стѣнкахъ въ сѣняхъ на деревянныхъ колкахъ развѣшана упряжь, налигачи, веревки и другія вещи, которыхъ нельзя оставить на дворѣ. Вообще сѣни, замѣняя собою переднюю, служатъ складочнымъ мѣстомъ различныхъ хозяйственныхъ вещей и орудій, какъ-то: „ціпъ, коса, цурка, серпъ, грабки“ и проч. „Комора або хижа“ часто не обмазываются глиной ни съ той, ни съ другой стороны. Потолокъ дѣлается на комору или плетеный изъ лозы и хворосту, или же просто кладутся доски одна возлѣ другой. Комора замѣняетъ собою кладовую: тутъ стоитъ „скриня“ на колесахъ (сундукъ), запертая висячимъ замкомъ, „бодня“ *), засікъ съ пшеницею, мѣшки съ мукою, кожухи, свитки, бочонки, мірки, сало, привѣшенное къ жерди, соль, — однимъ словомъ, все, что только имѣется въ хозяйствѣ. Такъ какъ въ „коморі“, хранятся довольно цѣнныя и удобоподвижныя вещи, какъ напримѣръ, кожухи, свитки, юнки и проч., то, для предохраненія отъ воровства, въ ней не дѣлаютъ окопъ; а прорубаютъ небольшую дыру въ одной изъ стѣнъ, чтобы можно было различать нѣкоторые предметы. Иногда въ эту прорубленную дыру вставляютъ шибку; если же дыра большая, то кромѣ, этого, еще перебиваютъ ее пополамъ желѣзною штабою. Комора замыкается только тогда, когда хозяйка уходитъ изъ дому. Если черезъ сѣни вмѣсто коморы устроена „світлыця“, то въ такомъ случаѣ комора строится отдѣльно, „на отшибі“. О ней мы будемъ говорить, когда коснемся хозяйственныхъ построекъ. У бѣднѣйшихъ хозяевъ, а равно у хозяевъ начинающихъ, какъ напримѣръ, у отдѣлившихся отъ отца сыновей, коморъ не бываетъ, только хата и сѣни. Такая постройка некрасива на глазъ, въ ней нѣтъ цѣлости. Она составляетъ какъ бы $^2/_3$ полной хаты. Въ этомъ случаѣ крыша съ одной стороны не закрыта, хозяинъ ожидаетъ времени, когда построитъ или сплететъ комору или „хижу“, тогда по-

*) Довольно высокая кадка съ ушами; на эти уши надѣвается кружокъ, плотно закрывающій бодню; а черезъ уши протягивается поверхъ кружка задвижка, къ которой потомъ привѣшивается замокъ.

стройка надлежащимъ образомъ выполнится. Малороссы вообще устраиваютъ свои жилища такъ, чтобы они главнымъ фасадомъ (вікнами) были обращены на югъ. Это дѣлается для того, „щобъ не выходыло солнце, щобъ у хатї було разъ-у-разъ видно". Вотъ причина, благодаря которой малорусская изба бываетъ обращена на улицу, то окнами, то причілкомъ, то коморою и даже заднимъ фасадомъ, хотя впрочемъ, нужно замѣтить, что при этомъ играетъ немаловажную роль и та мѣстность, на которой стоитъ хата.

Курная изба.

Курная или, такъ называемая, Полѣсская изба, которая, какъ мы раньше уже сказали, составляетъ собою отдѣльный, совершенно самостоятельный типъ малорусскаго жилища, исключительно господствуетъ по обѣимъ сторонамъ рѣки Припети и ея притоковъ въ Полѣсьѣ. Точно опредѣлить границы распространенія курной избы весьма трудно, такъ какъ въ Полѣсьѣ, въ одномъ и томъ же селеніи, рядомъ съ курною избой стоитъ свѣтлая или полукурная; но если мы проведемъ линію по направленію кіево-брестскаго шосе, то получимъ приблизительную границу; на с. отъ нея вездѣ распространена курная изба: въ сѣверныхъ частяхъ Радомысльскаго, въ Овручскомъ, сѣверной части Ровенскаго, Луцкаго, Владимірскаго и Ковельскомъ уѣздѣ. Границы курныхъ избъ со времени освобожденія крестьянъ отъ крѣпостной зависимости все болѣе подвигаются къ сѣверу. Вновь устраиваемыя въ Полѣсьѣ избы уже часто не курныя. Если сравнить курную Полѣсскую избу съ хатою, то не трудно замѣтить, что между ними существуетъ точно такая же разница, какую мы замѣчаемъ въ говорѣ, костюмѣ и даже отчасти обрядахъ и обычаяхъ обитателей ихъ.

Курная изба—низенькая, темная, грязная и вообще невзрачная; стѣны ея, кромѣ того, что закопчены дымомъ, почти всегда снабжены въ достаточномъ количествѣ клопами, прусаками (тараканами) и другими насѣкомыми, развитію которыхъ способствуетъ грязь и нечистота; она развѣ только расположеніемъ нѣкоторыхъ предметовъ, каковы напримѣръ, печка, столъ, окна и проч., напоминаетъ собою то свѣтлое, чистое и веселое малорусское жилище, въ которомъ живетъ все остальное малорусское племя. Курная изба даже внѣшнимъ видомъ своимъ отличается отъ хаты и производитъ на непривыкшаго къ ней грустное впечатлѣніе, которое надолго остается въ памяти наблюдателя. Она точно такъ же, какъ и малорусская хата, имѣетъ свои видоизмѣненія. Такъ, напримѣръ, въ одномъ и томъ же селѣ, можно встрѣтить курную избу съ потолкомъ и безъ потолка; въ одной избѣ стѣны до половины моются, а въ другой—подмазываются бѣлою глиной.

Какъ на переходъ отъ хаты къ курной избѣ можно указать на полукурную избу, которая отъ хаты отличается тѣмъ, что труба проведена только въ сѣни;

а „вывода", который выводитъ дымъ за предѣлы крыши, совсѣмъ нѣтъ, такъ что дымъ въ то время, когда топится печка, наполняетъ собою верхнюю часть сѣней и покрываетъ лоснящеюся гарью внутреннюю сторону крыши. Все же остальное въ ней положительно точно также устроено, какъ и въ обыкновенной малорусской хатѣ. Курныя избы всѣ строются въ „зрубъ" — и это понятно, такъ какъ лѣсъ даже хорошаго достоинства обходится въ Полѣсьѣ очень дешево. Стѣны курной избы по большей части остаются непокрытыми глиной ни съ той, ни съ другой стороны, и для того, чтобы не было въ стѣнахъ между бревнами щелей, употребляется особаго рода мохъ, который кладется слоемъ на каждое бревно и потомъ сверху прикладывается слѣдующимъ бревномъ и т. д., пока стѣна не будетъ выведена до требуемой вышины. Иногда этотъ же мохъ употребляется и для крышъ, но это бываетъ только тогда, когда курная изба дѣлается безъ потолка.

Форма крыши Полѣсской избы не малорусская; она скорѣе напоминаетъ собою крышу нѣмецкихъ колонистовъ, поселившихся въ Волынской губерніи, чѣмъ крышу малорусской хаты, и имѣетъ только два ската, одинъ на передній фасадъ избы, а другой — на задній. Очень часто можно встрѣтить избу, покрытую съ одного конца соломой, а съ другого — досками; доски на избѣ, въ тѣсномъ смыслѣ этого слова, сѣняхъ и коморѣ, а солома на всѣхъ остальныхъ холодныхъ постройкахъ, которыя обыкновенно дѣлаются подъ одною кровлей съ избой.

Курная изба всегда состоитъ изъ одного помѣщенія, въ ней нѣтъ ни алькира, ни свѣтлицы. Правда, въ Полѣсьѣ встрѣчается это слово, но ему придается другой смыслъ. Словомъ „свѣтлица" Полѣщуки называютъ свѣтлую малорусскую хату, которая начинаетъ изрѣдка появляться со времени освобожденія крестьянъ. Расположеніе лавокъ, полокъ, стола, печки, оконъ — такое же, какъ и въ хатѣ. Но окна и печка имѣютъ свои особенности. Первыя въ избѣ сдѣланы всегда очень низко и небольшія; вышина ихъ незначительная, но ширина всегда почти въ два раза больше вышины, и при томъ каждое окно состоитъ изъ 6, 7, 8 и болѣе маленькихъ шибокъ, не сходныхъ между собою ни по формѣ, ни по величинѣ. Иногда при окнахъ бываютъ задвижки, устроенныя изъ одной широкой доски, прилаженной съ внутренней стороны избы. Эти задвижки замѣняютъ окна. Возлѣ печки, „комина и шиі", трубы вовсе нѣтъ, такъ что дымъ сперва наполняетъ верхнюю половину избы, а потомъ выходитъ въ дверь, которая лѣтомъ и зимою всегда бываетъ открыта, пока не истопится печка.

Иконъ въ избѣ или вовсе нѣтъ, или если есть, то двѣ-три не болѣе; на зиму ихъ обыкновенно выносятъ въ кладовую, а на лѣто опять привѣшиваютъ въ избѣ. Оригинальнѣе всего въ курной избѣ — это „свѣтачъ", т. е. четырехугольная деревянная труба, спускающаяся изъ крыши въ избу. Къ этой трубѣ

внизу привѣшиваютъ на проволокѣ или же просто на шнуркахъ желѣзную рѣшетку, на которой въ зимніе вечера зажигаютъ лучину. Въ полѣсскихъ свѣтлицахъ труба эта дѣлается незначительной длины; но за то къ нижней части ея привѣшивается усѣченный конусъ, сдѣланный изъ толстаго и густаго холста, къ которому привѣшивается желѣзная рѣшетка. Конусъ этотъ вмѣстѣ съ рѣшеткой или снимается, или подвязывается къ верху, когда перестаютъ подкладывать лучину. Иногда же просто на лавкѣ кладутъ деревянный невысокій ящикъ, насыпаютъ въ него земли или золы и раскладываютъ лучину.

Стѣны въ избѣ моются или подмазываются очень рѣдко—передъ большими праздниками, а полъ никогда. Благодаря изобилію и дешевизнѣ лѣсныхъ матеріаловъ, въ крестьянскихъ избахъ довольно часто встрѣчаются деревянные полы, хотя полы эти по большей части самаго первобытнаго свойства — это просто бревна, расщепленныя пополамъ и положенныя одно возлѣ другаго расколотою стороною вверхъ. У болѣе зажиточныхъ крестьянъ, и особенно сельскихъ урядниковъ, встрѣчаются гладкіе, выстроганные полы, которые моются. Вообще нужно замѣтить, что курная изба грязна до безобразія: во-первыхъ, она не можетъ быть чиста уже потому, что она курная, вслѣдствіе чего внутренняя сторона ея всегда покрыта значительнымъ слоемъ лоснящейся черной гари; во-вторыхъ, въ избѣ всегда производятся лѣсныя работы, благодаря которымъ разрыхляется земляной полъ и засоряется постоянно щепками; третья причина грязи въ избахъ—это „лапці“, которые употребляются обоими полами и всевозможными возрастами. Вмѣстѣ съ лаптями на ноги наматывается очень много тряпокъ. Въ болотахъ, а въ особенности въ дождливое время, эти тряпки намокаютъ и по стопамъ вошедшаго въ избу плыветъ грязь.

Къ курной избѣ всегда почти пристраиваютъ и другія холодныя постройки. Постройки эти по большей части располагаются одна за другою въ такомъ порядкѣ: за избой и сѣнями, въ которыхъ дѣлается маленькій чуланчикъ для варева и для всего того, на что назначается въ другихъ мѣстностяхъ погребъ (низменная и болотистая мѣстность не дозволяетъ устроивать послѣднихъ), слѣдуетъ—комора, сарай для скота, „сѣльникъ“ для хлѣба, шопа для сѣна и соломы, свинушникъ для свиней и проч.; гумно же стоитъ всегда отдѣльно.

Двіръ.

Всякая хозяйская хата на переднемъ фасадѣ своемъ имѣетъ небольшое пространство, окруженное плетнемъ и вмѣщающее въ себѣ различныя хозяйственныя постройки, вызванныя почти исключительнымъ занятіемъ Малоросса—хлѣбопашествомъ. Это пространство называется „подвірьемъ, дворомъ“. Другое пространство, несравненно больше предыдущаго, помѣщающееся со стороны задняго фасада хаты и вмѣщающее въ себѣ „садокъ, леваду и грядки підъ

городину" — называется „городомъ". „Двіръ и городъ" обносятся, по условіямъ мѣстности, „рвомъ, тыномъ, вірьемъ, частоколомъ" и даже камнемъ. Но въ большинствѣ случаевъ „двіръ" бываетъ окруженъ высокимъ тыномъ. Иногда этотъ тынъ заплетается изъ отборнаго хворосту или лозы, по сторонамъ подпирается крѣпкими дубовыми кольями, сверху, для предохраненія отъ дождя и тающаго снѣга, прикрывается мятою соломою или вѣтвями сухихъ деревьевъ, и тогда онъ носитъ названіе „лісы". Иногда „лісы" не дѣлаются, а просто ставятся колья, кое-какъ оплетенные хворостомъ, и къ этой изгороди примыкаетъ слой соломы и разнаго сора; это называется „загатою". Иногда городъ окапывается рвомъ и на немъ дѣлается изгородь изъ сухихъ вѣтвей терна и груши.

Трудно и почти даже невозможно опредѣлить точно предѣлы распространенія различной огорожи, точно такъ же, какъ невозможно съ точностью сказать, какая мѣстность доставляетъ крестьянамъ въ изобилін тотъ или другой матеріалъ для огорожи; а особенно эта трудность увеличивается, если принять во вниманіе то обстоятельство, что есть мѣстности, доставляющія въ одинаковомъ количествѣ и лозу, и хворостъ, и жерди на „віръ", и что вслѣдствіе этого въ подобныхъ мѣстностяхъ у одного хозяина усадьба бываетъ обнесена плетнемъ, у другого, сосѣда его, окопана рвомъ; а у третьяго, живущаго отъ первыхъ двухъ въ 80—100 шагахъ, окружена усадьба и рвомъ, и плетнемъ вмѣстѣ, и т. п.; но вообще можно сказать, что „віръ" и частоколъ преимущественно господствуетъ въ Полѣсьѣ, гдѣ лѣса достаточно и гдѣ онъ по своей стоимости доступенъ для крестьянъ на столько, чтобы они могли его употреблять на огорожу. Лозовый „тынъ" встрѣчается сплошь и рядомъ по обѣимъ сторонамъ Днѣпра, а также по рѣкѣ Припети въ болотистой мѣстности. Въ остальныхъ частяхъ юго-западнаго края огороды обносятся то рвомъ, то плетнемъ изъ хвороста, смотря по вкусу и разсчету хозяина. По обѣимъ сторонамъ р. Днѣстра, гдѣ чувствуется большой недостатокъ въ лѣсныхъ матеріалахъ, а особенно въ такихъ, какъ хворостъ или лоза, которыхъ не сплавляютъ внизъ по теченію рѣкъ, тамъ очень часто можно встрѣтить не только дворъ, но даже и „городъ", обложенный камнями. Конечно, эти камни не обдѣлываются, а въ такомъ видѣ, въ какомъ ихъ природа создала, складываются одинъ на другой даже безъ всякаго цемента. Такіе каменные плетни встрѣчаются надъ рѣками: Смотричемъ, Бугомъ и Росью.

Во дворъ ведутъ ворота, прикрѣпленныя въ глухомъ концѣ къ столбу лозовыми кольцами (каблучками) и запирающіяся посредствомъ такой же каблучки, которая набрасывается на ворота, когда они притворены. Зажиточные хозяева дѣлаютъ ворота изъ досокъ и украшаютъ ихъ посрединѣ крестомъ, сдѣланнымъ изъ широкой доски; у менѣе зажиточныхъ крестьянъ этого укрѣпле-

нія на воротахъ не встрѣчается. Иногда встрѣчаются ворота, сдѣланныя изъ жердей.

Въ дворѣ помѣщаются всѣ хозяйственныя постройки, исключая клуни и погреба, и расположеніе ихъ въ большинствѣ случаевъ бываетъ самое разнообразное. Въ расположеніи ихъ относительно другъ друга, а равно и относительно хаты, играетъ немаловажную роль не только мѣстность, на которой расположенъ дворъ, но и личные разсчеты хозяина, заботящагося какъ о дешевизнѣ извѣстной постройки, такъ и удобствѣ пользованія ею.

Вотъ перечень хозяйственныхъ построекъ, расположенныхъ внутри двора: повітка и загорода для рогатаго скота, хлівець и кошара для овецъ, хлівець для свиней, „сажъ“ для откормливанія кабановъ, и если хозяинъ зажиточный, то тутъ же устраиваетъ и „шпихліръ“ или комору, спеціально назначенную для складки муки и зерноваго хлѣба, который размѣщается въ засѣкахъ.

Повітка. Величина этого строенія находится въ прямомъ отношеніи съ степенью зажиточности, чѣмъ больше у него скота тѣмъ больше и повітка и наоборотъ. „Повітки“ обыкновенно устраиваются слѣдующимъ образомъ: сначала закапываютъ въ землю два столба, къ верху раздвоенные, „прясішки“, и на нихъ кладутъ сволокъ, на которомъ потомъ придется верхъ крыши. Затѣмъ стѣны „повітки“ дѣлаются изъ плетня, который современемъ обмазывается навозомъ, смѣшаннымъ съ глиной и мелкою соломой; это дѣлается для того, чтобы въ „повітці було тепліше“; иногда вмѣсто одного дѣлаютъ два плетня въ разстояніи одинъ отъ другого на ¼ аршина; пространство, находящееся между ними, заваливается гноемъ и туго уклачивается кольями. Такого рода двойной плетень, употребляющійся исключительно при постройкѣ повітокъ, кошаръ и хлѣвовъ и называется „загатою“. Устроивъ тынъ или „загату“ достаточной величины, кладутъ ключины, замѣняющіе собою стропилы (кроквы). Ключины — это довольно толстые шесты, на одномъ концѣ которыхъ сдѣланы деревянные крючки; крючками этими ключины зацѣпляются за сволокъ и другимъ концомъ опираются на ощепины, устроенныя поверхъ плетня; на шулахъ поперегъ ключинъ прикрѣпляются посредствомъ деревянныхъ гвоздей или же „перевеселъ“ такъ называемыя латы, къ которымъ потомъ пришиваются „кулики“; но менѣе зажиточные хозяева покрываютъ „повітки“ мятою соломою.

Въ повітку ведетъ довольно широкая „хвіртка, щобъ можна було гораздъ пройти зъ вязкою“. „Хвіртка“ эта иногда заплетается лозою или хворостомъ, или ушивается куликами „щобъ снігу зімою не наносило підъ повітку“. Посрединѣ „повітки“ ставятся ясли, выплетенныя изъ лозы, куда кладется кормъ для рогатаго скота. Въ хорошую погоду рогатый скотъ продовольствуется среди двора или въ загородѣ около подвижныхъ яслей и только на ночь, а равно и

во время зимней вьюги, загоняется въ „повітку“. Иногда внутри „повітки“ дѣлаются небольшія перегородки для „коняки“ (лошади). Въ такомъ случаѣ для нея устраиваются отдѣльныя ясли, возлѣ которыхъ она стоитъ на привязи. Навозъ изъ-подъ скота выбрасывается ежедневно въ такомъ только случаѣ, если въ семьѣ есть молодые парни, „парубки або погоничи“; если же семья малочисленна, тогда навозъ выбрасывается несравненно рѣже. Подстилка, на которую употребляютъ „зъіди“ (измятая скотомъ солома, выброшенная изъ яселъ), перемѣняется дня черезъ два, а въ зимніе лютые морозы ежедневно. У лучшихъ хозяевъ передъ „повіткою“ пристраивается „загорода“. „Загорода“—это небольшое пространство, обнесенное по большей части плетнемъ, посреди котораго стоятъ подвижныя ясли. Днемъ въ хорошую погоду выпускаютъ скотъ въ загороду и тутъ его кормятъ.

Кошара. „Кошарою“ называется небольшое, но теплое строеніе, впереди котораго находится площадка, обнесенная плетнемъ. Это строеніе назначается исключительно для овецъ и телятъ, и потому въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ называется „овечникъ“ или просто „хлівець“, а огороженное мѣсто „кошарою“; въ другихъ же мѣстностяхъ хлівець и кошара, вмѣстѣ взятые, носятъ названіе кошары. „Кошара“ отличается отъ всѣхъ другихъ малорусскихъ построекъ, назначенныхъ для домашнихъ животныхъ, тѣмъ, что всегда въ ней бываетъ очень тепло. Если мѣстность, на которой расположено жилище, гориста, то для „кошары“ выкапываютъ на покатости горы такое пространство, какой величины желаютъ сдѣлать постройку. Выемка земли бываетъ различна, смотря по желанію хозяина. Нѣкоторые хозяева на поларшина дѣлаютъ выемку, другіе—цѣлое строеніе помѣщаютъ въ землѣ, такъ что крыша его едва замѣтна надъ поверхностью земли.

Когда земляная работа кончена, закапываютъ столбы, связываютъ ихъ вверху перекладинами, кладутъ сволокъ и ключины, къ которымъ укрѣпляются довольно густо латы и образуютъ крышу. Иногда на кошарѣ встрѣчается совершенно ровная крыша, сверху присыпанная землей, но въ такомъ случаѣ, вмѣсто ключинъ, кладутъ на сволокъ перекладины, на нихъ кладутъ довольно густо хворостъ и сверху прикрываютъ мятою соломою; а сверхъ соломы прикрываютъ еще небольшимъ слоемъ земли. Стѣны въ кошарѣ всегда почти вымазываются глиной и навозомъ. Это дѣлается съ двоякою цѣлью: во-первыхъ, чтобы въ кошарѣ было тепло, а во-вторыхъ, чтобы овцы, проходя мимо стѣнокъ и задѣвая ихъ, не теряли шерсти. Двери, ведущія въ кошару, дѣлаются преимущественно изъ досокъ, хотя, впрочемъ, нерѣдко можно встрѣтить и изъ прутьевъ, но въ такомъ случаѣ на зиму они всегда обшиваются кулигами. Яслей для овецъ не дѣлаютъ; ихъ замѣняетъ иногда доска, при-

битая возлѣ стѣнки на разстояніи ¼ аршина, но чаще всего кормъ для овецъ раскладывается небольшими кучками на землѣ.

Если мѣстность ровная, то овчарня или кошара устраивается точно такимъ же образомъ на 6 или 8 столбахъ, закопанныхъ въ землю; но стѣны ея въ такомъ случаѣ уже всегда дѣлаются изъ двойнаго плетня, называющагося „загатою“. Какъ въ первомъ, такъ и во второмъ случаяхъ, зажиточные хозяева передъ кошарой обгораживаютъ небольшую площадку, на которую днемъ выпускаютъ овецъ и даютъ имъ кормъ.

Загоны. Загоны для свиней называются „хлівцями“ или же „свинюшниками“. Ихъ всегда можно отличать отъ другихъ хозяйственныхъ построекъ не только по круглой, почти всегда неизмѣнной ихъ формѣ, но и по величинѣ. Для постройки ихъ закапываютъ въ землю соху, на верхнюю часть которой надѣвается старое колесо. Вокругъ сохи дѣлаютъ плетень, вышиною въ 1½ аршина, и кладутъ ключины. Ключины кладутъ такъ, чтобы онѣ крючкомъ зацѣплялись за ободъ колеса, укрѣпленнаго на вершинѣ сохи, а другимъ концомъ опирались на плетень. Потомъ, вмѣсто латъ, привязываютъ къ ключинамъ хворостъ и покрываютъ соломой. Если „хлівець“ для свиней дѣлается меньшихъ размѣровъ, то обходится безъ сохи и безъ ключинъ; тогда выбираютъ длинный гибкій хворостъ, толстымъ концомъ засаживаютъ его въ плетень, а тонкіе концы соединяютъ дугообразно вмѣстѣ. Такимъ образомъ образуется сводъ, который покрывается соломой. Этого рода „хлівці“ чаще всего встрѣчаются покрытые мятою соломою, такъ какъ куликами неудобно ихъ покрывать. Подъ стѣною въ „хлівці“ ставится корыто, куда высыпается кормъ для свиней; съ другой стороны разбросана солома—это подстилка, которая по-малорусски называется „барлогомъ“. „Дверці коло хлівця“ обыкновенно дѣлаются изъ толстыхъ досокъ, крѣпко сплоченныхъ между собой.

Сажъ. Для откармливанія кабановъ нѣкоторыя изъ зажиточныхъ хозяевъ дѣлаютъ отдѣльное строеніе, называющееся „сажъ“; обыкновенные же хозяева откармливаютъ своихъ кабановъ въ тѣхъ же самыхъ свинушникахъ, гдѣ помѣщаются и другія свиньи, но только имъ даютъ отдѣльный лучшій кормъ, который кладется въ особое корыто. „Сажъ“ строится по большей части въ „зрубъ“ и небольшихъ размѣровъ. Сначала закапываютъ въ землю четыре невысокихъ столба, на которыхъ укрѣпляются „підвалины“, по концамъ взятыя на замки; на підвалины кладутъ досчатый полъ и продолжаютъ возводить постройку вверхъ, поступая совершенно такъ же, какъ при постройкѣ „рубленой хаты“. Потомъ, когда стѣны выведены вверхъ аршина на 1½ на 2 — дѣлаютъ крышу. Въ „сажъ“ ведутъ маленькія, но крѣпкія досчатыя дверцы, запирающіяся съ внѣшней стороны посредствомъ деревянной задвижки. Эти дверцы отпираются только тогда, когда въ „сажъ“ впускаютъ животное

и когда его хотятъ заколоть; кормъ же подается въ другое отверстіе, сдѣланное въ противоположной стѣнѣ. Это отверстіе дѣлается такимъ образомъ: въ стѣнѣ прорубаютъ отверстіе такой величины, чтобы животное свободно могло просунуть голову. Возлѣ отверстія, на выдвинутомъ полу, укрѣпляютъ корыто, въ которое кладется кормъ. Надъ корытомъ на „бігункахъ“ пристраивается „ляда“, которая, опускаясь надъ самимъ корытомъ, не дозволяетъ другимъ животнымъ пользоваться тѣмъ кормомъ, который лежитъ передъ заключеннымъ животнымъ.

Шопа. У очень зажиточныхъ крестьянъ встрѣчается еще одна постройка, расположенная внутри двора, которая называется иногда „повіткою“, иногда „возовнею“, а иногда „шопою“. Эта постройка назначается для складыванія хозяйственныхъ орудій. Сюда закапываются возы, сани, затягиваются плуги, рала, бороны, ярма; тутъ прикрытые кожей стоятъ чумацкіе „мажи“, тутъ сложены въ углу новые запасныя колеса, ярма, занозы, жертки на рала, рубіи прочіе хозяйственные снаряды. „Шопы“ отличаются отъ другихъ хозяйственныхъ малорусскихъ построекъ тѣмъ, что онѣ или же вовсе не имѣютъ стѣнъ, или же, если имѣютъ, то только двѣ: одна—продольная, другая—поперечная. Очень рѣдко шопы встрѣчаются съ тремя стѣнами.

Шпихліръ. „Шпихліръ“ или „комора“—кладовая, устраивается отдѣльно только въ такомъ случаѣ, если черезъ сѣни сдѣлана комната, такъ что для коморы подъ одной крышей съ избою нѣтъ мѣста. Такъ какъ „шпихліръ“ есть достояніе самыхъ лучшихъ, самыхъ зажиточныхъ малорусскихъ хозяевъ, то онъ дѣлается изъ отборнаго лѣса. Его строятъ точно такъ же, какъ и избу, двоякимъ образомъ: „въ зрубъ и въ шулы“. Плетенные изъ лозы или хвороста „шпихлірі“ встрѣчаются почти исключительно въ степной мѣстности; въ такомъ случаѣ ихъ стѣны вымазываются какъ съ той, такъ и съ другой стороны, сначала желтою, а потомъ бѣлою глиной. Пола въ нихъ нѣтъ. Въ деревянныхъ же „шпихлірахъ“ полы всегда выстилаются досками, положенными на подмостки; но за то стѣны ихъ не покрываются глиной. Двери, какъ около тѣхъ, такъ и около другихъ, всегда бываютъ крѣпкія, чаще на „бігунахъ“, чѣмъ на завѣсахъ и запираются посредствомъ деревяннаго замка, который искусно устраивается внутри „шпихліра“; иногда же независимо отъ этого еще запираютъ и другимъ наружнымъ желѣзнымъ замкомъ. Другая группа хозяйственныхъ построекъ помѣщается въ огородѣ и отдѣляется отъ первой иногда плетнемъ, иногда „воромъ“. Къ ней принадлежитъ: клуня, половникъ, повітка для пашни и погребъ или „лѣхъ.“ Къ этой группѣ построекъ ведутъ отдѣльныя досчатыя ворота, устроенныя такъ, что къ ней можно подъѣхать или прямо съ улицы, или же со двора.

Клуня.

Для клуни выбирается самое высокое мѣсто и притомъ такое, чтобы въ ненастную погоду вода имѣла хорошій стокъ съ него. Строится клуня совершенно такъ же, какъ и другія хозяйственныя постройки; характеристическія особенности клуни заключаются, во-первыхъ, въ томъ, что она несравненно больше другихъ построекъ и крыша поднята очень высоко; во-вторыхъ, имѣетъ большія пролетныя ворота, которыя дѣлаются на столько широкими и высокими, что возъ, нагруженный снопами, могъ бы свободно входить. Внутренность клуни раздѣляется на три части: по обѣимъ сторонамъ воротъ складывается „въ засторонки“ немолоченный хлѣбъ, а средняя часть остается незанятою. Тутъ въ дождливое время производится молотьба, ссыпается въ кучи вымолоченное, но еще не провѣянное зерно и проч. Если у хозяина хлѣба достаточно, такъ что онъ не вмѣщается въ „засторонкахъ“, то его складываютъ въ стожки тутъ же возлѣ „клуні“ на ровномъ очищенномъ и выметенномъ мѣстѣ, которое называется токомъ; въ хорошую погоду на „току“ молотятъ; зерно ссыпается въ кучи, среди клуни, гдѣ оно и остается до тѣхъ поръ, пока его окончательно не очистятъ, а солому складываютъ въ продолговатыя кучи, которыя называются „ожередами“.

Для шелухи, получающейся при молотьбѣ разнаго хлѣба, къ клунѣ иногда пристраивается плетеный изъ лозы или хвороста небольшой, но тщательно вымазаный чуланчикъ — „половникъ“. Въ немъ есть нѣсколько отдѣленій, каждое изъ которыхъ содержитъ въ себѣ „полову“, употребляющуюся почти исключительно на кормъ свиней. Но по большой части даже и у лучшихъ хозяевъ „полова“ ссыпается гдѣ-либо въ „клуні“ или въ „повітці“, гдѣ складываютъ солому и сѣно. Еще рѣже, чѣмъ „половники“, встрѣчаются „повітки для соломы“, которая обыкновенно складывается на открытомъ мѣстѣ въ „ожереди“ и прикрывается сверху или же прошлогоднею соломою, или же „зъідами“. Постройка эта не имѣетъ ни какихъ особенностей: ее устройство совершенно такое же, какъ и „повітокъ“, назначенное для склада хозяйственныхъ орудій. Въ ней складывается лучшій кормъ для скота, какъ-то: сѣно, отава, просяна, солома и проч.

Погребъ и лёхъ.

Погребъ и лёхъ эти два слова въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ смѣшиваются и употребляются одно вмѣсто другого безразлично; въ другихъ же мѣстностяхъ каждому изъ нихъ придается особое значеніе, и постройки, обозначаемыя ими, имѣютъ свои отличительныя черты. „Лёхъ“ — это то, что по-русски называется погребомъ; а постройка, называющаяся по-малорусски „погребомъ“, дѣлается слѣдующимъ образомъ: на возвышенномъ мѣстѣ выкапывается въ три съ

половиною аршина четырехугольная яма, по угламъ которой закапываются „присішки“, на нихъ укрѣпляются перекладины. На перекладины сверху кладутъ одно возлѣ другого довольно толстыя бревна, расколотыя по-поламъ, которыя образуютъ потолокъ. Потомъ, сдѣлавъ отверстіе въ потолкѣ для входа, сверхъ потолка кладутъ небольшой слой соломы или тростника и прикрываютъ его слоемъ земли, толщиною въ 1/4 аршина. Потомъ въ погребъ опускаютъ „драбыну“ (лѣстницу) и къ отверстію, оставленному для входа, придѣлываютъ на „бігунахъ“ крышку, которая называется „лядою“. Кромѣ „ляды“, зимою „погребъ“ еще укрываютъ соломою, кулями или же такъ-называемыми „матками“, которыя приготовляются изъ пучковъ ровной соломы, привязанныхъ одинъ къ другому шнурками.

Назначеніе какъ „лѣха“, такъ и „погреба“ одно и то же, въ нихъ сберегаютъ зимою капусту, бураки, соленые огурцы, картофель, тиквы (гарбузы), молоко, сыръ и проч.

Плугъ.

Самое сложное земледѣльческое орудіе, употребляемое Малороссами при обработкѣ полей, это — плугъ. Онъ раздѣляется на двѣ главныя части: собственно „плугъ“ и „колішню“. Плугъ дѣлается такимъ образомъ: прежде всего подыскиваютъ дерево на „чепіги“. Оно должно быть согнуто подъ тупымъ угломъ. Двѣ „чепіги“ соединяются нижними концами между собою плотно, а другіе болѣе длинные концы расширены посредствомъ двухъ распорокъ на столько, чтобы между ними могъ свободно помѣститься человѣкъ. Потомъ въ правой чепигѣ, почти при самомъ ея изгибѣ, дѣлаютъ четыреугольное отверстіе, куда запускаютъ задній конецъ „граділля“; а передній его конецъ идетъ къ „колішні“. Изъ нижней части чепиги пропускаютъ въ градиль крѣпкую грабовую дощечку, которая называется „стовба“, и съ передней стороны между градилемъ и чепигами подкладываютъ дощечку — „жабку“; это дѣлается для того, чтобы градиль не опускался внизъ; столбъ на поверхности градиля укрѣпляется посредствомъ деревяннаго колка. Съ правой стороны плуга укрѣпляется однимъ концомъ къ градилю, а другимъ — къ чепигѣ довольно широкая доска. Назначеніе ея — опрокидывать при пахапіи отрѣзанную „скибу“ земли. На нижній конецъ чепигъ надѣвается желѣзный широкій „лемішъ“, назначеніе котораго подрѣзывать горизонтально землю; впереди „лемішa“ идетъ „чересло“, которое разрѣзываетъ землю по вертикальному направленію. Чересло задѣлано въ градиль такимъ образомъ, что оно можетъ подвигаться, смотря по надобности вверхъ, внизъ и отчасти вправо и влѣво. Для этой цѣли чересло обставлено въ градилѣ небольшими клиньями, которые носятъ названіе „заборозенники“. Забивая эти клинья то съ той, то съ другой стороны чересла, можно пустить плугъ „то въ борозну, то на поле“. Такіе же клинья, но только

большихъ размѣровъ, забиваются въ чепигу, именно въ ту дыру, куда запущенъ задній конецъ градиля. Клинья эти называются „хвостовыки“. Они служатъ для того, чтобы плугъ могъ дѣлать борозду глубже и мельче. „Колишнею“ называется другая передняя часть плуга, состоящая изъ оси, колесъ, „топірни“, ключа, „скраклівъ“ и пр. Вотъ какимъ образомъ всѣ эти предметы расположены относительно другъ друга. На ось надѣваются два колеса, одно съ правой стороны — большое, другое съ лѣвой — малое. Они должны быть такой величины относительно другъ друга, чтобы правое колесо, идя въ бороздѣ, не поднималось выше оси, чѣмъ малое лѣвое колесо, которое идетъ еще по не вспаханной землѣ. Въ ось, поближе къ правому колесу, задѣлывается брусокъ, который называется „ключемъ“. Онъ посединѣ съ нижней стороны имѣетъ довольно крѣпкій сукъ, а на концѣ нашивку. Отъ ключа до другого, полеваго, колеса идетъ дугой доска, называющаяся „топірня“. Она имѣетъ посединѣ продолговатую дыру и служитъ исключительно для того, чтобы возить топоръ, который „орачу“ можетъ быть крайне необходимъ. Къ передней части ключа, посредствомъ шворня, прикрѣпляется длинный шестъ или, лучше сказать, дышло, куда впрягиваются волы. Дышло это по-малорусски называется „війцемъ“. Въ плугѣ ихъ обыкновенно бываетъ три штуки, такъ какъ Малороссы пашутъ почти всегда шестью волами. „Війця“ соединяются одно съ другимъ посредствомъ „скраклівъ“ слѣдующимъ образомъ: конецъ перваго „війця“ закладывается въ ключъ, а сквозь закладывается шворень такимъ образомъ, чтобы оно могло свободно двигаться въ одну и другую сторону. Затѣмъ на „війце“ надѣваютъ ярмо и другой конецъ его закладываютъ между двухъ дощечекъ, имѣющихъ по концамъ отверстія и связанныхъ посединѣ маленькою „стовбой“, и точно такимъ же образомъ закладываютъ шкворень. Также соединяются и другія „війця“. Плугъ и „колішня“ соединяются между собою посредствомъ большаго деревяннаго кольца — „ужвы“, которое надѣвается на сукъ, помѣщающійся съ нижней стороны на ключѣ, и на „кочетъ“ (колышекъ), забитый въ передній конецъ градиля. Когда везутъ въ поле плугъ, то подъ него подкладываютъ „підволокъ“. Это дѣлается для того, чтобы „лемішъ“ и „чересло“ не стирались напрасно. „Підволокъ“ состоитъ изъ двухъ небольшихъ, но крѣпкихъ палокъ, соединенныхъ одними концами такъ, чтобы ихъ можно было раздвигать и соединять на подобіе циркуля. Когда хотятъ плугъ положить на „підволокъ“, то его срединой кладутъ на градиль, потомъ за чепиги поднимаютъ плугъ и одну палку „підволока“ подкладываютъ подъ чепиги, а другую — подъ „лемішъ“. „Истыкъ“, т. е. длинная съ одного конца раздвоенная палка — есть тоже принадлежность плуга. Посредствомъ „йстыка“ очищаютъ землю съ частей плуга, а также и коренья, которые накопляются иногда въ большомъ количествѣ и мѣшаютъ плугу свободно углубляться въ землю.

Рало.

Для разрыхленія почвы послѣ первой вспашки Малороссы употребляютъ весьма несложное орудіе, напоминающее собою великорусскую соху, которое называется „рало". „Раломъ ралять и довжять". Эти два слова выражаютъ одно и тоже дѣйствіе, но только совершающееся по различнымъ направленіямъ: „якъ нива виорана въ довжину, то ралять ії въ поперекъ, щобъ скибки поразривать. Пораливши, иноді ще разъ перералюють, щобъ земля мякша була, тоді вже заганяють въ довжину, такъ якъ оралась нива — довжять". Иногда ралами разрыхляется поле и „въ городі"; но такъ какъ усадьба Малоросса, не смотря на отдѣльный садокъ (состоящій изъ вишень, черешень, сливъ, грушъ, яблокъ), бываетъ по большей части въ различныхъ мѣстахъ усѣяна „порічками" (смородиной), дичками, щепками грушъ и яблокъ, за которыми онъ тщательно ухаживаетъ, то „городы" въ большинствѣ случаевъ разрыхляются заступами.

„Рало" каждый хозяинъ съумѣетъ сдѣлать для себя; оно состоитъ изъ „жертки" („грыдки" — въ Люблинской и Сѣдлецкой губ.), „копысти" или же „зуба", двухъ „стовбъ" и ручки. На жертку выбирается круглый и довольно толстый изъ легкаго дерева шестъ, въ которомъ съ одного конца дѣлается нѣсколько круглыхъ дырокъ, а съ другого — двѣ продольныхъ и одна круглая. Первыя служатъ для прикрѣпленія ярма и для того, чтобы „рало", смотря по надобности, можно было пустить глубже въ землю; вторыя — для прикрѣпленія къ жерткѣ копысти, или же зуба. Копысть дѣлается всегда изъ крѣпкаго дерева — преимущественно изъ дуба, или же изъ граба. Она имѣетъ почти клинообразную форму; толстый конецъ ея прикрѣпленъ къ жёрткѣ, а тонкій — погружается въ землю. Для того, чтобы прикрѣпить копысть къ жерткѣ, въ той и другой дѣлается, на одинаковомъ разстояніи, два продолговатыя отверстія, въ которыя запускаются такъ-называемыя „стовбы". Стовба — это небольшая, но крѣпкая дощечка, на концѣ которой сдѣлана головка, не дозволяющая ей выскакивать изъ того отверстія, въ которое она затянута. Первая стовба — т. е. та, которая поближе къ концу рала, притягиваетъ толстый конецъ копысти плотно къ жерткѣ и укрѣпляется поверхъ дыры, сдѣланной въ жерткѣ деревяннымъ гвоздемъ; вторая стовба пускается нѣсколько длиннѣе и точно также укрѣпляется сверху деревяннымъ гвоздемъ, а для того, чтобы „копысть" не подвигалась по стовбѣ къ жерткѣ, между ними оставляется изъ крѣпкаго дерева распорка, которая называется „жабка". На самомъ концѣ жертки въ круглую дыру запускается деревянная ручка, посредствомъ которой управляютъ раломъ, нагибая его то въ ту, то въ другую сторону.

Но это земледѣльческое орудіе, употребляемое сотнями поколѣній безъ всякихъ измѣненій, въ послѣднее время, благодаря колонистамъ-иностранцамъ,

поселившимся въ различныхъ пунктахъ южно-русскаго края, а также и помѣщичьимъ усовершенствованнымъ хозяйствамъ, начало мало-по-малу улучшаться; такъ напримѣръ, во время лѣтней засухи, а въ особенности въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ почва и безъ того довольно тверда, нѣкоторые изъ болѣе зажиточныхъ крестьянъ надѣваютъ на копысть „залізні наральники“, носы которыхъ по временамъ оттачиваются. На лѣвой сторонѣ Днѣпра встрѣчаются рала, въ которыхъ деревянныя, очень часто ломающіяся стовбы замѣнены желѣзными винтами. Винты эти устроены такъ, что можно посредствомъ ихъ, сообразуясь съ глубиною вспашки, протягивать и отпускать копысть или же зубъ.

Борона.

Борона употребляется передъ посѣвомъ и послѣ посѣва. Когда бороной разбиваютъ груду передъ посѣвомъ—это по-малорусски называется „скородыть“, а послѣ посѣва—„волочить“. Бороны всегда почти дѣлаются изъ пяти четыреугольныхъ брусьевъ — „валкі, въ котрі нанызуються на дві глиці“. Къ глицямъ валки прикрѣпляются посредствомъ деревянныхъ гвоздей, но такъ, чтобы разстояніе между ними было не болѣе четверти аршина. Крайніе валки пускаются съ передней стороны бороны немного длиннѣе среднихъ и вытесываются такъ, чтобы удлиненные концы были немного загнуты одинъ къ другому. На этихъ концахъ крайнихъ валковъ дѣлаются зарубки, и борона связывается крученою лозою или орѣшникомъ. Въ каждомъ изъ валковъ дѣлается по пяти дырокъ, куда вставляются деревянные колышки — зубья. Такая борона самая легкая, и потому иногда въ засуху кладутъ на нее колесо или же кусокъ бревна, чтобы она удобнѣе могла разбивать засохшія глыбы чернозема. Такимъ же точно образомъ устраиваются бороны и изъ семи валковъ. Такія бороны встрѣчаются, и то довольно рѣдко, у очень зажиточныхъ хозяевъ, имѣющихъ хорошій, здоровый скотъ. Борона съ желѣзными зубьями встрѣчается довольно часто, даже у хозяевъ средней руки, въ особенности въ Кіевской губерніи.

Возъ.

Возы, встрѣчающіеся въ юго-западномъ краѣ у крестьянъ-Малороссовъ, можно раздѣлить на двѣ главныя группы: „волові и киньски“. „Волові возы“ еще раздѣляются на „прості и чумацкі“, а „кіньскі“ —на „дышлеві и съ оглоблямі“. Каждая изъ этихъ группъ имѣетъ свои характеристическія черты, на которыя мы укажемъ впослѣдствіи; теперь же обратимъ вниманіе на простой воловый возъ, служащій для перевозки сноповъ, хлѣба, соломы, сѣна, дровъ и проч. Для воловыхъ возовъ дѣлаются оси довольно толстыя, такъ какъ возъ этого рода назначается исключительно для перевозки значительныхъ тяжестей.

По концамъ съ нижней стороны на оси, для того, чтобы она не стиралась, подбиваются ухналями „підиски“, т. е. полосы желѣза, для которыхъ предварительно выдалбливаютъ въ оси такой глубины и ширины выемку, какой толщины и ширины „підиски“.

Передняя и задняя ось соединяются между собою „підтоками“. „Підтоки“, идя отъ передней оси къ задней, постоянно расширяются и образуютъ двѣ лапы, посредствомъ которыхъ и прикрѣпляются къ задней оси неподвижно; на томъ же концѣ, который идетъ къ передней оси, „підтоки“ имѣютъ сверху довольно широкую зарубку и въ срединѣ ея большую, круглую дыру. Сверху „підтоки“, какъ на переднюю, такъ и на заднюю ось кладутся „оплени“. Оплени (большія деревянныя подушки) толщины и вышины совершенно такой же, какъ средняя часть оси; форма же ихъ отчасти видоизмѣняется; иногда онѣ къ верху бываютъ расширены такъ, что представляютъ собою трапезоидъ, иногда же оканчиваются съ верхней стороны по краямъ небольшими плечами. По концамъ въ „оплени“ задалбливаютъ такъ-называемыя „ручиці“, которыя, идя вверхъ, постоянно удаляются другъ отъ друга. Сдѣлавъ это, заднюю „оплень“ укрѣпляютъ на „підтокахъ“ неподвижно, къ задней оси; а въ передней „оплени“ пробуравливаютъ посредине большую дыру и, кромѣ того, съ нижней стороны дѣлаютъ выемку, такъ чтобы въ нее могъ войти передній конецъ „підтокъ“; а въ сдѣланную дыру на срединѣ оплени, въ концѣ „підтокъ“ и посредине передней оси, запускаютъ сверху внизъ толстый, преимущественно дубовый или грабовый колышекъ, который называется „шворинь“. Но такъ какъ при движеніи воза шкворень играетъ очень важную роль, то для того, чтобы онъ не ломался, дѣлаютъ „підгейстеръ“. Підгейстеръ—это длинная, но крѣпкая палка, конецъ которой имѣетъ отверстіе такой величины, какой толщины нижній конецъ шкворня. Пропустивъ нижній конецъ шворня въ отверстіе „підгейстера“, другой конецъ пропускаютъ въ отверстіе, сдѣланное въ задней оси. Потомъ при самой оси небольшимъ буравчикомъ провертываютъ дырку и забиваютъ въ нее колочекъ, такъ что „підгейстеръ“ не можетъ двигаться ни впередъ, ни взадъ, потому что спереди онъ на шкворнѣ, сзади же онъ прикрѣпленъ къ оси. Кромѣ того, „підгейстеръ“ подвязывается шнуркомъ къ „підтокамъ“. Это дѣлается для того, чтобы онъ не спадалъ съ шкворня.

Послѣ этого на переднюю ось надѣваютъ „вій“, который состоитъ всегда почти изъ двухъ совершенно отдѣльныхъ частей. Одна часть „вія“ надѣвается съ одной стороны на ось, другая—съ другой, и потомъ обѣ части соединяются вмѣстѣ, свертываются и набиваются деревяннымъ кольцомъ. Когда „вія“, какъ выражаются Малороссы, „збыто“, тогда на переднемъ концѣ его дѣлаютъ отверстіе для „прытыки“, т. е. небольшаго колка, съ помощью котораго прикрѣпляется ярмо.

По серединѣ воза, концами на оси, кладется широкая доска; а по бокамъ доски, оперши верхними частями на „ручиці“, ставятъ „драбины“. Драбина немногимъ отличается отъ простой лѣстницы. Вся разница заключается въ томъ, что на драбину идетъ отборный лѣсъ, и что „щаблі“ ея, т. е. перекладины, дѣлаются не круглыя, а плоскія, и въ простой драбинѣ всякій щабель „заплішується“; въ драбинѣ же для воза „завіртуються тільки стяглі“, т. е. перекладины вторыя отъ концовъ; а остальныя „тільки задовбаны“. Кромѣ этого, возовая драбина еще отличается отъ простой драбины и тѣмъ, что нижняя, обыкновенно четырехугольная, сторона ея всегда короче верхней, которой всегда придается полукруглая форма. Верхняя и нижняя части драбины называются „полудрабками“. Иногда драбины обшиваются лубкомъ; но по большей части или остаются необшитыми, или же заплетаются лозою. На каждую „ручицю“ надѣваютъ особаго рода кольца, которыя приготовляются по большей части изъ молодаго дерева, хотя нерѣдко попадаются изъ веревки и даже кожи. Эти кольца называются „налюшники“.

Надѣвъ колеса на оси, налюшники подсовываютъ на „ручиці“ вверхъ и верхній полудрабокъ перекидываютъ за ручицу, такъ чтобы онъ лежалъ на налюшникѣ. Съ другой стороны полудрабка въ налюшникъ закладывается верхній конецъ „лушни“, а нижній конецъ лушни надѣвается на ось, такъ что верхняя часть драбины, т. е. полудрабокъ, находится съ одной стороны между ручицею, которая ему не дозволяетъ подвигаться во внутренность воза, съ другой стороны его поддерживаетъ лушня. Колочекъ, забитый возлѣ самой лушни въ ось, поддерживаетъ не только лушню, но и колесо.

Такова конструкція простаго воловаго воза, который, по мѣрѣ надобности, можетъ еще измѣнять свой наружный видъ такъ или иначе, смотря по тому, какого рода тяжесть нужно имъ возить. Такъ, напримѣръ, при перевозкѣ сноповъ, сѣна, соломы, — сзади и спереди на драбины надѣваются „крыжовниці“, на концѣ которыхъ есть дырки, куда вкладываются, параллельно полудрабку, длинные шесты. Благодаря такому видоизмѣненію, верхняя часть воза дѣлается несравненно шире, а слѣдовательно — и болѣе годною для укладки громоздкихъ вещей. Весь этотъ приборъ называется „штандарами“. Когда крестьянину нужно возить, положимъ, свекловицу, онъ вверхъ штандаръ еще ставитъ плетеный изъ лозы и хвороста „кошикъ“; когда нужно перевезть тяжелыя бревна, тогда драбины сбрасываются и „возъ разворовується“, т. е. раздѣляется на двѣ части — на переднюю и заднюю. Переднюю часть воза подкатываютъ подъ одинъ конецъ бревна и увязываютъ веревками, заднюю же — вмѣстѣ съ „підтоками“ укрѣпляютъ къ задней части бревна и тоже увязываютъ веревками.

„Чумацькі возы“ отличаются отъ простыхъ воловыхъ возовъ, во-первыхъ, тѣмъ, что каждая часть чумацкаго воза дѣлается несравненно прочнѣе и кра-

сивѣе. Такъ, напримѣръ, на чумацкихъ возахъ можно встрѣтить довольно часто „мережки“, т. е. рѣзьбу, которая у Малороссовъ вообще не имѣетъ такого обширнаго примѣненія, какъ у Великороссовъ. Рѣзьба эта попадается на лушняхъ, лубкахъ, которыми обшитъ возъ, ярмахъ, занозахъ, важницѣ и пр. Вторая характеристическая черта чумацкаго воза заключается въ томъ, что онъ всегда очень тщательно обшитъ лубкомъ со всѣхъ четырехъ сторонъ и, кромѣ того, вверху надъ полудрабками обнесенъ лубками или досками, такъ что возъ вслѣдствіе этого дѣлается высокій и болѣе вмѣстительный. Такъ какъ чумацкій возъ назначается исключительно для дальней дороги, то „важныця, баговый дручокъ и мазныця“ суть необходимыя принадлежности чумацкаго воза.

„Важныця“ — это деревянная подставка, которая употребляется при смазкѣ осей нагруженныхъ какою-либо тяжестью возовъ. Такъ какъ тяжело нагруженнаго воза чумакъ не въ состояніи поднять рукою, то онъ ставитъ „важницю“ на землю недалеко отъ той оси, съ которой хочетъ снять колесо. Подложивъ подъ ось баговый дручекъ, т. е. толстый шестъ, чумакъ „підставляє важницю підъ дручокъ“ и такимъ образомъ, производя давленіе своимъ корпусомъ внизъ, поднимаетъ колесо. Потомъ конецъ этого шеста подкладываетъ подъ противоположную ось, и колесо стоитъ на воздухѣ. „Дручекъ той, що підважують візъ“ постоянно лежитъ на лушняхъ, на которыхъ спеціально для этого чумаки дѣлаютъ сучки, а „важниця“ виситъ на этомъ дручкѣ.

„Мазныцею“ называется деревянный сосудъ, обыкновенно долбленный, какъ ульи и мірки, въ которомъ держится дёготь для смазки колесъ. Она у чумаковъ обыкновенно привязывается сзади воза.

Что касается конскихъ возовъ, то они имѣютъ совершенно иной характеръ, хотя, повидимому, все въ нихъ сдѣлано такъ же, какъ и въ воловыхъ. Отличіе ихъ заключается главнымъ образомъ въ легкости, а также и въ устройствѣ передней части. Конскіе возы, кромѣ того раздѣленія, на которое мы указали нѣсколько раньше, еще раздѣляются на „драбинчасті и обшиті“. Первые назначаются для перевозки тяжестей, вторые—для негромоздкихъ тяжестей, напримѣръ—муки, и легкой ѣзды.

Передняя часть конскаго дышловаго воза устраивается слѣдующимъ образомъ: въ оси, по обѣимъ сторонамъ того отверстія, которое назначено для шкворня, дѣлаются двѣ выемки для „сниць“. „Сниці“ состоятъ изъ двухъ частей, которыя напоминаютъ своею формой расколотыя вилы. Средина расходящихся концовъ прикрѣпляется къ оси; концы же сходящіеся пускаются впередъ и между ними помѣщается конецъ дышла, прикрѣпленнаго или желѣзнымъ винтомъ, или же деревяннымъ колочкомъ. Кромѣ этого, на переднія оконечности сниць, для бо́льшей крѣпости, набивается желѣзное или деревянное кольцо; а заднія оконечности сниць соединяются между собою дощечкой, благодаря кото-

рой дышло находится постоянно въ горизонтальномъ направленіи. На передней части сницъ, параллельно оси, укрѣпляется такъ-называемая „штельвяга“, къ которой привѣшиваются барки, или же вальки или орчики. Отъ концовъ штельвяги до концовъ оси идутъ крѣпко натянутыя веревки. Эти веревки называются „ланвами“.

Возъ съ „оголоблями“ — одинъ изъ самыхъ малыхъ и легкихъ возовъ. Онъ почти никогда не встрѣчается необшитымъ; а у болѣе зажиточныхъ крестьянъ и мѣщанъ, кромѣ этого, и колеса бываютъ обтянуты шиной. Главное отличіе его отъ вышеописаннаго воза заключается въ томъ, что въ немъ вмѣсто сницъ и дышла надѣваются на переднюю ось оглобли, отъ конца которыхъ до конца осей идутъ длинныя, скручивающіяся, по мѣрѣ надобности, веревки, имѣющія двоякое назначеніе: во-первыхъ, онѣ способствуютъ тому, чтобы возъ стройно поворачивался въ ту или другую сторону; во-вторыхъ, дуга держится несравненно прочнѣе и прямѣе.

Не лишнимъ считаемъ при этомъ замѣтить, что возъ приготовляется почти всегда домашнимъ образомъ. Такой хозяинъ, который не въ состояніи самъ для своего воза приготовить оси, сдѣлать драбины и пр., не считается даже и хозяиномъ. Колеса же покупаетъ каждый хозяинъ на мѣстныхъ сельскихъ ярмаркахъ, куда навозятъ ихъ въ лѣтнее время продавцы изъ лѣсныхъ мѣстностей.

Ярмо.

Ярмо служитъ для упряжки воловъ и устраивается такъ, что его очень легко можно прицѣплять, смотря по надобности, и къ возу, и къ ралу, и къ боронѣ, и къ плугу. Выдѣлка ярма, которое бы плотно прилегало къ воламъ и не сбивало имъ шей,—довольно трудная работа, требующая не только нѣкоторыхъ столярныхъ орудій, неимѣющихся у земледѣльца, но и умѣнія обращаться съ ними. Вотъ причина, въ силу которой не каждый крестьянинъ пользуется ярмомъ собственнаго издѣлія; а преимущественно покупаетъ ярмо, или же, лучше сказать, только верхнюю часть ярма, самую трудную для выдѣлки — „чашовину“, на мѣстныхъ базарахъ, куда ихъ привозятъ окрестные столяры вмѣстѣ съ другими деревянными издѣліями, необходимыми для крестьянъ. Имѣя чашовину, уже каждый изъ крестьянъ самъ можетъ придѣлать къ нему „підгорля, снизки и занозы“.

Верхняя часть ярма дѣлается изъ легкаго дерева, преимущественно изъ липы и вербы. Она имѣетъ извилистую форму — средина немного выгнута внизъ, а края выгнуты въ противоположную сторону, именно въ томъ мѣстѣ, гдѣ должна опираться шея вола. Посрединѣ чашовины дѣлается довольно большая четырехугольная или круглая дыра, къ которой посредствомъ „привоя“ прикрѣпляется деревянное, плетёное кольцо; каблучка, надѣвающаяся на „вія“ воза,

жертку рала, війце плуга и пр. По обѣимъ сторонамъ этой дыры дѣлаются еще по двѣ небольшихъ дыры для „снизокъ и занозивъ“.

Въ „підгорлі“ — нижней и совершенно прямой части ярма — дѣлаются на такомъ же разстояніи, какъ и въ чашовинѣ только четыре дыры — по двѣ на каждомъ концѣ. Въ тѣ дыры, которыя расположены поближе къ срединѣ, запускаются небольшія, на концѣ съ головкою, палки и проводятся въ соотвѣтственныя отверстія, сдѣланныя въ чашовинѣ, на поверхности которой или же обматываются шнурками, чтобы они, вслѣдствіе давленія „підгорля“, не опускались внизъ, или же укрѣпляются посредствомъ деревянныхъ колышковъ. Въ крайнія двѣ дыры запускаются такія же палки сверху внизъ — это „занозы“. Онѣ длиннѣе и крѣпче снизокъ и очень часто бываютъ разукрашены зубцами, вырѣзками и пр. Покупныя ярма на верхней части чашовины всегда почти бываютъ разукрашены рѣзьбой. Въ особенности эта рѣзьба бросается въ глаза на чумацкихъ ярмахъ, которыя сначала покрываются чорною краской или же смазываются смолой, а „після чумакъ у дорозі, гуляючи вырізує складаннымъ ножемъ, то доріжкі, то крывульки, то зубчики. Що-жъ ёму робить йдучи у Крымъ и звіттиля якъ не мережить занозы, ярма, та лушні коло свого воза?“

Въ чумацкихъ ярмахъ „привій и каблучка“ всегда дѣлаются изъ сыромятной кожи. Точно такія же каблучки и привои довольно часто встрѣчаются и у зажиточныхъ крестьянъ.

Упряжка лошадей.

Малороссы запрягаютъ лошадей по двоякой системѣ—въ дугу и въ дышло. Перваго рода упряжку можно встрѣтить въ Кіевской и Полтавской губерніи, втораго—въ Подольской и Волынской. Въ Кіевской губерніи упряжка въ дугу совершенно такая же, какъ и у Великороссовъ, съ тою только разницею, что Малороссы не украшаютъ своей дуги яркими цвѣтами, а также и упряжи—бубенчиками, колокольчиками, кистями, мѣдными пряжками и пр. На все это онъ смотритъ болѣе съ практической, чѣмъ съ эстетической точки зрѣнія. И потому-то у Великоросса упряжь на одну лошадь бываетъ несравненно тяжелѣе, чѣмъ у Малоросса на двѣ. Въ совершенно ровныхъ степныхъ мѣстахъ, гдѣ нѣтъ ни возвышеній на дорогахъ, ни овраговъ, тамъ Малороссы вовсе не употребляютъ „нарытниківъ“, посредствомъ которыхъ лошадь сдерживаетъ съ горы возъ. Что же касается дышловой упряжки, то съ этой стороны о ней и говорить нечего: на пару лошадей она будетъ вѣсить не болѣе 15—16 ф. Она состоитъ изъ двухъ нитяныхъ шлей съ постромками, двухъ такихъ же нашильниковъ, двухъ уздечекъ и пары возжей.

Полѣсскія земледѣльческія орудія. Если вообще о малорусскихъ земледѣльческихъ орудіяхъ нельзя сказать, чтобы они были высокаго достоинства, такъ какъ простой народъ болѣе руководствуется въ этомъ отношеніи преданіями дѣдовъ и прадѣдовъ, передающимися изъ рода въ родъ, отъ поколѣнія къ поколѣнію, и меньше обращаетъ вниманія на изобрѣтенія, открытія, усовершенствованія и проч.,—то тѣмъ болѣе нельзя этого сказать относительно земледѣльческихъ орудій, употребляющихся въ Полѣсьѣ. Тутъ все хуже, начиная со скота, орудія, избы и оканчивая вообще матеріальнымъ богатствомъ и умственнымъ развитіемъ народа. Плугъ замѣняется въ Полѣсьѣ сохою, которую тащитъ маленькая, волохатая лошаденка или пара невзрачныхъ быковъ. Борона тоже имѣетъ свой особый характеръ, сразу бросающійся въ глаза. Ее дѣлаютъ не изъ брусьевъ, какъ въ Малороссіи, а гнутъ изъ молодыхъ деревьевъ, между которыми вставляютъ деревянные зубцы, прикрѣпленные лозой. Тамъ же сплошь да рядомъ можно встрѣтить „бовкуновъ“, т. е. быковъ, запряженныхъ поодиночкѣ въ возъ, санки, соху и борону, для чего существуетъ особое ярмо, къ концамъ котораго прикрѣпляются оглобли. Бовкуновъ нерѣдко можно встрѣтить также въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Черниговской и Полтавской губерніи, гдѣ ими не пашутъ, а только выѣзжаютъ на ярмарку или же „до млина“.

Орудія для пряжи.

Пряжей обыкновенно Малорусски занимаются зимою, начиная съ сентября мѣсяца. Какъ только „огородина“ убрана, какъ только капуста и бураки поквашены и поставлены въ погребъ, хозяйка уже лѣзетъ на комору, вынимаетъ изъ-подъ „кроквы“ хранившіеся тамъ въ теченіе лѣта: „гребені, днища, мотовыла, вытушки“ и другія прядильныя орудія и подвергаетъ ихъ осмотру; при этомъ она разсчитываетъ, чтобы на каждую пряху „був гребінь, днище и пятеро-шестеро веретінъ“; что же касается другихъ орудій, къ выдѣлкѣ полотна относящихся, какъ напримѣръ, „мотовыло, вытушки, гребінка“ и проч., то ихъ можетъ быть и по одному на нѣсколько пряхъ. Сдѣлавъ осмотръ и сообразивъ, что̀ нужно купить, что̀ сдѣлать, что̀ починить, она объявляетъ хозяину „щобъ вінъ зробывъ нове днище, затисавъ до вытушки“ потерявшуюся качку или коникъ, а сама собираетъ деньги и на первой же ярмаркѣ покупаетъ новый „гребінь, гребінку“, однимъ словомъ то, чего хозяинъ не можетъ сдѣлать, потому что „гребінь“, говорятъ, „перве діло“. „Безъ днища и веретінъ ще можна сякъ такъ обійтись, можно и позычить; а гребіня ніхто не дасть“. И потому каждая хозяйка-Малоруска непремѣнно имѣетъ въ запасѣ одинъ или два „гребені“; а особенно если у нея въ семействѣ есть дочки-пряхи или же невѣстка, которыя точно такъ же, какъ и сама хозяйка, главнымъ образомъ проводятъ за пряжей почти всю зиму. „Бо якъ гребінь розібьється“, говорятъ

онѣ, „то щобъ часомъ не прійшлось просидіть зложивши руки тиждень або й два, поки ярморокъ збереться; а еще Богъ-зна, чи й грошенята случаться“.

Пряжа заготовляется только для своей семьи, которую хозяйка за зиму должна обезпечить на цѣлый годъ не только бѣльемъ, но и суконною одеждой. Если же на мѣстныхъ ярмаркахъ и встрѣчается въ продажѣ полотно крестьянскаго приготовленія, или же пряжа въ клубкахъ и „півміткахъ“, то это только доказываетъ, что продающая хозяйка нуждается сильно въ деньгахъ. Конопли обыкновенно Малороссами считаются на „жмені, повісма и кружки“. Пучекъ конопель такой толщины, который можно обнять одною рукой, называется „жменя“; десять „жмень“ составляютъ „повісмо“. А для того, чтобы удобнѣе было ихъ сохранить, „повісма“ наматываются одно возлѣ другаго на длинную хворостину, которой концы связываются вмѣстѣ, такъ что она напоминаетъ толстый, большой обручъ; эти обручи называются „круги“. Таже самая конопля, но только въ низкахъ, такъ-называемая „пряжа“ имѣетъ свой самосостоятельный счетъ. Тутъ счетъ идетъ на „чисниці, пасмы, півмітки“.

Когда пряжа смотана съ веретенъ на мотовило, нитки на немъ считаютъ по-три; каждыя три нитки составляютъ „чисницю“; десять чисницъ или тридцать нитокъ составляютъ „пасмо“, двадцать пасмъ—„півмітокъ“; два півмитка — „мітокъ“. Точно такимъ же образомъ ведется счетъ „рядовыни и вовны“, изъ которыхъ первая идетъ на рядна, скатерти, рушники, мѣшки и проч., а вторая—на юпки, кобеняки, свитки, запаски, поясы, и проч.

Но прежде, чѣмъ мы приступимъ къ описанію всѣхъ тѣхъ орудій, которыя употребляются Малороссами при выдѣлкѣ полотна и сукна, мы скажемъ нѣсколько словъ относительно самого полотна и тѣхъ названій, которыя оно носитъ.

Полотна у Малороссовъ бываютъ двухъ родовъ: однѣ приготовляются изъ льна, другія—изъ конопель. Но, не смотря на эти два главныя дѣленія, еще въ каждомъ изъ нихъ есть свои подраздѣленія. Самое лучшее полотно, конечно, считается то, которое приготовлено изъ чистаго хорошаго льна. Вслѣдъ за симъ по достоинству слѣдуетъ полотно, приготовленное изъ чистой „плоскини“; что же касается полотна, приготовленнаго изъ чистой „матірки“, то оно, по своему достоинству, стоитъ ниже всѣхъ сортовъ, какіе только встрѣчаются. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что тутъ бываютъ различныя смѣси, вынужденныя по большей части недостаткомъ, въ составъ которыхъ входитъ ленъ и „плоскінь, матірка и плоскінь“; но при этомъ стараются расположить нитки такъ, чтобы нитки лучшаго достоинства составляли основу, худшаго—„підтканя“. Не лишнимъ считаемъ также упомянуть относительно тѣхъ названій, которыя носятъ полотна малорусскаго издѣлія. Чаще всѣхъ встрѣчаются полотна подъ названіемъ „десятка, дванадцятка и двадцятка“. Каждое изъ этихъ названій, опредѣляя отчасти до-

стоинство полотна, главнымъ образомъ опредѣляетъ его ширину. Такъ, напримѣръ, въ десяткѣ основа состоитъ изъ десяти пасмъ, что и видно изъ самого названія; въ двенадцяткѣ—изъ двѣнадцати и т. д.

Орудія, употребляемыя Малороссами при выдѣлкѣ полотна, суть слѣдующія: „терница, гребень, днище, гребінка, щітка, веретено, прялка, мотовыло, вытушка, юрокъ, или же вьюрокъ, основница и верстатъ“ (ткацкій станокъ).

Послѣ того, какъ конопля вымокнетъ и высохнетъ, ее трутъ и „типаютъ“, для чего имѣется очень простое орудіе, которое называется „терница“. „Терница“ состоитъ изъ двухъ небольшихъ дощечекъ, между которыми свободно двигается, на деревянномъ гвоздѣ, третья дощечка на концѣ съ ручкой—это „мечикъ“; приборъ этотъ стоитъ на четырехъ деревянныхъ ножкахъ, съ одной стороны между ножками внизу сдѣлана перекладина, на которую ставятъ ногу, когда трутъ коноплю, „щобъ терниця не хиталась“. Трутъ коноплю такимъ образомъ: наступивъ лѣвою ногою на перекладину, сдѣланную между ножками „терниці“, лѣвою рукою подкладываютъ подъ мечикъ пучокъ конопли, а правою, держась за рукоятку, ударяютъ мечикомъ по коноплѣ. Отъ частыхъ, но легкихъ ударовъ стволъ конопли разламывается на мелкіе куски, которые называются „кострыця“. „Кострыця“ высыпается, а лыко остается въ рукѣ. Послѣ этого коноплю еще нѣсколько разъ вытрушиваютъ и „типаютъ“, т. е. ударяютъ пучками пеньки „объ терницю, объ стовпець, щобъ кострица дрібна повилітала“. Очистивъ пеньку отъ твердыхъ частицъ, скручиваютъ ее въ пучки; эти пучки называются „жменя конопель“.

Гребень. Гребень всегда пріобрѣтается на мѣстныхъ ярмаркахъ, куда ихъ привозятъ изъ лѣсныхъ мѣстностей столяры и продаютъ отъ 30 до 40 коп. за штуку. Форма гребня почти всегда одна и таже: къ верху онъ широкій съ длинными зубцами, нижняя часть четырехугольная и притомъ заостренная такъ, чтобы его конецъ плотно приходился въ отверстіе, сдѣланное въ днищѣ. Иногда подъ основаніями зубцовъ какъ съ той, такъ и съ другой стороны, въ видѣ украшенія, проводится нѣсколько чертъ, которыя бываютъ бѣлыя и черныя.

Днище. Днище дѣлается изъ широкой, въ полтора аршина, доски, которая къ одному изъ концовъ постепенно съуживается и оканчивается головкой. Въ этой головкѣ сдѣлано отверстіе для вкладыванія гребня. Днище очень часто можно встрѣтить разукрашенное разными зубцами, углубленіями, чертами и проч., которыя обыкновенно располагаются на передней части днища. Такія днища по большей части встрѣчаются въ тѣхъ семействахъ, гдѣ есть взрослые парни, посвящающіе этому свои вечерніе досуги.

Гребінка. Для чесанія конопли Малороссы покупаютъ деревянныя „гребінки“, которыя отъ „гребіня“ отличаются только тѣмъ, что имѣютъ меньшіе зубы и форму, а также и ручку, приспособленную къ тому, чтобы ее можно было удобно

держать въ рукѣ. На гребенкахъ всегда почти можно больше встрѣтить украшеній, чѣмъ на гребнѣ, хотя на первомъ и на послѣднемъ они состоятъ изъ черныхъ и бѣлыхъ полосокъ, проведенныхъ одна отъ другой въ различномъ разстояніи.

Щетка. Послѣ чесанія мычки гребенкою, ее обыкновенно еще чешутъ щеткою; это дѣлается для того, чтобы въ конопляхъ не было чего-либо такого, чтобы могло препятствовать скручиванію нитокъ. Щетки для мычекъ обыкновенно покупаются и вымѣниваются на щетину, хотя, впрочемъ, нерѣдко дѣлаются и по заказу; но въ такомъ случаѣ заказывающій долженъ дать свою щетину. Этимъ занимаются нѣкоторые Великороссы и отчасти Цыгане.

Веретено. Они дѣлаются точеныя и струганыя. Точеныя веретена обыкновенно продаются вмѣстѣ съ прядильными приборами на ярмаркахъ; струганныя же приготовляются домашнимъ образомъ. Веретено бываетъ длины вершковъ пять. Оно къ верху постоянно заостривается; на срединѣ самая большая его толщина, на разстояніи $^2/_3$ всей его длины отъ верхняго конца; потомъ опять довольно круто съуживается и оканчивается головкой и маленькимъ шпицомъ. Точеныя веретена всегда бываютъ разукрашены, струганныя — никогда.

Прялка. Въ послѣднее время въ Полтавской, а отчасти даже въ Кіевской губерніи, начали въ малорусскихъ хатахъ появляться деревянныя, точеныя нѣмецкія прялки, которыя приводятся въ движеніе ногою. Прялки эти почти въ два раза больше прядутъ, чѣмъ можно напрясть посредствомъ веретена. Онѣ устроены такъ, что нитка сама и скручивается, сама и наматывается на веретено. Всё дѣло пряхи заключается въ томъ, чтобы смыкать лѣвою рукою мычку, а правою ногою приводить въ равномѣрное движеніе прялку, которая стоитъ у ногъ ея. Такія прялки продаются на ярмаркахъ по 1 р. и по 1 р. 25 к.

Мотовило. Для мотовила выбираютъ не очень толстую, но длинную, почти саженную, и на концѣ раздвоенную палку. Оставивъ рога, длиною въ $2^1/_2$ вершка, на противоположномъ концѣ придѣлываютъ небольшую перекладину, которую крѣпко укрѣпляютъ деревяннымъ или желѣзнымъ гвоздемъ, чтобы она не двигалась въ то время, когда будутъ „на мотовыло починки мотать“.

Витушка. Она употребляется для сматыванья „півмітківъ“ въ клубки. Витушки дѣлаются по большей части слѣдующимъ образомъ: прежде всего изъ толстыхъ и тяжелыхъ досокъ складывается крестъ, въ срединѣ котораго укрѣпляютъ палку, длиною въ аршинъ. Это называется „нитка“. Дальше приготовляютъ двѣ другія палки, на срединѣ которыхъ дѣлаютъ зарубки такъ, чтобы онѣ одна въ одну плотно заходили. Сдѣлавъ такимъ образомъ крестъ, по срединѣ дѣлаютъ дырку и надѣваютъ на ту палку, которую заранѣе приготовили. Потомъ на концы креста надѣваютъ деревянныя „коники“ или „качечки“, на которыя навѣшиваютъ пряжу.

Снівница. Чаще всего „снівница“ состоитъ просто изъ колочковъ, забитыхъ въ стѣну около порога и около покутья. Но такая „снівница“ болѣе зажиточными людьми признается неудобною: во-первыхъ, потому, что полотно придется сновать разъ или два въ годъ, а колышки эти постоянно торчатъ въ стѣнѣ; а во-вторыхъ и потому, что при такой „снівниці“ нужно бѣгать до тѣхъ поръ, пока не оснуютъ. У болѣе зажиточныхъ людей встрѣчаются „снівниці“, сдѣланныя на подобіе витушекъ, которыя при основаніи вращаются на одномъ мѣстѣ.

Одежда, пища и увеселенія Малоруссовъ.

Стрижка и прическа волосъ.

Мужчины причесываютъ волосы по направленію, указанному самою природою. Стрижка „въ кружокъ и скобки“ наиболѣе употребительна между Малоруссами. Стрижка „въ кружокъ“ состоитъ въ слѣдующемъ: волосы подрѣзываютъ наискосъ такъ, что лежащіе ближе къ затылку постепенно удлиняются; „въ скобки“—подстрижка дѣлается такъ: волосы подрѣзываютъ почти горизонтально надъ бровями, на вискахъ же и затылкѣ волосы пускаются длиннѣе. Первая стрижка принадлежитъ исключительно „парубкамъ и молодоженамъ“; а вторую носятъ старики. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ уцѣлѣлъ еще старинный малорусскій обычай—подбривать волосы вокругъ головы; но при этомъ нужно замѣтить, что обычай этотъ поддерживается на правой сторонѣ Днѣпра исключительно почетными стариками, и то далеко не всѣми. По лѣвой сторонѣ Днѣстра, а равно и по правой—въ Хотинскомъ уѣздѣ, нѣкоторые изъ крестьянъ носятъ волосы до того длинные, что концы ихъ лежатъ на спинѣ и плечахъ, и подрѣзываютъ только надъ глазами. Благодаря этому обстоятельству, они называются въ насмѣшку „патлачи“. Въ южной части Кіевской губерніи носятъ волосы короткіе, точно такъ же, какъ и всѣ мальчики, съ тою только разницею, что послѣднимъ надъ лбомъ оставляютъ клочокъ волосъ нѣсколько длиннѣе. Эти удлиненные волосы называются „чуприна“ или „оселедецъ“. Встрѣчаются такъ же, хотя очень рѣдко, Малороссы, зачесывающіе волосы на-бокъ, какъ Великоруссы. Это по большей части люди, потершіеся въ панскихъ передняхъ, считающіе себя вслѣдствіе этого выше крестьянина. Такъ: каждый писарь, каждый служащій въ панскомъ дворѣ, каждый бурлакъ, шлявшійся лѣтъ 5—6 по большимъ городамъ для заработка денегъ, непремѣнно дѣлаетъ проборъ на головѣ и зачесываетъ волосы на-бокъ. Всѣ Малороссы носятъ усы, бороды же носятъ лишь старики; только въ Полѣсьѣ довольно часто можно встрѣтить бороды и у молодыхъ.

Шапка.

Шапка употребляется какъ лѣтомъ, такъ и зимою. Она довольно разнообразна не только по своей внѣшней формѣ, но и по тому матеріалу, изъ котораго она приготовляется. Съ измѣненіемъ матеріала, а иногда одной только формы, измѣняется и названіе шапки, господствующей въ той или другой мѣстности. По времени года ихъ можно раздѣлить на двѣ группы—лѣтнія и зимнія. Лѣтомъ въ большомъ употребленіи: „брилі, капелюхи, картузи и кашкети"; а зимою—„стовбоваті и круглі шапки, мазниці, кучми" и проч.*).

„Брили" (шляпы) бываютъ войлочные (покупные) и соломенные (домашняго приготовленія). Форма тѣхъ и другихъ почти одна и таже: они къ верху немного ýже, чѣмъ при основаніи, съ довольно большими „крысами" (полями). Соломенные брили шьются: или изъ гладкой тесьмы, сплетенной изъ семи „стрілокъ" (соломинокъ), или изъ зубчатой тесьмы, которая плетется въ „чотирі стрілки"; а потому-то первые носятъ названіе „простихъ", а вторые — „зубчатихъ". Какъ соломенный, такъ и войлочный бриль носятъ въ Кіевской, Полтавской и Подольской губерніяхъ, въ юго-западной части Волынской и восточной части Люблинской и Сѣдлецкой губерніи; соломенный бриль, но только съ большими полями, носитъ названіе „капелюха". „Картузи" или „козирки" носятъ исключительно почти парубки и отчасти „молодожени". Они заготовляются мѣстными евреями-шапошниками изъ тонкаго чернаго сукна и блестящей бумажной или кожаной „сапи" и развозятся по сельскимъ ярмаркамъ. Форма „козирка" совершенно такая же, какъ форма офицерской шапки.

„Кашкети" дѣлаются преимущественно изъ синяго и зеленаго сукна, хотя нерѣдко бываютъ и изъ чернаго. Отъ картуза они отличаются своею величиною и неуклюжестью, а также и тѣмъ, что къ нимъ пришивается довольно значительной величины „сапа" почти горизонтально. „Кашкети" носятъ въ Подольской ,Волынской и въ восточныхъ уѣздахъ Люблинской и Сѣдлецкой губерній.

Полѣсская лѣтняя шапка носитъ различныя названія, хотя форма ея въ сущности одна и таже. Такъ ее называютъ: „еломомъ, яломкомъ, шеломкомъ. магеркою", а иногда такъ просто шапкою. Если поставить эту шапку нижнею частью на столъ, то форма ея будетъ совершенно напоминать конусъ, усѣченный

---

*) Одного названія не всегда бываетъ достаточно для опредѣленія формы шапокъ, потому что народъ двѣ совершенно разнообразныя шапки обозначаетъ однимъ и тѣмъ же именемъ. Такъ, напримѣръ, въ Подольской и Волынской губ. соломенная шляпа съ большими полями называется «капелюхъ»; а въ Черниговской губерніи—«капелюхомъ» называютъ баранью шапку съ синимъ или же чернымъ суконнымъ дномъ и съ загнутыми къ верху наушниками. Въ Каневскомъ уѣздѣ, Кіевской губ., коническія бараньи шапки называются «елбмъ». На Полѣсьѣ «еломами, яломками и магерками» называются небольшія войлочныя шапочки.

параллельно основанію, на которомъ сверху лежитъ небольшой кружокъ. Она дѣлается слѣдующимъ образомъ: на нижнюю часть употребляется чорное или сѣрое, домашней работы, сукно; на верхнюю часть идетъ всегда или одно бѣлое сукно, или бѣлое пополамъ съ чорнымъ. Въ послѣднемъ случаѣ дно шапки состоитъ изъ четырехъ равныхъ кусковъ—двухъ чорныхъ и двухъ бѣлыхъ, которые перемежаются между собою.

По окраинамъ верхняго круга шапки идетъ обыкновенно шнурокъ зеленаго или синяго цвѣта, который пришивается какъ-разъ на швѣ. Нижняя часть шапки, въ самомъ узкомъ мѣстѣ, т. е. подъ самымъ дномъ, украшается красными шерстяными шнурками, которые располагаются двоякимъ образомъ: на нѣкоторыхъ шапкахъ они проходятъ параллельно одинъ возлѣ другаго; въ другихъ-же крайніе шнурки идутъ параллельно между собою, и между ними два или три шнурка изображаютъ различныя фигуры, какъ напр., большіе и малые трехугольники, круги, полукруги, и проч. Въ такомъ родѣ есть шапки съ четырехугольнымъ дномъ на подобіе конфедератки. Бѣлыя войлочныя шапочки, на подобіе усѣченнаго параллельно основанію конуса, встрѣчаются въ сѣверной части Полѣсья несравненно чаще, чѣмъ въ южномъ Полѣсьѣ.

На зиму заготовляютъ шапки теплыя барашковыя, которыхъ форма рѣзко отличается отъ всѣхъ вышеупомянутыхъ шапокъ. Въ Кіевской губерніи носятъ чорныя барашковыя шапки двоякаго покроя: однѣ изъ нихъ нихъ невысокія, почти цилиндрическія — „кругли шапки“, другія, конической формы, довольно высокія — это „стовбовати“. Круглыя шапки иногда попадаются съ суконнымъ дномъ. Шапки такія чаще всего покупаются для мальчиковъ; а „стовбовати“ всегда дѣлаются изъ одного матеріала.

Такой же точно формы въ этой мѣстности встрѣчаются „сиві шапки“, т. е. сдѣланныя изъ сѣрыхъ молодыхъ барашковъ; онѣ всегда обозначаютъ или щеголя-парубка, или богача, или мѣщанина. Въ Подольской, а также въ южной части Волынской и юго-восточной части Люблинской, Сѣдлецкой губерній носятъ чорныя, большія барашковыя шапки съ суконнымъ дномъ. Эти шапки называются „мазниці“. Собственно говоря, форма этой шапки совершенно цилиндрическая, съ суконною верхушкою, вшитою нѣсколько ниже верхнихъ краевъ, но благодаря тому, что она въ верхней части сбоку имѣетъ разрѣзъ, у котораго всегда красуется цвѣтная ленточка, она кажется сверху несравненно шире, чѣмъ снизу. Сукно для верхней части обыкновенно употребляется синяго или зеленаго цвѣта.

Надъ рѣкою Припетью, около мѣстечка Скрыгалова, Петрикова носятъ зимою шапки, которыя называются „кучмы“ или „кучемки“. Онѣ дѣлаются изъ чорной овчины и синяго или чорнаго сукна. Овчина составляетъ нижнюю часть шапки, а верхъ суконный; при этомъ верхъ дѣлается всегда такимъ об-

разомъ, чтобы онъ изображалъ собою полушаріе, выдающееся сверху. Иногда вмѣсто круглаго, шаровиднаго верха дѣлаютъ четырехугольный, тогда шапка называется „рогатівка“. Послѣдняя чаще встрѣчается въ Царствѣ Польскомъ.

Сорочка мужская.

Нижнее платье Малорусса состоитъ изъ рубахи и штановъ, которые шьются изъ бѣлаго холста домашняго приготовленія. Въ Кіевской, а также въ западной части Полтавской губерній носятъ рубахи съ низенькимъ стоячимъ воротникомъ, —не выше четверти вершка, —съ широкими прямыми рукавами, которые, смотря по вкусу, собираются иногда около кисти руки и составляютъ „чехлу“. Рубаха имѣетъ на груди разрѣзъ, который застегивается около самой шеи „застіжкою“, для чего на концахъ воротника сдѣланы двѣ небольшія, обмётанныя сѣрыми нитками, петли.

„Застіжки“ бываютъ различныя: въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, какъ напр., въ Чигиринскомъ и Каневскомъ уѣздахъ, Кіевской губерніи, въ будничные дни „застіжки“ носятъ изъ чернаго, нерѣдко даже шелковаго шнурка, который перегибается нѣсколько разъ; въ другихъ мѣстахъ „застіжка“ состоитъ изъ цвѣтной ленты, преимущественно красной. Воротникъ рубахи всегда вышитъ или сѣрыми нитками, или красною и синею бумагой — „заполочью“.

Пазуха, а также и концы рукавовъ, если они не оканчиваются „чехлами“, всегда вышиваются различными, почти до безконечности разнообразными узорами. Но при этомъ нужно замѣтить, что для воротника существуютъ одни узоры, для пазухи и рукавовъ — другіе. Мужскіе узоры отъ женскихъ довольно часто отличаются.

Такъ какъ нѣтъ никакой физической возможности дать понятіе объ этихъ узорахъ безъ чертежа, то мы ограничимся только тѣмъ, что приведемъ нѣкоторыя названія этихъ узоровъ. Названія эти собраны нами въ Кіевской губерніи, гдѣ искусство вышиванія рубахъ развито болѣе, чѣмъ въ другихъ мѣстахъ. Названія узоровъ на „комирахъ“: „рожевий, човниками, настилованія, човники съ пóпинами, проскурочки, човники съ крильцями, кривонігъ, пýпчики“. Узоры на пазухѣ: „ляхівка на 3, 4, 5, 7 и 9 дірочокъ“ (отверстій), ляхівка ціле коліща, ляхівка цілий збанъ, ляхівка хрестичками, ляхівка кругла нашиванка, ляхівка коса, ляхівка кругла и хрещаста, ляхівка рѣшіточка, ляхівка кругла нашиванка, прутикъ“. На рукавахъ тоже бываетъ „мережка зъ ляхівкою.“ Старики и пожилые люди носятъ рубахи или вовсе не вышитыя, исключая, конечно, воротника, или же, если и попадаются небольшія „мережки на пазусі и на рукавахъ“, то онѣ всегда бываютъ изъ сѣрыхъ нитокъ; „заполочъ“ же только въ небольшомъ количествѣ употребляется на воротникъ.

Другаго покроя рубаха распространена во всѣхъ остальныхъ мѣстахъ, заселенныхъ Малоруссами. Внѣшній видъ ея такой: вокругъ отложнаго воротника, кругомъ шеи, идутъ довольно густо сборки. Около кисти рукава собираются на нитку и обшиваются „чехлами“. Вышивокъ и украшеній на рукавахъ и пазухѣ этой рубахи не бываетъ. На воротникѣ же попадаются, но и то довольно рѣдко. Всѣ Малоруссы носятъ рубаху такъ, что нижняя ея часть спрятана въ штаны, исключая Полѣсья, а также пограничной съ Австріей части Волынской губерніи и западной Подольской, гдѣ рубаху выпускаютъ поверхъ штановъ.

Штаны.

Каждому виду сорочки соотвѣтствуетъ особаго рода видъ штановъ, которыхъ у Малороссовъ встрѣчается точно такъ же, какъ и у рубахъ, два: одни „штаны до очкурні“, другіе — „до паска“. Первые неразлучно встрѣчаются съ вышитою рубахой, имѣющею стоячій воротникъ, вторые — съ невышитою рубахой, у которой отложной воротникъ, а также и тамъ, гдѣ рубаха носится поверхъ штановъ. Штаны дѣлаются большею частію изъ полотна болѣе грубаго, чѣмъ рубахи.

Неотъемлемое свойство штановъ „до очкурни“ — необъятная ихъ ширина, которая поражаетъ въ особенности тогда, когда послѣ мойки они сохнутъ, будучи растянуты на плетнѣ или воротахъ. Малоруссы, надѣвая ихъ, собираютъ у пояса на „очкуръ“ (длинный ремень съ пряжкою), на которомъ образуется безчисленное множество складокъ, туго уложенныхъ одна возлѣ другой. Надѣвъ штаны и застегнувъ очкуръ на пряжку, оставшійся свободный конецъ очкура обводятъ вокругъ себя и застегиваютъ вторично на пряжку такъ, чтобы онъ былъ „на ослабі“ (висѣлъ немного) съ правой стороны.

Къ очкуру очень часто привѣшивается на „припони складаний (складной) ніжъ“, который прячется въ карманъ. „Припонъ“ — это длинный тонкій ремень, украшенный иногда разноцвѣтною жестью и разломанными мѣдными кольцами, которыя парни обыкновенно отбираютъ у дѣвушекъ. На очкурѣ точно также бываютъ насажены „бляшки, пугвиці“ и т. п. украшенія. По праздникамъ, болѣе зажиточные селяне носятъ штаны изъ матеріи, пріобрѣтаемой у „крамарівъ“, почему они и носятъ названія „крамнихъ“. Обыкновенно для штанівъ покупаютъ „пейстрину“ (нанку), но самые франтовскіе штаны — „сині китайчані“.

Штаны „до паска“ немногимъ отличаются отъ вышеописанныхъ штановъ. Обыкновенно они дѣлаются уже и безъ очкура, а у пояса застегиваются на одну или двѣ пуговицы. Самые широкіе, „матнисті“, какъ говорятъ Малоруссы, штаны можно встрѣтить по обѣимъ сторонамъ Днѣпра, а особенно въ Золотоношскомъ и Черкасскомъ уѣздахъ; самые узкіе — на Полѣсьѣ. Малоруссы ни-

когда не выпускаютъ штановъ поверхъ голенищъ, а всегда ихъ прячутъ въ „халяви“. Зимою немногіе носятъ теплые суконные штаны, которые надѣваются сверхъ полотняныхъ.

Поясъ.

Одежда сверху подвязывается только шерстянымъ поясомъ. Цвѣтъ поясовъ самый разнообразный: красный, синій, зеленый, голубой, чорный (домашней работы), бѣлый (рушникъ). Бываютъ также пояса полосатые, полосы которыхъ состоятъ изъ самыхъ разнообразныхъ цвѣтовъ; но наиболѣе распространенные цвѣта малорусскихъ поясовъ—красный и зеленый. Лучшіе пояса считаются „червоніе“, „волоськи“, по которымъ въ длину проходятъ разнообразной ширины и различнаго цвѣта полоски. Этого сорта пояса распространены почти повсемѣстно, но только въ однихъ мѣстахъ больше, а въ другихъ—меньше. Чаще всего его можно встрѣтить въ Кіевской и Полтавской губерніяхъ. Въ Подольской же и южной части Волынской губерніи хотя и встрѣчаются красные пояса почти сплошь да рядомъ, но только они другого сорта; тамъ они плетутся какъ сѣти, изъ простой бѣлой овечьей шерсти, а потомъ окрашиваются въ гладкій красный цвѣтъ. Эти пояса всегда имѣютъ на концахъ большія кисти. Если у кого нѣтъ бѣлой шерсти для пояса, то въ такомъ случаѣ поясъ для домашняго обыденнаго употребленія дѣлается изъ чорной шерсти, и тогда его не окрашиваютъ. Черные пояса по большей части носятъ древніе старики.

Зеленые пояса никогда не бываютъ полосатые; ихъ носятъ преимущественно почетные и зажиточные хозяева, хотя нерѣдко можно встрѣтить и на парубкахъ, а особенно въ Золотоношскомъ (Полтавской губ.), Чигиринскомъ и Черкасскомъ (Кіевской губ.) уѣздахъ, гдѣ они больше всего распространены. Бѣлые пояса, „рушники“ ткутся изъ нитокъ и на концахъ перетыкаются полосками красной и синей „заполочі“. Этого рода пояса встрѣчаются на Полѣсьѣ, а также около Бѣлой Церкви и на Подольи, надъ Бугомъ. Почти повсемѣстно, невѣста и ея подруги во время свадьбы ходятъ въ бѣлыхъ поясахъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ пояса замѣняются „крайками“ и „пасками“ (въ большей части Полѣсья), „раминными“ (въ Грубешовскомъ уѣздѣ) и „чéресами“ (которые еще держатся въ степной полосѣ юго-западнаго края, преимущественно у „чабановъ“). Крайки обыкновенно плетутся изъ шерсти, смѣшанной съ нитками. Нитки располагаются въ длину, а шерсть въ ширину. Крайки не бываютъ широкіе. Самыя широкія крайки встрѣчаются въ Хотинскомъ уѣздѣ, Бессарабской области, у Руснаковъ (какъ они себя называютъ), живущихъ въ сосѣдствѣ съ Молдаванами. Крайку во всемъ юго-западномъ краѣ можно встрѣтить преимущественно на дѣтяхъ отъ 3-хъ до 7 лѣтъ, взрослые же ее рѣдко гдѣ носятъ.

По обѣимъ сторонамъ рѣки Припети, а также въ южной части Гроднен-

ской губерніи носятъ небольшіе ремни съ пряжкой. Эти ремни называются „паски“. На нихъ иногда навѣшиваютъ „гаманецъ“, т. е. кожаный кисетъ для табаку, огнива, а на длинномъ ремешкѣ ножикъ въ ножнахъ — „колодачъ“. „Рѣмінниками“ называются широкія кожаныя „попруги“. Ихъ дѣлаютъ всегда изъ такой кожи, какая употребляется на подошвы; её перегибаютъ пополамъ и сшиваютъ дратвою около того конца, гдѣ пришивается четыре-пять пряжекъ; затѣмъ оставляется отверстіе такой величины, чтобы въ него могла свободно войти рука. Это отверстіе служитъ для того, чтобы изъ „рѣмінника“ можно было вынимать деньги, которыя туда прячутся; а чтобы они не выпали, „рѣмінникъ“ обыкновенно надѣвается стороною, гдѣ отверстіе вверхъ и, кромѣ того, отверстіе зашнуровываютъ тоненькимъ ремешкомъ. Къ другому концу „рѣмінника“ пришиваютъ такое количество ремешковъ съ дырками, какое на противоположной сторонѣ пришито пряжекъ. Потомъ наружную часть прошиваютъ дорожками, кругами и другими фигурами. На подобіе „рѣмінника“ дѣлается и „чéресъ“; разница заключается въ томъ, что послѣдній обыкновенно бываетъ несравненно ýже перваго. „Чéресъ“ нерѣдко украшается металлическими пуговицами.

Обувь мужская.

„Юхта и шкапына“, приготовленная въ мѣстечкахъ и городахъ юго-западнаго края, идетъ почти исключительно на сапоги, изготовленіемъ которыхъ занимаются обыкновенно мѣщане. Но товаръ почти всегда берется въ долгъ у евреевъ. На лѣвой же сторонѣ Днѣпра, на ярмаркахъ, торгуютъ бóльшею частію сами мѣщане-сапожники. Часто евреи покупаютъ ихъ у мѣщанъ-сапожниковъ и продаютъ на мѣстныхъ сельскихъ ярмаркахъ. Есть и между крестьянами много сапожниковъ; но они шьютъ почти всегда по заказу, причемъ заказывающій приноситъ свою кожу. Сапоги, изготовляемые для крестьянъ, рѣзко отличаются отъ мѣщанскихъ сапоговъ не только по добротѣ, чистотѣ отдѣлки, но даже и по своей внѣшней формѣ. Крестьяне носятъ сапоги большіе, съ довольно длинными и широкими голенищами, на одной подошвѣ, съ овальнымъ носкомъ; каблуки полукруглые, довольно широкіе, но не высокіе и всегда подбиты желѣзными гвоздями. Иногда гвозди замѣняются подковами, которыя бываютъ плоскія и высокія. Это самые характеристическіе малорусскіе сапоги. Мѣщане и болѣе зажиточные крестьяне, а равно и парубки-щеголи носятъ „рантові чоботи“, приготовляющіеся изъ того же самаго матеріала. Все отличіе ихъ отъ вышеописанныхъ заключается только въ томъ, что они на двухъ подошвахъ и съ усѣченными носками. Подборы возлѣ рантовыхъ или же „насовихъ чобітъ“ всегда дѣлаются выше, аккуратнѣе: на задникахъ больше проводится строчекъ и подбиваются чаще подковами, чѣмъ гвоздями. Зимою въ сапоги вкладываютъ для

теплоты довольно значительный пукъ соломы — „устілки“, и обертываютъ ноги въ „портняни (т. е. холщевыя) або суконни онучі“.

Лѣтомъ сапоги не въ большомъ употребленіи: женщины и немногіе изъ мужчинъ ходятъ босикомъ, а другіе замѣняютъ ихъ „черевиками“. Сапоги же надѣваются тогда, когда отправляются въ церковь, на ярмарку, въ гости, въ корчму на гулянье. Сапоги также надѣваютъ лѣтомъ во время полевыхъ работъ: въ „косовицю“, „гребовицю“ жнива. Сапоги, а равно и черевики въ праздничные дни смазываются дёгтемъ. „Бурлаки, наймити и де-котри изъ бідніших хазяінівъ“ носятъ лѣтомъ „постоли“. Постоли — это почти тоже, что и лапти; вся разница между ними заключается въ томъ, что послѣдніе дѣлаются изъ лыкъ, а первые дѣлаются изъ толстой дѣльной кожи, употребляемой на подошвы. Въ Полѣсьѣ сапоги у крестьянъ рѣдкость и считаются излишнею роскошью. Тамъ вмѣсто сапогъ оба пола отъ мала до велика носятъ „лапці“, которые дѣлаются или же изъ лыкъ, или же изъ шнурковъ. Въ праздничные дни маленькія, аккуратненькія лапти и бѣлыя портянки служатъ предметомъ щегольства.

Свита и прочее.

Поверхъ рубахи мужчины носятъ полукафтанье, измѣняющееся, смотря по мѣстности. Въ приднѣпровской полосѣ это полукафтанье называется „юпка, свитка“ и дѣлается всегда изъ чернаго довольно тонкаго сукна домашняго приготовленія. Есть, правда, юпки въ приднѣпровской полосѣ и сѣрыя изъ „рядовини“; но онѣ довольно рѣдко встрѣчаются и только у пожилыхъ стариковъ или же у недостаточныхъ крестьянъ. Юпка — короткая одёжа, она едва доходитъ до колѣнъ и шьется всегда въ талію со складками — „фалдами“, но такъ, что фалды, начинаясь на срединѣ спины и слагаясь одинъ на другой, идутъ только до боковъ; дальше полы остаются совершенно цѣльными. Около маленькаго и стоячаго воротника къ правой полѣ всегда почти пришивается кожаная пуговица или же „кгудзь“ (металлическая пуговица), а на лѣвой — петля, сдѣланная изъ красной, жолтой или же зеленой кожи. Въ Полтавской губерніи носятъ „козачку“. Она отличается отъ юпки тѣмъ, что на рукавахъ ея всегда бываютъ небольшіе отвороты, воротникъ довольно высокій и вмѣсто фалдъ мелкія сборки. Подольская верхняя одежда мужчинъ называется „опанча“. Она, по покрою своему, близко подходитъ къ кіевской юпкѣ, хотя дѣлается несравненно длиннѣе послѣдней. Опанча разукрашивается по швамъ на спинѣ и на полахъ, а также на концахъ рукавовъ и въ особенности на „каптурі (кобці, богородиці, відлозі“), пришитой на спинѣ къ воротнику. Украшеніе это составляютъ разноцвѣтные шнурки, тесемка и „влучка“ (гарусъ), изъ которыхъ дѣлаютъ цвѣты, круги, зубцы и проч.

Въ Волынской губерніи верхняя часть малорусскаго костюма болѣе разно-

образна, чѣмъ въ какой-либо другой мѣстности. Но это, впрочемъ, неудивительно, потому что Волынь соприкасается съ одной стороны съ Кіевскою и Подольскою губерніями, съ другой — съ Подлясьемъ и Полѣсьемъ, именно съ мѣстностями, отличающимися нѣсколько своеобразнымъ народнымъ костюмомъ. Въ Новоградъ-Волынскомъ уѣздѣ, Волынской губерніи встрѣчаются четыре рода свитокъ: два изъ нихъ назначаются исключительно для работы; другіе два — для праздника, пока не протрутся, а потомъ и въ нихъ работаютъ.

Всѣ четыре рода Новоградволынскихъ свитокъ имѣютъ съ обѣихъ сторонъ вертикально-прорѣзные карманы и на рукавахъ небольшіе отвороты, разукрашенные красными и зелеными шнурками. Покрой ихъ на спинѣ совершенно такой же, какъ и въ Кіевской губерніи. Одна вышивка по швамъ придаетъ имъ особенный характеръ. Болѣе же существенная разница заключается въ воротникахъ. У буднишнихъ свитокъ бываютъ воротники: а) маленькіе, стоячіе на подобіе кіевскихъ, но только немного вышитые „влучкою“; б) откладные, шалевидные. Они тоже по краямъ немного разукрашены. Свиты, назначенныя для работы, вообще мало вышиваются и дѣлаются немного короче праздничныхъ свитокъ, которые бываютъ „зъ вилогами и зъ каптуромъ“. Свита съ вилогами отличается отъ другихъ круглымъ, большимъ и красиво вышитымъ откладнымъ воротникомъ, покрывающимъ собою плечи, и растилающимся какъ на спинѣ, такъ и на груди полукругами. Другой типъ праздничной свиты: свита съ маленькимъ стоячимъ воротникомъ, съ каптуромъ, пришитымъ на спинѣ, къ воротнику. Каптуръ, а также правая пола обшлага рукавовъ, клапаны около кармановъ, по швамъ, на спинѣ и кругомъ внизу обшиваются разноцвѣтными шнурками. Они идутъ то параллельно, то вдругъ расходятся въ разныя стороны и, образовавъ острые или тупые углы, опять сходятся вмѣстѣ для того, чтобы, пройдя немного дальше, образовать концентрическіе круги, овалы, трехугольники, цвѣты и проч. Вообще, праздничную свиту стараются разукрасить по возможности красивѣе.

Въ сѣверовосточной части Бессарабской области носятъ свиты „тулубасти“, сшитыя мѣшкомъ. Онѣ называются „манта“ и отличаются отъ другихъ малорусскихъ свитъ еще и тѣмъ, что на спинѣ къ воротнику пришивается большой четырехугольный кусокъ сукна, замѣняющій собою во время ненастья волынско-подольскій „каптуръ“ или кіевскую „богородицю“. Въ западныхъ уѣздахъ Волынской губерніи, а также въ уѣздахъ Люблинской и Сѣдлецкой губерній, соприкасающихся съ Волынью, въ большомъ ходу сѣрыя свиты, покроенныя совершенно такъ же, какъ и полтавскія козачки, но только сборокъ въ станѣ несравненно больше. Такія свиты называются тамъ „сирмяги“, онѣ дѣлаются изъ сѣраго сукна. Если спереди смотрѣть на сермягу, то она, по покрою своему, совершенно напоминаетъ длинополый сюртукъ и отличается отъ него

только тѣмъ, что отвороты на груди всегда почти покрыты сверху тонкимъ сукномъ какого-нибудь яркаго цвѣта, напримѣръ: краснаго, зеленаго, голубаго и проч. Иногда цвѣтное сукно замѣняется цвѣтными шнурками, которыми въ такомъ случаѣ вышиваютъ различные узоры. Рукава сермяги всегда откладные на концѣ (съ отворотами). Если сермяга назначается для праздника, то и концы рукавовъ ея обкладываются также цвѣтнымъ сукномъ, какимъ выложены „вилоги“. Независимо отъ этого, на спинѣ сермяги по швамъ всегда почти проходятъ разноцвѣтные шнурки и тесемки, составляя узоры, но только узоровъ гораздо менѣе, чѣмъ на подольской свитѣ.

Въ Холмщинѣ сѣрая свита съ красными вилогами, отложными рукавами и красною вышивкою въ таліи попадается довольно рѣдко; чорныхъ свитъ, которыя вышиваются на карманахъ и очень мало сзади на сборкахъ, несравненно больше. Покрой какъ сѣрыхъ такъ и чорныхъ холмскихъ свитъ одинаковы: сзади съ фалдами и съ цѣльнымъ кускомъ сукна, проходящимъ отъ воротника до самаго конца. Въ окрестностяхъ Холма почти такая же свита, она извѣстна подъ именемъ „сукмани“. Въ этой же мѣстности довольно часто встрѣчаются чорныя свиты, покроенныя мѣшкомъ и имѣющія по бокамъ по одной складкѣ— „усику“.

Территорія бѣлой свиты — Полѣсье, и если провести линію отъ Житомира до Брестъ-Литовска по шоссе, то все малорусское населеніе, живущее на сѣверъ отъ этой линіи, одѣвается съ бѣлую свиту. Полѣсская свита несравненно короче всѣхъ тѣхъ свитъ, о которыхъ намъ приходилось упоминать: она едва достигаетъ колѣнъ; а въ лѣтнее время встрѣчаются свиты еще короче. Покрой полѣсской свиты совершенно своеобразенъ: сзади нѣтъ ни „фалдівъ“, ни сборокъ, ни „усиківъ“, хотя у пояса она имѣетъ небольшой перехватъ, образующійся вслѣдствіе того, что съ боковъ вставляются большіе клинья, которыхъ самый острый уголъ доходитъ до пояса; а остальные два, менѣе острые, вершинами своими пришиваются къ самой нижней части свиты. Воротникъ около этой свиты небольшой стоячій. На полѣсской свитѣ нѣтъ украшеній.

Керея или Сірякъ.

По обѣимъ сторонамъ Днѣпра дѣлаютъ, для дождя или же для зимней вьюги, большую свиту съ капишономъ — „керею“. Она дѣлается очень широкою и длинною, безъ всякаго стана — „тулубаста“. Такъ какъ она назначается исключительно для дурной погоды, то чаще всего и сукно на нее употребляется самое худшее — „рядовина“ (т. е. пополамъ съ толстыми нитками). Въ Полтавской губерніи, керея дѣлается почти всегда изъ сѣраго сукна, почему и называется „сірякъ“. Капишонъ, пришитый на спинѣ къ воротнику въ различныхъ мѣстахъ, носятъ различныя названія, такъ, напримѣръ, въ Полтавской губер-

ніи его называютъ „богородица“, въ Кіевской — „богородица“ и „відлога“, въ Подольской и отчасти въ Волынской — „кобка“. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ этотъ же костюмъ носитъ названіе „кобинякъ“.

Прическа дѣвушекъ и головной уборъ.

Въ мѣстности, занимаемой Малороссами, дѣвушки большею частію разчесавъ волосы по естественному направленію, раздѣляютъ ихъ пополамъ „проділемъ“ и заплетаютъ въ двѣ широкія косы, которыя располагаются за ушами. Каждая коса состоитъ изъ трехъ пучковъ волосъ и въ концѣ ея вплетается узенькая, по большей части красная ленточка, называемая „косникомъ“ или „кісникомъ“. Потомъ обѣ косы перекрещиваются сзади и обвиваются вокругъ головы; причемъ концы „косниківъ“ связываются и прячутся за косу. Такова по большей части обыденная и праздничная прическа дѣвушекъ на правой сторонѣ Днѣпра. Въ нѣкоторыхъ же мѣстностяхъ, какъ, напримѣръ, въ южной части Кіевскаго, во всемъ Каневскомъ и отчасти въ Черниговскомъ уѣздахъ, для праздника существуетъ особаго рода довольно хитрая прическа, требующая не только значительной затраты времени, но и присутствія постороннихъ рукъ. Это обстоятельство, должно быть, послужило поводомъ къ тому, что дѣвушки по субботамъ, а также наканунѣ большихъ праздниковъ, собираются одна къ другой и „миться“, и „заплётаться“.

Намъ встрѣчались праздничныя прически, имѣющія между собою много сходства—это прическа въ „звязки“, и въ „колокілки“.

Въ „звязки“ заплетаютъ волосы такимъ образомъ: смывъ голову горячею водою, раздѣляютъ волосы на двѣ равныя половины, потомъ надъ лбомъ „у поперекъ прòділя“ проводятъ другой „проділь“ и отдѣляютъ спереди два пучка волосъ для „начосъ“. Задніе пучки волосъ чешутся вверхъ и на серединѣ головы связываются вмѣстѣ однимъ „коснькомъ“, послѣ чего волосы опять раздѣляются на двѣ равныя половины и плетутся двѣ косы, въ концы которыхъ, какъ и прежде, вплетаются длинные косники. Послѣ этого разчесываютъ начосы и располагаютъ ихъ такъ, чтобы они, сгибаясь на вискахъ, заходили за уши, гдѣ ихъ подкладываютъ подъ косы.

Прическа въ „колокілки“ немногимъ отличается отъ предыдущей. Тутъ волосы раздѣляются, связываются и закладываются точно такъ же, какъ и тамъ, вся разница заключается въ плетеньѣ косъ, а также и „въ проділі начосъ“. Чтобы заплести въ колокілки, пучокъ волосъ, назначенный для косы, раздѣляется на три неравныя части, — двѣ одинаковыхъ, а третья — самой незначительной толщины, посредствомъ котораго обвиваютъ первыя двѣ части поочередно, такъ что коса, сплетенная такимъ образомъ, имѣетъ посерединѣ съ обѣихъ сторонъ углубленіе, начинающееся у связокъ и оканчи-

вающееся тамъ, гдѣ укрѣпляются „косники“. Съ начосами же поступаютъ такъ: начиная сверху, отдѣляютъ съ правой стороны гребешкомъ маленькій пучокъ волосъ и перекладываютъ на лѣвую сторону, потомъ такой же точно величины пучокъ волосъ отдѣляютъ съ лѣваго начоса и перекладываютъ на правую и т. д. Такъ поступаютъ до тѣхъ поръ, пока всѣ волосы праваго начоса не будутъ на лѣвой сторонѣ, и наоборотъ. Благодаря этому, на срединѣ головы, между начесами, образуется „зубчастый проділь“. Затѣмъ начосы причесываются и закладываются точно такъ же, какъ и въ предыдущей прическѣ.

Необходимую принадлежность праздничнаго головнаго убора составляютъ разноцвѣтные вѣнки, сдѣланные изъ тонкой матеріи, маленькихъ утиныхъ перьевъ, окрашенныхъ въ зеленый цвѣтъ, и „стрічки“ или же „бинди“ — (длинныя разноцвѣтныя ленты). Убираютъ голову слѣдующимъ образомъ: выбирается самая лучшая „стрічка“ и обводится вокругъ головы на косахъ такъ, чтобы оба конца, будучи связаны или приколоты назади, спускались на спину. Остальныя „стрічки“, сколько бы ихъ тамъ ни было у дѣвушки, перегибаются пополамъ, приколываются къ головной стричкѣ сзади такъ, чтобы онѣ покрывали собою почти всю спину. Сверхъ этого надѣвается вѣнокъ, концы котораго связываютъ подъ „стричками“. Иногда для большаго удобства дѣлаютъ изъ толстой бумаги такой обручъ, который бы, по своей ширинѣ, равнялся „стрічці“, и вмѣстѣ съ тѣмъ приходился какъ разъ на голову. Въ праздничные дни онъ обтягивается самою лучшею лентой, и сзади, гдѣ концы его сходятся, прикрѣпляются всѣ остальныя ленты. Потомъ онъ надѣвается на голову совершенно такъ же какъ и вѣнокъ. Такіе обручи или кокошники носятъ и въ обыденное время, но только сзади къ нему не прикрѣпляютъ лентъ. Лѣтомъ за кокошникъ закладываютъ полевые, а такъ же и огородные цвѣты, которые ежедневно замѣняются свѣжими.

На лѣвой сторонѣ Днѣпра прическа и головной уборъ дѣвушекъ совершенно своеобразный, неимѣющій ничего общаго съ правобережнымъ головнымъ уборомъ. Хитрыя прически въ связки и колоколки тамъ неизвѣстны: ихъ замѣняетъ простая прическа, нетребующая значительныхъ затратъ времени и присутствія постороннихъ рукъ. Тамъ заплетаютъ волосы не въ двѣ косы, а въ одну, которая помѣщается на затылкѣ и спускаясь на спину, оканчивается въ будничные дни простымъ косникомъ, а въ праздничные — „червоною“, зеленою или голубою стрічкою. Вѣнокъ же и множество стрічокъ замѣняетъ собою чорный узорчатый платокъ, повязанный на головѣ такъ, чтобы верхняя часть ея была открыта. Въ праздничные дни надѣваютъ новые платки, въ обыденное же время донашиваютъ старые.

Прическа и головной уборъ женщинъ и старухъ.

Малорусскія женщины считаютъ грѣхомъ ходить съ открытою головой по выходѣ замужъ. Обыкновенно на другой же день послѣ брака „покрываютъ“ голову и съ этого раза уже никому не показываются съ неповязанною головой; отъ этого обычая отступаютъ только въ западной части Волынской губерніи: тамъ дѣвушка, по выходѣ замужъ, двѣ недѣли ходитъ съ распущенною косой; затѣмъ коса подрѣзывается, надѣвается „намітка“ и голова болѣе не раскрывается; косы потомъ подрѣзываются постоянно. Вслѣдствіе того, что волоса у малорусскихъ женщинъ всегда находятся подъ повязкой, прически у нихъ никакой нѣтъ; обыкновенно, разчесавъ волосы, скручиваютъ ихъ и обматываютъ вокругъ головы или же свертываютъ сзади.

Головные уборы женщинъ состоятъ изъ „очіпка, намітки, хустки“; предметовъ немного, но за то разнообразія въ качествѣ и цвѣтѣ этихъ предметовъ, способѣ повязывать ими головы, такъ много, что знакомый съ этимъ человѣкъ въ такомъ мѣстѣ, гдѣ собирается народъ съ разныхъ мѣстностей, напримѣръ въ Кіевѣ, по повязкамъ очень легко можетъ опредѣлить — какой мѣстности та или другая особа.

Самый распространенный головной уборъ „очіпокъ“, повязанный „намітокой“ или „хусткой“. Очіпокъ дѣлается большею частію изъ цвѣтнаго ситца, или изъ парчи, имѣетъ цилиндрическую форму съ плоскимъ дномъ, высота его во многихъ мѣстностяхъ вершка въ 3, назади имѣетъ разрѣзъ, по краямъ котораго сдѣланы дырочки, въ эти дырочки протягивается шнурокъ изъ нитокъ какъ въ корсетѣ. Надѣвая его на голову, стягиваютъ шнуркомъ, вслѣдствіе чего и волосы не могутъ выпадать, и онъ держится крѣпко. Во многихъ мѣстахъ Минской губерніи, вмѣсто очіпка, употребляютъ „обичайки зъ луба“ или изъ толстой бумаги. „Намітка“ дѣлается изъ шолка, изъ льняныхъ нитокъ, или же и изъ толстыхъ пеньковыхъ. Ткётся она, подобно кисеи, рѣдко, длина ея отъ 4 до 6 аршинъ, ширина не болѣе аршина. Намітка особенно распространена на лѣвой сторонѣ Днѣпра, въ Западномъ Полѣсьѣ, гдѣ она дѣлается изъ толстыхъ нитокъ и составляетъ ежедневный уборъ женщинъ.

Въ праздничные дни, почти повсемѣстно, ходятъ въ намітках. Намітки повязываются такъ разнообразно, что объяснить эти повязки возможно только при помощи рисунковъ; особенно рѣзко бросаются въ глаза три слѣдующіе вида: повязка въ видѣ низенькаго цилиндра съ двумя концами сзади, въ видѣ усѣченнаго невысокаго конуса съ концами въ родѣ роговъ, торчащими спереди, или же безъ роговъ, въ видѣ усѣченнаго конуса, вершковъ 6 вышины, съ гребнеобразнымъ возвышеніемъ напереди. Вообще повязка дѣлается слѣдующимъ образомъ: берутъ намітку, складываютъ ее на срединѣ по ширинѣ нѣсколько разъ,

такъ что она принимаетъ здѣсь видъ широкой (вершковъ въ $2^1/_2$—3) ленты, потомъ однимъ концомъ покрываютъ очіпокъ, обводятъ бока сложенною серединой кругомъ; закрѣпляютъ сзади узломъ или шпилькою и концы закладываютъ или сзади за ленту сверху, или же концы пускаютъ такъ, что они имѣютъ видъ четвероугольниковъ. Во многихъ мѣстахъ дѣлаютъ еще съ намітки же подбородникъ; но его носятъ преимущественно старухи.

На лѣвомъ берегу Днѣпра, на сѣверъ отъ Кіева, въ побережной части Черкасскаго и Чигиринскаго уѣздовъ женщины возлѣ дома и на работахъ ходятъ въ однихъ очіпкахъ; иногда, въ такомъ случаѣ очіпки украшаются спереди „квітками“; въ церковь же и въ гости повязываютъ очіпки платками. Платки для повязки головы входятъ все болѣе и болѣе въ употребленіе. Они бываютъ разной величины, разныхъ цвѣтовъ и разнаго достоинства. Повязки платкомъ имѣютъ или видъ невысокаго цилиндра, или усѣченнаго конуса, или же подобіе турецкой чалмы. Первыя двѣ повязки всегда можно встрѣтить на лѣвомъ берегу Днѣпра цилиндрическія — вблизи Кіева, конусообразныя — сѣвернѣе. Платки для такихъ повязокъ употребляютъ небольшіе, чорные, бумажные или шерстяные. Чалмовидныя повязки существуютъ въ Черкасскомъ и Чигиринскомъ уѣздахъ Кіевской губерніи и въ южной части Подольской. Платки для этой повязки употребляютъ большіе бумажные или шерстяные. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ „дівчата и молодиці“ лѣтомъ повязываются такъ, что лица почти невидно.

Въ Полѣсьѣ, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Черниговской губ., въ Бѣлоцерковщинѣ, Кіевской губ. и Виницкомъ уѣздѣ, Подольской губ., женщины завязываютъ голову бѣлымъ, иногда перетканымъ красною заполочью, платкомъ (домашней работы). Вообще нужно замѣтить, что гдѣ мужчины носятъ бѣлые пояса домашней работы, тамъ женщины повязываются бѣлыми платками. Касательно преобладающаго цвѣта на платкахъ, нужно замѣтить, что въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Полѣсья ходятъ преимущественно какъ молодыя женщины, такъ и старухи въ платкахъ краснаго цвѣта; и вообще вездѣ въ большомъ ходу яркіе цвѣта.

Намисто и прочее.

Можно сказать, что „намисто“ въ одинаковомъ употребленіи по всѣмъ мѣстностямъ, занимаемымъ Малоруссами. Оно служитъ украшеніемъ не только для дѣвушекъ, но и для молодыхъ замужнихъ женщинъ; пожилыя женщины если и носятъ намисто, то въ самомъ незначительномъ количествѣ, и то темнаго цвѣта. Дѣвушки поступаютъ наоборотъ: онѣ болѣе пристрастны къ яркимъ цвѣтамъ — красному, зеленому, голубому и проч. Въ обыденное время, а въ особенности при исполненіи полевыхъ работъ, дѣвушки надѣваютъ немного намиста, боясь его разорвать, растерять и проч. За то въ праздникъ, когда онѣ идутъ въ церковь или же на „музики“, вся грудь завѣшивается разноцвѣтнымъ намистомъ, между

которымъ первую роль играетъ „добре намисто“, т. е. кораловое, которое попадается только у болѣе зажиточныхъ крестьянъ; бѣдные покупаютъ намисто, приготовленное изъ разноцвѣтнаго стекла, причемъ красный цвѣтъ предпочитается *). Тутъ же между намистомъ, на груди, размѣщаются кресты — металическія маленькія иконки и „дукачі“; послѣдніе, впрочемъ, встрѣчаются довольно рѣдко и только у людей болѣе состоятельныхъ, преимущественно у мѣщанъ. Старинные золотые дукачі въ крестьянской средѣ въ настоящее время встрѣчаются весьма рѣдко.

Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, на правой сторонѣ Днѣпра, изъ мелкаго разноцвѣтнаго намиста приготовляютъ узорчатое ожерелье, на которое употребляется больше всего чорнаго и бѣлаго намиста: „чорне для поля, а біле червоне и голубе, чи тамъ друге яке небудь, для мережокъ“. Такое ожерелье называется „лучка“.

Женская сорочка.

Женская рубаха, точно такъ же, какъ и мужская, бываетъ съ отложнымъ воротникомъ и стоячимъ, вышитая на рукавахъ и въ подѣ, и совершенно гладкая безъ всякихъ украшеній. Матеріалъ для рубахъ, какъ мужскихъ, такъ и женскихъ, одинъ и тотъ же — бѣлый холстъ, по большей части домашняго приготовленія. „Перкалеві сорочки“, а также сорочки изъ тонкаго покупнаго полотна встрѣчаются довольно рѣдко, и то скорѣе въ мѣстечкахъ и городахъ, чѣмъ въ деревняхъ. Рубахи женскія дѣлаются очень длинныя; онѣ, будучи неподвязанными, достигаютъ нижними частями своими до косточекъ, и, по покрою своему, раздѣляются на сорочки „додільні“ и „допідточки“. Первыя отличаются отъ послѣднихъ тѣмъ, что онѣ дѣлаются изъ одного полотна, между тѣмъ какъ вторая изъ разнаго: на верхнюю часть — „станокъ“ — идетъ полотно лучше, тоньше; на нижнюю — „підточку“ — худшее, болѣе толстое. Если же принимать во внимані „вышивання“, то ихъ можно раздѣлить на три группы: кіевскія и полтавскія, вышитыя червоною и синею заполочью, и суровыми нитками. Подольскія, гдѣ для вышивки употребляются, кромѣ упомянутыхъ, еще слѣдующіе цвѣта: желтый, зеленый, голубой и проч., и наконецъ, подлясско-полѣсская, вовсе неимѣющая украшеній.

Украшенія бываютъ обыкновенно на рукавахъ или „поликахъ“ и на „підточці“ внизу. Въ Кіевской и Полтавской губерніяхъ рукава вышиваются червоною и синею заполочью, т. е. бумагою, а иногда посреди бумажныхъ вышивокъ идетъ широкая полоса, вышитая суровыми нитками. Шитье заполочью называется „мережками“; шитье нитками — „вирізуваннямъ“. Внизу

*) Намисто въ восточныхъ уѣздахъ Люблинской и Сѣдлецкой губерній называется «пацёрками».

рубахи, „на поділкахъ“, вышиваютъ исключительно вышеупомянутыми нитками. Вышивка эта состоитъ изъ одной широкой полосы и называется „лиштвою“, встрѣчается только у тѣхъ мѣщанъ, которые носятъ „запаску“, лица же, замѣнившіе запаску „спідницею“, носятъ сорочки, хотя и вышитыя на рукавахъ, но безъ „лиштвы“, такъ какъ для „спідниці“ сорочка дѣлается несравнено короче. Самыя красивыя мережки на рукавахъ и на підточкахъ встрѣчаются въ Кіевской губерніи, а въ особенности въ приднѣпровскихъ уѣздахъ: Кіевскомъ, Каневскомъ Черкасскомъ и Чигиринскомъ. Вотъ нѣсколько названій тѣхъ мережекъ, которыя употребляются для украшенія женской рубахи: „на поликахъ“ (рукавахъ): книші, ціле хрещасте, кривонігъ, простій кривонігъ, половина кривоногу, цілий кривонігъ, половина хрещастаго въ вилкахъ, цимбали, половина цимбалівъ, цимбалики, метелики, човники зъ вирізуваннямъ, човники зъ крильцями, хмеликъ рожевий, хмеликъ коло шнурочка, хмеликъ на гіллячкахъ ягідками, хмеликъ чорнобривцями, хмеликъ лапками, хмеликъ чорнобривцями, хмеликъ петрушкою, хмеликъ рожевый, хмеликъ молоточками, книшки, христи, квитки шиються підъ поликами, павучки, чорнобривці, цілі огірки, половина огірочківъ, повна рожа, головатий хміль, реберця, горли, ламані христи, косиці, павичі, раки, цілі собаки, починки, дубові листки“.

Комирі носятъ женщины и дівчата; скраклі, угірки, хрестики, поверхничка, чорнобривці, рачки счиплени, комірі съ закотою носятъ дівчата; чорнобривці, хмеликъ, паслинъ, риньяшки носятъ „на пазусі“ мужчины, а на підтичкѣ— женщины и дівчата (см. сорочка мужская). Пожилыя женщины почти не украшаютъ своихъ рубахъ цвѣтною бумагою (заполочью), а очень часто ограничиваются однимъ небольшимъ „вирізуваннямъ“, проведеннымъ на рукавахъ. Пазухи же и воротника женщины не вышиваютъ. Въ Подольской губерніи украшенія на женскихъ рубахахъ совершенно своеобразныя: тамъ въ составъ мережки входятъ, какъ мы уже и раньше замѣтили, всевозможные цвѣта, очень часто даже не вполнѣ гармонирующіе другъ съ другомъ. Самые узоры не имѣютъ той прелести, какъ узоры, попадающіеся почти сплошь да рядомъ въ Кіевской губерніи. Они приходятъ въ поперекъ рукава сплошною широкою и лестрою полосою, свидѣтельствующею о той затратѣ времени, которое употреблено на воспроизведеніе ихъ, а также и о меньшемъ вкусѣ Подолянъ. На Подлясьѣ и Полѣсьѣ рубахи женскія дѣлаются съ отложными воротниками и не имѣютъ украшеній ни на рукавахъ, ни на „поділкахъ“.

Запаски.

Сверхъ рубахи надѣваютъ, смотря по мѣстности, „запаски, платки, спідниці, літники, пандираки“. Запаска — небольшой кусокъ невалянаго чернаго сукна домашняго тканья, которымъ обвертываются вокругъ такъ, чтобы концы

его сходились спереди; концы эти потомъ прикрѣпляются „червонымъ“, шерстянымъ поясомъ домашняго приготовленія. Поверхъ „запаски“ спереди, въ видѣ фартуха, надѣваютъ другой кусокъ шерстяной матеріи синяго цвѣта, который называется „попередниця“. Запаска и попередница, вмѣстѣ взятыя, подвязываются широкимъ, краснымъ шерстянымъ поясомъ такъ, чтобъ концы его висѣли сзади; подвязавъ поясъ „підсмыкають“ сорочку вверхъ на столько, чтобъ внизу изъ-подъ запаски и попередницы видна была „мережка на подилкахъ“. Въ Грубешовѣ носятъ запаски бѣлаго цвѣта. „Плахта“ въ два раза больше запаски, несравненно дороже ея и потому носится только въ праздникъ. Форма плахты почти такая же какъ и запаски—она отличается по формѣ отъ послѣдней только тѣмъ, что ее перегибаютъ пополамъ, и что на верхней половинкѣ ея, перпендикулярно изгибу, идетъ разрѣзъ, оканчивающійся внизу плахты двумя небольшими клѣточками, сдѣланными по большей части изъ разноцвѣтнаго галуна. Цвѣтъ плахты бываетъ самый разнообразный, но преимущество отдается всегда дымчатымъ плахтамъ, т. е. такимъ, по которымъ разноцвѣтныя полосы, проходя въ длину и ширину, образуютъ клѣтки. Шерстяныя плахты бываютъ: „крижѐва, хрещàта, грушáва, рогàтка, синѝтка, сливѝнка рожеваго цвіту, закладчина“ (послѣдняя одна изъ дорогихъ) и другія. У богатыхъ крестьянокъ можно встрѣтить полушелковыя плахты, т. е. такія, въ которыхъ основа шерстяная, а „підкання шовкове“.

Необходимая принадлежность плахты—тонкая шерстяная зеленая, или червоная запаска, прикрѣпляющаяся спереди совершенно такъ же, какъ и при запаскѣ „попередниця“. Но при этомъ нужно замѣтить, что попередницы при запаскахъ дѣвушки не носятъ: онѣ служатъ принадлежностью болѣе почетныхъ или пожилыхъ женщинъ; запаска же („попередниця“) при плахтѣ равнымъ образомъ обязательна какъ для старыхъ, такъ и для молодыхъ. Такъ какъ плахта есть принадлежность народнаго костюма, то она подвязывается всегда тонкимъ зеленымъ или краснымъ поясомъ, купленнымъ „у краму“, почему эти пояса, въ отличіе отъ поясовъ домашняго приготовленія, и называются „крамними“.

Запаска и плахта—принадлежности стариннаго малорусскаго женскаго костюма,—въ послѣднее время все болѣе и болѣе вытѣсняются ситцевыми „спідницами“; еще лѣтъ пять-шесть тому назадъ, въ нѣкоторыхъ селахъ можно было въ праздникъ встрѣтить не одну дѣвушку „на музикахъ“ или въ церкви одѣтую въ плахту; въ настоящее время тамъ или вовсе не встрѣчаются плахты, или же если даже и встрѣчаются, то очень рѣдко. Запаска и плахта еще въ большомъ употребленіи въ слѣдующихъ мѣстностяхъ: въ Полтавской и Черниговской губерніяхъ, частью въ Полѣсьѣ, а также мѣстами въ Кіевской и Подольской губерніяхъ, гдѣ обыкновенно пожилыя женщины, идя въ церковь, надѣваютъ непремѣнно плахту.

„Спідниця“ (въ Ямпольскомъ уѣздѣ „димка“) распространена во всѣхъ остальныхъ мѣстностяхъ, занимаемыхъ Малоруссами, или же подъ вышеупомянутымъ названіемъ, или же подъ именемъ „літника и андарака“, на отличительныя черты которыхъ мы укажемъ впослѣдствіи. Она играетъ даже немаловажную роль и въ территоріи, занимаемой запаской, не только по городамъ и мѣстечкамъ, но и по селамъ. „Спідниця“ дѣлается изъ яркихъ преимущественно полосатыхъ ситцевъ. Покрой ея совершенно такой же, какъ покрой обыкновенной юпки: вся разница заключается въ томъ, что она немного короче послѣдней. „Андаракъ“ (его же называютъ и „сукня“) носятъ въ Полѣсьѣ надъ рѣкою Припетью въ мм. Туровѣ, Петриковѣ, Давидъ-Городкѣ и проч. Онъ дѣлается изъ полосатой и довольно грубой шерстяной матеріи. Покрой андарака не отличается отъ „спідниці“; разница заключается въ способѣ ношенія: „подолъ“ андарака всегда поднимается и затыкается спереди за-поясъ, такъ что рубашка видна выше колѣнъ; но когда у женщины начинается менструація, подолъ андарака опускается и, по окончаніи ея, опять поднимается по прежнему. Этотъ же самый андаракъ въ другихъ частяхъ Полѣсья и Волыни слыветъ подъ названіемъ „літника“.

Хвартухи.

„Хвартухъ“ — спутникъ, за исключеніемъ запаски и плахты, всѣхъ нижнихъ принадлежностей женскаго костюма, какъ-то: „спидниці“ или „димки“, „андарака“ или „сукні“ и „літника“. Покрой его бываетъ двоякій: одни „хвартухи“ простые безъ всякихъ украшеній, другіе со сборками внизу; вверху же тѣ и другіе собираются на нитку и обшиваются поясомъ, посредствомъ котораго онъ прикрѣпляется. Въ территоріи андарака и літника — въ Полѣсьѣ, — фартухи исключительно бѣлаго цвѣта, вышитые иногда внизу или же бумагой, или же кумачемъ.

Свита женская.

Женская свита не имѣетъ своего собственнаго характера, которымъ бы она рѣзко отличалась отъ свиты мужчинъ: какія видоизмѣненія мы видѣли въ различныхъ мѣстностяхъ, занимаемыхъ Малоруссами, въ свитѣ мужчинъ, такія же измѣненія замѣчаются въ тѣхъ же мѣстностяхъ и на свитахъ женщинъ. И это понятно, потомучто покрой какъ той, такъ и другой свиты въ одной и той же мѣстности почти всегда одинаковъ, даже въ богатыхъ семействахъ одну и ту же свиту носитъ и мужчина, и женщина. Женщины отличаютъ свою свиту отъ мужской только тѣмъ, что шьютъ её немного меньше и аккуратнѣе. Есть, впрочемъ, мѣстности, но ихъ весьма немного, въ которыхъ женская свита рѣзко отличается отъ мужской, да и то не по своей формѣ, а цвѣтомъ того матеріала, изъ котораго

она сдѣлана. Напримѣръ, въ Полтавской губерніи и отчасти въ Кіевской, въ уѣздахъ: Ковенскомъ, Черкасскомъ, Чигиринскомъ, Васильковскомъ и частію Сквирскомъ, женщины носятъ бѣлыя свиты, и то, впрочемъ, далеко не всѣ. Женская бѣлая полтавская юпка шьется до „усиківъ", располагающихся у стана такъ: два изъ нихъ размѣщены у самыхъ боковъ, третій находится на самомъ позвоночномъ столбѣ, а остальные два размѣщаются по сторонамъ средняго. Маленькій стоячій воротникъ, концы рукавовъ, а также рубецъ правой полы до самаго низа обкладываются чорною шерстяною тесьмою. Такого же покроя дѣлаются „крамни юпки" изъ цвѣтнаго каленкора, преимущественно краснаго цвѣта съ узорами. Но тогда воротникъ дѣлается круглый откладной и по краямъ обшитый широкою лентой, собранною на нитку. Въ Полтавской и отчасти въ Кіевской губерніи еще можно встрѣтить, хотя, впрочемъ, очень рѣдко „баёві юпки".

„Баёва юпка" дѣлается изъ тонкаго краснаго или голубаго сукна. „Баёві" юпки отличаются отъ „крамнихъ" тѣмъ, что онѣ сверху до низа усѣяны цвѣтными кисточками, сдѣланными изъ гаруса и притомъ такъ, чтобы кисточки были совершенно другого цвѣта, чѣмъ сукно. Напримѣръ, если сукно красное, то на немъ нашиваются кисточки зеленаго или синяго цвѣта; если сукно голубое—на немъ кисти красныя. Въ Кіевской губерніи, въ уѣздахъ, лежащихъ по Днѣпру, но въ особенности въ Черниговской и Полтавской губерніи, дѣвушки почти всѣ, въ лѣтнее время, носятъ такъ называемые „кгорсети", сдѣланные изъ того же матеріала, какъ и „крамні юпки". Корсеты отличаются тѣмъ, что не имѣютъ рукавовъ и отложнаго воротника. Короткая и удобная для лѣтней работы юпка въ Полѣсьѣ, а также и во многихъ мѣстахъ южной Волыни, называется „курта"; въ Холмщинѣ почти тоже самое женщины называютъ „кафтанёкъ".

Обувь женская.

Обыденная обувь женщинъ-Малороссіянокъ мало чѣмъ отличается отъ обуви мужской. Чорная юфть служитъ матеріаломъ какъ для мужскихъ, такъ равно и для женскихъ сапогъ; форма ихъ одна и та же; вся разница заключается въ величинѣ и отдѣлкѣ. Женскіе сапоги небольшіе; они всегда съ узковатыми и недлинными „халявами" (голенищами) и всегда почти разукрашены на каблукахъ строчками „(прошитвемъ") и „смужками" (чертами), проведенными въ различныхъ направленіяхъ. Въ праздничные дни дѣвушки и молодыя женщины носятъ иногда цвѣтные сапоги, приготовляемые изъ желтой, красной и зеленой кожи (сафьяна). Сапоги желтаго и краснаго цвѣта довольно часто встрѣчаются, и въ особенности въ уѣздахъ—Каневскомъ, Васильковскомъ, Сквирскомъ и друг.; что же касается зеленыхъ сапогъ, то они довольно рѣдки. Намъ только нѣсколько разъ приходилось ихъ видѣть, и то преимущественно у мѣщанъ.

Цвѣтные сапоги всегда предпочитаются на „колодочкахъ“ (деревянныхъ подборахъ, обтянутыхъ кожею), и чѣмъ колодочки выше и красивѣе обдѣланы, тѣмъ цвѣтные сапоги болѣе выигрываютъ въ глазахъ Малороссокъ. Когда цвѣтные сапоги выпачкаются, ихъ точно такъ же, какъ и „юхтові“, смазываютъ дёгтемъ и носятъ въ будничные дни. Въ Полтавской губерніи дѣвушки носятъ башмаки, называющіеся „черевики на коркахъ“. Форма ихъ напоминаетъ башмаки восточныхъ женщинъ; они имѣютъ маленькіе, острые носки, приподнятыя къ верху и высокіе каблуки, направленные ближе къ срединѣ и съуживающіеся къ низу. При ношеніи черевиковъ на коркахъ употребляются чулки *).

Полѣсскія женщины почти не знаютъ кожаной обуви; онѣ точно такъ же, какъ и мужчины, носятъ лыковыя лапти.

Зимняя одежда.

Зимой во время сильнаго холода, какъ мужчины, такъ и женщины надѣваютъ сверху тулубы и кожушанки. Они дѣлаются изъ овчинъ и приготовляются частію домашними средствами, частію же пріобрѣтаются на мѣстныхъ сельскихъ ярмаркахъ у евреевъ и мѣщанъ-„кушнировъ“. У каждаго болѣе или менѣе зажиточнаго крестьянина, въ видахъ какъ лѣтней, такъ и зимней экипировки, содержатся отъ 5 до 15 и даже болѣе штукъ овецъ. Въ лѣтнее время съ нихъ снимаютъ шерсть (руно) и приготовляютъ изъ него различную ткань, употребляющуюся на одежду, плахты, запаски, рукавицы и проч. Стрижка овецъ обыкновенно бываетъ въ маѣ мѣсяцѣ, послѣ Николы. Осенью, когда шерсть отростетъ и овца на подножномъ кормѣ значительно оправится, ее рѣжутъ, мясо употребляютъ въ пищу, а кожу отдаютъ для выдѣлки „кушнирямъ“ или „чинбарамъ“, и изъ этихъ кожъ шьютъ кожухи. Далеко не всякій крестьянинъ единовременно можетъ зарѣзать столько овецъ, сколько необходимо на кожухъ овчинъ; и въ такомъ случаѣ онъ беретъ въ долгъ, сколько ему недостаетъ, у другихъ своихъ односельцевъ съ условіемъ возвратить кожу такого же достоинства и доброты какую беретъ. На кожухъ нужно отъ 5-ти до 8-ми кожъ.

Покрой кожуха точно такъ же, какъ и покрой лѣтней одежды, измѣняется, смотря по мѣстности. Въ Кіевской губерніи по большой части кожухи встрѣчаются двухъ родовъ: „тулубастие и простие“. Первые преимущественно встрѣчаются у мѣщанъ и отчасти у зажиточныкъ и почотныхъ крестьянъ; вторые же исключитель-

---

*) Но да не подумаетъ читатель, что всѣ малороссіянки носятъ круглый годъ обувь; напротивъ, отъ марта по ноябрь, т. е. ²₃ года, женщины и дѣти ходятъ босикомъ. Зажиточныя надѣваютъ въ это время сапоги, только идя въ церковь, а дѣвушки то же идя въ церковь и отправляясь на гулянье, но и то не всѣ.

но принадлежатъ небогатымъ крестьянамъ. Простой крестьянскій кожухъ шьется всегда въ талію, безъ фалдъ, но за то съ „усиками“ или „въ клинки“. Около этого кожуха воротникъ стоячій, обложенный съ обѣихъ сторонъ мелкими, чорными или же сѣрыми смушками. То мѣсто, гдѣ воротникъ прикрѣпляется къ кожуху, а также и самая верхняя часть воротника, правая пола и кругомъ внизу всегда почти украшается мѣховою тесьмой, извѣстною въ народѣ подъ названіемъ „бабака“. Около самаго воротника, на правой полѣ, прикрѣпляется маленькій мѣховой трехугольникъ, на оконечности котораго прикрѣпляется кожаная пуговица, приготовленная по большей части изъ какой-нибудь цвѣтной кожи. На лѣвой полѣ, тоже около воротника, прикрѣпляется изъ такой же кожи петля. Надѣвъ кожухъ, обыкновенно закладываютъ правую полу на лѣвую и застегиваютъ около воротника на вышеупомянутую пуговицу. Женщины носятъ кожухи такого же покроя и съ такими же украшеніями и воротниками.

Въ Подольской губерніи кожухи носятъ такіе же, какъ и въ Кіевской, только кожухъ съ таліей имѣетъ фалды и на плечахъ по швамъ украшается разноцвѣтными шнурками или тесемками. Въ мѣстностяхъ около Днѣстра, какъ мужскіе, такъ и женскіе кожухи украшаются разноцвѣтными шнурками на плечахъ и груди; такіе кожухи большею частію надѣваются только въ праздники и въ другіе торжественные случаи. Кожухи очень рѣдко покрываются сукномъ; въ такихъ кожухахъ воротникъ дѣлается изъ смушка — чернаго или сѣраго, при чемъ правая пола кожуха обшивается съ края узенькою ленточкой изъ барашка.

Въ Волынской губерніи, за исключеніемъ мѣщанъ, которые носятъ разныхъ покроевъ кожухи, т. е. тулубастые, съ таліей, съ фалдами и безъ фалдъ, съ воротниками — стоячими и отложными, крестьяне, какъ мужчины, такъ и женжины, носятъ кожухи трехъ покроевъ: первый покрой похожъ на ихъ свиты съ отложнымъ большимъ воротникомъ. Кожухъ этотъ вышивается тесьмою разнаго цвѣта — на швахъ, плечахъ и груди. Второй — съ таліей безъ фалдъ и малымъ стоячимъ воротникомъ. Онъ также вышивается шнурками и шелкомъ разнаго цвѣта. Третій — съ таліей и малымъ отложнымъ воротникомъ, съ клиньями внизу, называемыми „усиками“. Къ кожухамъ обыкновенно пришивается съ правой стороны, возлѣ воротника, одна кожаная пуговица, съ лѣвой — кожаная петля. Иногда къ кожухамъ съ стоячими воротниками пришивается три пуговицы; одна возлѣ воротника, другая — посрединѣ между таліей и воротникомъ, третья на таліи; такіе кожухи большею частію вышиваются разноцвѣтнымъ шелкомъ и кожаными разноцвѣтными ремешками.

Кожухъ женскій.

Женскій кожухъ отъ мужскаго отличается по покрою еще меньше, чѣмъ верхняя лѣтняя одежда. Въ большинствѣ случаевъ одинъ и тотъ же кожухъ

носитъ мужчина и женщина; а въ особенности это случается въ малозажиточныхъ семействахъ, гдѣ ограниченное состояніе хозяина не дозволяетъ ему имѣть болѣе одного кожуха. Въ Полтавской губерніи женщины носятъ кожухи, извѣстные подъ названіемъ „кожушанки“. Они не длинны, едва доходятъ до колѣнъ. Покрой „кожушанки“ во многомъ напоминаетъ свиту „пошиту до усыківъ“, распространенную между женщинами въ той же мѣстности. Сзади у станка расположено пять складокъ образовавшихся вслѣдствіе вставки, длинныхъ, равнобедренныхъ треугольниковъ въ нижнюю часть кожушанки. Воротникъ около ея маленькій, стоячій, покрытый съ обѣихъ сторонъ мелкимъ чернымъ, или сѣрымъ барашкомъ; точно такимъ же барашкомъ обкладываются и концы рукавовъ. Кожушанка всегда покрывается сверху покупною полосатою матеріею.

Пища Малороссовъ.

Малорусскій народъ употребляетъ пищу почти исключительно растительную; мясная пища—рѣдкость, предметъ роскоши. Только въ большіе праздники, почти всякій Малороссъ употребляетъ мясныя кушанья главнѣйшимъ образомъ изъ свинаго мяса, а осенью баранину; послѣднюю употребляютъ, однако, болѣе зажиточные, которые держатъ достаточное число овецъ. Свинью же старается имѣть почти всякій; откармливаніе ея недорого стоитъ: въ лѣтнее время бурьянъ съ огорода, подъ осень нѣкоторыя огородныя овощы и круглый годъ помои, зимой полба по обмолотѣ хлѣба, — даютъ возможность прокармливать свинью. Убивъ ее къ Рождеству или Пасхѣ, крестьянинъ получаетъ запасъ сала, которое играетъ въ его продовольствіи весьма важную роль. Зажиточные убиваютъ два или три раза въ годъ по свиньѣ.

Овца убивается осенью для овчины, сала (лою), а также потому, что содержать много овецъ въ теченіи зимы крайне невыгодно. Во время зимы, матокъ родившихъ берутъ въ избу, въ которой сами живутъ, разсуждая такъ: „буде гноёкъ, буде й лоёкъ“. Хотя куры имѣются почти у каждаго крестьянина, но только зажиточные иногда употребляютъ ихъ въ пищу. Каждая хозяйка дорожитъ курицей, несущею яйца; куръ, переставшихъ класть яйца, а равно и пѣтуховъ продаютъ, находя всегда запросъ со стороны евреевъ и вообще средняго класса. Точно также и яйца рѣдко употребляются въ пищу, служа предметомъ продажи. Гусей и утокъ разводятъ мало, потому что эта птица требуетъ въ теченіи всей зимы зерноваго корма.

Молочная пища тоже довольно рѣдка у крестьянъ; удой отъ коровъ получается очень малый, потому что ихъ изнуряютъ тяжелыми полевыми работами и даютъ скудный кормъ, особенно въ концѣ зимы и ранней весны. Не всякій хозяинъ имѣетъ корову, а потому, даже далеко не всѣ дѣти употребляютъ въ пищу молоко; большинство ихъ наполняетъ желудки хлѣбомъ и тѣми же ку-

шаньями изъ растительной пищи, которыми питаются и ихъ родители. Получаемое отъ коровъ молоко, хозяйки стараются продавать, если мѣстныя условія тому благопріятствуютъ; если же нѣтъ, то обращаютъ въ масло и сыръ, и первое почти все продаютъ на базарахъ и ярмаркахъ, а второе отчасти, въ особенности передъ масляной. Вообще молочное хозяйство, птица и огородъ составляютъ предметъ исключительнаго вѣдѣнія хозяйки; доходы отъ этихъ статей хозяйка употребляетъ на покупку нарядовъ себѣ и дочерямъ, бубликовъ или другого какого-нибудь лакомства дѣтямъ, а также и того, чего недостаетъ для домашней кухни, какъ-то: посуды, и иногда соли, постнаго масла и проч. Соль, впрочемъ, хозяйки покупаютъ въ небольшомъ количествѣ.

Не только у себя дома, но во всѣхъ помѣщичьихъ экономіяхъ народъ питается тоже растительною пищею. Мясо получаютъ только рабочіе на сахарныхъ заводахъ, и то не въ одинаковой мѣрѣ. У немногихъ заводчиковъ рабочіе получаютъ фунтъ мяса въ день, у многихъ $^1/_2$ ф.; тамъ же, гдѣ подрядчики евреи, мяса дается по $^1/_2$ ф. только въ праздничные дни или два раза въ недѣлю.

Что касается до рыбной пищи, то она тоже народомъ употребляется рѣдко, хотя чаще чѣмъ мясо. Въ дорогѣ крестьянинъ покупаетъ иногда себѣ селедку и „чехонь“; сухая тарань тоже иногда отваривается и употребляется въ пищу. Въ значительные праздники, требующіе постной пищи, болѣе состоятельные крестьяне покупаютъ „просолъ“, т. е. соленыхъ судаковъ, щукъ и проч. Свѣжая рыба употребляется тамъ, гдѣ рыбныя ловли принадлежатъ крестьянамъ, т. е. по большимъ рѣкамъ.

Мы уже сказали, что растительная пища почти исключительно употребляется Малоруссами, поэтому огородъ — предметъ особенной заботливости и попеченія хозяевъ; и иногда (слѣдуетъ отдать имъ справедливость), огородная культура у Малороссовъ весьма удовлетворительна.

Перейдемъ теперь къ указанію предметовъ пищи, способовъ ея приготовленія и времени употребленія.

Огородныя овощи и плоды, употребляемые въ пищу въ сыромъ видѣ: цибуля, часникъ, салатъ, огірки, морква, рѣдька, ріпа, горохъ, дині, кавуны, яблуки, груши, вишни, сливы, лисові ягоды *).

Цибуля (лукъ) употребляется какъ зеленая, такъ и въ луковицѣ, первая весной и лѣтомъ. Обыкновенно ее ѣдятъ съ хлѣбомъ и солью, и это составляетъ общеупотребительный завтракъ и полдникъ; луковицы употребляютъ осенью и

*) Дѣти ѣдятъ, какъ лакомство, ягоды паслена, стебли растенія «козельцы» и кашку цвѣтка «водяная маковка».

зимой, большею частью въ постные дни: лукъ играетъ важную роль, какъ приправа къ кушаньямъ.

Часникъ (чеснокъ) употребляется далеко рѣже, чѣмъ цибуля, и главнѣйшимъ образомъ — луковицами. Обыкновенно, омочивъ „зубокъ“ чеснока въ соль, натираютъ имъ хлѣбъ, что тоже составляетъ иногда завтракъ или полдникъ. Чеснокъ—любимая приправа къ борщу, пампушкамъ, „холодцю“ (студню), колбасамъ и проч.

Салата (салатъ). Весной и лѣтомъ, покрошивши салатъ вмѣстѣ съ лукомъ и посоливши, наливаютъ туда хлѣбнаго квасу („сировцю“) и ѣдятъ. Это составляетъ не только завтракъ и полдникъ, но иногда и обѣдъ. Это кушанье называется „холодцемъ“.

Огірки (огурцы) играютъ важнѣйшую роль въ продовольствіи Малороссовъ. Лѣтомъ они—почти исключительный завтракъ и полдникъ; а во время жатвы, большинство женщинъ только ими и лукомъ и продовольствуются. Иногда они употребляются въ „холодець“, приготовляемый изъ салата.

Рѣдька. Зимою, въ постные дни, она служитъ завтракомъ.

Хрінъ съ квасомъ. Трутъ хрѣнъ, растираютъ его съ солью и постнымъ масломъ, разводятъ бураковымъ квасомъ и ѣдятъ съ хлѣбомъ. Это блюдо подаютъ въ понедѣльникъ первой недѣли великаго поста. Это называется „заправляться хріномъ“.

Морковъ и рѣпа въ сыромъ видѣ составляетъ лакомство; вторая, впрочемъ, разводится довольно рѣдко.

Горохъ въ стручкахъ тоже лакомство, особенно любимое дѣтьми.

Дині и кавуны (дыни и арбузы) обыкновенно крестьянами не разводятся; это составляетъ спеціальность Великоруссовъ-баштанниковъ, хотя въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ, какъ, напримѣръ: въ Уманскомъ уѣздѣ, Кіевской губер., и вообще въ степной полосѣ, разводятъ ихъ и Малороссы. Впрочемъ, по-немногу дынь бываетъ у многихъ хозяекъ. Какъ дыни, такъ и кавуны ѣдятъ съ хлѣбомъ, что составляетъ завтракъ и полдникъ.

Груши и яблоки до 6-го августа считаютъ грѣхомъ употреблять въ пищу. Ѣдятъ съ хлѣбомъ, какъ лакомство. Только въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ разводятся сады, яблоки и груши употребляютъ вмѣсто завтрака и полдника.

Вишни употребляются въ большомъ количествѣ почти во всей Малороссіи. Почти каждый Малороссъ имѣетъ вишневый садокъ, и лѣтомъ очень часто, вмѣстѣ съ хлѣбомъ, онѣ составляютъ полдникъ.

Сливы тоже часто составляютъ завтракъ и полдникъ; но сливъ не такъ много разводится, какъ вишень.

Въ западной части Волынской и Подольской губерніи сады разводятся въ большомъ количествѣ, но сады эти бо́льшею частію сдаются за безцѣнокъ евреямъ въ аренду. Лѣсныя ягоды: *черника, брусника*, въ Полѣсьѣ, гдѣ она растетъ по лѣсамъ, также *суницы, полуницы, ожина* и другія ягоды во всей Малороссіи употребляются только какъ лакомство.

Овощи, употребляемыя въ пищу въ квашенномъ, соленомъ и моченомъ видѣ: капуста, огірки, кавуны, яблоки, вишни, сливы, грузди и рыжики.

Капусту приготовляютъ въ прокъ въ большомъ количествѣ повсемѣстно. Зимой, а также раннею весной, капуста составляетъ обыкновенно завтракъ и полдникъ. Приготовляется она для этого такимъ образомъ: берутъ квашенную капусту, приправляютъ её „оліемъ“ (постнымъ масломъ) и лукомъ, и и ѣдятъ съ хлѣбомъ. Въ великій постъ капуста часто замѣняетъ и обѣдъ, и ужинъ.

Огірки солятся въ меньшемъ количествѣ и большею частью сохраняются въ капустѣ и составляютъ вмѣстѣ съ капустой постоянную пищу въ постные дни. Употребляется въ пищу почти всегда съ капустой. Иногда соленые огурцы рѣжутъ тонкими кусками и подаютъ съ лукомъ, квасомъ и постнымъ масломъ.

Яблоки соленыя и кавуны употребляются только въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ разводятся сады и баштаны. Они почти всегда составляютъ лакомство.

Вишни и сливы бываютъ только изъ-подъ наливки, и то не у крестянъ, а у пановъ, священниковъ и вообще болѣе достаточныхъ классовъ и продаются въ праздничные дни на базарахъ. Парни и дѣвушки лакомятся ими.

Тамъ, гдѣ есть сосновые лѣса, собираютъ въ большомъ количествѣ *рыжики* и *грузди* и солятъ ихъ. Часть ихъ продаютъ, а часть употребляютъ въ пищу на завтракъ, приготовляя съ постнымъ масломъ и лукомъ.

Овощи, употребляемыя въ пищу въ вареномъ, сушеномъ, печеномъ и жаренномъ видѣ: „картопля, капуста, буряки, морква, рипа, горохъ, квасоля, пшеничка, гарбузъ, гриби“.

Картопля (картофель) употребляется вареная, печеная и жареная. Отваривъ картофель, очищаютъ его отъ шелухи и ѣдятъ съ солью, иногда съ солеными огурцами и постнымъ масломъ. Это кушанье употребляется зимою, какъ завтракъ или ужинъ, а въ постъ даже и на обѣдъ.

Печеный картофель употребляется въ разное время, въ особенности пекутъ часто на полѣ во время работъ; также употребляется, какъ завтракъ или ужинъ. *Картофель жарится* или на постномъ маслѣ, или на салѣ и употребляется, какъ особое блюдо за обѣдомъ.

Капуста поджаривается на постномъ маслѣ или на салѣ и тоже составляетъ особое блюдо за обѣдомъ.

Буряки квашенные рѣжутся въ кружочки, поджариваются на постномъ маслѣ и употребляются въ постные только дни, какъ отдѣльное блюдо за обѣдомъ. *Морковь и рѣпа* рѣжутся небольшими кусочками и варятся съ водой и солью; подаются какъ отдѣльное блюдо за обѣдомъ. Однако, эти кушанья употребляются довольно рѣдко.

Горохъ. Сушеный горохъ варится съ водою, въ родѣ гороховаго супа съ постнымъ масломъ, и подается первымъ кушаньемъ за обѣдомъ въ постные дни. *Квасоля* (бобы) употребляется большею частью какъ приправа къ кушаньямъ, изрѣдка же ее отваривают и ѣдятъ за обѣдомъ съ постнымъ масломъ.

Пшеничка (кукуруза) отваривается въ водѣ съ солью; употребляется лѣтомъ въ пищу, какъ особое кушанье или ужиномъ.

Грибы—любимое кушанье Малоруссовъ; само собою разумѣется, они играютъ значительную роль въ пищѣ,—въ лѣсныхъ мѣстностяхъ. Они употребляются какъ приправа къ кушаньямъ, а также употребляютъ ихъ самостоятельно—отваренные, печеные и жареные. Собственно грибы бѣлые сушатся и продаются. Наиболѣе употребительны: *опеньки, баяки, масляки, сероіжки, печориці* и проч. Жаренные употребляются рѣдко.

Сушеныя *яблоки, груши, сливы* и *вишни* отвариваются только на „кутю", что̀ называется „узваромъ"; впрочемъ, отваренныя, сушеныя груши продаются иногда на базарахъ въ праздники.

Насіння. Подсолнечныя и арбузныя сѣмячки составляютъ любимое лакомство молодежи. Приготовляются какъ дома, такъ равно и покупаются на базарахъ.

Кушанья мясныя и рыбныя, употребляемыя въ сыромъ видѣ.

Свиное соленое сало—любимѣйшее кушанье Малоруссовъ. Это главная приправа при многихъ печеньяхъ и вареньяхъ. Самостоятельно оно тоже часто употребляется на завтракъ или полудникъ, а въ дорогѣ и во время спѣшныхъ полевыхъ работъ — вмѣсто обѣда. Но оно все-таки составляетъ придаточное; съ маленькимъ кусочкомъ сала съѣдаютъ очень много хлѣба, иногда имъ смазывается только корочка въ хлѣбѣ, и это считается—ѣсть сало съ хлѣбомъ.

Чехоня (чехонь) и *оселедець* (селедка)—любимѣйшая солёная рыба Малоруссa. Ею почти исключительно продовольствуются въ дорогѣ, а иногда и въ „косовицю", но вообще это считается лакомымъ кушаньемъ, недоступнымъ для частаго употребленія.

Вяленая рыба. Въ мѣстностяхъ изобилующихъ рыбою, послѣднюю обсоливъ

вялятъ на солнцѣ и въ такомъ видѣ употребляютъ на завтракъ и полдникъ, а также при работахъ вмѣсто обѣда.

Молочная пища.

Молоко, какъ выше сказано, употребляется рѣдко, чаще топленое; главнымъ образомъ, какъ приправа, и рѣдко какъ самостоятельное кушанье.

Сметана тоже употребляется какъ приправа.

Сыръ (творогъ) самостоятельно употребляется рѣдко; большею частью—съ примѣсью сметаны или молока, и тогда такое кушанье называется „колотушей".

Ряжанка (варенецъ) приготовляется такъ: оттапливается молоко и подъ пѣнку пускается двѣ ложки сметаны. Употребляется на завтракъ, полдникъ, ужинъ, а также какъ самостоятельное кушанье за обѣдомъ.

Масло употребляется довольно рѣдко, можно сказать, что только на Сырной недѣлѣ, и то какъ приправа къ кушаньямъ.

Молозиво пекутъ, рѣжутъ на куски и ѣдятъ.

Сколотини — употребляется съ хлѣбомъ на завтракъ и полдникъ.

Жидкія кушанья, приготовляемыя на обѣдъ и ужинъ.

Борщъ—почти ежедневная пища Малороссовъ; у него безъ борщу и обѣдъ не въ обѣдъ. Борщъ бываетъ скоромный и постный. Приготовляется главнымъ образомъ такъ: наливаютъ въ горшокъ бураковаго квасу или „сыровцю", вливаютъ воды столько, чтобы не было кисло, солятъ и ставятъ въ печь, чтобы закипѣло. Поставивши борщъ въ печь, крошатъ небольшимъ длиннымъ кусочкомъ капусту и бураки, и когда онъ разъ закипитъ, бросаютъ покрошенную капусту и бураки, а также „квасолю", картофель, потомъ, когда все это опять закипитъ, „затовкуютъ" саломъ съ лукомъ, накрываютъ горшокъ покрышкой и ставятъ въ легкую печь „упріть". Въ постные дни, вмѣсто сала, кладутъ постное масло, поджаренное съ лукомъ, и иногда грибы и рыбу. Такъ борщъ приготовляютъ большую часть года. Богатые люди, по воскресеньямъ и праздникамъ, кладутъ въ борщъ говядину—свинину или баранину, иногда даже курицу, бѣдные же — только въ большіе праздники. Весной, вмѣсто капусты и бураковъ, кладутъ разную зелень: щавель, крапиву, лебеду и проч., лѣтомъ — молодую „квасолю" въ стручкахъ, осенью — свѣжую капусту и бураки; вообще лѣтомъ борщъ болѣе разнообразится, чѣмъ зимою. Подавая на столъ, иногда борщъ „забѣлюється" сметаной, а также нѣкоторые кладутъ стручковый перецъ.

Капуста приготовляется такъ: набираютъ шинкованной капусты почти полный горшокъ, наливаютъ водой, кладутъ горсти двѣ пшена; когда закипитъ,

„затовкують“ саломъ съ лукомъ и ставятъ въ печь накрывши крышкой, „щобъ упріло“. Богатые люди кладутъ въ капусту свинину. Въ постъ, вмѣсто сала, кладутъ постное масло, а иногда также и грибы. Употребляютъ вмѣсто борща.

Сверіпа, лободянка. Парятъ лебеду, потомъ рубятъ ее мелко, кладутъ въ горшокъ, налитый водой, всыпаютъ горсти двѣ или три пшена, кладутъ соль и варятъ, пока не укипитъ пшено и лебеда. Въ это кушанье кладутъ сало или рыбу.

Юшка (супъ). Варятъ картофель съ водою и солью и „затовкують“ саломъ съ лукомъ. Иногда, богатые кладутъ въ юшку мясо или потроха изъ гуся. Въ постные дни, вмѣсто сала, кладутъ „олій“ и иногда соленую рыбу.

Юшка съ рыбою (уха). Рыбу наливаютъ водой, кладутъ немного картофеля и соли, и такъ варятъ. Сверіпа и юшка чаще варятся на ужинъ.

Кулішъ, крупникъ (жидкая кашица). Смывши пшено или крупу, насыпаютъ ихъ въ горшокъ до $^1/_3$ и менѣе, смотря по тому, какой хотятъ сварить кулішъ, густой или жидкій, доливаютъ водой, бросаютъ соль и варятъ, пока хорошо не укипитъ; потомъ „затовкують“ его саломъ съ лукомъ, или же, подавая, кладутъ жаренное небольшими кусочками сало; въ постный день, вмѣсто сала, кладутъ „олій“. Вообще кулішъ употребляется на ужинъ. Иногда кулішъ дѣлаютъ на молокѣ, тогда онъ называется „молочна каша“, иногда на сколотинахъ— называется „сколотчиный кулішъ“; на сывороткѣ—„сыворотчаный кулішъ“. Эти три вида куліша чаще употребляются на обѣдъ.

Полева каша играетъ важную роль въ жизни Малорусса. Во время полевыхъ работъ, какъ-то: оранки, косовицы, жнивъ, часто варятъ эту кашу, а чумаки въ дорогѣ приготовляютъ ее ежедневно. Варится она въ „казанку“ (котелкѣ), повѣшенномъ на шестѣ, лежащемъ на двухъ сошкахъ; въ дорогѣ же для этого употребляютъ треножекъ: онъ состоитъ изъ трехъ нетолстыхъ двух-аршинныхъ шестовъ, связанныхъ вверху, сквозь сдѣланныя въ нихъ отверстія, веревкой; вверху на веревкѣ прикрѣпленъ крючокъ, на который привѣшивается котелокъ, причемъ, само собою разумѣется, треножекъ устанавливается такъ, что шесты составляютъ какъ бы рёбра трехгранной пирамиды. „Полева“ каша приготовляется такъ: наливаютъ въ котелокъ воды, кладутъ мясо (баранину, или поросенка, или потроха бараньи или воловьи) и соль; когда мясо нѣсколько уварится, прибавляютъ небольшое количество гречневыхъ или пшенныхъ крупъ, и затѣмъ, когда каша готова, затираютъ ее саломъ съ лукомъ. Иногда подобная же каша приготовляется и безъ мяса (въ дорогѣ), только затирается саломъ и, кромѣ крупъ, кладется картофель. Въ постные дни мясо замѣняется большею частью сушеною таранью, а сало постнымъ масломъ. Приготовленная на открытомъ воздухѣ, каша эта очень вкусна, почему даже паны, выѣзжающіе лѣтомъ на гулянье, часто приготовляютъ ее для себя.

Зубні Обтолченный ячмень варятъ прежде въ водѣ, потомъ два раза кипятятъ его въ молокѣ изъ конопляного сѣмени. Употребляется на обѣдъ.

Путря. Варятъ ячменную „кутю“, потомъ высыпаютъ ее въ „ночви“, обсыпаютъ ржанымъ солодомъ, перемѣшиваютъ хорошенько, складываютъ въ кадушку, наливаютъ квасомъ и ставятъ на сутки въ теплое мѣсто. Употребляютъ въ постъ на обѣдъ.

Таратура. Берутъ свѣжіе бураки, очищаютъ, рѣжутъ кружками и варятъ; когда сварятся, кладутъ въ макотру, крошатъ туда соленые огурцы кружками, смѣшиваютъ съ хрѣномъ, лукомъ и постнымъ масломъ, наливаютъ на это огуречный разсолъ пополамъ съ бураковымъ отваромъ и ставятъ въ холодное мѣсто на сутки. Употребляютъ на ужинъ и завтракъ.

Тетеря. Берутъ гречневое тѣсто, разбалтываютъ, какъ для блиновъ, сыплютъ ровное съ мукой количество пшена; посоливши, варятъ и кладутъ масло или „олій“. Употребляется на обѣдъ и на ужинъ. Подъ именемъ „тетери“ разумѣютъ также кушанье, приготовленное изъ сушенаго хлѣба (сухарей), кваса и луку. Употребляютъ его на завтракъ и полдникъ.

Галушки пшеничныя. Замѣсивши тѣсто, бросаютъ его кусками небольшими въ посоленный кипятокъ, или же раскатываютъ тѣсто, рѣжутъ большими кусками и бросаютъ въ кипятокъ; когда закипитъ, затираютъ саломъ или кладутъ жареное сало, а въ постные дни вмѣсто сала олій.

Галушки гречания. Взбалтываютъ гречневую муку довольно густо и потомъ бросаютъ ложкою въ посоленный кипятокъ. Когда сварятся, подаютъ съ саломъ или съ „оліемъ“.

Галушки въ квасу. Наливаютъ въ горшокъ бураковаго квасу пополамъ съ водой, кладутъ поджаренный съ лукомъ олій и ставятъ въ печь; когда хорошо закипитъ, бросаютъ гречневыя галушки, а иногда и ржаныя. Галушки чаще употребляются на ужинъ.

Локшана (лапша). Мѣсятъ тѣсто пшеничное съ яйцами, раскатываютъ въ тонкій коржъ (круглый пластъ), даютъ немного подсохнуть, свертываютъ широкою лентой, рѣжутъ узкими полосками и варятъ съ водой или съ молокомъ. Подавая на столъ, въ локшану, вареную съ водой, кладутъ поджаренное сало; въ постные дни—олій. Локшана играетъ важную роль на свадебныхъ и поминальныхъ обѣдахъ.

Затірка. Берутъ пшеничную муку, замѣшиваютъ круто съ яйцами, рубятъ это тѣсто очень мелко, катаютъ кусочки въ форму шариковъ, кладутъ въ просоленный кипятокъ, и когда сварится, подаютъ съ саломъ или оліемъ. Затирка употребляется на ужинъ.

Каша. Берутъ муку ржаную, гречневую и солодъ, кладутъ въ кадушку, разводятъ теплою водой, даютъ полчаса или часъ постоять, чтобы посоло-

дѣла; кипятятъ сильно другую воду, разводятъ ею приготовленную массу такъ, чтобы она была болѣе или менѣе жидкая, смотря по вкусу приготовляющаго; ставятъ въ теплое мѣсто, чтобы нѣсколько окисла; послѣ варятъ въ горшкѣ и, вскипятивши, подаютъ. Она употребляется въ посты, какъ на обѣдъ, такъ и на ужинъ.

Соломаха. Берутъ гречневое прѣсное тѣсто, разбалтываютъ его довольно жидко водой, опускаютъ въ соленый кипятокъ и варятъ, помѣшивая. Подавая, кладутъ въ нее масло или олій. Это было одно изъ употребительнѣйшихъ кушаньевъ козаковъ во время походовъ.

Узваръ. Берутъ сухихъ грушъ, яблокъ, сливъ, вишень, наливаютъ ихъ кипяткомъ, накрываютъ горшокъ крышкой и варятъ на легкомъ огнѣ, пока хорошо упрѣетъ; ѣдятъ почти холодный. Готовится только на вечеръ 24, 31 декабря и 5 января.

Густыя кушанья.

Каша. Она бываетъ пшенная, гречневая, ячная, овсяная; напчаще употребляется пшенная и гречневая. Приготовляется, какъ и вездѣ въ Россіи, и составляетъ необходимую принадлежность обѣда. Ѣдятъ съ саломъ, съ молокомъ или оліемъ. Иногда каша варится съ горохомъ и макомъ.

Кутя. Ячмень, очищенный отъ шелухи, варятъ, какъ кашу. Ѣдятъ съ саломъ, съ молокомъ; 24, 31 декабря и 5 января кутя, какъ и узваръ, играютъ главную роль. Въ это время кутю ѣдятъ съ медомъ, разведеннымъ водою (ситой). Кутю приготовляютъ иногда и изъ пшеницы.

Голубці. Берутъ пшенную кашу, заворачиваютъ въ листья капусты и поджариваютъ на постномъ маслѣ или варятъ въ горшкѣ. Употребляется на обѣдъ.

Картопля зъ макомъ. Очистивши картофель, варятъ его въ соленой водѣ, потомъ сливаютъ воду прочь, трутъ въ макотрѣ, пересыпаютъ толченымъ макомъ, кладутъ въ макотру и ставятъ въ печь, чтобы зажарилась. Употребляется на обѣдъ.

Гарбузъ вареній. Очищаютъ тыкву, крошатъ въ горшокъ, наливаютъ водой, ставятъ въ печь; когда сварится, растираютъ, кладутъ пшено и опять варятъ, пока не будетъ готово. Кладутъ также молоко и масло. Употребляется на обѣдъ.

Хоми съ конопляным сѣменемъ. Сваривши горохъ съ солью, растираютъ въ макотрѣ, кладутъ въ него толченое и просѣянное чрезъ рѣшето конопляное сѣмя; смѣшавъ хорошо эту массу, катаютъ въ большія пампушки, складываютъ въ миску и ставятъ минутъ на десять въ печь. Ѣдятъ за обѣдомъ горячіе.

Кисіль. Берутъ овсяную муку, кладутъ въ горшокъ, разводятъ теплою водой, кладутъ туда кислаго тѣста, ставятъ на печь, чтобы подвзошло тѣсто; про-

цѣживаютъ потомъ чрезъ сито, кладутъ въ горшокъ, варятъ. Давъ остыть, подаютъ съ молокомъ или ситой. Употребляется довольно рѣдко, на обѣдъ въ праздники.

Бузиновий кисіль. Берутъ ягоды бузины, чистятъ ихъ и, перечистивши, всыпаютъ въ „ночви", перетираютъ съ ржаною мукой; потомъ кладутъ плотно въ горшокъ, наливаютъ кипяткомъ, варятъ часа $1^1/_2$, потомъ ставятъ въ печь, иногда на цѣлую ночь, чтобы упрѣлъ. Ѣдятъ съ медомъ и безъ меда.

Калиновий кисіль дѣлаютъ такъ же, какъ и бузиновый, только вмѣсто ржаной муки, обваливаютъ пшеничною; косточекъ не вынимаютъ. Употребляютъ въ праздники, а бузиновый только лѣтомъ, когда поспѣетъ бузина.

Маковники. Варятъ медъ, снимая пѣну; кладутъ макъ и варятъ, пока сдѣлается густъ и крѣпокъ; потомъ смачиваютъ столъ, выливаютъ это на столъ и когда застынетъ, рѣжутъ на тонкіе четырехугольные куски; иногда вкладываютъ въ маковники лѣсные орѣхи. Употребляется, какъ лакомство.

Лемішка. Въ соленый кипятокъ всыпаютъ гречневую муку и мѣшаютъ хорошо, чтобы не осталось гдѣ муки; тогда засовываютъ въ печь, чтобы упрѣла. Ѣдятъ съ поджареннымъ саломъ или молокомъ.

Лемішка съ конопляними сімямъ. Дѣлаютъ лемішку какъ обыкновенно, толкутъ сѣмя конопляное и катаютъ лепешки, сдѣланныя изъ лемішки, складываютъ ихъ въ макотру и ставятъ въ печь, чтобы зажарились. Употребляютъ на обѣдъ.

Вареники дѣлаются съ сыромъ, съ макомъ, съ капустой, съ „урдою" (выжимки конопли или мака), съ разными ягодами, преимущественно вишнями. Приготовляются такъ: берутъ пшеничную или гречневую муку, замѣшиваютъ на водѣ густо, раскатываютъ на столѣ скалкой, рѣжутъ четырехугольниками, накладываютъ въ средину каждаго куска вышесказанный фаршъ и залѣпливаютъ, вслѣдствіе чего они принимаютъ форму трехугольниковъ; варятъ въ кипяткѣ. Вареники съ сыромъ ѣдятъ съ поджареннымъ саломъ или сметаной; вареники съ ягодами ѣдятъ безъ приправъ или со сметаной, или съ медомъ; вареники съ капустой и урдою — съ постнымъ масломъ; вареники съ макомъ — съ медомъ. Употребляются обыкновенно на обѣдъ; на масляной ѣдятъ вареники почти каждый день.

Варенищі. Тѣсто приготовляется какъ на вареники, рѣжется небольшими четырехугольниками и варится въ водѣ. Сливъ воду, ѣдятъ съ саломъ или со сметаной. Употребляются на обѣдъ, иногда на ужинъ.

Пизи. Изъ кислаго гречневаго тѣста выкатываютъ довольно большіе шарики, бросаютъ въ кипятокъ и варятъ. Ѣдятъ съ чеснокомъ, перетертымъ съ оліемъ. Употребляются на обѣдъ.

Мамалига. Дѣлаютъ изъ кукурузной муки кашу и употребляютъ съ мо-

локомъ или масломъ. Употребляется въ сѣверо-западной части Подольской губерніи на обѣдъ и ужинъ.

Мясныя, жареныя и вареныя кушанья.

Мясо жарятъ большею частью свиное и частью—баранье. Изъ птицъ наичаще жарятъ куръ; утокъ же и гусей—очень рѣдко; даже можно сказать, что гусей почти не употребляютъ для себя; иногда жарятъ голубей, но ихъ не рѣжутъ, а душатъ. Обыкновенно жарятъ на салѣ, исключая баранины, которая жарится въ собственномъ салѣ.

Жареный поросенокъ употребляется чаще, чѣмъ птица, а на праздникъ Пасхи считается непремѣнною принадлежностью пасхальнаго стола, при чем ему въ зубы кладутъ хрѣнъ. Поросенокъ на Пасху обыкновенно фаршируется кашей съ потрохами самого поросенка.

Поребрина. Поджариваютъ свиную поребрину съ лукомъ и капустой; иногда поджаренную съ лукомъ наливаютъ бураковымъ квасомъ и варятъ; когда будетъ готова — подаютъ.

Колбасы приготовляются такъ: рѣжутъ въ куски свиное сало, посыпаютъ солью, перцемъ и набиваютъ этимъ свиныя кишки, опекаютъ ихъ въ печи, а передъ подачею на столъ — дожариваютъ.

Кишки. Набиваютъ большія, свиныя кишки пшенною кашей, иногда вареною на молокѣ, и жарятъ потомъ на салѣ; или же набиваютъ кишки обваренными гречневыми крупами вмѣстѣ съ саломъ, а потомъ жарятъ на салѣ; изрѣдка начиняютъ тѣстомъ изъ муки и молока.

Кендюхъ (свиной желудокъ). Берутъ грудину, гдѣ сало проросло мясомъ, рѣжутъ въ куски, перемѣшиваютъ съ солью, перцемъ и мелко изрубленнымъ лукомъ и начиняютъ кендюхъ; потомъ жарятъ и подаютъ холодный или горячій. *Вареный кендюхъ* начиняютъ мясомъ варенной свиной головы, посыпаннымъ солью и перцемъ; все это варится въ томъ бульонѣ, въ которомъ кипѣла голова, потомъ застуживается.

Свиняча печинка съ часникомъ. Отвариваютъ печенку сваренную, рѣжатъ въ длинные, тонкіе куски; трутъ чеснокъ съ свинымъ саломъ, обливаютъ этимъ печенку, сложивши ее прежде на сковороду; присыпавши тертымъ пшеничнымъ хлѣбомъ, ставятъ въ печь, чтобы зажарилась.

Шпундра съ буряками. Поджаренную съ лукомъ свиную грудину рѣжутъ вмѣстѣ съ бураками въ видѣ шпека; потомъ кладутъ въ горшокъ, наливаютъ бураковаго кваса, сыплютъ немного муки и варятъ. Употребляется весьма рѣдко.

Рубцы. Берутъ изъ барана рубцы, очищаютъ, вымываютъ чистою водой, рубятъ въ мелкіе куски и варятъ; иногда къ нимъ прибавляютъ еще баранья кишечки, фаршированныя пшенною кашей. Употребляется довольно рѣдко на обѣдъ.

Драглі изъ свиныхъ ногъ, головы или изъ рыбы. Варятъ свиную голову или ноги, или же рыбу въ горшкѣ, солятъ, потомъ вынимаютъ мясо, очищаютъ отъ костей, кладутъ въ тотъ бульонъ, въ которомъ варилось, и захолаживаютъ; когда застынетъ—подаютъ. Рыбу захолаживаютъ не очищая отъ костей. Часто кладутъ въ драгли чеснокъ. Драгли изъ свиныхъ ногъ почти каждый Малороссъ считаетъ необходимымъ блюдомъ на заговѣнье, передъ масляной; почему заговѣны эти носятъ названіе „ножкове пущенне".

Яечня. Кладутъ на сковороду сало, иногда съ колбасой, поджариваютъ немного; потомъ разбиваютъ яйца и выпускаютъ ихъ на сковороду въ сало, жарятъ, пока будетъ готова. Иногда „яечня" приготовляется такъ: выпускаютъ въ миску яйца, разбалтываютъ, кладутъ пшеничную муку, разводятъ молокомъ и жарятъ, мѣшая ложкой. Употребляютъ на закуску большею частію. Яйца вареныя употребляютъ очень рѣдко; на праздникъ Пасхи „крашанки" (яйца вареныя и окрашенныя) считаютъ священною обязанностію имѣть. Поздравляя другъ друга или даже и пановъ съ праздникомъ, непремѣнно даютъ окрашенное яйцо.

Рыба свѣжая жарится на салѣ или на оліѣ; солёная—жарится точно также, только ее всегда прежде вымачиваютъ нѣсколько часовъ въ водѣ. *Раки* варятся въ соленой водѣ и употребляются безъ всякихъ приправъ. Рыбу свѣжую и раки употребляютъ только живущіе по берегамъ рѣкъ; соленая же въ великіе праздники часто жарится.

Вообще жареная и вареная мясная пища употребляется весьма рѣдко, развѣ только по большимъ праздникамъ; но зажиточные козаки и мѣщане употребляютъ мясную пищу довольно часто и въ этомъ случаѣ мало рознятся отъ сельскихъ священниковъ и мелкихъ пановъ.

Печенья изъ тѣста.

Хлібъ. Разводятъ муку теплой водой и даютъ прокиснуть, потомъ добавляютъ муку и замѣшиваютъ очень густо; когда взойдетъ, выдѣлываютъ хлѣбы и пекутъ. Муку обыкновенно хорошо просѣиваютъ, такъ что хлѣбъ бываетъ замѣчательно бѣлъ и вкусенъ.

Паляниці дѣлаются также, только тѣсто для нихъ замѣшиваютъ гораздо рѣже. Иногда въ паляницы кладутъ ягоды калины, и тогда ихъ называютъ „калинникъ".

Книши. Для нихъ тѣсто приготовляется такъ же, какъ и на хлѣбъ, только ихъ выдѣлываютъ ложкою, обмоченной въ сало или олій, такъ что они сверху похожи на цвѣтокъ подсолнечника. Книши почти всегда приготовляются изъ пшеничной муки, ихъ обыкновенно пекутъ передъ Рождествомъ; только очень бѣдные люди пекутъ ржаные книши.

Перепічка дѣлается изъ тѣста, приготовленнаго для хлѣба: пекутъ тонкимъ пластомъ на сковородѣ съ саломъ или оліемъ.

Пампушки тоже дѣлаютъ изъ тѣста, приготовленнаго на хлѣбъ, а иногда изъ пшеничнаго кислаго тѣста; имѣютъ видъ небольшихъ рѣзанныхъ лепешекъ; ѣдятъ съ оліемъ, смѣшаннымъ съ чеснокомъ.

Гречаники. Запариваютъ горстей шесть ржаной муки въ кипяткѣ; когда захолодѣетъ, кладутъ кислое тѣсто или дрожжи, потомъ всыпаютъ гречневую муку и мѣсятъ очень рѣдко; когда взойдетъ, сажаютъ въ печь, не выдѣлывая, какъ хлѣбъ или паляниці.

Стовбці. Гречневое кислое тѣсто кладутъ въ кухлики, вымазанные въ срединѣ постнымъ масломъ, и пекутъ. Ѣдятъ съ оліемъ. (Кухликъ есть глиняный стаканчикъ съ полудой, имѣющій дно менѣе верхняго отверстія).

Млинці (блины) дѣлаютъ изъ гречневой муки, ѣдятъ съ саломъ или сметаной, или же съ оліемъ. „Млинці“ наичаще употребляются на масляной на завтракъ и на обѣдъ.

Коржи. Замѣшиваютъ прѣсное, пшеничное тѣсто, раскатываютъ его тонко и сажаютъ въ печь. Ѣдятъ приправленные съ тертымъ макомъ и медомъ. Иногда коржи дѣлаютъ на маслѣ или на салѣ, тогда ѣдятъ безъ приправъ. Коржи дѣлаются также съ медомъ, и тогда они называются медовими шуликами.

Пироги дѣлаются изъ кислаго тѣста—пшеничнаго или ржанаго; въ средину кладутъ сыръ, мясо, печенку рубленую, кашу, кашу съ рыбой соленой, рыбу, горохъ, капусту, макъ, ягоды и яблоки.

Булки. Замѣсиваютъ пшеничное тѣсто, и когда подойдетъ опара, мѣсятъ круто, иногда кладутъ въ средину яйца; замѣсивши, даютъ взойти, потомъ дѣлаютъ булки и пекутъ. Булки пекутъ очень зажиточные, и то въ большіе праздники. Въ мѣстечкахъ Евреи продаютъ булки изъ 2 или 3 сорта муки, которыя во время базаровъ, а также на ярмаркахъ, покупаются крестьянами, какъ лакомства.

Бублики дѣлаются изъ такого же тѣста, какъ и булки: выкатывается тѣсто тонко, даютъ ему форму кольца, присыпаютъ иногда макомъ, или солью, или черенушкой, обвариваютъ и потомъ пекутъ. Бублики бываютъ съ яйцами, или съ оліемъ. Въ домашнемъ быту ихъ не пекутъ, а есть особыя мастерицы, которыя пекутъ и продаютъ ихъ на базарахъ, а во время великаго поста продаютъ и возлѣ церквей даже на селахъ.

Пасха. Дѣлаютъ опару на молокѣ, у кого же нѣтъ молока, то берутъ пшеничные высѣвки, запариваютъ ихъ кипяткомъ, и когда остынетъ, кладутъ дрожжи и процѣживаютъ чрезъ сито; далѣе, прибавивъ къ опарѣ муки, взбиваютъ яйца, мѣсятъ, кладутъ имбирь жолтый и бѣлый, жолтый—для красы, а бѣлый—для духу, а также настойку на шафранѣ и выдѣлываютъ хлѣбы, сверху которыхъ кладутъ изъ тѣста кресты и „шишки“, и ставятъ на тепломъ мѣстѣ, пока подвзой-

дутъ, тогда сажаютъ въ печь. Пасха всегда дѣлается изъ пшеничной или крупичатой муки и приготовляется только къ празднику Пасхи.

Коровай дѣлаютъ изъ пшеничнаго тѣста, какъ обыкновенную булку, но только большихъ размѣровъ, потомъ накладываютъ сверху, выдѣланные изъ того же тѣста, шишки, голубцы, и т. под., и пекутъ.

Верчь дѣлается такъ же, какъ и коровай, съ такими же украшеніями, но только далеко меньшихъ размѣровъ и всегда почти изъ ржаной муки. Коровай и верчь пекутъ только на свадьбахъ.

Пряники сами не пекутъ, а покупаютъ на базарахъ. Они имѣютъ различныя формы: пѣтушковъ, двухглавыхъ орловъ, кониковъ и проч. Они употребляются какъ лакомство.

Въ заключеніе не можемъ не упоминуть о *стильникахъ*, т. е. о медѣ въ сотахъ. Тѣ, у которыхъ есть пасѣки, употребляютъ эти соты на завтракъ и на полдникъ въ Успенскій постъ, когда бьютъ пчелъ.

Напитки.

Напитки раздѣлить слѣдуетъ на два разряда: прохладительные и спиртуозные.

Прохладительные.

Сыровецъ. Изъ ржаныхъ отрубей дѣлаютъ прѣсное тѣсто, сушатъ въ печи; когда высохнетъ, ломаютъ въ куски, кладутъ въ кадку, наливаютъ кипяткомъ, такъ чтобы подняло хлѣбъ, даютъ часовъ шесть солодѣть; потомъ мѣшаютъ и кладутъ кислое тѣсто; затѣмъ оставляютъ на сутки играть и закисать. Когда выиграется, разводятъ холодною водой и пьютъ, когда отстоится.

Квасы дѣлаютъ изъ груши и яблокъ. Дикія груши пекутъ, а яблоки оставляютъ сырыми, кладутъ въ бочки съ водой, но всегда отдѣльно — и ставятъ въ погребъ. Грушевый квасъ бываетъ готовъ черезъ 2 мѣсяца, а яблочный — черезъ 3. Надо замѣтить, что тотъ и другой квасъ бываетъ только у зажиточныхъ.

Березовый сокъ получается въ мартѣ такъ: просверливаютъ въ березѣ дыру, вершка въ 2 глубиною, вставляютъ въ нее дудку изъ бузины, подъ дудку ставятъ ведро, и этотъ сокъ пьютъ. Зажиточные приготовляютъ изъ него квасъ такимъ образомъ: собираютъ сокъ въ бочку, кладутъ въ него вощины, дубовую кору, ячмень или поджареный горохъ, или горячій ржаной хлѣбъ, ставятъ въ амбарѣ — черезъ полторы недѣли квасъ уже готовъ. Квасъ изъ *кленоваго сока* приготовляется также.

Спиртуозные.

Брага изъ просянаго солода. Берутъ просяной солодъ, запариваютъ густо кипяткомъ, даютъ часовъ 8 солодѣть; потомъ разводятъ холодною водой, процѣживаютъ чрезъ сито, сливаютъ въ боченки и ставятъ въ холодное мѣсто на сутки. Приготовляютъ довольно рѣдко, и то не въ домашнемъ быту. Покупаютъ во время ярмарокъ и базаровъ.

Медъ. Берутъ чистый медъ, разводятъ, по желанію, водой, наливаютъ въ котелъ (казанъ) или горшокъ, доливаютъ водой и варятъ. Когда хорошо уварится, кладутъ хмѣль; потомъ сливаютъ въ боченки, ставятъ въ погребъ, чтобы выгрался. Чѣмъ дольше стоитъ медъ въ погребѣ, тѣмъ онъ бываетъ лучше. Медъ приготовляютъ для себя только пасѣчники; въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, во время храмовыхъ праздниковъ, варятъ медъ братчиной и продаютъ въ пользу церкви; вообще медъ теперь въ маломъ употребленіи и въ рѣдкихъ корчмахъ есть въ продажѣ.

Пиво сами не варятъ, а покупаютъ въ корчмахъ. Употребляетъ большею частію молодежь во время гулянья въ праздничные дни.

Водка играетъ важную роль въ жизни Малоросса; ее пьютъ не только мужчины, но даже женщины и дѣти.

Наливки. Накладываютъ три четверти боченка какими-нибудь ягодами, особенно: вишнями, сливами, терномъ, рябиной, черемухой, а иногда и грушами и доливаютъ хорошею водкой. Мѣсяца черезъ $1^1/_2$ наливку можно пить. Наливка носитъ названіе отъ той ягоды, на которой она настояна. Наливки приготовляютъ для себя только очень зажиточные козаки.

Настойки. Въ хорошую водку кладутъ калганъ, анисъ и проч.; ставятъ въ теплое мѣсто, а чтобы скорѣе настоялась, ставятъ и въ горячую печь. Настойка по спеціи получаетъ и названіе. *Кусака.* Главную роль въ этой настойкѣ играетъ перецъ, кладутъ также инбирь и кардамонъ и др. *Березовка.* Настойка на березовыхъ почкахъ считаютъ полезною для желудка а равно прикладываютъ и къ ранамъ, происшедшимъ отъ порѣза острымъ орудіемъ. *Запіканка.* Берутъ инбирь, стручковый перецъ, корицу, гвоздику, мушкатъ, кардамонъ, лимонную корку; всего этого — $^1/_2$ фунта на ведро хорошей водки; вливаютъ водку съ этими приправами въ горшокъ; горшокъ закрываютъ хлѣбною коркой и замазываютъ плотно тѣстомъ, и ставятъ на 12 часовъ въ горячую печь; чтобы не сорвало крышки, накладываютъ сверху кирпичъ. Вынувши изъ печи, даютъ остынуть, и тогда разливаютъ въ бутылки. *Варенуха.* Употребляютъ припасы тѣже, что и для *узвара* (см. выше, узваръ), наливаютъ ихъ водкой, кладутъ медъ по вкусу и немного стручковаго перца,

закупориваютъ какъ запеканку и ставятъ на 12 часовъ въ горячую печь. Варенуха горячая вкуснѣе холодной.

Всѣ настойки, а также запеканка и варенуха, приготовляются только очень зажиточными козаками. Варенуха составляетъ почти всегда необходимую принадлежность свадебъ, крестинъ и поминокъ.

Говоря о напиткахъ, мы не можемъ не коснуться употребленія чая. Въ послѣднее время чай все болѣе и болѣе входитъ въ употребленіе между зажиточными козаками, мѣщанами и крестьянами. Въ мѣстечкахъ въ нѣкоторыхъ корчмахъ евреи торгуютъ чаемъ, какъ напиткомъ, и имѣютъ хорошій сбытъ.

Выше мы изложили тѣ виды пищи, которые употребляются Южно-руссами; теперь скажемъ нѣсколько словъ объ употребленіи пищи по отношенію къ времени. Въ теченіи лѣтняго дня, Малоруссъ ѣстъ четыре раза, а зимою—три. Лѣтомъ Малоруссъ встаетъ въ 3 часа утра и отправляется на работу, ничего не ѣвши, въ 6 или въ 7 часовъ онъ „снідає“ (завтракаетъ), въ 10—11 часовъ—обѣдаетъ, въ 4 или 5 часу—„полуднує“ (полдничаетъ) и въ 9 часу „вечеряє“ (ужинаетъ). Завтракъ у Малорусса лѣтомъ и зимою состоитъ большею частію изъ невареной пищи и почти всегда изъ овощей; обѣдъ лѣтомъ и зимою обыкновенно состоитъ изъ 2-хъ блюдъ: одного жидкаго, другого густаго полдникъ точно такъ же, какъ и завтракъ, изъ хлѣба и овощей; ужинъ состоитъ иногда изъ разогрѣтыхъ остатковъ обѣда, или же для ужина приготовляется одно горячее кушанье, почти всегда жидкое.

Народныя увеселенія.

Корчма—это народный клубъ: сюда сходятся въ часы досуга мужчины и женщины и заводятъ дружескія бесѣды съ знакомыми и пріятелями, которые приходятъ въ корчму не съ тою цѣлью, чтобы выпить и закусить на свой или чужой счетъ, но больше являются съ намѣреніемъ людей посмотрѣть и себя показать, и выходятъ оттуда всегда почти, если не въ пьяномъ видѣ, то, по крайней мѣрѣ, выпивши. Безъ этого нельзя: гостепріимная натура Малоросса заставляетъ его, встрѣтившись въ корчмѣ съ знакомыми и пріятелями, поднести имъ, если есть деньги, по рюмкѣ вина; а потчуя ихъ, нельзя безъ того обойтись, чтобы и самому не выпить. „Для милаго друга“,—говоритъ народная пословица,—„хоть и вола зъ плуга“. Да при томъ же безъ водки и бесѣда какъ-то не клеится. Угрюмый и скрытный Малоруссъ, выпивши рюмку—другую, дѣлается разговорчивымъ, веселымъ и откровеннымъ, что тоже подтверждается народною пословицею: „що въ тверезого на умі, то въ пьяного на язиці“.

Выпивки эти происходятъ слѣдующимъ образомъ: собирается извѣстная компанія, садится за столъ, а лѣтомъ на дворѣ въ тѣни, гдѣ-либо вблизи

корчмы. Посрединѣ постилается платокъ, на который кладется разломанная на куски „паляница“ *) и рыба — „чехоня або оселедці“, тутъ же въ корчмѣ пріобрѣтенныя — это закуска. Кто угощаетъ водкою, тотъ обязанъ и подносить каждому по-очереди; но первая рюмка всегда принадлежитъ угощающему, хотя впрочемъ ему приходится пить, чуть-ли не съ каждымъ членомъ кружка. Одинъ говоритъ, когда до него очередь дойдетъ: „прошу жъ вашої милости, я не бачивъ, якъ ви пили. Богъ васъ зна, чимъ вы частуете!“ И тотъ пьетъ. Другой „покажіть путь, якъ горілку пьють“. Однимъ словомъ, каждый изъ членовъ собравшагося кружка старается какими-либо доводами убѣдить угощающаго, чтобы онъ выпилъ прежде. Когда разпотчуютъ взятую водку, другой членъ кружка покупаетъ и подноситъ каждому такимъ же образомъ; затѣмъ третій и т. д.

Во время этой попойки идетъ общая дружеская и откровенная бесѣда о семейной жизни, о житьѣ-бытьѣ вообще, о прошлой ярмаркѣ, на которой кто-то продавалъ воловъ и купилъ лошадь, и при этомъ былъ надутъ жидомъ или цыганомъ, продавшимъ старую лошадь за молодую, и часто даже не свою, а ворованную. Иногда въ такихъ кружкахъ часто можно слышать разсказы о чумакахъ, ѣздившихъ „въ Кримъ по сіль“ и „на Донъ по рибу“, у которыхъ на возвратномъ пути, въ херсонскихъ неизмѣримыхъ степяхъ „начала худоба гинуть безъ води“ и проч.; о дешевизнѣ рыбы на Дону, о баснословныхъ заработкахъ въ Бессарабіи и т. п.

Въ праздничные дни хозяева очень часто приглашаютъ къ себѣ въ домъ такіе кружки, и въ этомъ случаѣ никто уже изъ членовъ кружка не смѣетъ приносить своей водки: здѣсь хозяинъ дома угощаетъ гостей, а хозяйка подаетъ закуску. Желающіе могутъ пригласить этотъ кружокъ къ себѣ на домъ, но не иначе какъ съ разрѣшенія хозяина и хозяйки дома. Конечно, при этомъ приглашаются хозяинъ и хозяйка.

Не такъ пьютъ записныя пьяницы, для которыхъ горькая водка слаще жизни, а жизнь хуже горькой полыни. Тѣ въ одиночку заливаютъ свое горе и, начавъ пить, сидятъ до тѣхъ поръ въ корчмѣ, пока ихъ не выведутъ, или же пока карманъ и закромы не останутся пусты. Въ корчму приходятъ музыканты, сбираются „парубки и дівчата“, для которыхъ въ праздничные дни „музика“

---

*) Не лишнимъ считаемъ при этомъ замѣтить, что Малороссъ, выходя изъ дома въ праздничные дни, беретъ за пазуху «паляницю або хлібъ»: «може хто застріне або до господы зазове, то не годиться безъ хліба у хату ввійти». Часто случается такъ, что гостя зазываютъ на домъ, въ компанію; если у него за пазухой хлѣба нѣтъ и онъ совѣстится безъ хлѣба войти въ избу, то хозяинъ выноситъ ему свой хлѣбъ. Взявши хлѣбъ, онъ заворачиваетъ его въ платокъ и, войдя въ избу, отдаетъ хозяину или хозяйкѣ. Лицо принявшее отъ гостя хлѣбъ, цѣлуетъ его и кладетъ на столъ; а при выходѣ гостя, отдаетъ ему другой.

единственная забава. Обыкновенно музыка состоитъ изъ скрипки и „рѣшета“ или же „бубна“. Но самая лучшая музыка „троіста“, т. е. такая, въ которыхъ кромѣ первыхъ двухъ интрументовъ, участвуютъ еще такъ называемыя „цимбали“ *). Подъ звуки музыки пляшутъ парни и дѣвицы, предварительно заплативъ музыкантамъ за „танець“. Иногда парни, въ видѣ особенной любезности и расположенія къ какой-либо дѣвушкѣ, нанимаютъ „дівчатамъ музики“. Тѣ танцуютъ, а остальныя „дивляться та шуткають лузаючи насіння та оріхи“. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ, какъ напримѣръ, Борисполѣ (Переяславскаго уѣзда), Бѣлой-церквѣ (Васильковскаго уѣзда) танцы происходятъ на базарной площади.

Лѣтомъ, пока еще не начались полевыя работы, молодежь собирается по вечерамъ на „вулицю“. „Вулицею“ называется сборный пунктъ исключительно молодежи, и выбирается всегда почти на возвышенномъ мѣстѣ—вдали отъ жилыхъ помѣщеній, чтобы разливающіяся пѣсни, крикъ и гамъ собравшихся не безпокоили никого. Больше всего поютъ „дівки“. Парубки поютъ на улицѣ мало, они больше шутятъ, рѣзвятся и присматриваютъ къ нраву и характеру тѣхъ дѣвушекъ, къ которымъ осенью намѣреваются „засилать сватівъ“. Такой же увеселительный характеръ имѣютъ „вечорниці и досвітки“, которыя бываютъ только лишь въ зимнее время, когда всѣ дѣвушки почти исключительно занимаются шитьемъ рубахъ и „рушниківъ“ и пряжи. Днемъ онѣ работаютъ дома; а вечеромъ, забравъ гребень и днище подъ мышку, отправляются на вечорниці, куда попозже приходятъ и парубки „побалакать та пошутковати зъ дівчатами“. Для вечорницъ выбирается большая хата какой-либо вдовы или же такого хозяина, у котораго малая семья. Получивъ позволеніе отъ хозяина или хозяйки дома собираться „въ іхъ господі на досвітки та на вечорниці“, дѣвушки назначаютъ день для первыхъ вечорницъ и вечеромъ, приходя съ работой, приносятъ съ собой различные съѣстные припасы: одна принесетъ муки пшеничной, другая—сыру, третья—масла, четвертая—крупъ, пшена, картофеля и т. п., — однимъ словомъ, каждая изъ нихъ непремѣнно должна что-нибудь принести, хотя въ незначительномъ количествѣ. Освѣщеніе же каждая изъ дѣвушекъ обязана доставлять по-очередно. Часть принесенныхъ съѣстныхъ припасовъ употребляется на ужинъ; а другая, большая часть, остается въ пользу хозяйки или хозяина дома. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, оставшуюся провизію прячутъ на другой разъ. Къ тому времени какъ поспѣ-

*) Кромѣ названныхъ инструментовъ, у Малороссовъ въ большомъ ходу «сопілки» или дудки, которые бываютъ различной величины и тембра. Иногда, за неимѣніемъ другой музыки, танцуютъ подъ «сопілку» и подъ звуки такъ называемой «лиры» — инструмента, на которомъ играютъ слѣпцы, поющіе подъ акомпаниментъ лиры религіозныя, а также сатирическія и даже плясовыя пѣсни.

ваетъ ужинъ, приходятъ и парни, и приносятъ съ собою водку, хотя дѣвушки и безъ того еще заранѣе покупаютъ водку въ складчину. Когда всѣ соберутся, — садятся за столъ, пьютъ „охізчини“ и ужинаютъ. Послѣ ужина рѣдко когда принимаются за принесенную работу. Погулявъ немного, приносятъ въ хату куль соломы, развязываютъ его и на немъ ложатся спать; а работа откладывается до слѣдующаго утра.

Такъ начинаются „вечорниці“. Послѣ этого, уже просто, безъ всякихъ затѣй, молодежь собирается для вечернихъ занятій, и только изрѣдка дѣлаютъ ужинъ. На „вечорницяхъ“ дівчата, работая, поютъ; а парубки разсказываютъ анекдоты, сказки, задаютъ загадки и играютъ на дудкѣ. По большей части парубки вмѣстѣ съ дівчатами, тутъ же на „вечорницяхъ“ остаются и ночевать; но никогда они не позволяютъ себѣ вступать съ дѣвушками въ интимныя сношенія, а напротивъ, каждый парень заботится о своей невѣстѣ и бережетъ ее. И горе той дѣвушкѣ, которая позволитъ себѣ вступить съ кѣмъ-либо въ интимныя сношенія! Её опозорятъ и не примутъ въ компанію: въ ту же самую ночь парубки „выставлять ворота коло ії двора, наколотять сажи зъ водою, та пообмазують зо всіхъ боківъ хату“, послѣ чего каждый, мимопроходящій, будетъ знать и разсказывать другимъ о поведеніи дѣвушки, хата которой выпачкана сажей. Рано утромъ встаютъ и опять принимаются за работу: такія утреннія занятія называются „досвітками“. „Вечорниці и досвітки“ оканчиваются на Сырной недѣлѣ точно такимъ же ужиномъ, какъ и начинались. Разница вся заключается только въ томъ, что на этомъ ужинѣ самую важную роль играютъ „вареники зъ сиромъ та зъ сметаною“, безъ которыхъ въ это время обойтись нельзя; а также иногда приглашается и музыка. Вообще нужно замѣтить, что „вечорниці и досвітки“, — это такія сборища молодежи, на которыхъ они узнаютъ другъ друга, сближаются и выбираютъ себѣ: парни — невѣстъ, а дѣвицы — жениховъ.

Стоило бы при этомъ упомянуть и о другихъ народныхъ увеселеніяхъ и забавахъ, какъ напримѣръ: о „веснянкахъ, гаівкахъ“, играхъ и хороводахъ, а равно о „ковзалкахъ, спускалкахъ, крутілкахъ“ и т. п.; но обо всемъ этомъ было говорено подробно въ III томѣ „Трудовъ Экспедиціи“, гдѣ приведены и пѣсни, относящіяся къ этимъ играмъ и хороводамъ. Большимъ развлеченіемъ служатъ также свадьбы, исполненныя обрядовъ, пѣсенъ, танцевъ; но это составляетъ IV-й томъ „Трудовъ Экспедиціи“. Въ народныхъ понятіяхъ крестины, свадьбы и похороны—это такія замѣчательныя явленія въ жизни человѣка, когда безъ общества людей обойтись нельзя; потому и говорятъ: „тричи дивенъ чоловікъ буває: якъ родиться, якъ жениться, якъ умірає: вже безъ людей не обійдеться“.

Въ заключеніе не можемъ не упомянуть о ярмаркахъ, которыя имѣютъ также отчасти увеселительный характеръ. Въ мѣстечкахъ, на большихъ ярмаркахъ, бываетъ такъ-называемая „кумедія“ — театръ маріонетокъ. Почти всѣ ярмарки посѣщаются лирниками, которые привлекаютъ слушателей или религіозно-нравоучительными, или сатирическо-циническими пѣснями.

Нарѣчія, поднарѣчія и говоры Южной Россіи въ связи съ нарѣчіями Галичины *).

«Многія словесныя семейства остаются доселѣ мало извѣстными или даже вовсе неизвѣстными».

Катковъ.

I.

Хотя районъ говоровъ, подлежащихъ нашему изслѣдованію по матеріаламъ, собраннымъ экспедиціей, ограничивается лишь предѣлами губерній: Кіевской, Волынской, Подольской, южной части Минской, юго-западнаго угла Гродненской, южной полосы Сѣдлецкой и восточной половины Люблинской, а также сѣверной части Хотинскаго уѣзда, Бессарабской области, — но самое простое описаніе существенныхъ признаковъ и особенностей говоровъ этого района требуетъ, для своего поясненія, постоянныхъ сближеній и ссылокъ на родственные говоры, существующіе за предѣлами указанной нами мѣстности, съ которыми они состоятъ въ непосредственной органической связи, какъ составныя части одной общей Южно-Русской рѣчи. Поэтому, желая избѣжать постоянныхъ повтореній и, притомъ, намѣреваясь придать нашему описанію, по возможности, систематическій характеръ, мы сочли необходимымъ не стѣснять себя сказанными предѣлами, а обозрѣть сначала вообще Южно-Русскую вѣтвь русской рѣчи въ полномъ ея объемѣ, а затѣмъ уже приступить къ разнообразнымъ ея

*) При изслѣдованіи Юго-Западнаго края я старался сдѣлать какъ можно болѣе записей на основаніи программы по языку, чтобы опредѣлить границы распространенія нарѣчій и говоровъ. При этомъ, мною тогда же было обращено вниманіе и заявлено Географическому Обществу о совпаденіи дѣленій Малорусскаго племени по нарѣчіямъ и говорамъ съ дѣленіями Нестора на народцы. Затѣмъ, желая, чтобы собранный матеріалъ былъ возможно полнѣе разработанъ, я передалъ его К. П. Михальчуку, нѣсколько лѣтъ занимавшемуся изученіемъ народной рѣчи. П. Ч.

частностямъ, въ числѣ коихъ находятся требующія особеннаго нашего вниманія разновидности говоровъ юго-западнаго района Россіи.

По извѣстнымъ доселѣ даннымъ *), область, заключающая въ себѣ населеніе, говорящее Малорусскою или, правильнѣе, Южно-Русскою рѣчью, охватываетъ, въ *Россіи*, губерніи: Кіевскую, Волынскую, Подольскую, Черниговскую (за исключеніемъ уѣздовъ: Суражскаго, Мглинскаго, Стародубскаго и Новозыбковскаго), Харьковскую, Екатеринославскую, Херсонскую, Таврическую—до Перекопскаго перешейка, уѣзды: Кобринскій, Брестскій, почти весь Пружанскій, южный уголъ Слонимскаго, часть Бѣльскаго и южную полосу Бѣлостокскаго—Гродненской губерніи; Пинскій и часть Мозырскаго—Минской губерніи; Суджанскій, Грайворонскій, Бѣлгородскій, Старо-Оскольскій, Путивльскій, большую часть Ново-Оскольскаго и на-половину Рыльскій — Курской губерніи; Бирюченскій, Коротоякскій, Острогожскій, Павловскій, почти весь Валуйскій и треть Богучарскаго — Воронежской губерніи; Хотинскій—Бессарабской области; восточную половину Люблинской губерніи и юго-восточную половину Сѣдлецкой губерніи и всю Землю Черноморскихъ Козаковъ. Въ *Австро-Венгріи* занимаетъ, въ Галиціи, округи: Чортковскій, Тарнопольскій, Золочевскій, Жолковскій, треть Буковины, Коломыйскій, Станиславскій, Бережанскій, Львовскій, Стрыйскій, Самборскій, Перемышльскій, Санокій и юго-восточный уголъ Сандечскаго; въ Венгріи — комитаты: Мармарошскій, Береговскій, Угочскій, Унгварскій и большую часть Сукмарскаго, Саболчскаго и Землинскаго, а также часть Шаришскаго. Сверхъ того, спорадически, населеніе, говорящее Южно-Русскою рѣчью, разбросано въ Землѣ Войска Донскаго, преимущественно въ округахъ Міусскомъ и Донецкомъ, въ губерніяхъ Саратовской, Самарской, Оренбургской, Астраханской и друг. и въ *турецкой* области Добруджѣ.

Пространство всей сказанной территоріи въ точности опредѣлить невозможно, но приблизительно оно составляетъ слишкомъ 13,500 кв. миль. Вся масса населенія, говорящаго на этомъ пространствѣ Южно-Русскою рѣчью, достигаетъ до 20 милліоновъ душъ обоего пола, что составляетъ около 80% всего населенія. Вся словесная культура исчисленнаго нами населенія, выра-

---

*) Источниками для опредѣленія мѣстности, населенной Южно-Руссами, служили намъ: a) Географическо-Статистическій словарь Рос. Имперіи П. Семенова—статья «Малороссы», т. III, стр. 155. b) Расправа о языцѣ южно-русскомъ и его нарѣчіяхъ Я. Головацкаго. Львовъ 1849 г. c) Сборникъ памятниковъ народнаго творчества въ Сѣверо-Западномъ краѣ, изданный П. Гильтебрандтомъ. Вильна, 1866 г. Вып. 1-й. d) «Основа» 1861 г. Январь — статья «Мѣстныя названія Русиновъ» Левченка. Май—статья «Краткое географическое обозр. края, населеннаго Южно-Русскимъ народомъ» И. М. e) Статистическій Временникъ Рос. Имперіи. Спб., 1866.

зившаяся въ пословицахъ, поговоркахъ, сказкахъ, пѣсняхъ, думахъ и другихъ формахъ устнаго литературнаго творчества *), представляетъ собою, — какъ въ отношеніи внутренняго своего содержанія, аналогичные мотивы, сводящіеся къ общимъ идеаламъ и типамъ, такъ и въ отношеніи матеріала, коимъ они выражаются, — сходные элементы выраженій, словъ, оборотовъ, этимологическихъ формъ и фонетическихъ особенностей рѣчи, сводящіеся къ общимъ лингвистическимъ законамъ, составляющимъ въ своей совокупности принадлежность одного этого населенія. Это, въ числѣ многихъ другихъ условій, даетъ основаніе заключать объ единствѣ языка и племени, имъ говорящаго, которое стали именовать теперь Южно-Русскимъ, въ отличіе отъ другой обширной группы родственнаго племени, расположеннаго на сѣверѣ и представляющаго собою такія же обособляющія его явленія другого типическаго свойства, которое слѣдовало бы наименовать Сѣверно-Русскимъ. Оба эти племени, составляющія два крупные вида одного русскаго племени, подраздѣляются, въ свою очередь, на болѣе или менѣе характеристичные под-виды, изъ коихъ каждый опять дробится на разновидности, въ большей или меньшей мѣрѣ самостоятельныя, строго сохраняющія и отстаивающія свои мелкія видовыя особенности, какъ этнографическія вообще, такъ и свойственныя ихъ рѣчи въ частности. Такимъ образомъ, на югѣ мы видимъ уже въ половинѣ IX столѣтія и даже раньше того, дробныя славянскія племена подъ различными именами Полянъ, Сѣверянъ, Древлянъ, Лутичей, Бужанъ, Дулебовъ, Тиверцовъ, Хорватовъ, Угличей, Дреговичей, заявившихъ взаимное родство свое съ одной стороны, и сознаніе племенной разновидности — съ другой, то путемъ частныхъ союзовъ подъ общимъ видовымъ именемъ, какъ, напримѣръ, у *Велынянъ*, или болѣе общею системою объединенія, какъ въ послѣдствіи у *Русиновъ* **); то взаимною враждой и ожесточенною борьбой за независимость, ка-

---

*) Указываемъ на сборники: Максимовича, кн. Цертелева, Лукашевича, Метлинскаго, Закревскаго, Номиса, Лавренка, Рудченка, Кулиша, Шейковскаго, Гатцука, Мордовцова, Срезневскаго, Гильтебрандта, Лозинскаго, Жеготы, Головацкаго, Паули, Вацлава Залесскаго, Зенькевича, Руликовскаго, Стецкаго, Новосельскаго, а также на «Основу» и мн. друг.

**) Родовое имя *Русинъ, Русины* (Русынъ, Русыны), въ существительной его формѣ сохранили по сіе время западные Южно-Руссы, $^1/_5$ часть всего племени, менѣе всего участвовавшая въ политическихъ движеніяхъ и переворотахъ козацкаго періода; между тѣмъ, какъ остальные $^4/_5$ утратили его вслѣдствіе возникновенія новыхъ политическо-національныхъ идеаловъ, заслонившихъ собою древне-русскую систему понятій и дававшихъ новыя популярныя наименованія массамъ своихъ послѣдователей. Въ настоящее время, съ паденіемъ козацкой системы понятій, на развалинахъ общаго козацкаго имени остались однѣ областныя названія или прозвища, а народъ сдѣлался какъ-бы безъименнымъ. Въ Бессарабіи, Буковинѣ и, кажется, въ южной части Галичины — Русины именуютъ себя Русняками. Названіе Русинъ, *роусинъ*, постоянно встрѣчаемъ въ древнихъ памятникахъ, напримѣръ, въ «Русской Правдѣ».

кую мы видимъ между Полянами съ одной стороны и Древлянами, Угличами или Улучами — съ другой. Въ удѣльный періодъ, разнообразіе Южно-Русскихъ народностей выразилось опять обособленіемъ частей, образующихъ одну политическую систему и совпадавшихъ болѣе или менѣе съ этнографическими дѣленіями племени. Но всѣ эти части тянули къ одному центру и тѣмъ обозначали свою отдѣльную *землю*, именуемую *Русьской*. Разница между двумя сильнѣйшими видами выказалась въ возникновеніи двухъ центровъ племенной жизни, обнаружившихся въ политическомъ обособленіи Галичины и Кіевщины. Родовое имя *Руси* оставалось за всѣмъ племенемъ, но старыя видовыя наименованія отдѣльныхъ частей его мало-по-малу утрачивались, уступая мѣсто, отчасти аналогическимъ, отчасти новымъ, болѣе общимъ названіямъ, обозначавшимъ собою извѣстныя мѣстности, охарактеризованныя, впрочемъ, и этнографическими особенностями своего населенія.

Старѣйшее изъ областныхъ названій — *Волынь* (Волыня), обозначавшее собою группу древнихъ народцевъ, извѣстныхъ подъ именемъ Дулебовъ, Лутичей и Бужанъ, очень рано уже, еще передъ Несторомъ, именовавшихъ себя Велынянами, сохранилось и по сіе время. Имя Древлянъ смѣнилось аналогичнымъ именемъ *Полѣшуковъ**). Имя *Полянъ*, народца наиболѣе типичнаго и жизнедѣятельнаго, бравшаго на себя столько разъ починъ политической организаціи всего племени и наиболѣе испытавшаго историческихъ переворотовъ, поглощено позднѣйшимъ политическимъ терминомъ *Руси*, распространеннымъ имъ и на другіе сопленные народцы. Впослѣдствіи, съ паденіемъ самостоятельности Южно-Русскихъ княжествъ, и это послѣднее имя осталось принадлежностью только оффиціальнаго языка и документовъ; народъ же сталъ именовать себя *Украинцами*, *Козаками*, *Запорожцами*, не переставая являться главнымъ ходатаемъ и борцомъ за политическіе и соціальные интересы всего Южно-Русскаго племени, для котораго слово „козакъ“, какъ для романскаго племени chevalier, cavalier, въ словесныхъ произведеніяхъ, сдѣлалось синонимомъ и типомъ народнаго предетавленія объ идеальныхъ достоинствахъ личности человѣческой. Не удивительно поэтому, что это симпатичное имя вытѣснило мало-по-малу прежнія мѣстныя наименованія другихъ племенныхъ видовъ, находившихся, съ ранняго времени, въ ближайшей связи съ своимъ главнымъ иниціаторомъ и представителемъ и связавшихъ навсегда свою судьбу и дѣянія съ его судьбою и дѣяніями. Та-

*) Очень быть можетъ, что это имя существовало также во время Несторово, но лѣтописецъ нашъ, вѣроятно, счелъ нужнымъ перевесть его на тогдашній искусственный письменный языкъ: «а друзіи Древляне, *зане сѣдоша въ лѣсѣхъ*». Послѣдняя поясни-тельная фраза указываетъ на возможность такого предположенія, ибо производство имени народа, жившаго въ лѣсахъ, отъ *лѣсъ*, логичнѣе производства его отъ *древо*; но послѣднее, кажется, болѣе во вкусѣ тогдашнихъ грамотѣевъ.

кимъ образомъ, совершенно затерялось имя *Сѣверянъ*, Тиверцовъ и Уличей. Только мѣстность, занимаемая двумя послѣдними народами, древнѣйшими изъ всѣхъ своихъ соплеменниковъ, стала именоваться *Подольемъ*, а жители ея — *Подолянами* или *Подоляками*.

Далѣе на западъ отъ нихъ, частью изъ Подолянъ же, частью изъ Волынянъ и изъ Хорватовъ *), подъ общимъ лѣтописнымъ именемъ Галичины, получившей названіе отъ города Галича **), образовалось особое политическое тѣло, котораго владѣльцы изъ рода короля Даніила (какъ это видимъ, напримѣръ, изъ грамотъ Юрія II) именовали себя уже въ началѣ XIV столѣтія „урожденными князьями *Малой Руси*“ ***), вѣроятно, въ отличіе отъ общаго представленія о Великой Руси, основанной Кіевскою гегемоніей и охватывавшей собою всѣ области Южно-Русскаго, а потомъ и Сѣверно-Русскаго племени. Этотъ терминъ впослѣдствіи распространился и на всю Южную Русь, въ смыслѣ географическаго и этнографическаго отличія Южно-Русскихъ областей и племенъ, утратившихъ свое политическое значеніе и силу въ русскомъ мірѣ, отъ родственныхъ имъ сѣверныхъ племенъ, основавшихъ подъ предводительствомъ *Москвы*, великое и могущественное государство, наименовавшееся *Великою Россіей*, или просто *Россіей*, въ смыслѣ общей государственной совокупности всего Русскаго племени ****). Отсюда — два книжные термина: Малороссія и Великороссія, дающіе представленія не только неточныя, но и въ высшей степени запутывающія надлежащіе выводы, при этнографическомъ и историческомъ сравненіи этихъ двухъ видовъ Русскаго племени подъ усвоеннымъ нынѣ политическимъ и культурнымъ угломъ зрѣнія.

---

*) Намъ представляется довольно вѣроятнымъ производство названія *хорватъ* отъ слова *горбъ*, — холмъ, гора и горбъ. *Хръватъ*, *хрѣватъ* аналогично слову *грѣватъ* — *горбатый*, мн. ч. *горбатьі*, какъ эпитету субъектовъ съ горбами. Буквальный смыслъ этого эпитета легко могъ послужить для метафорической эпиграммы на счетъ народа, жившаго въ горахъ, *межи горбами*, т. е. горцевъ, что совершенно въ духѣ южно-русскаго юмора и привычекъ давать остроумныя прозвища. Со временемъ этотъ эпиграмматическій эпитетъ могъ превратиться въ прозвище, и затѣмъ и въ серьезное названіе народа.

**) Слово Галичъ — собирательное имя, означающее стаю галокъ или грачей.

***) Юрій II титулуется: natus Dux Russiæ Minoris.

****) По увѣренію Н. И. Павлищева (см. «Историч. Атл. Рос.» 1845 г.), слово *Россія*, вм. *Русь*, или вмѣсто позднѣйшаго, на схоластическій манеръ средне-вѣковой нашей письменности передѣланнаго, слова Рýссія или Рýсія, — первый разъ употреблено Хмельницкимъ въ его договорныхъ пунктахъ 1654 года: «Алексѣй Михайловичъ, въ отвѣтной грамотѣ, усвоиваетъ это названіе, именуясь царемъ Великой и Малой *Россіи*: съ тѣхъ поръ имя *Русіи* исчезаетъ». При этомъ Павлищевъ, кажется, совершенно вѣрно замѣчаетъ, что сказанные *«договорные пункты* писаны въ Малороссіи грамотѣемъ, вѣроятно, изъ духовнаго сословія, напитаннаго тогда въ Кіевской Академіи духомъ эллинизма. Извѣстно, что *Россія* есть греческое названіе нашего отечества; по той причинѣ и *Малая Русь* названа *Малороссіею*. До того времени одинъ лишь разъ встрѣчается *Росія* въ отпискѣ (1565) новгородскаго архіепископа Пимена къ Іоанну Грозному».

Что касается этнографіи позднѣйшаго населенія Южно-Руссовъ, обитающихъ нынѣ въ губерніяхъ Екатеринославской, Херсонской, Харьковской, части Воронежской и далѣе спорадическими поселеніями на востокъ, то для объясненія происхожденія ихъ можно воспользоваться частью историческими указаніями, частью особенностями рѣчи. При этомъ достойно замѣчанія то обстоятельство, что хотя сказанныя мѣстности заселялись разновременно выходцами изъ разныхъ Южно-Русскихъ областей, привлекаемыми сначала Запорожьемъ, а затѣмъ вообще свободнымъ пространствомъ независимыхъ земель, тѣмъ не менѣе, въ особенностяхъ всѣхъ этихъ мѣстностей рѣзко отпечатлѣлись одни общіе основные признаки, повидимому, древнѣйшаго происхожденія, своеобразно характеризующіе южную отрасль Украинскаго нарѣчія *), хотя, съ другой стороны, смѣсь говоровъ Украинскаго, Подольскаго, Волынскаго и Сѣверскаго, съ теченіемъ времени, переработываясь, выдѣлила и свои частныя новѣйшія особенности, характеризующія, напримѣръ, всю восточную вѣтвь говоровъ лѣвой стороны Днѣпра, извѣстную подъ спеціальнымъ именемъ *Малорусской*. Въ закваску этого новѣйшаго говора вошли даже отчасти и нѣкоторые элементы Великорусскіе, хотя и въ самой незначительной степени, но и не въ меньшей, чѣмъ Польскіе. При всемъ томъ еще и по настоящее время встрѣчается тамъ первоначальное состояніе механическаго смѣшенія составныхъ частей этого новаго говора и попадаются особенности, носящія на себѣ явный отпечатокъ, то Подольщины, Сѣверщины, то Украинщины, то Волынщины.

Подобное же смѣшеніе разныхъ особенностей въ одной и той же мѣстности, и даже въ однѣхъ и тѣхъ же устахъ, но уже другого рода и происхожденія, съ мѣстными коренными элементами въ основаніи, но съ примѣсью то Полѣщины, то Волынщины, то Галицкой Рущины и даже, хотя сравнительно и въ весьма незначительной степени,—Бѣлорущины и Польщизны,—встрѣчаемъ на другой, противоположной оконечности Южно-Русскаго обиталища, именно—въ такъ-называемой *Подляхіи* и *Холмщинѣ*, т. е. въ Южно-Русскихъ уѣздахъ Гродненской, Сѣдлецкой и Люблинской губерній и въ сѣверо-западномъ углу, образуемомъ частію Владимірскаго и незначительною сѣверо-западною полосой Ковельскаго уѣздовъ Волынской губерніи.

---

*) Какъ увидимъ ниже, самымъ типичнымъ изъ этихъ признаковъ является йотировка въ спряженіяхъ нѣбныхъд, т, з, с, не переходящихъ, какъ въ Средне-Украинскомъ поднарѣчіи, въ шипящія дж (ж) ч, ж, ш, напримѣръ, отъ водити—*вдю*, вóдяний и вóдевій, вм. вóджу, воджаний; отъ платити—*плáтю*, платяний и платеній вм. плачý, плáчаний; отъ возити—*возю, возяний* вм. вóжу, вожаний; отъ носити—*носю, носяний и носений* вм. ношу, ношений. Въ область вышесказаннаго поднарѣчія входитъ также *Побережское разнорѣчіе* Подольской губерніи; оно же захватываетъ собою юго-западные и южные уѣзды Кіевской и часть южныхъ уѣздовъ Полтавской губерніи. Приведенная особенность существуетъ во всѣхъ этихъ мѣстностяхъ.

Вообще говоря, хотя современныя разновидности Южно-Русскаго племени поразительно совпадаютъ съ этнографическою переписью ихъ у Нестора, и даже повидимому измѣнились самые предѣлы ихъ обиталищъ, что̀ даетъ поводъ предполагать вѣроятность уцѣлѣнія даже и первоначальныхъ характеристическихъ чертъ ихъ, — тѣмъ не менѣе тысячелѣтній періодъ бурной исторической жизни довольно значительно повліялъ на прежній этнографическій строй.

Въ процессѣ многовѣковаго политическаго и соціальнаго броженія много стараго, вѣроятно, изгладилось: явились новые типы, какъ продуктъ нравственнаго преобладанія одного вида надъ другимъ, взаимныхъ скрещиваній ихъ между собою, разныхъ передвиженій и колонизацій, вызванныхъ то политическими, то соціальными, то экономическими, то просто физическими неудобствами и побужденіями. Тѣмъ не менѣе, въ пользу первобытности настоящаго Южно-Русскаго племени и сохраненія имъ нѣкоторыхъ первоначальныхъ этнографическихъ чертъ говоритъ еще слѣдующее обстоятельство.

Сопоставляя разныя мѣстныя топографическія особенности края, населеннаго нынѣ Южно-Руссами, съ древнѣйшими группами этого племени и современнымъ этнографическимъ его распредѣленіемъ, мы, въ самомъ дѣлѣ, замѣчаемъ поразительную связь между характеристическими особенностями всѣхъ этихъ явленій. Горы и равнины; лѣса, степи, болота; бассейны рѣкъ, а также разныя переходныя мѣстности, какъ напримѣръ, сплошныя волнообразныя возвышенности, широкія поля, усѣянныя лиственными дубравами и т. п., всегда болѣе или менѣе опредѣляютъ собою обиталище отдѣльнаго этнографическаго типа, съ свойственными ему особенностями рѣчи. Совпаденіе всѣхъ этихъ разнообразныхъ явленій представляетъ собою въ высшей степени интересный предметъ для изслѣдованія. Замѣчательно при этомъ, что какъ древнѣйшія, такъ и современныя названія жителей, представляющихъ какія-нибудь видовыя особенности, большею частью заимствованы отъ названій самихъ же мѣстностей, ими обитаемыхъ, а названія послѣднихъ отъ преобладающихъ въ нихъ топографическихъ особенностей. Затѣмъ, большинство остальныхъ, преимущественно мелкихъ, видовыхъ названій является или въ видѣ неясныхъ теперь для насъ прозвищъ, или носитъ на себѣ отпечатокъ какого-либо мѣстнаго историческаго событія. Обращаясь къ древности, мы встрѣчаемъ слѣдующія названія главнѣйшихъ племенныхъ типовъ, соотвѣтствующихъ новѣйшимъ ихъ генераціямъ, а именно:

Поляне, которые по Нестору „сѣдоша по Днѣпру“, соотвѣтствуютъ новѣйшимъ *Украинцамъ,* въ особенности сѣверному и среднему разновидностямъ этого типа; южная разновидность, по всей вѣроятности, сложилась послѣ, изъ элементовъ этнографическаго типа жителей „Понизья“, позднѣйшаго „Побережья“ (древнее обиталище Тиверцевъ), въ смѣси съ элементами двухъ первыхъ разновидностей. По описанію обычаевъ и занятій Полянъ видно, что и въ

древности мѣстность, занимаемая нынѣшними Сѣверными и Средними Украинцами, какъ и теперь, представляла собою поля, усѣянныя перемежающимися дубровами. Съ конца XIV вѣка и по настоящее время область, занимаемая Полянами, стала именоваться *Украйной*, а жители ея — *Украинцами*. Нынѣ это названіе оказывается далеко распространеннымъ на востокъ, западъ и югъ по обѣ стороны Днѣпра, т. е. на всю область бывшей козачины и на сосѣднія земли, занятыя прежде кочевыми народами. Слово *Украина* имѣетъ въ народномъ языкѣ и нарицательное значеніе, въ смыслѣ характеристики края, состоящаго изъ широкихъ, ровныхъ полей съ небольшими „перелісками“.

Къ Украинцамъ, какъ уже было замѣчено выше, относятся также настоящіе *Степовики* — жители степей („степівъ“), т. е. Херсонской, Екатеринославской, южной части Полтавской, Харьковской, части Курской и Воронежской губерній, и *Побережці* — жители Побережья (такъ называемаго *Понизья* начала XIII столѣтія), т. е. нынѣшней юго-восточной части Подольской губерніи.

Побережці, по всей вѣроятности, потомки древнихъ Тиверцевъ *), вошедшихъ очень рано въ политическія связи съ Полянами и тѣмъ заявившихъ ближайшее родство съ ними, не уступали и послѣ своимъ ближайшимъ соплеменникамъ — Украинцамъ (потомкамъ Полянъ) — въ общихъ имъ обоимъ наклонностяхъ къ козачеству; вмѣстѣ съ тѣмъ, Побережье, по густотѣ своего населенія, служило, кажется, главнымъ разсадникомъ колонистовъ на дальній востокъ и югъ, въ степныя мѣстности, указанныя нами выше, которыя называются также *Слободами* (колоніями) а жители ихъ — Слободжанами или по мѣстному — *Слободянами* (колонистами).

Къ этому же главному родовому типу, т. е. Украинцамъ, относятся также какъ его разновидность, нынѣшніе *Волынцы* (Волыняки, Волыняне) — жители Волыни, т. е. западной части Бердичевскаго уѣзда, Кіевской губерніи, сѣверной полосы Литинскаго и Летичевскаго уѣздовъ — Подольской губерніи и всего юга Подольской губерніи. Сюда слѣдуетъ причислить также *Пинчуковъ*, конхъ поселенія, начинаясь за р. Горынью, врѣзываются на сѣверъ тупымъ клиномъ между Полѣшуками на востокѣ и Русинами на западѣ и, располагаясь по обѣ стороны р. Стыри, за рѣку Турію и верховья Припети, достигаютъ на сѣверной сторонѣ р. Пины поселеній такъ-называемыхъ *Подляшанъ* въ Гродненской губерніи.

Область упоминаемой Несторомъ федераціи Волынянъ, составившейся изъ древнихъ Бужанъ, Лучичей и Дулебовъ, соотвѣтствуетъ нынѣшнимъ поселеніямъ

*) Тиверцы, по всему вѣроятію, обитали между южнымъ Бугомъ и Днѣстромъ до р. Ушицы на сѣверо-западѣ; на это указываетъ, по крайней мѣрѣ, названіе городка Тиврова. За р. Ушицей жили, вѣроятно, Улучи или Уличи, типъ, переходный между Тиверцами, Хорватами и Волынянами.

По-бужскихъ Русиновъ, называемыхъ также *Бужанами* *), а также *Пинчуковъ* и *Волынянъ*. Если при этомъ предположить, что Лутичи обитали по р. Стыри, на что̀ указываетъ названіе города Луцка **) (Лутска), а Дулебы—по южной части р. Горыни, о чемъ можно заключить изъ существованія доселѣ вблизи этой рѣки деревни, носящей названіе Дулібовъ, то окажется, что нынѣшніе Пинчуки — потомки Лутичей, а западные Волынцы — Дулебовъ. На востокѣ Волынцы составляютъ переходъ къ Украинцамъ. Волыняне, равно какъ Тиверцы, Уличи и Хорваты, рано вошли уже въ политическую связь съ Полянами, что̀ видно изъ совмѣстнаго участія ихъ въ походѣ Олега въ Грецію; это даетъ отчасти поводъ заключить, что и тогда уже родство между ними было довольно близкое; теперь эта племенная близость видна изъ того, что изъ Пинчуковъ, Волынянъ, Побережцевъ, Степовиковъ или Слобожанъ и Украинцевъ составляется одинъ большой видовой, такъ-называемый Украинскій типъ Южно-Русскаго племени, отличный отъ двухъ другихъ: Сѣвернаго или Полѣшскаго и Галицко-Русскаго типовъ ***).

За исключеніемъ области, заселенной Пинчуками, которая представляетъ собою лѣсистую и болотистую мѣстность, сходную съ заселенной Полѣшуками ****), что̀ составляетъ исключительное явленіе,— всѣ остальныя мѣстности, занятыя исчисленными выше разновидностями Украинскаго типа, имѣютъ то общее въ топографическомъ и геогностическомъ отношеніи съ мѣстностью, занятою коренными Украинцами (потомками Полянъ), что представляютъ собою болѣе или менѣе ровную возвышенность, покрытую достаточнымъ слоемъ чернозема, орошенную рѣками въ крутыхъ берегахъ и усѣянную въ большей или меньшей мѣрѣ лиственными дубравами. Такой характеръ территоріи дѣлаетъ Украинца по преимуществу земледѣльцемъ, *хліборобомъ*, и кладетъ общій этнографическій отпе-

---

*) Эти По-бужскіе Русины, вмѣстѣ съ Русинами Подольскими, между рр. Ушицей и Середой, составляютъ нынѣ обширную разновидность, съ незначительными мѣстными оттѣнками, вслѣдствіе чего можно бы предположить, что эта разновидность сложилась изъ смѣси древнихъ Уличей и Бужанъ, которые въ сущности, быть можетъ, составляли одно переходное племя между Лутичами, Дулебами и Тиверцами—съ одной стороны и Хорватами—съ другой.

**) По-мѣстному городъ Луцкъ именуется Луцьке (Лутське), форма прилагательнаго притяжательнаго.

***) Что касается историческихъ указаній на различныя степени древняго родства между частями Южно-Русскаго племени, то онѣ чрезвычайно старательно изложены въ двухъ статьяхъ г. Костомарова, помѣщенныхъ въ «Основѣ» за 1861 г., именно въ статьѣ: «Черты народной Южно-Русской исторіи» и «О федеративномъ началѣ въ древней Руси».

****) Земля Пинчуковъ на югѣ сравнительно возвышеннѣе страны Полѣшуковъ, особенно по берегамъ рѣкъ; за то на сѣверѣ ее покрываютъ непроходимыя сплошныя болота почти на 1,000 кв. верстъ, извѣстныя подъ названіемъ Пинскихъ; что касается лѣсовъ, то они занимаютъ около 42% всего пространства.

чатокъ на всѣ его разновидности. Но этотъ общій видовой отпечатокъ не исключаетъ мѣстныхъ отличій, которыя обыкновенно совпадаютъ съ своеобразными отличіями мѣстности. Такъ, напримѣръ, переходная полоса отъ юга къ сѣверу, отъ Средней Украины и Волыни къ Полѣсью правой и лѣвой стороны Днѣпра, на-сколько отличается качествомъ почвы (занимающей средину между богатымъ, Среднеукраинскимъ черноземомъ, Полѣшскими рыхлыми песками) и видомъ мѣстности (усѣянной все болѣе и болѣе учащающимися лѣсами, большею частью березовыми, съ меньшимъ процентомъ дуба, за то съ часто проглядывающею уже сосной),—на-столько въ языкѣ и другихъ этнографическихъ особенностяхъ населенія замѣчается большая или меньшая степень смѣшенія, то Полѣшскихъ, то коренныхъ Украинскихъ элементовъ, изъ коихъ сложились, вмѣстѣ съ тѣмъ, также и свои собственныя своеобразныя особенности, характеризующія собою это переходное населеніе. Въ такой же мѣрѣ область широкихъ равнинъ (покрытыхъ тучнымъ черноземомъ и усѣянныхъ рѣдкими дубровами, въ которую входитъ юго-восточная полоса Волынской губерніи, сѣверо-восточная — Подольской, средніе уѣзды Кіевской и Полтавской губерніи) соотвѣтствуетъ этнографической разновидности населяющихъ ея Украинцевъ, которыхъ можно бы назвать „коренными“ Украинцами средней полосы. Къ югу отъ нихъ начинаются уже сплошныя степи Новороссіи, юга Подольской губерніи и Слободской Украины, которыя заселены опять Украинцами, отличающимися также общими, хотя и немногими своеобразными оттѣнками въ языкѣ—это такъ называемые *Степовики*. Въ свою очередь, каждая изъ этихъ трехъ видовыхъ группъ, смотря по степени разнообразія мѣстностей, принимаетъ различные оттѣнки; эти оттѣнки ярче и своеобразнѣе всего выступаютъ въ этнографической разновидности Пинчуковъ—отрасли сѣверной группы Украинцевъ, поселившейся въ лѣсахъ, и въ разновидности Побережцевъ—отрасли южной группы, занимающей мѣстность весьма волнообразную, пересѣкаемую водораздѣломъ притоковъ Днѣпра и Буга, орошаемую многими рѣками и сравнительно болѣе лѣсистую, чѣмъ даже область средней группы Украинцевъ.

Второй типъ Южно-Русскаго племени составляютъ *Полѣшуки* или *Полѣсьі*, жители лѣсовъ, соотвѣтствующіе Несторовой группѣ народцевъ: Сѣверянъ, Древлянъ, Дреговичей. Совершенно аналогично этимъ древнимъ племеннымъ под-видамъ Полѣшскаго типа, встрѣчаемъ теперь въ тѣхъ же мѣстностяхъ подобныя же этнографическія отличія, а именно: въ соотвѣтствіе Сѣверянамъ нынѣшніе *За-десенцы*, называемые также *Сіверянами* *); Древлянамъ соотвѣтству-

*) Намъ приходилось слышать это названіе въ устахъ Украинца нѣсколько иначе, именно: *Сиворяне*. Не происходитъ-ли это прозвище отъ слова *сивий* (сѣдой или сѣрый), данное За-десенцамъ за ихъ *сиві* (сѣрые) свитки, при чемъ могло случиться такъ, что,

ютъ теперешніе *Поліщуки*—въ собственномъ смыслѣ; это жители сѣверныхъ частей Кіевскаго, Радомысльскаго уѣздовъ и сѣверо-восточной половины Волынской губерніи до р. Горыни; Дреговичамъ аналогична этнографическая разновидность племени, расположившаяся между Припетью и границей Волынской губерніи и далѣе—тонкою полосой на востокъ, чрезъ Пинскій уѣздъ и Гродненскую губернію. На юго-востокъ отъ этихъ Дреговичей (названіе *Дреговичи* — отъ слова *драговина* или, по мѣстному произношенію, *дреговина*—трясина, топкое болото), встрѣчаемъ теперь новую отрасль Полѣшскаго типа, такъ-называемыхъ *Подляшанъ*. Какому древнему народцу соотвѣтствуетъ эта своеобразная разновидность племени—мы не находимъ на это ни какого удовлетворительнаго отвѣта въ исторіи; скорѣе всего слѣдуетъ допустить, что тамъ въ IX вѣкѣ жили Бужане. Но замѣчательно, однако, то, что на протяженіи всей территоріи Южно-Русскаго племени мы не встрѣчаемъ теперь ни одного уголка, въ которомъ бы господствовало такое вавилонское смѣшеніе особенностей всѣхъ нарѣчій и говоровъ этого племени, какое попадается именно въ этой мѣстности; не преувеличивая, можно сказать, что тамъ почти каждая деревня поражаетъ наблюдателя какими-либо неожиданными особенностями въ языкѣ. Изъ этой путаницы явствуетъ только одно, что чѣмъ южнѣе, тѣмъ въ говорѣ Подляшанъ чаще встрѣчаются оттѣнки Украинскаго нарѣчія, чѣмъ сѣвернѣе—Полѣшскаго, а на юго-западѣ—Русинскаго; на сѣверо-западѣ же эта смѣсь сконцентрировалась уже въ особый своеобразный говоръ, такъ называемый *Королёвськый*. Не смотря, однако, на такую разнообразную смѣсь говоровъ, преобладающимъ элементомъ является вездѣ *Польщина*, которая, служа, такъ сказать, цементомъ этой лингвистической мозанкѣ, вмѣстѣ съ тѣмъ, даетъ ей свою характеристическую окраску, которая вполнѣ выразилась въ сказанномъ *Королевскомъ* говорѣ, какъ бы органическомъ продуктѣ этой смѣси.

Однако, съ другой стороны, допуская послѣднее положеніе, мы далеки отъ того, чтобы рѣшительно утверждать, что смѣсь эта—чисто механическаго свойства и состоитъ изъ совершенно цѣльныхъ обломковъ разныхъ Южно-Русскихъ нарѣчій ближайшаго къ намъ періода, а Королевскій говоръ служитъ какъ бы новою породой, возникшею изъ этого лингвистическаго скрещенія. Напротивъ, рядомъ съ этимъ положеніемъ, можно допустить и другое, совершенно обратное, такъ какъ во всемъ Подляшскомъ поднарѣчіи, рядомъ съ оттѣнками, напоминаю-

---

вслѣдствіе созвучія, древнее слово *Сѣверяне* извращено въ *Сиворяне?* При этомъ случаѣ, считаемъ не лишнимъ замѣтить, что у народа вообще встрѣчается очень много не легко объяснимыхъ прозвищъ, даваемыхъ жителями одной мѣстности своимъ соотечественникамъ другой, такъ напримѣръ, жители Черкасскаго уѣзда называютъ Подолянъ *Буцами*, Полтавцевъ—*Гуцалами*; что такое *Буци* и *Гуцалй*—трудно понять?

щими собою другіе говоры, попадаются также формы болѣе или менѣе самостоятельныя, повидимому, древняго происхожденія, а королевскій говоръ, быть можетъ, представляетъ собою только нѣсколько болѣе уцѣлѣвшій сплошной отрывокъ нарѣчія, состоявшаго изъ этихъ древнихъ формъ. Мы не будемъ вдаваться въ уясненіе этихъ предположеній, которыя требуютъ большей массы матеріаловъ, чѣмъ мы обладаемъ; замѣтимъ только, что хотя въ подобномъ смѣшеніи нарѣчій легче, чѣмъ при другихъ условіяхъ, является дѣйствіе закона фонетическаго искаженія, обусловливающаго собою зарожденіе новаго лингвистическаго организма, тѣмъ не менѣе въ подобномъ столкновеніи разныхъ видовыхъ организмовъ языка долго еще каждымъ изъ нихъ ведется борьба за свое существованіе, результатомъ коей служитъ отчасти уцѣлѣніе нѣкоторыхъ самостоятельныхъ формъ въ первичномъ видѣ, отчасти только нѣкоторое ихъ искаженіе. Это явленіе легче всего провѣрить на переходномъ Украинско-Полѣшскомъ поднарѣчіи, сопоставивъ рядомъ съ нимъ нарѣчія Украинское и Полѣшское. Если допустить эти положенія и потомъ предположить, что смѣсь разныхъ Южно-Русскихъ говоровъ въ Подлѣсьи явилась вслѣдствіе разновременной колонизаціи края разными отраслями Южно-Русскаго племени, то, при послѣдовательномъ историческомъ уясненіи времени этой колонизаціи, можно-бы по уцѣлѣвшимъ у колонистовъ древнимъ самостоятельнымъ особенностямъ рѣчи, рядомъ съ современными, возстановить нѣкоторыя древнія формы каждаго изъ главнѣйшихъ нарѣчій Южно-Русскаго племени.

Преобладающею топографическою особенностью мѣстности, занимаемой *Полѣшуками*, является болѣе или менѣе сплошной хвойный лѣсъ, растущій на низменныхъ песчаныхъ равнинахъ, переходящихъ весьма часто въ топкія болота. *За-десенщина* отличается болотистостью и лѣсистостью, особенно въ юго-западной части, гдѣ лѣсныхъ пространствъ до 30%; *земля древнихъ Древлянъ* еще лѣсистѣе и болотистѣе: подъ лѣсами тамъ до 60% всей площади; въ землѣ же *Дреговичей*, особенно въ мѣстности между Припетью и границею Волынской губерніи, въ такъ-называемыхъ *Зарѣчьи* и *Мозырщинѣ*, тянутся непроходимыя, такъ-называемыя „волховыя“ болота, покрытыя дремучимъ лѣсомъ, занимая собою отъ 60% до 80% всего пространства. *Подлясье* наименѣе лѣсисто изъ всѣхъ мѣстностей Полѣсья, особенно юго-западной части, гдѣ болота уже перемежаются съ песчаными буграми, а мѣстами попадается болѣе плотная почва и даже изрѣдка черноземъ; въ этой части на лѣса приходится отъ 20% до 35%, а пространство воздѣлываемыхъ полей доходитъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ до 60%; за то въ сѣверо-восточной части лѣса учащаются и достигаютъ 70%, образуя такъ-называемую *Бѣловѣжскую пущу*. Климатическія и топографическія особенности Полѣсья отразились на организаціи и физіогноміи его жителей: Полѣшукъ, въ противоположность Украинцу, обыкновенно малорослъ, худощавъ и бѣлокуръ и часто

болѣетъ особаго рода болѣзнью—*колтуномъ*. Главное занятіе Полѣшуковъ составляетъ лѣсопромышленность, но при этомъ они охотно пользуются каждымъ клочкомъ земли, удобнымъ для земледѣлія.

Наконецъ, третій видовой типъ Южно-Русскаго племени составляютъ *Русины* или *Русьняки*—жители собственно Подолья *), т. е. страны, расположенной по обѣимъ сторонамъ р. Збруча, между рр. Ушицою и Середомъ, а также западнаго пограничья Волынской губерніи, всего Владимірскаго уѣзда, большей части Люблинской губерніи, Восточной Галичины, южныхъ склоновъ Карпатскихъ горъ въ Венгріи, сѣверной части Буковины и западной Хотинскаго уѣзда, Бессарабской области.

Русины соотвѣтствуютъ древнимъ Червоннымъ Хорватамъ, Уличамъ и, кажется, Бужанамъ. Въ настоящее время Русинскій типъ состоитъ изъ трехъ выдающихся разновидностей: Горянъ (горцевъ) или карпатскихъ Русиновъ, Галичанъ, иначе По-днѣстранцевъ или Червоно-Руссовъ и собственныхъ Русиновъ или Русняковъ — жителей Хотинскаго уѣзда, Подолья, Волынско-Галицкаго пограничья, Владимірскаго уѣзда и Люблинщины. Собственно-Русины служатъ какъ бы переходомъ между Русинскимъ и Украинскимъ, а на сѣверѣ — и Полѣшскимъ типами. Собственно-Русинское поднарѣчіе по фонетикѣ составляетъ какъ бы отрасль Украинскаго нарѣчія, по этимологіи же оно цѣликомъ относится къ Русинскому. Можно, кажется, допустить, что настоящіе собственно-Русины — потомки Угличей и Бужанъ, разница между коими, вѣроятно, не была велика; Галичане же и Горяне—потомки Хорватовъ **). Область, занимаемая Русинами, представляетъ собою холмистую возвышенность, образуемую Карпатами и ихъ отрогами, изъ коихъ болѣе другихъ извѣстны Авратынскія горы. Изъ всѣхъ мѣстностей, занимаемыхъ Южно-Руссами—это самая возвышенная и гористая. По частнымъ климатическимъ и топографическимъ особенностямъ своимъ,

---

*) Слово *Подолле* — означаетъ собственно мѣстность волнообразную, пересѣченную глубокими долинами; *поділъ*—наоборотъ, сплошную низменность, а *дѣлъ* (дѣлъ)—долину, оврагъ, низъ, яму.

**) Трудно объяснить себѣ, отчего вдругъ Хорваты, которыхъ застаемъ здѣсь въ половинѣ IX столѣтія, переименовываются затѣмъ въ Червонную Русь. Общее у нихъ—это эпитетъ *червонный*. Не слѣдуетъ-ли допустить, что политическій терминъ «Русь» вытѣснилъ собою имя Хорватъ, потомучто послѣднее, какъ простое прозвище (см. выше объ этомъ), даваемое въ древности двумъ совершенно разнохарактернымъ горскимъ народцамъ, именно—Червоннымъ и Бѣлымъ Хорватамъ, не могло соперничать съ нимъ относительно значенія во мнѣніи лѣтописцевъ. Поэтому кажется, что жители древней Червонной Хорватіи, позднѣйшей области Червонскихъ городовъ и Червонной Руси—все одинъ и тотъ же народъ. Съ конца первой половины XII столѣтія, вслѣдствіе образованія изъ этой *Червенщины* политическаго тѣла, съ стольнымъ городомъ Галичемъ во главѣ его, этотъ постоянный эпитетъ народа и области уже теряется, смѣняясь названіемъ Галицкой Руси, прежде въ формѣ княжества, потомъ—королевства.

она можетъ быть раздѣлена на три части: а) на страну Карпатовъ; б) на Поднѣстровскій бассейнъ, и в) на двѣ длинныя полосы сѣверной и южной покатостей Авратыновъ, среди коихъ идутъ долины рр. Западнаго Буга и Здвижа—Подлѣсье и Побужье. Карпаты хотя и не достигаютъ снѣговой линіи, но въ горахъ вообще климатъ довольно суровъ, почему жители тамъ менѣе занимаются земледѣліемъ, чѣмъ скотоводствомъ, которому благопріятствуютъ широкія *полонины* *), т. е. богатыя лѣсныя пастбища; за то долины пользуются весьма хорошимъ, умѣреннымъ климатомъ и обладаютъ хлѣбородными полями, а на южныхъ склонахъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ созрѣваютъ даже виноградники. Поднѣстровье представляетъ собою не слишкомъ волнообразную котловину, образуемую Карпатскими горами и ихъ отрогами, идущими съ запада на востокъ, подъ названіемъ Авратынскихъ горъ; эта страна довольно возвышенная и плодородная, но въ срединѣ, особенно въ такъ называемомъ *ополи*, попадаются болота и озера въ низменныхъ берегахъ. Подолье же и Побужье, раздѣляясь въ общемъ центрѣ, образуемомъ Авратынами, на пограничьи Галичины съ губерніями Волынской и Подольской, идутъ противоположными полосами: первое—на югъ до Днѣстра, второе—на сѣверъ до границы Полѣсья. Обѣ эти полосы весьма холмисты, особенно—въ центрѣ, но Подолье гораздо гористѣе Побужья. Почва перваго чрезвычайно плодородна, втораго—менѣе, особенно на сѣверѣ, гдѣ оно сходится съ Полѣсьемъ; за то тамъ на югѣ преобладаетъ отличный черноземъ, а въ срединѣ—жирная глина. Самая лѣсистая изъ трехъ сказанныхъ мѣстностей—Карпатская страна, въ которой растутъ самыя разнообразныя хвойныя и лиственныя породы деревъ; менѣе лѣсисто Поднѣпровье; а изъ двухъ остальныхъ, Побужье гораздо лѣсистѣе Подолья. Послѣднее едва обладаетъ 9% лѣса, между тѣмъ какъ первое въ южной своей части покрыто дубовыми лѣсами, занимающими уже 20% пространства, въ средней же части находится до 60% лѣса, состоящаго изъ разнообразной лиственницы, перемѣшанной съ хвоей, а въ сѣверной эта пропорція доходитъ до 80% лѣсныхъ пространствъ, покрытыхъ почти исключительно сосною и елью. Что касается главнѣйшихъ занятій Русиновъ, то у нихъ преимущественно процвѣтаетъ скотоводство и земледѣліе. По внѣшнему виду Русины въ нѣкоторыхъ характеристическихъ чертахъ отличаются какъ отъ Украинцевъ, такъ и отъ Полѣшуковъ. Русинъ обыкновенно носитъ длинные волосы, то подстригая ихъ на лбу

*) Полонина напоминаетъ собою созвучное украинское названіе лѣсной земляники — *полуниці*, въ противоположность полевой, называемой *суницею*. По сербски *планина* означаетъ гору, покрытую лѣсомъ. Замѣчательно въ этихъ словахъ употребленіе одного и того же корня въ аналогическомъ значеніи; въ другихъ словахъ этотъ корень, кажется, не встрѣчается болѣе.

ворітьми и оставляя безъ раздѣла, какъ это дѣлаютъ, напримѣръ, Подоляне, то обходясь безъ *воріть*, но, употребляя раздѣлъ, какъ дѣлаютъ Патличи—въ Бессарабіи и Гуцулы—въ Карпатахъ. Одежда Русиновъ, состоящая, то изъ *бекешъ*, то изъ черныхъ *сіряковъ*, то изъ длинныхъ *опончъ* или Гуцульскихъ короткихъ *сердаківъ*, напоминающихъ собою циджаки, всегда непремѣнно *мережана* самыми разнообразными цвѣтами. Русины, и особенно горцы, болѣе всѣхъ другихъ вѣтвей Южно-Русскаго племени, обладаютъ мѣстными этнографическими названіями; такъ, въ Карпатахъ на юго-западѣ, по сосѣдству съ Словаками, мѣстные Русины называются *Сотаками*, къ сѣверу отъ нихъ, по южному склону Карпатъ, живутъ *Крайняки*, а съ другой стороны Карпатъ, по сѣверному ихъ склону, въ такъ-называемомъ Подгорьѣ,—*Лемки*, изъ коихъ живущіе у истоковъ Сана называются еще *Бойками;* въ Перемышльскомъ округѣ—*Долы*, въ Опольѣ (около Львова)—*Гривняки;* на Покутьѣ (Коломыйскій округъ)—*Гуцулы*, изъ коихъ живущіе въ южной части называются также *Чеваками*.

Такимъ образомъ, обозрѣвая все Южно-Русское племя съ этнографо-исторической и лингвистической стороны и притомъ въ связи съ топографическими особенностями разныхъ частей населенной имъ области, мы встрѣчаемъ чрезвычайное и, вмѣстѣ съ тѣмъ, вполнѣ гармоническое разнообразіе во всѣхъ этихъ отношеніяхъ. Что касается языка, то это разнообразіе невольно напоминаетъ собою мнѣніе г. Ѳ. Буслаева, что чѣмъ языкъ древнѣе и первобытнѣе, тѣмъ болѣе дробится по мѣстнымъ говорамъ*). И эта мысль здѣсь, кажется, находитъ себѣ полнѣйшее подтвержденіе, но мы не менѣе склонны думать, что ее можно въ такой же степени отнести вообще и ко многимъ другимъ вопросамъ этнографіи, по крайней мѣрѣ—въ настоящемъ случаѣ. Несмотря, однако, на такое безконечное хотя и гармоническое разнообразіе въ характеристикѣ края и племени, выразившееся уже въ древности внутренними племенными раздорами, затѣмъ легкостью установленія дробной удѣльной системы и, наконецъ, въ козацкій періодъ—разбродомъ направленій, на который жаловался одинъ изъ гетмановъ въ своей думѣ, что

«Не въ одинъ гужъ всі тягнуть:
«Той на право, той на ліво,
«А всі жъ брати, то бо й диво;»

несмотря, говорю, на это истинное органическое разнообразіе, которое, быть можетъ, и выработало у Южно-Руссовъ извѣстныя децентралистическія наклонности, всегда мѣшавшія самостоятельному сплоченію ихъ въ какое-либо однообразное политическое тѣло**), при бѣгломъ даже взглядѣ на эту этнографическую мо-

*) См. «Истор. Грам. Рус. Яз.» М., 1868, Этимологія, стр. 4, § 3, прим. 2.

**) Существованіе Запорожскаго ордена вовсе не противорѣчитъ этому положенію

занку, сразу замѣчаются во всѣхъ этихъ отрасляхъ, кромѣ внутренней взаимной гармоніи частей, еще и другія болѣе крупныя родовыя черты, обобщающія и характеризующія племя и мѣстность и затѣмъ распредѣляющія ихъ въ послѣдовательномъ порядкѣ на болѣе или менѣе типическія отличія. Главнѣйшія изъ этихъ чертъ относительно мѣстности,—это общій характеръ ея, какъ цѣлой водной системы сѣвернаго бассейна Чернаго и Азовскаго морей; затѣмъ, съ незначительными колебаніями, общій для всей области умѣренный климатъ и преобладаніе превосходной почвы, весьма благопріятствующей земледѣлію; относительно этнографіи, наблюдателя поражаетъ всеобщность болѣе или менѣе однообразнаго міровоззрѣнія, одинаково выразившагося въ разныхъ Южно-Русскихъ мѣстностяхъ, въ обрядахъ, пѣсняхъ, легендахъ, сказкахъ, пословицахъ и даже думахъ, однихъ и тѣхъ же, какъ на Днѣпрѣ, такъ и въ Карпатахъ, такъ равно и въ Бѣловѣжской пущѣ, и въ южныхъ степяхъ, на берегу моря*). Характеръ Южно-Русса имѣетъ также свои типически-однообразныя черты, не менѣе его міровоззрѣнія; онѣ болѣе всего выражаются во всеобщей наклонности Южно-Русса къ задумчивой созерцательности, къ задушевному лиризму, особенно въ той его юмористической формѣ, которую весьма удачно опредѣлилъ Гоголь словами: „сквозь видимый міру смѣхъ—невидимыя слезы“ и даже во внѣшней характеристической равномѣрности физическихъ его движеній, надъ которой такъ любятъ подшучивать Велико-Руссы. Что касается остальныхъ болѣе или менѣе типичныхъ чертъ, то онѣ изложены въ извѣстной статьѣ г. Костомарова: „Двѣ русскія народности“. О языкѣ спеціально будетъ сказано ниже; здѣсь же замѣтимъ только, что, при массѣ общихъ характеристическихъ особенностей, весьма отчетливо въ своей совокупности выдѣляющихъ Южно-Русскую рѣчь изъ среды ей соплеменныхъ и родственныхъ нарѣчій, замѣчательно еще и то обстоятельство, что эти особенности находятся въ чрезвычайно разнообразныхъ варіантахъ и фазахъ развитія, уясняющихъ собою не только важнѣйшіе законы Южно-Русскаго, но и другихъ Славянскихъ языковъ.

Итакъ, вотъ тѣ главнѣйшія общія черты, которыя обозначаютъ собою единствоЮжно-Русскаго племени въ связи съ главнѣйшими однообразными особенностями его обиталища. Затѣмъ, переходя къ частностямъ, мы замѣчаемъ опять, что съ одной стороны топографія края представляетъ собою три главнѣйшія мѣстности, имѣющія разнохарактерныя физіономіи, а именно: страну возвышенныхъ равнинъ, занятыхъ полями и кое-гдѣ осѣненныхъ дубровами, далѣе—страну дремучихъ, почти сплошныхъ, лѣсовъ, растущихъ на низменной и болотистой равнинѣ и, наконецъ, страну холмистыхъ котловинъ, глубокихъ овраговъ

*) Превосходнымъ подтвержденіемъ этому служитъ громадная масса этнографическаго матеріала, собраннаго П. П. Чубинскимъ.

и громадныхъ цѣпей горъ, живописно покрытыхъ большими группами разбросанныхъ по нимъ лѣсовъ, такъ и съ другой — этнографія и языкъ племени представляютъ три характеристическія видовыя отличія или типа — это типъ Украинскій (Древне-Полянскій), Полѣшскій (Древне-Древлянскій) и Русинскій (Древне-Хорватскій). Всѣ остальныя отличія относятся къ какому-нибудь изъ этихъ главныхъ типовъ, только какъ болѣе или менѣе разнообразныя видоизмѣненія ихъ. Распредѣленіе какъ главныхъ, такъ и второстепенныхъ отличій почти совершенно сходствуетъ между собою въ этнографическомъ и лингвистическомъ отношеніяхъ. Подробный планъ распредѣленія этихъ отличій можно нагляднѣе видѣть изъ прилагаемой „Карты Южно-Русскихъ нарѣчій и говоровъ“, а относительно самой лингвистики—изъ описанія ихъ въ слѣдующей главѣ, въ которой попытаемся изложить главнѣйшія особенности всѣхъ этихъ нарѣчій. Здѣсь же еще добавимъ только, что, сравнивая между собою три сказанные главные типа Южно-Русской рѣчи, мы находимъ между ними характеристику сходства и различія слѣдующаго рода: а) въ *фонетическомъ* отношеніи болѣе сходства между Украинскимъ и Русинскимъ нарѣчіями, чѣмъ между ими обоими, и въ особенности первымъ, и Полѣшскимъ нарѣчіемъ, и б) въ *этимологическомъ* болѣе сходства между Украинскимъ и Полѣшскимъ, чѣмъ между этими двумя нарѣчіями и Русинскимъ. Что касается степени сходства и отличія между нарѣчіями въ синтаксическомъ и лексическомъ отношеніяхъ, то онѣ не могутъ быть пока опредѣлены, по неимѣнію данныхъ для этого.

Приведенное распредѣленіе главнѣйшихъ типовъ Южно-Русскаго языка, само по себѣ вытекая прямо изъ сдѣланныхъ мною наблюденій и изслѣдованій, подтверждается прилагаемыми матеріалами и совершенно совпадаетъ со взглядомъ на этотъ предметъ П. П. Чубинскаго, который, наблюдая народъ всесторонне съ общей этнографической точки, вынесъ изъ своихъ ученыхъ поѣздокъ съ этою цѣлью совершенно такое же впечатлѣніе относительно этнографическаго распредѣленія племени, о чемъ имъ и заявлено Географическому Обществу.

Теперь приступимъ къ описанію отличительныхъ особенностей и признаковъ нарѣчій, поднарѣчій и говоровъ Южной Россіи.

II.

Какъ уже было сказано въ I-й главѣ настоящей статьи, Южно-Русскій языкъ состоитъ изъ трехъ главныхъ видовыхъ отдѣловъ или нарѣчій: Украинскаго, Полѣшскаго и Червоно-Русскаго (Русинскаго). Разсмотримъ каждое изъ этихъ нарѣчій порознь.

А. Украинское нарѣчіе.

Область. — Украинское нарѣчіе—самое распространенное изъ трехъ упомянутыхъ выше Южно-Русскихъ нарѣчій. Оно занимаетъ слишкомъ $^2/_3$ всего пространства, населеннаго Южно-Руссами, и охватываетъ слѣдующія мѣстности: въ *Минской* губерніи: юго-западную часть Пинскаго уѣзда (такъ называемыя Загорье и Зарѣчье), ограниченную съ сѣвера лѣвымъ побережьемъ р. Ясельды, а съ востока—правымъ побережьемъ р. Стыри; въ *Гродненской* губерніи: юго-восточную полосу Кобринскаго уѣзда; въ *Волынской* губерніи: уѣзды: Ковельскій, Луцкій, юго-западную полосу Ровенскаго, ограниченную съ сѣвера и запада р. Горынью, двѣ трети восточной части Дубенскаго, восточную половину Кременецкаго, весь Острожскій, Заславскій, Староконстантиновскій (за исключеніемъ западной полосы), двѣ трети южной части Новоградъ-Волынскаго (по городъ Новоградъ-Волынскъ) и всю южную и среднюю часть Житомірскаго уѣзда, по рѣку Иршу; въ *Подольской* губерніи: всѣ уѣзды, за исключеніемъ: Каменецъ-Подольскаго, западной полосы Проскуровскаго, западной части Ушицкаго, по рѣку Ушицу, и юго-западнаго угла Балтскаго уѣзда, образуемаго рр. Днѣстромъ и Ягорлыкомъ; въ *Бессарабіи:* сѣверо-западную половину Сорокскаго уѣзда (за исключеніемъ небольшаго клина, идущаго съ запада на востокъ, отъ пограничья Бѣлицкаго и Хотинскаго уѣздовъ), приморскую и среднюю полосу, идущую съ юго-востока на сѣверо-западъ Аккерманскаго уѣзда, и южный небольшой клинъ въ Бендерскомъ уѣздѣ; въ *Кіевской* губерніи: всѣ уѣзды, за исключеніемъ сѣверной части Радомысльскаго по р. Иршу и сѣвернаго угла Кіевскаго; всю южную

часть *Черниговской* губ. до р. Десны, за исключеніемъ Новгородъ-Сѣверскаго уѣзда; всю *Полтавскую* губернію, *Харьковскую, Екатеринославскую, Землю Черноморскихъ и Азовскихъ Козаковъ, Таврическую,* за исключеніемъ Крыма, до Перекопскаго перешейка; но также и въ *Крыму:* всю сѣверо-западную половину Керченскаго полуострова и многія колоніи, особенно по берегамъ моря; *Херсонскую* губернію, за исключеніемъ по-Днѣпровской тонкой полосы Тираспольскаго и Овидіопольскаго уѣздовъ (до города Овидіополя, на югѣ); въ *Курской* губерніи: весь Путивльскій уѣздъ, юго-западную полосу Рыльскаго, Суджанскій, Грайворонскій, Бѣлгородскій, двѣ трети южной части Старо-Оскольскаго, южную полосу Корочскаго и Ново-Оскольскаго уѣзда; въ *Воронежской* губерніи: уѣзды Валуйскій, Бирюченскій, юго-западную часть Коротоякскаго, почти всю южную часть Богучарскаго, Острогожскій и восточную половину Павловскаго. Сверхъ того, населеніе, говорящее Украинскимъ нарѣчіемъ, расположено спорадически довольно густыми массами въ *Землѣ Войска Донскаго* къ югу отъ рр. Донца и Маныча до Азовскаго моря и Земли Черноморскихъ Козаковъ, а также въ восточной половинѣ *Ставропольской* губерніи и, на югъ отъ р. Кубани, вдоль Чернаго моря въ западной отрасли Кавказскихъ горъ. Въ *Турціи* Украинцы заселяютъ приморскую полосу, между границей Бессарабіи и сѣвернымъ рукавомъ р. Дуная, и область Добруджу.

Общіе признаки. — Украинское нарѣчіе — самое типичное изъ всѣхъ Южно-Русскихъ нарѣчій: на немъ создался историческій народный эпосъ (думы); его особенности представляются образцовыми для массъ, говорящихъ другими нарѣчіями, въ особенности, для жителей мѣстечекъ и городовъ и, въ силу этого, сказанныя особенности замѣтно проникаютъ въ область этихъ нарѣчій, образуя переходные говоры; наконецъ, на немъ явились лучшіе образцы письменной Южно-Русской литературы, благодаря которымъ Украинское нарѣчіе, особенно въ послѣднее время, начало усвоиваться также Галицкою письменностью, попытки которой создать для себя мѣстный литературный языкъ, въ концѣ концовъ, оказались несостоятельными.

Общіе признаки Украинскаго нарѣчія на-столько уже извѣстны, что распространяться о нихъ въ этомъ очеркѣ было бы излишнимъ; поэтому мы приведемъ вкратцѣ главнѣйшіе только изъ нихъ и наиболѣе характеризующіе это нарѣчіе, сравнительно съ двумя другими. Эти признаки слѣдующіе:

1) Перезвуки краткіе нёбнаго характера, съ преобладающимъ элементомъ *і;* впрочемъ, они имѣютъ нѣсколько формъ:

ô = *і, ъі, и* и даже *е:* л*і*й, л*ъі*й, л*и*й, л*е*й; *ê* = *і, и:* прив*і*зъ, прив*и*зъ.

2) *ѣ*, съ удареніемъ и безъ ударенія, большею частію = *і*, но иногда и *и*.

3) *а* твердое и *а* смягченное (*я*) иногда, хотя очень рѣдко, = *і*: кр*а*й и

крій, сядай и сідай, роззявляти и роззівляти, одягатись и одігатись, въ штанахъ, штаняхъ и штанíхъ, и проч.

4) *е* всегда твердо безъ всякихъ исключеній; *е* безъ ударенія въ произношеніи приближается къ *и*.

5) *и* общее, какъ для дебелаго, такъ и для остраго, тоже безъ всякихъ исключеній; но въ разныхъ говорахъ различаются оттѣнки болѣе или менѣе твердаго произношенія его.

6) *о*, безъ ударенія, въ нѣкоторыхъ случаяхъ, близко подходитъ въ произношеніи къ *у*.

7) Способъ посредственнаго смягченія губныхъ помощью приставки *л* сильно развитъ, но встрѣчаются исключенія; *м* любитъ принимать эвфоническое *н*, хотя иногда смѣняетъ его также йотой.

8) *ц* и *с*, въ суффиксахъ, почти всегда мягки: хлопе*ць*, молоди*ця*, *людзькій* и *людзьський*, вмѣсто *людський*.

9) Вліяніе мягкихъ звуковъ на сочетающіеся съ нимъ твердые въ полной силѣ.

10) Формы неопредѣленнаго наклоненія: бі*гти*, сі*кти*, сох*ти*, греб*ти*, рев*ти*, лити и пр. Въ глаголѣ *бути* всегда *у*, а не *и*; въ *мати* всегда *а*.

11) Въ глаголахъ съ возвратнымъ мѣстоимѣніемъ *ся*, глагольный суффиксъ *т* никогда не выпадаетъ, но въ нѣкоторыхъ случаяхъ, сочетаясь съ *с*, образуетъ *ц* или *ци*: пита*тися* или пита*ця* = пита*ть-ся* пита*ся* и пита*ця* = пита*ться*, несе*ця* или несе*ця* = несе*ть-ся*, и пр. (Тоже и въ Полѣшскомъ нарѣчіи). Но въ Побережско-Подольскомъ поднарѣчіи встрѣчаются отступленія отъ этого правила.

12) Будущее время съ *буду* и *иму*.

13) 2-е лицо множеств. числа повелительнаго наклон. на *-іте*, *-іть*, *-ітъ*: ході*те*, ході*ть*, хо́ді*тъ*, и пр.

14) Существительное ед. числа средняго рода, большею частью, на *-я*, *-а*: теля, лоша, кохання, бігання, багатт*я* и пр.

15) Дательный падежъ ед. числа муж. рода преимущественно на *-ові*, *-еві*: коневі, домові, дубові, волові и пр., но изрѣдка бываетъ и на *-у*, *-ю*: коню, волу́ и пр.

16) Творительный падежъ ед. числа жен. рода на *-ою*, *-ёю*, *-ею*: бідною, синёю, кривлею, волею, силею, пічою, а также, послѣ ассимилированныхъ дифтонговъ, на *-ю*, *-у*: піччу, ніччу, по-підъ тинню, сіллю и пр.

17) Окончаніе именит. падежа ед. числа мужескаго рода прилагательныхъ полное: бідний, синій.

18) Въ родительномъ и творительномъ падежахъ ед. числа *е* не переходитъ

въ *о, ё:* конемъ, коневі; но послѣ шипящихъ равно употребительны *е* и *о:* мечемъ и мечомъ, ножемъ и ножомъ и пр.

Поднарѣчія.—Украинское нарѣчіе не имѣетъ особенно-рѣзко выдѣляющихся поднарѣчій, но тѣмъ не менѣе въ главнѣйшихъ своихъ признакахъ представляетъ мѣстныя отличія, обозначающія отдѣльныя его вѣтви. По этимъ отличіямъ Украинское нарѣчіе состоитъ изъ трехъ поднарѣчій: а) Сѣверно-Украинскаго или Украинско-Полѣшскаго; б) Средне-Украинскаго или Собственно-Украинскаго, и в) Южно-Украинскаго или Степоваго.

а) Сѣверно-Украинское или Украинско-Полѣшское поднарѣчіе.

Область. Оно занимаетъ: 1) въ *Минской* губерніи: юго-западную часть Пинскаго уѣзда*); въ *Гродненской:* юго-восточную полосу Кобринскаго уѣзда; въ *Волынской:* уѣзды—Ковельскій, Луцкій, сѣверо-восточный уголъ Дубенскаго, сѣверо-западный уголъ Острожскаго и юго-западную полосу Ровенскаго уѣзда, по р. Горынь; 2) въ *Волынской* же губерніи: сѣверо-восточную полосу Острожскаго уѣзда, сѣверный уголокъ Заславскаго уѣзда и среднюю полосу, идущую съ запада на востокъ и занимающую около $^1/_3$ всего Новоградъ-Волынскаго и нѣсколько меньшую часть Житомірскаго уѣздовъ; въ *Кіевской* губерніи: всю южную часть Радомыслъскаго уѣзда, до р. Ирши, на сѣверѣ; юго-восточный уголокъ Сквирскаго уѣзда, по р. Ирпень, сѣверную полосу Васильковскаго уѣзда, по р. Упаву и Стугну, и Кіевскій уѣздъ, безъ сѣверной полосы, выше впаденія въ Днѣпръ р. Ирпени, и южной, лежащей по правую сторону р. Стугны, и 3) въ *Черниговской* губерніи: все пространство ея къ югу отъ р. Десны, за исключеніемъ Новгородъ-Сѣверскаго уѣзда. А равно, въ *Полтавской* губерніи: сѣверныя части уѣздовъ—Переяславскаго, Пирятинскаго и Лохвицкаго, по южную черту, идущую отъ впаденія въ Днѣпръ р. Трубежа на востокъ, на гор. Пирятинъ до гор. Лохвицы; весь Прилукскій уѣздъ и всю сѣверную часть Роменскаго уѣзда, по р. Сулу; въ *Харьковской* губерніи: сѣверный уголъ Лебединскаго уѣзда, по р. Сулу, и сѣверо-западную полосу Сумскаго уѣзда, и въ *Курской* губерніи: весь Путивльскій уѣздъ, съ прилегающимъ къ нему западнымъ угломъ Рыльскаго уѣзда.

Признаки. 1) Перезвукъ $\hat{o}=u$, которое иногда видоизмѣняется въ *е*, или принимаетъ легкое приращеніе $y=\hat{yu}$: вилъ, кинь, велъ, кень, в$\hat{yu}$лъ, к$\hat{yu}$нь; *о* остается чаще, чѣмъ въ другихъ нарѣчіяхъ: овса, бокъ и пр.

2) *е* и *ъ* безъ ударенія $=e$: беда, песокъ, ведро, камень; но употребительно также *і:* білий, біда, ріка, піску; *ъ* и *е* съ удар. всегда $=i$ или *и*.

3) *і* послѣ *г, к, х:* гінути, кідати и пр.

---

*) См. подробности выше: *Область Украинскаго нарѣчія.*

4) Послѣ *ж, ч, ш* иногда употребляется *я:* держ*я*ть, ускоч*я*ть и пр.

5) *з* и *ж, ц* и *ч* мѣняются: мезъ, озередъ, зеврити и ме*ж*ъ, о*ж*ередъ, *ж*еврити; *ц*и и *ч*и, *ц*ерезъ, *ч*ерезъ и *к*ерезъ.

6) *д* вм. *т* въ частицахъ: *до, да, д*акъ вм. *то, та, т*акъ.

7) *н* мягкое и *н* твердое: смі*ня* и смі*на*, пі*ня* и пі*на*.

8) *є* вм. *я* въ сущ. ср. рода: хлоп*є*, проханн*є*.

9) эвфоническое *й* въ словахъ: до ёго (його), *і*мъ (йімъ), *є*ю (йею) и пр.

10) Причастіе страдательное на *-ений:* печ*ений*, вар*ений*.

Разнорѣчія. Сѣверно-Украинское поднарѣчіе дѣлится на разнорѣчія: I) Нѣжинско-Переяславское или Сѣверско-Украинское, II) Собственно- или Средне-Украинско-Полѣшское и III) Пинско-Волынское.

I.—*Нѣжинско-Переяславское* или *Сѣверско-Украинское разнорѣчіе* занимаетъ южную часть Черниговской и сѣверную Полтавской губерній, а также сѣверо-западную полосу Харьковской и западный уголъ Курской губерніи; точнѣе же вся площадь его обозначена выше въ общемъ описаніи области Сѣверно-Украинскаго поднарѣчія, п. 3-й.

Главнѣйшія его особенности:

1) *о* = *и* съ легкимъ приражeніемъ *у:* к*у̂и*нь, п*у̂и*пъ; иногда же *о* остается. конь, попъ. Звукъ *у̂и*, несмотря на свою сложность, на-столько кратокъ, что г. Новицкій почиталъ его равнымъ глухому *ъ*, почему приведенныя слова онъ пишетъ: кънь, пъпъ.

2) *а, я* = иногда *е:* запр*е*гати, сон*е*шникъ.

3) *і* среднее: глед*і*ти, дел*і*, с*і*мнє.

4) Губные согласные принимаютъ эвфоническіе *й, л*, весьма часто даже передъ *і:* об*й*ідъ, прив*й*ізъ, див*л*іться, куп*л*іть, м*й*ігъ, а при *м* употребительно также *н*: лом*н*ю, м*н*ясо и пр.

5) *р* на концѣ слова—твердое, но передъ *я* произносится мягко: ца*ръ*, писа*ръ*; ца*ря*, бу*ря* (послѣднее требуетъ еще повѣрки).

6) *д, т, с, з* смягчаются въ *дж, ч, ш, ж*, но *д* иногда также требуетъ йотированнаго гласнаго звука: розсер*дю*сь.

7) Неопредѣленное наклон. на *-ть* и *-цця*: біга*ть*, ходи*ть*, писа*ть*, би*цця*, свари*цця* и пр.

8) Формы 3-го лица единственнаго числа настоящаго времени: хо́ди*ть*, ро́би*ть* и ход*е*, роб*е*; біг*а*, біг*ає* и біга*єть*.

9) 3-е лицо множ. ч. наст. вр: ходять и ход*ю*ть, нос*я*ть и нос*ю*ть.

10) Будущее время чаще съ вспомогательнымъ глаголомъ *иму*, чѣмъ съ *буду*.

11) Формы 2-го лица множ. ч. повелит. наклон. глаголовъ: пить, лить, бить = п*й*іть, л*л*іть, б*й*іть.

12) Дательный падежъ ед. ч. существительныхъ почти всегда на *-у*, *-ю*: кон*ю*, чоловік*у*.

13) Именительный падежъ единств. числа прилагательныхъ муж. рода на *-и́ -і́* долгія вм. *ий*, *ій*: біл*и́*, син*і́* произносится какъ-бы: біл*ии*, син*іі*.

14) Юсу ѩ соотвѣтствуетъ *я*.

II.—*Собственно-* или *Средне-Украинское-Полѣшское разнорѣчіе*, начинаясь у Днѣпра довольно широкою полосой, имѣющею въ центрѣ своемъ Кіевъ, идетъ на западъ, чрезъ Кіевскую и Волынскую губерніи, въ видѣ тупаго клина, достигающаго своею узкою оконечностью р. Горыни. Болѣе подробное обозначеніе площади его см. въ общемъ описаніи области Сѣверно-Украинскаго поднарѣчія, п. 2-й.

Главнѣйшія особенности его слѣдующія:

1) *о* = *и*: к*и*нь (конь), к*і*нь (брось), п*и*пъ, в*и*лъ (попъ, волъ).

2) *и* твердое: б*и*къ, с*и*ла произносятся какъ б*ы*къ, с*ы*ла.

3) *р* твердое, но передъ *а* обыкновенно смягчается: *ря*дно, п*ря*сти, г*ря*дка.

4) *д* смягчается въ *дж* и *ж*: хо*дж*у и хо*ж*у.

5) Неопредѣленное наклоненіе на *-ть*; но въ западномъ говорѣ на *-ти* и *-цця*.

6) 2-е лицо множеств. числа повелительн. наклоненія глаголовъ: пить, бить = п*ий*те, б*ий*те.

7) Именительный падежъ единств. числа мужескаго рода прилагательныхъ на *-ий*, *-ій*: жовт*ий*, син*ій*.

8) Дательный падежъ единств. числа муж. рода существительныхъ на *-у*, *-ю*: пан*у*, кон*ю*, но въ западномъ говорѣ также и на *-ові*.

9) Юсу ѩ соотвѣтствуетъ *я*.

III.—*Пинско-Волынское разнорѣчіе* занимаетъ мѣстности Минской, Гродненской и Волынской губерній, обозначенныя выше въ общемъ описаніи области Сѣверно-Украинскаго поднарѣчія, п. 1-й.

Главнѣйшія особенности его слѣдующія:

1) *о* = *и*, произносящемуся гортанно и дебело; на сѣверѣ это *и* переходитъ въ *е*. Но часто также *о* = *ъі*, *і*: к*и*нь, с*и*къ, н*и*съ, в*и*лъ, п*и*пъ; к*е*нь, с*е*къ, н*е*съ, в*е*лъ, п*е*пъ; к*і*нь, с*ъі*къ, н*ъі*съ, в*і*лъ, п*і*пъ.

2) *и* дебелое: б*и*т*и*, с*и*ній = б*ы*т*ы*, с*ы*ній.

3) Юсу ѩ большею частью соотвѣтствуетъ *є*, *е*, *и*: мн*є*со, пй*є*ть, нан*є*ти, бй*є*цє, держ*и*тъ, роб*и*тъ вм. держ*а*ть, робл*я*ть.

4) *о* безъ ударенія всегда = *у*: *у*вечка, *у*гонь, *у*рати, *у*бідъ, к*у*лоссє, к*у*л*у* припечка. Иногда также вм. *о* бываетъ *е*: біл*е*ю, чорн*е*ю, м*е*му, и пр.

5) *р* твердое во всѣхъ случаяхъ.

6) *д*, *т*, *з*, *с* смягчаются, въ южныхъ говорахъ, въ *дж*, *ж*, *ч*, *ш*; въ сѣ-

верныхъ въ *дь, ть, зь, сь;* но послѣдняя форма смягченія встрѣчается отчасти также и на югѣ.

7) Формы неопредѣленнаго наклоненія полныя: *любити, огледати, любитисє, огледатисє.* Вмѣсто *ревти* употребляется *русти,* но *гребти* остается.

8) 3-ье лицо множ. числа настоящаго времени на *-етъ* и *-итъ,* вмѣсто *ятъ,* но встрѣчается отчасти и послѣдняя форма: вони держ*я*тъ, держ*и*тъ, роб*е*тъ, роб*и*тъ, но и: держ*а*тъ, робл*я*тъ.

9) Повелительное наклоненіе имѣетъ полную форму: диви*тесє* или диви*тесь,* купі*те* вм. диві*цце,* купітъ, хотя встрѣчаются изрѣдка и послѣднія.

10) Окончаніе именит. подежа единственнаго числа прилагательныхъ мужескаго рода — полное: бідн*ий,* зл*ый* и пр.; множеств. числа—усѣченное: чорн*и,* біл*и.*

11) Творительный падежъ именъ женскаго рода *-ею* вм. *-ою*: біл*ею,* чорн*ею.*

12) Дательный падежъ существительныхъ мужескаго рода на *-ови, -еви*: кон*еви* или конё*ви,* чоловік*ови* и пр.

13) Формы уменьшительныхъ: сон*енко* и сон*ейко* вм. сон*енько.*

14) Именительный падежъ множественнаго числа существительныхъ иногда на *-є* вм. *-і:* конє.

б) Средне-Украинское и в) Южно-Украинское или Степовое поднарѣчія.

Область Средне-Украинскаго поднарѣчія заключаетъ въ себѣ слѣдующія мѣстности: 1) въ *Волынской* губерніи: юго-восточную треть Дубенскаго уѣзда, восточную половину Кременецкаго, Староконстантиновскій, за исключеніемъ сѣверной его полосы, Заславскій, кромѣ сѣвернаго угла, болѣе трети южнаго пространства Новоградъ-Волынскаго и почти всю южную половину Житомірскаго, по г. Житоміръ; въ *Подольской* губерніи: восточную часть Проскуровскаго уѣзда, почти двѣ трети сѣверной части Летичевскаго и Литинскаго уѣздовъ и сѣверную половину Винницкаго уѣзда; въ *Кіевской* губерніи: весь Бердичевскій уѣздъ, южную часть Сквирскаго уѣзда до истоковъ р. Упавы и до р. Каменки на сѣверѣ; юго-западный уголъ Васильковскаго уѣзда до р. Каменки и Роси, весь Таращанскій уѣздъ; топкую сѣверо-западную полосу Звенигородскаго уѣзда, сѣверный уголъ Уманскаго и почти всю сѣверную Липовецкаго; 2) въ *Кіевской же*: полосу Сквирскаго уѣзда, входящую острымъ клиномъ въ Житомірскій и заключенную между истоками р. Здвижа и р. Ирпенью—съ одной стороны, и истоками р. Упавы и р. Каменки—съ другой; среднюю полосу Васильковскаго уѣзда, раздвигающую свои границы къ востоку, съуживающую къ западу и заключенную между р. Каменкой и Росью—съ юга, и чертою между Упавой и Стугной—съ сѣвера; южную часть Кіевскаго уѣзда, по

р. Стугну, весь Каневскій уѣздъ и сѣверную часть Черкасскаго уѣзда, почти до р. Ольшанки; въ *Полтавской* губерніи: южныя части Переяславскаго, Пирятинскаго и Лохвицкаго уѣздовъ, по сѣверную черту, идущую изгибами, отъ впаденія въ Днѣпръ р. Трубежа, на Пирятинъ до Лохвицы, и далѣе на сѣверъ р. Сулою до границы Лохвицкаго уѣзда; южную полосу Роменскаго, по р. Сулу; весь Золотоношскій, Лубенскій, Хорольскій, Миргородскій, Гадячскій, Полтавскій, Зеньковскій и Кременчугскій уѣзды, за исключеніемъ южнаго его угла, ниже города Кременчуга; сѣверную полосу Кобелякскаго и сѣверо-западную Константиноградскаго уѣзда; въ *Харьковской* губерніи: Лебединскій и Сумскій уѣзды, за исключеніемъ сѣверо-западныхъ полосъ, а также весь Ахтырскій, Богодуховскій и западную половину Валкскаго; въ *Курской* губерніи: южную полосу Рыльскаго, Суджанскій уѣздъ, западную полосу Грайворонскаго, и, отдѣльно, на югѣ, *Земли Черноморскихъ* и *Азовскихъ Козаковъ*.

Область Южно-Украинскаго поднарѣчія занимаетъ: 1) въ *Подольской* губерніи: южную треть Летичевскаго и Литинскаго уѣздовъ, юго-западную треть Винницкаго, восточную треть Ушицкаго, по р. Ушицу, весь Могилевскій, Ямпольскій, Ольгопольскій и, за исключеніемъ пограничныхъ сѣверо-восточныхъ полосъ, уѣзды: Брацлавскій, Гайсинскій и Балтскій, безъ его южнаго угла, и въ *Бессарабіи* части уѣздовъ: Хотинскаго, Сорокскаго и Бѣлицкаго, обозначенныя выше въ общемъ описаніи области Украинскаго нарѣчія; 2) затѣмъ, также въ *Подольской* губерніи: сѣверо-западныя полосы уѣздовъ: Винницкаго, Брацлавскаго, Гайсинскаго и Балтскаго; въ *Кіевской* губерніи: южную половину Липовецкаго, почти весь Уманскій, за исключеніемъ сѣверо-западныхъ полосъ, и весь Чигиринскій; въ *Полтавской:* южный уголъ Кременчугскаго уѣзда, Кобелякскій и Константиноградскій, за исключеніемъ сѣверо-западныхъ полосъ; въ *Харьковской*: всѣ уѣзды на востокъ отъ границы Богодуховскаго и Харьковскаго уѣздовъ и до черты, проведенной съ сѣвера на югъ, чрезъ гор. Валки, серединою Валкскаго уѣзда; въ *Курской*: всѣ обозначенныя въ описаніи области Украинскаго нарѣчія части уѣздовъ: Грайворонскаго (кромѣ западной его полосы, упомянутой уже выше), Бѣлгородскаго, Корочскаго, Ново-Оскольскаго и Старо-Оскольскаго, а также всѣ мѣстности, обозначенныя тамъ же (въ описаніи области Украинскаго нарѣчія), въ *Воронежской* губерніи, въ *Землѣ Войска Донскаго*, въ *Екатеринославской, Таврической, Херсонской* губерніяхъ и въ уѣздахъ: Аккерманскомъ и Бендерскомъ *Бессарабской* губерніи; а также въ *Турціи*. Рѣчь колонистовъ Ставропольскихъ, Кавказскихъ и Крымскихъ мы вовсе не знаемъ, къ какому она относится говору.

Примѣчаніе. Мы обязаны сказать, что всѣ мѣстности, обозначенныя выше, во 2-мъ пунктѣ, отнесены нами къ области Южно-Украинскаго поднарѣчія на основаніи весьма недостаточныхъ свѣдѣній, почерпнутыхъ нами изъ разсказовъ

разныхъ лицъ; но и эти свѣдѣнія относятся лишь къ небольшому району. Если же провести черту приблизительно отъ Тирасполя (на Днѣстрѣ), чрезъ Вознесенскъ (на р. Бугѣ), и далѣе на Екатеринославъ до Изюма (на р. Донцѣ), а оттуда къ сѣверу на Волчанскъ, то все пространство Южно-Русскаго материка, къ югу и востоку отъ этой черты, совершенная для насъ terram incognitam относительно особенностей рѣчи. Тоже самое мы должны сказать и относительно Южно-Русской рѣчи въ Курской и Воронежской губерніяхъ. Поэтому, на прилагаемой картѣ Южно-Русскихъ нарѣчій и говоровъ мы обозначили сказанныя мѣстности черточками, означающими сомнительную принадлежность мѣстныхъ говоровъ къ одному изъ двухъ Украинскихъ поднарѣчій—среднему, или южному. Но и это предположеніе основывается лишь на нашихъ личныхъ догадкахъ, которыя, быть можетъ, окажутся современемъ ошибочными.

Общіе признаки общихъ поднарѣчій. Средне-Украинское и Южно-Украинское поднарѣчія, въ существенныхъ чертахъ, мало отличаются другъ отъ друга. Главнѣйшее же отличіе, подавшее поводъ къ раздѣленію ихъ, состоитъ въ весьма послѣдовательной разницѣ смягченія согласныхъ въ спряженіи. Общіе признаки обоихъ поднарѣчій слѣдующіе:

1) *о* = *і*, *ѣ*: вѣзъ (вёзъ и возъ), бѣгъ (богъ и бѣжалъ), рѣвъ (канава и ревѣлъ), мѣвъ (мёлъ и рѣчей), сѣкъ (сокъ и сѣкъ), нѣсъ (носъ и нёсъ) и пр. Но послѣ *н, л, з, с, д, т* въ произношеніи часто также различается *о* отъ *ъ, е*,— тѣмъ, что хотя всѣ эти звуки переходятъ въ *і*, но при *і* (изъ *о*) сказанные согласные удерживаютъ твердый звукъ: нъ*і*съ, лъ*і*зъ, съ*і*къ, дъ*і*лъ, тъ*і*къ (носъ, лозъ, сокъ, долина, гумно); н*і*съ, л*і*зъ, с*і*къ, д*і*лъ, т*і*къ (нёсъ, лёзъ, сёкъ, дёлъ, тёкъ) и пр.

2) *е* и *ъ* всегда = *і* острому.

3) Юсу ѧ всегда соотвѣтствуетъ *я*.

4) *а*, послѣ смягченныхъ и шипящихъ согласныхъ, никогда не переходитъ въ *е*.

5) Эвфоническія, при губныхъ, въ большомъ употребленіи, а именно: *л* при всѣхъ губныхъ согласныхъ, а также *н* при *м*, особенно въ западныхъ разнорѣчіяхъ; йота же употребляется весьма рѣдко.

6) *г, к, х* и *ж, ч, ш* всегда сочетаются съ *и*, и только первыя, въ одномъ Побережско-Подольскомъ разнорѣчіи) изрѣдка также съ *і*.

7) Двойная форма будущаго времени съ *иму* и *буду* въ полномъ развитіи.

8) Именительный падежъ единств. числа средняго рода на *-а, -я*: ноша, теля, кохання, писання, бігання и пр.

9) Дательный падежъ единств. числа муж. рода на *-ові, -еві*, но въ восточныхъ разнорѣчіяхъ встрѣчается также форма на *-у*.

10) Именительный падежъ множ. числа прилагательныхъ имѣетъ окончанія

усѣченное и полное: бідні, бідніі, сині, синіі и пр. Тоже въ единственномъ числѣ, для женскаго и средняго рода: бідна, синя, бідная, синяя, бідне, сине, біднее, синее.

Существенное отличіе обоихъ поднарѣчій состоитъ, какъ уже было сказано, въ способѣ смягченія согласныхъ *д, т, з, с* въ спряженіи, а именно: *Средне-Украинское* поднарѣчіе смягчаетъ ихъ посредствомъ видоизмѣненія въ шипящіе *дж*, а также иногда въ *ж, ч, ш*: ходити—ходжу, хотіти—хочу, возити—вожу, носити—ношу. Второстепенныя особенности слѣдующія: 1) причастіе страдательное на *-еный* и *-аный* и 2) третье лицо единственнаго числа настоящаго времени на *-итъ, -ить*: ходитъ, робитъ. *Южно-Украинское*— смягчаетъ посредствомъ йотировки: ходити— ходю, хотіти—хотю, возити—возю, носити—носю. Второстепенныя особенности слѣдующія: 1) причастіе страдательное всегда на *-еный* и 2) третье лицо единственнаго числа настоящаго времени, особенно на юго-западѣ и сѣверо-востокѣ, часто оканчивается на *-е, -и* вм. *-итъ, -ить*: ходе, робе, ходи и пр.

Разнорѣчія. Каждое изъ этихъ двухъ поднарѣчій распадается еще на разнорѣчія, составляющія двѣ несходныя группы: Юго-Восточную и Западную. Къ каждой изъ этихъ группъ принадлежитъ по два разнорѣчія, а именно, къ *первой:* I) Каневско-Полтавское разнорѣчіе (отрасль Средне-Украинскаго поднарѣчія) и II) Слободско-Украинское разнорѣчіе (отрасль Южно-Украинскаго поднарѣчія), и ко *второй:* III) Волынско-Украинское разнорѣчіе (отрасль Средне-Украинскаго поднарѣчія) и IV) Побережско-Подольское (отрасль Южно-Украинскаго поднарѣчія).

I.—*Каневско-Полтавское разнорѣчіе*, отрасль Средне-Украинскаго поднарѣчія, занимаетъ Землю Черноморскихъ и Азовскихъ Козаковъ и части губерній: Кіевской, Полтавской, Харьковской и Курской, обозначенныя выше во 2-мъ пунктѣ описанія области Средне-Украинскаго поднарѣчія.

II.—*Слободско-Украинское разнорѣчіе*, отрасль Южно-Украинскаго поднарѣчія, занимаетъ мѣстности Подольской, Кіевской, Полтавской, Харьковской, Курской, Воронежской, Екатеринославской губерній, Земли Войска Донскаго, Херсонской, Таврической губерніи и Бессарабіи, обозначенныя выше, во 2-мъ пунктѣ описанія области Южно-Украинскаго поднарѣчія.

Примѣчаніе. Западная часть области, занимаемой этимъ разнорѣчіемъ, кажется, не имѣетъ нѣкоторыхъ изложенныхъ ниже признаковъ рѣчи, отличающихъ Юго-Восточную группу разнорѣчій, но, за неимѣніемъ точныхъ данныхъ, мы не можемъ указать ни этихъ отступленій отъ приводимыхъ нами признаковъ, ни предѣловъ, до которыхъ они простираются.

Общіе признаки Юго-Восточной группы слѣдующіе: 1) *о* почти всегда

произносится какъ острое *і*, и согласныя не удерживаютъ передъ нимъ твердости. Переходъ *о* въ *і* болѣе распространенъ, чѣмъ въ Западной группѣ.

2) *и*—среднее между *ы* и *і* острымъ.

3) *л* твердое произносится мягче, чѣмъ на западѣ, и приближается по звуку къ *ль* (почти какъ *лъј*).

4) *р* мягкое преобладаетъ надъ твердымъ, выходя даже за предѣлы йотировки его въ Велико-Русскомъ языкѣ, а также аналогичнаго видоизмѣненія въ шипящій звукъ въ сѣверо-западной вѣтви Славянскихъ языковъ, особенно передъ *а*: *зарязився*, *гаряздъ*, *бурякъ*, *рязокъ* и пр.; но предъ *е* и на концѣ словъ, *р* всегда твердо.

5) Ассимилированные дифтонги употребительны гораздо чаще, чѣмъ на западѣ: *ніччю*, *піччю*, *сіллю*, *пірря*, *писання*, *бігання*, *биття*, *граття*, *любиття*, *бьття*, *грасття* и пр.

6) Эвфоническое *н* (при *м*) и *л* (при другихъ губныхъ согласныхъ) рѣже, чѣмъ въ Западной группѣ; вмѣсто нихъ чаще бываетъ *ь*: здоровья, безголовья, пупьяночокъ, мьясо, мьяти и пр.

7) *є* иногда остается во 2-мъ лицѣ настоящаго времени: *бігаєшъ*, *читаєшъ*.

8) Неопредѣленное наклоненіе на *-ти* и *-ть*,—безразлично. Глаголы, соединенные съ возвратнымъ мѣстоименіемъ, имѣютъ формы на *-тися*: *битися*, *журитися*, *боятися* и др.

9) Дательный падежъ единственнаго числа мужескаго рода, кромѣ *-ові*, *-еви*, также иногда оканчивается на *-у*,*-ю*.

10) 3-ье лицо единственнаго числа настоящаго времени глаголовъ на *-ати* часто стягиваетъ окончаніе *-ає* въ *-а*, особенно на По-днѣпровьи: *бігa*, *питa*, и пр.

11) 3-ье лицо множественнаго числа настоящаго времени глаголовъ 2-го спряженія на *-ять* и *-ють*: *ходять*, *ходють*, *носять*, *носють* и пр.

12) Дѣепричастіе и причастіе дѣйствительное настоящаго времени на *-ячи*, *-ючи*; *-ячий*, *-ючий*: *ходячи* и *ходючи*, *носячи* и *носючи*, *ходячий* и *ходючий*, *носячий* и *носючий* и пр.

13) Передъ начальными гласными придыханіе рѣже употребительно, чѣмъ въ Западной группѣ, или, правильнѣе сказать, оно здѣсь не такъ явственно. Эта группа разнорѣчій послужила главнымъ матеріаломъ для литературнаго Южно-Русскаго языка.

III.— *Волынско-Украинское разнорѣчіе*, отрасль Средне-Украинскаго поднарѣчія, занимаетъ мѣстности Волынской, Подольской и Кіевской губерніи, означенныя выше, въ 1-мъ пунктѣ описанія области Средне-Украинскаго поднарѣчія.

IV.— *Побережско-Подольское разнорѣчіе*, отрасль Южно-Украинскаго под-

нарѣчія занимаетъ мѣстности Подольской губерніи и Бессарабіи, означенныя выше, въ 1-мъ пунктѣ описанія Южно-Украинскаго поднарѣчія.

Примѣчаніе. Собственно *Побережьемъ* называется мѣстность, заключенная между рѣками Мурахвою и Кодымою, Бугомъ и Днѣстромъ.

Общіе признаки Западной группы слѣдующіе: 1) *о* послѣ *д, т, з, с, ц, н, л* = *ъі*, послѣ остальныхъ согласныхъ = *і*.

2) *ъі* вм. *і* послѣ *д, т, з, с, ц, н, л*, въ именительномъ падежѣ множественнаго числа прилагательныхъ, оканчивающихся въ им. п. ед. ч. м. р. на *-ий*: бідн*ий*—бідн*ьі*, весел*ий*—весел*ьі* и пр.; *и* = Велико-Русскому и Польскому *ы*: в*и*ла, с*и*ла, м*и*л*и*й = в*ы*ла, с*ы*ла, м*ы*л*ы*й.

3) *л* твердое тверже Восточнаго, равняется Велико-Русскому и Польскому *л*, ł.

4) *р* твердое, никогда не смягчаемое: п*ра*сти, *ра*ди́ти, х*ру*кати, но передъ *і* оно принимаетъ видъ мягкости: х*рі*нъ, *рі*зати и пр.

5) *є* всегда = *і*: бига*і*шъ, біга*і*мо, чита*і*мо и пр.

6) Ассимилированные дифтонги не такъ рѣзки, какъ въ Восточной группѣ, и въ произношеніи приближаются къ единичнымъ согласнымъ: писа*ння*, біга*ння* почти произносятся какъ: писа*нья*, біга*нья* и пр. Вмѣсто пі*рря*, ні*ччю*, пі*ччю*, сі*ллю*, бі*цця*, гра*цця*, любі*цця*, бьє*цця*, грає*цця* и пр., употребляются формы: пі*рья*, нъі*чею*, *-ию*, пі*чею*, *-ию*, съі*лею*, *-ию*, *-ію*; би*тися*, *-тись*, гра*тися*, *-тись*; любі*ця*, *-теся*, *-тесь*; бьє*ця*, жури*ця*, боя*тися*, *-тись* и пр.

7) Эвфоническое *н* (при *м*) и *л* (при другихъ губныхъ согласныхъ) въ значительномъ употребленіи: м*н*ясо, м*н*яти, м*н*ягкий, здоров*ля*, бізголов*ля*, пуп*ля*ночокъ и пр.

8) Формы неопредѣленнаго наклоненія *всегда* полныя: ход*ити*, біг*ати*, би*тися*, журит*ися*, боят*ися*, но также: бит*ись*, журит*ись*, боят*ись*.

9) Формы 3-го лица единственнаго числа настоящаго времени: біг*ає*, ид*е*, ход*итъ*, нос*итъ*; 3-е лицо множественнаго числа окончивается на *-тъ* и *-ть* бігаю*тъ* и бигаю*ть*, иду*тъ* и иду*ть* и т. д. Глаголы 2-го спряженія окончиваются всегда на *-ять*, *-ятъ*: ход*ять*, ход*ятъ*, и никогда на *-уть*.

10) Дѣепричастіе и причастіе дѣйствительное на *-ачи*, а не на *-учи*.

11) Дательный падежъ единственнаго числа мужескаго рода всегда на *-ові*, *-еві*.

12) Эвфоническое *н* при мѣстоименіяхъ: до *н*ёго, до *н*еі, до *н*ихъ и пр.

13) При начальныхъ гласныхъ всегда употребляется придыханіе: *г*орелъ, *г*оріхъ и пр.

14) Обильные остатки двойственнаго числа: дві оці, дві вусі (уши), дві нозі, дві руці, дві слові, и пр.; но и *ву́ха*: (вм. Велико-Русскаго: уши, Польск.

uszy), а также *ву́са* и *ву́си* (первая форма для обозначенія двойственнаго числа, а вторая—для мн. числа).

Въ отдѣльности, каждое изъ вышеприведенныхъ разнорѣчій, составляющихъ двѣ сказанныя группы, имѣетъ свои спеціальныя особенности. Болѣе заслуживающія вниманія изъ нихъ слѣдующія:

Особенности Каневско-Переяславскаго разнорѣчія: 1) *ж, ч, ш* часто бываютъ мягкими: ле*жя*ть, уско*чя*ть, ло*шя*.

2) *д* смягчается въ *дж*, но также и въ *ж*.

3) *сь*, предшествуя *ть*, не вліяетъ на видоизмѣненіе послѣдняго въ *ць*: гі*сьть*, те*сьть*, ща*сьтя* и пр.

4) Причастіе страдательное чаще на *-ений*, чѣмъ на *-аний*: робл*ений*, пече*ний*, вар*ений*.

5) *д* въ словахъ *да*, *д*акъ.

Особенности Волынско-Украинскаго разнорѣчія: 1) *ж, ч, ш*, за исключеніемъ сочетанія съ *і* (изъ *о*, *ъ* и *е*), во всѣхъ остальныхъ случаяхъ никогда не смягчаются.

2) *д* никогда не смягчается въ *ж*, а всегда въ *дж*.

3) *сь*, предшествуя *ть*, видоизмѣняетъ послѣднее въ *ць*: гі*сьць*, кі*сьць*, ща*сьця* и пр. (см. п. 6-й).

4) Причастіе страдательное всегда на *-аний*: пе́ч*аний*, ва́р*аний*, но́ш*аний* и пр.

5) *т* не переходитъ въ *д*, въ словахъ: *та*, *т*акъ, *то*.

6) Относительно процессовъ смягченія звуковъ сто́итъ замѣтить, что такъ какъ губные согласные непосредственно не смягчаются, то иногда стоящая за ними йота, освобождаетъ ихъ отъ себя, сообщаясь находящейся передъ ними удобосмягчаемой согласной: *сьватий* вм. *святий*. Вліяніе смягченія, въ связи съ другими процессами ассимиляціи звуковъ, порождаетъ новыя ихъ комбинаціи, такъ напр. *ть* + *сь* = *ць* и, по аналогіи, *сь*+*ть* =*сьць*: *исьць*, *сьціна*, *щасьця* и проч.; *дь*+*сь*=*дзь*+*сь* и *дзь*: *людзьській* и *людзькій* вм. лю*дь*ській; *ж*+*сь*= *зь*+*сь* и *зь*: вра*зь*ській и вра*зь*кій вм. вра*жсь*кій и пр.

Особенности Слободско-Украинскаго разнорѣчія: 1) 3-е лицо единственнаго числа настоящаго времени встрѣчается въ восточныхъ говорахъ, въ формахъ: несе*ть*, бігає*ть*.

2) *г* вм. *ж* въ словѣ—ка*г*е вм. ка*ж*е.

3) *нь* въ словахъ: сли*ня*, Мокри*ня*.

4) *ж, ч, ш* иногда бываютъ мягкими: дер*жя*ть, уско*чя*ть и пр.

5) *д* въ словахъ: *да*, *д*акъ.

6) Рядомъ съ переходомъ *д, т, с, з* въ *дь, ть, сь, зь*, въ восточныхъ говорахъ встрѣчается изрѣдка переходъ въ *ж, ч, ш*.

Особенности Побережско-Подольскаго разнорѣчія: 1) Придыхательное *с* въ глаголахъ: гребсти, ревсти, плести.

2) Форма глагола *лити=лляти, лляю, лляішъ, лляє, лляйте* и т. д.

3) Творительный падежъ единств. числа женскаго рода: *-ою, -ею*; но также, *-ов, -ев*, а по свидѣтельству г. Свидницкаго *), въ Винницкомъ уѣздѣ, сверхъ того, еще: *-оёв, -еёв*: бідною, родиною, бідноѵ, родиноѵ, бідноёв, родиноёв и т. п.

4) 3-е лицо множ. числа настоящаго времени глаголовъ 2-го спряженія, по свидѣтельству г. Свидницкаго **), имѣетъ иногда усѣченное окончаніе на *-я*, вмѣсто *-ятъ*: ходя, нося вмѣсто: ходятъ, носятъ, и т. д.

5) По свидѣтельству гг. Свидницкаго и Шейковскаго***), прошедшее время глаголовъ часто слагается съ настоящимъ временемъ вспомогательнаго глагола *бути*, какъ въ Червоно-Русскомъ нарѣчіи, особенно во 2-мъ лицѣ: бувесь, ходивесь, булисьте и пр.

6) Кажется, существуетъ форма будущаго времени: *буду ходиў, буду писаў* и пр. рядомъ съ *буду ходити, буду писати*.

Б. Полѣшское нарѣчіе.

Область.—Полѣшское нарѣчіе занимаетъ сѣверную, лѣсную и притомъ въ большинствѣ болотистую часть Южно-Русскаго края. Область его составляютъ: сѣверная часть *Черниговской* губерніи до рѣки Десны, сѣверный уголъ Кіевскаго уѣзда и вся часть Радомыслскаго уѣзда (*Кіевской* губ.) отъ рѣки Припети до рѣки Ирши, весь Овручскій уѣздъ, сѣверная полоса Житомірскаго, сѣверная часть Новоградъ-Волынскаго, большая часть Ровенскаго уѣзда (*Волынской* губ.) до р. Горыни; южная полоса *Минской* губ., ограниченная на востокѣ р. Припетью, на сѣверѣ тоже Припетью и рр. Бобрикомъ, Вислицою, сѣверною частью Огинскаго канала, а на западѣ истоками р. Стублы, нижнимъ теченіемъ р. Стыри до впаденія ея въ Припеть, далѣе Припетью и Ясельдою, до восточной границы Гродненской губерніи; затѣмъ уѣзды *Гродненской* губерніи: Брестъ-Литовскій, Кобринскій (за исключеніемъ восточной его части), Пружанскій, южная половина Слонимскаго (ограниченная съ сѣверо-востока р. Шарою до мѣстечка Жировицъ****), и съ сѣвера горизонтальною линіею, до границы Волковыйскаго уѣзда) южная половина Волковыйскаго уѣзда до истоковъ рѣки Свислочи и полупути между мѣстечкомъ Полозовымъ и гор. Волковыйскомъ, на сѣверѣ, юго-восточная полоса Бѣлостокскаго уѣзда (ограниченная съ сѣвера верховьями рр. Неводницы и Плоской и, съ запада, косвенною чертою отъ истоковъ р. Не-

*) См. въ «Основѣ» его статью «Великдень у Подолянъ».

**) См. тамъ же.

***) См. тамъ же и брошюру г. Шейковскаго: «Бытъ Подолянъ».

****) Называется также: Журовицы.

водницы до мѣстечка Суража) и Бѣльскій уѣздъ (за исключеніемъ западной его полосы, ограниченной кривой чертой, проведенной съ сѣвера на югъ отъ гор. Суража на Брянскъ подъ Цехановецъ и на Сѣмятичи, до рѣки Буга), и, наконецъ, *Сѣдлецкая* губернія.

Общіе признаки.—1) Перезвуки, съ характеромъ долготы и преобладанія губнаго элемента. Общая особенность Полѣшскихъ перезвуковъ состоитъ, во-первыхъ, въ нѣкоторой ихъ долготѣ (что напоминаетъ перезвуки Чешскіе, которые тоже изображались когда-то двумя гласными), и, во-вторыхъ, въ преобладаніи въ нихъ элемента губнаго, предпочтительно передъ нѣбнымъ. Какъ первое, такъ и второе свойство рѣзко отличаетъ ихъ отъ перезвуковъ Украинскихъ и Русинскихъ*), которые всегда кратки, наравнѣ съ другими гласными, и состоятъ исключительно изъ чистаго нѣбнаго элемента: *і, ѣ, и*. Сказанныя свойства Полѣшскихъ перезвуковъ осложняются еще тою ихъ особенностью, что, въ протяжномъ произношеніи, они принимаютъ разнообразные оттѣнки, то губнаго же, то нѣбнаго, то гортаннаго характера. Отсюда—масса попытокъ въ разнообразномъ ихъ написаніи. Преимущественно они изображаются двумя гласными, при чемъ обыкновенно оговаривается, что такую комбинацію надо произносить, какъ одинъ звукъ. Итакъ, мы видимъ начертанія: *оо, оу, уе, уи, уі;* то опять, въ видѣ сочетанія съ полугласною *й*: *йу (ю), йо (ё), йі, йъ*; то въ группахъ: *йуі, йуо, йіе, йие (ює)*: то въ видѣ одиночныхъ гласныхъ: *у, о, е, и, а*.

Само собою разумѣется, что ни одно изъ этихъ начертаній не передаетъ вѣрно ихъ характера. Несмотря, однако, на такое неудобство, выразить точнѣе этотъ звукъ—нѣтъ почти никакой возможности: во-первыхъ, за неимѣніемъ техническихъ средствъ для этого въ нашемъ алфавитѣ, а во-вторыхъ и потому, что въ произношеніи звуки эти, дѣйствительно, варьируются самыми разнообразными оттѣнками. Впрочемъ, мы, кажется, нисколько ни отступили бы отъ дѣйствительности, а скорѣе, напротивъ, возстановили бы ее, упростивъ при этомъ нѣсколько и самый предметъ, если бы приняли, для этихъ многочисленныхъ модификацій перезвуковъ, нѣсколько общихъ нормъ, обозначивъ въ нихъ основной звукъ полугласнымъ *ў*, участвующимъ въ составѣ почти всѣхъ перезвуковъ, а оттѣнки въ долгомъ произношеніи ихъ — соотвѣтствующими имъ гласными. По этимъ общимъ нормамъ, перезвукъ *ô* имѣлъ бы слѣдующія категоріи:

Перезвуки: а) чисто-губнаго характера: *ўо* или *оў*: *сўоль, соўль*, и *оо*;

„ б) нѣбно-губнаго характера: 1) *ўе, ўи:* *кўепъ, кўипъ*; 2) *ўі, йў:* *вўілъ, вйулъ*;

„ в) гортанно-губнаго: *ўа*: *поўвнўачъ, жабўавъ, птицўавъ*

Изъ этихъ трехъ категорій перезвуковъ, самою распространенною оказы-

*) За исключеніемъ, впрочемъ, нѣкоторыхъ говоровъ Карпатскаго поднарѣчія.

вается нёбно-губнаго характера, особенно въ формѣ *ŷи*, затѣмъ идетъ *ŷо*, *ôу*, рѣже *ŷі* и *йŷу*, еще рѣже *ŷе* и одинъ разъ всего *ŷа*. Что касается чистыхъ гласныхъ, изображаемыхъ буквами *ю*, *у*, *и*, *а*, то, собственно говоря, если они изрѣдка и встрѣчаются, то не иначе, какъ въ видѣ случайнаго искаженія, подъ вліяніемъ сосѣднихъ нарѣчій и особенно Украинскаго, которое оказываетъ положительное вліяніе на всѣ Южно-Русскіе говоры, подчиняющіеся этому вліянію въ ущербъ собственной послѣдовательности и коренному типу.

Перезвукъ *ê*. На видоизмѣненіе этого перезвука сильно вліяетъ удареніе, такъ какъ онъ тогда превращается почти въ *ô*, съ примѣсью нёбнаго элемента *й*, и является затѣмъ въ видѣ различныхъ модификацій этого йотированнаго *ô*; но бываютъ опять случаи; когда наоборотъ, подъ вліяніемъ ударенія, *ê* усиливаетъ лишь свой нёбный характеръ. Мы выразимъ оба эти случая въ слѣдующихъ формахъ:

ê съ удареніемъ = нёбно-губнымъ: *йŷо*, *ю̂о*, *'ю̂*, наприм.: йŷгъ, ю̂гъ.

„ „ „ = небнымъ: *ъє*, *'йє*, *'йі*.

Начертаніямъ Полѣшскаго перезвука *ê*, въ видѣ *и*, а еще болѣе *у* и *о*, мы сильно не довѣряемъ. Можно, пожалуй, допустить произношеніе: прин*и*съ, л*і*гъ, оддал*и*къ—или правдоподобнѣе: при*нни*съ, лъ*і*гъ, одда*лли*къ, хотя обѣ эти формы все-таки сомнительны; но никакъ уже нельзя допустить формъ: прин*у*съ, л*у*гъ, оддал*у*къ, такъ какъ онѣ противорѣчатъ общему звуковому закону Южно-Русской рѣчи, по которому смягчаемые согласные, находясь передъ нёбными *е*, *и*, непремѣнно смягчаются, если мѣсто послѣднихъ гласныхъ заступаютъ губные *о*, *у* или гортанный звукъ *а*.

ê, безъ ударенія, обыкновенно принимаетъ звукъ средній между *е*—*и*, но иногда переходитъ то въ *о*, то въ *у*, то въ *и*, то опять, хотя рѣдко, въ *і*. Въ этомъ случаѣ настоящій перезвукъ тѣмъ отличается отъ *ô* и *ê* съ удареніемъ, что не бываетъ дологъ: м*е*тла, бер*о*жокъ, пер*у*жокъ, пер*и*жокъ, на син*и*мъ морі и пр. И этотъ перезвукъ, равно какъ и *ô*, довольно часто не выдерживаетъ правила, и, подъ вліяніемъ Украинскаго нарѣчія, переходитъ въ *і*, *и*.

2) *ѣ*, отличающееся отъ Украинскаго, а также, за небольшими исключеніями, и отъ Русинскаго, тѣмъ, что оно рѣдко переходитъ въ чистое *і*, а представляетъ собою большею частью звукъ сложный изъ нёбныхъ элементовъ *и*, *і* (или *й*) и *е* (французское é). Оттого *ѣ*, наравнѣ съ перезвуками, особенно когда на немъ бываетъ удареніе, имѣетъ тоже характеръ долготы, особенно въ поднарѣчіи Заблудовскомъ и въ Сѣверскомъ нарѣчіи. Удареніе существенно вліяетъ на измѣненіе характера этого звука. Видоизмѣненія его слѣдующія:

ѣ, съ удареніемъ, послѣ смягчаемыхъ и губныхъ гласныхъ = *іѣ*, *йѣ*, *йе* (=ьє), *ѣ* и изрѣдка *йі*, *і*.

ѣ, съ удареніемъ, послѣ шипящихъ и *р* = *иѣ*, *ъйѣ*, *е* и изрѣдка *и*.

На концѣ словъ бываетъ обыкновенно *і*, *и*, рѣже *е*, *ѣ*.

ѣ, безъ ударенія, рѣдко имѣетъ характеръ йотированнаго *е* (=є), а чаще равняется *е* или *и*, или звуку среднему между ними; впрочемъ, изрѣдка остается также йотированнымъ *е* (є) или переходитъ въ *і*, а въ Мозырско-Слонимскомъ и Сѣверско-Великорусскомъ разнорѣчіяхъ, вѣроятно, подъ вліяніемъ сосѣдняго Бѣлорусскаго нарѣчія, иногда тоже является въ видѣ *я*; въ мѣстныхъ же говорахъ восточной половины Средне-Полѣшскаго поднарѣчія встрѣчается также въ видѣ *еі*. На концѣ словъ = *і*, *и*, *е*.

Примѣры: *ѣ*, съ удареніемъ: в*іѣ*теръ, вѣ*є*теръ, в*ѣ*теръ, в*йі*теръ, в*і*теръ.

„ гр*иѣ*хъ, гр*ѣє*хъ, грехъ, гр*их*ъ.

„ на руц*и*, на нож*і* и (рѣдко) на ноз*ѣ*.

ѣ, безъ ударенія: беда, б*ида*, б*еіда*, б*іда*, б*йеда*, бяда.

„ на порос*и*, у мор*и*, у хатц*е*.

Примѣчаніе. Непослѣдовательность относительно употребленія разнообразныхъ видоизмѣненій *ѣ* поразительна, такъ-что иногда одно и тоже слово, содержащее этотъ звукъ, будучи произнесено однимъ и тѣмъ же лицомъ два раза, каждый разъ можетъ имѣть другой оттѣнокъ, но этотъ коренной Полѣшскій звукъ особенно замѣтно вытѣсняется любимымъ Украинскимъ *і*.

3) Древнеславянскимъ юсамъ ѧ, ѩ, соотвѣтствуютъ большею частью *е*, *ѣ*, а также *йі*, рядомъ однако съ *а*, *йа* (=ья), *йе* (=ьє): вилегати, дивицц*е*, бивс*е*, леж*е*чи, вони ход*е*тъ, нос*е*тъ, роб*е*тъ, зіл*ье*, зіл*ьє*мъ, дол*ѣ*, дит*ѣ*тко, взѣвъ, м*йі*со, м*йі*ти; м*йѣ*со, м*йѣ*ти, найні*т*и, взівъ и т. п.; а также (рѣже однако) вилягати, бивс*а*, ход*ят*ъ, м*ьяс*о, м*нясо* и пр.

4) *а* послѣ *р*, *ж*, *ч*, *ш*, *щ*, *ц* и *й*, весьма часто переходитъ въ *е*: реби, зарезъ, шенувати, леж*е*чи, двацець, *єки*, по*єс*ъ и т. п., но иногда и остается: р*аби*, поясъ.

5) *е* нѣсколько сжатое, среднее между Украинскимъ и Велико-Русскимъ, хотя ближе къ первому, а въ нѣкоторыхъ говорахъ Черно-Русскаго поднарѣчія приближается къ Велико-Русскому и равняется *є* (=франц. é).

Послѣ *р*, *ц* и отчасти послѣ шипящихъ, *е* всегда твердо. Безъ ударенія оно равняется *и* и *ъі*.

Полѣшское *е* имѣетъ также особенную наклонность чередоваться съ *о*, послѣ несмягчаемыхъ, и съ *ё* послѣ смягчаемыхъ согласныхъ: конемъ и конёмъ, вітеръ и вітёръ, орелъ и оролъ, озёредъ и озёродъ, зелени и зелёни, все и всё, бережикъ и берожокъ и т. п., а въ Подляшскомъ поднарѣчіи даже: весёла, подоёни, молочони, заручоная, въ сінёхъ, въ чоботёхъ и т. п. Это напоминаетъ свойство *е* въ языкахъ: Велико-Русскомъ, Польскомъ и Лужицкомъ.

6) *и*, острое и дебелое, не различается этимологически, но имѣетъ тоякій

звукъ: *і*, *и* среднее и *ы*. Въ восточныхъ и сѣверныхъ говорахъ преобладаютъ первыя два, въ западныхъ и юго-западныхъ — послѣднее. *і*, большею частью, стоитъ послѣ *г*, *к*, *х* и Черно-Русскихъ *дз*, *ц*, (изъ *д*, *т*), *и*—послѣ *ж*, *ч*, *ш*, *щ*, *б*, *в*, *м*, *п*, *д*, *т*, *с*, *з*, *л*; *ы* — послѣ *р* и *ц* основнаго. Впрочемъ, это правило имѣетъ также исключенія. *и* безъ ударенія приближается къ *е*.

Примѣры: такіе, кідати, *и*ншие, сядзі, пекці, вишовъ, мили, бачити, слина, прышовъ, молодицы.

7) *р* и *ц*, за самыми незначительными исключеніями, всегда почти тверды: паръ, прасти, бура, загорувать, зоры, кучерави, на чотирохъ, шевцу, молодица, здаєце, засцъ, женцы и т. п.

Но Черно-Русское *ц* (изъ *т*)—всегда мягко: ходиці, цягнуці и т. п.

8) *дж*, *ж*, *ч*, *ш*, *щ* большею частью тверды, за исключеніемъ Мозырско-Слонимскато разнорѣчія, въ которомъ эти звуки сочетаются иногда и съ *є*, *і*: сяножєти, *ш*ірокі, а въ Подляшскомъ нарѣчіи они йотируются также передъ *а* (соотвѣтствующимъ, вѣроятно, *е*): держяты, *щ*ястя, дівчя, плечя, вид*ж*яємъ; но зато тверды передъ *є*, и, чередующимся съ нимъ, *о*; во всѣхъ остальныхъ случаяхъ эти звуки обыкновенно не смягчаются.

9) *г*, *к*, *х*, за исключеніемъ Подляшскаго поднарѣчія, могутъ сочетаться съ *і*, какъ въ Велико-Русскомъ и Польскомъ языкахъ, а также отчасти и съ *ъ*, но въ склоненіи и спряженіи они подчиняются общему правилу перехода въ шипящіе и свистящіе. Рѣдкія исключенія (вѣроятно, возникшія подъ вліяніемъ сосѣдняго Велико-Русскаго языка) составляютъ, съ одной стороны, Сѣверскія и, особенно, Сѣверско-Велико-Русскія формы: на річкі, маткє, рядомъ съ преобладающими: на ри*ц*і, на нозі, на дорозі, у хат*ц*е, на дач*ц*е; съ другой—въ Заблудовскомъ говорѣ форма: бьєгутъ вмѣсто бьєжатъ.

10) Губныя: *б*, *в*, *м*, *п*, при посредственномъ смягченіи, принимаютъ, безразлично, эвфоническія *ль* или *й*, хотя послѣднюю рѣже: люб*л*ю и люб*й*ю, лом*л*ю и лом*й*ю, лов*л*ятъ и лов*й*ятъ (=ловетъ) лов*й*єни, Подляшское: лов*й*ёний и лов*й*єний; но въ формахъ: здоровьє, пуньєночокъ никогда не вставляется *ль*, вмѣсто *й* (*ь*), а въ словѣ: зем*л*я или зем*л*є всегда бываетъ *ль*. При *ль*, рядомъ съ *й*, встрѣчается также изрѣдка *нь*: лом*й*ю и лом*нь*ю, мьясо и м*нь*ясо, тоже м*нь*со, м*ні*со.

11) *й* большею частью опускается, въ формахъ: при*ш*овъ, ви*д*у, ви*м*у, а также въ окончаніи прилагательныхъ единственнаго числа мужескаго рода: бьєл*и*, сині и т. п. При мѣстоименіяхъ, она заступаетъ мѣсто эвфоническаго *н*: на *й*го, до *і*хъ, зъ *і*мъ, вмѣсто на *н*ёго, до *н*ихъ, зъ *н*имъ и т. п.

12) Болѣе употребительныя придыханія: ни *г*однаго, *г*оролъ, *г*очи, *г*остри, *г*инкомъ, *г*инчи, *г*улица, *г*ухо; *в*улица, *в*ухо, *в*у̂онъ, *в*у̂ннъ, *в*остры, *в*оченьки. Въ Сѣверско-Велико-Русскомъ и Мозырско-Слонимскомъ разнорѣчіяхъ, вѣроятно

подъ вліяніемъ Бѣлорусскаго нарѣчія, встрѣчаются: *ёнъ*, *яна*, *яны*, вмѣсто *вуонъ*, *вона*, *вони* и пр.

13) Болѣе любопытныя замѣны согласныхъ слѣдующія: *з* и *ж*: *мезъ*, *зевріти* и *межъ*, *жевріти*; *ц*, *ч*, *к*: *ци* и *чи*, *церезъ*, *черезъ* и *керезъ*; *ж* и *г*: *скажутъ* и *скагутъ* (въ Подлясьи). Сравн. въ Воронежскомъ и Курскомъ говорѣ Украинское нарѣчіе: *каге* = ка'є, вмѣсто *каже*.

14) *д*, *т*, *з*, *с*, какъ и въ Украинскомъ нарѣчіи, въ глагольныхъ флексіяхъ смягчаются въ извѣстныхъ случаяхъ въ *дж*, *ч*, *ж*, *ш*, а также изрѣдка въ *дь*, *ть*, *зь*, *сь*. Въ Черно-Русскомъ поднарѣчіи, въ большинствѣ случаевъ, согласные звуки *д*, *т*, передъ йотированными гласными а также передъ *і* и *в*, измѣняются въ *дзь*, *ць*.

15) Окончаніе неопредѣленнаго наклоненія глаголовъ представляетъ особенное разнообразіе. Каждое поднарѣчіе предпочитаетъ одну форму другой. Сумма формъ слѣдующая: люб*и́ти*, люб*и́тъ*, люб*и́тъі*, люб*и́ть*, люб*иці*, люб*иць*, люб*итися*, люб*ицця*, люб*итиса*, люб*ицца*, люб*итисе*, люб*ицце*. Глаголы, съ окончаніемъ темы на *г*, *к* въ неопредѣленномъ наклоненіи, удерживаютъ эти звуки: те*к*тъі, бере*г*тъі, те*к*ти, бере*г*ти, те*к*ці, бере*г*ці, те*к*чі, бере*г*чи; съ окончаніемъ темы на *б*, *в*, иногда принимаютъ (въ западныхъ поднарѣчіяхъ) вставку *с*: греб*с*-ти, рев*с*-ти.

16) Глаголы 2-го спряженія имѣютъ чаще 3-е лицо множественнаго числа настоящаго времени на *-етъ*, *-еть*, *-ець*, чѣмъ на *-атъ*, *-ать*, *-аць*: роб*етъ*, роб*еть*, роб*ець*, вмѣсто: вони роб*лятъ*, или роб*ьятъ*—*лять*, или — *ьять*, или — *ляць*, или—*ьяць*.

17) Будущее время чаще слагается съ глаголомъ *бути*, чѣмъ *ймити*, но изрѣдка встрѣчается также и послѣдняя форма: ходити*му*, ходіці*му*, а въ Подляшскомъ поднарѣчіи этотъ вспомогательный глаголъ стоитъ иногда отдѣльно, впереди: *му*, *мешъ*, *ме*, *мемо*, *мете*, *мутъ* ходити.

18) 3-е лицо множественнаго числа повелительнаго наклоненія окончивается на *-ѣте*, *-ѣтъ*, *-ѣть*, вмѣсто *-іте*, *-ітъ*, *-іть*. Послѣднія формы хотя встрѣчаются, но сравнительно рѣже: возьм*ѣте*—*ѣтъ*,—*ѣть*. Глаголы *пити*, *лити* (лляти), имѣютъ 3-е лицо множественнаго числа повелительнаго наклоненія: *пьєте*, *ллѣте*, Чернорус. *пѣцѣ*, *лѣйцѣ*, но также: *пьіть*, *ллiть*, *пьіць*, *лліць*, *пьіцѣ*, *лліцѣ*.

19) Причастіе страдательное обыкновенно окончивается на *-ени*, *-ена* (-ая), *-ене*, (*-оє*), но въ Подляшскомъ поднарѣчіи, особенно послѣ шипящихъ и *й*, также на *-они*, *-она*, *-оно*; (*-ий*, *-ая*, *-ое*): опар*ени*, *-ена*, *-ене*, (-еная, -еноє), ззид*ени*, *-ена*, *-ене*, (-оє), круч*ени*, *-а*, *-е*, мет*ени*, *-а*, *-е*, (-оє), лупл*ени*, *-а*, *-оє* и пр.

Въ Подляшскомъ: доёни, -а, -о, (=е) и -ий, -ая, -ое; кручони, -а, -е, зробёни, -а, -е, и пр. Дѣепричастіе настоящаго времени и причастіе дѣйствительное глаголовъ 2-го спряженія оканчиваются большею частью на -ечи вмѣсто -ачи: ходечи, носечи, лежечи и пр.

20) Прилагательныя не различаютъ значенія по окончаніямъ спрягаемыхъ и склоняемыхъ, точно также, какъ въ Украинскомъ нарѣчіи, а употребляютъ ихъ произвольно, смотря по требованію благозвучія. Во множественномъ числѣ онѣ имѣютъ одно окончаніе для всѣхъ родовъ, также какъ и въ Украинскомъ. Формы окончаній Полѣшскихъ прилагательныхъ разнствуютъ отъ формъ Украинскихъ въ слѣдующемъ: именительный падежъ единственнаго числа мужескаго рода имѣетъ, за немногими исключеніями, одно усѣченное окончаніе на -и: зелёни, сѣри, билии, сьвятии, синии, и, напротивъ, въ противорѣчіе Украинскому нарѣчію, полныя окончанія имѣютъ преимущественно: именительный падежъ единственнаго числа средняго рода и именительный множественнаго числа; первый оканчивается большею частью на -ое, второй — на -ие, рѣже на -ии: чорное, чорние, чорнии, другое, другие, другии и пр.; хотя, рядомъ съ этимъ формами, употребительны также, изрѣдка, -е, -и, -ъі: чорне, други; чорни, чорнъі, другі; а Заблудовское разнорѣчіе имѣетъ также для средняго рода неопредѣленную форму на -о: родненько, узенько. Родительный падежъ единственнаго числа женскаго рода, кромѣ окончанія -оі, имѣетъ также -ое: старшое, ні годное, наравнѣ съ старшоі, ні годноі. Дательный падежъ единственнаго числа женскаго рода, по фонетическимъ обстоятельствамъ, имѣетъ: -ûой, -ûій: білûой, білûій вмѣсто білій, білъій, или: білі, білъі.

21) Существительныя имѣютъ дательный и мѣстный падежи единств. числа мужескаго рода, предметовъ одушевленныхъ, несравненно чаще на -у, -ю чѣмъ на -ови, -еви; послѣднія окончанія сохранились только въ западныхъ говорахъ: чоловѣку, пану, брату, коню, и весьма рѣдко: чоловѣкови, панови, братови, конёви=коневи. Мѣстный падежъ единственнаго числа мужескаго рода, неодушевленныхъ и отвлеченныхъ предметовъ, оканчивается большею частью на -и: у ноги, въ поли и пр. Существительныя средняго рода, съ окончаніемъ іе=є, никогда не переходятъ въ ія=я, какъ въ Украинскомъ нарѣчіи: зіллє, платтє, коханнє.

Кромѣ приведенныхъ выше главнѣйшихъ признаковъ, опредѣляющихъ собою типъ Полѣшскаго нарѣчія, есть еще нѣкоторыя этимологическія отличія, зависящія большею частью отъ упомянутыхъ уже нами фонетическихъ особенностей; и такъ какъ онѣ разумѣются сами собою, то мы не будемъ вдаваться въ лишнее вычисленіе ихъ. По лексическому составу, Полѣшское нарѣчіе почти тождественно съ Украинскимъ; однако, попадаются изрѣдка мѣстныя слова и выраженія, свойственныя одной Полѣшской рѣчи. Нѣкоторыя изъ этихъ словъ

помѣщены въ прилагаемыхъ „Матеріалахъ“. По синтаксису, не замѣтно ни какого отличія между Полѣшскимъ и Украинскимъ нарѣчіями.

Поднарѣчія.—Полѣшское нарѣчіе распадается, по нѣкоторымъ болѣе или менѣе существеннымъ признакамъ, на слѣдующія четыре поднарѣчія: а) Сѣверское; б) Собственно-Полѣшское или Средне-Полѣшское; в) Подляшское, и г) Черно-Русское.

а) Сѣверское поднарѣчіе.

Область. Оно охватываетъ всю почти сѣверную часть *Черниговской* губерніи, до рѣки Десны. Десна служитъ ему естественною границей съ Украинскимъ нарѣчіемъ, но мѣстами оно прорывается къ югу, то спорадическими, то сплошными полосами, особенно въ предѣлахъ Козелецкаго и Остерскаго уѣздовъ; но точное указаніе этихъ полосъ невозможно, по недостатку опредѣленныхъ свѣдѣній объ этомъ.

Признаки. 1) Преобладающій характеръ перезвуковъ — губной. *ô* приближается иногда къ чистому *у*, которое вообще играетъ роль основнаго элемента въ Сѣверскихъ перезвукахъ и, усиливаясь въ долгій звукъ, принимаетъ оттѣнокъ *о* и даже *а*, а съ нёбными (*и* или *е*) составляетъ какъ бы двоегласныя: хв*у̂о*стъ, пувн*у̂а*чъ, с*у̂и*ль, в*у̂е*лъ.

ê = *у*, *у̂о* даже, кажется, послѣ смягчаемыхъ согласныхъ (что̀, впрочемъ, требуетъ еще повѣрки); послѣ *й*, — *ê* равняется *ю*; прин*у*съ, прин*у̂о*съ, оддал*у*къ, оддал*уо*къ; л*у*гъ (лёгъ), *ю*й (въ ней). *ê* безъ ударенія всегда = *е*.

Въ область Сѣверскихъ перезвуковъ проникли, однако, отчасти Украинскіе; отсюда—формы: п*і*ду, у пан*и*въ, у пуст*и*й, в*і*тти, з*і*ллємъ, вес*і*ллє.

2) *ѣ* съ удареніемъ приближается, по звуку, къ *йѣ*, *іѣ*; но часто также чередуется съ *йі*, *і*: св*йѣ*чка, в*іѣ*теръ, л*йі*тні, на печ*і*. Послѣ *р* = *е*: у двор*е*, р*е*зать, но также *и*: у двор*и*, р*и*зать.

ѣ безъ ударенія = *е*, *и*, *і*: ст*е*на, б*е*жить, въ нос*и*, м*е*шати, у пол*и*, на нозі, на річц*і*, и на річ*кі*, хотя рѣдко.

3) *о* безъ ударенія = *а*: ст*а*рòжа, б*а*іцце, т*а*бѣ, òк*а*, и пр.

4) *г*, *к* въ склоненіи могутъ не переходить въ *з*, *ц*: на річ*кі*, на дор*оги*, но чаще: на ри*цци*, на дор*ози*.

5) *д* въ спряженіи смягчается въ *дж* и въ *ж*: ха*дж*у и ха*жу̀*.

6) Неопредѣленное наклоненіе на *-ть*: хади*ть*, би*ть*, плака*ть*, и *-ті*: пек*ті*, тег*ті*.

7) Формы 3-го лица единственнаго числа настоящаго времени: хòд*ить*, хòд*еть* и ход*е*, нес*е* и нес*еть*.

8) Формы 3-го лица множественнаго числа настоящаго времени: нòс*еть*, нос*ять*, нос*ють*.

9) Будущее время употребляется съ однимъ глаголомъ *буть*.

10) Прилагательныя средняго рода единств. числа имѣютъ большею частью усѣченное окончаніе на *-е*, *-є*: небесн*е*, сѣр*е*, друг*є*, усяк*є*.

11) Дательный падежъ множеств. числа существительныхъ: *-умъ*, *-юмъ*: серп*умъ*, кан*юмъ*.

Разнорѣчія. Сѣверское поднарѣчіе распадается на разнорѣчія: I) Собственно-Сѣверское, охватывающее въ Черниговской губерніи къ сѣверу отъ Десны, уѣздъ Городнянскій, почти весь Сосницкій и части уѣздовъ: Остерскаго, Черниговскаго, Кролевецкаго и Новгородъ-Сѣверскаго, и II) Сѣверско-Велико-Русское, переходное къ нарѣчіямъ: Юговосточно-Русскому и Бѣлорусскому, занимающее уѣзды: Новозыбковскій, Стародубскій, Суражскій и Мглинскій.

I.—Признаки *Собственно-Сѣверскаго разнорѣчія* изложены уже выше.

II.— *Сѣверско - Велико - Русское разнорѣчіе* имѣетъ нѣсколько общихъ особенностей съ первымъ; отличается же отъ него въ слѣдующемъ:

1) Оно не имѣетъ перезвуковъ: *ô* = *о*, *ê* = *е*.

2) *ѣ* и *е*, безъ ударенія, часто=*я*: дятéй, на рябрѣ, зямлёю, пясокъ, вядро, лячу, сяжу и пр. На концѣ словъ, въ склоненіи *ѣ* = *ѣ* и *е*: на рябр*ѣ*, у хатц*е*, матк*е*, дацц*é* (дочкѣ).

3) ѩ, ѧ = *а*, *я*: трясу, бицц*а*, кушанн*я*.

4) *е* съ удареніемъ, послѣ *й*, = *ё*, сва*ё*, *ё*сть.

5) *и* и *і* различаются.

6) *е* приближается иногда къ Велико-Русскому *е*.

7) *р* мягкое: ца*рь*, бу*ря*, на ряб*рѣ*, зва*рю*, тр*я*су.

8) *д*, *т* смягчаются, какъ въ Бѣло-Русскомъ, въ *дзь*, *ць*: ха*дзіць*; но въ юго-восточныхъ говорахъ этого смягченія не бываетъ.

9) Придыханіе *й*: *ё*нъ, *ё*на.

10) Полное окончаніе прилагательныхъ: *-ий*, *-ій*.

11) 3-е лицо настоящ. времени единств. числа глагола на *-ець*, *-є*, и чаще *-я*, *-а*: бяр*ець* и бяр*є*, калиш*ець* и калиш*а*, припѣва*єць* и припѣва*я*, каж*ець* и каж*е* и кажа, будз*єць* и будз*я*, дзѣл*аець* и дзѣл*ая*, спѣва*єць* и спѣв*а*, и пр.

12) Формы глаголовъ *гресць*, *сцяречь*, вмѣсто *гребсті*, *стерегті*, *биць* и *бить* вмѣсто *бути*.

13) Родительный падежъ единств. числа мужескаго рода прилагательныхъ на *-ага*: прася́н*ага*, явся́н*ага*, ба́бин*ага*, и пр.

14) *шта* вмѣсто *що*.

Во всѣхъ этихъ признакахъ сильно замѣтно вліяніе Велико-Русской и Бѣло-Русской рѣчи, къ которымъ это разнорѣчіе служитъ переходомъ отъ Южно-Русской. Къ послѣдней оно примыкаетъ только по своему лексическому составу и

по небольшому числу обще-Южно-Русскихъ или Полѣшскихъ фонетическихъ и этимологическихъ особенностей, главнѣйшія изъ коихъ слѣдующія:

1) *и* не измѣняется въ *о* ни въ глагольныхъ корняхъ, ни въ окончаніяхъ прилагательныхъ: м*и*ю, р*и*ю, так*и*й, груб*и*й, лыс*и*й.

2) *о* (=*а*) въ глагольной формѣ *ова* (=ава), *ува* вмѣсто *ива*, *ева*: заку-с*ова*ть, распра*ша*ваць, въ мѣстоименіяхъ: та*бѣ*, са*бѣ*.

3) Довольно частые случаи перехода гортанныхъ въ *ц*, *з*, въ склоненіи: да*ц*це, у хат*ц*е, по дорозѣ, мат*ц*е.

4) Ассимиляція: писа*нн*я, вуга*лл*я, би*щ*а и пр.

5) *г*=h; *л*=*в*; *у*=*в*, и наоборотъ.

6) *-ць*, *-ть* въ 3-мъ лицѣ единств. числа довольно часто опускается.

7) Придыханіе *в*: *в*акно, *в*угалля, *в*уси, *в*уха, *в*улица.

8) Сохраненіе звательнаго падежа.

9) Полѣшская форма 2-го лица множ. числа повелительн. наклоненія: воз-м*ѣть*, панесц*ѣць*.

Мы полагаемъ, что добросовѣстное изслѣдованіе всѣхъ мѣстныхъ говоровъ Сѣверско-Велико-Русскаго разнорѣчія составило бы важное пріобрѣтеніе для Русской лингвистики и, быть можетъ, бросило-бы даже нѣкоторый свѣтъ на историко-этнографическій вопросъ относительно національныхъ особенностей древнихъ Радимичей и Вятичей, имѣвшихъ, по Нестору, что̀-то общее съ Ляшскимъ племенемъ и занимавшихъ, кажется, въ IX вѣкѣ область нынѣшняго Сѣверско-Велико-Русскаго разнорѣчія, но не оставившихъ послѣ себя ни какого слѣда въ современныхъ національныхъ оттѣнкахъ Русскаго племени. Мы это думаемъ потому, что народъ, говорящій нынѣшнимъ Сѣверско-Велико-Русскимъ разнорѣчіемъ, по нашему предположенію, *состоитъ изъ первоначальной смѣси* элементовъ Южно-Русскаго (Сѣверскаго), Кривическаго (Бѣлорусскаго) и, быть можетъ, отчасти древняго Радимичско-Вятскаго. Въ высшей степени интересно было-бы прослѣдить процессъ и продукты взаимнаго смѣшенія этихъ коренныхъ Русскихъ элементовъ.

б) Собственно-Полѣшское или Средне-Полѣшское поднарѣчіе.

Область. Оно занимаетъ въ *Кіевской* губерніи сѣверный уголъ Кіевскаго уѣзда и сѣверную часть Радомыльскаго до рѣки Ирши и въ *Волынской* губерніи весь Овручскій уѣздъ, сѣверную полосу Житомірскаго, сѣверную часть Новоградъ-Волынскаго, выше города Новоградъ-Волынска, и бо̀льшую часть Ровенскаго, до р. Горыни. Это поднарѣчіе, кажется, прямой потомокъ Древлянской рѣчи.

Признаки: 1) Преобладающій характеръ перезвуковъ — нёбно-губной, въ формѣ: *ŷи*, *ŷі*. *о* приближается иногда къ чистому *и*. Въ рѣдкихъ случаяхъ попадается *ŷо*: в*ŷо*лъ, л*ŷо*й, бісив*ъ*; но также в*ŷо*кно, к*ŷо*нъ, хотя рѣдко.

е́ чаще = *йуі*, *йі*, *и* и *і*, чѣмъ *ё*: *привйуізъ*, *оддалйікъ*, *привйізъ*, но иногда *привёзъ*, *постерігся*, *аддалікъ*.

2) *ѣ* съ удареніемъ = *ѣ*, *і*, *и*: *лѣсъ*, *ѣхавъ*, *ў свѣті*, *дѣло*, *вмію*, *обѣдъ*, *обідъ*, *обидъ*, *снігъ*, *купѣтъ*, *дивѣтце*, *купитъ*, *дивитце*; *ѣ* безъ удренія = *е*, *еі* и *і*: *беда*, *беіда*, *у крамніці*, *въ свѣті*.

3) Юсу ѧ соотвѣтствуетъ, кромѣ *е* и отчасти *я*, еще *а*: *напатъ*, *принатъ*, особенно въ сѣверныхъ говорахъ.

4) *и* — среднее, какъ въ Каневско-Полтавскомъ разнорѣчіи, но отчасти грубѣе.

5) *ц* твердое и, хотя рѣже, мягкое: *отецъ* и *отець*, *шевцу* и *шевцю*.

6) При губныхъ *б*, *в*, *п*, *м*, эвфоническія *л* и *й*: *роблю*, *ломлю* и *робйу*, *ломйу*. При *м* изрѣдка *й* и *н*: *мнясо* и *мьясо*.

7) *д*, *т*, *с*, *з* въ спряженіи смягчаются, въ восточныхъ говорахъ, въ *дж*, *ч*, *ш*, *ж*, а въ западныхъ также въ *дь*, *ть*, *сь*, *зь*.

8) Эвфоническое *й* въ восточныхъ говорахъ выпадаетъ, въ западныхъ — остается: *виду* и *вийду*, *виму* и *вийму*.

9) Неопредѣленное наклоненіе въ восточныхъ говорахъ на *-тъ*: *ходйтъ*, *носйтъ*, въ западныхъ — на *ть*: *ходйть*, *носйть*. Въ восточныхъ говорахъ: *любицце*, въ западныхъ — *любицца*, *любитиса*.

10) 3-е лицо единственнаго числа настоящаго времени глагола на *-тъ*: *ходитъ*, *нбситъ*. 3-е лицо множественнаго числа въ сѣверныхъ говорахъ въ *-етъ*; въ западныхъ на *-ятъ*: вони *ходетъ*, *носетъ*, *ходятъ*, *носятъ*.

11) Будущее время имѣетъ обѣ формы: *буду ходйть* и *ходитиму*.

12) 3-е лицо множественнаго числа повелительнаго наклоненія въ восточныхъ говорахъ на *-ѣте*, *-ѣтъ*; въ западныхъ — на *-іте*, *-ітъ*: *ходѣте*, *ходіте*, *пьітъ* (пейте).

13) Множественное число прилагательныхъ всегда на *-ие*: *бѣлие*, *голие*.

14) Дательный и мѣстный падежи единств. числа рода женскаго прилагательныхъ на *-и*, *-ґі*, *-ші* и изрѣдка *-ой*: *чорни*, *чорнъі*, *чорнші* и *чорной*.

Нѣкоторыя различія, встрѣчаемыя между восточными и западными говорами этого поднарѣчія, приведены нами выше; но такъ какъ точной границы между ними опредѣлить нельзя, то мы не выдѣляли ихъ въ особыя разнорѣчія.

в) Подляшское поднарѣчіе.

Область. Оно занимаетъ почти всю *Сѣдлецкую* губернію и *въ Гродненской* губерніи почти $^2/_3$ восточной части Бѣльскаго уѣзда, безъ сѣверной его полосы; болѣе $^2/_3$ восточной части Дрогичинскаго уѣзда; почти весь Брестъ-Литовскій и Кобринскій уѣзды, за исключеніемъ восточной полосы послѣдняго, а также южную полосу Слонимскаго и Волковыйскаго уѣздовъ и Пружанскій, за исключеніемъ сѣверо-восточнаго угла.

Признаки: 1) Формы перезвука *ô* представляютъ чрезвычайное разнообразіе, но мы, кажется, не ошибемся, если установимъ положеніе, что въ юго-западной части онѣ большею частью сводятся къ долгому, а иногда и краткому *ý*, ю; въ сѣверо-западной — представляютъ преимущественно долгое *ó* (=*оо*) и *ŷо*, а иногда также долгое *и́*, въ сѣверо-восточной — *ŷо*, а въ юго-восточной — *ŷі*, *и* и даже *і*: в*ý*лъ, кю́нь; в*оо*лъ, к*ŷо*нь, к*и*нь, к*ŷі*нь и кінь.

е съ удареніемъ=*ю*, *и*, *і* и *ё*; безъ ударенія, приближается къ *и*: прин*ю*съ, мо*ю*й; на'*ю*мъ, прин*и*съ, сілъ, пічъ, жінка, лебе*дё*въ, п*и*сокъ, ка́м*и*нь, и пр.

2) *ѣ* съ удареніемъ=*і*, *и* и (рѣже) *ѣ*: цв*і*тъ, у лоз*і*, с*і*даю, св*ѣ*тъ, бь*ѣ*дний, зь*ѣ*жъ, у ноч*и́*, гор*и́*лка, жур*и́*тесь.

ѣ безъ ударенія=*и*, *ѣ*: у солом*и*, зацв*и*таютъ, сп*ѣ*вати, у мор*и*, у пол*и*, см*ѣ*юця, и пр.

3) Юсу ѩ соотвѣтствуетъ *е*, *є* (=йе), *йі* и *я*: на м*е*скую, дивч*е*, дит*є*тко, бивс*є*, поч*є*ла; м*йі*со, м*йі*ти, м*йі*гка, найн*і*ти, вз*і*въ; мн*я*со, мн*я*ти, дівч*я*, ход*я*тъ, нан*я*ти и пр.

4) *а*, основное, послѣ *р* и *й*, не переходитъ, кажется, въ *е*: по*я*съ, *я*кій, р*а*сний, ж*а*ль, ш*а*нувати, и пр.

5) *е*, *о*, *ё* весьма часто мѣняются: оч*о*р*о*тъ, вітёръ, ћор*о*лъ, напоёни, молоч*о*не, конёви, синёє и синёй. *е*, безъ ударенія почти=*и*.

6) *и* — общее для *ы* и *і*; но по звуку оно ближе къ *ы*, чѣмъ къ *і*, и почти равняется *е* (э): кон*и*, гост*и*, пісн*и*, н*и*где, з*и*ма, ворог*и*, кур*и*, с*е*рею, и пр.

7) *о*, безъ ударенія, весьма часто = *у*: т*у*бою, т*у*бі, с*у*бі и пр.

о = также, во многихъ случаяхъ, *и*, *е*, особенно въ склоненіи: зъ прав*и*і, зъ нов*и*і, бидн*е*і, широк*е*і, ясн*е*ю, бистр*е*ю, па́р*е*нька, вог*е*нь, сторон*е*нька, сестр*е*нька, и пр.

8) *ц* твердое и мягкое: удови*цу*, карбоване*ць*, яй*ця*, оте*цъ*, міся*ца*, минец*ця*. Подобная непослѣдовательность кажется намъ невѣроятною, и, быть можетъ, она явилась только у записывателей.

9) *ж*, *ч*, *ш*, *щ*, передъ *а*, а также отчасти передъ *е*, когда они соотвѣтствуютъ ѩ, — всегда мягки: дер*жя*тъ, дер*жє*тъ, *щя*стья, *щє*стья, дівч*я*, пле*чя*, поч*є*ла и пр., въ другихъ случаяхъ они тверды.

10) *г*, *к*, *х* сочетаются только съ твердыми гласными.

11) При губныхъ согласныхъ эвфоническіе *л* и *й*: ро*блю* и ро*бйю*, ро*бйя*тъ и ро*бля*тъ. При *м* изрѣдка бываетъ *н*: мнясо.

12) *д* смягчаеется въ *дж*, но также изрѣдка въ *ждь* и *дь*: прова*жду*, прова*ждю*, прова*дю*, приіж*джає* и приі*ждяє*.

т, *з*, *с* смягчаются въ *ч*, *ж*, *ш*, но изрѣдка также въ *ть*, *зь*, *сь*.

Встрѣтилась также форма глагола *казати* — ка*г*утъ.

13) *й* эвфоническое чаще опускается, чѣмъ остается.

14) Формы неопредѣленнаго наклоненія: лета*ти*, люби*ти*, люби*тися*, пекч*и*, берехч*и* (беречь), гребс*ти*, рус*ти* (ревѣть). Глаголъ *быть* имѣетъ формы: *бити* и *бути*.

15) 3-е лицо единств. и множ. чис. настоящ. времени на *-тъ*: ход*итъ*, роб*итъ*, ход*ятъ*, роб*ятъ*.

16) Будущее время, съ вспомогательными глаголами *бити* (бути) и *ймити* (ймати); но второй стоитъ не въ видѣ суффикса, а самостоятельно, въ началѣ спрягаемыхъ словъ: я *му* ходити, ти *мешъ* ходити, и пр.

17) Прошедшее время иногда имѣетъ суффиксъ — *есь, сьте*, во второмъ лицѣ единств. и множ. числа: ходив+*есь*, ходили+*сьте*.

18) Второе лицо множеств. числа повелительнаго наклоненія чаще на *-іте*, но и на *-ѣте*: лл*іте*, куп*іте*, журі*тесь*, но и лл*ѣте*, купь*єте*. Послѣдняя форма чаще въ Сѣверо-Восточной части.

19) Причастіе прошедшее страдательное на *-они, -оний*: подоёни, напоёная, молочо*ни*, покочо*не*, заручо*ная*, сушо*на*, засмучо*ноє* и пр.

20) Прилагательныя въ имен. падежѣ единств. числа имѣютъ полныя и усѣченныя окончанія для всѣхъ родовъ безъ различія значеній: молод*ий* и молод*и*, молода*я* и молода, молодо*є* и молоде. Также и во множественномъ числѣ: бі*лиє*, бі*ли*, бі*лъі* и бі*ли*.

21) Родительный падежъ единств. числа женскаго рода прилагательныхъ имѣетъ: *-еі, -иі* вмѣсто *-оі*: бі*днеі*, молоде*і*, мил*еі*, широк*еі*, син*еі*, нов*иі*, прав*иі*. Тоже муж. рода *-его* вмѣсто *-ого*: ясн*его*, зелён*его*. Дательный падежъ женскаго рода: *ий, -уйй*: бі*днуйй*, бі*дний*; творительный падежъ *-ею*: быстр*ею*, ясн*ею*, мил*ею*.

22) Дательный падежъ единств. числа мужескаго рода существительныхъ одушевленныхъ предметовъ имѣетъ *-ови, -єви*: молодцёв*и*, сын*ови*, конєв*и*. Творительный падежъ *-емъ*: шовк*емъ*, чоловѣк*емъ*.

23) Дательный и мѣстный падежи единств. числа средняго рода существительныхъ имѣютъ *-ю* и *-у*: пол*ю*, житт*ю*; но и: у поли, у житті.

24) Во множественномъ числѣ существительныхъ именительный падежъ имѣетъ *-и, -е*: кон*и*, гост*и*, пісн*и*, куре, гусе, лебедьє. Родительный падежъ *-ій*: двер*ій*, кон*ій*. Мѣстный падежъ *-ёхъ, юхъ*: у сінёхъ, въ гост*юхъ*, въ воротёхъ.

25) Стянутыя формы мѣстоименій: *ма, мему, мего* и пр., вмѣсто: моя, мосму, моёго.

Разнорѣчія. Подляшское поднарѣчіе изобилуетъ массой разнообразныхъ мѣстныхъ особенностей, непредставляющихъ, однако, ничего постояннаго и органически законченнаго, и потому по этимъ особенностямъ нѣтъ возможности обозначить главнѣйшія мѣстныя отличія рѣчи и охватываемыя ими области. Вслѣд-

ствіе чего мы ограничиваемся только выдѣленіемъ двухъ болѣе типичныхъ отличій, составляющихъ разнорѣчія: I) Собственно-Подляшское и II) Королёвское. Къ *Собственно-Подляшскому* мы относимъ говоры всѣхъ областей, занимаемыхъ Подляшскимъ поднарѣчіемъ, за исключеніемъ части Дрогичинскаго и Бѣльскаго уѣздовъ, образующихъ полосу, ограниченную съ юга рѣкою Бугомъ, а съ сѣвера—Наревомъ и занятою *Королёвскимъ* разнорѣчіемъ.

Особенности *Собственно-Подляшскаго разнорѣчія* состоятъ въ слѣдующемъ: 1) Перезвукъ *ô*=*ý*, *ŷi*, *и*, *і* и *ŷo*. *ê* съ удареніемъ = *ю*, *и*, *і* и *ё*. 2) *ѣ* съ удареніемъ чаще = *і*, *и*, рѣже = *ѣ*; безъ ударенія = *и*, *е*. 3) ѩ=безразлично *я* и *є*; 4) *д*, *т* чаще смягчается въ *дж*, *ч* и только отчасти, на сѣверо-востокѣ, въ *дь*, *ть*. 5) Окончаніе прилагательныхъ—усѣченное и полное. 6) *що*.

Особенности *Королёвскаго разнорѣчія* слѣдующія: 1) Перезвукъ *ô* = долгому *ó* (=оо); *ê* съ удареніемъ = *ю̂о*, безъ ударенія = *е*, *і*. 2) *ѣ* съ удареніемъ = *ѣ*, *і*: *ѣ*хати, *ѣ*сти, б*і*лий, с*і*даю, на двор*і*, в*і*є и пр. 3) ѩ = чаще *е*, *є*, *йі*, чѣмъ *я*; послѣднее преимущественно въ 3-мъ лицѣ мн. числа наст. времени глаголовъ 2-го спряженія: п*ь*є*т*ь (пять), бивс*є*, поч*є*ла, вз*і*въ и пр. 4) *д*, *т* смягчаются безразлично въ *дж*, *ч* и *дь*, *ть*: ход*жу*, пла*чý*, хо́*дю*, пла́*тю*. 5) Второе лицо множ. числа повелит. наклоненія на *-ѣтъ*: леж*ѣтъ*, .держ*ѣтъ*. 6) Окончаніе прилагательныхъ муж. рода—усѣченное и полное, но средняго рода—всегда *-оє*. 7) *што*.

г) Черно-Русское поднарѣчіе.

Область. Въ историческихъ документахъ область Черной Руси нигдѣ точно не опредѣлена; иногда предѣлы ея съуживаются и занимаютъ отчасти нынѣшній Мозырскій уѣздъ, южную часть Новогрудскаго, сѣверную часть Пинскаго, Слонимскаго и часть Волковыйскаго уѣздовъ; то опять раздвигаются безмѣрно, захватывая даже сосѣднія Бѣлорусскія области и представляя изъ себя большую территорію, состоящую изъ нынѣшнихъ уѣздовъ: Рѣчицкаго, Мозырскаго, Пинскаго, а также Новогрудскаго, Слонимскаго, Волковыйскаго, Бѣлостокскаго. Названіе „Черная Русь", кажется, въ первый разъ встрѣчается въ историческихъ документахъ начала XVII столѣтія, замѣняя собою прежнее названіе *Земли Дреговичей*. Такъ какъ, по всему вѣроятію, поводъ къ названію „Черною Русью" промежуточной области, находящейся между Бѣлоруссами и коренными Южноруссами, далъ внѣшній признакъ, отличающій ея населеніе отъ сосѣднихъ Бѣлоруссовъ, а именно—черный костюмъ ея жителей, въ связи съ которымъ находятся и этнографическія особенности, отличающія ихъ отъ Бѣлоруссовъ,—то поэтому мы находимъ совершенно умѣстнымъ ограничивать Черно-Русскую область только тѣми предѣлами, въ которыхъ обитаетъ населеніе, давшее поводъ мѣстными этнографическими отличіями къ сказанному названію. Лучшимъ же

руководителемъ для указанія этихъ предѣловъ служитъ языкъ населенія, на который мы и переносимъ названіе *Черно-Русскаго*. По имѣющимся у насъ, впрочемъ, неполнымъ даннымъ, область Черно-Русскаго поднарѣчія занимаетъ приблизительно двѣ смежныя полосы: *первую*, образуемую рѣкою Припетью, границей *Волынской* губерніи, верховьями рѣки Стублы и нижнимъ теченіемъ рѣки Стыри, до ея впаденія въ Припеть, и *вторую*, образуемую съ сѣвера: рѣкою Бобрикомъ, Вислицою, сѣверною частью Огинскаго канала и юго-западнымъ теченіемъ рѣки Шары до мѣстности Жировицъ (Слонимскаго уѣзда), а отъ него, кривою горизонтальною линіею, идущею на востокъ по возвышенностямъ водораздѣла системъ рѣкъ Нѣмана, Нарева и Ясельды, почти до Бѣлостока, и затѣмъ сворачивающею круто на югъ и доходящею до рѣки Нарева, и съ юга: р. Наревомъ до ея истоковъ, далѣе — сѣвернымъ побережьемъ р. Ясельды, до Огинскаго канала, послѣ — южнымъ побережьемъ той же рѣки до ея впаденія въ Припеть, и Припетью, до устья рѣки Бобрика.

Признаки: 1) Преобладающая форма перезвука *о̂* имѣетъ усиленный губной характеръ и, большею частью, состоитъ изъ комбинацій: *у̂о* и даже *о̂у*; но встрѣчаются также, хотя и въ небольшомъ числѣ случаевъ, чистый губной перезвукъ *у* и формы нѣбно-губныя: *у̂и* и особенно *у̂е* и даже *у̂ъ*: н*у̂о*съ, со*у̂*ль; пудъ, л*у̂и*й, к*у̂е*нъ, н*у̂е*съ (носъ), р*у̂ъ*вний (ровный). *ê* съ ударе́ніемъ большею частію = *і̂ъ* и *і̂ю*: привій̂ъзъ, привій*у̂о*зъ, привій̂ъзъ.

2) *ъ* съ ударе́ніемъ = *ъ, йъ*, но также *е* и *і*: лъе, абъдъ, лій̂ъсъ, грій̂ъхъ, рій̂ъчка, у ноче, сіри, дѵло и пр.

ъ безъ ударенія = *я, ъ, і* — послѣ смягчаемыхъ согласныхъ; *е, и* — послѣ несмягчаемыхъ: сяджу́, бяжи́тъ, ляси́, съджу; бъжи́тъ, лъси́, на дарозі, у лъсі, вистрелівъ, у ръчци.

3) Юсу ѧ соотвѣтствуетъ *я, а, є* и *е*: мъясо, лошя, наняти, носятъ; бъсцца, лоша, памъєць, лєкацъєсс, свъєценькі (свяце́нькой), робець, плацень, ллюце.

4) *а* послѣ *й*, смягченныхъ согласныхъ, шипящихъ, свистящихъ и *р*, почти всегда переходитъ въ *е*: єлина, поєсъ, єки, сланєшникъ, двацець, реби, зарезъ и пр.

5) *е* по звуку почти равняется сжатому французскому *é*,—оно среднее между Украинскимъ и Великорусскимъ *е*(=*є*); но весьма часто принимаетъ характеръ совершенно твердаго Украинскаго *е*: будзєшъ и будешъ, цеперъ, дзєцей, дзень, замерзъ, бурею и пр., но кажется чаще: будзєшъ, цяперъ, дзяцей, дзєнь, и пр.; послѣ *г, к, х, ж, ч, ш, щ* и *р*, большею частью *е* твердое; послѣ остальныхъ согласныхъ—мягкое. *е, є* переходитъ иногда въ *о, ё* и изрѣдка въ *а, я*: озёродъ, шавцу, дзянёкъ; *е, є*, безъ ударенія, часто равняется *и, і*: чирезъ (черезъ) нїма, мїжи и пр.

6) *и* имѣетъ троякій звукъ: *і*, *и*, *ы*; но всѣ эти звуки такъ часто мѣняются, что дѣлается невозможнымъ установленіе правилъ, при какихъ именно условіяхъ каждое изъ нихъ употребляется; такъ, встрѣчаемъ рядомъ: *сині*, *бій* (бей), *велікі*, *міли*, *бачиці*, *куди*, *сіры*, *маладзіцы*, *клади*, *сядзі*, *віла*, *сліна*, *ожіна* и пр.

7) *р*—твердое, какъ и во всѣхъ поднарѣчіяхъ Полѣшскихъ. *ц* тоже твердое.

8) *г*, *к*, *х* въ склоненіяхъ и спряженіяхъ смягчаются въ свистящія и шипящія, какъ и во всѣхъ Южно-Русскихъ говорахъ.

9) При губныхъ эвфоническія *л* и *й*: *роблю* и *робйю*. При *м* также *н*: *ламню*, *мнясо*, рядомъ съ *ламйю*, *мьясо*.

10) *д*, *т* передъ *ѣ*, *є*, *я*, *і*, *ё*, *ю*, *ь* довольно часто переходятъ въ *дзь*, *ць*, но не всегда, а въ Слонимско-Пинскомъ говорѣ даже весьма рѣдко. Непослѣдовательность перехода *д*, *т*, въ *дзь*, *ць* стоитъ большею частью въ связи съ такою же непослѣдовательностью въ употребленіи *е*, *є*, *я*, *ё*, *и* и *і*. Въ спряженіи *д*, *т* смягчаются въ *дж*, *ч* и въ *дь*, *ть*; послѣдняя, однако, форма смягченія въ одномъ лишь среднемъ, Слонимско-Пинскомъ говорѣ.

11) *з*, *ж* и *ц*, *ч* мѣняются: *мезъ* и *межъ*, *церезъ* и *черезъ*.

12) Эвфоническое придыханіе въ словахъ: *ёнъ*, *яни*, до *ёго*, зъ *імъ* (какъ и въ другихъ Полѣшскихъ нарѣчіяхъ), *вийду*, *вийму*.

13) Формы неопредѣленнаго наклоненія: *бачиці*, *казаці*; рѣже: *бачиць*, *казаць*; еще рѣже: *бачиті*, *казаті*, и весьма рѣдко: *бачить*, *казать*. Тоже: *сварицисе*, *сварицца*, *сваритиса*; *пекці*, *берегці*, *пекті*, *берегті*, *грабці*, *ревці*, *ревти*, *ревсті*.

14) Форма настоящаго времени 3-го лица единств. числа чаще *-итъ*: *бѣжитъ*, *бачитъ*, *ходитъ*, *любитъ*; рѣже: *-иць*, *-іць*: *бѣжиць*, *ходзіць*, *любіць*, *бьє*, *идзє* и *иде*; *збирає*, *лятає*; *зовєтца* и *зовєтце*. Третье лицо множественнаго числа: *робяць*, *робець* и *робятъ*.

15) Будущее время: *буду хадзіць* и изрѣдка: *хадзіціму*.

16) Повелительное наклоненіе тоже имѣетъ весьма разнообразныя формы: *пѣцѣ* и *пѣте*, *піцѣ* и *піте*, *пиць* и *пийте* (пейте); *купіцѣ*, *купіць*, *купіте* и *купітъ*; *сядзі*, *виходзі* и пр.

17) Именительный падежъ прилагательныхъ имѣетъ въ единственномъ числѣ мужескаго рода одно усѣченное окончаніе *-и*, *-і*, для женскаго—усѣченное: (*-а*, *-я*) и полное (*-ая*, *-яя*), для средняго—одно полное: *-оє*, *-еє*, *-ёє*: *добри*, *сині*; *добра*, *-ая*; *синя*, *-яя*; *доброє*, *синёє*, *мьякеє*. Заблудовское разнорѣчіе имѣетъ для средняго рода неопредѣленную форму: *родненько*, *узенько*. Во множественномъ числѣ употребительно одно полное окончаніе *-иє*.

18) Родительный падежъ единственнаго числа женскаго рода прилагатель-

ныхъ имѣетъ окончаніе *-оі* и *-ое*: старшоі и старшое и пр. — Дательный падежъ на *-ŷой* и *-ŷий*: білŷой и білŷий и пр.

Разнорѣчія. Черно-Русское поднарѣчіе состоитъ изъ разнорѣчій: I) Мозырскаго, II) Слонимско-Пинскаго и III) Заблудовскаго *).

I. — *Мозырское разнорѣчіе* занимаетъ первую полосу, обозначенную выше, въ опредѣленіи общихъ границъ Черно-Русскаго поднарѣчія. Главнѣйшія особенности его слѣдующія: 1) Перезвукъ *ô*, большею частью, = *ŷo* или даже *ŏy*; но въ южныхъ говорахъ, также = *ŷи*. *е* съ удареніемъ = *ё*, *ю*, *у* и отчасти *и*: привёзъ, привюзъ, привузъ, симъ (семь). *е* безъ ударенія = *е*.

2) *ѣ* съ удареніемъ = *ѣ* и *і*; а послѣ твердыхъ согласныхъ = *е*, *и*: свѣтъ, світ, свечка, у ноче, у ночи, лѣсъ, дѣло, обѣдъ, хлѣвъ и пр.; *ѣ* безъ ударенія = *я*, *ъ*, *е*, *и*: сцѣна, сцяна, стена, гняздо, гнъздо, гниздо.

3) Юсу ѧ большею частью соотвѣтствуетъ *я*, *а*.

4) *е* чаще обыкновенное (твердое), чѣмъ сжатое; въ послѣднемъ случаѣ оно нерѣдко переходитъ въ *ё*, *о*, *я*, *а*: озёродъ, вязу, шавцу; но: будзешъ, будзе и будешъ, буде и пр.

5) *и* довольно часто переходитъ въ *у*, въ формахъ: мую, рую, вмѣсто: мию, рию.

6) *о* безъ ударенія изрѣдка переходитъ въ *а*: хадзіць, табѣ, сабѣ, но и: ходзіць, тобѣ, собѣ.

7) *д*, *т* смягчаются въ *дзь*, *ць* чаще, чѣмъ въ остальныхъ разнорѣчіяхъ.

8) *д*, *т*, *з*, *с* въ спряженіи смягчаются въ *дж*, *ч*, *ж*, *ш*.

9) Неопредѣленное наклоненіе на *-ці* и *-ць*.

10) Третье лицо единственнаго числа настоящаго времени глаголовъ 2-го спряженія на *-иць*, *-іць*.

11) Третье лицо множественнаго числа настоящаго времени глаголовъ 2-го спряженія въ сѣверныхъ говорахъ на *-яць*, въ южныхъ на *-ець*: робяць и робець.

12) Дательный падежъ единственнаго числа мужескаго рода существительныхъ на *-у*: сину, вѣтру.

13) *що*.

II. — *Слонимско-Пинское разнорѣчіе* занимаетъ юговосточную часть второй полосы, обозначенной въ общемъ опредѣленіи области Черно-Русскаго поднарѣчія, до границы Волковыйскаго уѣзда и даже, кажется, немного еще далѣе на западъ. Въ сущности оно не представляетъ ни какого отдѣльнаго типа, со спеціальными особенностями и, строго говоря, не должно бы быть обозначаемо

*) На прилагаемой картѣ обозначено только два разнорѣчія: Заблудовское и Мозырское, а Слонимско-Пинское опущено по ошибкѣ.

терминомъ разнорѣчія; но мы употребили здѣсь это выраженіе — въ иномъ смыслѣ, именно — для обозначенія общей механической смѣси говоровъ, составляющихъ переходное звено, съ одной стороны, между разнорѣчіями Мозырскимъ и Заблудовскимъ (Черно-Русскаго поднарѣчія), Пинско-Волынскимъ (Украинско-Полѣшскаго поднарѣчія), а также Подляшскимъ и отчасти Средне-Полѣшскимъ поднарѣчіями, а съ другой — Бѣлорусскими говорами.

Особенности этого разнорѣчія слѣдующія: 1) *ô* на юго-востокѣ = *ŷц*, *ŷе*, *е*, *ѣ*: на юго-западѣ = *ŷи* и *ŷо*, на сѣверо-западѣ = *оŷ* и *о*.

2) *ѣ* съ удареніемъ = *ѣ*, *е*, *і*, *и*. *ѣ* безъ ударенія довольно часто = *і*.

3) Преобладаетъ тонкое *і*, затѣмъ *и*. Дебелаго *ы*, кажется, нѣтъ. *и* стоитъ въ формахъ: м*и*ю, р*и*ю.

4) *д*, *т* на юго-востокѣ и юго-западѣ не переходятъ въ *дзь*, *ць*, но на сѣверо-западѣ переходъ этотъ бываетъ довольно часто.

5) Въ спряженіи *д*, *т*, *з*, *с* переходятъ: на юго-востокѣ и отчасти на юго-западѣ въ *дь*, *ть*, *зь*, *сь*, на сѣверо-западѣ — въ *дж*, *ч*, *ж*, *ш*.

6) Формы неопредѣленнаго наклоненія на юго-востокѣ: ход*іті* (= ходъ*іты*), греб*ті*, сѣк*ті*, стриг*ті*; на юго-западѣ: ход*іти* (= ходъ*іти*) греб*сти*, рев*сти*, сѣ*чи*, стриг*чи*; на сѣверо-западѣ: ход*иць*, но и: ход*ить* (?), граб*ці*, пек*чи*, берег*чи*.

7) Третье лицо настоящаго времени единств. числа на юго-востокѣ: ход*ітъ* (ход*ъітъ*), дів*ицца* (дъів*ъіцца*); на юго-западѣ: ход*итъ*, див*ицца*; на сѣверо-западѣ: ход*иць*, дзів*іцця*. Множественное число на юго-востокѣ и юго-западѣ: ход*ятъ*, леж*атъ*, на сѣверо-западѣ: хо*дзяць* и ход*ять* (?).

Дательный падежъ единственнаго числа существительныхъ на юго-востокѣ и сѣверо-западѣ на *-у*: вѣтр*у*, син*у*; на юго-западѣ: *-ови*, *-еви*: вьѣтр*ови*, син*ови*.

III. — *Заблудовское разнорѣчіе* занимаетъ остальную (восточную) часть второй полосы Черно-Русскаго поднарѣчія (см. выше), состоящую изъ южной полосы Бѣлостокскаго уѣзда, сѣверной части Бѣльскаго (между границой Бѣлостокскаго уѣзда и р. Наревомъ) и средины Волковыйскаго уѣзда. Названіе этого разнорѣчія взято нами изъ „Сборника памятниковъ народнаго творчества въ Сѣверо-Западномъ краѣ“, изданнаго П. Гильтебрандтомъ, вып. 1-й, Вильна, 1866; см. предисловіе, стр. XXII). Этотъ „Сборникъ“ П. Гильтебрандта послужилъ намъ также матеріаломъ для опредѣленія особенностей Заблудовскаго разнорѣчія. Но, на основаніи собственныхъ нашихъ свѣдѣній и соображеній, мы нѣсколько раздвинули границы этого разнорѣчія, противъ тѣхъ, какія можно бы было опредѣлить по даннымъ вышеприведеннаго изданія.

Признаки Заблудовскаго разнорѣчія слѣдующіе:

1) Перезвукъ *о* = *ŷо*, *у*: к*ŷо*нь, б*ŷо*гъ, п*у*дъ (подъ).

є=йо͡о, йю, ё, є, иє: пйо͡орце, привйо͡озъ, лебйюдка, на своёй, сйємъ, пйєричко.

2) *ѣ* съ удареніемъ послѣ смягчаемыхъ согласныхъ=*йѣ, іѣ*; послѣ несмягчаемыхъ=*иѣ*: лйѣс, чоловіѣкъ, грицѣхъ, рицѣчка.

ѣ безъ ударенія=*ѣ*, рѣже=*е*; на концѣ словъ=*і, и*: лѣси, бѣжитъ, вистреливъ, у лйѣсі, у речци.

3) Юсу ѧ соотвѣтствуетъ *я, а, є, е*: десєтъ, тресі, верниса, наговорецця, (-цца?), полягає, лежятъ, держятъ, паняти, мнясо, дівчя.

4) *е=є* (=йе, ье), *ё*, а иногда *ы*: дзєнёкъ, човёнъ, пєрсцынь, бєре, пече, брацішкеви, мєнє, цєбє: *є* и *е* безъ ударенія иногда=*і, и:* міжи, німа, чирвони. *є*—нѣсколько тверже Великорусскаго, Бѣлорусскаго (*е*) и Польскаго (*ie*). Кажется, въ тѣхъ случаяхъ, когда *д, т* смягчаются, иногда слѣдующее за ними *є* теряетъ свой мягкій звукъ: дзень, цепєръ, пу͡оидзе и пр. Но это требуетъ еще повѣрки.

5) *и*, кажется, имѣетъ звукъ=*и* среднему и *і* острому; а именно: *и*—послѣ шипящихъ, свистящихъ и плавныхъ; *і*—послѣ гортанныхъ, губныхъ и смягченныхъ *д, т*. Но это правило, повидимому, не всегда выдерживается: сині, бій и бі (бей), міли, бачиці, великі и пр.

6) *о* безъ ударенія не переходитъ въ *а*.

7) *ц* и *р* тверды.

8) *ж, ч, ш, щ* тверды, но передъ *а* иногда смягчаются.

9) *д, т* передъ нѣбными и йотированными гласными и передъ *й*, большею частью, смягчаются въ *дзь, ць*. Въ словообразованіи и спряженіи *д, т* смягчаются въ *дж, ч*: охолоджаци, недзьвѣджою, ходжу, хочу и пр.

10) Формы неопредѣленнаго наклоненія бачиці, казаці, сварицисє.

11) Третье лицо настоящаго времени единств. числа: бйѣжитъ, бачитъ, забьє, зовецце. Множеств. число: бйѣгутъ и бйѣжатъ, бачутъ и бачатъ, зовуцца.

12) Прилагательныя мужескаго рода единственнаго числа имѣютъ одно усѣченное окончаніе: міли, добри и пр. Средній родъ имѣетъ два окончанія: опредѣленное: родненькое, узенькоє и неопредѣленное: родненько, узенько.

13) Дательный падежъ существительныхъ мужескаго рода на *-евї*: брацішкевї, коневї и пр.

14) *што* вмѣсто *що*.

В. Червонорусское (Русинское или Русняцкое) нарѣчіе.

Область.—Оно приблизительно занимаетъ:

Въ *Россіи*: а) въ *Юго-Западномъ краѣ*, уѣзды *Подольской* губерніи: весь Каменецъ-Подольскій, западную часть Ново-Ушицкаго, по рѣку Ушицу, и за-

падную половину Проскуровскаго; уѣзды *Волынской* губерніи: почти весь Владимірскій и тонкія полосы, у западнаго пограничья съ Австріей, уѣздовъ: Дубенскаго, Кременецкаго и Староконстантиновскаго; b) въ *Бессарабіи*: западную полосу Хотинскаго уѣзда и c) въ *Привислянскомъ краѣ*: уѣзды *Люблинской* губерніи: весь Холмскій, Грубешовскій; восточную часть, до рѣки Вепра, Красноставскаго; тонкую полосу восточнаго пограничья Замостьскаго и восточныя половины Томашевскаго и Яновскаго.

Въ Австро-Венгріи: a) въ *Галичинѣ* округи: Чертковскій, Тарнопольскій, Злочевскій, Бережанскій, Коломыйскій, Станиславовскій, Стрыйскій, Самборскій, Львовскій, Жолковскій, почти весь Перемышльскій, Саноцкій, за исключеніемъ сѣверовосточной его полосы, и юговосточный уголъ Новосандечскаго; b) въ *Буковинѣ*, сѣверозападную половину всей страны, и c) въ *Венгріи*, комитаты: Мармарошскій, Береческій, Угочскій, Унгварскій и большую часть Сукмарскаго, Саболчскаго и Землинскаго, а также часть Шаришскаго.

Общіе признаки. — Червонорусское нарѣчіе, особенно въ фонетическомъ отношеніи, составляетъ какъ бы миньятюрное повтореніе всѣхъ характеристическихъ чертъ обширной системы двухъ первыхъ нарѣчій: Украинскаго и Полѣшскаго, съ тою разницею, что эти черты выступаютъ въ немъ въ довольно своеобразныхъ комбинаціяхъ. Такъ, напримѣръ, Полѣшскіе перезвуки стоятъ рядомъ съ Украинскимъ *і* (изъ *ѣ*), *рь* и *я* (вм. ѧ); Украинскіе перезвуки — рядомъ съ *є*, *ьє* (изъ *я*, *ья* и ѧ), *р*, *и*, а иногда и съ *е*, *и*, вмѣсто *і* (изъ *ѣ*) и т. д. Эти своеобразныя комбинаціи фонетическихъ особенностей, составляющихъ типическія отличія отдѣльныхъ нарѣчій Южно-Русскаго сѣверо-востока (т. е. нарѣчій Украинскаго и Полѣшскаго), и составляютъ отличительную черту Червоно-Русскаго нарѣчія со стороны фонетики. Тѣмъ не менѣе, черта эта, по направленію къ сѣверу и востоку, сильно стушевывается и сливается съ чертами Полѣшскихъ и, особенно, Украинскихъ говоровъ, образуя переходные говоры, чрезвычайно затрудняющіе точное размежеваніе Червоно-Русскаго нарѣчія съ Украинскимъ и Полѣшскимъ. Но рѣшеніе этого вопроса нѣсколько облегчается болѣе, такъ сказать, осязательными этимологическими и, состоящими съ ними въ тѣсной связи, нѣкоторыми фонетическими отличіями, съ одной стороны, Червоно-Русскаго, а съ другой — двухъ сѣверо-восточныхъ Южно-Русскихъ нарѣчій (Украинскаго и Полѣшскаго). Эти этимологическія особенности и составляютъ, главнымъ образомъ, характеристику Червоно-Русскаго нарѣчія, сравнительно съ Украинскимъ и Полѣшскимъ нарѣчіями, вмѣстѣ взятыми; такъ, что оба послѣднія нарѣчія, а особенно первое, имѣютъ даже въ этомъ отношеніи свои переходные говоры, охарактеризованные сказанными этимологическими особенностями. Теперь попытаемся изложить, вообще, главнѣйшія отличія всего Червоно-Русскаго нарѣчія. Они состоятъ въ слѣдующемъ:

1) Господствующій перезвукъ—нёбный въ формѣ: *і, ъі, и* какъ для *о̂*, такъ и для *ê*. Но для *о̂* существуютъ также формы: *ŷі, ю* и *у*. Послѣднія употребляются преимущественно въ средней части Карпатъ, у Бойковъ. Примѣры: *лій, нісъ; лъ̂ій, нъ̂ісъ; лий, нисъ; лŷій, нŷісъ; люй, нюсъ; луй, нусъ*. Въ Червоно-Русскомъ нарѣчіи *о, е* являются перезвуками, въ гораздо большемъ числѣ случаевъ, чѣмъ въ Украинскомъ: *вірелъ, вігень, біръ, кірцівъ, шістакъ, мідъ, мічъ* вмѣсто: *орелъ, вогонь, богъ, кóрцівъ, шостакъ, медъ, мечъ* и пр. Этому измѣненію по аналогіи подчиняется иногда также *у*: *кучери* (*кучери*), *шкіра* (*шкура*) и пр.

2) *ѣ* основное=*і*; но иногда приближается къ *и* и *е*, особенно въ сѣверныхъ и южныхъ (Карпатскихъ) говорахъ.

3) *е* основное всегда твердо; безъ ударенія оно приближается къ *и*.

4) *и* тверже Каневско-Полтавскаго и замѣняетъ собою *ъі* и *и*: *пити, ситий* и пр.; но въ Карпатахъ часто остается основное *і*: *дітина, сідіти, сірота*. Послѣ *ж, ч, ш* во всѣхъ поднарѣчіяхъ и послѣ *г, к, х* въ нѣкоторыхъ Галичскихъ говорахъ, *и* нѣсколько смягчается и почти=*і*: *нагій, кіпіті, сухій, жіто, чітати, шіло*; въ Карпатскихъ же и Подольско-Холмскихъ: *нагий, кипіти, сухий* и пр.

5) *о* безъ ударенія приближается въ произношеніи къ *у*.

6) *д, т, з, с* въ спряженіи смягчаются въ *дж, ч, ж, ш*: *ходжу, хочу, вожу, ношу*, а у Галичанъ и Карпато-Руссовъ: *ходжю, хочю, вожю, ношю*; въ южномъ же (Бессарабскомъ) говорѣ Подольско-Холмскаго поднарѣчія рядомъ съ переходомъ въ шипящіе, эти звуки йотируются также: *ходю, хотю, возю, носю*.

7) Эвфоническое *н* при личномъ мѣстоименіи: *у нёго, до нёго, відъ нёго*; въ *нéго, до нéго, відъ нéго*.

8) Формы неопредѣленнаго наклоненія всегда полныя: *любити, писати*; *любитися, кохатися*; *любитисе, кохатисе*; *любитисі, кохатисі*; *любитись, кохатись*. Формы *бігчи, пекчи* почти всеобщи.

9) Причастіе страдательное прошедшаго времени на *-ений, -а, -е*: *прошений, мережена, поставлене, вивезена, люблений, куплений, вожений, ношений*.

10) Окончаніе 3-го лица единственнаго и множественнаго чиселъ настоящаго времени на *-тъ*; это *-тъ* иногда отбрасывается: *ходитъ, ходятъ, ходи, ходя* и пр.

11) Возвратное мѣстоименіе *ся* (=*ся, сє, се, сі*), приставляемое къ глаголамъ, употребляется отдѣльно отъ послѣднихъ: *вінъ ся бье, я ся бою, ти ся боявъ, на свій ся віночокъ подиви, ёму хоче ся съміяти и плакати*. Сравни древне-славянское: „Онъ же (Петръ) начѧтъ ротити сѧ и клѧти“ (Остр. 292).

„Въ рабіи образъ сѧ облѣче“ (Супр. рук. 366). Третье лицо, единственнаго числа страдательныхъ, возвратныхъ, взаимныхъ и общихъ глаголовъ имѣетъ формы: кахас *ся* вм. кохасцця, бере *ся* вм. береця и пр.

12) Будущее время во всѣхъ поднарѣчіяхъ составляется изъ глагола *бути—бити*, съ причастіемъ прошедшаго времени: буду ходивъ, -ла, -ло. Сравни древне-славянскую форму будущаго времени условнаго наклоненія: бѫдѫ ходилъ, -а, -о и пр. Но въ Подольско-Холмскомъ поднарѣчіи рядомъ съ причастіемъ употребляется также неопредѣленное наклоненіе: буду ходити.

13) Прошедшее время, сложенное съ вспомогательнымъ глаголомъ *бути*, въ сокращенномъ видѣ: ходив+*емъ*, ходив+*есь* (и *есъ*) ходили+*сьмо* (и *смо*), ходили+*сьте* (и *сте*); а также: ходили+*єсьмо*, ходили+*єсте*; бояли+*сьмо*+*ся*, кохала+*сьте*+*ся* и пр. Этотъ вспомогательный глаголъ часто употребляется отдѣльно отъ слова, къ которому онъ приставленъ, для образованія сложнаго прошедшаго времени: що'*мъ* (мъ=емъ, єсьмъ) пойіла, сукні'*мъ* походила, ви *сьте* нічего небачили. Въ Украинскихъ говорахъ прошедшее время, сложное съ глаголомъ *бути*, почти совершенно утрачено; но сохранились, впрочемъ, рѣдкіе остатки во второмъ лицѣ, встрѣчающіеся особенно въ важной рѣчи, при чемъ вспомогательный глаголъ является не иначе, накъ въ полной своей формѣ: „не подумавъ *єси* та й запропастивъ и дівчину“ (Марко-Вовчокъ, „Повістки“ 2-е издан. 1861 г., стр. 42); тоже — въ извѣстномъ намъ разсказѣ: „Панували *єсте* доволі, а теперъ уже годі“, и пр. Въ церковно-славянскомъ языкѣ сложная форма прошедшаго времени въ постоянномъ употребленіи не только въ древнихъ памятникахъ, но и въ новѣйшей письменности, и притомъ для всѣхъ трехъ лицъ и чиселъ: пилъ *єсмь*, пилъ *єси*, пилъ *єсть* и пр.; тѣмъ не менѣе, этотъ вспомогательный глаголъ можетъ иногда и опускаться: „въставъ бо (Господь) и вьселенѫѭ *съвъставилъ*“ (Супр. р. 378). Мѣсто онъ тоже можетъ мѣнять, какъ и въ настоящемъ Червоно-Русскомъ нарѣчіи: „и аще єсмь чимь кого *обидѣлъ*“ (Остр. 113).

14) Вспомогательный глаголъ *бути* не вышелъ также изъ употребленія и въ настоящемъ времени, гдѣ онъ часто встрѣчается, какъ дополненіе сказуемаго въ предложеніи: обоє *сьте* молоденькі. Сравни Украинское „добре *єси*, мій кобзарю, добре батьку, *робишъ*“ („Кобзарь“ Шевченки).

15) Украинскимъ глаголамъ: *жити*, *живу*, *нняти*, *наняти*, *винявъ*, *пливти*, *попливе*, *ревти*, *мити*, *млю*, *млєшъ* и пр. соотвѣтствуютъ формы: *жіти—жію*, *жієшъ*, *жіе*, *жіємо*, *жієте*, *жіютъ*; *ймити*, *наймиты*, *вимивъ*; *плити*; *поплине*; *ричити* и *ричи*; *лляти*,—*лляю*, *лляєшъ* и пр. Вм. *даси — дась*.

16) Существительныя средняго рода: полѣмня, стремѣнѣ и т. п. имѣютъ также формы: поломінь, стрéмінь и пр.

17) Мѣстный падежъ единственнаго числа существительныхъ мужескаго и средняго родовъ, предметовъ неодушевленныхъ и отвлеченныхъ, имѣетъ окончаніе на *-ю, -у*, вмѣсто Украинскаго *-і:* на зілю, по полю, на сі подвірю, въ пивцю, по червонімъ поясу.

18) Прилагательныя имѣютъ для единственнаго числа мужескаго рода одно полное окончаніе, а для женскаго и средняго, а также для множественнаго числа—оба окончанія, полное и усѣченное.

19) Мѣстоименія употребляются большею частью въ стянутыхъ формахъ: *мня* и *мя, тя, ся, мнѣ* и *мі, ті, сі, го, му, мого, мому, твого, твому* и пр.

20) Творительный падежъ единственнаго числа, женскаго рода, существительныхъ и прилагательныхъ, а также и мѣстоименій, преимущественно на *-овъ. -евъ=оў, еў.*

21) Дательный падежъ единственнаго числа мужескаго рода и творительный падежъ мужескаго и женскаго имѣютъ въ окончаніяхъ *е* и *о*: ножеві и ножові, полеви и полёви, ножемъ и ножомъ, полемъ и полёмъ, душевъ и душовъ, синевъ и синёвъ, но *о* чаще чѣмъ *е*. Дательный падежъ единственнаго числа мужескаго рода почти всегда на *-ови, -еви.*

22) Творительный падежъ множественнаго числа существительныхъ, рядомъ съ *-ами*, имѣетъ не рѣдко окончаніе на *-и:* образи, береги и образами, берегами.

23) Дательный падежъ множественнаго числа иногда *-омъ, -ёмъ* вмѣсто *-амъ, ямъ*: воломъ, конёмъ и воламъ, конямъ.

24) Предложный падежъ множественнаго числа иногда на *-іхъ, -охъ* вмѣсто *-ахъ*: въ лісіхъ, въ лісохъ вмѣсто въ лісахъ.

Поднарѣчія. — Червоно-Русское нарѣчіе состоитъ изъ трехъ поднарѣчій: а) Подольско-Холмскаго, b) Галицкаго и c) Карпатскаго.

а) Подольско-Холмское поднарѣчіе.

Область. Оно занимаетъ: восточные уѣзды *Люблинской* губерніи, а именно: весь Холмскій, почти весь Грубешовскій; восточную часть, до р. Вепра, Красноставскаго, тонкую полосу восточнаго пограничья Замостьскаго и восточную половину Томашевскаго; въ *Волынской* губерніи, почти весь Владимірскій уѣздъ и довольно тонкія полосы, у западнаго пограничья съ Австріей, уѣздовъ: Дубенскаго, Кременецкаго и Староконстантиновскаго; въ *Подольской* губерніи, западную половину Проскуровскаго уѣзда, весь Каменецъ-Подольскій и западную часть Ново-Ушицкаго уѣзда, по рѣку Ушицу; въ *Бессарабіи* западную полосу Холмскаго уѣзда; въ *Галичинѣ* восточную часть Чертковскаго округа, по рѣку Середу, и Тарнопольскаго, тоже; а также Злочевскаго, по рѣку Бугъ, и небольшой сѣверо-восточный уголъ Жолкевскаго округа.

Особенности. Это поднарѣчіе составляетъ переходъ отъ Украинскаго нарѣчія къ Червоно-Русскому и въ фонетическомъ отношеніи почти ничѣмъ не отличается отъ перваго; въ этимологическомъ оно тоже имѣетъ нѣкоторыя формы, свойственныя болѣе Украинскому, чѣмъ Червоно-Русскому нарѣчію; но, при близости вообще фонетическихъ особенностей Украинскаго и Червоно-Русскаго нарѣчій, на типическое ихъ отличіе между собой особенно сильно вліяетъ, хотя и небольшая по количеству, но весьма своеобразная по характеру группа грамматическихъ формъ и синтаксическихъ построеній рѣчи, свойственныхъ одному лишь Червоно-Русскому нарѣчію. Большинство этихъ формъ принадлежитъ также разсматриваемому нами поднарѣчію и кладетъ на него своехарактерный отпечатокъ, хотя рядомъ съ ними часто употребительны также и соотвѣтственныя Украинскія формы. Главнѣйшія особенности Подольско-Холмскаго поднарѣчія состоятъ въ слѣдующемъ:

1) Перезвуки также сильно развиты какъ и въ другихъ Червоно-Русскихъ поднарѣчіяхъ: *ô* и *ê*=*и*, *ѣ* и *і*: в*и*лъ, к*и*нь, н*і*съ (носъ и нёсъ), *си*къ (сокъ и сѣкъ), л*ій* (лой и лей), ут*и*къ, прив*и*зъ (особенно въ Холмщинѣ и Владимірскомъ уѣздѣ). Въ южномъ Хотинскомъ говорѣ, у Патлачей, *ô*, *ê* = *і* острому: в*і*лъ, к*і*нь, н*і*съ (носъ и нёсъ), с*і*къ (сокъ и сѣкъ), л*ій* (лой и лей), ут*і*къ, прив*і*зъ и пр. Во всѣхъ остальныхъ говорахъ, хотя оба перезвука *ô* и *ê* равняются острому *і*, но изъ нихъ *ô* отличается отъ *ê* тѣмъ, что послѣ легко смягчаемыхъ согласныхъ, передъ первымъ сказанные согласные удерживаютъ твердый звукъ: у т*ъі*къ (на гумно) и ут*і*къ (ушелъ); за пан*ъі*въ (объ панахъ) и запан*ів*ъ (сдѣлался паномъ, возгордѣлъ); н*ъі*съ (носъ) и н*і*съ (нёсъ); л*ъій* (лой, сало баранье) и л*ій* (лей); с*ъі*къ (сокъ) и с*і*къ (сѣкъ) и пр.

2) *ъ*=*і*, но въ сѣверныхъ говорахъ, когда стоитъ безъ ударенія, приближается къ *и* и даже *е*: б*і*да, б*и*да, б*е*да.

3) *и* общее для *ы* и *і*. Оно по звуку также твердо, какъ и въ Галицкомъ поднарѣчіи. Въ окончаніи именительнаго падежа множественнаго числа прилагательныхъ оно ослабляется въ *-ъ*: бідн*ъі*, жовт*ъі*, весел*ъі*, вмѣсто: бідн*ыі*, жовт*ыі*, весел*ыі*.

4) Юсу ѧ и комбинаціи *а*, *е* съ шипящими и йотою соотвѣтствуетъ большею частью *я*, а послѣ шипящихъ *а*: м*ъя*ти, м*ъя*со и м*ня*ти, м*ня*со, ходятъ, носятъ, лош*а*, писанн*я*, *я*кій и пр.; но изрѣдка встрѣчается также *є*, *е*; а именно въ соотвѣтствіе юсу, въ сѣверныхъ говорахъ: м*єс*о, м*єт*и и м*иєс*о, м*иєт*и, лош*е* тел*є*; послѣднее во всѣхъ говорахъ, рядомъ съ рѣже употребляемымъ лош*а*, тел*я*. Въ сѣверныхъ говорахъ: насінн*ьє*, веремн*ьє*; но также: *я*кій; въ остальныхъ: насінн*я*, уремн*я*, и пр.

5) Древне-славянскій *ъ* усилился въ *о*: п*о*дошва, в*о*конце, бл*о*ха (какъ и въ Украинскомъ); но есть и исключенія въ пользу *и*, *е*: л*и*жка, вог*е*нь и пр.

6) *р* твердое во всѣхъ случаяхъ.

7) *ц* и *с*— и мягко, и твердо: хлопе*ць* и хлопе*цъ*, карбова*нець* и карбова*нецъ*, хлопчи*сько* и хлопчи*ско*.

8) *ж*, *ч*, *ш*, *щ* и *г*, *к*, *х*—тверды. Послѣднія, въ спряженіи, иногда смягчаются въ шипящіе, а иногда нѣтъ: бі*гу* и бі*жу*, бі*гутъ* и бі*жать* и пр.; сверхъ того, шипящіе и гортанные не рѣдко сочетаются съ *і*: мняхкій, такій, убогій, глухій, *жію*, *шію*, и пр.

9) *д*, *т*, *з*, *с* въ спряженіи переходятъ въ *дж*, *ч*, *ж*, *ш*: ход*жу*, ле*чу*, во*жу*, но*шу*, но въ Хотинскомъ говорѣ рядомъ съ этимъ переходомъ довольно часто встрѣчается также йотація: ход*ю*, лет*ю*, воз*ю*, нос*ю*.

10) Эвфоническое *л* при губныхъ въ сильномъ употребленіи: здоров*ля*, пу*пля*ночекъ, ро*блю*, с*плю*, ро*блять*, с*плять*; но рядомъ съ нимъ употребляется также нерѣдко *й*: ро*бю*, с*пю*, ро*бять*, с*пять*. Эвфоническое *н* при *м*: *мня* (мене), па*мня*ть, *мня*со, *мня*ти и пр.

11) Глаголы съ окончаніемъ корня на гортанныя *г* и *к* имѣютъ въ неопредѣленномъ наклоненіи обѣ формы: би*гчи*, сі*кчи* и би*ти*, сі*кти*, но первыя чаще.

12) Окончаніе 3-го лица единств. и множ. числа настоящаго времени обыкновенно на *-тъ*: ходя*тъ*, ходи*тъ*, но въ Хотинскомъ говорѣ также: ходя, ходе. Существуетъ ли эта особенность и въ другихъ говорахъ этого поднарѣчія мы не знаемъ.

13) Третье лицо единств. числа страдательныхъ, взаимныхъ и общихъ глаголовъ имѣетъ, какъ и въ другихъ Червоно-Русскихъ поднарѣчіяхъ, формы: кохає *ся* вм. кохаєцця (=аєть+ся), бере *ся* вм. берецця и пр.; но эти формы не распространяются, кажется, на тѣ случаи, когда окончаніе 3-го лица въ дѣйствительномъ глаголѣ сохраняетъ *-тъ*; зато тогда пропадаетъ удвоеніе *ц* (изъ т+с) люби*ця*, носи*ця*; а также во множеств. числѣ: кохаю*ця*, беру*ця*, сходя*ця*; между тѣмъ, какъ въ остальныхъ двухъ Червоно-Русскихъ говорахъ обыкновенно употребляются формы: лю*бися*, носи*ся* и даже: сходя*ся*; но кохаю*тся*, бер*утся* и пр.

14) Будущее время состоитъ изъ глагола *бути* съ причастіемъ страдательнымъ прошедшаго времени, или съ неопредѣленнымъ наклоненіемъ — безразлично: *буду ходивъ* или *буду ходити*, но съ первымъ чаще.

15) Творительный падежъ единств. числа женскаго рода существительныхъ и прилагательныхъ, а также и мѣстоименій, на *-овъ*, *-евъ*; но изрѣдка и на *-ою*, -ею: жінк*овъ* и жинк*ою*, бі*ловъ* и бі*лою*, тоб*овъ* и тоб*ою*.

б) Галицкое поднарѣчіе.

Область. Оно занимаетъ всю котловину, образуемую Карпатами и ихъ сѣверовосточными отрогами, и ограничивается источниками водной системы вер-

ховьевъ рѣки Днѣстра. Область его образуютъ въ *Галичинѣ*: западная половина Чертковскаго округа, юго-западная часть до рѣки Середы Тарнопольскаго; южная полоса Злочевскаго, до рѣки Бугa; весь Бережанскій, Коломыйскій, Стрыйскій, за исключеніемъ юго-западной его полосы; сѣверовосточная половина Самборскаго; весь Львовскій; почти весь Перемышльскій и Жолковскій, за исключеніемъ сѣверовосточнаго угла послѣдняго, и сѣверозападная половина Буковины, а въ *Привислянскомъ Краѣ*: восточная половина Яновскаго и юговосточный уголъ Грубешовскаго уѣздовъ, *Люблинской* губерніи.

Особенности рѣчи. 1) Перезвуки *ô*, *ê*=острому *і*; но на юговостокѣ, у Гуцуловъ, въ горныхъ частяхъ округовъ: Станиславскаго и Коломыйскаго и въ Буковинѣ *ô*, по звуку, приближается къ *ю* или *юі*. Сверхъ того у Гуцуловъ *ê*=*и*, или остается неизмѣняемымъ, какъ и въ Полѣшскомъ нарѣчіи: сі̂ль, вілъ, тінь; сюі̂ль, вюі̂лъ и сюль, вюлъ;—тинь и тень.

2) *ѣ*=*і;* но въ Гуцульскомъ говорѣ иногда приближается, по звуку, къ *и*, и даже къ *е*: бижитъ, бежитъ.

3) Юсамъ ѧ и ѧ и комбинаціямъ *а* съ *й*, *ъ*, свистящими, шипящими и *р* соотвѣтствуютъ почти всегда *є*, переходящее иногда въ *і*, и *е*, переходящее въ *и:* памьєть, миєсо, веремнє, насиннє, жедати, хотечи, свєтлій, деветь, прйсега, телє, тєжко, рьєбий, зорьє, трьєсу, жєль, чєсъ, нашє (наша), шєпка, шенувати, щєстє, здоровьє, павьєний, какає, здоровьє, павьєний, кахає сє, ходетъ, носєтъ (ходятъ, носятъ), єйце, євіръ, взєвъ, пьєтницє, вівчєрики, вівцєми, счєслива, румьєненька, єгницє, пшеницє, спаннє, подужєти, пищєти и пр., а также: рієний, мнісо, взівъ, кохає сі, лігати, подужіти и пр. Но у Гуцуловъ, послѣ шипящихъ и свистящихъ, *е* твердо, или даже *а*, *я*: взевъ, вюівцеми, счеслива, румененька, кохає се, а также пшеница, єгница, зора, ходя, нося (=ходятъ, носятъ), особенно по р. Пруту.

4) Древне-Славянскій глухой гласный *ъ* соотвѣтствуетъ *е*, *и*: підешва, вікенце, дрива, блиха, лижка, кервавий, головечка, городечекъ, огень, угель и пр. *ь* соотвѣтствуетъ тоже *е*, а иногда *ъ*, особенно послѣ *р*: день, пень, передъ пеперъ, тервати (=трівать), а также: врѣхъ, рѣстити (=хрестити), водорѣщи (=водохрещі).

5) *и* грубѣе Каневско-Полтавскаго. Безъ ударенія оно почти=*е*: детина, седіте, серота. Послѣ *г*, *к*, *х* оно нѣсколько мягче, какъ Каневско-Полтавское. Въ именительномъ падежѣ множествен. числа усѣченныхъ прилагательныхъ, *и* сокращается въ *ь*: чорньі, білъі, золотьі. Въ началѣ словъ *и*=*є*: єскра, єстина, и т. п. Въ глаголѣ *бути* вм. *у* стоитъ *и*: бити.

6) Шипящіе всегда сочетаются съ мягкими гласными: *чюжій*, *чюю*, *хочю*, *чєсъ*, *жєль*, *жєба*, ка*жю*тъ, *чій*, ходя*чій*, *чёго*; но у Гуцуловъ чаще съ твердыми.

7) *ц* и *с* тверды: хлопе*цъ*, краве*цъ*, шве*цъ*, хлоп*цы*, молод*цы*, хлопчи*ско*, напи*ско*, а у Гуцуловъ даже: пшени*ца*, пшени*цу*, у город*ци*, любив*се*, люби*листе*.

8) *р* твердое: *море*, *мора*, *мору*, ца*ръ*, *ра*дити, ва*ру*.

9) *д* въ спряженіи, всегда смягчается въ *дж*. Иногда *д* замѣняется чрезъ *й*: молоєцъ, два*й*цєть, трі*й*цєть. *т* смягчается въ *ч*: хо*ч*у и пр.; но въ сѣверныхъ говорахъ, въ Жолковскомъ и Перемышльскомъ округахъ и въ Привислянскомъ Краѣ иногда и въ *ц*: х*ц*у, х*ц*ешъ, х*ц*е и пр. Въ Станиславовскомъ и Коломыйскомъ округахъ *т* весьма часто произносится какъ *к*: *к*іло, *к*істо, *к*існий, *к*єжко, с*к*ина̀, и пр.

10) Губные согласные, вмѣсто эвфоническаго *л*, *н*, принимаютъ во многихъ случаяхъ *ь*: любью, спью, любьєтъ, спьєтъ, у Гуцуловъ: любья, спья, любьєнный, памьєть и пр.

11) *г*, *к*, *х*, въ спряженіи въ дѣйствительномъ причастіи и дѣепричастіи остаются иногда несмягченными: пе*ку*, стере*гу*, пе*ку*тъ, стере*гу*тъ, пе*ку*чий, пе*ку*чи, стере*гу*чи. Но въ неопредѣленномъ наклоненіи: пе*чи*, стере*чи*=пе*кчи*, стере*гчи*. Въ Перемышльскомъ округѣ, у Доловъ, *к* весьма часто произносится какъ g: мисga, трисga.

12) Придыханіе *в* вмѣсто *г*: *в*осінь, *в*овесъ, *в*орати, *в*оробецъ, *в*острій, *в*орелъ, *в*осика и пр.

13) Третье лицо единственнаго числа настоящаго времени: біг*ає*, кох*ає*, ходи*тъ*, носи*тъ* и пр. Въ Злочевскомъ и Жолковскомъ округахъ: біг*а*, кох*а*, по Пруту: хо̀д*и*; но̀с*и*. Третье лицо множественнаго числа: ход*ятъ*, нос*ятъ* и ход*єтъ*, нос*єтъ*;—по Пруту: ход*я*, нос*я*.

14) Существительныя на *-я* имѣютъ во всѣхъ говорахъ, за исключеніемъ Гуцульскаго, *є*; а именно: въ именительномъ падежѣ, единственнаго числа: господин*є*, насінн*є*; родительный: господин*є*, насінн*є*, дательный: господин*і*, насінн*ю*, винительный: господин*ю*, насинн*є*, творительный: господин*ёвъ*, насин*ёмъ*. Дательный множественнаго числа: господин*ємъ*, хлопц*ємъ*, но и: дивчет*амъ*, вол*амъ*; творительный: господин*єми*, хлопц*єми* и дивчет*ами*, вол*ами*; родительный падежъ множественнаго числа: кон*ій*, гост*ій*.

15) Будущее время имѣетъ обѣ формы: *буду ходивъ* и *ходитиму*. Въ послѣдней, вспомогательный глаголъ иногда отдѣльно: *йму* ходити и пр.

16) Въ южномъ углу Покутья говорятъ: *чо* вмѣсто *шо*, *що*, отчего прозвище— *Чеваки*.

17) Въ Перемышльщинѣ, у Доловъ, вмѣсто: *будешъ*, *буде*, *будемо*, *будете*, говорятъ: *бешъ*, *бе*, *бемо*, *бете*.

в) Карпатское поднарѣчіе.

Область. Оно занимаетъ въ *Галичинѣ*: юго-западный уголъ Станиславскаго округа; южную половину Стрыйскаго и Самборскаго; Саноцкій, за исключеніемъ сѣверо-восточной его полосы, и юго-восточный уголъ Ново-Сандечскаго; къ *Венгріи*, комитаты: Мармарошскій, Беречскій, Угочскій, Унгварскій и большую часть Сукмарскаго, Саболчскаго и Землинскаго, а также часть Шаришскаго.

Особенности рѣчи. 1) Перезвуки. *ô*=*у*, *у̂і*, *и* и *ъі*, а именно: въ Сукмарской и Беречской столицахъ у Бойковъ—*у*, *у̂і* (изъ нихъ *у̂і*, особенно у Тухольцевъ, пограничныхъ съ Гуцулами), а на Подгорьи, въ среднихъ Бескидахъ и въ юго-западныхъ комитатахъ, у Куртаковъ или Чухонцевъ (т. е. у Лемковъ, Крайняковъ и Лишаковъ, а также у Спижаковъ и Сотаковъ)—*и*, *ъі*: л*у̂і*й, с*у̂і*ль, в*у̂і*нъ; г*у*ркий, л*у*й, с*у*ль, в*у*нъ, л*и*й, с*и*ль, в*и*нъ, г*и*ркій; л*ъі*й, с*ъі*ль.

е=*і*, *и*: бер*і*гъ, пер*і*дъ, т*и*нь (тѣнь).

2) *ѣ*=*і*, но изрѣдка также *е*: б*і*да, б*е*да. *ѣ* перешло также въ *і*, въ словахъ: добр*і*, зл*і*, чорн*і*; сравни древне-славянское: добр*ѣ*, зл*ѣ* и пр.

3) Юсу ѩ и комбинаціи *а* съ *й*, *р* и шипящими соотвѣтствуетъ *я*: пам*ь*ять, м*ь*ясо, верем*ь*я, р*я*сний, тр*я*су, ж*я*ль, ч*я*съ, наш*я*, ш*я*новати, щ*я*стя, здоров*ь*я, *я*кий, ход*я*тъ, нос*я*тъ.

4) *ъ* соотвѣтствуетъ *е* и *ъ*: пид*е*шва, вік*е*нце, д*ъ*нь, п*ъ*нь. Комбинаціямъ *лъ* — соотвѣтствуетъ *ли*: б*ли*ха, *ли*жка; *ръ* соотвѣтствуетъ *рь* и *рі*: д*рь*ва, к*рь*товина, к*рь*вачный, х*рь*стити, водох*рь*щі, в*рь*хъ, т*рь*вати, теп*рь*, пер*і*дъ.

5) Рядомъ съ формами полногласія, сохранились также основныя формы на *а*: з*оло*тий и зл*а*тій, д*оро*гый и др*а*гій, г*ово*рити и гв*а*рити и пр.

5) Въ Карпатскомъ нарѣчіи сохранилась разница между *и* и *і*: с*і*диті, с*і*рота; но во многихъ случаяхъ это *і* огрубѣло до средняго *и*. Кромѣ того, послѣ гортанныхъ, употребляется обыкновенно *ы* дебелое: с*ы*ну, к*ы*дати, х*ы*жа, г*ы*рк*ы*й. У Лемковъ, *ы* въ произношеніи= *е*, *ой* или *уй*. Въ глаголѣ *бути* вмѣсто *у* употребляется *и*: *бити*.

7) Типическое придыханіе составляетъ йота: *ё*стрий, *ё*весъ, *ё*рати, *ё*сика и пр. *й* заступаетъ также мѣсто *нь* въ уменьшительныхъ формахъ: біле*й*кий, хато*й*ка, воло*й*кимъ, діво*й*ка, какъ въ Сербскомъ языкѣ; но *нь*, въ качествѣ эвфонической приставки къ мѣстоименіямъ, остается: у *нё*го, до *нё*го, видъ *нё*го.

8) *и* на концѣ словъ и между согласными весьма часто сокращается въ *ь*: берь, ходь, возь, бе́рьме, хо́дьме, бе́рьте, хо́дьте, во́зьте, за́сьяно; сравни Украинскія: ви+хо́дь, ви+возь, ви+ходьте, ви+возьте; но бер*и́*, ход*и́*, воз*и́*, бер*і*мо, ход*і*мо, бер*і*те, ход*і*тъ, воз*і*тъ, зас*і*яно. Разница, кажется, произошла отъ пере-

мѣщенія удареній. Исключеніе составляютъ слова, корень которыхъ оканчивается на *і*: *бі+ѝ*, *пі+ѝ*, *бі+сшъ*, *бі+с*, *пі+с* и пр.

9) Замѣчательное отличіе Карпатскаго нарѣчія составляетъ допущеніе зіянія: *чу+у*, *спіа+у*, *спіа+ешъ*, *співа+утъ*, *мо+а*, *мо+у*, *тво+а*, *тво+у*, *бі+у*, *пі+е*, *стри+омъ*, *руко+у*, *душе+у*. Однако, въ нѣкоторыхъ случаяхъ зіяніе устраняется, но не помощью вставки эвфонической согласной между сочетающимися гласными, а выбрасываніемъ гласной: *співа+мъ* (и *співа+у*), *співа+шъ*, *співа+тъ* (и *співа*), *співа+ме—те*, *бі+ли*, *білu*, *ч+ешъ*, *ч+е* вмѣсто: *спива+умъ* (=*співаѧ*), *спива+е+шъ*, *спива+е+тъ*, *спива+е+ме*, *бідни+і*, *білu+і*, *ч+у+емъ*. *ч+у+е*; а иногда гласная переходитъ въ полугласную: *рукоѝ*, *душеѝ*; это *-оѝ*, *-еѝ* у Лемковъ является въ видѣ *-омъ*, *-емъ*: *рукемъ*, *душемъ*. Въ силу, кажется, этой привычки явилась вообще аналогичная наклонность выбрасывать гласные и цѣлые слоги: *бешъ*, *бе*, *хчю*, *хчешъ* вмѣсто *будешъ*, *буде*, *хочу*, *хочешъ*.

10) При губныхъ роль эвфонической мягкой занимаетъ *ь*: *здравья*, *спьятъ*, *робъсный*, *памьять* и пр.

11) *дж* является не только какъ продуктъ смягченія *д*, но также какъ основной звукъ, вмѣсто *ж*: *меджже*, *джукъ*, *джаворонокъ*, *чюджий*, *меджа*; въ спряженіи: *ходжу*, *ряджу*. Кромѣ *дж*, есть еще другой основной звукъ, *дз*: *дзвіръ*, *одзеро*, *дзеркало* вмѣсто *звіръ*, *озеро*, *зеркало*. Шипящія любятъ смягчаться, за исключеніемъ, впрочемъ, *дж*: *чюджий*, *хчю*, *чясъ*, *жяль*, *нашя*, *шяновати*, *щястя* и пр.

12) *рь* мягкое, какъ и въ Каневско-Полтавскомъ разнорѣчіи. *ць*, также часто мягкое.

13) *г*, *к*, *х* тверды.

14) Глаголы, которыхъ тема оканчивается на *а*, въ настоящемъ времени изъявительнаго наклоненія, въ 1 лицѣ единственнаго числа имѣютъ иногда окончаніе на *-амъ* вмѣсто *-аумъ*, *-ау*: *співа'мъ*, *бігамъ* и пр.

Третье лицо на *-атъ* или *-а* вмѣсто *-аѣтъ*, *-аѣ*: *співатъ*, *співа*, *біга'тъ*, *бігa*.

15) Третье лицо множественнаго числа изъявительнаго и повелительнаго наклоненій глаголовъ на *-ме* вмѣсто *-мо*: *будеме*, *ходьме*.

15) Будущее, сложенное изъ неопредѣленнаго наклоненія и вспомогательнаго глагола *имити* (нняти), образуется посредствомъ приставки послѣдняго: *му* писати, *мешъ* писати, *ме* писати, *мемъ* писати, *мете* писати, *мутъ* писати.

17) Именительный падежъ множественнаго числа прилагательныхъ имѣетъ одно усѣченное окончаніе на *-и*: *бідни*, *горни*, *злати*, *білu*.

18) Творительный падежъ единственнаго числа женскаго рода существительныхъ и прилагательныхъ имѣетъ окончаніе на *-оу*, *-еу*, *-оѝ*, *-еѝ*; а въ за-

падныхъ говорахъ также на *-омъ*, *-емъ*: водо*ю*, душе*ю*; водо*ю*, душе*ю*, водо*мъ*, душе*мъ*.

19) Дательный падежъ множественнаго числа на *-імъ*, *-имъ*: хлопці*мъ*, дивчата*мъ*, воли*мъ*, волойки*мъ*.

20) Формы числительныхъ: *одинъ двацять*, *два двацять* и т. д., вмѣсто *двадцять одинъ*, *двадцять два* и пр. *Четиредесять*, *четиредесяти* вмѣсто *сорокъ*, *сороковий*.

21) Характеристическія мѣстныя частицы: *со* вмѣсто *що*, *шо* у Сотаковъ, обитающихъ по лѣвой сторонѣ верховьевъ р. Тепли. *Лишъ*=Украинскому *лишъ*, *лишень*=Велико-Русскому *де*, *дескать*; у Лишаковъ, въ Унгварской столицѣ, *шемъ* тоже что *лишъ*, у Лемковъ, обитающихъ въ Подгорьи, на сѣверномъ склонѣ Карпатъ, въ Саноцкомъ округѣ.

Нѣсколько словъ объ экономическомъ положеніи крестьянъ-собственниковъ Юго-Западнаго края *).

Судьба сельскаго населенія Юго-Западнаго края отличается отъ судьбы того же населенія лѣваго берега Днѣпра. Хотя и въ губерніяхъ Полтавской и Черниговской въ концѣ прошлаго столѣтія произошло закрѣпощеніе селянъ, но, тѣмъ не менѣе, значительная доля сельскаго населенія осталась свободными землевладѣльцами. Говоря это, мы разумѣемъ козаковъ, которые составляютъ почти половину сельскаго населенія этихъ двухъ губерній. Въ Юго-Западномъ же краѣ все сельское населеніе было обращено въ помѣщичьихъ крестьянъ, а также и всѣ мѣщане въ мѣстечкахъ. Обезземеленіе части крестьянъ относится къ началу нынѣшняго столѣтія: часть „тяглыхъ", т. е. отработывавшихъ барщину скотомъ, переводилась въ „пѣшихъ", вслѣдствіе обѣднѣнія и лишенія значительнаго количества скота; часть пѣшихъ—въ „огородниковъ", т. е. неимѣющихъ полеваго надѣла, землевладѣніе которыхъ ограничивалось усадьбами. Но это явленіе не представляло чего либо новаго; это было продолженіе прежнихъ порядковъ, въ чемъ мы убѣждаемся изъ актовъ, изданныхъ Кіевскою Археографическою Коммиссіею.

Сахарные заводы и другія помѣщичьи фабрики, возникшія въ 20-хъ и 30-хъ годахъ нынѣшняго столѣтія, стремились создать заводскихъ рабочихъ, обращая часть крестьянъ въ огородниковъ. Эти послѣдніе, лишенные земли, должны были сдѣлаться постоянными заводскими рабочими, живущими получаемымъ отъ заводовъ жалованьемъ. Обезземеленіе обусловливалось и тѣмъ, что въ нынѣшнемъ столѣтіи помѣщики начали переходить отъ патріархальнаго хозяйства къ болѣе совершенному, заводя и расширяя свои фольварки, причемъ

*) Данными для этой главы служили: свѣдѣнія, спеціально собранныя мировыми посредниками въ 1869 году, по требованію генералъ-губернатора А. П. Безака; свѣдѣнія, сообщенныя экспедиціи, по ея просьбѣ, то же мировыми посредниками; записи, сдѣланныя нами при поѣздкахъ по краю и нѣкоторые печатные источники. П. Ч.

земли, бывшія въ пользованіи крестьянъ, поступали въ составъ помѣщичьихъ фольварковъ. Уже при составленіи инвентарей господствующими между сельскимъ населеніемъ являлись „пѣшіе"; „тяглыхъ" было значительно менѣе, и вотъ почему образовался огромный классъ „огородниковъ". При составленіи уставныхъ грамотъ, въ Кіевской губерніи крестьянскія хозяйства распредѣлялись такъ: было „тяглыхъ" 12%, „пѣшихъ" 71% и „огородниковъ" 17%.

Постоянное обезземеленіе крестьянъ и произвольная барщина, въ высшей степени обременительная для крестьянъ, привели правительство къ мысли — регулировать отношенія помѣщиковъ и крестьянъ, посредствомъ такъ-называемыхъ „инвентарныхъ правилъ", введенныхъ въ 1847 году. Количество мірской крестьянской земли по инвентарю было показано самими помѣщиками и почти повсемѣстно менѣе дѣйствительнаго. Помѣщики, зная, что показанное въ инвентаряхъ количество мірской земли должно оставаться неприкосновеннымъ, старались уменьшать дѣйствительное крестьянское землевладѣніе, хотя были и такіе помѣщики, которые показали земли болѣе, желая пользоваться большими повинностями крестьянъ. Но такихъ было очень мало. Хотя инвентарными правилами и былъ опредѣленъ размѣръ повинностей, падавшихъ на крестьянъ, но это не спасало ихъ отъ обремененія барщиной въ гораздо большихъ, противъ инвентаря, размѣрахъ. Притомъ, хотя число барщинныхъ дней инвентарями было ограничено, но за то „уроки", т. е. опредѣленіе размѣровъ разныхъ работъ, какія должны быть выполнены въ 1 рабочій день, были таковы, что приходилось вмѣсто 1 дня работать 1½ или даже 2 дня. Ближайшая администрація, которая должна была блюсти за выполненіемъ инвентарныхъ правилъ, была Польская, и, слѣдовательно, народу оставалось безропотно переносить произволъ помѣщиковъ, такъ-что положеніе крестьянъ при инвентаряхъ далеко не улучшилось.

Положеніе 19-го февраля 1861 года въ здѣшнемъ краѣ приводилось въ исполненіе мировыми посредниками изъ дворянъ-Поляковъ. Понятно, какъ были составлены уставныя грамоты и такъ-называемые „добровольные" выкупные, договоры: отъ крестьянъ отбиралась часть земли, находившейся въ ихъ владѣніи. Поэтому и понятно то обиліе экзекуцій въ Юго-Западномъ краѣ, которыми сопровождалось введеніе уставныхъ грамотъ. Но тутъ крестьянамъ помогло послѣднее возстаніе Польской шляхты. Сами крестьяне усмирили повстанцевъ, и, такимъ образомъ, стало ясно, что Русскій народъ въ Юго-Западномъ краѣ заслуживаетъ того, чтобы на его положеніе было обращено вниманіе. Въ самомъ дѣлѣ, было бы непонятно оставить крестьянъ въ зависимости отъ враждебныхъ всему русскому помѣщиковъ, и потому указъ объ обязательномъ выкупѣ явился естественнымъ послѣдствіемъ событій въ краѣ. Этимъ указомъ было положено прочное основаніе улучшенію быта крестьянъ.

Дѣйствія лицъ и учрежденій, дѣлавшихъ повѣрку уставныхъ грамотъ и добровольныхъ выкупныхъ договоровъ, подвергались нареканіямъ со стороны помѣщиковъ и нѣкоторыхъ органовъ печати, служившихъ ихъ интересамъ. Теперь возможно спокойное и безпристрастное обсужденіе этого вопроса и фактическая его постановка. При обязательномъ выкупѣ, крестьяне получали ту мірскую землю, какая была показана по инвентарямъ 1847 года, а въ случаѣ, если было доказано, что дѣйствительное владѣніе было болѣе, чѣмъ показано въ инвентаряхъ,—возстановлялось дѣйствительное владѣніе. Такимъ образомъ крестьяне получали то, что̀ составляло мірскую землю въ 1847 году, не смотря на то, что населеніе съ тѣхъ поръ увеличилось болѣе чѣмъ на 30%.

Чтобы видѣть, въ какое земельное положеніе стали крестьяне по выкупнымъ актамъ сравнительно съ инвентарнымъ землевладѣніемъ и съ землевладѣніемъ по уставнымъ грамотамъ, приведемъ слѣдующія данныя. Въ Кіевской губерніи по инвентарямъ состояло мірской земли 1,231,472 десятины, по уставнымъ грамотамъ—1,061,969 десятинъ, по выкупнымъ актамъ и договорамъ—1,348,563 десятины. Изъ этихъ данныхъ оказывается, что по выкупнымъ актамъ крестьяне получили земли почти на 10% болѣе, чѣмъ значилось въ инвентаряхъ; противъ уставныхъ же грамотъ болѣе почти на 30%, такъ какъ, по грамотамъ, крестьянское землевладѣніе было уменьшено противъ инвентарей на 20%. Въ Волынской губерніи земли было по инвентарямъ 1,398,499 д., по уставнымъ грамотамъ 1,205,552 д., по выкупнымъ актамъ 1,570,293 д., такъ-что, по выкупнымъ актамъ, болѣе чѣмъ на 10% противъ инвентарей, и на 30% противъ грамотъ, такъ какъ и въ этой губерніи по уставнымъ грамотамъ крестьянское землевладѣніе было уменьшено противъ показаннаго въ инвентаряхъ на 20%. Въ Подольской губерніи по грамотамъ земли показано 991,734 д., а по выкупнымъ актамъ 1,183,524 д., такъ-что въ этой губерніи противъ уставныхъ грамотъ крестьяне получили на 20% болѣе. Такимъ образомъ, вообще въ Юго-Западномъ краѣ „польскіе“ мировые посредники, при составленіи уставныхъ грамотъ, уменьшили крестьянское землевладѣніе противъ инвентарей на 20%, т. е. на $^1/_5$ всего количества мірской земли.

При введеніи выкупныхъ актовъ, причемъ произведена инструментальная съемка земель, крестьяне получили не только то, что̀ было отобрано отъ нихъ уставными грамотами, но еще на $^1/_{10}$ болѣе противъ инвентарныхъ показаній. Но это нельзя считать дѣйствительною прибавкою земли изъ числа помѣщичьей, такъ какъ прибавлена почти вездѣ земля по дѣйствительному владѣнію 1847 года, которое, какъ выше указано, было въ инвентаряхъ уменьшено, такъ-что положительно можно утверждать, что крестьяне получили то, чѣмъ владѣли, какъ мірскою землею, 20 лѣтъ назадъ, и то врядъ ли сполна.

Крестьянъ-собственниковъ въ Юго-Западномъ краѣ, гдѣ введенъ выкупъ, считается:

Въ Кіевской . .	541,319	рев. душъ.
„ Подольской. .	502,806	„ „
„ Волынской . .	403,418	„ „
Итого. . .	1,447,543	души.

Дворовъ:

Въ Кіевской.	192,629
„ Подольской.	183,795
„ Волынской	125,659
Итого	502,083

Земельный надѣлъ на ревизскую душу составитъ:

Въ Кіевской	2,47	дес.
„ Подольской.	2,35	„
„ Волынской	3,89	„
Вообще въ краѣ	2,83	„

На дворъ приходится:

Въ Кіевской.	7	дес.
„ Подольской.	6,38	„
„ Волынской	12,39	„

а вообще въ краѣ приходится на дворъ—8,16 дес.

Наличное число крестьянъ-собственниковъ Юго-Западнаго края простирается до 3,600,000 душъ обоего пола, такъ-что на наличную душу среднимъ числомъ приходится въ краѣ 1,15 дес.; въ губерніяхъ же Кіевской и Подольской на наличную душу—менѣе 1 дес., а именно: въ Кіевской 0,98 дес., въ Подольской—0,94 дес., въ Волынской 1,55 дес.

Эти данныя показываютъ, что крестьянскій надѣлъ въ Юго-Западномъ краѣ ограниченный. Если онъ значителенъ въ Волынской, то лишь потому, что почти половину этой губерніи составляетъ песчаное и болотистое Полѣсье, гдѣ надѣлъ по необходимости больше; въ другой же части губерніи онъ невеликъ, такъ-что вообще, за исключеніемъ Полѣсья, надѣлъ на наличную душу не превышаетъ 0,95 дес.

Для сравненія, приведемъ данныя о количествѣ надѣла на ревизскую душу въ трехъ губерніяхъ лѣваго берега Днѣпра. По состоявшимся выкупнымъ сдѣлкамъ, въ Полтавской губерніи приходится:

въ ревизскую душу.	1,98
въ Харьковской	2,60
въ Черниговской	3,35

Изъ этихъ данныхъ оказывается, что Кіевская и Подольская губерніи надѣлены хуже, чѣмъ Харьковская, и лучше, чѣмъ Полтавская; Волынская надѣлена лучше Черниговской, но за то и Волынское Полѣсье значительнѣе, чѣмъ Полѣсье Черниговской губерніи; такъ-что если принять это во вниманіе, то эти губерніи окажутся одинаково надѣленными. Малый надѣлъ Полтавской губерніи объясняется меньшими размѣрами имѣній, а извѣстно, что въ меньшихъ имѣніяхъ надѣлъ былъ меньше.

Если же мы будемъ сравнивать размѣръ выкупныхъ платежей въ губерніяхъ праваго и лѣваго берега Днѣпра, то окажется, что крестьяне Юго-Западнаго края въ этомъ отношеніи находятся въ несравненно лучшемъ положеніи, а именно: выкупные платежи за десятину, среднимъ числомъ, составляютъ:

въ Кіевской губ.	27	р.	37 к.
„ Подольской	28	„	90 „
„ Волынской	13	„	30 „
„ Полтавской.	35	„	8 „
„ Харьковской	37	„	25 „
„ Черниговской	26	„	32 „

такъ-что Кіевская и Подольская губерніи платятъ на 30% менѣе, чѣмъ Полтавская и Харьковская, а Волынская—на 50% менѣе, чѣмъ Черниговская. Слѣдовательно, нельзя не признать, что поземельное устройство крестьянъ въ Юго-Западномъ краѣ сравнительно лучше, чѣмъ въ другихъ, почти однородныхъ по климату и почвѣ, губерніяхъ.

Чтобы нагляднѣе показать, какъ измѣнялось положеніе крестьянъ, возьмемъ въ примѣръ одно имѣніе, находящееся въ нормальныхъ условіяхъ, т. е. съ хорошею почвою и въ хорошей мѣстности. Въ этомъ имѣніи 600 морговъ помѣщичьей запашки и 100 морговъ сѣнокоса и крестьянъ 200 ревизскихъ душъ. До введенія инвентарей, кромѣ мужской барщины, женщины должны были работать столько, сколько требовалось лѣтомъ женскаго труда. Осенью онѣ должны были обработать пеньку, какая получалась въ имѣніи. На зиму онѣ должны были напрясть: каждый „тяглый“ дворъ 4 мотка, а „пѣшій“ — 2 мотка. Съ каждаго „тяглаго“ двора взималось по 4 курицы, а съ „пѣшаго“ по 2; яицъ— съ „тяглаго“ по 30 штукъ, а съ „пѣшаго“ по 15. Весною давались яйца бабамъ для высидки цыплятъ. Каждый дворъ уплачивалъ такъ называемой „подорожчизны“: „тяглый“—10 коп., а „пѣшій“—5 коп. Наконецъ, взималась такъ же „десятина“ съ крестьянскихъ пасѣкъ въ пользу помѣщиковъ. Въ пятидесятыхъ годахъ, при отдачѣ имѣній въ аренду, со всѣми инвентарными повинностями крестьянъ, въ томъ уѣздѣ, о которомъ мы говоримъ, арендаторы

платили отъ 7 до 10 руб. съ морга озимаго посѣва. Слѣдовательно, имѣніе, которое мы привели въ примѣръ, при отдачѣ въ аренду могло принести помѣщику 2,000 рублей. Повинность крестьянъ въ такомъ имѣніи, полагая въ немъ 20 „тяглыхъ“ и 40 „пѣшихъ“ дворовъ, составляла:

2,250 тяглыхъ дней
4,000 пѣшихъ дней
3,000 женскихъ дней
480 строительныхъ дней

въ пользу экономіи, что̀ составитъ, по существовавшимъ въ то время цѣнамъ на личный трудъ, 1,847 рублей, да „сгонныхъ“ дней по 12-ти въ годъ съ каждаго взрослаго—1400 дней, за которые помѣщикъ уплачивалъ всего по 10 копѣекъ, выигрывая, такимъ образомъ, въ свою пользу около 140 р. Слѣдовательно, весь инвентарный трудъ стоилъ около 2,000 рублей. Слѣдовательно, арендаторъ, уплачивая 2,000 рублей, или не платилъ ничего за трудъ, или ничего за землю. При введеніи уставныхъ грамотъ въ такомъ имѣніи, количество помѣщичьихъ земель увеличилось, такъ какъ крестьяне вмѣсто 560 десятинъ, находившихся въ ихъ пользованіи, получили 460 десятинъ, а 100 десятинъ или 185 морговъ присоединились къ помѣщичьимъ. При отдачѣ такого имѣнія въ аренду, арендаторъ вносилъ за крестьянъ всѣ оброчные платежи за землю, въ размѣрѣ 3 руб. 10 коп. съ морга или 1,426 рублей, а съ экономической земли по 1 рублю съ десятины пахатной и по 50 коп. съ сѣнокосной, итого 850 рублей. Такимъ образомъ, помѣщикъ получалъ по введеніи уставныхъ грамотъ 2,276 рублей, крестьяне же лишались $^1/_6$ части земли и несли тяжелую барщинную повинность. Въ концѣ шестидесятыхъ годовъ, т. е. послѣ обязательнаго выкупа, крестьяне получили свою землю обратно. Помѣщикъ получалъ, отдавая имѣніе въ аренду по 2 рубля моргъ, кругомъ 1,600 руб., выкупныхъ платежей отъ крестьянъ за усадьбы 70 руб. и за землю, изъ числа поступившихъ въ казначейство 890 руб.—820 рублей. всего 2,490 рублей, т. е. почти на 20% болѣе чѣмъ при инвентаряхъ и на 10% болѣе, чѣмъ при уставныхъ грамотахъ. Положеніе же крестьянъ стало неизмѣримо лучше. Имъ приходится уплачивать не 1,426 руб. за 460 десят., какъ было по уставнымъ грамотамъ, а 1,066 руб. за 560 десятинъ. При существовавшихъ въ концѣ шестидесятыхъ годовъ цѣнахъ на трудъ (60 коп. за день „тяглаго“, 25 к. за день „пѣшаго“ и 20 за день „женскаго“ труда), крестьянамъ, чтобы заработать выкупные платежи, нужно было употребить 900 тяглыхъ, 1,600 пѣшихъ и 900 женскихъ дней, всего 3,400, т. е. въ $2^1/_2$ раза меньше, чѣмъ приходилось работать при инвентаряхъ. Теперь у крестьянъ, правда, прибавились нѣкоторыя повинности, а именно: на обезпеченіе духовенства, на мировыя по крестьянскимъ дѣламъ

учрежденія, страховыя и на мірскія надобности, что составитъ до 1-го рубля на душу или, въ означенномъ имѣніи, на 200 руб., для заработка которыхъ нужно употребить еще до 700 дней. Такимъ образомъ, чтобы заработать выкупные платежи и упомянутыя повинности, нужно употребить до 4,000 дней. Отсюда видно, что крестьяне, противъ „инвентарнаго" количества труда, должны употребить всего 42% рабочихъ дней.

Мы привели данныя, показывающія, что крестьяне Юго-Западнаго края надѣлены лучше, чѣмъ на лѣвомъ берегу Днѣпра и платятъ меньше выкупныхъ платежей. Здѣсь не лишне будетъ замѣтить, что обязательный выкупъ сопровождался, большею частью, разверстаніемъ, и потому крестьяне лишились общихъ пастбищъ. Лишились они также матеріаловъ на отопленіе и ремонтъ строеній, и это въ особенности требовало пониженія выкупныхъ платежей. Теперь помѣщики за право выпаса и топлива получаютъ съ крестьянъ разныя выгоды: или плату отъ каждой штуки скота, или извѣстный отработокъ и т. п. Впрочемъ, слѣдуетъ замѣтить, что на лѣвой сторонѣ Днѣпра не только крестьяне, но и козаки поставлены въ подобное же положеніе обязательнымъ размежеваніемъ, вслѣдствіе котораго всѣ помѣщичьи земли нарѣзаны въ отрубныхъ дачахъ.

Чтобы судить, какія послѣдствія произвелъ обязательный выкупъ на хозяйство крестьянъ, приведемъ данныя о количествѣ скота въ 1864 году и въ 1870 году:

Въ Кіевской губерніи у крестьянъ-собственниковъ *въ 1864 году* было лошадей 103,803, рогатаго рабочаго скота 200,232, итого рабочаго скота 304,035; *въ 1870 году*—лошадей 141,171 и рогатаго рабочаго скота 224,589, итого 365,760, т. е. количество скота увеличилось на 21%.

Въ Подольской губерніи *въ 1864 году* было лошадей 186,085, рабочаго рогатаго скота 169,963, итого 355,048; *въ 1870 году* лошадей—217.390, рабочаго рогатаго скота 184,568, итого 401,958, т. е. число рабочаго скота увеличилось почти на 13%.

Въ Волынской губерніи было *въ 1864 году* лошадей 208,133, рабочаго рогатаго скота 112,630, итого 320,763 штуки; *въ 1870 году* лошадей 278,819, рогатаго рабочаго скота 108,811, итого 387,630 шт., т. е. число скота увеличилось почти на 20%.

Всего рабочаго скота у крестьянъ Юго-Западнаго края 1,155,348 штукъ.

Замѣчательно, что увеличилось преимущественно число лошадей. Крестьяне, изъ опасенія скотскихъ падежей, охотнѣе стали увеличивать число лошадей. О падежахъ рогатаго скота можно составить себѣ понятіе на основаніи данныхъ офиціальной статистики, изъ которыхъ оказывается, что за три года (1868, 1869 и 1870) пало рогатаго скота до 70,000 штукъ. Но эта цифра далеко менѣе дѣйствительной. Вообще, среднимъ числомъ можно считать, что въ краѣ

падаетъ не менѣе 30,000 штукъ ежегодно и, слѣдовательно, край теряетъ, вслѣдствіе отсутствія страхованія скота, болѣе 1,000,000 рублей.

Мы выше показали, что количество рабочаго скота значительно увеличилось. Такое же увеличеніе замѣчается относительно гулеваго скота, а также овецъ и свиней. Это неоспоримо свидѣтельствуетъ объ увеличеніи благосостоянія крестьянъ. Теперь они имѣютъ рабочаго скота 1 штуку почти на $3^1/_4$ десят. или по $2^1/_2$ штуки на дворъ. При поѣздкѣ по краю, намъ вездѣ приходилось слышать отъ самихъ крестьянъ, что „у кого не було и кішки въ дворі, до и въ того теперь пара волівъ, або коровъ“.

Послѣдствія освобожденія крестьянъ отразились также и на внѣшней обстановкѣ крестьянъ. Въ Полѣсьи, напримѣръ, вмѣсто курныхъ избъ, послѣ эмансипаціи строятъ бѣлыя избы. Замѣтно улучшеніе костюмовъ: такъ, въ праздничные дни почти всѣ крестьяне одѣты въ новыя свитки или кожухи. Освобожденіе крестьянъ повело къ тому, что крестьянскія общества образовали свои мірскіе капиталы и владѣютъ большими запасами общественнаго хлѣба въ магазинахъ. Мірской капиталъ крестьянъ-собственниковъ простирается на сумму до 1,000,000 рублей, а запасы хлѣба можно считать стоимостью до 7,000,000 рублей*).

Съ освобожденіемъ, у крестьянъ явился и еще источникъ, это—право виноторговли. Крестьяне обыкновенно передаютъ это право Евреямъ и получаютъ за это вознагражденіе, поступающее на общественныя надобности. Мы имѣемъ свѣдѣнія по 203 волостямъ Подольской губерніи, которыя получаютъ за право пропинаціи 135,000. Деньги эти употребляются различно: на поправленіе церквей, на сельскія школы, на волостныя надобности, на сдачу рекрутъ, на приходскія попечительства и проч. Къ сожалѣнію, въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Кіевской губерніи мы имѣли случай видѣть административныя распоряженія, лишающія крестьянъ этого дохода, будто бы противорѣчащаго акцизному уставу, тогда какъ онъ естественно вытекаетъ изъ права собственности на землю и, по отношенію къ помѣщикамъ, никѣмъ не оспаривается.

Чтобы придти къ заключенію о размѣрѣ всѣхъ сборовъ съ крестьянъ-собственниковъ Юго-Западнаго края, приведемъ слѣдующія точныя данныя по Кіевской губерніи. Въ этой послѣдней на ревизскую душу падаетъ:

государственныхъ податей.	1 р.	83 к.
государственнаго земскаго сбора	1 „	8,68 „

*) Весь запасъ общественнаго хлѣба крестьянъ простирался въ 1870 году на сумму до 10,000,000 руб. сер.; изъ этого можно считать принадлежащимъ крестьянамъ-собственникамъ до 70%; остальной принадлежитъ государственнымъ крестьянамъ и бывшимъ военнымъ поселенцамъ.

на содержаніе учрежденій по крестьянскимъ дѣламъ.	— р.	10,55 к.
на обезпеченіе духовенства.	— „	8,81 „
выкупныхъ платежей	3 „	3,51 „
Итого	7 р.	3,51 к.

Въ эти данныя не включены губернскія земскія повинности по ½ коп. съ десятины, а также и страховые платежи. Первые у крестьянъ-собственниковъ составляютъ 1,19 коп. на душу, а вторыя 8,58 коп., такъ-что всѣ сборы съ крестьянъ-собственниковъ въ Кіевской губерніи составляютъ на ревизскую душу 7 р. 13,31 коп. Кромѣ того, мірскіе сборы на волостныя надобности составляютъ около 70 коп. на ревизскую душу, такъ-что вообще денежные платежи крестьянъ-собственниковъ Кіевской губерніи составляютъ 7 р. 83 к., а на крестьянскій дворъ около 24 руб. Другими словами: на одну десятину надѣла причитается всѣхъ вообще платежей 3 руб. 87 коп., въ томъ числѣ: выкупныхъ платежей 1 р. 58 коп., сборовъ казенныхъ, земскихъ и мірскихъ 2 руб. 89 коп., а если изъ послѣдней выдѣлить 45,37 коп. (составляющихъ причитающуюся на одну десятину сумму сборовъ на губернскія и земскія повинности, на учрежденія по крестьянскимъ дѣламъ, на обезпеченіе быта духовенства и страховые платежи), то получимъ 1 р. 83,68 коп., что составляетъ собственно подать и сборъ на государственныя земскія повинности, падающій на десятину крестьянскаго надѣла.

Изъ вышеприведенныхъ данныхъ оказывается, что всѣ подати и сборы простираются по Кіевской губерніи до 7 р. 83 коп. на ревизскую душу. Въ Подольской губерніи они нѣсколько болѣе, въ Волынской менѣе,—но въ среднемъ выводѣ для трехъ губерній они составляютъ почти 7 р. 80 коп. на ревизскую душу, или на десятину 2 р. 79 коп. Сумма же всѣхъ этихъ сборовъ въ Юго-Западномъ краѣ простирается до 11,000,000 руб.

Въ Юго-Западномъ краѣ вносится акциза съ вина болѣе 14,000,000 руб. Крестьяне-собственники составляютъ 62% всего населенія края, но полагая, что въ городахъ вина потребляется болѣе, чѣмъ въ селахъ, можно считать, что 50% акциза оплачивается крестьянами-собственниками, что составитъ 7,500,000, а съ прибавленіемъ стоимости водки составитъ до 9,500,000 рублей. Такъ-что подати и водка поглощаютъ у населенія до 20,000,000 рублей.

Перейдемъ теперь къ обозрѣнію выручки крестьянъ. По вышеприведеннымъ даннымъ оказывается, что землевладѣніе крестьянъ-собственниковъ въ Юго-Западномъ краѣ простирается до 4,102,380 десятинъ. При трехпольной системѣ и при незначительности луговой земли, подъ озимь поступаетъ 1,250,000 и такое же количество подъ яровое и, полагая средній урожай озимаго самъ—7

и яроваго самъ—5, получается хлѣба, за исключеніемъ сѣмянъ, до 17,5000,000 четвертей. На потребленіе 3,600,000 душъ нужно, полагая 2 четверти озимаго и 2 четверти яроваго, до 14,500,000 четвертей, слѣдовательно, въ продажу можетъ поступить хлѣба до 3,000,000 четв., на сумму до 9,000,000 рублей. Крестьяне вообще производятъ около $^1/_3$ части всей свекловицы, перерабатываемой на заводахъ, т. е. до 3,000,000 четв., на сумму до 3,000,000 руб. Затѣмъ заработываютъ при полкѣ, копкѣ и возкѣ свекловицы до 50 коп. на берковцѣ, а слѣдовательно, на 6,000,000 берковцевъ, производимыхъ заводами и плантаторами,—до 3,000,000 рублей. Рубкою и доставкою дровъ на заводы, считая до 200,000 саженей, по 10 р. съ сажени за рубку и доставку — 2,000,000 рублей. Такимъ образомъ, производство хлѣба и свекловицы и работа на свекловичныхъ плантаціяхъ, и по рубкѣ и доставкѣ дровъ, не покрываютъ всей суммы податей и сборовъ и расхода на потребляемую водку. Затѣмъ, для покрытія этого недостатка, на расходы по удовлетворенію религіозныхъ потребностей, на соль, на разныя орудія домохозяйства, на многіе, пріобрѣтаемые покупкою предметы одежды, крестьянинъ долженъ прибѣгать къ другимъ источникамъ, а именно: къ заработкамъ въ помѣщичьихъ экономіяхъ и заводахъ, заработкамъ за перевозку хлѣба къ пристанямъ и вокзаламъ желѣзныхъ дорогъ, заработкамъ при лѣсныхъ промыслахъ и проч.

Здѣсь будетъ не лишнимъ привести данныя о заработныхъ платахъ. Въ Кіевской губерніи заработная плата годовому рабочему мущинѣ колеблется, смотря по мѣстности, между 42 и 68 рублями на хозяйскихъ харчахъ; наиболѣе же практикуется плата отъ 50 до 60 руб. Поденная плата мущинѣ лѣтомъ — отъ 30 до 40 коп. въ день, зимою — отъ 20 до 30 коп. Въ Подольской губерніи годовой рабочій — отъ 45 до 70 руб., наиболѣе же — отъ 45 до 50 рублей. Поденная плата лѣтомъ отъ 25 до 37 к., зимою — отъ 15 до 30 к.: наиболѣе — отъ 20 до 25 копѣекъ. Въ Волынской — годовая отъ 30 руб. до 50 р., наиболѣе отъ 40 до 45 р.; поденная лѣтомъ — отъ 20 до 40 коп.; но наиболѣе отъ 25 до 30 коп.; зимою — отъ 12 до 25 к.; наиболѣе же отъ 15 до 20 копѣекъ.

Что касается вознагражденія натурою, то въ этомъ отношеніи существуетъ большая разница между правобережьемъ и лѣвобережьемъ Днѣпра. При жатвѣ, напримѣръ, ржи, на лѣвомъ берегу Днѣпра даютъ рабочему 5-й и 6-й снопъ, на правомъ—7-й и 8-й. Это объясняется тѣмъ, что на лѣвомъ берегу много мелкихъ поземельныхъ собственниковъ, и конкуренція ихъ въ спросѣ на рабочихъ повышаетъ размѣръ заработной платы. Здѣсь не лишнимъ будетъ замѣтить, что заработная плата въ этомъ краѣ мало повысилась послѣ освобожденія крестьянъ; такъ, на сахарные заводы до эмансипаціи нанимали рабочихъ по $5^1/_2$ и по 6 р.,

а полурабочихъ—отъ 3 до 4 р. въ мѣсяцъ; теперь же наймаютъ рабочихъ отъ 6 до 6½ руб., полурабочихъ отъ 3½ до 4½ рублей.

Надо замѣтить, что вся сумма заработковъ въ краѣ, въ которомъ, съ освобожденіемъ крестьянъ и съ проведеніемъ желѣзныхъ дорогъ, производительность значительно увеличилась, могла бы обезпечивать крестьянъ-собственниковъ, если бы на пути имъ не стояла Еврейская масса, безпощадно эксплуатирующая ихъ. Мы не станемъ здѣсь указывать, въ чемъ состоитъ эта эксплуатація, такъ какъ объ этомъ мы говорили уже не разъ. Наконецъ, экономическому развитію быта крестьянъ-собственниковъ препятствуетъ исключительное положеніе края и проистекающее отсюда отсутствіе земскихъ учрежденій, которыя бы, кромѣ улучшенія земскаго хозяйства, могли бы содѣйствовать возникновенію ссудо-сберегательныхъ товариществъ и производительныхъ артелей, столь необходимыхъ въ этомъ краѣ.

ПРИЛОЖЕНІЯ.

Программа для указанія особенностей мѣстныхъ народныхъ говоровъ въ Южной Россіи, по пунктамъ которой записаны помѣщаемые ниже матеріалы.

1) Какъ произносится *я*, когда на немъ нѣтъ ударенія? Въ нарѣчіяхъ Черниговскомъ и Сѣверскомъ оно переходитъ въ томъ случаѣ въ *е* іотированное (*є*), если находится въ началѣ слова или послѣ гласнаго звука, напр.: *єкий*, *єлина*, *поєсъ*; если же ему предшествуетъ согласный, то смягченіе теряется: *ребый*, *сонешникъ*, *вилегати* и проч.

2) Какъ произносится *о* безъ ударенія? Въ тѣхъ же нарѣчіяхъ оно произносится (какъ и въ Бѣлорусскихъ и нѣкоторыхъ Великорусскихъ говорахъ) какъ *а:* *вана*, *хадывъ*, *марозъ*, *акно*, и т. д.

3) Какъ произносится *о* въ глагольномъ окончаніи *-оваты?* Въ нарѣчіяхъ Кіевскомъ и Подольскомъ, мѣстами и на лѣвой сторонѣ Днѣпра, оно въ этомъ, а иногда и въ другихъ случаяхъ (только тогда, впрочемъ, когда на немъ нѣтъ ударенія) произносится какъ *у*: *ночуваты*, *купувавъ*, *куваты*; даже: *гудуваты*, *мурдуваты*, *нучуваты*; также: *зузуля*.

4) Какъ произносится *о*, если на него опирается слѣдующій согласный звукъ? Есть шесть различныхъ видоизмѣненій этого звука: 1) Въ нарѣчіяхъ Харьковско-Полтавскомъ, Западномъ-Подольскомъ и Галицкомъ оно произносится какъ острое *і*, со смягченіемъ предыдущаго согласнаго звука, напр.: *лій*, *нісъ*, *тільки*, *сіль*, *дільъ* и т. д.; 2) въ Кіевскомъ и Восточномъ-Подольскомъ оно выговаривается тоже какъ *і*, но предъидущій согласный звукъ остается при этомъ несмягченный: *лъій*, *нъісъ*, *тъілкы*, *съілъ*, *дъілъ*; 3) въ Нѣжинско-Переяславскомъ оно переходитъ въ *и*: *лий*, *нисъ*, *тилько*, *силь*, *дилъ*; 4) въ Черниговскомъ переходитъ въ особенный глухой звукъ, выражаемый хотя и не совсѣмъ точно буквами *уы*: *луый*, *нуысъ*, *туылько*, *суыль*, *дуылъ*; 6) мѣстами въ Волынскомъ нарѣчіи оно произносится какъ *у*: *луй*, *нусъ*, *суль*, *дулъ*; и наконецъ 6) въ Сѣверскомъ и Полѣшскомъ нарѣчіяхъ оно остается неизмѣннымъ: *лой*, *нос*, *тольки*, *соль*, *долъ*.

5) Какъ произносится *о* со смягченіемъ предыдущаго согласнаго звука, въ притя-

жательныхъ на *-овый*, дательномъ мужескаго рода на *-ові*, творительномъ мужескаго на *-омъ* и женскаго *-ою?* Въ восточныхъ нарѣчіяхъ, начиная съ Кіевскаго, это *о* переходитъ въ *е*, съ потерею смягченія согласнаго звука, напр.: вышневый, коневи, конемъ, Васылеві, землею, вмѣсто: вышнёвый, конёві, конёмъ. Васылёві, землёю: это соблюдается и тамъ, гдѣ дѣйствительнаго смягченія не было, по несмягчаемости согласнаго звука: грушевый, рожевый, бурею, квачемъ, душею, іжею, цареві, вмѣсто: грушовый, рожовый, дарові, квачомъ, душою, іжою, бурою.

6) Получаютъ ли *о* и *у* въ началѣ словъ придыханія, приставку *в*, *г* или *й?* Эти придыханія тѣсно связаны съ переходомъ *о* и въ *и:* въ тѣхъ нарѣчіяхъ, гдѣ переходъ этотъ существуетъ, употребительны и придыханія, напр.: *в*ідъ, *в*івця, *в*ікно, *в*огонь, *в*уголь, *в*усы, *в*ухо, *в*удвухъ, *в*улыця или *г*олыця (*й*улыця), *г*орелъ, *г*ораты, *й*іденъ; а въ другихъ мѣстахъ, гдѣ *о* не переходитъ въ *і:* одъ, овця, окно, огонь, уголь или огуль, усы, ухо, удотъ или одудъ, улыця, орелъ, ораты, одынъ.

7) Опускается-ли *о*, когда ему предшествуетъ гласный звукъ? Въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ начальное *о*, оставаясь по большей части неизмѣннымъ, не получаетъ при томъ же придыханія, оно, при стеченіи съ гласнымъ звукомъ, нерѣдко выпадаетъ: не ддамъ, не дчыню, одно дного, пораты, вмѣсто: не оддамъ, не одчыню, одно одного, пораты и проч.

8) Какъ произносится *ъ* или *е* съ опирающимся на него согласнымъ звукомъ? Въ Сѣверскомъ нарѣчіи оно остается неизмѣннымъ, а въ прочихъ произносится какъ *і*; въ Черниговскомъ-же и Нѣжинско-Переяславскомъ оно произносится такимъ образомъ только тогда, когда на немъ есть ударені; а когда ударенія нѣтъ, оно произносится какъ *е*, безъ смягченія предыдущаго согласнаго звука, напр.: беда, мешокъ, хлевъ, стена, камень, песокъ, ведро; и въ тоже время: бідный, хлівъ, стіны, пісскы, відра и т. п.

9) Какъ произносится *е* безъ ударенія? Въ западныхъ нарѣчіяхъ оно въ этомъ случаѣ по выговору весьма близко подходитъ къ *ъ*.

10) Какъ произносится *ы?* Въ западныхъ нарѣчіяхъ звукъ этотъ произноситься весьма твердо, какъ въ Велико-Русскихъ говорахъ: мы, ходылы, быты, была, волы; въ нарѣчіяхъ же лѣвой стороны Днѣпра подобнаго звука нѣтъ вовсе, и его замѣняетъ звукъ болѣе мягкій, средній между *ы* и *і*, выражаемый буквою *и:* ми, ходили, бити, вила, воли.

11) Какъ произносится *і* въ началѣ словъ? Въ тѣхъ нарѣчіяхъ, гдѣ существуетъ твердый знакъ *ы*, оно остается неизмѣннымъ: іва, імолга, Іванъ, іншый, інколы; тамъ же, гдѣ вмѣсто *ы* употребляется *и*, въ этотъ послѣдній звукъ переходитъ и начальное *і:* ива, Иванъ, иншій, инколи.

12) Сохраняется-ли *ы* въ тѣхъ глаголахъ на *-ыты*, гдѣ оно составляетъ

часть корня? Въ Сѣверскомъ и частью Черниговскомъ нарѣчіяхъ оно переходитъ, какъ и въ Велико-Русскихъ говорахъ, въ *о*: рою, мою, вмѣсто: рыю, мыю.

13) Не вставляется ли въ нѣкоторыхъ словахъ промежуточное *й*? Мѣстами, преимущественно въ Черниговскомъ нарѣчіи, говорятъ: двійчи, трейчи, трейтій, гойстрый, бийстрий, вмѣсто: двічі, трычі, третій, гострий, бистрій.

14) Опускается ли *й*, образовавшееся изъ *і*, въ глаголахъ сложныхъ отъ *іты, іматы*? Это имѣетъ мѣсто въ сѣверовосточныхъ говорахъ: виду, пришовъ, виму, приму, вмѣсто: вийду, прийшовъ, вийму, прийму.

15) Опускается ли *й* въ окончаніяхъ прилагательныхъ? Оно часто опускается въ нарѣчіяхъ Сѣверскомъ, Черниговскомъ, Полѣшскомъ и Галицкомъ, напр.: руды, білы, лысы, дужы, злы, чорны и т. д. вмѣсто: рудый, білый, лысый, дужый, злый, чорный.

16) Какой звукъ вставляется при стеченіи (несмягчаемыхъ) губныхъ звуковъ съ мягкими гласными: ъ (*й*), или *я*, или *н*? Въ восточныхъ говорахъ вставляется чаще ъ (*й*), напр.: мьясо (мйасо), мьяты, соломьяный, здоровья, безголовья, шья; въ западныхъ — чаще *н* или *я*; мнясо, мняты, соломляный, здоровля, безголовля, імня; но въ западномъ Подольскомъ и Галицкомъ, опять является вставка ъ (*й*), даже въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ повсемѣстно употребляется *л*, напр.: любью, робьятъ, корабья вмѣсто: люблю, роблятъ, корабля.

17) Не вставляется ли *л* или ъ(*й*) при стеченіи губнаго согласнаго звука съ *і*? Это имѣетъ мѣсто въ нарѣчіяхъ Черниговскомъ и Полѣшскомъ: мьічъ, привьізъ обьідъ, купліть, дывліться, вмѣсто: мічъ, прывізъ, обідъ, купіть, дывля.

18) Не переходитъ-ли иногда *ж* въ *з*? Мѣстами въ Нѣжинско-Переяславскомъ нарѣчіи говорятъ: мезъ, озередъ, зеврати, вмѣсто: межъ, ожередъ, жеврити.

19) Не переходитъ-ли иногда *н* въ *л*? Мѣстами говорятъ: паламарь, летяга, левіхна, вмѣсто: понамарь, нетяга, невіхна.

20) Не переходитъ-ли *в* въ *м* и наоборотъ? Въ однихъ мѣстахъ передъ *н* не терпится *в*, напр.: рімный, кімната, крамный, въ другихъ—*м*: ривный, ківната, кравный.

21) Не переходитъ-ли *м* въ *н*? Иногда говорятъ: набуть, пасенкуваты, рунтаты, вмѣсто: мабудь, пасемкуваты, румтаты.

22) Не переходитъ-ли, въ заимствованныхъ словахъ, *р* въ *л* или *н*? Мѣстами говорятъ: ярмалокъ, некрутъ, кантополя, лейстровый, вмѣсто: ярмарокъ, рекрутъ, картопля, рейстровый.

23) Не смягчается ли *н* въ нѣкоторыхъ словахъ, оканчивающихся на *-на*? Мѣстами, въ Нѣжинско-Переяславскомъ уѣздѣ говорятъ: слыня, ожыня, Мокреня, вмѣсто: слына, ожына, Мокрына.

24) Не удерживается-ли *к* вмѣсто *ч*? Это замѣчается преимущественно въ

нарѣчіяхъ Черниговскомъ и Нѣжинско-Переяславскомъ, гдѣ говорятъ, напримѣръ: двійки, трейки, керезъ, карувати, вмѣсто: двійчи, трейчи, черезъ, чарувати.

25) Измѣняются-ли въ склоненіи гортанные звуки: *г, к, х* въ *з, ц, с*? Они остаются неизмѣнными только въ Сѣверскомъ и частью въ Черниговскомъ нарѣчіяхъ: матки, головки, на дорогі—вмѣсто: матиці, головиці, по дорозі.

26) Смягчается ли *ц*? Звукъ этотъ повсемѣстно смягчается, какъ предъ гласными, такъ и въ окончаніяхъ словъ; отсутствіе смягченія замѣчается съ одной стороны въ нарѣчіяхъ западномъ Подольскомъ и Галицкомъ, только въ окончаніяхъ словъ: хлопецъ, карбованецъ, молодецъ, вмѣсто: хлопець, карбованець, молодець; съ другой стороны въ Сѣверскомъ и частью Черниговскомъ нарѣчіяхъ замѣтно уже полное отсутствіе смягченія: атиця, маладиця, канци, шевцю, вмѣсто: атця, маладиця, конці, шевцю.

27) Смягчаются-ли шипящіе звуки *ж, ч, ш*? Смягченіе ихъ встрѣчается преимущественно въ нарѣчіяхъ Кіевскомъ и Харьковско-Полтавскомъ, напр.: лошя, лежять, держять, ускочять, вмѣсто: лоша, лежать, держать, ускочать.

28) Смягчается-ли *р*? Есть три степени его смягчаемости: на юговостокѣ оно смягчается вполнѣ, какъ предъ гласными, такъ и предъ согласными и въ окончаніяхъ словъ: буря, горювати, Харько, Царь, бондарь, даже базарь и сахарь; въ нарѣчіяхъ Черниговскомъ, Нѣжинско-Переяславскомъ и Кіевскомъ смягченіе удерживается уже только передъ гласными, и то не строго: буря, горюваты, говорю, и въ тоже время—горуваты, говору; передъ согласными же и въ окончаніяхъ оно совсѣмъ не встрѣчается: царъ, бондаръ и т. д.; далѣе же къ западу, начиная съ Кіевскаго нарѣчія, смягченіе *р* исчезаетъ уже совершенно, являясь только тамъ, гдѣ Южно-Русское племя соприкасается съ Молдаванами *).

29) Какъ произносятся союзы *та, то, такъ*? На востокѣ, начиная съ Кіевскаго нарѣчія, *т* въ этихъ союзахъ часто переходитъ въ *д: да, до, дакъ*.

30) Какъ образуются увеличительныя? На лѣвой сторонѣ Днѣпра они весьма мало употребительны; на правой-же, въ Кіевскомъ нарѣчіи, они получаютъ окончаніе на *-ыще*, напр.: убоіще, ручыще, далѣе же къ западу — на *-ысько*: убоіісько, ручысько. Такимъ же образомъ производятся и тѣ существительныя, которыми означается мѣстность, гдѣ что нибудь было, напр.: церковыще, млыновыще, таборыще; въ нарѣчіяхъ же Волынскомъ, Подольскомъ и Галицкомъ: церковысько, млыновысько, таборысько.

31) Какъ образуются уменьшительныя? Наиболѣе распространенная форма

---

*) Послѣднее замѣчаніе нуждается еще въ подтвержденіи.

для мужскаго рода на *-енько, -онько* (напр.: козаченько, тестенько, панонько, вітронько), женскаго на *-енька, -онька* (напр.: рученька, сваненька, доненька, головонька, кропивонька, вдовонька), для средняго на *-енько* (соненько, серденько). Но одновременно съ этими формами существуютъ и другія: *-ечко, -очко* — для мужескаго рода; *-ечка, -очка* — для женскаго; *-ечко* — для средняго (напр.: батечко, паночко, донечка, головочка, сонечко), употребляемыя повсемѣстно, но преимущественно на правой сторонѣ Днѣпра. Въ Галицкомъ нарѣчіи употребляются: *-ейко, -ойко* — для мужескаго рода; *-ейка, -ойка* — для женскаго; *-ейко, -айко,* или *-яйко* — для средняго: панойко, листойко, батейко, ручейко, косойко, сонейко, подвірайко, вісіляйко. Въ сѣверо-восточныхъ говорахъ употребительны формы: *-уша, -юша, -ушка*, напр.: Іванюша, кропивушка, березушка. Слова *маты, утка, пьятныця* имѣютъ обыкновенно: матінка, утінка, пьятінка; въ нарѣчіяхъ же Сѣверскомъ и Черниговскомъ — матюнка, утюнка, пьятюнка. Тамъ же, а частью и въ Нѣжинско-Переяславскомъ нарѣчіи встрѣчаются уменьшительныя женскаго рода на *-хна:* мамухна, свекрухна, невіхна.

32) Какъ образуется звательный падежъ мужескаго рода? Въ нѣкоторыхъ словахъ, на правой сторонѣ Днѣпра, онъ оканчивается на *-е* (напр.: вітре, сыне), а на лѣвой на *-у* (витру, сыну).

33) Какъ образуется звательный отъ уменьшительныхъ женскаго рода? Обыкновенно онъ оканчивается на *-о;* въ нарѣчіяхъ же Черниговскомъ и Нѣжинско-Переяславскомъ онъ принимаетъ иногда окончаніе мужескаго рода на *-у:* донечку, дытыноньку, вмѣсто: донечько, дытынонько.

34) Какъ оканчивается дательный мужескаго рода? На правой сторонѣ употребительнѣе окончаніе *-ові*, напр.: батькові, снові, конёві; на лѣвой же: *-у* или *-ю*: батьку, сну, коню.

35) Какъ оканчивается творительный женскаго рода? Обыкновенное его окончаніе *-ою, -ею*, напр.: хатою, водою, душею; въ нарѣчіяхъ Галицкомъ и западномъ Подольскомъ *-овъ:* хатовъ, водовъ, душовъ: на лѣвой сторонѣ Днѣпра встрѣчается иногда *-ой:* хатой, водой.

36) Есть-ли форма двойственнаго числа? Она сохранилась преимущественно на правой сторонѣ Днѣпра въ именительномъ множественнаго числа женскаго и средняго рода, при числительныхъ *дві, тры, чотырі*, напр.: дві руці, тры корові, дві хаті, дві оці, дві слові, вмѣсто: два ока, два слова.

37) Какъ образуется родительный множественнаго числа женскаго и средняго рода? На лѣвой сторонѣ Днѣпра онъ оканчивается обыкновенно на послѣдній согласный звукъ корня, напр.: кіпъ, бабъ, ломакъ, балокъ, болітъ и т. д.; на правой же получаетъ иногда окончаніе мужскаго рода на *-івъ:* кошівъ, бабівъ, ломаківъ, балківъ, болотівъ.

38) Какъ образуются предложный и дательный падежи единственнаго

числа въ прилагательныхъ женскаго рода? Общеупотребительное окончаніе его на *-ій*, напр.: чорній, білій, рудій, но одновременно съ нимъ существуетъ еще, преимущественно на правой сторонѣ Днѣпра, окончаніе на *-і*: чорні, білі, руді, а въ Кіевскомъ нарѣчіи еще на *-оі*: чорноі, білоі, рудоі, сходно съ родительнымъ.

39) Какъ оканчивается творительный падежъ единственнаго числа въ женскомъ родѣ прилагательныхъ? Обыкновенно на *-ою*, напр.: черною, білою, рудою, а въ западномъ Подольскомъ и Галицкомъ нарѣчіяхъ еще и на *-овъ* или *-оёвъ*: рудовъ, чорноёвъ, білоёвъ.

40) Какъ оканчивается именительный падежъ множественнаго прилагательныхъ? Окончаніе это находится въ тѣсной связи съ переходомъ *о* (см. вопросъ 4-й): гдѣ *о* переходитъ въ *і* со смягченіемъ согласнаго звука, или безъ него, тамъ и прилагательныя въ именительномъ падежѣ множ. числа оканчиваются тѣмъ же звукомъ: чорні, білі, руді, или: чорнѣ, білѣ, рудѣ; всѣмъ же остальнымъ измѣненіямъ *о* соотвѣтствуетъ въ этомъ падежѣ окончаніе *-ы* (*и*): чорны, білы, рудыи.

41) Сокращаются ли личныя мѣстоименія въ дательномъ и винительномъ падежахъ единственнаго числа? Въ нарѣчіяхъ Волынскомъ, Подольскомъ и Галицкомъ употребляются сокращенныя формы: *мі, мья, ті, тя, му, го, ю, сі*, вмѣсто: мені, мене, тобі, тебе, ёму, ёго, ёі, собі.

42) Вставляется ли *н* въ косвенныхъ падежахъ мѣстоименія 3-го лица послѣ предлоговъ? Это имѣетъ мѣсто преимущественно на правой сторонѣ Днѣпра: до нёю, зъ нею, на нёму, зъ нымы и проч.; на лѣвой же—рѣдко: до ёго, зъ сю, къ нёму, зъ імы.

43) Сокращаются ли, и какъ, мѣстоименія притяжательныя въ косвенныхъ падежахъ единственнаго числа? На лѣвой сторонѣ Днѣпра они сокращаются такимъ образомъ: мойго, мойму, твойго; мої, твої (дат. ед. жен. р. и т. д.); на правой: мого, твого, мому; мої, твої; въ Кіевскомъ же нарѣчіи послѣднія два измѣненія имѣютъ еще: меі, твеі.

44) Не вставляется ли *с* передъ окончаніемъ неопредѣленнаго наклоненія въ нѣкоторыхъ глаголахъ, корень которыхъ оканчивается согласнымъ звукомъ? Въ Подольскомъ нарѣчіи употребительны формы: ревсты, гребсты, вмѣсто: ревты, гребты; а также істы, іты.

45) Не переходитъ ли иногда окончаніе неопредѣленнаго наклоненія въ *-чы*? Въ Галиціи употребляются формы: печы, берехчы, вмѣсто: пекты, берехты.

46) Измѣняются ли въ спряженіи *д, т, с*, и во что? Въ западныхъ нарѣчіяхъ, особенно въ Кіевскомъ и восточномъ Подольскомъ, они чаще остаются неизмѣнными: ходю, сыдю, пустю, летю, просю, мусю; на лѣвой сторонѣ Днѣпра онѣ переходятъ: *д* въ *ж*, *т* въ *ч*, *с* въ *ш*: хожу, сыжу, пущу, лечу, прошу;

кромѣ того, *д*, преимущественно въ Кіевскомъ говорѣ, переходитъ въ *дж*: ход*ж*у, сы*дж*у.

47) Какъ измѣняются въ спряженіи глаголы *плаваты* и *ламаты*? На правой сторонѣ Днѣпра глаголы эти спрягаются правильно: *плаваю*, *ламаю*; на лѣвой же—*плавлю*, *ламлю*; кромѣ того, первый изъ нихъ на западѣ, начиная съ Кіевскаго нарѣчія, принимаетъ другой видъ: *плываты*, а одновременно съ этими его формами существуетъ еще одна форма неокончательнаго вида: *плынуты*; подобную же форму имѣетъ и глаголъ *ламаты*, преимущественно на лѣвой сторонѣ Днѣпра: *ломыты*.

48) Какъ образуется однократный видъ? Обыкновенный способъ его образованія—прибавленіе къ корню глагола окончанія *-ну́ты* (удареніе на *у́*); но въ Нѣжинско-Переяславскомъ нарѣчіи употребляется и другое окончаніе: *бо́нуты* (удареніе на *о́*), напр.: стус*бо́нуты*, плг*бо́нуты*, брык*бо́нуты*, вмѣсто: стусну́ты, плыгну́ты, брыкну́ты.

49) Отдѣляется ли въ рѣчи *-ся* отъ глаголовъ возвратной формы? Это имѣетъ мѣсто на западѣ въ нарѣчіяхъ Подольскомъ и Галицкомъ, изрѣдка въ Волынскомъ и Кіевскомъ, напр.: вінъ *ся* бье, мы *ся* не сподивалы, вмѣсто: вінъ бьется, мы не сподивалыся.

50) На что̀ оканчивается 3 лицо ед. ч. наст. вр. глаголовъ на *-ыты*? На лѣвой сторонѣ Днѣпра и въ нарѣчіяхъ: Кіевскомъ, Волынскомъ и Полѣшскомъ оно оканчивается на *-ыть*, напр. ход*ыть*, роб*ыть*, прос*ыть*; въ Галицкомъ и Подольскомъ въ югозападной части Кіевской губерніи на *-ытъ*: ход*ытъ*, роб*ытъ*, прос*ытъ*; рядомъ съ окончаніемъ на *-ыть*, въ нарѣчіяхъ Кіевскомъ, Харьковско-Полтавскомъ и въ Новороссіи употребительна еще форма на *-е*: ходе, робе, просе.

51) На что̀ оканчивается 3 лицо ед. ч. наст. врем. глаголовъ на *-аты*? Общеупотребительное окончаніе этой формы *-ає*, напр.: літає, збірає, знає, рубає; въ Харьковско-Полтавскомъ нарѣчіи, къ этому окончанію часто прибавляется *-ть*: літає*ть*, збірає*ть*, знає*ть*, рубає*ть*; это имѣетъ мѣсто и во всѣхъ вообще глаголахъ, оканчивающихся въ этомъ лицѣ на *-е*. напр.: іде*ть*, буде*ть*, несе*ть*, вмѣсто: іде, буде, несе. Въ томъ же нарѣчіи, а равно и въ Кіевскомъ, въ окончаніи *-ає*, часто отбрасывается *є* напр.: літа, збіра, зна, руба; а въ Галицкомъ при отбрасываніи *є* иногда прибавляется на концѣ *-ть*: літа*ть*, збіра*ть*.

52) Сохраняется ли *т* въ возвратной формѣ тѣхъ же глаголовъ? Обыкновенно это *т*, вмѣстѣ съ звукомъ *с* возвратнаго мѣстоименія, въ выговорѣ переходитъ въ *ці*, напр.: бьеці*ц*я, знаєці*ц*я, трапляєці*ц*я; но въ нарѣчіяхъ Галицкомъ и западномъ Подольскомъ *т* пропадаетъ, и потому *с* остается неизмѣннымъ: бьеся, знаєся, трапляється.

53) Какъ оканчивается 3 лицо множеств. числа наст. вр. глаголовъ на

-ыты? Обыкновенно оно окончивается на *-ять*, напр.: ход*ять*, вод*ять*, нос*ять*; въ Харьковско-Полтавскомъ нарѣчіи употребительно еще окончаніе *-ють*: ход*ють*, вод*ють*, нос*ють*; а въ Черниговскомъ, вслѣдствіе перехода *я* безъ ударенія въ *е* (смотр. вопр. 1-й), окончаніе *-ять* измѣняется въ *-еть*, съ потерею смягченія согласнаго звука: ход*еть*, вод*еть*, нос*еть*; при этомъ выпадаетъ и эвфоническое *л*, гдѣ таковое находится послѣ губныхъ звуковъ, напр.: роб*еть*, люб*еть*, лов*еть*, луп*еть*, вмѣсто: роб*лять*, люб*лять*, лов*лять*, луп*лять*.

54) Какъ образуется множественное число повелительнаго наклоненія отъ глаголовъ: *пыты*, *быты*, *лыты* и *выты* (въ значеніи *вить*, а не *выть*)? Обыкновенная форма на *-ыйте:* п*ыйте*, л*ыйте* и проч.; но въ нарѣчіяхъ Черниговскомъ и Сѣверскомъ (?) вмѣсто нея употребляется *-іть*: пь*іть*, бь*іть*, вь*іть*, ль*іть*.

55) Употребляется ли форма будущаго времени, сложенная изъ неопредѣленнаго наклоненія съ глаголомъ *іму*; напр.: ходыт*ыму*, ходыт*ымешь*, ходыт*ыме* и т. п.? Въ Волынскомъ нарѣчіи она мало употребительна, а въ Подольскомъ и Галицкомъ неупотребительна вовсе.

56) Употребляется ли форма прошедшаго времени, сложная съ глаголомъ *єсьмъ* (отдѣльно неупотребительнымъ)? Эта форма употребляется въ западныхъ нарѣчіяхъ, особенно въ Подольскомъ и Галицкомъ, причемъ мѣстоименія первыхъ двухъ лицъ опускаются, напр.: казав*емъ*, казав*есь*, или казавъ *єсмы*, казалы*сьмо*, казалы*сте*, вмѣсто: *я* казавъ, *ты* казавъ, *мы* казалы, *вы* казалы.

57) Употребляется ли форма прошедшаго времени, сложенная съ прошедшимъ временемъ того же вспомогательнаго глагола? Она существуетъ преимущественно въ западныхъ говорахъ, но изрѣдка попадается повсемѣстно, напр.: ходывъ *бувъ*, робывъ *бувъ*.

58) Употребляется ли сложная съ тѣмъ же глаголомъ форма условнаго спряженія? Она употребляется тоже преимущественно въ западныхъ нарѣчіяхъ, напр.: ходывъ *бы бувъ*, *бувъ бы* ты знавъ, и т. п.

59) Какъ образуются глаголы сложные на *-яты?* Обыкновенно этотъ послѣдній глаголъ получаетъ только эвфоническую приставку *н*, напр.: на*н*яты, при*н*яты, пере*н*яты и проч.; но въ Подольскомъ нарѣчіи онъ принимаетъ мѣстами форму *ймыты:* на*ймыты*, пры*ймыты*, пере*ймыты*.

60) Удерживается ли *г* въ нарѣчіи *де* и сложныхъ съ нимъ? Въ однихъ мѣстахъ говорятъ: де, ніде, тоді, іноді и т. д., въ другихъ — *г*де, ні*г*де, то*г*ді, іно*г*ді.

61) Какой изъ однозначащихъ предлоговъ, *къ* и *до*, употребляется преимущественно? Первый употребляется чаще на лѣвой сторонѣ Днѣпра, а послѣдній на правой.

Дополнительные вопросы.

62 (—1). Не переходитъ ли вообще *я*, независимо отъ ударенія, въ *є*, безъ потери смягченія? Это имѣетъ мѣсто въ большой части Галиціи и въ Поднѣстровьѣ, напр.: узєвъ, скірєный, кровьцє, тєженько, сє, мнє, и т. д., вмѣсто: узявъ, скіряный, кровця, тяженько, ся, мня и проч.

63 (—2). Не переходитъ ли иногда *а*, чрезъ посредство *є*, въ *і*, напр.: чісъ (часъ, чясъ, чесъ)? Это имѣетъ иногда мѣсто въ Подляхіи.

64 (—3). Насколько развитъ въ данной мѣстности переходъ *у* въ *і*? Словъ, подлежащихъ этому переходу, весьма немного; изъ нихъ — діброва вм. дубброва употребляется вездѣ, гдѣ *о* переходитъ въ *і*; въ западномъ же Подольскомъ и Галицкомъ нарѣчіяхъ употребляются кромѣ того: шкіра, шкірєный, фіра вм. шкура, шкуряный, хура.

65 (—4). Смягчаются ли *ц* и *с* передъ окончаніемъ прилагательныхъ на *-кый?* Этого смягченія нѣтъ въ нарѣчіяхъ: Галицкомъ, большей части Подольскаго и частью въ Сѣверскомъ; здѣсь говорятъ: шевскій, люцкій, и т. п., вмѣсто шевсъкый, люцъкый.

66 (—5). Не переходитъ ли *кг* въ *д?* Въ Галиціи мѣстами говорятъ: ледінь, *дъ* мені, вмѣсто лекгінь, *кгъ* мені.

67 (—6). Не замѣчается ли въ нѣкоторыхъ словахъ перестановки слоговъ, напр., какъ въ Хотинскомъ уѣздѣ—*вогорывъ* вмѣсто *говорывъ?*

68 (—7). Какъ склоняются во множ. числѣ существительныя: *люде, гусе, коні, плечі* и нѣкоторыя другія? Обыкновенно они имѣютъ родит. на *-ей*, дат. на *-ямъ* и предл. на *-яхъ*; но въ Галицкомъ и западномъ Подольскомъ нарѣчіяхъ они имѣютъ родит. множ. на *-ій* или *-ый*: конiй, людый, плечый; съ другой стороны въ Харьковско-Полтавскомъ нарѣчіи эти слова имѣютъ дательный множ. на *-імъ* и предложный на *-іхъ*: конімъ, людімъ, по конiхъ, по людіхъ.

69 (—8). Какъ оканчивается предложный множественнаго существительныхъ, оканчивающихся на мягкій согласный звукъ? Обыкновенно онъ оканчивается на *-ёхъ*: на братёхъ, на стільцёхъ и т. п.

70 (—9). Какъ оканчиваются существительныя средняго рода, соотвѣтствующія кончащимся въ Велико-Русскомъ языкѣ на *-ы*, въ церковнославянскомъ на *-іе?* Въ Кіевскомъ и Харьковско-Полтавскомъ они кончаются на *-я* съ удвоеніемъ смягченнаго согласнаго звука, напр.: зіл*ьля*, весіл*ьля*; въ восточномъ Подольскомъ на *-я* безъ удвоенія согласнаго звука: зіля, весіля, въ Нѣжинско-Переяславскомъ, Черниговскомъ и Полѣсскомъ—на *-є* съ удвоеніемъ согласнаго звука: зіл*ьлє*, весіл*ьлє*; а въ Галицкомъ и западномъ Подольскомъ—на *-є* безъ удвоенія: зілє, весілє.

71 (—10). Какъ образуется творительный падежъ единственнаго существи-

тельныхъ средняго рода на -*е*? Обыкновенно онъ кончается на -*емъ*, а въ Галиціи—на -*омъ*, со смягченіемъ предыдущаго согласнаго звука: полёмъ, болонёмъ и т. п.

72 (—11). Какъ образуется полное окончаніе прилагательныхъ въ среднемъ родѣ? Обыкновенно къ усѣченному окончанію *е* прибавляется *е*; въ Галиціи же при этомъ *е* измѣняется въ *о*: чистое, вороное и проч.

73 (—12). Употребляются ли въ западной мѣстности уменьшительныя формы отъ глаголовъ? Нѣкоторыя изъ нихъ употребляются повсемѣстно, особенно въ пѣсняхъ и въ дѣтскомъ языкѣ, напр. *пытки*, *істки*, *спатки*, *пытоньки*, *істоньки*, *спатоньки*; въ Галиціи же и западной Подоліи такія формы употребляются въ пѣсняхъ и отъ другихъ глаголовъ, напр. *женытоньки*, *тужытоньки*.

74 (—13). На что оканчивается множ. число повелительнаго наклоненія глаголовъ на -*ыты*? Обыкновенно оно имѣетъ окончаніе -*ить*; въ тѣхъ же мѣстностяхъ, гдѣ 3 лицо ед. числа настоящ. времени этихъ глаголовъ кончается на -*ыть*, тамъ и повелительное имѣетъ -*ить*: ход*ить*, роб*ить*, вез*ить*, занес*ить*. вмѣсто: ход*ить*, роб*ить* и т. д.

Перечень мѣстностей, въ которыхъ были сдѣланы записи говоровъ:

1. Мглинскій уѣздъ, Черниговской губерніи.
2. Городня, Черниговской губерніи.
3. Горностайполь, Радомысльскаго уѣзда, Кіевской губерніи.
4. Хабне, Радомысльскаго уѣзда, Кіевской губерніи.
5. Чоповичи, Радомысльскаго уѣзда, Кіевской губерніи.
6. Ласковцы, Овручскаго уѣзда, Волынской губерніи.
7. Корецъ, Новградъ-Волынскаго уѣзда, Волынской губерніи.
8. Жубровичи, Овручскаго уѣзда, Волынской губерніи.
9. Сехи, Ровенскаго уѣзда, Волынской губерніи.
10. Плотница, Пинскаго уѣзда, Минской губерніи.
11. Голобы, Ковельскаго уѣзда, Волынской губерніи.
12. Городокъ, Луцкаго уѣзда, Волынской губерніи.
13. Дорогичинъ, Кобринскаго уѣзда, Гродненской губерніи.
14. В. Глуша, Ковельскаго уѣзда, Волынской губерніи.
15. Св. Воля, Пинскаго уѣзда, Минской губерніи.
16. Картузъ-Береза, Пружанскаго уѣзда, Гродненской губерніи.
17. Село Озяты, Кобринскаго уѣзда, Гродненской губерніи.
18. Великорытская волость, Брестъ-Литовскаго уѣзда, Гродненской губерніи.
19. Извлеченіе изъ письма г. Андріевскаго изъ Бѣлой объ особенностяхъ говоровъ въ Люблинской губерніи.

20. Полоски, Бѣльскаго уѣзда, Люблинской губерніи.
21. Раколупы, Холмскаго уѣзда, Люблинской губерніи.
22. Рахань, Томашовскаго уѣзда, Люблинской губерніи.
23. Козинъ, Дубенскаго уѣзда, Волынской губерніи.
24. Мѣстечко Чорный Островъ, Проскуровскаго уѣзда, Подольской губерніи.
25. Тынна, Ушицкаго уѣзда, Волынской губерніи.
26. Маленцы, Хотинскаго уѣзда, Бессарабской губерніи.
27. Вендичанская волость, Могилевскаго уѣзда, Подольской губерніи.
28. Бандишевка, Ямпольскаго уѣзда, Подольской губерніи.
29. Перейма, Балтскаго уѣзда, Подольской губерніи.
30. Витовка, Ольгопольскаго уѣзда, Подольской губерніи.
31. Окрестности Немирова, Подольской губерніи.
32. Грабовецкая волость, Брацлавскаго уѣзда, Подольской губерніи.
33. Дашковецкая волость, Литинскаго уѣзда, Подольской губерніи.
34. Краснополка, Гайсинскаго уѣзда, Подольской губерніи.
35. Село Жорнища, Липовецкаго уѣзда, Кіевской губерніи.
36. Багачовская волость, Звенигородскаго уѣзда, Кіевской губерніи.
37. Трилѣсы, Чигиринскаго уѣзда, Кіевской губерніи.
38. Липецкая слобода, Харьковской губерніи.
39. Мѣстечко Чернухи и село Свѣтличное, Лохвицкаго уѣзда, Полтавской губ.
40. Мѣстечко Песчана, Золотоношскаго уѣзда, Полтавской губерніи.
41. Мѣстечко Корсунь, Каневскаго уѣзда, Кіевской губерніи.
42. Мѣстечко Бѣлая-Церковь, Васильковскаго уѣзда, Кіевской губерніи.
43. Житомирскій уѣздъ, Волынской губерніи.
44. Деревня Дудари, Каневскаго уѣзда, Кіевской губерніи.
45. Любаръ, Новградъ-Волынскаго уѣзда, Волынской губерніи.
46. Варваровская волость, Заславскаго уѣзда, Волынской губерніи.
47. Верховь, Острожскаго уѣзда, Волынской губерніи.
48. Ярославець, Дубенскаго уѣзда, Волынской губерніи.
49. Курное, Новградъ-Волынскаго уѣзда, Волынской губерніи.
50. Коростышевъ, Радомысльскаго уѣзда, Кіевской губерніи.
51. Гостомль, Кіевской губерніи и уѣзда.
52. Мѣстечко Борисполь, Переяславскаго уѣзда, Полтавской губерніи.
53. Иванковъ, Переяславскаго уѣзда, Полтавской губерніи.
54. Межевичская волость, Слонимскаго уѣзда, Гродненской губерніи.
55. Мѣстечко Скородне, Мозырскаго уѣзда, Минской губерніи.
56. Михалковская волость, Мозырскаго уѣзда, Минской губерніи.
57. Мѣстечко Скрыгаловъ, Мозырскаго уѣзда, Минской губерніи.
58. Петриковъ, Мозырскаго уѣзда, Минской губерніи.
59. Село Рудьковка, Остерскаго уѣзда, Черниговской губерніи.

1. Мглинскій уѣздъ, Черниговской губерніи.

1. поєсъ, єкий, рябый.
2. єна, хадзівъ, марозъ, вакно.
3. начаваць, каваць.
4. лой, носъ, соль.
5. вишнёвый, Василю (а не Василёви), землёю, грушовый, квачомъ.
6. вакно, вугалля, вусы, вуха, вулица, а также: агонь, араць, арёлъ.
7. неддамъ, ниддчиню, пообивалась глина.
8. біда, мєхъ, стєна, камінъ, пясокъ, вядро.
9. хадзівъ къ Матери Божей помолитца.
10. мы хадзіли, вылы, вілы.
11. Иванъ, гншій.
12. мыю, рыю.
13. востеръ ножъ, быстрый конь.
14. выду, выйню, приму.
15. рыжий, лысый, сляпой, злый.
16. мясо, плохо здоровьє, имья.
17. привьёзъ, абьєдъ, куніцє.
18. мєжъ.
19. памамарь.
20. ровный, крамной.
22. ярмалокъ, бяруць въ нскруты.
23. слюня, Мокрина.
24. черезъ.
25. подорозє, матцє.
26. хлопицъ; маладзєцъ; атца, маладзіца, отнесъ къ шавцу.
27. лижаць, яны дзержаць.
28. буря, горєваць, бондарь, базарь.
29. дакъ.
30. ручище, ножище.
31. таточко, ручечка, солнушко, Иванюша, берёзушка.
32. хадзі, мой сынъ!
33. хадзі сюды, дочушко!
34. бацьку, сыну, каню.
35. вадой и вадою.
36. дзвє руки, тры коровы, дзвє хаты.
37. бабъ, копъ.
38. чорной, бєлой, рыжой.
39. бєлую, рыжою.
41. мнє, табэ, яму, яго, яє, сабє.
42. до яго, съ нєю, на ёмъ, съ нимн.
43. маєго, мойму, твойго, моі, твоі.
44. грєсть.
45. стярєчь.
46. хажу, сяжу, тущу, лячу, прашу.
47. плаваю, ламлю.
48. тасанувъ, брукнулъ.
50. ходзіць, дзєлаєць, просиць.
51. лєтаєць, знаєць, сячець.
52. бьєтца, знаєтца.
53. оны ходзяць, водзяць, носяць.
54. піцє, бійцє, ліцє.
55. буду хадзіць.
59. наняць, приняць, переняць.
60. идзє, пігдзє, тады.
61. къ яму и до яго.

2. Городня, Черниговской губерніи *).

1. єки, єрина; я безъ ударенія =є: долє, проханє.
2. май, старэжа, на дарозі, чалавікъ.
4. кунь, тютка, панувъ, рублювъ, сер-

*) Извлеченіе изъ статьи Леся-ій: «О Городницкомъ нарѣчіи». См. «Основа» 1862 г. августъ, стр. 46.

пувъ, канювъ, утюкъ, стюгъ (стогъ), живутъ.
8. дригтіть, на арелі (на качалѣ)?
15. чорны, чорна, чорне (ед. ч.), чорни (множ. ч.).
29. одъ (вм. відъ), адъ (одъ) атъ (отъ).
34. чаловіку.
37. жабавъ, птицавъ, серпувъ, канювъ.
40. чорни.
45. текті, тегті.
46. вунъ плачетце, плакавсе.
53. плачетце, колихаться.
55. Одна сложная форма: буду казать.

Особыя примѣчанія:
1. Дательный падежъ множ. ч. -умъ, -юмъ, вмѣсто: -амъ, -ямъ: серпумъ, канюмъ.
2. Неопредѣленное наклоненіе на -ть.
3. Глаголъ пѣть, спивать: пею, поешь, пее, поемо, поють.
4. ті вмѣсто чи.
5. ні одного.

3. Горностайполь, Радомысльскаго уѣзда, Кіевской губерніи.

1. який, поесъ, ребый, вылегає.
2. вона, ходывъ, окно.
3. ночоватъ, куповатъ, годоватъ, а также: зезуля.
4. луйый, нуйсъ, туйльки.
5. бурою, грушовый.
6. уголь, усы, ухо.
7. неоддамъ, неддчиню.
8. мішокъ, камень, песокъ, бідный, хлівъ, стены.
10. ми, ходитъ, ходатъ.
11. Иванъ, іва, иншій.
12. мию, рию.
13. двуйчи, трейчи, гострый.
14. виду, приду, пойду, приму.
15. руди, билы, лысы.
16. солониный, безголовье, мьятъ, мьясо.
17. привьёзъ, обедъ, купетъ, диветце.
18. озередъ, заврес, мижъ.
19. паламаръ, нетяга.
20. камлата, руйвный, крамный.
21. мабуть, пасинкувать.
22. некрутъ, ярмалокъ.
23. слына, ожина.
24. черезъ, чаровать.
25. на дорозі, на голйуці.
26. горевать, бондаръ, говору.
27. лоша, лежатъ, держатъ.
29. да.
30. увеличительныхъ окончаній нѣтъ.
31. тестойко (?)
32. вітре, иди, сыну.
33. донько, донечко, дытыно.
34. батьку, сыну, коню.
35. водою, душою.
36. дві руці, дві оки (двоє очей), чотірі стені.
37. бабъ, куйопъ.
38. чорні, білі, руді.
39. рудою, чорною, білою.
40. чорни, біли, руди.
41. менѣ, тобѣ, собѣ, юный, ёго.
42. до ёго, зъ єю, на ёму, зъ імы.
43. мого, мойму, твого, мої, твої.
44. гребты, ревты.
45. пекты, берегты.
46. хожу, сиджу, лечу, прошу.
47. плаваю, ламаю.
48. плигнувъ, брыкнувъ.
50. ходытъ, робытъ, носытъ.
51. летає, збірає, рубає.
52. бьетце, знаетце, траплятце.
53. воны ходетъ (ходотъ), воны робетъ.
54. пітъ, наливайте.

55. *буду* ходытъ.
56. я казавъ, ты казавъ, вінъ казавъ.
59. нанятъ, принятъ.
60. де, тогді, нігде.
61. *до*.

4. Хабне, Радомысльскаго уѣзда, Кіевской губерніи.

1. поєсъ, єки.
2. вона, в*у*ынъ, ходывъ, морозъ, окно.
3. ночоватъ, куповатъ, коватъ.
4. л*у*ый, н*у*ысъ, с*у*ыль.
5. вишнёвый, кон*ю*, конемъ, Васил*ю*, квачемъ, душею.
6. огонь, овечка, окно, *в*уголь, *в*улыця, *в*усы, *в*ухо.
7. не *о*ддамъ, не *о*дчиню.
8. бєда, мешокъ, стєна, камень, песокъ. ведро.
10. мы ходы*ли*, *ви*ла.
11. *і*ва, *И*ванъ, *і*вола, *і*нколы.
12. мыю.
13. гостри, быстри, двуы*йчи*, трей*чи*.
14. выду, пришовъ. выму, приму.
15. руды, білі, лыси, дужи, зли.
16. мьясо, мьятъ, соломьяны, здоровье, безголовьє, я роблю, воны роботъ.
17. мьечъ, привьюзъ, обидъ, купитъ, дивитьця.
18. межъ, озередъ.
19. паламаръ, невістка.
20. р*о*уны, крамны.
21. мабуть, пасинкуватъ.
22. ярмалокъ, *н*екрутъ, кортопля.
23. слын*я*, Мокрын*я*, ожи*на*.
24. черезъ, *ч*арувать, двуычи, трейчи.
25. по дорозі, мат*ці*, на гилов*ці*.
26. хлопец*ъ*, корбованец*ъ*, шев*цу*, молодыц*а*.
27. лош*а*, леж*а*ть.
28. бур*а*, горе*в*аты, цар*ъ*, бондар*ъ*.
29. *д*ойды.
30. руч*ище*.
31. тестенько, рученько, батечко, удовонько, пьятюнка, матюнка.
32. вітре, сын*у*.
33. донечко, дытыночко.
34. батьк*у*.
35. хат*ою*.
36. дві руц*і*, дві ок*и*, чотыри корові, дві хат*і*.
37. купъ, бабъ.
38. руды.
39. бі*лою*.
40. чорны*є*, руды*є*.
41. мене, мыні, юый.
42. до єго, и зъ єю, и зъ імы.
43. мого, моє (род. и дат.)
44. ревты, гребты.
45. пекты, берегты.
46. ход*жу*, сед*жу*, му*шу*.
47. плава*ю*, лом*лю*.
48. убрык*нувъ*.
50. робытъ, ходытъ.
51. лета*є*, збира*є*, зна*є*, руба*є*, иде, несе.
52. бь*єще*, трапля*єще*.
53. ходытъ, воны ходетъ, носетъ, робетъ, ловетъ.
54. пітъ, бітъ.
55. *буду* ходытъ.
57. ходывъ.
58. ходывъ бы.
59. нанатъ, принатъ.
60. де, нігде, тогді.
61. *до*.

Дополненіе:

тылыцу; косовыцу; муый; мой; свуый; у своєї матки; шиютъ шевцы у крамныцы; пришла до іхъ молодыца; пытаєтца; палаыцу; попудъ; куылько; сонъ-соняшныкъ; кулибка хлиба.

5. Чоповичи, Радомысльскаго уѣзда, Кіевской губерніи.

1. поєсъ, ялына, яки.
2. вона, ходывъ, окно.
3. начоватъ, куповатъ, коватъ.
4. луой, суоль, нуосъ.
5. вишнёвый, коню, конемъ, Василю, грушовый, квачемъ, бурою.
6. окно, огонь, вуголь, вусы, вулыця, орелъ, орать.
8. бiда, мешокъ, стена—стѣны, ведро—вёдра, песокъ, хлъвъ.
10. ходыли, быть, была.
11. ыва, Иванъ, инши.
12. мыю.
13. два розы, гостри, быстри.
14. прыйду, выйму, прийму.
15. руды, бьслы.
16. мьясо, мняты, соломьяный, здоровьє, роблю, люблю.
17. привьёзъ, обьёдъ, купётъ, дывётса.
18. мизъ, озередъ.
19. паламаръ, невѣстка.
20. руымны, крамны.
21. мабуть, пасинковатъ.
22. ярмарокъ, рекрутъ, картопля.
23. слина, ожина.
24. черезъ, чары.
25. по дорозi, на головкi.
26. хлопецъ, молодецъ, молодиця, шевцю.
27. леша, воны лежатъ, держатъ.
28. бура, гороватъ, бондаръ, базаръ.
32. сыну, вѣтру.
33. дочко, дытыно.
34. батьку, сыну, коню.
35. водою, душою.
36. двѣ руки, три коровы, двѣ хати.
37. куопъ, бабъ.
38. чорной, бьелой.
39. чорною, коровою.
40. рудыє волы, рыжиє коровы.
41. менѣ, мене, тобѣ, ёму, ёго, сє, собьѣ.
42. до ёго, зъ сю, на ёму, зъ iмы.
43. мого, твого, мос, твос.
44. гребты, ревты, иты.
45. пекты, берегты.
46. хожу, сежу, пущу, лечу, прошу.
47. плываю.
50. проситъ, вонъ ходытъ, робытъ, просытъ.
51. лiтає, збiрає, рубає.
52. бьется.
53. воны ходетъ, робетъ, носетъ.
54. пьте, льтъ воду.
55. ходытыму, ходытымешъ, ходытыме.
56. ходывъ, було.
60. де, неде, тодѣ.
61. до.

6. Ласковская волость, Овручскаго уѣзда, Волынской губерніи.

1. поєсъ, ребы, сонешникъ.
2. ходывъ, окно, вова.
3. ночуватъ, коватъ, куповатъ, годоватъ.
4. луый, нуысъ, суыль.
5. вишнёвы, коню, Василю, грушовы, рожовы.
6. овечка, окно, огонь, вуголь, вусы, вухо, вулыца, орать, орелъ.
7. не оддамъ, не одчиню.

8. стена, бѣда, мешокъ, хлевъ, камень, песокъ, ведро.
10. вили, вінъ хоче мене битъ.
11. іва, Иванъ, гинши, гинколи.
12. мыю.
13. быстры кы̂нъ, гостры ны̂жъ, двы̂чи, трейчи.
14. виду, виму, приму.
15. руды, білы, лысы.
16. мьясо, мьять, соломены, здоровьє, безголовьє, люблю, робетъ.
17. привю̂зъ, купитъ, дивицца.
18. мезъ, озередъ.
19. паламаръ.
20. ры̂вны, крамны.
21. пасенкуватъ, мабуть.
22. ярмалюкъ, рекрутъ, картопля.
23. слина, ожина, Мокрена.
24. чрезъ, чаруватъ.
25. по дорозі, на голы̂вці.
26. хлопецъ, карбованецъ, молодецъ, шевцу, молодыца.
27. лоша, лежатъ.
28. бура, гореватъ (горує), говору.
29. да.
30. ручище.
31. козаченько, тестенько, головонька, батенько, сонечко, матюнко, пъятюнка.
32. вітру, сину.
33. донечку.
34. батьку.
35. хатою.
36. дві руці, три корові, дві хаті, чотыри стені.
37. кы̂пъ, ломакъ.
38. руди, чорны, білы.
39. білою рукою.
40. чорне волосы, чорныє брови.
41. мині, мене.
42. до ёго, зъ єю.
43. мою, мойму, моій.
44. гребты.
45. пекты.
46. ходжу, седжу, пущу.
47. ломлю.
48. убрыкнувъ.
49. бьєца.
50. ходытъ.
51. знає, летає, збірає, рубає.
52. бьєца.
53. ходетъ, любетъ, робетъ.
54. пытъ, ильєтъ, бытъ.
55. буду ходытъ.
59. нанятъ, принятъ.
60. де, нигде, тогды.
61. до.

7. Корецъ, Новградъ-Волынскаго уѣзда, Волынской губерніи.

1. поясъ, яки.
3. ночуваты, куповать, ковать, годовать.
4. лу̂ый, су̂ыль, ну̂ысъ.
5. вішнёвый, конёвы, Васылёвы, грушовый, ружовый.
6. окно, улыця, ораты, орелъ, огонь, ухо, усы, одудъ.
7. не аддамъ, не одчиню.
8. біда, стена, камень, песокъ, ведро.
9. матері.
10. волы, быты.
11. іва, Иванъ.
12. мыю, рыю.
13. быстри, гостри.
14. выйду, выйму, прыйму.

15. руды, чорны, білы, лысы.
16. мьясо, мьяты, соломьяны, здоровьє, безголовьє, имья, люблю, роблять.
17. прывьізъ, обідъ, купіть и купіте, дывітся.
18. помежъ возамы, озередъ, зевраты.
19. паламарь.
20. рўывный, крамны.
21. пасінкувать.
22. ярмарокъ, рекрутъ, картопля.
23. слыня, Мокрына, ожина.
24. чаруваты, черезъ.
25. на головці, на дорозі.
26. хлопець, карбованець.
27. лоша, лежать, держать, ускочать.
28. бура, царъ, гороваты, бондаръ.
32. повій, вітру; иды, сыну.
33. донычку.
35. хатою, соломою.
36. дві рукы, дві словы, двє очей.
37. кўынъ, бабъ.
38. чорны, білы, руды.
39. рукою.
41. мені, мене, тобі, тебі, ёму, его, собі.
42. до него, зъ нею, на ёму, за ными.
43. гребты, ревты, иты.
44. пекты, берегты.
45. хожу, пушу, лечу, прошу.
47. плываю, ломлю; плываты, ламаты.
48. брыкнўты, плыгнўты.
50. ходыть, робыть, носыть.
51. літає, збірає, рубає, знає.
53 ходять, водять, носять.
54. пыйте, лыйте.
55. буду ходыть.
56. я козавъ, ты козавъ, вінъ козавъ.
57. ходывъ, робывъ.
58. якъ бы я бувъ тобі сказавъ, тобъ ты бувъ знавъ.
59. найняты, прыйняты.
60. де, нігде, тогді.
61. до.

8. Жубровичи, Овручскаго уѣзда, Волынской губерніи.

5. квачемъ.
6. брать.
8. стены, снігъ, ведро (відра).
10. вилы.
11. ывына.
15. рудый, лысый.
16. мьясо, здоровьє.
17. обѣдъ.
21. майбуть, пасынковать.
22. рекрутъ, некрутъ.
23. слына.
30. ручиська, ножиська.
31. рученька, дочечка.
33. дытынко.
36. двоє очей.
46. ходжу.
52. бьєца.
55. ходытыму.
60. где и де, нигде.

9. Сехи, Ровенскаго уѣзда, Волынской губерніи.

1. якы, поясъ, ялына, ребы, слонечникъ.
2. вона, окно.
3. ночоваты и ночовать, куповать, годовать.
4. лўый, нўысъ, сўыль.
5. грушовый, вишнёвый, бурою, квачомъ, душою.

6. *в*ухо, *в*усы, *в*улица, одынъ; оролъ, горать.
8. стена, мешокъ, беда, хл*и*бъ, хл*и*въ, сн*и*гъ, в*и*дро, ведро.
10. мы ходыл*ы*, волы, вылк*и*.
11. *г*ншій, *И*ванъ, *г*инколи, *і*вина.
12. р*ы*ю, м*ы*ю.
13. дуы̂йчи, трейчи.
14. вийду, приду.
15. руды, лысы.
16. м*н*ясо, соломьяный, здоровья, люблю, роблю.
17. обьидъ, купіть.
18. о*ж*ередъ, ми*ж*ъ.
19. пал*а*маръ, невістка.
20. ры̂вны.
21. мае, буть, пасынкувать.
22. ярморокъ, *н*екрутъ.
23. слын*а*, ожин*а*.
24. *ч*ерезъ.
25. на дорози, на голо̂у*ц*и.
26. хлопе*ц*ъ, молоде*ц*ъ, молоды*ц*а, шеви*ц*у.
27. ло*ж*а, ле*ж*ить.
28. харко, бондаръ.
29. *д*о.
30. руч*и*ще.
31. бат*е*нько, руч*е*чка, дон*е*нька, матюнка.
32. вітр*е*, сын*у*.
33. дытинонько.
34. батьк*у*, кон*ю*.
35. хат*ою*.
36. дві ок*и*, дві рук*и*.
37. ку̂ыпъ.
38. билый, сирый.
39. руд*ою*.
40. білы*і*, чорны*є*.
41. мыни, мене, ёму, ёго, іє.
42. до ёго, зъ сю, зъ іми.
43. мою, мойму, мою̂ый, твоєй.
44. ревти, гребти.
45. пек*ти*.
46. ход*ю*, сед*ю*, пуст*ю*, лет*ю*, прос*ю*, мус*ю*.
47. плав*аю*, лом*ью*, роб*ью*.
48. брык*нувъ*.
50. ходыть.
51. збір*ає*, лет*ає*, руб*ає*.
52. бьет*ца*.
53. ход*ять*, нос*ять*.
54. п*іть*.
55. *буду* ходыть.
56. ходывъ.
58. ходывъ бы, бувъ бы, кобъ я знавъ.
60. де, ниде, тогди.

10. Плотница, Пинскаго уѣзда, Минской губерніи.

1. поясъ, яки, єлына.
2. ходывъ, робывъ, морозъ, окно.
3. ноч*у*ваты, годоваты, куп*у*ваты.
4. суль, л*у*̂ый, н*у*̂ысъ, т*у*̂*л*ьки (*у* выговаривается слышнѣе).
5. вышнёвый, конемъ, грушовый, рожовый, квачомъ, бурою.
6. овечка, окно, огонь, *в*усы, ухо, *в*улыца, оролъ, ораты, *в*уголъ, *в*уголь.
8. беда, мешокъ, стена, камень, песокъ, ведро (відра), бідный, хлівъ, пески.
10. мы ходыл*ы*, быт*ы*, вылк*и*, вол*ы*.
11. *И*ванъ, *г*инши.
12. мыю.
13. двуы̂чи, трейчи, гострy, быстрий, вийду, пришовъ, прійму, вийму.
15. рудый, лысый, дужій.

16. мнясо, соломьяный, здоровья, люблю, роблю.
17. прывьізъ, обидъ, купіте, дивітеся.
18. мезъ.
19. паламаръ, невістка, летяга.
20. рюывный, крамный.
21. мас буты, пасенковаты.
22. ярмарокъ, некрутъ, картопля.
23. слына.
24. черезъ.
25. на голыуци, на дорози.
26. хлопецъ, карбованець, молодець, молодыца, шевцю, молодцю.
27. лошя, лежять, держять.
28. гороваты, царъ, базаръ, бондаръ.
29. да.
30. ручиска и ручище.
31. матенко, головка (ум. очень мало).
32. не вій, вітру, сыну.
33. дочко, дытыно.
34. батьку.
35. водою, душою.
36. дві руки, дві слови, три корови, дві хати.
37. куыпъ, болуытъ.
41. мене, мні, тобі, ёму, юый, до сі.
42. до ёго, зъ сю, на ёму, зъ імы.
43. мого, моёму, моюый, мосі.
44. гребты.
45. пекты.
46. ходю, мусю, просю, пустю, летю.
47. плаваю, ламлю.
48. стенувъ, мене брыкнувъ.
50. ходыть, робыть.
51. летає, збірає, знає, рубає, идеть, несеть.
52. бьеца, знаєца.
53. ходять, водять, носять, роблять.
54. пыйте, лыйте.
55. буду ходыты и робытыму.
56. казавъ.
57. я до ёго ходывъ.
58. кобъ я знавъ, тобъ не пошовъ.
59. наняты, приняты.
60. де, нігде, тогді.
61. до.

11. Головы, Ковельскаго уѣзда, Волынской губерніи.

1. поясъ.
2. вона.
3. ночуваты, зузуля, годоваты, коваты.
4. лий, нисъ, силь.
5. вишнёвый, коневы, Васылевы, грушовый, ружовый.
6. овечка, окно, огонь, улыця, ораты, орелъ, вухо, вудудъ.
7. не оддахъ, не одчиню.
8. беда, мешокъ, стена.
9. мережить.
10. ходыли, ми, волы.
11. Иванъ, Ивына, Івга.
12. мыю, рыю.
13. гострый, быстрый.
14. выйму, выйду.
15. рудый, чорный.
16. мньесо, мньеты, соломняный, люблю, роблю.
17. привізъ, девітися.
18. мызъ, озередъ.
19. паламаръ.
20. рімный, кімната, крамный.
21. мае бути, пасинкуваты.
22. ярмарокъ, рекрутъ, картопля.
23. слыня, Мокрена, ожина.

24. чаруваты, черезъ, кириз.
25. на дорози.
26. молодець, молодиця.
27. лоше, держеть.
28. бура, гороваты.
29. та не прибавляютъ.
30. ручиско, ножиско.
31. невістка, мамусю, головко.
32. вітре, сыну.
33. дытынойко.
34. коневи.
35. водою.
36. дві руки, дві словы, дві хаты.
38. чорный.
39. білею, чорнею.
40. мини, тебе.
41. чорны, білы.
42. до ёго, зъ нымъ.
43. мого, моєму, мої, твої, меі.
44. грибты (тащиты сіно).
45. пекты, берегты.
46. ходжу.
47. плаваю.
48. бриконувъ.
50. ходыть.
51. летає.
52. бьеце.
53. ходять, роблять, люблять, ловлять.
54. пыйте, лыйте, быйте.
55. ходытиму, буду ходыти.
56. казавъ, казавъ єсь.
57. робывъ.
58. якъ-бы знавъ.
59. н нєты, принєты.
60. де, нигде, тогді.
61. до.

12. Городокъ, Луцкаго уѣзда, Волынской губерніи.

1. поясъ, якый, ялына, рабый, слонешныкъ.
2. окно, морозъ, ходывъ.
3. ночоваты, годоваты, куповаты, коваты, мордоваты, зозуля.
4. лій, нисъ, силь.
5. вішнёвый, коневы, конемъ, Василевы, грушовый, рожовый, квачемъ, бурою.
6. овечка, окно, огонь, огілле, вусы, вухо, вудудъ, вулыця, гораты, оденъ.
8. біда, мишокъ, стена, камень, пісокъ, відро.
10. ходылы, волы, вылки.
11. гва, Иванъ, гиншій, гинколы.
13. гострый, быстрый кінь.
14. выйду, выйму, прыйму.
15. рудый, білый.
16. мнєсо, мнєты, соломняный, здоровье, люблю, роблю.
17. привізъ, обідъ, укуште, дивітеся.
18. мезъ.
19. паламаръ,
20. крамный, рімный.
21. маєбуты, пасенкуватъ.
22. ребрутъ, ярмарокъ, картопля.
23. слына, ожина.
24. черезъ, керезъ, чароваты.
25. по дорозі, на головци.
26. хлопець, молодець, карбованець, молодыця, шевцю.
27. лоша, воны лежать.
28. бура, гороваты, царь.
30. ручиско, ножиско, млыновыще, церковыще.

31. козачейко, батейко, ручейка, донейка, сонечко, сердечко.
32. сину, вітре.
33. донейку, дытынойко.
34. батьковы, сыновы.
35. водою, рукою.
36. дві руки, трі словы, дві хаты, дві оки.
37. пять баб, пять кіп.
38. чорный, білый.
39. білею, чорнею, рудею.
40. чорны волы.
41. мені, мене и т. д.
42. до ёго, зъ єю, зъ імы.
43. мойго, мему, твого, меі, твеі.
44. гребты, русты, нти.
45. пекты, берегты.
46. ходжу, сыджу, пушу, лечу, прошу.
47. плаваю, ламаю.
48. стусунуты, брыкнуты.
50. ходыть, робыть.
51. летає, збірає, рубає, иде, несе.
52. бьєцця, знаєцця.
53. ходять, водять, носять, ходыть, водыть, носить.
54. пыйте, быйте, лыйте.
55. ходытыму и т. д.
59. найняты, приняты, перейняты.
60. де, негде, тоді.
61. до.

13. Дорогичинъ, Кобринскаго уѣзда, Гродненской губерніи.

1. поясъ, якій, рабый.
2. морозъ, ходывъ, вона.
3. ночовати, ковати.
4. лу̂ый, нысъ, соль.
5. вышнёвый, коневы, конемъ, Василевы, грушовый, квачемъ.
6. овечка, окно, огонь, вуголле, усы, ухо, гулыця, ораты, оролъ.
8. беда, мишокъ, стена, камень, ведро.
10. волы, вылы, ходыли.
11. гива, Иванъ, гиншіи.
12. мыю.
13. двуйчи, трейчи, гострый, быстрый.
14. выйду, выйму, найму, прийму.
15. рудый, лысый, білый.
16. мнясо, мняты, соломняный, здоровья, безголовья.
17. купіть, дивітеся, обідъ, привьюзъ.
18. межъ.
19. паламаръ.
20. ру̂вный, крамный.
21. набуть, пасенковать.
22. ярмарокъ, некрутъ, картопля (бульба).
23. слыня, ожина.
24. черезъ.
25. матці, по дорозі.
26. хлопець, карбованець, молодець, молодця, шевцу.
27. воны лежять, держять.
28. бура, горовати, царъ, базаръ.
30. ручище.
31. ручейка.
32. сину; повій, вітре.
33. дохна.
34. батьковы, сыновы, коневы.
35. водою, рукою.
36. дві рукы, три коровы, дві оки, два слови.
37. пять ку̂пъ, пять бабъ.
38. чорный, рудый.
39. чорною, білою.
40. били, чорни, руди.
41. мні, мене, тобі, тебе; ёму, ёго, єі, собі.

42. до ёго, зъ єю, на ёму, зъ імъ, зъ іми.
43. мого, мойму, твого, твойму, мої, твої.
44. гребсти.
45. печи, берегчи.
46. сыджу, ходжу, пущу, лечу, прошу.
47. плаваю, ламаю.
48. брикнуты.
50. ходыть, робить, просить.
51. летає, збирає, рубає.
52. бьстьця.
53. ходять, роблять, волять.
54. піте, літе.
55. ходитиму, робитиму, ходитимешь, ходитеме.
59. наняти, приняти.
60. де, негде, тоді.
61. до.

14. В. Глуша, Ковельскаго уѣзда, Волынской губерніи.

1. якый.
2. ходывъ.
4. мий, нисъ, силь.
6. увечка, угонь, вуылле, вуса, вухо, вулиця.
8. быда, стына, камінь, выдро.
10. вылки.
11. Иванъ, гиншій.
16. мясо, мнеты, здоровьє.
17. убідъ, привізъ.
18. мезъ.
20. рімный.
21. має буты, пасенковаты.
22. срморокъ.
23. слына, ужина.
25. матері.
26. шевцевы.
27. лежить, держить.
30. ручка.
32. сыне; повінь, вітре.
36. дві воки.
37. пьєть копъ.
39. чорнею, білею.
40. билы.
41. мині, ій.
43. моєму, моій.
45. пекты.
46. сидю, ходю, пустю, летю, просю.
50. ходытъ, робытъ.
51. лытає, збырає.
54. пыйте, лыйте.
55. буду ходыты.
59. нанеты, принеты.
60. ныгде, тогді.
61. до.

15. Св. Воля, Пинскаго уѣзда, Минской губерніи.

1. поясъ, який, рабый, слонєчникъ.
2. ходівъ, робівъ, морозъ, окно.
3. ночовать, куповать, годовать.
4. лый, несъ, тильки, сыль.
5. вишнёвый, грушовый, кономъ, бурею.
6. уголина, вусы, вухо, оролъ, вулица.
8. беда, мешокъ, хлїу, камень, стяна (двѣ стѣнѣ), ведра.
10. ходіли, волы, вила.
11. ива, гиншій, Иванъ.
12. мию, рию.
13. двычи, трейчи, гострый.
14. вийду, приму.
15. рудый.
16. мьясо, здоровья, соломяный.
17. привьезъ, обѣдъ, купѣте, дивитца.

18. міжъ, озеродъ.
19. полымяръ.
20. рєвный, крамный.
21. пасинковать.
22. рекрутъ, бульба и картопля.
23. слина, ожина.
24. черезъ.
25. на дорозі, на голывци.
26. хлопецъ, молодіца, шевцу.
27. жеребя, держатъ, лежатъ.
28. горєвать, говору, гору (орю).
30. ручиско.
31. ручко, дочечко.
32. вѣтру, сину.
33. дочечко, дитино.
34. батьку.
35. водою.
36. двѣ руки, двѣ оки, двѣ слові.
37. кепъ, пять болу̂тъ.
38. чорны.
39. рукою.
40. чорныє.
41. мнѣ, менѣ, ёму, ёй, єє.
42. до ёго зъ єю, зъ іми.
43. мого, мойму, моєй.
44. ревті, гребті.
45. пекті, берегті.
46. ходю, седю, летю, просю.
47. плаваю, ламлю.
48. брыконуть, убрыкнуть.
50. ходітъ, робітъ.
51. збірає, летає.
52. (смотр. 49).
53. ходятъ, роблятъ, носятъ.
54. пъте, лйте.
55. буду ходіть.
59. нанять, принять.
60. гдѣ, нігдѣ, тогды.
61. къ брату и до брата.

16. Картузъ-Береза, Пружанскаго уѣзда, Гродненской губерніи.

1. поясъ, яки.
2. вона, морозъ, окно.
3. начаваты, куповати.
4. лу̂ый, носъ, су̂оль.
5. вішнёвы, конєві, конёмъ, Василеві; грушовый, квачемъ, бурою.
6. огонь, уголина, усы, ухо, гулица, оролъ, горать.
8. беда, мешокъ, стена, камень, песокъ, ведро.
10. волы, вилы, ходили, ми.
11. іва, иншій, Иванъ.
12. мый.
13. гостри, быстри.
14. выйду, выйму, приму.
15. рудый, бѣлый, лысый.
16. мнясо, мняти, соломеный, здоровьє, любью, робятъ.
17. купете у мене, дивітись, обѣдъ, привьёзъ.
18. мижъ.
19. паламаръ, невѣстка.
20. рувный, крамный.
21. пасинкавать, маєбути.
22. рекрутъ, ярмарокъ, картопля.
23. сліна, ожина.
24. черезъ, чаровати.
25. па дорозі.
26. хлопецъ, молодецъ, карбованецъ, молодіца, шевцу.
27. лежатъ, держатъ.
28. бура, горовати, бондарь.
32. иди, сыну; вѣтру.

33. доньку.
34. батькові, синові, коневі.
35. рукою, водою.
36. двѣ руки, три корові, двѣ хаті, двѣ слові.
37. пять кýопъ, пять бабъ.
38. чорной, бѣлой.
39. черною.
40. черные волы, бѣлые руки.
41. мнѣ, мене, тобѣ, тебе, ёму, ёю, ее, собѣ.
42. до ёю, зъ сю, на ёму, зъ імы.
43. мою, твою, мое, шапки, твое.
44. гребсти, ревсти.
45. печи хлѣбъ, берегчи.
46. ходю, сыдю, прошу, пушу.
47. плываю, ломью.
51. летає, збирає, рубає.
52. бьетця.
53. ходятъ, робятъ, носятъ.
54. пѣте, лѣте.
55. ходитиму, робитиму, ходитимешъ, ходитиме.
59. найняти, приняти.
60. де ты бывъ, нігде, тогді.
61. до.

17. Село Озяты, Ковринскаго уѣзда, Гродненской губерніи.

1. поясъ.
2. о.
3. о.
4. дороженька, військо, салдатыкувъ, воротьмы, у моюй, муй, Бігъ, покуль, мужъ, ластонькувъ, твуй.
5. готоваты.
8. у полы, дівчына, заспывайте, пісны, слезонькамъ, сподываются, рострепатыся, въ лісы, у корчомцы, въ моры, дывча, невысткы, смыются, у лозі, утече.
9. ы.
10. ы.
11. и.
13. быстрый.
14. прыде, нашовъ, прышовшы.
15. мылый.
26. хлопцы, новобранцы, отецъ у корчомцы, купцы, по хатоньцы, озерця, каменецъ, землыцы, ручицы, пьяныцю.
27. дывча, дывчя.
28. моря, вечеру.
31. річка, дораженька, граныченька, слезонькы, хустонька, серденко, сіденка, пташенька, невелыченька, дочечка, землыця.
34. по козаковы.
38. на бытуй, у туй, въ чужуй.
40. молодыі, золотые.
41. мні, его, мене.
42. на ій.
43. теі, свеі, меі, тею.
47. выломыла.
50. плачутъ, стоітъ, ходятъ, говорятъ, лежытъ, шумытъ.
52. розбываются.
53. ходятъ, говорятъ.

Добавленіе:

въ гости; крузъ свигъ; крузу оконці; се = если; седъ = еслибы; одъядаты, зъядае; вовкы заіли; никому, никого; погоняты; марно; безрозумный; вмыраты, розбыраты; матюнка; зяты; соловійку; камень; зъ Ильвова; потыхоньку; оконце; деся взялысь; выдъ = лицо; очутытысь; набірное; свівілное; забыты; дывче; шовкемъ; кланяетця своёму роду; висить; місить; сестріці місять; провозяне на коні; хрещастый барвінокъ; шлюбъ; церковцю одчины; віночокъ; дяковаты попонькові; батенькові; підъ; до домы (въ Любарѣ); щобъ ій не розвалыты; хлібъ-сіль; черезъ юлоньку; вечеряты; зъідять; за кымъ; не чи-; ніте серцю жалості; своеі цноты не лубыла; иде Маруся зъ ложа; добре насъ угощайте погуляты, потанцюваты; але = да; альбы-яку; бі якъ = якъ бы; вертёга = макотра; ги бати = мѣсить тѣсто; заганули = загадали; здивко = издѣванія; коля = около; корчикъ = кустарникъ; курувать = лѣчить; кобъ = еслибы, чтобы; мнго = много; моглиці = кладбище; на опуль = на половину; набивъ = побивъ; ничогый = нехорошій; ницъ = ничего опечи = ожарить; отступся = нераспрашивай; потесь (замѣняющее гребень); ремжуть = шепчуть; страмина = лѣстница.

18. Великорытская волость, Брест-Литовскаго уѣзда, Гродненской губерніи.

1. поясъ, слонешникъ, рабый.
2. ходывъ, вона, окно.
3. ночоваты, коваты, куповаты.
4. нуысъ, суыль, луый, туылько.
5. вышневый, коневи, землею, душою.
6. огонь, гулыця, овечка, уголына, ораты.
7. не оддамъ, не одчиню.
8. беда, мешокъ, стена, камень, ведро, бідный, хлівъ, стіны, відра.
10. ходылы, быты, волы.
11. Иванъ, гыншій (иноди и инколы — нѣтъ).
12. мыю.
13. гострый, быстрый.
14. выйду, выйму, прыйму.
15. рудый, лысый, чорный, злый.
16. мнясо, мняты, соломняный, мня и меня (имя), здоровья, безголовья.
17. прывізъ, обідъ, купіть, девітеся.
18. мыжы возамы.
19. паламаръ, невістка.
20. рувный, крамный.
21. (мабуть — нѣтъ слова), пасынкуваты.
22. ярмарокъ, картопля, рекрутъ.
23. слына.
24. керезъ и черезъ село, чароваты (нѣту — двичи и тричи, но около Бреста говорятъ — двуычи, тричи).
25. на дорози, на головцы.
26. хлопецъ, карбованецъ (и рубель), молодецъ, молодця.
27. жеребья, лежять, держять, ускочять.
28. бура, гороваты, царг, бондаръ, базаръ.
30. ручиско — ручиска, ножиско — ножиска, млыныще.
31. рученька, сванечка, доненька, головонька (головочка капусты тілько), батечко, сонечко, дочечка, батейко.
32. повій, вітру; иды, сыну.
33. доньку, дытыноньку.
34. батькови, сынови, коневи.
36. дві рукы, дві словы, дві хаты, двое очи.
37. пять куыпъ, пять бабъ, пять ломакъ, пять балёкъ.
38. чорнуый корові, рудуый.

39. чорн*ею*, біл*ею*, руд*ею*.
40. чорн*и* бровы, сір*и* очи.
41. мні, тобі, мене.
42. до єго, до єі, зъ ію, зъ імы.
43. меі, моёго, твоєго.
44. ру*с*ты, греб*с*ты, иты.
45. пе*чи* хлебъ, берег*чи*.
46. ход*жу*, сыд*жу*, пу*щу*, лы*чу*, про*шу*, му*шу*.
47. плав*аю*, лам*ню*, плав*аты*.
48. штурх*нувъ*, брык*нувъ*.
49. бь*еться*, сподыва*сться*.
50. ход*ыть*, роб*ыть*, нос*ыть*.
51. лет*ає*, збер*ає*, зн*ає*, руб*ає*.
52. ход*ять*, вод*ять*, нос*ять*.
54. п*іте*, л*іте*.
55. обѣ формы.
56. казав*есь* (остальныхъ нѣтъ).
58. себъ я бувъ знавъ = щобъ.
59. на*н*яты, при*н*яты.
60. де, не*г*де, то*г*ді.
61. *до*.

Мокроны, Кобринскаго уѣзда:

6. улы*ця*.
31. руч*енько*.
32. іды.
36. дві оч*и*.
43. моєі.
54. п*ыйте*, л*ійте*.

19. Извлеченіе изъ письма г. Андріевскаго изъ м. Бѣлой, объ особенностяхъ говоровъ въ Люблинской губерніи.

„Въ виду неодинаковости здѣшняго говора, иногда на весьма небольшомъ пространствѣ, я не могъ воспользоваться предложенными въ вашемъ письмѣ формами правописанія. Такъ, напримѣръ, въ нѣкоторыхъ только, извѣстныхъ мнѣ, мѣстностяхъ произносятъ *о* какъ *у̂о*, *у*, *ю*, *и*; *ѣ* = *ѣ*, *и*, *ы*; *е* = *ю̂о*, *и*, *ы*; мягкіе гласные звуки замѣняются твердыми, и наоборотъ, и т. д.

волъ = в*у̂о*лъ (Ломатье, Осовка), в*у*лъ (Кодень, Павловъ, Полоски). в*ю*лъ (Яблочна, Словатичи), в*и*лъ (Кульчинъ, Галенъ).

хлѣбъ = хл*ѣ*бъ (Ломаты, Осовка), хл*и*бъ (Кодень, Словатичи). хл*ы*бъ (Полоски, Заболочье).

на гор*ѣ* = на гор*ѣ*, на гор*и*, на гор*ы*.

везти = прив*ю̂о*зъ, пр*ь*в*ю*зъ, пр*ы*в*и*зъ, в*ы*зт*ы*.

весло = в*ы*сло, в*и*сла.

я = *а*: пор*а*докъ, р*а*дно, р*а*бый, говор*а*ть, государ*а*, цар*а*, пысар*а* и т. п.

„А потому, я поручилъ ученикамъ записывать все, буква въ букву, по произношенію“.

20. Село Полоски, Бѣльскаго уѣзда, Люблинской губерніи.

1. поясъ, якый, ялына.
3. годоваты, ночоваты, зозуля.
4. л*у̂ы*й, н*у̂ы*съ, с*у̂ы*ль.
5. вышнёвый, конёвы, Васылёвы.
6. овечка, окно, огонь, уголь, гулыця, ухо, око, оролъ, гораты.
8. беда, мешокъ, стена, камень, песокъ.

10. *ы*.
11. *гы*ва, *И*ванъ, *гы*ншій.
12. м*ы*ю.
13. гострый, быстрый.
14. вы*й*ду, пры*й*му.
15. руд*ый* ку̂*ы*нь, лыс*ый*, дуж*ый*.
16. мъісо баранне, я буду *мн*іты шкуру, щобъ мігка.
17. прывізъ, обідъ, купіте, дывітсе.
18. ме*жи*.
20. ру̂*ы*мный, кра*м*ный.
22. ярмарокъ, рекрутъ, карто*хля*.
23. Мокры*ня*, ожы*на*, слы*ня*.
24. *ч*аруваты, двы*й*чи, тры*й*чи, *ч*ерезъ.
26. хлопы*ць*, молоде*ць*.
27. *же*ребукъ, воны ле*жє*ть, дер*жє*ть, уско*ча*ть.
28. бу*ря*, го*ро*ваты, ца*рь*, бонда*ръ*.
30. руч*ище*, лап*ыще*.
31. тест*онько*, пан*онько*, руч*енька* и ру*чка*, голов*онька* и голов*очка*, серд*енько*, сон*ечко*, бат*енько*.
32. повій вітр*е*, сын*у*.
33. доньк*у*, сынк*у*.
34. батьк*овы*, сын*овы*, конё*вы*.
35. я вод*ою* мывъ.
36. дві рук*ы*, дві ок*ы*, дві слов*ы*.
37. ку̂*ы*пъ, пять ломаку̂*ы*въ.
38. черн*ый*, бил*ый*.
39. черн*ою*, бил*ою*.
40. черны*й*, билы*й*.
41. мени, мене и т. д.
42. до ёго.
43. твою, твеі.
44. гресты.
45. пе*чи*, берех*чи*.
46. ход*жу*, сыд*жу*, му*сю*.
47. лам*аты*, лам*лю*.
48. стыс*нуты*.
49. винъ бьєт*ся*, мы несподивалы*ся*.
50. ход*ыть*, роб*ыть*, прос*ыть*.
51. збыр*ає*, зн*ає*, ид*е*, буд*е*.
52. трапліє*тся*.
53. ход*ять*, вод*ять* и проч. робл*ять*, любл*ять*.
54. п*ыты*, б*ыты* и т. д. п*ыйте*, л*ыйте* и пр.
55. *тымешъ ходыты*.
56. казавъ, казалы, — казав*есь*, казал*ысте*.
57. ходывъ бувъ (употребляютъ отдѣльно).
58. ходывъ бы бувъ, бувъ бы ты знавъ.
59. най*н*иты, прій*н*яты, перей*н*иты.
60. де, ниде, тогді.
61. *до*.

Добавленіе:

взівъ; барзо; пуйшовъ; хлиба; днивъ; пьєть; у полю; зацьєнтый; пудходыть; хуруши; ныдывыться; зобачылы; жебъ; цы = чи; ву̂ынъ дывытьсє; роздывлєвся; сіде = сяде; подобалася; чикає; за кимъ; купатыся; куждого; роздывлється (вінъ); нима; допіро; дьєкує, дзєнькую; межи; лучче; мыслывець; птаха; хурюшша, хурушша; хутній; ни; вшеды; своєго; єі; литніи; нысе; ницъ; дорози; руызьныхъ містюхъ; халупа; куждого днє, другого днє; алє; живіты; хоць; се ты = если ты; кошнємъ; зара; зупелнє; злє; тогды, втеты; безъ — чрезъ; єму; досыть; забьє; блазни; речі; вложишъ; оно = только; межи субою; жадного; нескрывдыты; злапаю; хмарюцками; понадземлю; притримали; нарешті; вцалі; стратыть; гулубкою; чулувіча; тра; оденъ; мора; обрусъ; до палацу; однему; сыдыть; шклянка; дзись; почела істы; твей (меі); захтілось; до правды; обыймує; капелюхъ; субою, тубі, субі; слезами; лигай спаты (лігъ); до рана; змолочана; хтілисте; на такій гурі; гутова; гербаты воды; стайня; абашча = да; запытає; не всі давъ; прызвычасевсє; лёкай; чарноксєнтныковы; роззыкавсє; съ теі

однеі; алé-алé=да! судосылысь; вытрематы; ламлетця; буỳльшъ; взівъ; відаю; невідаю; вуỳвъ господарку провадыты; досыть; жебре хлыба; жеребі; жежко; живіты; зновопьку; зара; коємокъ прідыва; куỳнь; лыгла; лупыты; лыковавъ (лѣчилъ); молодыки; ны = ні; ногавцы; намочивъ; рвỳдъ; рузну; різныхъ місцюхъ; скоронько; слыпый; студню; тукачъ; узівъ; у-контентовалыся; хорюшна; шевко; казавєсь, казалысте; кони бийстрії; прысягавсе, забулася, подѣлася; боюся, розмовлюся; повернеться, кохається; ожынывся; свататыся, розвився; съ теі тучы, съ тею, малею; зо свытлыцы; пивныцы, по черныцы; пры крыныці, пры водыці; у свытлыці, пры сымьіцы; на тіі боці, въ земли; повивати, у лиси повіває; на помости; изгорати, міти; кокіль; метлиця; цы, сы; такоє, сухоє, доброє, сироє; горанячко; гораннечко; туỳлько; жыровлыны; шафарка; мебы=чтобы и еслибы, се; зимный, зімный; пры зымненькоі; мора; долé; роблять; хорыпенько; пно, но, оно; хмароцка, забыты; міти; не сюдъ, не тудъ; ся родыть; онъ; мні, мни, те (тебе); крыныці, кренычі; зарученый, засмучаный; на дзінь добрый даты; надобный; оденъ; зелёною; у полю; въ ній; тогды; лещина; пушла; оби = обѣ; край; его; здоровьечко; скіль = відкіль; застучилы; коны; не каръ; вмірає; малевана; колесенька; усіде (сяде); была = була; брусы = бревна; батько на на ню злоі волі; балювалыся = ировали; безъ два роки; барва; бранка = баба; веселыкы = журавлі; выратуюсь = спасусь; всеюньку = всю; въ кепскі дѣла проступала; всю люберію; густъ = вкусъ; гонгола = ангела; гадаютъ = говорятъ; кухоръ = сундукъ; ланцухъ = цѣпь; лахманя = лохмотья; нібы лось пускає; такый; окола = кругомъ; огороднык = садовникъ; обібралы за незнайка; прісна душа = хрещена; пляцъ = площадь; пасчекъ = ротъ; характернык; шматъ дерева повсіхало = много деревьевъ высохло; едного.

21. Раколупы, Холмскаго уѣзда, Люблинской губерніи.

1. поясъ.
3. начоваты, куповаты, коваты.
4. лый, нисъ, силь.
5. вишнёвый, конёвы, Васылевы.
6. овечка, окно, огонь, улыця, ухо, орелъ, ораты.
7. неодчыню, неоддамъ, пообывать.
8. быда, мышокъ, стена.
9. мене.
10. мы ходылы.
11. ыва, Ыванъ, гыпшій.
12. мыю ложкы.
13. гострый, быстрый.
14. й.
15. й.
16. мысco, мысты, соломянный.
17. дывітеся, обідъ, прывізъ, мічъ.
18. я ходывъ по межъ возамы.
20. рымный, крамна.
22. ярмарокъ, рекрутъ, картофля.
23. слына, ожына, Мокрына, Оксеня.
24. безъ плітъ, безъ дорогу, безъ лісъ, чаруваті.
26. хлопецъ, молодецъ.
27. лоше, лежетъ.
28. бура, царъ, бондаръ, базаръ.
31. ручка, сванька, дочка, головка, серденько, церковыська, понамарыська, млыновыська.
32. повій, вітру; иды, сыну.
33. дытыно.
34. батьковы, сыновы, конёвы.
36. дві руці, дві слові, дві хаты, дві оцы.
37. кыпъ, бабъ.
38. я дамъ чорной коровы сіна.
39. чорною коровою, білою, рудою.
40. чорныі, рудыі, білыі.
41. мені, мене, тобъ, тебе, ёго, ii, собі.
42. до него, съ нею, на нёму, съ нымы.
43. моего, твого, моі, твоі.
45. печи.

46. ходжу, сыджу, пущу, лечу, мушу.
48. плываю, ломлю.
49. вінъ ся бье, купае.
50. ходыть, робыть, просыть.
51. літає, збірає, рубає.
52. бьеся, траплесся.
53. воны ходять, робять, любять.
54. пыть, лыйте, быйте.
55. буду ходыть.
56. казавемъ, казавесь, казалысьмо, казалысте.
58. якъ бы ты мені сказавъ, тобы я бувъ знавъ.
59. найнеты, прыйнеты.
60. де, нігде, тогды.
61. до.

22. Рахань, Томашовскаго уѣзда, Люблинской губерніи.

1. поясъ, якій.
3. зазуля, нучуваты, купуваты, гудуваты.
4. лий, нисъ, силь.
5. вышневый, коневі, вівса, Васылеві.
6. вівця, вікно, вугонь, вугыль,—купа вуглівъ, вухо, вулиці, орелъ, ораты.
7. не оддамъ, не одчиню.
8. біда, мішокъ, хлівъ, скіна.
10. и мы ходыли.
11. Іванъ, ыва, иншій.
12. мыю лежки.
13. острый нижъ, быстрый кінъ.
14. выйду, прыйшовъ.
16. мьесо (въ сосѣдяхъ—мясо), мнеты.
17. привізъ, убігъ.
18. помежи возамы.
19. паламаръ.
20. рімный, крамный.
22. ярмарокъ, рекрутъ, картофли.
23. слына, ожина.
25. безъ містъ ишовемъ.
26. хлопець, карбованець, молодець (но это о выговаривается немного похоже на у).
27. лошє, трехъ коней лежить.
28. бура.
29. вмѣсто та—а, хотя есть и та.
30. ручисько.
31. ручина (ручка), головонька, мамусенько (ненька—нѣтъ).
32. повій, вітре; сыну; до мене ходь, туды иды, сыну.
33. дівче, донечку, дому.
34. сынові, татові, коневі.
35. хорою рукою.
36. дві руці, я єму хцу сказаты дві слові, двоє очей.
37. кінъ, ломаківъ, болитъ.
38. чорній, білій, рудій.
39. я ораю чорною коровою.
40. білыі, чорныі, рудыі.
41. мені, мене, тобі, тебе, єму, ёго, єі, собі.
42. до нёго, зъ нею, на німъ, зъ нымы.
43. я познаю свого конс, твому, свому сынові, свої, твої.
44. корова хоче рычиты.
45. печи (берегты—нѣтъ).
46. ходжу, сыджу, пущу, лечу, прошу, мушу.
47. плываю, ломлю.
48. мені, куме, кінь брыкнувъ.
49. вінь сі бье, мы сі не сподывалы.
50. ходытъ, робытъ.
51. летає, збірає, рубає, іде.
52. бьесе, траплесе.
53. ходять, носять.

54. пыйте, лыйте.
55. буду ходывъ.
56. казавемъ, казавесь, казалысьмо, казалысте.
59. найнсты, прейнсты.
60. де, никде, тоды.
61. до.

Дополненіе:

лонки = луги; учеръ = толока, а въ другихъ мѣстахъ = парена.

23. Козинъ, Дубенскаго уѣзда, Волынской губерніи.

1. поясъ.
3. ночуваты, годуваты, зозуля, купуваты.
4. лий, нисъ, силь.
5. вышневый, коневі, конемъ, Васылеві.
6. вівця, окно, огонь, уголь, улица, ухо, вудудъ.
7. не дамъ, пооббываты.
8. стіна, бідны, хлівъ, пісокъ, відро.
10. мы ходылы, быты.
11. Іванъ, гиншій.
12. мыю, копаю (вм. рыю).
13. й—не употребляется.
14. й.
15. й.
16. мнясо, мняты, соломяны.
17. привизъ, обідъ.
18. межъ.
19. паламаръ.
20. рімный шляхъ, крамный.
21. пасенкуваты, мае буты.
22. картофля, рекрутъ, ярмарокъ.
23. слына, Марына, Мокрына, ожина.
24. первыхъ двухъ словъ нѣтъ; безъ, чаруваты.
25. на дорозі.
26. хлопець, карбованець, молодець.
27. ложе, лежатъ
28. бура, гороваты, Харко, царъ, бондаръ, сахаръ, базаръ.
29. та.
30. ручисько.
31. (первыхъ нѣтъ) рученька, доненька, головонька, серденько.
32. вітре, сыну.
33. доненько, дытынонько
34. батькові, сынові.
36. дві хаті, три корові, два слові.
37, кінъ, бабъ, лошакъ.
38. чорні.
39. чорною и т. д.
40. чорни, били, руди.
42. до него, до неі, зъ нею, на нему, зъ нымы.
43. мого, твово,—моі, твоі.
44. иты (другихъ нѣтъ).
45. берегты, пекты.
46. ходжу, сыджу, пущу, лечу, прошу, мушу.
47. ламлю хлібъ, плываты.
49. бьется, сподіваємось.
51. літає, збірає, знає, рубає.
52. бьється.
53. ходять, ходытъ, т. е. единств. ь, множ. ь.
54. пыйте, лыйте и проч.
55. неупотребляется—прост. форма.

56. казавъ, робывесь, робылесте, робылесьмо.
58. ходывъ бы бувъ, бувъ бы знавъ, кобъ я знавъ.
59. наняты, прийняты.
60. де вінъ ходытъ? нігде, тоді (слова „иноді“ нѣтъ).
61. до.

24. М. Черный Островъ. Проскуровскаго уѣзда, Подольской губерніи.

1. поясъ, якій.
2. вона, ходывъ.
3. ночувaты, гудувaты, купувaты, зазуля.
4. нгисъ, лый. стыло(стігло), силь, дилъ.
5. вышневый садъ, коневі, Василеві, грушовый, ружовый.
6. вулыця, вікно, гору (мы оремъ), орелъ.
7. не відамъ тобі, не відбувъ, не відчыню.
8. біда, мгишокъ, стіна, камінь.
9. стырьня, ымгишъ, чырысло.
10. волы, быти, ходылыесьмы.
11. ыва, Іванъ, гиншій.
12. мыю.
13. гострый, быстрый.
14. выйду, прыйшовъ, выйму.
16. мнясо, мняты, имня.
17. привізъ, дывіться, купітъ.
18. вінъ ходывъ по межи вози, по межи люди годывъ, межи нымы схавемъ и недавемся быты; ожередъ.
19. паламаръ.
20. рімный, ковната, кравный.
21. може (вмѣсто мабуть) пасемкуваты.
22. ярмарокъ, рекрутъ, бузаболя (огромная картофель называется „мандибуры“).
23. слына, ожина, Мокрына.
24. черезъ село—въ мѣстечкахъ, а въ ближайшихъ селахъ: безъ село, чаруваты.
25. куплю метері, на головці шапочка. по дорозі.
26. хлопець, молодець.
27. лоша, лежатъ, держатъ.
28. бондаръ, царъ, базаръ.
29. я бувъ на базарі, та кимъ купывъ хліба, ишовемъ по дорозі и вступивемъ до него.
30. млыновысько, церковысько.
31. серденько, головонька.
32. сыну, иди; повій, вітре; иди, брате.
33. соненько, доненько (донечко) рученька, лыченько, дытынонько.
34. татові, сынові, мами, женці.
35. водою, душою.
36. дві руці, дві слові, три слові, четыри слові, пять сливъ.
37. кіпъ, бабъ.
38. чорни корові, руди овечці.
40. билою рукою.
41. мені, мене, тобі, тебе, ёму и т. д. чорни, били, руди; билый, рудый, русявый.
42. до него, зъ нёю, на нёму, зъ нымы.
43. до мого, твого; до твоі, моі—меі, до твеі (пыйте до меі жінки).
44. ревсты, гоныты весломъ (вм. гребсты), иты.
45. пекты, берегты.
46. ходжу, сыджу, роблю, держу, тримаю.
47. плываю, ломлю.

48. мене кінь якъ брыкнувъ.
49. вінъ *ся* бонтъ, вінъ *ся* бѣтъ, вінъ *ся* росчисує.
50. ходытъ, робытъ, просытъ.
51. літає, збірає, рубає.
52. бъється, свариться, купається.
53. ходятъ, вогоратъ, сыдятъ (я сыджу), куплятъ.
54. пыйте, лыйте.
55. буду ходыты, вінъ и т. д.
56. ходывемъ, казавемъ, пывемъ.
58. жебъ ты мені росказавъ де ярмарокъ, то я бымъ бувъ знавъ.
59. найняты, прыйняты.
60. де, ніде, тоді.
61. до.

25. Тынна, Ушицкаго уѣзда, Подольской губерніи.

1. поясъ.
4. лый, нисъ, силь.
5. вышневый, коневі, Васылеві.
7. не віддасы, вівця, вікно, вору, вогонь, вулыця.
8. камень, відро, стіна, мішокъ.
9. мыні.
10. волы, выла.
11. Иванъ.
12. рыю, мыю.
13. третый, вострый, быстрый.
14. выйду прыйновомъ выкну.
16. мнясо, мняты, соломяны.
17. прывізъ, обідъ, дывіться.
18. межъ.
19. паламаръ.
20. рімный, крамный.
21. маи буты, насынкуваты.
22. ярмарокъ, рекрутъ, картопля.
23. слына, ожина.
24. черезъ, чарувать.
25. по дорозі, матці, по головці.
26. хлопецъ, карбованецъ.
27. лошa, лежатъ.
28. бондарь, царь, бура.
29. піду въ лісъ, та нарубаю.
31. ручисько.
32. сыну, вітре; нахылыся, вербо.
33. донечко, соненько, рученька, дытнонько.
34. батькови, коневи.
35. хатовъ, водовъ, руковъ.
36. дві слові, дві руці, дві хаті.
37. кінъ, бабъ, ломакъ.
38. руди, чорнявы.
39. білою, біловъ, чорновъ, глыновъ, рудовъ.
40. билы, чорны, сыны.
41. мені, мене, тобі.
42. до него, до неі, на німъ, на ній.
43. свому, твоі жінці, своі, моі, моему.
44. горнуты (гребты), реваты.
45. печи, стерегчи.
46. хожу, сыжу, пущу, лечу.
47. плаваю, лѣмлю, плываю.
48. словъ: „плыгае“ и „страсцнуты“ нѣтъ—гаркнувъ, брыкнувъ.
49. я ся бою, мені ся хоче.
50. ходытъ, робытъ.
51. літає, зберає, знає.
52. бьеся, купасся, умывасся.
53. ходятъ, носятъ, водятъ, роблятъ.
54. лияйте, пыйте, быйте.
55. слитная—другой нѣтъ.
56. мы ходылы—ходылысьмо
57. бувемъ, бувесъ, бувъ, якъ письмо булы, булысьте.

58. якъ *бымъ бувъ* знавъ, якъ *бымъ бувъ* чувъ, що то крадене, то *бымъ бувъ* не купывъ.
59. наймыты, прыймыты.
60. де, нікгде, тоюды.
61. *до*.

26. Маленцы, Хотинскаго уѣзда, Бессарабской губерніи.

1. якій, ялына, поясъ, сонишникъ,
2. ходывъ, морозъ.
3. куповаты, годуваты, ночуваты, зазуля.
4. нісъ, тілько, лій.
5. Васылеві, вышневый.
6. вогонь, вулыця, вікно.
7. не відамъ.
8. мішокъ, біда.
10. быты, ходыты.
11. Єва, Иванъ, іншій (де-колы—инколы.
12. рыю, мыю.
13. быстрый.
14. выйду, прыйшовъ, прыйму.
16. мнясо, мняты, соломляный.
17. обідъ.
18. межъ.
19. паламаръ.
20. комната, рівный.
21. пасинкуваты (може—мабуть).
22. некрутъ, ярмарокъ, картофля.
23. слына, ожина, Марина.
24. черезъ, чарувать.
25. метері, по дорозі.
26. хлопець, карбованець.
27. лоша, лежатъ, держатъ.
28. буря, царь, бондарь, сахарь (цукоръ).
29. та.
30. нѣтъ увеличительныхъ.
31. головочка.
32. повій, вѣтре; иди, сину.
33. сонечко и т. д.
34. сынови, чоловікови.
35. водою, хатою.
36. двойственное число (дві руці, дві слові).
37. бабъ, ломакъ.
38. чорні корові дай, рудій дай.
39. чорною, билою.
40. чорні білі, жовті, руді.
41. мені, тобі.
42. до него, зъ нею, зъ нымы.
43. мойго (мого), твого (твойго).
44. какъ въ Подольскомъ.
45. печи, берегты.
46. ходю, сиджу, лыю, прошу, мусю.
47. ломлю, плаваю.
49. мы ся не сподівалы, я ся не сподівавъ.
50. ходе, робе, просе.
51. літае, іде.
52. бьеся, знаеся, трапляеся.
53. носятъ, ходятъ.
54. лыйте, пыйте.
55. буду робыты, буду ходиты.
56. ходывъ, робывъ—ходывесъ, робывесъ, ходилысьмы, ходылысьте.
58. купывъ бы бувъ, или—бувъ бы купывъ.
59. наймыты, прыймыты.
60. де, нікгде, тогды, ыноді.
61. до.

27. Вендичанская волость, Могилевскаго уѣзда, Подольской губерніи.

1. поясъ, рябый, соняшныкъ.
3. ночувaты, гудувaты, кувaты, зазуля.
4. лій, нісъ, сіль, тилко.
5. вышневый, конемъ, Василёвы, землью и землею (мені ся здає, що такъ и такъ кажуть); грушковый, квачомъ, бурою.
6. вівця, вікно, вогонь, вулыца, вуголь, вухо, вулиця; ораты, орелъ, іденъ.
7. не віддамъ.
8. біда, мішокъ, стіна, камінь, пісокъ, відро.
10. волы, выла.
11. Іванъ, инчій.
12. мыю.
13. остры—отося добрый кінь, скорый.
14. выйду, прыйду, выйму, прыйму.
15. рудый, білый, чорный.
16. мнясо, мняты, соломняный, здоровля, мня, люблю, роблятъ.
17. привізъ, обідъ, купітъ, дывітця.
18. я ходывъ по межи возы, ожередъ.
19. паламаръ.
21. рімный, крамный, пасынкуютъ.
22. мае буты ярмарокъ, некрутъ, картофля.
23. слына, ожина, Мотрона.
24. черезъ.
25. по дорозі.
26. хлопець, молодець, карбованець, молодця, шевцёвы.
27. лоша, лежатъ.
28. буря, Харко, царъ.
29. та не бавсь.
30. ручка, дочечка, головка.
31. сыну, вітре.
32. дочечко, дытыночко.
33. батьковы, сыновы, конёвы.
35. водою, рукою.
36. дві руці, дві хаті, дві оці и двое очей.
37. пять кіпъ, пять бабъ, пять ломакъ.
38. білі, сыві, руді.
39. рудою, білою, и рудовъ, біловъ корововъ.
40. чорні, білі, руді.
41. сокращенная форма не употребляется.
42. до нею, зъ нею, на нимъ, зъ нымы.
43. мою, твою, мої, твої.
44. иты.
45. пекты, стерегты.
46. ходю, сидю, пустю, просю.
47. плаваты, плаваю, плываю, ломлю, ломаты.
48. брыкнувъ.
49. бьєця (они ся били и винъ ся бивъ), мы ся не сподівали, мні здаєся, мні ся здає, якъ ся робыли.
50. ходыли, робылги.
51. орелъ літає, иде, бўде, збирає.
52. бъєця.
53. ходятъ, носятъ, роблятъ, робятъ.
54. пыйте, лыйте, ляйте, ляй.
55. ты будешъ ходыты.
56. я козавъ, козававъ, говорилисте, робилгисьте.
57. знавъ бымъ, робивъ бымъ, колибымъ бувъ знавъ.
59. переймыти, найлиты, перейняты, перейняла.
60. де, ніде, тогды.
61. до.

Дополненіе:

1. шкуряны, узявъ.
3. фура.
4. шевскый, швецькій, люцькій.
7. коней, людей, по конёхъ, по людёхъ.
8. на братёхъ, на стілецяхъ.
9. зіля, висіля
10. полемъ.
12. *істочкі, спаткі.*

28. С. Бандышевка, Ямпольскаго уѣзда, Подольской губерніи.

1. поясъ, рябый, сонешныкъ.
3. ночувaты, кувaты, купувaты, гудувaты, зазуля.
4. мій, нісъ, тілько.
5. вишнёвый, конёві, Васылёві, землёю, конёмъ, грушовый, квачомъ.
6. вікно, вівця, вогонь, віролъ, вулица, віра, вухо.
7. не відчиню, не віддамъ.
8. біда, мішокъ, стіна, камень, пісокъ, відро.
10. волы, была.
11. Иванъ, ыва, нічій.
12. мыю.
13. гострый, быстрый.
14. выйду, прыйду, найму.
15. рудовый, білый, чорный.
16. мнясо, мняты, соломняный, здоровья, безголовья.
17. купітъ, дивітця, привізъ, обидъ.
18. межи, ожередъ.
19. паламаръ, нетяга.
20. рімный, крамськый.
21. мае буты, пасынкуваты.
22. ярмарокъ, реклутъ и некрутъ, картохля.
23. слына, ожина, Мокрына.
24. черезъ, чаруваты.
25. на дорозі, на головиці.
26. хлопець, молодець, молодця, шевцёві.
27. лоша, лежатъ, держатъ.
28. буря, горувaты, говорю.
32. повій, вітре; сыну.
33. дытынко, дочичко.
34. баткові, сынові, конёві.
35. водою, рукою.
36. дві руці, три корові, дві хаті, дві оці, дві слові.
37. пять кіпъ, пять бабъ.
38. чорні, білі, руді.
39. чорною, білою.
40. чорні, руді.
41. мні, тобі, ёму, ёго.
42. до него, на нёму, зъ ными.
43. мою, твою, до моі; твоі.
44. исты (гребты и ревты — нѣтъ такихъ словъ).
45. пекты, стерегты.
46. ходю, седю, пустю, просю.
47. плисты, плину, плинувъ, ломню, ломыты.
49. бъсця.
50. просытъ, ходытъ.
51. рубае, зберає.
52. знаєця.
53. ходятъ, роблятъ, люблятъ.
54. пыйте, ляйте.
55. я буду ходыть, робыть.
56. казавъ, мы казалы.
58. ходывъ бы до него, якъ бы бувъ знавъ.
59. наймыты, перенаты.
60. де, нігде, тогді.
61. до.

Дополнительные вопросы:

1. взявъ, шкуряні
3. діброва, фура.
4. шевскій, людскій.
7. коный, людый, лидяне, коняне, на кòняхъ.
9. зіля, висіля.
10. полёмъ.
12. істкі.

29. Перейма, Балтскаго уѣзда, Подольской губерніи.

1. поясъ, який, ялина, рабий, соняшникъ.
2. ночувати, годувати, кувати, куповати, зазуля.
4. лий, нісъ, тільки, сіль.
5. вишнёвый, конёві, конёмъ, Василёві, землёю, грушовий, рожовий, квачомъ, бурою.
6. вікно, вогонь, вуголь, вуса, вухо, вулиця, орелъ, орати, сденъ.
7. недамъ, не відчиню.
8. біда, мішокъ, стіна, камінь, пісокъ, відро.
10. волы, выла, быты.
11. ыва, Іванъ, иншій, иньколи.
12. мыю, копаю (вм. рыю).
13. гострый, быстрый.
14. выйду, выйму, прыйму, прыйшовъ.
15. рудый, білый, чорный, но й скрадывается такъ, что его едва слышно.
16. мнясо, мняти, соломняный, здоровля, безголовля, мня, люблю, роблятъ.
17. привізъ, обідъ, купітъ, дивітца (т едва слышно).
18. межи, ожередъ.
19. паламаръ.
20. римный, крамный.
21. мас буты, пасенкувати.
22. ярмарокъ, некрутъ, картофля.
23. слина, ожина, Мокрина.
24. черезъ, чарувати.
25. на головці, на дорозі.
26. хлопець, молодець, карбованець, молодиця, шевцю, молодця.
27. лоша, держатъ, ускочатъ.
28. бура, горуваты, Харко, базаръ, бондаръ, говору.
29. та.
30. ручище, убоіще.
31. козаченько.
32. вітре, сыну.
33. дытыночко, донечко.
34. батькові, сынові.
35. водою, рукою.
36. дві руці, дві хаті, дві оці.
37. пять кіпъ, бабъ, ломакъ, болітъ.
38. чорні, руді, білі.
39. білою, чорною, рудою.
40. чорні, білі.
41. мені, мене.
42. до нёю, зъ нею, на нёму, зъ ними.
43. мою, моєму, твою, мòму, мòі, твóі.
44. громадыти, ревати, ити.
45. пекти, берегти.
46. ходю, робліо, седю, пустю, летю, просю.
47. пливаю, ломаю—ломати.
48. плигнути, бракнути.
49. бьется, не сподівался.

50. ход*ить*, роб*ить*, прос*ить*.
51. літає, збер*ає*, знає, руб*ає*.
52. бъс*ия*, знас*ия*.
53. ход*ять*, нос*ять*, прос*ять*.
54. п*ыйте*, л*яйте*.
55. я *буду* ходити, я *буду* робити.
56. казавем*ъ*, казавес*ь*, казал*ысьмо*, казал*исте*.
57. тобъ я *бувъ* бы знавъ.
59. наймити, приймити.
60. де, н*ікіде*, тогді, ино.
61. *до*.

Дополнительные вопросы:

1. узявъ, шкур*аний*,
2. часъ.
3. д*іброва*, ф*ура*, шк*ура*.
4. шевс*ький*, люд*ськ*ий.

7.

И.	люде,	гусы,	плечі,	коні.
Р.	-ей	-ей	-чей	-ей
Д.	-ямъ	—	—	—
В.	-ей	-ей	плечі	-ей
З.	какъ именительный			
Т.	людьми,	гусьми,	плечима	кіньми
П.	-ей,	-ей	плечі,	про коні

8. стільц*яхъ*.
9. зі*лля*, весі*лля*.
11. ворон*ое* лоша.
12. *пытоньки*, *істоньки*, *спатоньки*.
13. ход*ітъ*, роб*ітъ*, нос*ітъ*.

30. С. Витовка, Ольгопольскаго уѣзда, Подольской губерніи.

1. поясъ, як*ий*, раб*ий*, соняшникъ.
3. ноч*ув*ати, год*ув*ати, куп*ув*ати, за-зуля.
4. л*ий*, н*ис*ъ, сіль.
5. вишнёвый, конёві, конёмъ, землёю; квачомъ, бур*ую*.
6. *в*івця, *в*ікно, *в*огонь, *в*уголь, уса, *в*ухо, *в*илиця, орелъ.
7. не *від*чиню.
8. бі*д*а, мешокъ, ст*і*на, камень, пі-сокъ, в*і*дро.
9. вы*л*а, вол*ы*.
11. *ы*ва, *І*ванъ, *и*нтій.
12. м*ы*ю.
13. гострый, бистрый.
14. выйду, выйму, прыйму.
15. чорн*ый*, рудый; но *й* скрадывается.
16. м*н*ясо, м*н*яти, здоров*л*я, безголов*л*я, роблю, роб*л*ятъ.
13. привізъ, обідъ, купітъ, дивытця.
18. меж*и*, о*ж*ередъ.
19. паламаръ.
20. рімный, крамный (зъ крамниці куп-ленный).
21. мае бути.
22. ярмарокъ, рекрутъ, карто*вл*я (най-більше бараболя).
23. слин*а*, ожин*а* (стигла—уже созрѣв-шая).
24. черезъ.
25. на голов*ц*і, на дорозі.
26. хлопец*ь*, карбованец*ь*, молодец*ь*, шевц*ёвы*.
27. лош*а*, леж*ать*, держ*ать*.

28. бу*ра*, го*ру*вати, бонда*ръ*.
29. *та* й.
30. гробов*шиче* (цвинтаръ).
31. тат*о*, мам*а*.
32. вітр*е*, син*у*.
34. тат*ові*, син*ови*, кон*ёви*.
35. *-ою*.
36. дві руц*і*, коров*и*, оц*і*.
37. пять кіп*ъ*, баб*ъ*.
38. чорн*и* корові.
40. чорн*і*, біл*ы*.
41. мні, ёму, іі, собі.
42. до *н*ёю, до *н*еі.
43. мóго, твóго, мóі.
44. гре*с*ть весломъ = гонити; реваты; іты.
45. пек*ты*, стерех*ты* (вм. беречь).
46. ход*ю*, пус*тю*, прос*ю*.
47. лом*ню*, лом*ыты*, плив*аты*, плив*аю*.
49. бъє*ця*.
50. роб*ытъ*, ход*ытъ*.
51. літ*итъ*, літ*ає*.
52. бъє*ця*, знає*ця*.
53. ход*ятъ*, робл*ятъ*, любл*ятъ*.
54. л*яйте*, л*яй*, п*ыйте*.
56. казавъ.
58. *бувъ* бы ходивъ.
59. пры*й*мити, на*й*мити.
60. де, ніде, тоді.
61. *до*.

Дополнительные вопросы:

3. д*і*брова, шк*у*ра, ф*у*ра.
4. шев*сь*кій.
7. хороба на люд*яхъ*, купль гус*и*, гус*ямъ*, люд*ямъ*, пірья на гус*яхъ*.
9. зі*ля*, вісі*ля*, кло*ча*, жи*тя*.
10. пол*ёмъ*.
11. чист*е*.
13. ід*ітъ*, роб*ітъ*.

31. Окрестности Немирова, Подольской губерніи. С. Рацьки Рубаньской волости, Брацлавскаго уѣзда.

1. по*я*съ, р*а*бый, сон*я*шныкъ.
3. ноч*у*ваты, гуд*у*ваты, куп*у*ваты, з*а*зуля.
4. м*і*й, н*и*съ, с*и*ль.
5. вишн*ё*вый, кон*ё*ві, кон*ё*мъ, Васил*ё*ві, груш*о*вый, руж*о*вый, бур*о*ю, квач*о*мъ.
6. *в*ікно, *в*огонь, *в*угіль, *в*усы, *в*ухо, ораты.
8. ст*і*на, м*і*шокъ, кам*і*нь, в*і*дро, п*і*сокъ.
10. в*и*ла.
11. *І*ванъ, *и*нчій.
12. м*ы*ю, р*ы*ю (или копаю).
13. гострый, быстрый.
14. вы*й*ду, вы*й*му, пры*й*му.
15. білы*й*, чорны*й*, лысы*й*.
16. м*н*ясо, м*н*яты, солом*ь*яный, здоров*ля*, роб*л*ю.
17. обідъ, купітъ, дивітця.
18. ме*жи*, о*ж*ередъ.
19. па*л*амаръ.
20. рі*м*ный, кра*м*ный.
21. *має* буты, пасе*н*куваты.
22. ярмарокъ, *н*екрутъ, картопля.
23. сли*на*, ожи*на*, Мокри*на*.
24. *ч*ерезъ, *ч*аруваты.
25. на голов*ці*, на дорозі.

26. хлопецъ, молодецъ, карбованецъ, *оца*, шевцю.
27. лоша, лежатъ, держатъ.
28. бура, харко, бондаръ, базаръ (місто).
31. головочко, донечка.
32. вітре, сыну.
33. донечко.
34. батькові, сынові, конёві.
35. рукою, водою.
36. дві руці, три корові, дві хаті, дві оці, дві слові.
37. кіпъ, бабъ, ламакъ.
38. чорни, білі, руди.
39. рукою, водою, хатою.
40. білі, чорні, руді.
41. мні, тубі, тебе, ёму, закличъ ёго, ії, субі.
42. зъ нёго, зъ нею, зъ ными.
43. мою, твою, мої, твои.
44. ревсты, гребсты.
45. пекчы хлібъ.
46. ходю, седю, прбсю, пустю.
47. ломаты, плываю, плыватъ.
48. штовхнуты (фецас, фецнувъ), перескокнувъ.
49. бъецця, сподіваецця.
50. ходитъ, робытъ.
51. вінъ знає, рубає, літає, иде, несе.
52. знаецця, трапфляецця.
53. ходятъ, роблятъ, носятъ, водятъ.
54. пышы, быглы, пыйте, ляйте.
55. буду ходыти, буду робыти.
56. козавъ.
58. якъ бы я бувъ знавъ.
59. наняты, переняты.
60. де, нікіде, тоді.
61. до.

Добавленіе.

1. шкураный.
3. діброва, фура.
4. шевській, людській.
7. богацько гусый, людый; людямъ, гусямъ, конямъ.
9. зіля, висіля.
10. полёмъ.
11. чисте.
12. дітина хоче спатонькі.

32. Грабовецкая волость, Брацлавскаго уѣзда, Подольской губерніи.

4. нісъ.
6. огонь, вуса, гораты.
10. выла.
11. Іванъ, гинчімъ.
16. рблю.
22. рекрутъ, картофля.
26. швецёві.
38. чорні корові, білі, руди.
41. мині, тобі, собі.
42. нёю.
43. твоі.
48. фицнувъ.
53. робятъ.
60. нігде.

Дополнительные вопросы:

12. пстъ.

33. Дашковецкая волость, Литинскаго уѣзда, Подольской губерніи.

1. поясъ, якый, рабый, соящныкъ.
3. ночуваты, купуваты, куваты, гудуваты, мурдуваты, зазуля.
4. лій, нисъ, тилки, сіль.
5. вышнёвый, конёві, конёмъ, Васылёві, землёю, грушовый, бурою, квачомъ.
6. вікно, вогонь, вуголь, вуса, вухо, вулиця, горелъ, гораты.
8. біда, мішокъ, хлівы, стіна, камінь, пісокъ.
10. выла, волы, мы.
11. гива, Іванъ, гинчій.
12. рыю, мыю.
13. гострый, быстрый.
14. выйду, выйму, прыйму, прыйшовъ.
15. -ый.
16. мнясо, мняты, соломняный, здоровья, роблю, роблятъ.
17. привізъ, купітъ, дивітця, обідъ.
18. межъ, ожередъ.
19. паламаръ.
20. рімный, крамный.
21. має буты ныньки дощъ, пасенкуваты.
22. ярмарокъ, некрутъ, кортохля (бараболя є).
23. слына, ожина.
24. черезъ.
25. на головці, на дорозі.
26. хлопець, молодець, карбованець, отця, молодця, шевцёві.
27. лоша, лежатъ, держитъ.
28. бура, горуваты, Харко, базаръ, бондаръ.
30. доненька, головонька.
31. головонька.
32. вітре, сыну.
33. донечко, дытыночко!
34. сынові, батькові, конёві.
35. водою, рукою, хатою.
36. дві руці, слові, дві хаті, дві оці.
37. кіпъ, бабъ, ламакъ, балокъ (балёкъ-сволокъ).
38. чорни, біли.
39. чорною, білою, рудою.
40. чорни, біли.
41. мені, мене, тобі, тебе, ёму, єй.
42. до нёго, зъ нею, на нёму, зъ нымы.
43. мóю, твóю, мому, моі, твоі.
44. иты.
45. пекты, стерегты.
46. хóдю, сыдю́, пу́стю, летю, прóсю, му́сю.
47. плываю, ломаю.
48. сунуты, хвицнуты кінь хоче.
49. бъєтця, сподіваєтця.
50. ходыть, робыть, носыть.
51. рубає, зберає, лётає.
52. бъєтця.
53. ходять, носять, водять.
54. пыйте, быйте, лыйте.
55. я буду ходыты, ты будешъ ходыты.
56. казавъ, просывъ.
59. найняты, прыйняты.
60. де, нігде, тоді, иноді.
61. до.

Дополнительные вопросы:

2. часъ.
3. диброва, шкура, фура.
4. шевській.
6. говоривъ.
9. зілля, весіля.

34. С. Краснополка, Гайсинскаго уѣзда, Подольской губерніи.

1. поясъ, який, ялина.
2. вікно, морозъ.
3. ночувати, годувати, купувати, кувати, зузуля.
4. лий, нисъ, сіль.
5. вишневий, конёмъ, Василёві, землёю, квачомъ, душою.
6. вівця, вікно, вогонь, вуголь, вуси, вухо, вулиця.
7. не оддамъ, не відчиню.
8. біда, мішокъ, стіна, камінь, пісокъ, відро.
10. вила, воли.
11. гива, Іванъ, гинчій.
12. мию.
13. бистрий кінь, гострий нижъ.
14. вийду, вийму, прийму.
15. рудий, білий, чорний.
16. мнясо, мняти, соломьяникъ, здоровья, безголовья, роблю, роблятъ.
17. купітъ, обідъ, привізъ.
18. межи, ожередъ, жаріс.
19. паламаръ.
20. рімний, крамний.
21. мабуть, пасинкувати.
22. некрутъ, картофля, ярмарокъ.
23. слина, ожина.
24. черезъ, чарувати.
25. на головці, по дорозі.
26. хлопець, корбованець, шевцю.
27. лоша, лежятъ, держятъ.
28. царъ, говору.
31. рученька, батенько, мамочко.
32. сину, вітре.
33. доню, дитиночко.
34. батькові, синові, коневі.
35. хатою, рукою.
36. дві руці, три хаті, чотири стіні.
37. кіпъ, бабівъ, ломаківъ.
38. чорний корові сіно, білий руці.
39. рукою, водою.
40. чорны, білы, руды.
41. мені, мене, тобі, тебе.
42. до нёго, до неі, зъ нею, зъ ними.
43. мою, твою.
44. гребты, ревты, іти.
45. пекты, стерегты.
46. ходю, сидю, пустю, летю, просю.
47. пливаю, ломаю, ломыты, пливаты.
48. стуснуты, штовхнуты, шлигнути.
49. бъецця, мы не сподівалися.
50. ходитъ, робитъ.
51. іде, буде, збірає, літає.
52. бъецця, знасця.
53. ходятъ, нбсятъ, водятъ.
54. ныйте, лийте.
55. будешъ ходить.
56. я казавъ.
57. ходывъ, робывъ.
58. ходывъ бы, робывъ бы.
59. наняли, приняли.
60. де, нікгде.
61. до нёго, до брата.

Дополнительные вопросы:

1. узявъ, шкураный.
2. часъ.
3. фура.
4. шевській, людській.
6. говорити.
7. людей, людямъ, по людямъ.
8. на стілцяхъ.
9. зіля, весіля.
10. полемъ.
11. чисте, густе.
12. пытки, істочки, спаточки.
13. ходитъ.
14. клоча, житя.

35. С. Жорнища, Липовецкаго уѣзда, Кіевской губерніи.

1. поясъ, якый, рабый, сояшныкъ.
3. нучуваты, куваты, гудуваты.
4. мій, нисъ, сіль.
5. вышнёвый, конёві, Василёві, землёю, грушовый, бурою, квачомъ.
6. вікно, вогонь, вуголь, усы, вухо, вулыця, ораты, орелъ.
8. біда, мішокъ, стіна, камінь, пісокъ, відро.
10. волы, выла.
11. Іванъ, инчій.
12. мию.
13. гострый, быстрый.
14. выйду, выйму.
15. -й.
16. мнясо, мняты, соломняный, здоровля, люблю, роблятъ.
17. привізъ, купить, дивітця.
18. мижъ, ожередъ.
19. паламаръ.
20. рімный, кровный.
21. має буты, пасенкуваты.
22. рекрутъ, ярмарокъ.
23. слина, ожина.
24. черезъ.
25. на головці, на дорозі.
26. хлопець, молодець, шевцю молодыця.
27. лоша, лежатъ.
28. бура, Харко, базаръ, бондаръ.
30. ручиська.
31. козаченько, серденько, головочко, донечка.
32. вітре, сыну.
33. дочко, дытыно.
34. батькові, сынові, конёві.
35. водою, рукою.
36. дві руці, дві оці, дві слові.
37. кіпъ, бабъ, ломакъ.
38. чорни, біли.
39. чорною, білою.
40. чорни волы.
41. мені, мене, тебе, ёго, ёму, собі.
42. до нёго, зъ нею, зъ ными.
43. мою, твóю, мóму, моє корові.
45. пекты, берегты.
46. ходю, сыдю, пусцю, летю, просю, мусю.
47. плываю, ломаю.
49. бъєця, сподіваєтця.
50. ходытъ, робытъ, носытъ.
51. літає, збірає, рубає.
52. бъєця.
53. ходятъ, водятъ, роблятъ.
54. пыйте, лыйте.
55. буду ходыты.

56. казавъ, ходывъ, казалы.
58. то *бувъ* бы ходывъ.
59. на*н*яты, прий*н*яты.
60. де, ні*к*де, тоді.
61. *до*.

36. Богачевская волость, Звенигородскаго уѣзда, Кіевской губерніи.

1. поясъ, *р*абий.
3. ноч*у*вать, к*у*вать, куп*у*вать, гуд*у*вать, з*у*зуля.
4. л*и*й, н*и*съ, сі*л*ь.
5. вишн*е*вій, кон*е*мъ, земл*е*ю, душ*е*ю, грушовий.
6. *в*івця, *в*ікно, *в*огонь, *в*уголля, *в*уса, *в*ухо, горелъ.
8. бі*д*а, мі*ш*окъ, сті*н*а, кам*і*нь, пі*с*окъ, ві*д*ро.
10. *и*.
11. *І*ванъ, *и*нчий.
12. м*и*ю ложки.
13. двічи, тричи, гострый.
14. вийду, прийшовъ, прийму.
15. -*и*.
16. м*н*ясо, м*н*ять, соломн*я*ний, здоровья, безголовья.
17. привізъ, обідъ, куніть, дивитця.
18. мезъ, о*ж*ередъ, *ж*евріти.
19. паламаръ, *н*етяга.
20. рім*н*ий, крам*н*ий.
21. мабуть, пасин*к*увати.
22. ярмарокъ, *н*екрутъ, картопля.
23. сли*н*а, ожи*н*а, Мокри*н*а.
24. *ч*ерезъ, *ч*арувать.
25. на голови*ц*і, на дорозі.
26. хлопе*ц*ь, карбоване*ц*ь, молоді*ц*я, шеві*ц*ю.
27. ло*ж*а, ле*ж*ать, дер*ж*ать, ускочить.
28. бу*р*а, го*р*увать, Харко, бонда*р*ъ, база*р*ъ.
29. *та*.
30. руч*и*ська, ножи*с*ька, глин*и*ще, тупор*и*ще.
31. козаченько, рученько, своненька, доненька.
32. вітр*у*, син*у*.
33. дон*ю*, дитинонько.
34. батьк*ові*, син*ові*, кон*еві*.
35. водою, хатою.
36. дві руц*і*, дві хат*і*, три корові.
37. пять кіпъ, бабъ.
38. чорн*и*, біли, руд*и*.
39. -ою.
40. чорн*и* воли, біл*и* корови.
41. мині, тобі, мене, тебе, ёму, ёго, ій, собі.
42. до ёго, до *н*еі, зъ *н*ею, зъ *н*ими.
43. мою, твою, моєму.
44. ревти, гребти.
45. пек*ти*, берег*ти*.
46. ходю, сидю, пусту, лету, просю.
47. пливаю, ломаю.
48. стус*нути*.
49. бъєця.
50. ход*и*ть, роб*и*ть, прос*и*ть.
51. літає, рубає, збірає и збіра, ідє, несе.
52. бъєця.
53. ход*я*ть, вод*я*ть, нос*я*ть.
54. п*и*йте, л*и*йте.
55. ходывъ би *бувъ* до неі.
59. на*н*яты, прий*н*яти, перей*н*яти.
60. де, ніде, тоді.
61. *до*.

Дополнительные вопросы:

1. узявъ.
2. х*у*ра, шк*у*ра.
3. шевськ*и*й.

	И.	Р.	Д.	В.	З.	Т.	П.
7.	люди	-ей	-ямъ	какъ р.	-и	-дьми	-дей.
	гуси	-ей	—	—	—	-ьми	-сей.
	коні	-ей	—	—	—	-ьми	-ней.
	плечі	-ей	—	—	—	плечима	на плечахъ.

8. на брат*ахъ*, на стилц*яхъ*.
9. зі*ль*ля, весі*ль*ля.
10. полим*ъ*, им*ъ*.
12. *питки*, *істки*, *спатки*.
13. ход*іть*, роб*іть*.
    гуля*ча*, су*ча*.
    брат*я*.
    к*б*ха*ня*.

37. С. Трилѣсы, Чигиринскаго уѣзда, Кіевской губерніи.

1. поясъ, ялина, як*и*й.
3. ноч*у*вать, куп*у*вать, к*у*вать, году*у*вать.
4. лій, н*и*съ, сіль, д*и*лъ.
5. вышневий, коневі, конемъ, Василеві, грушовий, рожевий.
6. *в*ікно, *в*огонь, *в*уголь, *в*уса, *в*ухо, *в*улиця, орелъ, орать, одинъ.
7. неоддамъ.
8. бі́да, стіна, мі́шокъ, камень, пі́сокъ, відро.
10. *и*.
11. *и*ва, *И*ванъ, *и*нші́й.
12. м*и*ю.
13. двічи, тричи, третій, бистрий, гострий нижъ.
14. ви*й*ду, при*й*ду, ви*й*му.
15. *й*.
16. м*н*ясо, м*н*яти, соломяни, здоровья, безголовья.
17. привізъ, обідъ, купить, дивіця.
18. ми*ж*ъ, о*ж*ередъ, *ж*еврі́е.
19. паламаръ.
20. рі́вний, крамний.
21. мабуть, пасе*н*кують.
22. ярмарокъ, *н*екрутъ, картофля.
23. сли*н*а, ожи*н*а, Мокри*н*а.
24. *ч*ерезъ, *ч*арувать.
25. по дорозі.
26. хлопе*ць*, карбоване*ць*, шев*цю*.
27. ло*ш*а, дер*ж*ать.
28. говор*ю*, гор*ю*ваты, бондар*ь*, цар*ь*.
29. *та*.
30. удо*іще*, руч*ище*.
31. доне*чка*, серде*чко*, головочка.
32. сын*у*, вітре.
33. доне*чко*, дытино*чко*.
34. батьков*і*, сынов*і*.
35. хато*ю*.
36. дві руц*і*, три корові, дві слові, дві оц*і*.
37. пять баб*ъ*, пять кі́п*ъ*, ломак*ъ*.
38. чорн*ій*, бил*ий*, чорн*ый*.
39. чорно*ю*, білою, рудою.
40. чорн*ыі*, бил*ыі*.
41. мені, тебе, ёму, ёго, ій, собі.
42. до ёго, зъ н*ею*, зъ н*ыми*.
43. мою, мосму, мої, твої матери.

44. гребты, іты.
45. пекты.
46. ходю, сыдю, пустю.
47. плаваю, ламаю, плаваты, литаты.
48. брикнуты, стуснуты, плигнуты.
49. сподывались, бъсця.
50. ходыть, робыть.
51. збірає, рубає, іде, будеть, несеть.
52. бъсця, знаєця.
53. ходять, водять, роблять, люблять.
54. пыйте, лыйте.
55. ходитиму, робитиму.
56. казавъ.
57. ходивъ бувъ.
58. бувъ бы ты знавъ.
59. приняты.
60. де, нідé, тоді.
61. до.

38. Липецкая слобода, Харьковской губерніи.

1. Звукъ *я* безъ ударенія произносится во всѣхъ случаяхъ чисто.
2. Звукъ *о* безъ ударенія произносится правильно: морозъ, толокувати, окно.
3. *о* въ глагольномъ окончаніи *-овати* произносится какъ *у*: кувати, купувати, зузуля, годувати, ночувати, мордувати.
4. *о* произносится какъ острое *і*, со смягченіемъ слѣдующаго согласнаго звука: лій, нісъ, пістъ, тільки, сіль, дільъ.
5. *о* въ прилагательномъ и притяжательномъ, кончающихся на *-овий*, переходитъ въ *е*: вышневый, рожевий, грушевий; творительный падежъ мужскаго рода на *-емъ*, женскаго на *-ею*, дательный на *-еві*: вишневий, рожевий, грушевий, Василеві, засідателеві, коневі, квачемъ, Василемъ, світцемъ, землею, іжею.
6. Гласные *о* и *у* въ началѣ слова имѣютъ придыханіе *в*: вовця, вікно, відъ, вогонь, вуголь, водудъ или вудодъ.
7. Когда звуку *о* предшествуетъ гласный звукъ, то *о* не опускается, исключая немногихъ случаевъ: поббивати, подбивати, подривати, подчиняти. Но одновременно съ этою формой существуетъ другая, менѣе употребительная: повідривати, повідчиняти и т. д.
8. Звуки *ъ* или *е*, когда на нихъ опирается согласный звукъ, переходятъ въ *і*, хлівъ, бідний, стіна, пісни, відра, вимітати.
9. *е* безъ ударенія выговаривается за *и*: відписти, підмисти, прилити.
10. Звукъ *ы* выговаривается мягко, такъ-что составляетъ переходъ отъ *ы* къ *и*: ловити, ловили, бігали, надимили.
11. Звукъ *і* въ началѣ словъ выговаривается какъ *и*: Иванъ, инший, ива.
12. Въ глаголахъ, кончающихся на *-ити*, гдѣ *и* составляетъ часть корня, *и* удерживается во всѣхъ его измѣненіяхъ: рию, мию, нию.
13. Зукъ *й* ни въ какихъ словахъ не вставляется.

14. Звукъ *й*, образовавшійся изъ *і* въ глаголахъ сложныхъ отъ *-іти, -імати*, не выпускается: ви*й*ду, при*й*ду, при*й*му, ви*й*му.
15. Въ окончаніяхъ прилагательныхъ *й* не выпускается: бі*л*ий, чорни*й*, брави*й*.
16. Когда губные предшествуютъ смягченнымъ гласнымъ, то принимаютъ вставку послѣ *в*—*ь* и *л*: ло*в*ля*т*ь, забав*л*яющця, въя*л*ий, безголо*в*ья, здоро*в*ья; послѣ *б*—*л* и *ь*: лю*б*ля*т*ь, ро*б*ля*т*ь, голу*б*ля*т*ь, горо*б*ья, коро*б*ьяка, кара*б*ель; послѣ *м*—*н*: *м*нясо, *м*някий, соло*м*ня*н*ий, кам*н*я*н*ий.
17. При стѣченіи губнаго согласнаго звука, *і* съ *й* и *л* не вставляется: візъ, мізокъ, міняти, любіть.
18. *ж* въ *з* не переходитъ: о*ж*ередъ, ме*ж*ъ, *ж*евріти.
19. *н* очень рѣдко переходитъ въ *л*: па*л*амарь, но *н*етяга, *н*евіхна.
20. *в* въ *м* переходитъ: рі*м*ний, кі*м*ната, кра*м*ниця; но говорится и рі*в*ний, кі*в*ната, кра*в*ниця.
21. *м* въ *н* переходитъ, но въ очень немногихъ словахъ: пасе*н*кувати, *н*абудь.
22. Въ словахъ, заимствованныхъ изъ чужихъ языковъ, звукъ *р* переходитъ въ *л* и *н*: ярма*л*окъ, *л*ейстровой, *н*екрутъ.
23. Въ словахъ, оканчивающихся на *-на*, *н* не смягчается: сли*н*а, ожи*н*а, десяти*н*а.
24. *к* вмѣсто *ч* не удерживается: *ч*ерезъ, *ч*арувати.
25. *г*, *к* и *х* въ склоненіяхъ измѣняются въ *з*, *ц* и *с*: дорога—дорозі, хатка—у хат*ц*і, блоха—блос*і*.
26. Звукъ *ц* смягчается: хлопе*ць*, карбоване*ць*, крав*ці*, пьяни*ці*, шев*цю*, молоди*ця*.
27. Шипящіе звуки: *ж*, *ч*, *ш*, смягчаются: ло*шя*, ле*жя*ть, уско*чя*ть.
28. Звукъ *р* смягчается вполнѣ: бу*ря*, го*рю*вати, Хар*ько*, цар*ь*, бондар*ь*, базар*ь*, самовар*ь*, сахар*ь*.
29. Союзы *та*, *то*, *такъ*, такъ и произносятся.
30. Увеличительныя формы образуются чрезъ прибавленіе окончанія *-ище*: хатище, мам*ище*, город*ище*, а иногда чрезъ прибавленіе окончанія *-ака* и *-яка*: тушяка, возяка, хамутяка и проч. (эта послѣдняя форма употребляется рѣже предыдущей).
31. Уменьшительныя образуются чрезъ прибавленіе окончаній *-онько* и *-енько*, и *-очко* и *ечко*—для мужескаго и средняго рода, *-онька*, *-енька*, *-очка* и *ечка*—для женскаго: бат*енько*, тест*енько*, пан*ечко*, пан*очко*, пан*онько*; доч*ечка*, дон*енька*, руч*енька*, слов*ечко*, слов*онько*. Болѣе употребительна, впрочемъ, форма на *-очко* и *-ечко*. Употребляется еще, хотя очень рѣдко, третья форма уменьшительная для мужескаго и средняго рода, на *-ець*—для мужскаго и на *-це*—для средняго: хамут*ець*, камін*ець*, корова*ець*, пер*це*, золот*це*, гніздце, ребер*це*.

32. Звательный падежъ образуется чрезъ окончаніе *-у*, для мужескаго рода: товарищ*у*, син*у*, синочк*у*.
33. Отъ уменьшительнаго женскаго звательный падежъ образуется чрезъ замѣну окончанія звукомъ *-о*: матінк*о*, доленьк*о*, головоньк*о*.
34. Дательный падежъ мужескаго рода для всѣхъ именъ существительныхъ, кончающихся на *-ъ*, оканчивается на *-овi*, а для именъ существительныхъ, кончающихся на *-ъ* и *-й*, кончается на *-евi*: Иван*овi*, стол*овi*, собачк*овi*, кон*евi*, дурба*евi*, карабл*евi*.
35. Творительный падежъ женскаго рода оканчивается на *-ою* и *-єю*: рук*ою*, макітр*ою*, змі*єю*.
36. Форма двойственнаго числа сохранилась: дві, три дорозі, дві руці, чотирі десятині, три кобилі.
37. Родительный падежъ множественнаго числа женскаго и средняго рода образуется двояко: а) оканчивается на *-ъ* и б) прибавляетъ къ окончанію *-въ*: кіпъ, болітъ, собакъ, коп*івъ*, болот*івъ*, подушн*ивъ*.
38. Дательный и предложный падежи образуются двояко: на *ій*: а) бі*лій*, ру*дій*, чорн*ій*; б) на *-і*: чорні, білі, руді.
39. Творительный падежъ прилагательныхъ женскаго рода кончается на *-ою*: бідн*ою*, дорог*ою*.
40. Окончаніе именъ прилагательныхъ именительнаго падежа множественнаго числа на *-і*: чорні, білі, руді, гарні.
41. Личныя мѣстоименія въ дательномъ и винительномъ падежѣ не сокращаются: мені, мене, тобі, тебе, ёму, ёго и т. д.
42. Въ косвенныхъ падежахъ личныхъ мѣстоименій въ 3-мъ лицѣ, послѣ предлоговъ вставляются для благозвучія *н*: *до н*его, съ *н*имъ, за *н*ими.
43. Притяжательныя мѣстоименія сокращаются только въ родительномъ и винительномъ падежахъ мужескаго рода единственнаго числа: мою, твою, свою и въ дательномъ женскаго рода: моі, твоі, своі; но одновременно съ этою формой существуетъ и другая: моій, твоій, своій.
44. Предъ окончаніемъ неопредѣленнаго наклоненія въ глаголахъ, корень которыхъ оканчивается на согласный звукъ, *о* не вставляется.
45. Окончаніе неопредѣленнаго наклоненія на *-ти*: пек*ти*, берег*ти*, а не печи, берегчи.
46. Въ спряженіи *д*, *т*, *с* не измѣняются: ход*ю*, сид*ю*, пуст*ю*, лет*ю*, прос*ю*; говорятъ, впрочемъ, хотя очень рѣдко: хо*жу*, си*жу*, ле*чу*, пу*щу*, про*шу*, (*д* переходитъ въ *ж*, *т* въ *ч*, *с* въ *ш*).
47. Глаголы *плавати*, *ламати* спрягаются правильно: плав*аю*, лам*аю*, плаваімъ, ламаімъ.
48. Однократный видъ образуется чрезъ прибавленіе къ корню окончанія *-нути*

и *-онути*: бухнуты и бух*онути*, стуснуты и стус*онути*, кликнути и кли*конути*, крикнути и крик*онути*, чвохнути.

49. Частица *ся* въ глаголахъ возвратной формы не отдѣляется: бьеци*ся*, сердци*ся* или бъемо*ся*, сподівасмо*ся*, бъсмо*ся*, сподівасмо*ся*, бъюци*ся*, сподіваюци*ся*.
50. Въ глаголахъ, кончащихся въ неопредѣленномъ наклоненіи на *-ити*, 3-е лицо единственнаго числа кончается на *-е*: хор*е*, прос*е*, роб*е*.
51. Третье лицо единственнаго числа въ глаголахъ, кончащихся въ неопредѣленномъ наклоненіи на *-ати*, кончается на *-ає*: лит*ає*, руб*ає*, біг*ає*, кох*ає*, но иногда *е* отбрасывается: біг*а*, руб*а*, кох*а*.
52. Въ возвратной формѣ глаголовъ *тс* переходитъ въ *ци* (со смягченіемъ въ *ціц*): кохає*ціцця*, трапляє*ціцця*, рубає*ціцця*; (*е* передъ *ц* выговаривается какъ *і*: кохаіцьця, трапляіцьця).
53. Третье лицо множественнаго числа въ глаголахъ, кончащихся на *-ити*, оканчивается на *-ять*: ход*ять*, нос*ять*, робл*ять*, вод*ять* но въ глаголахъ: „ходять, носять“, слышится иногда и *-ють*: ход*ють*, нос*ють*.
54. Въ глаголахъ: *пити*, *лити*, *бити*, *вити*, повелительное наклоненіе множественнаго числа: *бійте*, *лійте*, п*ійте*.
55. Форма будущаго времени — сложная изъ неопредѣленнаго наклоненія и глагола *ім*у: я ходит*иму*, ти ходити*меш*ъ, вінъ ходит*име*.
56. Форма прошедшаго времени, сложная съ вспомогательнымъ глаголомъ, не употребляется.
57. Форма прошедшаго времени, сложная съ прошедшимъ временемъ того же вспомогательнаго глагола, неупотребительна.
58. Форма условнаго наклоненія съ глаголомъ *быть* употребляется: ходивъ би *бувъ*, знавъ би *бувъ*, робивъ би *бувъ*.
59. Отъ глагола *яти* глаголы образуются чрезъ вставку *н*, съ предлогами впереди: прийняти, перейняти.
60. Въ нарѣчіи *де* и сложныхъ съ нимъ *г* не удерживается: *де*, *ніде*, *тоді*, *иноді*.
61. Изъ однозначащихъ предлоговъ *къ* и *до*, послѣдній употребляется исключительно; предлогъ же *къ* совсѣмъ не употребляется.

Кромѣ этого, въ здѣшнемъ говорѣ винительный падежъ множественнаго числа одушевленныхъ предметовъ сходенъ съ именительнымъ: „спить сова та й кури баче; на весіллі кури бьють, погнавъ коні; батько побивъ свої діти“.

Употребительныя слова:

агетъ — мотъ, мошенникъ; дается это названіе несправедливымъ людямъ.

бела біль — нитки, выбѣленныя для шитья.

бойкий — хорошій, красивый (а не разбитной, быстрый, какъ это слово употребляется обыкновенно).

бреусъ—человѣкъ большаго роста, неуклюжій, неповоротливый
веренва—рядъ сноповъ въ одоньяхъ.
велижирувати—роскошувати, жить по-барски.
вилюдніти—возмужать, вырости.
гала-світа—пропасть безъ вѣсти (употребляется въ брани: „забіжи гала-світа“).
грипа—неповоротливый человѣкъ, толстая женщина.
городками—пришиваются чехлы къ рукавамъ или воротникъ къ рубахѣ зубчиками.
данъ—столбъ, стоянъ.
далдонъ—дуракъ, болванъ.
держакъ, держачокъ } ручка къ чему нибудь.
джолонка—дятелъ.
дудіти—много пить воды, или много сосать (дудить—сосетъ, пьетъ).
дранджоли, дранджоляти } салазки, полозьями для которыхъ служатъ двѣ доски, сбитыя между собой кольями.
жлоктіти—тоже что и дудіти.
знезнівки.
заєдно—постоянно, безпрестанно.
зорювати—спать на разсвѣтѣ, когда уже, рано вставши, поработали.
иста—капиталъ, свои деньги, въ отличіе отъ барыша, процентовъ.
карність—казнь, обида, наказаніе, наруганіе.
камилики—обрѣзки кожи, которые идутъ на подборы.
коломазь—возовой деготь, смола.
клевцуръ—тоже что бреусъ.
кравеція—запутанность, кутерьма.
кенді—валенки, валеныя калоши (въ насмѣшку называютъ большіе сапоги).
кипа—притика, неповоротливый человѣкъ, толстая женщина: „оце ще кипа сидить“.
клепачъ—толстая палка, четверти въ три длиною, которую сапожники кладутъ на колѣни, когда шьютъ.
красна-дівка—радуга.
кряжъ—спинной хребетъ, древесный столбъ цилиндрической формы.
кряжувати—обдѣлывать дерево цилиндрами.
левенець—тоже что бреусъ, клевцуръ.
лікомъ—немного, какъ будто счетомъ дано: „въ церкві було лікомъ людцівъ“.
лётка—быстрый человѣкъ, или животное.
лихий—больной, нездоровый („лиха нога, палець“).

лютъ—длинный гвоздь, которымъ стягиваютъ „урванты“ на ободѣ колеса („щобъ ёго, або тебе лютъ турнувъ“).

мишкати, мишкувати — немного ѣсть, выбирая. Преимущественно говорится о скотѣ; также если скотъ выгнанъ на пастьбу, гдѣ настоящей „паши“ нѣтъ и гдѣ среди негодной травы изрѣдка попадается хорошая, то скотъ выбираетъ послѣднюю: „теперь скотина не ість, а мишкує“.

мерщенько—мерщій.

колеса на мазі, не на мазі — подмазанныя и неподмазанныя колеса.

осана—бранное слово, выражающее человѣка привязчиваго, придирчиваго, тоже что „оса“: „цуръ тобі, пекъ, осана“:

попразниця—попраздникъ.

притирокъ—перерѣзъ (вѣроятно, называется такъ потому, что сапожники затираютъ въ немъ квасъ).

пропасниця—лихорадка.

пистрякъ—родъ грибовъ.

пистрякъ у носі—сифилисъ.

ричка—главная скотница.

рутити—крѣпко спать (насмѣшливое слово).

тéршіть—кострика.

туша—„мовчить, якъ туша“; человѣкъ молчаливый, надутый.

трошки—нарѣчіе колич., склоняется; „съ трошка-та до багато, по трошку, трошкомъ“.

хляда—слякоть.

цапки—на дыбы; „кінь ставъ цапки“.

чвохнути—шлепнуть, гупнуть; употребляется—въ смыслѣ ударить.

шериквасъ—шерствасъ—перерѣзъ.

швидкати—спѣшить, ходить скоро: „Фириня накупивъ овець, а теперь и швидкає, и ріже, і соле“.

рахманний, рахманнельний — опрятный, тихій, скромный.

манушечка—малютка.

коротушечка—крохотка.

пухай—чучело, пугало.

рептухъ—объѣдало, толстый, неповоротливый.

ризницкій стовпець, или нова підошва — толстый, малаго роста, присадокъ.

кисло-окій
гнило-окій } съ больными глазами.
пріло-окій

прислатись — прислать старостовъ.

тирло — мѣсто на рѣчкѣ или на пруду, куда скотъ приходитъ пить воду, или бабы — брать воду.

Въ Липцахъ и окружныхъ селеніяхъ сыну или внуку прозвище (фамилія) употребляется въ среднемъ родѣ: „Иванъ Устеня“ вмѣсто Устенко; Фириня вмѣсто Фиря; Нейванчя вмѣсто Нейванъ; Клеванчя вмѣсто Клеваный.

39. М. Чернухи и село Свѣтличное, Лохвицкаго уѣзда, Полтавской губерніи.

Мѣстность, къ которой относятся отвѣты, есть м. Чернухи, находящееся въ юго-западной части Лохвицкаго уѣзда. Вмѣстѣ съ тѣмъ, помѣщены здѣсь, для сравненія, измѣненія Чернухскаго произношенія, замѣченныя въ с. Свѣтличномъ, находящемся въ 28 верстахъ отъ Чернухъ, въ томъ углу Лохвицкаго уѣзда, который соприкасается съ Пирятинскимъ и Прилуцкимъ уѣздами, верстахъ въ шести къ югу отъ мѣстечка Варвы. Помѣщенные здѣсь отвѣты въ обѣихъ мѣстностяхъ записаны изъ устъ народа. Отвѣты относятся вообще къ обѣимъ мѣстностямъ; въ тѣхъ же случаяхъ, когда Свѣтличанскій говоръ отличается отъ Чернухскаго, отличіе это обозначено.

Въ окружности м. Чернухъ говоръ вообще одинаковъ, кромѣ развѣ незначительныхъ измѣненій; рѣзкаго различія не замѣчено, такъ какъ здѣсь вездѣ сплошное населеніе Южно-Руссовъ.

И такъ, вотъ краткіе отвѣты на вопросы печатной программы, по порядку:

1. *я* безъ ударенія произносится какъ *я*.
2. *о* безъ ударенія произносится какъ о.
3. *о* какъ *у*. Но годувать, мордувать, ночувать, а не гудувать, мурдувать, нучувать; въ Свѣтличномъ говорятъ: зузуля.
4. Въ Чернухахъ *і* мягкое, но говорятъ: лиій, а не лій; въ Свѣтличномъ же — съ незначительною твердостью, среднее между *і* и *и* (т. е. среднее между Харьковско-Полтавскимъ и Нѣжинско-Переяславскимъ): въ селѣ Гнѣдинцахъ, находящемся верстахъ въ пяти къ востоку отъ Свѣтличнаго, говорятъ мягко *і*.
5. *о* какъ *е*: вишневий, коневі, также грушевий, бурею.
6. Иногда встрѣчается приставка *в*, а иногда нѣтъ: *в*івця, *в*ікно; но говорится: *од*ъ, а не *від*ъ: *од*дамъ, а не *від*дамъ, огонь, а не *в*огонь; предъ *у* не встрѣчается приставки: уголь, уси, ухо, улиця, а не *в*уголь и проч. Приставка предъ *о* рѣдко: гострий; но орелъ, орати. Говорится *у*додъ и *о*дудъ.

7. *о* иногда выпадаетъ, но не всегда: не дамъ, не дчиню, поббивать, но въ словахъ одного, орати и др. остается.
8. *е* всегда какъ *і*: бі́да, сті́на, бі́дний, сті́ни.
9. *е* безъ ударенія-какъ *е*, но не *ы*.
10. *ы* нѣтъ, а среднее между *ы* и *і*, именно *и*.
11. *і* какъ *и*: *и*ва, *и*шний; *І*вга, а не *И*вга.
12. *ы*: т. е. *и* не измѣняется въ *о*.
13. *й* не вставляется: двічі, тричі, гострий.
14. *и* не опускается, прийшовъ.
15. *й* не опускается: рудий.
16. Часто вставляется *н*: мнясо, мнята, соломняний, имня; иногда *ь*: здоровья, безголовья; иногда *л*: люблю, роблю.
17. *ь* не вставляется: обідъ, купіть.
18. *ж* въ *з* не переходитъ: ожередъ, жевріть.
19. *н* въ *л* иногда переходитъ, а иногда и нѣтъ: паламаръ, но нетяга.
20. *в* переходитъ иногда въ *м*: рімний.
21. *м* иногда переходитъ въ *н*, а иногда нѣтъ: мабуть, но пасинкувать; въ въ Чернухахъ—рунтать.
22. *р* иногда переходитъ въ *н* или *л*: некрутъ; но ярмарокъ, картопля. Въ нѣкоторыхъ селахъ въ окружности м. Чернухъ говорятъ: ярмалокъ, кантопля.
23. *и* не смягчается.
24. *ч* остается; но въ Свѣтличномъ говорятъ: черезъ и керезъ.
25. *г*, *к* и *х* измѣняются въ *з*, *ц*, *с*.
26. *ц* смягчается.
27. *ж*, *ч*, *ш* смягчаются.
28. Въ Чернухахъ *р* мягкій не только предъ гласными (горювать), но также предъ согласными и въ окончаніяхъ царь, бондарь, Харько. Въ Свѣтличномъ же мягкость встрѣчается лишь предъ гласными.
29. Въ Чернухахъ *та*, *то*, *такъ*; въ Свѣтличномъ—*да*, *до*, *дакъ*.
30. Увеличительныя—*ище*, употребляются изрѣдка, особенно въ тѣхъ существительныхъ, которыми означается мѣстность, гдѣ что-нибудь было: церковище и т. п., съ ударенiемъ на *и*.
31. Уменьшительныя: мужескаго рода: *-енько*, *-онько* и *-ечко*, *-очко*; женскаго рода *-енька*, *-онька*, *-ечка*, *-очки*; средняго рода *-енько*, *-ечко*. Но часто употребляются окончанія *-окъ*, *-очокъ*, *-очка*: вітерокъ, вітерочокъ, невісточка, садочокъ; вітронько не говорятъ; говорятъ: матінка, утінко, пятінка.
32. Звательный падежъ мужескаго рода встрѣчается на *-е* и на *-у*, а также *-ю*: вітре, сину, коню.

33. *о*, но не *у*; въ ласкательныхъ *-ю*: доню, мамуню, татусю.
34. Дательный *-ові*, *-єві*: батькові, коневі.
35. Творительный *-ою*, *-єю*: сокращенія *-ой* не замѣчено.
36. Говорится: двѣ руц*і*, три корові, двѣ хат*и*; два слов*а*; но двое очей, а не: двѣ оц*і* и не два ок*а*.
37. кіпъ, бабъ и т. п. Родительный множественнаго числа отъ *болото* употребляется рѣдко, а замѣняется родительнымъ единственнаго числа: богато болот*а*, а не: болітъ.
38. *-ій*.
39. *-ою*.
40. Въ Чернухахъ—*і* мягкое, въ Свѣтличномъ—средина между *і* и Южно-Русскимъ *и*.
41. не сокращаются.
42. Иногда вставляется *н*, а иногда нѣтъ: до ёго, къ ёму, зъ ними, зъ нею. Въ Свѣтличномъ также, исключая послѣдняго слова: съ єю, а не: зъ нею.
43. Сокращаются въ родительномъ: мою, твою; въ дательномъ нѣтъ: моєму, моій, твоій.
44. *с* не вставляется.
45. Въ *-чи* не переходитъ.
46. *д*, *т*, *о* переходятъ въ *дж*, *ч*, *ш*.
47. Говорится: плав*аю*, лам*аю*; но употребляется также лам*ню*; употребленія формъ: плив*ати*, плин*ути*, лом*ити* не замѣчено, а говорится иногда *пливти* (достигательная форма).
48. *-нути* и *-онути*: брик*нути* и брик*онути*. Послѣдняя форма, въ отличіе отъ первой, означаетъ однократное сильное дѣйствіе.
49. Не отдѣляется.
50. Въ Чернухахъ *-е*: ход*е*, роб*е*; въ Свѣтличномъ *-ить*.
51. *-ає*, *-а*, иногда *-аєть*, *-єть*; иногда *є* отбрасывается.
52. *-тся* переходитъ въ *-ция*.
53. *-ять*; въ Чернухахъ иногда, хотя рѣдко, *-ють*, а въ Свѣтличномъ только первое.
54. п*ийте*, б*ийте*, в*ийте*, л*ийте*; въ Свѣтличномъ послѣднее слово говорятъ двояко: л*ийте* и л*іть*.
55. Употребляется.
56. Не употребляется.
57. Изрѣдка употребляется.
58. Употребляется очень рѣдко. Форма эта чаще употребляется съ присовокупленіемъ условнаго союза *якъ* и съ перестановкою словъ, напримѣръ: *якъ* би*ти* *бувъ* знавъ.

59. Вставляется *н*: нанять.
60. *г* не удерживается.
61. *до* гораздо чаще употребляется, нежели *къ*.

Въ Чернухахъ и Свѣтличномъ, а также и въ окрестностяхъ ихъ, въ неопредѣленномъ наклоненіи глаголовъ, кончащихся на *-ти*, послѣднее *и* сокращается въ *ь*: ходи́ть, говори́ть, горювать, гулять а не: ходити и т. д.

Въ Чернухахъ говорятъ: *магай-бі*, а въ Свѣтличномъ: *помагай-бі*.

40. М. Пещана, Золотоношскаго уѣзда, Полтавской губерніи.

1. *я*кый, *я*лына, рябый.
3. ноч*у*вать, год*у*вать, к*у*вать, з*у*зуля.
4. лій, нісъ, сіль, дільъ.
5. коневі, батькові, грушовый, квачомъ.
6. уголь, *в*ікно, *в*івця, улыця, орелъ, удодъ, орать.
7. не *о*ддамъ (иногда пропускаютъ).
8. бі*д*а, мішокъ, сті*н*а, ка*м*ень, пісокъ, ві*д*ро.
10. воли, вила.
11. *и*ва, *и*ншій, *и*нколы.
13. двічи, тричи, гострий, бистрий.
14. вы*й*му, прый*д*у, прый*м*у.
15. *й*.
16. мясо, мнять, соломьяный, здоровья.
17. привізъ, обідъ, купітъ, дывіться.
18. мижъ, жевріе, ожередъ.
19. паламаръ, нетяга.
20. рімный, крамный.
21. мабудь, пасинкувать.
22. ярмарокъ, некрутъ, картопля.
23. слына, ожина, Мокрина.
24. черезъ, чарувать.
25. на головці, по дорозі.
26. хлопецъ, карбованецъ, молодыця, шевцю.
27. лошя, лежять, держять.
28. буря, горювать, Харко, царь, бондарь, говорю.
29. та.
30. ручище, убоіще, церковыще, млыновище, глыныще.
31. батенько, батечко, ручечка, матінка.
32. сыну, вітре.
34. батькові.
35. хатою, рукою.
36. двойственнаго нѣтъ.
37. болотівъ, ломакъ, ломаччя.
38. рудий, билій (не очень грубо).
39. білою, чорною, рудою.
40. чорні, білі.
41. мене.
42. ёго, до еі, зъ ними, до іхъ.
43. мого, моєму, моій.
44. ревты, гребты.
45. берегты, пекты.
46. хожу́, сижу́.
47. плавать, плаваю, ламаю, ламню.
48. плегнуть, убрыкнувъ (якъ ударить, а якъ не, то просто брикнувъ).
49. сподівались.
50. ходыть, робыть.
51. літає, збірає, рубає, іде, буде, несе.
52. трапляіця, знаіця, збірається.
53. ходять, носять, водять, роблять, люблять, ловлять.
54. пійте, быйте, лийте.
55. ходытиму, -мешъ, -ме.
56. казавъ, казали.

58. *бувъ* би ти знавъ.
59. нанять, принять, перенять.
60. де, ніде, тоді, іноді.
61. я иду *до* батькі.

41. М. Корсунь, Каневскаго уѣзда, Кіевской губерніи.

1. соняшникъ, поясъ, рябый.
3. вікно, ночувать, купувать, гудувать, зузуля.
4. нисъ, лий, тилко, силь, дилъ.
5. вишневий, Василеві, квачемъ.
6. вівця, вікно, огонь, уголь, ухо, улиця, одинъ, усы.
7. не оддамъ, не одчиню, поорать.
8. біда, мішокъ, стіна, камінь, пісокъ.
10. ходыли, быть, волы, выла.
11. ыва, Иванъ, ыншій.
12. рыє, мыє.
13. двічи, тричи, гострый.
14. выйду, прыйшовъ, прыйму.
15. билый, лысый, дужый.
16. мьясо, соломьяный, мьять.
17. обідъ, дивыться.
18. ожередъ.
19. паламаръ, невістка.
20. рівный, кімната.
21. мабуть.
22. ярмарокъ, картопля.
23. ожина, Мокрына.
24. черезъ.
25. по дорозі.
26. хлопецъ, карбованицъ, молодиця.
27. лежать, держать, лошя.
28. буря, горювати, Харко, царъ, бондарь, базарь, говорю.
29. да николи.
30. ручище, таборище, млыновище.
31. батычко, сонычко, ручонька, матінка, пъятінка.
32. не вій вітре, нема вітру.
33. дочко, донычко.
34. батькові, сынові.
36. дві руки, дві хати (въ дві руці — о полѣ).
37. пять бабъ.
40. били.
41. мені, мене, єму.
42. зъ нею, на ёму, до ёго, зъ ними.
43. моєму, маі.
44. гребти.
46. хожу, сижу.
47. плаваю, ломаю.
48. стусунуть, плыгнуть, (а плыгонуть нема).
49. бьется.
50. ходить, робить.
51. має.
52. знается, трапляется.
53. ходять, водять.
54. пыйте, лыйте.
55. буду ходить, ходитиму.
56. казавъ.
59. нанять, принять.
60. де, ніде.
61. до тебе.

42. М. Бѣлая-Церковь, Васильковскаго уѣзда, Кіевской губерніи.

1. який, поясъ.
3. купувать, гудувать.
4. сіль, нісъ, тилько.
5. вышневый, душею, грушовый, квачемъ, царові, ружевый.
6. вівця, вікно, улыця, усы.

7. не *о*ддамъ.
8. м*і*шокъ, б*і*да.
10. вол*ы*.
11. *ы*ва, *И*ванъ.
13. гострый (двічи не говорятъ, а говорятъ „два разы“).
14. вийду.
15. лис*ы*, дуж*ы*.
17. об*і*дъ.
19. палам*а*ръ.
20. комната (или свѣтлица, валькиръ).
21. майбуть (лыбонь), пасе*н*кувать.
22. ярмарокъ, рекрутъ.
23. слы*на*, Мокры*на*.
24. *ч*ерезъ.
25. на дорозі.
26. хлопе*ць*, шев*цю*.
27. ло*ша*, дер*жа*ть.
28. б*ура*, цар*ъ*, гор*у*вать.
29. *та*.
30. глыны*ще*.
31. головон*ька*, сон*ечко*, пъят*і*нька.
34. хат*ою*.
36. дві хат*ы*.
37. кіпъ.

43. Житомирскій уѣздъ, Волынской губерніи.

Грамматическая форма языка и произношеніе словъ сходны съ говоромъ смежнаго Украинскаго народа и подходятъ, въ произношеніи и слогѣ рѣчи, къ правильному Русскому языку, съ измѣненіемъ нѣкоторыхъ буквъ и съ перестановкою цѣлыхъ слоговъ (ладоня—долоня).

Въ названіяхъ и выраженіяхъ, означающихъ мѣстныя особенности окружающей природы, быта, обиталищъ, въ названіяхъ скота, птицъ, насѣкомыхъ, одежды, хозяйственныхъ вещей и проч., не встрѣчается разницы противъ такихъ же названій въ прочихъ мѣстахъ Югозападнаго края.

Въ отношеніи измѣненія буквъ и слоговъ въ народной рѣчи этой мѣстности замѣчается слѣдующее: буквы *о* и *ъ* въ именительномъ падежѣ, по большей части, выговариваются какъ *і*: к*і*нь, в*і*лъ, д*і*вка, хл*і*бъ, хр*і*нъ, м*і*сто, гн*і*здо; а въ началѣ словъ: *о* слышится какъ *ві*: *ві*нъ, *ві*кно, *ві*вця; этотъ же звукъ, въ лѣсныхъ мѣстахъ, смежныхъ съ Овручскимъ уѣздомъ, по подражанію къ Польскому нарѣчію, выговаривается какъ *ŷо*: *ŷо*нъ, к*ŷо*нь, в*ŷо*лъ, в*ŷо*на, в*ŷо*зьми.

о въ окончаніи глаголовъ *-оваты*, не измѣняется: к*о*ваты, ноч*о*ваты, и проч.

у и *ю* въ дательномъ падежѣ иногда замѣняется *-ові* или *-еві*: Иван*ові*, кон*еві*, а иногда сохраняются: Ивану, коню и проч. Но *ю* послѣ *р*, слышится какъ *у*: бондар*у*, господар*у* и т. д. Также послѣ *р*, *ъ* замѣняется звукомъ *г*: царъ, бондаръ. *е* предъ согласнымъ во множественномъ числѣ произносится какъ *і* или *и*: п*і*ски, в*і*дра, бр*і*вна, кр*и*сла.

ы въ произношеніи не измѣняется; имъ же замѣняется *и*: ходы*ли*, робы*ли*, гуля*ли*, спытъ, крычитъ; въ словахъ же, имѣющихъ двойное значеніе, удерживается *и*: до твоей во́л*и*, дай со́л*и*, нема до́л*и*. Въ другомъ значеніи этихъ словъ *и* произносится какъ *ы*: борщъ солы́, купы волы́, чарку долы́. Въ прилагательныхъ *й*

опускается только послѣ *ы*: билы, чорны, рябы; въ другихъ же произносится: твій, мій батько и проч.

ы въ глаголахъ, оканчивающихся на *-ыты*, и гдѣ оно составляетъ часть корня, — сохраняется: рыю, мыю, крыю и т. д.

ц въ окончаніяхъ предъ *а*, *у*, *ы*, *ъ*, всегда смягчается, наприм.: хлопець, молодыця, швець, заєць, конець, тельцю, вечерниці и проч.

т вообще не измѣняется.

Увеличительныя слова, а также означающія мѣстность, оканчиваются на *-ище* и *-ыще*: вовчище, хлопчище, козлыще, млыныще, огныще.

Уменьшительныя и ласкательныя оканчиваются на *-ечко*, *-очко*, *-ечка*, *-очка* и *-очокъ*: батечко, сонечко, сердечко, дочечка, голубочка, сыночокъ, шиночокъ, маточка, свекрушечка.

Звательный падежъ мужескаго рода оканчивается на *-у* и *-е*: сыну, пане, хлопче, чоловіче, Иване, а въ женскомъ родѣ на *-о* и *-ю*: жінко, доню. Личныя мѣстоименія въ дательномъ и винительномъ падежахъ не сокращаются: мині, тобі, тебе, ёго, єму, ій.

Въ косвенныхъ падежахъ мѣстоименія 3-го лица, послѣ предлоговъ, *н* не вставляется: до ёго, зъ єю, зъ імы. Предлогъ *къ* замѣняется предлогомъ *до*: *до* матери, выйду *до* церкви, вмѣсто: *къ* матери, *къ* церкви.

Съ глаголами будущаго времени произносится вспомогательный глаголъ, наприм.: *буду* орать, *будешъ* знать, вмѣсто: оратыму, знатымешъ. Прошедшее время: ходывъ, робывъ, произносится безъ добавленія *бувъ*.

Кромѣ того, можно указать на слѣдующія слова, могущія болѣе уяснить здѣшній народный говоръ: „де, нігде, тогді, иногді, наняты, приняты, не зробывъ бы, бувъ бы ты знавъ, казавъ, казалы (а не казалысьмо), пыйте, лыйте, носятъ, возятъ, люблятъ, ловлятъ, ходятъ, бьєця, лаєця, трапляется (случается), літає, збирає, буде (вмѣсто будетъ), стусонувъ, плыгнувъ, брыкнувъ, сежу, хожу, пущу, прошу, пекты, берегты, мого, твого“ и проч. Выговоръ и произношеніе словъ вообще отличаются растянутостью и полнотою.

44. Дударі, Каневскаго уѣзда, Кіевской губерніи.

1. якый, ялына, поясъ, рябый, сояшныкъ и соняшныкъ, вылягаты.
2. вона, ходывъ, морозъ, окно и вікно.
3. ночувать, куповать, кувать, гудувать, мурдувать, зозуля.
4. лий, нисъ, тільки, сіль, дилъ.
5. вышневый, коневі, конемъ, Василеві, землею, грушовый, рожевый, бурею, квачомъ, душею, іжею.
6. вівця и овечка, вікно и окно, огонь, уголь, одудъ, улиця, орелъ, орать, одынъ.
7. не оддамъ, не одчиню, поорать.
8. біда, мішокъ, стіна, камінь, пісокъ, відро.

9. какъ *е*.
10. мы, ходы*ли*, волы, вы*ла*.
11. *И*ванъ, *ы*ва.
12. рыю, мыю.
13. двічи, тричи, гострый, быстрый.
14. вы*й*ду, пры*й*шовъ, вы*й*му, пры*й*му.
15. руды*й*, білы*й*, лысы*й*, дужи*й*.
16. мьясо, соломьяный, мьять, здоровья, безголовья.
17. прывізъ, обідъ, купіть, дивіться.
18. ме*ж*ъ, о*ж*ередъ, *ж*евріть.
19. па*л*амаръ.
20. рі*в*ный, кі*м*ната, кра*м*ный.
21. *м*абуть, пасе*н*кувать.
22. ярмарокъ, *н*екрутъ, кортопля.
23. слы*на*, ожи*на*, Мокры*на*.
24. *ч*ерезъ, *ч*арувать.
25. по дорозі, голов*ц*і.
26. хлопе*ць*, молоде*ць*, карбоване*ць*, от*ця*, молод*ця*, шев*це*ві, и шев*цю* (рѣдко).
27. ло*шя*, ле*ж*ять, дер*ж*ять, уско*ч*ять.
28. бу*ря*, го*рю*вать, Ха*р*ко, ца*р*ъ, бонда*р*ъ, база*р*ъ, гово*ру* и гово*рю*.
29. *та* и *да*, *такъ* и *дакъ*.
30. руч*ище*, нос*ыще*, халяв*ыще*; церков*ыще*, млынов*ыще*.
31. козач*енько*, тест*онько*; брат*ічокъ*, дуб*очокъ*, півн*икъ*, кухл*икъ*, кавунч*икъ* и півн*ичокъ*, кухл*ичокъ*, кавунч*ичокъ*, огород*ець*, баштан*ець*, руч*енька*, дон*енька*, голов*онька*, колыс*очка*, голов*очка*, спідн*ичка*, крамн*ичка* (доска, на которой сапожники рѣжутъ кожи); дон*ечко*, серд*енько*, дыт*ятко* и дыт*яточко*.
32. сын*у*, вітр*е*.
33. донечк*о*, дытынонь*ко*.
34. батьк*ові*, сын*ові*, коне*ві*.
35. хат*ою*, вод*ою*, душ*ою*.
36. дві рук*и*, три коров*ы*, двоє оч*ей*.
37. кіпъ, бабъ, ломакъ, балокъ.
38. чорн*ий*, біл*ий*, руд*ий*, но чаще: чорн*и*, біл*и*, руд*и*.
39. -*ою*.
40. чорн*и*, біл*и*, руд*и*.
41. мені, мене, тобі, тебе, ёму, ёго, іі, собі.
42. мого, твого; моєму, твоєму, мої, твої.
44. ревты, гребты, иты.
45. пек*ты*, берег*ты*.
46. хо*ж*у, си*ж*у, пу*щ*у, про*ш*у, а равно, хо*дж*у, си*дж*у.
47. плав*аю*, лам*аю*.
48. брык*нуть*, блы́с*нуть*, плы*гнуть*.
49. бъєт*ця*, мы не сподівалы*ся*.
50. ход*ыть*, роб*ыть*, нос*ыть*.
51. літ*ає*, збір*ає*, руб*ає* и літ*а*, збір*а*, руб*а*.
52. бьє*тця*, знає*тця*, трапляє*тця*.
53. ход*ять*, вод*ять*, нос*ять*.
54. пы*йте*, бы*йте*, лы*йте*.
55. ходыт*ыму*, ходыт*ымешъ* и т. д.
56. я казавъ, ты казавъ и т. д.
58. ходывъ бы *бувъ* бувъ, бы ты знавъ.
59. най*н*ять, прый*н*ять, перей*н*ять.
60. де, нігде, тоді, иноді.
61. *до*.

45. Любаръ, Новградъ-Волынскаго уѣзда, Волынской губерніи.

1. *я*лына, поясъ.
2. куп*у*ваты, год*у*ваты, ноч*у*ваты.
4. н*и*съ, л*и*й, т*и*льки, сіль, д*и*лъ.
5. Васил*ё*ві.
6. *в*ухо, *в*усы, *в*улыця, орелъ.
7. *о*ддамъ.

8. мішокъ, біда, стіна.
9. мині.
10. ходыли, ми.
11. ыва, Іванъ.
12. рыю, мыю.
13. третій.
14. выйду, выйму.
15. -ый.
16. мьясо, соломьяна.
17. дывиться, купитъ, візмітъ.
18. озередъ, зявріс, межъ.
19. паламаръ.
20. рівный, кімната.
21. майбуть.
22. ярмарокъ, рекрутъ, картопля.
23. слына, ожина.
25. матиі, головиі, дорозі.
26. хлопець, молодець.
27. лоша, лежать.
28. бура, горуваты, говору, бондаръ, царъ.
29. та.
31. сонечко.
32. сыну, вітре.
33. доню, дытынонько.
34. коневі, батькові, хлощеві, зятеві.
36. дві руці, три коровы, дві хаті, дві вівці.
37. кіпъ, ломакъ, бабъ.
40. чорни, били, руди.
41. мені, мене, тобі, тебе.
42. до него, до ней, на нему.
43. мою,твою, мому, мої, твої.
45. пекты, берегты, гоны весломъ= гребы.
46. ходжу, сыджу, пушу, лечу, прошу, мушу.
47. плываты, плываю, ламаю.
48. плыгнуть, крыкнуть.
49. сподівається, бьється.
50. ходыть, робыть.
51. літає, збірає, плює, іде, несе.
52. бъється, знається, трапляється.
53. косять, носять, просять.
54. выпыйте, вылыйте.
55. ходытыму, ходытыме, носытыме.
59. найняты, прыйняты, переняты.
60. де, нігде, тоді.
61. до Ивана.

46. Варваровская волость, Заславскаго уѣзда, Волынской губерніи.

1. поясъ, ялына.
3. нучуваты, купуваты, гудуваты, мордуваты.
4. лий, нисъ, сіль, тільки.
5. вишнёвый садокъ, коневі, Василеві, грушовый, рожовый.
6. вікно, огонь, угілле, ухо, вуса, гораты, іденъ, горелъ, гулыця.
8. біда, мішокъ, хлівъ, стіна, пісокъ, відра.
9. е.
10. ми, ходылы, быты, выла.
11. гива, Іванъ, гиншій.
12. мыю.
13. быстрый, гострый.
14. выйду, выйму, прыйму.
15. быстрый.
16. мнясо, мьяты, соломняный, здоровье, безголовье.
17. привізъ, обідъ, купить, ходить, дивиться.
18. озередъ, помежи возами.
19. паламаръ.
20. рімный, крамный.

21. пасенкуваты.
22. ярмарокъ, картопля, некрутъ.
23. слина, Мокрина, ожина.
24. чаруваты, черезъ.
25. на головці, по дорозі.
26. хлопець, молодець.
27. бура, горуваты, Харко, царъ, бондаръ, базаръ.
28. лоша, лежать, держать, ускочать.
29. та йди хутній.
30. ручисько, ножисько, убоісько.
31. козаченько, вітронько, рученька, сваненька, доненька, головонько и голивочка, батенько, сонечко.
32. повій вітре, иди сыну.
33. дону, дытынонько.
34. батькові, сынові.
35. душею, рукою.
36. дві слові, дві руці.
37. кінъ.
38. чорный.
39. білою.
40. чорни, руди, біли.
41. мыні, тыбі.
42. ёго, ёму, ій, зъ нымъ, до ёго, зъ нею, зъ нымы.
43. мого, мої, твої, моєму, мої.
44. ревты.
45. пыкты, бырегты.
46. ходжу, седжу.
47. плываю, ломаю, ломыты, поплыты.
49. вінъ бьеция.
50. ходытъ, робытъ.
51. лае, знае.
52. бьеция, попадаеция.
53. родыть, ходыть, роблять, ходять, (повелительное ходіть).
54. ныйты (пыйте), лыйте.
55. буду робыты.
56. казавъ.
58. бувъ бы знавъ.
59. наняты.
60. де, ніде, тоді.
61. до.

47. Верховъ, Острожскаго уѣзда, Волынской губерніи.

1. поясъ, якый.
3. ночуваты, купуваты, гудуваты, зозуля.
4. лый, нисъ, силь, тилькы.
5. вишнёвый, коневі, батькові.
6. окно, ораты, ухо, гулыця, уголь, уса, орелъ.
8. біда, мішокъ.
9. матері.
10. ходыли, мы, быти, была.
11. ива, Іванъ.
12. мыю.
13. бистрый, гострый.
14. выйду, выйму, прыйму.
15. лысий, білый, чорний, рудий.
16. мнясо, мняты, соломяный, здоровья, безголовья.
17. привізъ, обідъ, купітъ, дивиться.
18. межъ, озередъ, жаріе.
19. паламаръ.
20. рімный, крамный.
21. пасенкуваты.
22. ярмарокъ, рекрутъ, картопля.
23. слына, ожина, Мокреня, Марина.
24. черезъ, чаруваты.
25. на головці, по дорозі.
26. хлопець, молодець, карбованець.
27. лоша, лежать, держать.
28. бура, горуваты, бондарь, царъ.

30. {увеличительныхъ
31. {уменьшительныхъ } нѣтъ.
32. повій, вітр*у*; иды, сын*е*.
34. батьк*ові*, сынов*і*, конев*і*.
35. душ*ою*, хат*ою*, вод*ою*.
36. дві рук*ы*, дві слов*ы*, дві хат*і*, дві слов*і*.
37. кіпъ, бабъ.
38. чорн*ий*, білий.
39. чорн*ою*, коров*ою*.
41. мені, мене, тобі, тебе, ёму.
42. до єго, съ єю, съ *н*имы.
43. ревты.
45. пек*ты* хлібъ, берегты.
46. ход*жу*, сы*дж*у, пу*щу*, ле*чу*, про*шу*.
47. плыва*ю*, лом*лю*.
48. фиц*нувъ*, стус*онувъ*.
49. бьется.
50. ходыть, робыть, носыть.
51. літає, збірає, рубає, знає.
52. бьеться, знається, трапляється.
53. ходять, роблять, носять.
54. лыйте, пыйте.
56. казавъ, ты казавъ, вінъ казавъ, мы, вы, воны казали.
59. най*ня*ты, прый*ня*ты, перей*ня*ты.
60. де, ніде, тоді.
61. *до*.

48. Село Ярославецъ, Дубенскаго уѣзда, Волынской губерніи.

1. поясъ.
2. окно, морозъ, ходывъ.
3. ноч*у*ваты, куп*у*ваты, год*у*ваты.
4. лый, н*и*съ, сіль.
5. вишнёвый, кон*е*вы, кон*е*мъ, Василёвы.
6. овця, овечка, гулыця, окно, огонь, уголле, гораты, орелъ, уса, уха.
7. не *о*ддамъ.
8. біда, мішокъ, хлівъ, ст*и*на, ведро, п*и*сокъ.
9. матері.
10. ход*и*лы, быты.
11. г*и*ва, *И*ванъ.
12. мыю, рыю.
14. выйду, выйму, прыйму.
15. лысый, чорний, злый, білый, рудый.
16. мьясо, мья (имя), здоровьє, безголовьє.
17. дывіться, купіть, обідъ, привізъ.
18. межъ, озередъ, зеврає.
19. паламаръ, *н*етяга.
20. рівный, крамный, комната.
21. пасенкуваты, мае буты.
22. ярмарокъ, рекрутъ, картопля.
23. слыня, ожина, Мокреня.
24. черезъ, чаруваты.
25. по дорозі, на головці.
26. карбованець, молодець.
27. лоша, лежать, держать.
28. бура, царъ, бондарг, базаръ, горуваты, Харко.
30. ручисько, церковыще, млыновыще.
31. козаченько, тестонько, рученька, сванонька, головонька, доненька.
32. повій вітре, иды сыну.
33. донечку, дытыночку.
34. батькови, сынови, коневи.
35. водою, душею.
36. дві рукы, дві очы, дві хаты, дві слови.
37. кіпъ, бабъ.
38. на рудий голові.
39. білою.
40. чорни, білы руки.
41. мыні, тобі, мене.
42. ёго, еі, съ нымъ, съ нею.

43. мого, мові.
44. гребты.
45. пекты, берегты.
46. седжу, ходжу, пущу, лечу.
47. плаваты, плаваю.
48. брыкнувъ.
49. вінъ бьется.
50. ходытъ, робытъ.
51. літає, несе.
52. бьется.
53. ходышь, робышь, роблятъ, ловлятъ, ходытъ, водытъ.
54. пыйте, пыты.
55. буду робыты и робытыму.
56. казавъ, робывъ.
58. кобъ бувъ знавъ.
59. наняты.
60. де, негде, тоді.
61. до.

49. С. Курное, Новоградволынскаго уѣзда, Волынской губерніи.

1. ялына, поясъ.
3. купувать, годувать, ночувать.
4. нісъ, лый, тилько, силь, дилъ.
5. Василеві, вышнёвый, конемъ, квачемъ, царові, грушовы, ружовы, іжою.
6. окно, одъ мене, улыця, еденъ.
7. не отдамъ.
8. мішокъ, камень, стіна, пісокъ.
9. Степанъ.
10. ходылы, быты, была.
11. ыва, Іванъ, ыншій.
12. рыю, мыю.
13. гострый.
14. выйду, прыйму.
15. білый, рудый, чорный.
16. мнясо, соломьяный, мняты, имья, безголовья.
17. привізъ, обідъ.
18. мыжъ, озередъ, звріе.
19. паламаръ.
20. рімный, крамный.
21. майбуть, пасынкуваты.
22. рекрутъ, лейеръ, ярмарокъ.
23. ожыны, Мокрена.
24. два разы, трейчи, черезъ.
25. по дорозі, у головці.
26. молодець, молодыця.
27. лоша, воны лежатъ.
28. бура, горуваты, царъ.
29. да.
30. млыновище, церковыще, табарисько, ручисько.
31. рученька, сонечко, берізка.
32. вітре; иду, сыну.
34. батькові, сынові.
35. хорою, водою.
36. дві рукы, дві окы, дві слові.
37. кіпъ, бабъ, ломакъ.
40. чорны, руды.
41. мені, мене, тобе.
42. до єго, до єі, на ёму, зъ імы.
43. твоёго, своёго, моєму, твоєму, своєму.
44. ревты, гребты, іты.
45. пекты, берегты.
46. ходжу, сыджу, пущу, лечу, прошу.
47. плаваю, ламаю.
48. плыгнуты.
50. ходыть, робыть, просыть.
51. літає, збірає, знає.
52. бьеця, знаєця, трапляєця.
53. ходять, водять, носять.
54. пыйте, лыйте.
55. ходытыму, буду ходыть.

56. я назавъ.
58. щобъ *бувъ* знавъ.
59. наняты, приняты.
60. де, нігде, тогді, иногді.
61. *до*.

50. Коростышевъ, Радомысльскаго уѣзда, Кіевской губерніи.

1. поясъ, *я*кый.
3. ночовать, годовать, зозуля, ковать.
4. лый, нысъ, *с*иль.
5. вишнёвый, коневі, конемъ, Васылеві, землею, грушовый, рожевый, квачемъ.
6. єдынъ, орать, орелъ, улыця, удодъ, уха, *в*усы, уголля, окно.
7. не *о*дчиню, не *о*ддамъ.
8. *бі*да, м*і*шокъ, ст*і*на, камень, дві в*і*дрі.
9. мат*е*рі.
10. *ми* ход*и*лы, вол*ы*.
11. *И*ванъ, *ы*вына.
12. м*ы*ю.
13. быстрый, гострый.
14. выйду, виму, приму.
15. рудый, чорный, сивый, білый.
16. м*ь*ясо, м*ь*ять, соломьяный, здоровьє, роблять, люблю.
17. дывіться, купіть, обідъ.
18. по межъ, озередъ, *ж*аріє.
19. паламаръ.
20. р*і*вный, крамный.
21. пасенкувать.
22. ярмарокъ, рекрутъ, картопля.
23. Мары*на*, елы*на*, ожи*на*, Мокры*на*.
24. чарувать, *ч*ерезъ.
25. на голов*ц*і, по дорозі.
26. карбованец*ь*, хлопец*ь*.
27. лош*а*, воны леж*а*ть на дворі.
28. бур*а*, царъ, бондаръ.
31. доненько, сонечко, ручк*а*.
32. вітре, сын*у*.
33. дытыночко.
34. батькові.
35. душею, хатою.
36. дві відрі, дві слові.
37. кіпъ.
38. білої руці.
39. билою рукою.
40. чорни бровы, білы руки.
41. мене, мині, ёму.
42. до ёго, до іі, зъ нымъ, зъ нею, зъ нымы.
43. мого, твого, моєі, твоєі.
44. ревты.
45. пекты, берегты.
46. ходжу, седжу, мушу.
47. ломлю, плываю, плывать.
48. брыкнувъ.
49. вінъ бьєця.
51. літає, збірає.
52. смієця.
53. вінъ ходыть, ходять, роблять.
54. пыть, быть, пыйте.
55. *буду* ходыть, *буду* робыть.
56. казавъ, робывъ.
58. якъ бы *бувъ* знавъ.
59. наняты.
60. де, негде, тоді.
61. *до*.

51. Гостомль, Кіевскаго уѣзда, Кіевской губерніи.

1. яки, поєсъ.
2. окно, морозъ.
3. ночовать, куповать, годовать, мордовать, зезуля.
4. лый, нисъ, силь.
5. вишнёвы, конемъ, Василю, грушовы, рожевы, квачемъ, душею, бурою.
6. окно, огонь, уголле, усы, ухо, удодъ, улыця.
7. не оддамъ.
8. бида, мішокъ, хливы, стена, камень, пісокъ, відро.
9. матці своій куплю.
10. ми, выла, волы.
11. Ива, Иванъ, инши.
12. мыю.
13. двічи, тречи, гостри, бистри.
14. выду, пришовъ, выму, приму.
15. руды, білы, лысы.
16. мьясо, мьяты, соломьяны, здоровьє, безголовьє.
17. мічъ, привізъ, обідъ, купліть, дивіться.
18. мижъ, озередъ.
19. паламаръ, нетяга, невіхна.
20. ривны, ковнаты, крамны.
21. майбуть, пасенкувать.
22. ярмалокъ, некрутъ, картопля.
23. Мокрина, слына, ожина.
24. черезъ, чарувать.
25. на дорозі.
26. хлопець, молодиця.
27. лоша, держать, лежать.
28. горевать, бондаръ, говору.
29. да йды сюды.
30. ручище, тоборище.
31. рученько, невіска, матюнко, пьятюнка, батечко.
32. вітре; иды, сыну.
33. дочко, дытино.
34. батьку, сыну.
35. хатою.
36. дві руці, три корові.
37. кипъ.
38. білый снігъ.
39. білою рукою.
40. білы руки, чорни, руды.
41. мині, тобі, ёму.
42. до ёго, зъ єю.
43. мого, моєму, моій.
44. гребты.
45. берегты.
46. ходжу, седжу, лечу.
47. пловать, пловаю, ломаю.
48. стусонувъ, брыкнувъ.
50. ходыть.
51. збірає, рубає.
52. бьєцця.
53. ходять, роблять, люблять.
54. пый, пыйте.
55. буду робить.
56. козавъ.
57. ходывъ.
58. ходывъ бы, робывъ бы.
59. нанять, принять.
60. де ты бувъ, негде, тогді, иногді.
61. до брата.

52. Борисполь, Переяславскаго уѣзда, Полтавской губерніи.

1. якій, поясъ.
2. ходивъ, морозъ, окно.
3. ночовати, купувать, ковать, годовать, зузуля.
4. лу̂ый, ну̂ысъ, ту̂ыльки, су̂ыль, голы̂увка.
5. вишнёвий, коню, конёмъ, Василю, грушовий, рожевый, квачемъ, душею, бурою.
6. окно, огонь, ухо, усы, улыця, орелъ, орать, одинъ, уголь.
7. не оддамъ, не дчиню.
8. беда, мешокъ, хлевы, стена, камень, песокъ, ведро.
10. волы, выла, ходылы.
11. Ива, Иванъ, иншій.
12. мыю, рыю.
13. двуы̂йчи, трейчи, гостры, быстры.
14. выйду, выйму, приму.
15. руды, білы, сіры, вороны, лысы.
16. мнясо, соломняны, мняты, здоровьє, безголовьє, люблю, роблять.
17. прывьізъ, обьідъ, дывліться.
18. мезъ, ожередъ, жевріє.
19. паламаръ, невістка (невіхна).
20. ру̂ымны, комната, крамны.
21. набудь, пасинкувати.
22. ярмалокъ, некрутъ, картопля.
23. слына, ожина, Мокрына.
24. керезъ, чаровници.
25. по дорозі.
26. хлопець, молодець, карбованець, отця, молодця.
27. лоша, лежять, ускочять.
28. бура, горовати, Харко, царъ, бондаръ, базаръ.
29. да, дакъ.
30. ручище, млыновыще, церковыще.
31. казаченько, тестонько, ручко, донька, головонька, батечько, сонечко, головочка, пъятюнка.
32. повій вітре, иди сыну.
33. донечко, дытыночко.
34. батьку, сыну, коню.
35. хатою, водою, душею.
36. дві руки, три коровы, дві хати, двоє очей, двоє слу̂ывъ.
37. пять ку̂ыпъ, пять бабъ, ломакъ, балокъ.
38. чорну̂ый, руду̂ый.
39. чорною, білою, рудою.
40. чорны волы, білы коні.
41. мені, мене, тобі.
42. до ёго, зъ нею, на ёму, зъ ными.
43. мого, твого, моєму, твоєму.
44. ревты, гребты, итты.
45. пекти, берегти.
46. ходжу, пущу, лечу, прошу, мушу.
47. плаваю, ламаю.
48. стусунуты, брыкне, глыгне.
49. бьється.
50. ходыть, робыть.
51. летає, збирає.
52. бьється.
53. ходять, водять, носять.
54. пьіть, льіть.
55. ходитиму, ходитимешь, ходитеме.
56. казавъ, ходывъ, робывъ.
59. найнять, принять, перейнять.
60. де, неде, тоді, иноді.
61. до.

53. Село Иванковъ, Переяславскаго уѣзда, Полтавской губерніи.

Начиная отъ Русанова (Черниговской губерніи, Остерскаго уѣзда), внизъ по теченію рѣки Трубежа до с. Остролучья, слышенъ говоръ твердый; на правой же сторонѣ этой рѣки такой говоръ слышенъ только въ Великой Старицѣ и Сеньковкѣ, отъ Остролучья на сѣверъ. На лѣвой сторонѣ р. Трубежа раскинуты селенія: Рудницкое, Лукьяновка, Лукаши, Круполе, Войтове, Пилипче, Недра, Корнѣевка, Березань, Дерновка, Баришевка, Волошановка, Селичевка, Бзовъ, Иванковъ, Скопци, Любарци, въ которыхъ говоръ почти во всемъ сходенъ съ Корнѣевскимъ и Иванковскимъ.

1. *я* произносится различно: *я*кый, вь*я*лына, *я*лына, по*я*съ, р*я*бый, пол*я*гъ, пол*і*гъ, пол*е*гъ, вы*л*ягъ, вы*л*ігъ, вы*л*егъ.
2. *во*на, х*о*дывъ, м*о*розъ, *о*кно, *во*кно; *и*кна—*вы*кна, ѝконъ—*вы*́конъ.
3. ноч*о*ваты и ноч*у*ваты, куп*у*ваты и куп*о*ваты, к*о*ваты и к*у*ваты, год*у*ваты, морд*о*ваты и морд*у*ваты и мурдуваты, зозуля и з*у*зуля.
4. какъ въ Нѣжинско-Переяславскомъ.
5. рож*е*вый, вышн*е*вый, груш*е*вый и груш*о*вый, душ*е*ю.
6. одъ, овечка, окно и *во*кно, огонь и *во*гонь, уголь, усы и *в*усы, ухо, удудъ, одынъ, орать, орелъ.
7. *о* опускается вездѣ.
8. б*і*да, м*і*шокъ, хл*і*въ, ст*і*на, кам*е*нь, п*і*сокъ, в*е*дро—в*і*дра.
9. *і* безъ ударенія произносится различно: такъ напримѣръ, говорятъ: сімн*є*, весіл*є*, трет*є*, гарн*е*, солодк*е*, чирвон*е*, хорош*е*, тел*я*, цуцен*я*, капосн*е*, гулянн*є*, пануванн*є*.
10. какъ на лѣвой сторонѣ Днѣпра.
11. *и*ва, *И*ванъ, *и*ншій, *и*нколи.
12. р*и*ю, м*и*ю.
13. двічи, тречи, третій, гострий, бистрий.
14. *в*иду и ви*й*ду, пришовъ и при*й*шовъ, виму и ви*й*му.
15. не опускается.
16. м*н*ясо, м*н*ять, солом*н*яний и м*ь*ясо, м*ь*ять, солом*ь*яний, здоровь*є*, безголовь*є*, им*н*я (а чаще ме*нн*я), люб*л*ю, роб*л*ять, кораб*л*я.
17. мечъ, привізъ, обідъ, купіть и куп*л*іть, дивіться и див*л*іться.
18. *ж* въ *з* не переходитъ.
19. па*л*амаръ, *н*евіхна, *н*етяга, ко*л*опні и па*н*амаръ, *л*евіхна, ко*н*оплі.
20. ри*в*ний, кра*м*ний.
21. *н*абуть и *м*абуть, пасин*к*увать и пасем*к*овать.
22. ярма*р*окъ, ярма*л*окъ и ярма*н*окъ, *н*екрутъ и *р*екрутъ, *л*ейстровий.
23. ожи*на*, Мокри*на*, сли*на* и сли*ня*.

24. двічи, тречи, черезъ и керезъ, чарувать и чаровать.
25. дорозі, неньці, собаці, на версі.
26. смягчается.
27. лежать и лежять, держать и держять, вискочать и вискочять.
28. *р* преимущественно выговаривается твердо.
29. *да, до, дакъ.*
30. коні*ще*, кобил*ище* и конячище, кобилячище; очеретюка, очеретяка, чоботище, чоботяки, чоботюки, чортяка, чортюка.
31. козаченько, соколикъ—соколику, соколочокъ—соколочку; татонько—татоньку, татусь — татусю, таточокъ—таточку; ненька—ненько, матусенька—матусенько, матінка—матінко; сестриця—сестрице, сестричка—сестричко; синъ—сину, синокъ—синку, синочокъ—синочку, синонько—синоньку; вітру—вітронько; дочка—дочко, доня—доню, донька—донько, донечка—донечко; дитина—дитино, дитинонька—дитиноньку, дитинка—дитинко, дитяточко—дитяточко.
32 и 33 отвѣты въ 31-мъ пунктѣ.
34. чоловіку, півню.
35. хатою, душею, свинею, собакою.
36. дві свині, дві руці, дві ноз*і*, дві хат*і*, дві корові.
37. собакъ, свиней; бабъ, бабей и бабивъ, жонокъ, перъ, коривъ, берізъ, иконъ, печей.
38. рудий свині, сивий кобилі, чирвоний корові.
39. рудою, білою, синёю.
40. руди, біли.
41. мені, мене, тобі, тебе и т, д.
42. до ёго, при ёму, зъ нимъ, зъ нею, у неї и у єї и т. д.
43. Мѣстоименія притяжательныя: мій, твій, свій склоняются слѣдующимъ образомъ:

И. мій, твій, свій.
Р. твого, свого.
Д. моєму, твоєму, своєму.
(мойму), (твойму), (свойму).
В. мого, твого, свого.
Т. моїмъ, твоїмъ, своїмъ.
П. про мого, про твого, про свого.

44. ревти, гребти, ити.
45. Окончаніе неопредѣленнаго наклоненія въ *-чы* никогда не переходитъ.
46. ходжу, лажу, сиджу, прошу, брешу, лечу, свищу, лижу.
47. плавать—плаваю, плавлю; ламать—ламаю, ламлю, ламню.